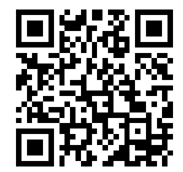

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ М. КАТКОВЫМЪ.

ТОМЪ СТО ВОСЬМОЙ.

1873

НОЯБРЬ

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

О ПОДПИСКѢ

на

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1874 году стóитъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ, безъ доставки, ПЯТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ 50 КОП., съ доставкой на домъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ ШЕСТНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи СЕМНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 8 р., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р. 50 k., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 4 р., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р. 25 к.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Большой Дмитровкѣ, и въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ; въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Иногородные адресуются ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ. Служащимъ можетъ быть дѣлаема разсрочка, за ручательствомъ казначеевъ или начальства.

За заграничную доставку слѣдуетъ высылать кредитными рублями или въ векселяхъ на Москву, или на Петербургъ, по слѣдующему разчету:

	Р.	К.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	18	—
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію.	19	—
Въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію.	20	50
Въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты.	21	60

Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

О ПОДПИСКѢ

НА

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ

1874 года.

Въ прошломъ году, несмотря на увеличившуюся дороговизну труда и всѣхъ предметовъ сопряженныхъ съ изданіемъ, заставившую почти всѣ газеты поднять подписную цѣну, мы рѣшились держаться прежней цѣны, но имѣя въ виду съ наступающимъ годомъ расширить размѣры текста нашей газеты, усилить ея способы и придать ей болѣе разнообразія, такъ чтобъ она не оставалась, какъ была доселѣ, только политическимъ изданіемъ, а приняла также литературный характеръ, мы находимся вынужденными нѣсколько измѣнить условія подписки.

Московскія Вѣдомости будутъ выходить въ 1874 году ежедневно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за табельными праздниками которые придутся на недѣлѣ, причемъ, въ случаѣ полученія важныхъ новостей, послѣднія сообщаются читателямъ въ табельные дни, особыми прибавленіями. По понедѣльникамъ (кромѣ слѣдующихъ за двумя праздничными днями), будетъ издаваться, какъ и въ нынѣшнемъ году, полный листъ газеты, но безъ передовой статьи.

Въ 1874 году будетъ издаваться, три раза въ недѣлю и болѣе, смотря по надобности, особое прибавленіе для помѣщенія казенныхъ объявленій. Въ этомъ прибавленіи могутъ быть помѣщаемы и объявленія частныхъ лицъ, но текста газеты помѣщаемо не будетъ. Желающіе получать газету съ этими прибавленіями платятъ особо, какъ означено ниже.

Подписка принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи отъ городскихъ, и въ конторѣ редакціи отъ иногородныхъ и заграничныхъ подписчиковъ, на углу Большой Дмитровки и Страстнаго бульвара.

Подписныя цѣны за *Московскія Вѣдомости* будутъ на 1874 годъ слѣдующія:

ВЪ МОСКВѢ, БЕЗЪ ДОСТАВКИ:

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями:	
На 3 мѣсяца	3 р. 75 к.	На 3 мѣсяца	4 р. 50 к.
„ 6 мѣсяцевъ	7 „ 50 „	„ 6 мѣсяцевъ	8 „ 50 „
„ 12 „	13 „ — „	„ 12 „	15 „ — „

ВЪ МОСКВѢ, СЪ ДОСТАВКОЮ ЧРЕЗЪ РАЗНОЩИКОВЪ РЕДАКЦІИ, ВЪ БАНДЕРОЛЯХЪ И СЪ ПОЧТОВОЮ ПЕРЕСЫЛКОЙ ВО ВСѢ МѢСТА ИМПЕРІИ:

Безъ казенныхъ объявленій:		Съ казенными объявленіями: *	
На 3 мѣсяца	5 р. — k.	На 3 мѣсяца	5 р. 50 k.
„ 6 мѣсяцевъ	9 „ — „	„ 6 мѣсяцевъ	10 „ — „
„ 12 „	16 „ — „	„ 12 „	18 „ — „

Подписка въ Москвѣ съ доставкою чрезъ разнощиковъ редакціи на одинъ мѣсяцъ не принимается.

	БЕЗЪ КАЗЕННЫХЪ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	6 р. 50 k.	12 р. 50 k.	23 р.
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію. . .	7 „ 75 „	15 „ — „	28 „
Въ Англію, Данію, Швецію, Европейскую Турцію, Францію и Египетъ. .	9 „ — „	17 „ 50 „	33 „
Въ Испанію, Португалію, Норвегію, Грецію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты	10 „ 50 „	20 „ — „	38 „

	СЪ КАЗЕННЫМИ ОБЪЯВЛ.		
	На 3 мѣс.	На полг.	На годъ.
Въ государства Германскаго Почтоваго Союза	8 р. — k.	14 р. — k.	28 р.
Въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію. . .	10 „ — „	17 „ 50 „	35 „
Въ Англію, Данію, Швецію, Европейскую Турцію Францію и Египетъ. . .	11 „ 50 „	21 „ — „	42 „
Въ Испанію, Португалію, Норвегію, Грецію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты	13 „ — „	24 „ — „	48 „

Въ иностранныя государства выше не упомянутыя подписка принимается по предварительному соглашенію съ редакціей.

Священно- и церковно-служителямъ православнаго исповѣданія въ девяти западныхъ (Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской) и трехъ балтійскихъ (Курляндской, Лифляндской и Эстляндской) губерніяхъ редакція будетъ высылать свою газету за уменьшенную цѣну, а именно: въ годъ за 9 р., 6 мѣсяцевъ за 5 р. безъ казенныхъ объявленій, и 11 р. за годъ, 6 р. за 6 мѣсяцевъ съ казенными объявленіями.

Редакція проситъ иногородныхъ присылать адресы *четко* написанные, съ обозначеніемъ *ближайшей почтовой станціи, въ которой раздаются газеты подписчикамъ*, а при перемѣнѣ адреса прилагать 10 k. или почтовую марку въ ту же цѣну.

---

* Въ этихъ цѣнахъ заключаются слѣдующіе почтѣ 16% подписной цѣны (съ доставкою) и сверхъ того плата за бандероль и печатный адресъ.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. Катковымъ.

108

ТОМЪ СТО ВОСЬМОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°).
На Страстномъ бульварѣ.
1873.

[1.]

ЗЕМЦЫ И НѢМЦЫ*

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

— Нешто это свадьба была? Это самокрутка! Жидовскій мархешванъ какой-то! ворчливо говорилъ князь Родивонъ Зосимычъ, угрюмо сидя у столика съ шашками противъ Кречетова.—Эдакъ и Татарва не женится.

— Поспѣшили! Не терпѣлось! отвѣчалъ тихо Кречетовъ съ яснымъ, счастливымъ лицомъ.

— Гостей, пожалуй, не зови. Ихъ и звать неоткуда и некого въ нашей глуши. Одинъ Петруша Городищевъ нашелся, спасибо, по близости. Изъ Казани Мордву дворянскую, да ссыльныхъ всякихъ, я знамо къ себѣ не охотникъ пускать. А все жь долгъ былъ хоть всякое свадебное и вѣнчальное приданое сдѣлать, да выписать изъ столицы. Попраздновать да погулять, дать народу и на невѣсту съ женихомъ наглядѣться вдосталь. А это что̀ жь? Тяпъ да ляпъ—и женаты!... Объ утро чужіе, а въ ночь молодые, говорилъ князь капризно волнуясь.

— Что̀ дѣлать, Родивонъ Зосимычъ! Я самъ располагалъ тоже кой-кого изъ старыхъ пріятелей оповѣстить, хоть бы и не поѣхали издалеча, да честь-то предложена была бы. Да вѣдь нешто съ полковникомъ нашимъ столкуешь? А Милуша

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* № 8, 9 и 10й.

что̀? Ей бы только за вѣнцомъ Богу помолиться. Она мнѣ сказывала: благословите, батюшка, образомъ, да пусть отецъ Ареѳа помолится за меня поусердиѣе за вѣнчаньемъ, такъ и все слава Богу будетъ. Молиться, сказывала, тутъ слѣдъ, а не бѣситься. Оно може и правда. Такъ-то.

— Молитва молитвой, а обычай соблюдай. А это вотъ въ чужихъ краяхъ кто съ разными Турками да Нѣмками сживается, тотъ дѣдовы обычаи беретъ повадку не уваживать, да во всякомъ житейскомъ дѣлѣ на басурмановъ ладъ гнуть, сердился князь, и ударивъ шапкой по столу крикнулъ:—Да что̀ тутъ!... Говорю—мархешванъ, а не свадьба!

Такъ толковали въ сумерки стараки, сидя въ кабинетѣ князя, чрезъ недѣлю послѣ свадьбы Данилы и Милуши.

Во всемъ большомъ домѣ Азгара было мертво тихо. Азгарцы уже успѣли давно отдохнуть и отоспаться послѣ круто и скоро сыгранной свадьбы князиньки Данилы Родивоныча, но теперь послѣ гульбы и веселья всякій сталъ еще лѣнивѣе и скучнѣе, а кто и хворалъ еще съ похмѣлья.

Въ Михайловъ день открылся Данила Милушѣ въ любви своей и затѣмъ объяснился послѣ обѣдни съ отцомъ. На утро онъ уже съѣздилъ въ Ольгино и вернулся назадъ нареченнымъ, вмѣстѣ съ будущимъ тестемъ своимъ, а черезъ десять дней въ хоромахъ Азгарскихъ стоялъ дымъ коромысломъ.

Между церковью и хоромами гудѣлъ народъ по всей дорогѣ. Въ вечеру хоромы, садъ, роща, храмъ и все село сіяли отъ зажженныхъ семидесяти смоляныхъ бочекъ и отъ пяти сотень плошекъ и шкаликовъ. Дворня въ саду, на дворѣ и въ людской, а крестьянство на слободѣ ѣли и пили и липли какъ мухи къ выкаченнымъ бочкамъ съ брагой и съ виномъ, да спьяну валились какъ тараканы на морозѣ или жглись падая на плошки; а въ княжемъ домѣ шумѣли, бѣгали, толклись и сбирали поѣздъ молодыхъ въ Ольгино.

Гостей не было никого. Одинъ семнадцатилѣтній братъ Павла Городищева, Петя, былъ выписанъ изъ деревни въ дружки къ князю. Въ вечеру молодые въ большомъ возкѣ, въ шесть лошадей, выѣхали въ Ольгино, окруженные полусотней верховыхъ съ большими фонарями. Эти скачущіе фонари среди ночи, выдумка Данилы, смутили провинцію на разстояніи цѣлыхъ семидесяти верстъ. Около десяти верстъ провожали молодыхъ господа и дворня на восьми тройкахъ. Фима и

Петя Городищевъ уже влюбленные другъ въ друга до зарѣзу, а съ ними Кречетовъ и Кириловна, ѣхали въ саняхъ вслѣдъ за возкомъ молодыхъ, и на одиннадцатой верстѣ распростились и вернулись въ Азгаръ. И недолгое веселье кончилось.

Князь Родивонъ Зосимычъ всячески и напрасно просилъ сына не спѣшить свадьбой и дать всѣмъ, и семьѣ, и народу, вдоволь повеселиться въ приготовленіяхъ, и дождаться Ивана изъ Оренбурга, а равно дать время позвать кой-кого на свадьбу, а главное, выписать все необходимое изъ Москвы чтобы справить свадьбу по-княжески. Данила настоялъ на своемъ, потому что увидѣлъ что эдакъ свадьба отложится до весны.

— Все равно, батюшка. Мы на Святкахъ навеселимся.... А свадьбу нечего откладывать. А то раздумаю, шутилъ онъ полусеріозно.—Хуже будетъ!

Затѣмъ князь хотѣлъ отвести сыну половину дома съ особою прислугой, даже хоть съ особымъ столомъ, но Данила и на это не согласился и упрямо рѣшилъ уѣхать, хотя бы на первое время, въ Ольгино, гдѣ было всего трое человѣкъ прислуги въ домѣ.

Родивонъ Зосимычъ махнулъ рукой, разобидѣлся и только повторялъ во все время сборовъ, вѣнца, обѣда и отъѣзда:

— Это не княжая свадьба! Это жидовскій мархешванъ!

Уже недѣля прошла теперь со дня вѣнчанья, и въ домѣ было тихо и скучно. Дворнѣ было однако чѣмъ заняться. Въ саду сажень за сто отъ хоромъ, послѣ отъѣзда молодыхъ, съ шести часовъ утра и до вечера цѣлая куча рабочихъ стучала и шумѣла за спѣшною работой.

Князь придумалъ, чтобы выманить сына изъ Ольгина, передѣлать скорѣе заново отдѣльный небольшой флигель гдѣ жило двѣ семьи дворовыхъ и отдѣлать его всѣмъ купленнымъ въ Казани что̀ пришло на тридцати подводахъ. Нѣмецъ Шильде, выписанный изъ Казани, заправлялъ передѣлкой и отдѣлкой. Азгарцы ахали, какъ все мѣнялось во флигелѣ словно по щучьему велѣнью и уже прозвали его „Нѣмецкій домикъ“.

А молодые въ Ольгинѣ, въ маленькой и свѣтленькой усадьбѣ, были на седьмомъ небѣ. Въ этихъ горницахъ, гдѣ прошло дѣтство Милуши незатѣйливое, одинокое и мирное, съ ученымъ Кустовымъ, съ добрымъ, но вѣчно пыляющимъ отцомъ и съ беззубою Кириловной,—теперь наступила для нея иная

жизнь, о которой смутно мечтала она въ своихъ дѣвичьихъ грезахъ.

Милушѣ казалось что между ея дѣтствомъ, всѣмъ ея прошлымъ и этимъ настоящимъ легла пропасть. Будто колдовствомъ какимъ все измѣнилось. Иначе смотритъ она на весь міръ Божій, и иной, новый міръ Божій возстаетъ предъ ней. И все что существуетъ кругомъ и все что видитъ, слышитъ и чувствуетъ она сама—все заслонилось однимъ звукомъ, однимъ именемъ:

— Данило! Данилушка!

Въ этомъ имени, въ этомъ человѣкѣ все соединилось, слилось и воплотилось для нея.

Жизнь молодыхъ была однообразна и проста до нельзя и всякому показалась бы скучна кромѣ ихъ двухъ. Они каждый день гуляли, иногда катались въ саняхъ; въ вечеру Данило читалъ вновь присланныя изъ столицы книги.

Чаще онъ разказывалъ женѣ о своихъ кампаніяхъ, о Туркахъ, о Польшѣ, о Петербургѣ и дворѣ. Главное что поразило и смущало Милушу—было убійство офицера въ Петербургѣ.

— Какъ же такъ-то? говорила она, робко глядя въ глаза мужа и боясь сказать что ей этотъ пустой случай кажетъ страшнымъ. При разказѣ объ этомъ она обмерла, и при воспоминаніи о немъ ей щемило сердце всякій разъ.

— Это мнѣ такъ сдается по моему женскому разуму, утѣшала себя Милуша, но какъ сдается ей и что собственно ее смущаетъ въ этомъ приключеніи съ мужемъ, она не могла себѣ объяснить. Разказы Данилы о самомъ себѣ ее занимали разумѣется болѣе чѣмъ разказы про мѣста и лица.

Однажды князь описывалъ ей сраженіе при Ларгѣ. Милуша внимательно слушала раскрывъ свои большіе, добрые глаза. Князь вымолвилъ:

— Тутъ и начали насъ посылать ядрами.

— Кто жь сылалъ? прервала она.

— Непріятель по насъ изъ пушекъ своихъ стрѣлялъ.

— И въ тебя тоже! воскликнула Милуша со страхомъ.

— Вѣстимо, родимая. Вѣдь ты уже знаешь что я сколько разъ раненъ былъ.

— Да, да....

Однажды князь передавалъ женѣ подробно о нѣкоторыхъ

женщинахъ которыхъ зналъ въ Польшѣ и въ столицѣ и назвавъ одну по имени, признался что былъ въ связи съ ней.

— Да вѣдь ты какъ-то сказывалъ въ Азгарѣ что она замужняя?

— Ну такъ что̀ жь? А ты развѣ полагаешь что замужнія своихъ мужей не проваживаютъ за носъ, не обманываютъ?

— Какъ же такъ-то, родимый?...

Милуша не понимала. Князь сталъ ей объяснять и спросилъ:

— Ты не махонькая! Неужели жь не слыхала, или не видала такого хоть здѣсь въ Ольгинѣ, въ дворнѣ или въ мужичьѣ...

— То подлые.... Въ подломъ состояніи ино дѣло.... они вонъ ѣдятъ въ избѣ семеро одной ложкой изъ одной чашки.

— Такъ стало дворянка по-твоему всегда вѣрна своему супругу?

— Вѣстимо, родимый.

— Вотъ ты къ примѣру... Будь я уродъ какой, либо старый, меня бы съ кѣмъ-нибудь... съ Городищевымъ какимъ обманывала бы.

— Охъ, что̀ ты, что̀ ты! воскликнула Милуша и измѣнилась въ лицѣ.—Я такъ полагаю что ты вотъ... да я вся это... какъ бы тебѣ пояснить... словъ-то этихъ я не знаю... вотъ теперь хоть плечо что ль мое, или бы рука, лицо... я этакъ гляжу, да и сказываю на мысляхъ... вотъ это все Данилушкино... Вся-то я Данилушкина... И сдается мнѣ что и ты весь мой; уколися иль ушибися ты, мнѣ ей-ей больно будетъ. А то вдругъ съ чужимъ человѣкомъ! И такое?.. Я не про грѣхъ предъ Господомъ мыслю. Грѣхъ грѣхомъ! А оно, Данилушка, не можно.

Милуша начала хохотать и повторяла:

— Это не можно... Этакъ вонъ на головѣ колесомъ скоморохи ходятъ, такъ развѣ мнѣ можно этакъ-то пройти?

— Ну, а коли я поступлюсь когда, вотъ какъ родитель мой и дѣдъ Зосима? спросилъ Данила.—Коли ты вдругъ свѣдаешь что у меня забава какая на сторонѣ?

Милуша раскрыла губки, глаза ее уперлись въ лицо мужа, и все лицо вспыхнуло.

— Что̀ ты тогда скажешь, а?

Милуша бросилась къ мужу на шею и зарыдала.

— Что̀ ты, Христосъ съ тобой! Я такъ, бесѣдую... Что̀ ты? Полно! Можетъ этому никогда и не бывать.

— Родимый, шепнула Милуша, — и на словахъ-то этакое какъ ножомъ бьетъ. А случися на яву... охъ, родимый! ты ужь такъ и знай... я, родимый, руки на себя наложу, часу не обожду.

И князь Данило утѣшалъ расплакавшуюся жену.

— Лучше я умру... Лучше ты, любый, умри. Да, лучше ты умри! Я буду знать что ты у Господа на небѣ... Буду молиться за тебя денно и нощно. Въ монастырь пойду и эпитемію страшную наложу на себя... Пудовыя вериги надѣну... Изведу себя въ годъ постомъ и тоже за тобой уйду... А этакое, этакое! Господи, да это хуже трехъ смертей!

Милуша дрожала всѣмъ тѣломъ и рыдала въ такомъ отчаяніи что князь въ цѣлый вечеръ едва успокоилъ ее и затѣмъ долго думалъ объ этомъ *изрядномъ* и *персональномъ* свойствѣ жены.

II.

Прошло двѣ недѣли что молодые жили въ Ольгинѣ. Отецъ письменно звалъ ихъ уже два раза на житье въ Азгаръ. Кречетовъ просился наоборотъ чтобъ его пустили къ себѣ хозяйничать, плуги чинить, да къ веснѣ готовиться. Мало ли зимой дѣла для хозяина! Да и бирюльки съ ворчуномъ княземъ надоѣли ему. Молодымъ не хотѣлось ѣхать; здѣсь, въ этихъ уютныхъ комнаткахъ, они были такъ укупорены отъ морозу и снѣговъ окрестныхъ степей, укрыты отъ людей, глазъ на глазъ въ мертвой тиши, въ молчаливомъ созерцаніи другъ друга или въ любовныхъ рѣчахъ, гдѣ полуслова, полунамеки, полувзгляды наполняли цѣлые часы и цѣлый день. Молодая и здоровая страсть любитъ безмолвіе, затишье, темноту и одиночество вдвоемъ.

Князю не нравилась жизнь въ Азгарѣ ради того что отецъ сталъ въ послѣднее время вздорить съ нимъ и попрекать бусурманствомъ. Данилу, привыкшаго къ полной свободѣ въ поступкахъ, сердили нравоученья старика. Милушѣ тоже не хотѣлось уѣзжать, отчасти и потому что тамъ нельзя будетъ играть и шутить при всѣхъ такъ какъ въ Ольгинѣ. Мужъ каждый разъ придумывалъ какую-нибудь новую затѣю, всегда неожиданную и забавную. Иногда Милуша смущалась, взятая въ расплохъ, пугалась и робѣла, но все кончалось поцѣ-

луями и смѣхомъ. Испугъ мѣшался со страстью, слезы со смѣхомъ, и еще дороже становилась эта Ольгинская жизнь вдвоемъ.

— Вотъ въ Азгарскихъ хоромахъ не позабавишься этакъ, прибавлялъ Данило. — Люди осудятъ. Да и родитель заворчитъ... А что̀ жь, развѣ мы не мужъ съ женой? Посмотрѣли бы они что̀ въ Питерѣ придворные сочиняютъ за пирушками, да не со своими, а съ чужими еще женами-то.

Однажды, когда князь уѣхалъ одинъ прокатиться верхомъ (что̀ дѣлалъ всякій день, несмотря на глубокій снѣгъ въ полѣ), ему случилось запоздать. Милуша, ожидая его, обошла маленькій домикъ, гдѣ было уютно и тихо—и вдругъ ей пришло на умъ: А что̀ еслибъ это сонъ былъ! замужество, Данило, опьяняющее чувство счастія, и эти нѣсколько прожитыхъ дней, промелькнувшихъ какъ бы въ какомъ-то розовомъ туманѣ, и все что̀ она перечувствовала?

Если все это сонъ? И вотъ теперь она проснулась. Данилы нѣтъ, и не было никогда. Сейчасъ пріѣдетъ съ хутора отецъ къ обѣду. Придетъ Кириловна съ чулкомъ и сядетъ въ столовой у окна, то почесывая спицей за ухомъ и позевывая, то разглядывая сугробы на террасѣ, и скажетъ какъ всегда: „Охъ, день-то деньской, зимній-то, конца ему, батюшкѣ, нѣту! И что̀ это Михей сугробовъ-то съ голдарейки не смететъ. Эка люди нынѣ безсовѣстные стали. Ох-хо-хо!..“ А въ корридорѣ ужь слышится голосъ Кречетова: „Послать мнѣ его сейчасъ, собаку!.. Я васъ!“

При этой старой знакомой картинѣ, невольно возставшей вдругъ въ памяти Милуши, она вскрикнула и побѣжала на крыльцо чтобы позвать единственную новую горничную, Аньку, и убѣдиться... ощупать дѣйствительность.

Князь, уже вернувшійся съ прогулки, былъ въ сѣняхъ, и Милуша, растворивъ дверь съ тяжелымъ блокомъ, попала прямо къ нему на грудь.

— Куда! Стой! Держи вора! весело закричалъ Данило, и схвативъ жену на руки, внесъ въ гостиную на диванъ, и цѣлуя, сталъ крутить ей руки назадъ, стараясь опутать ихъ снятымъ съ себя кушакомъ.

Милуша молча смѣялась ему въ лицо и не противясь опрокинулась навзничь, густая коса ея разбилась и обсыпала диванъ и полъ.

— Ну обороняйся же, а то свяжу—такъ убью... А то еще хуже... Супругъ далеко, а я злодѣй негодный. Обороняйся.

— Не могу, родимый! шепнула Милуша.—Ты силенъ.

— Пустое, смѣялся Данило, обнимая жену.—А какъ же... Если и впрямь злодѣй на тебя нападетъ, ты этакъ какъ овца какая и поддашься?

— То иное дѣло... А тутъ ты. Противъ тебя обороняться и охоты нѣтъ.

— Ну, слушай... Я не шучу. Коли я тебя осилю, а не ты меня утомишь обороной, то вотъ тебѣ дворянское слово, уѣду отъ тебя на цѣлую недѣлю чтобы научить какъ обороняться... Уразумѣла?

— Грѣхъ тебѣ, Данилушка. Что̀ ты надумалъ...

— Обороняйся! воскликнулъ князь полусмѣясь, полусеріозно.

И лицо его удивило на мгновеніе Милушу. Онъ сталъ вязать ей руки.

— Помни! Осилю—уѣду...

Милуша уже не смѣясь собрала всѣ свои силы, задыхаясь отъ борьбы, высвободила одну руку, и когда Данило близко нагнулся надъ ней, она схватила свои косы и перебросивъ ихъ чрезъ шею мужа, затянула его голову къ своей.

— Удушу! шепнула она.

— Нешто это оборона!.. Ну постой же...

Борьба продолжалась не долго. Милуша выбилась изъ силъ и измученная уступила и заплакала, боясь немедленнаго исполненія угрозы.

— Ну прощай коли не умѣешь себя защитить, шепнулъ Данило покрывая ее поцѣлуями; но Милуша по голосу его догадалась что это была шутка и страстно прильнула къ мужу.

— Ну что̀ надумалъ, родимый... Погляди что̀ отъ кисейки-то осталось—одни клочья, смѣясь жаловалась Милуша чрезъ нѣсколько времени, оглядывая свое платье. Гляди на что̀ я вся похожа. Будто у разбойниковъ въ рукахъ побывала.

— Эка важность! А вотъ это, такъ худо, сказалъ князь, увидя крупную ссадину и кровь на плечѣ жены.

— Плечо-то? Да вѣдь, это ты, такъ мнѣ и не больно. Да и вся я, говорю, твоя. Нарѣжь меня хоть на кусочки!

А князь Данило улыбался, глядя на клочья платья и на

жену. И улыбка эта напоминала то какъ волкъ облизывается надъ полусъѣденною овцой.

„А что люди зовутъ развратничать? Вѣдь пожалуй это, думалъ онъ. Дурни! Философу, тому и все худо или неразумно!..“

Наконецъ въ Ольгино пріѣхалъ дворовый Митроха изъ Азгара и объявилъ чтобы ждали Дмитрія Дмитріевича къ вечеру.

— Должно за нами отъ родителя! досадливо сказалъ князь.

—

Милуша надумала кататься и выѣхать къ отцу навстрѣчу, и какъ стемнѣло они выѣхали въ легкихъ санкахъ тройкой. Князь Данило сѣлъ править, и со звонкимъ колоколомъ подъ дугой, съ полсотнею бубенчиковъ, выкатили они вдвоемъ за ворота усадьбы. Съ самыхъ воротъ прозябшіе и застоявшіеся кони подхватили и шаля помчались по деревнѣ. Князь сталъ держать, но чувствовалъ что лошади рвали у него вожжи изъ рукъ и что упоръ ихъ былъ ему не подъ силу. Избы села быстро мелькали мимо ихъ и наконецъ остались назади. Тройка вылетѣла въ безконечную, серебристо бѣлую равнину, облитую луннымъ свѣтомъ и начала бить. Милуша, давно оробѣвъ, жалась къ мужу и шептала молитву.

— Жена, пустимся на волю Божью! крикнулъ князь подъ гулъ колокола.—Коли жить намъ—не расшибутъ. А то вмѣстѣ помремъ, пока горя не видѣли. Милуша?

— Какъ тебѣ на душу ложится, такъ и дѣлай. Съ тобой мнѣ хоть сейчасъ помирать, не боязно.

И Милуша бодро выпрямилась въ саняхъ и улыбнулась на ясное небо. Князь пустилъ вожжи, и тройка вихремъ помчалась по гладкой снѣжной равнинѣ. Только снѣгъ взлеталъ и сыпалъ изъ-подъ пристяжныхъ, подреза визжали по замерзшему пути, колокольчикъ гудѣлъ заливаясь.... Духъ занимало у Милуши, снова прильнувшей къ мужу, но не отъ робости, а отъ ожиданья—что будетъ при спускѣ въ Волчью яму? Данило глядѣлъ пристально на дорогу и тоже ждалъ крутаго спуска съ заворотомъ, гдѣ тройка и сани могли комомъ низвергнуться въ оврагъ. Лошади пронеслись еще съ полверсты и стали скакать тише, коренникъ, сбившій было въ карьеръ, пошелъ крупною рысью. Данило потянулъ вожжи и понемногу

свелъ тройку на рысцу, потомъ на шагъ, и наконецъ остановилъ совсѣмъ въ десяти шагахъ отъ спуска и косогора Волчьей ямы.

— Ну вотъ и не судьба, вымолвилъ онъ. — А оробѣла ты? Я вѣдь и тебя тоже попытать хотѣлъ. Оробѣла?

— Нѣтъ....

— Притворствуешь, милая.

— Ей-Богу, не оробѣла. Ты порѣшилъ, я и была готова.... Я смерти вовсе не страшусь, только бы не одной помирать, а съ тобой.

— Глянь-ка тишь какая.... и ничего-то нѣтъ, ничего не видать. Снѣгъ да снѣгъ. А небо-то, звѣзды, мѣсяцъ! Смотри-ка въ небѣ-то спокой какой! Мы тутъ человѣки радуемся радостями, печалимся печалями своими, муку мыкаемъ зря, живемъ, то лѣтомъ, то зимой, а небо все едино, неизмѣнчиво. Звѣздочки все тѣ же что̀ теперь, что̀ при Грозномъ Иванѣ царѣ.... Помремъ вотъ мы съ тобой, Милуша, а онѣ все-то будутъ свѣтить на Имперію Русскую.—Данило задумался и помолчавъ снова заговорилъ:—Что̀-то будетъ на Руси лѣтъ черезъ сотню, когда мы съ тобой сгніемъ давно!... Нашъ съ тобой внукъ, а то правнукъ будетъ объ насъ поминать. И ты, красавица моя, въ прабабки попадешь, меня прадѣдомъ поставятъ. Да что̀ проку въ ихъ памяти по насъ? Что̀ вѣтеръ пролетный. Я бы хотѣлъ чтобы меня вся Русская земля черезъ сто лѣтъ поминала, вотъ какъ Румянцева помянетъ, Орлова. Одинъ—Задунайскій, другой Чесменскій. А я какой? Я — Милушинъ! Я могъ бы.... и огонь въ себѣ чую.... и случай въ руки лѣзъ. Да и теперь еще, верни я въ Питеръ.... многое на перемѣну пойдетъ! Да видно не судьба. Сгнію самъ, сгніетъ и память по мнѣ.

— Чтой-то ты, Данилушка, какое повелъ? Я не разумѣю. Помремъ, насъ въ Азгарѣ за обѣдней поминать будутъ. Теперь вонъ поминаютъ князя Зосиму, княгинь Мавру и твою родительницу Анну Александровну.

— То для Бога, о душѣ поминовенье.... а то для людей, о подвигахъ, о дѣлахъ геройскихъ иль о дѣлахъ штатскихъ государскихъ....

— Не уразумѣю я тебя, дорогой.

— Пустое, любая мая. Проживу для тебя одной. Для семьи, коли будутъ у насъ ребята. Женатый на брань идетъ—оглядывается.

Князь вздохнулъ и прибавилъ:—Ты что на небо смотришь?

— Такъ! Люблю. Тамъ диковинно. Тамъ Богъ, только гдѣ престолъ Божій не вѣдомо.... Эдакъ ли, прямо.... Я мню прямо, на срединѣ. И мы туда уйдемъ коли проживемъ праведно. Тамъ хорошо будетъ, вмѣстѣ. Безъ тебя я никуда не желаю. — И въ рай одна не хочу.

— Скажи ты мнѣ, родная. Я тебя иной разъ не разумѣю. Вѣдь ты ученая. Тебѣ Кустовъ многое пояснилъ что̀ иныя и столичныя боярышни не вѣдаютъ. А ты часто сказываешь вздорное. Вотъ хоть бы про престолъ Божій что̀ по серединѣ неба. Нешто есть середина?

— Въ книжкахъ, родимый, мало ли что̀.... а то въ явѣ. По книжному слѣдъ говорить инако. Вотъ хоть бы о концѣ свѣта сказывала я въ Азгарѣ что его нѣтъ. Ну, а такъ въ явѣ я знаю что есть.

— Какъ есть?

— Есть. Это что шаръ-то? Вѣдь это по книжному, родимый, подобаетъ такъ сказывать, а нешто это можно чтобы земля Божія какъ арбузъ какой была. По книжному тоже сказываютъ — сердце у насъ мѣшочекъ, мошонка. А я чую что у меня не мѣшочекъ, разсмѣялась Милуша.—Ужь это я вотъ какъ знаю. Побожуся что не правда.

Данило разсмѣялся. Они смолкли, задумались каждый о своемъ. Данилѣ грезился Петербургъ и жизнь на войнѣ. Милуша вспомнила о Кустовѣ, какъ онъ училъ ее по книжному отвѣчать. Только колокольчикъ побрякивалъ, нарушая тишину серебристой и безлюдной окрестности.

— Что̀ не суждено человѣку, заговорилъ наконецъ тихо Данило, какъ бы отвѣчая на свои помыслы,—того не добьешься никакъ. И тому не сбываться. Мнѣ сказывалъ одинъ плѣнный паша что̀ мы взяли равенаго послѣ Ларги... Умный онъ былъ, въ двѣ недѣли заговорилъ по-россійски, такъ что мы диву дались.... Онъ сказывалъ что по ихъ вѣрѣ, Махомедовой, жизнь всякаго человѣка написана на небѣ еще до его рожденья.... и что̀ бы человѣкъ ни творилъ, все по писаному будетъ. Желаешь такъ, а выйдетъ тебѣ инако. Пойдешь супротивъ чего, а оно такъ тебѣ и писано было противничать. И вѣрю я нынѣ въ это крѣпко, хоть и не христіанское то ученье. Вотъ хоть я.... располагалъ послѣ побывки у батюшки опять въ Питеръ, въ гору лѣзть — благо случай вышелъ, а сотворилось инако. Да и взялъ я тебя, вишь, черезъ судьбу.

Вѣрю я, Милуша, что ты мнѣ Богомъ суҗена. Вѣдаешь ли что какова ты есть, такую и хотѣлъ. Будто судьба спросила у меня предъ твоимъ рожденьемъ какую мнѣ супругу приготовить.

— А сонъ-то твой?

— Да. И сонъ!

— А лѣсовикъ-то мой?

— Ну это пустое и не мудреное что я тебя два раза по сосѣдству повстрѣчалъ. А вотъ скажи-ка какъ мои самые дорогіе помыслы давнишніе, отроческіе, о подвигахъ воинскихъ во благо отечеству и царицѣ, и во славу свою... какъ они отъ тебя разсыпались бисеромъ. Да!

— Тебѣ и жаль вотъ Питера. Со мной, глупой, связался.

— Нѣту! Не жаль. Не судьба, и конецъ! Коли не попъ, не суйся въ ризы. Не всѣмъ великія дѣла да слава писаны на роду. А могъ бы, могъ!

Данило махнулъ рукой и припустилъ лошадей домой.

Почти вслѣдъ за ними пріѣхалъ и Кречетовъ съ просьбой отца переѣзжать въ новый нѣмецкій домикъ. Дѣлать было нечего.

На утро князь приказалъ наваливать подводы чтобы выслать впередъ, а самъ рѣшилъ выѣхать черезъ день чтобъ украсть себѣ у отца еще сутки.

— Ну что̀, ваше сіятельство? что̀, княгиня моя? спросилъ Кречетовъ на утро дочь, оставшись съ ней наединѣ въ гостиной, пока Данило вышелъ приглядѣть за отправкой подводъ.—Что̀, горе мыкаешь? бѣдняга! шутилъ счастливый отецъ.

— Ахъ, батюшка! Словъ я такихъ не выищу чтобы тебѣ пояснить. Прикажетъ онъ мнѣ за себя сейчасъ въ прорубь кинуться. Вотъ тебѣ Господь Богъ, я ни мига единого не обожду.

— А Андрюша-то!... Женится вѣдь! Ужь со зла знать.... скоро свадьба. И на дурнорожей, пишутъ. Только и всего что генеральская дочь. Сельцева Дарья.

— Давай Богъ ему совѣтъ да любовь съ супругой. А меня, батюшка, холодомъ хватаетъ когда помыслю я что могла за нимъ быть. Да будучи его супругой повстрѣчать Данилушку. Что̀ бы тогда содѣялось со мнбй? Господи помилуй!

Милуша въ ужасѣ закрыла лицо руками и затѣмъ перекрестилась.

III.

Жизнь въ Азгарѣ пошла почти по-старому. Только и было разницы что Милушу звали княгинюшкой, и что князь ѣздилъ въ гости въ санкахъ черезъ садъ, въ Нѣмецкій Домикъ къ молодымъ. Всѣ обитатели были счастливы и веселы. Одна Фимочка ходила.... а не бѣгала, иногда заставляла себѣ повторять вопросъ два раза прежде чѣмъ разслышитъ, была не разговорчива, иногда она задумывалась и глядѣла подолгу на сугробы сада, на зимнее сѣрое небо; часто грѣясь въ залѣ у печки, стояла по часу, вздрагивала, уныло озирала предъ собой пустую залу, безсознательно прислушиваясь къ говору и ходьбѣ людей, сѣнныхъ и горничныхъ; къ ихъ перебранкамъ, шуткамъ или къ тому сдавленному холопскому сиплому смѣху, выработанному въ лакейской жизни изъ боязни или изъ уваженья къ господамъ.

Княжна часто бывала въ Нѣмецкомъ Домикѣ и, приглядѣвшись къ жизни брата съ женой, ворочалась оттуда еще угрюмѣе, еще болѣе отмалчивалась, еще болѣе грѣлась у печки и на вопросы отца:

— Чтò юла не юлишь?

Фима отвѣчала всегда что ее какъ-то ломаетъ. Должно зазнобилась немножко:

„Когда-то Рождество и Святки прибудутъ? Экъ время тянется!“ думалось ей.

На Рождество обѣщался князю пріѣхать въ гости Петръ Гòродищевъ, веселый, черноглазый малый лѣтъ двадцати, но еще недоросль, собиравшійся вступить на службу въ гвардію. Этому поступленію давно всячески мѣшала обожавшая его тетка Анна Петровна, сестра Мареы Петровны, и держала у себя въ Пензѣ племянника и своего единственнаго наслѣдника чуть не на привязи. Этотъ Петя, разбитной и здоровый пухлякъ, кровь съ молокомъ, выхоленный теткой, былъ боекъ и смѣлъ, такъ что въ нѣсколько дней проведенныхъ въ Азгарѣ на свадьбѣ Данилы успѣлъ уже приглянуться Фимѣ. Онъ поймалъ княжну въ сумерки въ какихъ-то занавѣскахъ, куда она зачѣмъ-то полѣзла и что-то доставала. Петя помогалъ ей и нечаянно натолкнулся на нее и такъ диковинно вышло что Фимочка убѣжала къ себѣ въ горницу

съ поцѣлуемъ какъ когда-то Милуша. И такъ же какъ и та усѣлась на кровати румяная и смущенная. Однако Милуша была тогда въ лихорадкѣ ужаса, плакала и молилась. А Фима болтала ногами и шептала тихонько:

— Ахъ, плутяга!... Ну погоди же!

И въ тотъ же день вечеромъ, затѣявъ какую-то игру съ участіемъ сѣнныхъ дѣвушекъ, Фима отплатила Петѣ, но тою же монетой.

Вотъ теперь все и грѣется пятнадцати-лѣтняя княжна у печурки въ залѣ, потягивается и жалуется что знать зазнобилась, ломаетъ. Когда-то вотъ Святки подойдутъ. Кириловна была теперь другомъ княжны, за то лишь что по шепту толковала съ ней.

— Пора вамъ, Серафима Родивоновна, тоже муженька выискать. Чтò такъ-то жить? Чего родитель-то глядитъ? Выписалъ бы кого изъ Питера, такъ, въ гости, на побывку. А то и за Петра Павловича отдалъ бы. Что не въ позументахъ-то онъ, а въ кафтанѣ простомъ, такъ это, моя родимая, все глазамъ однимъ блистанье. А любованье, милованье и безъ позументовъ, гляди, какъ хорошохонько выходитъ. Захочетъ, успѣетъ выслужить и послѣ. Ей Богу.

И Фима подружилась съ Кириловной, и думала:

„Славная эта Кириловна, умная! А я было думала что она беззубая дура. Она преумная!"

Впрочемъ образъ Пети въ умѣ княжны иногда застилался другимъ, который былъ ближе и который чаще видала княжна. Племянникъ Агаѳонова, красавецъ Николай, иногда являлся къ ней во снѣ и велъ себя съ ней не какъ холопъ. Однако на яву, когда онъ сторонился при ея проходѣ, княжна Серафима только косилась на него, опустивъ вѣки, и на лицѣ ея не было ничего кромѣ излишней надменности, не появлявшейся относительно всякаго другаго двороваго.

Князь Родивонъ Зосимычъ какъ-то менѣе обращалъ вниманія на свою любимицу и былъ добрѣе и менѣе ворчливъ съ Милушей. Кромѣ того, князь былъ озабоченъ особенно сыномъ Иваномъ, который находится въ далекомъ краю, полномъ бунтовщиковъ Татаръ. Отъ Ивана пришло письмо къ отцу, гдѣ онъ горько жаловался на судьбу свою и взялъ на душу грѣхъ описывая свою не существующую болѣзнь чтобы разжалобить отца. Родивонъ Зосимычъ передалъ письмо это

Данилѣ, но князь пожалъ плечами и бросилъ его, прочитавъ только первыя строки. Иванъ писалъ:

„Многодорогой и любезный родитель батюшка,—цѣлую васъ и обнимаю въ мысляхъ моихъ и съ великою бы сердечною охотой и радостью поѣхалъ на побывку къ вамъ, многодорогой батюшка, обнять васъ и мою сестренку Фимку, коя уже, полагать надо, гораздо возрастомъ выросла, и братца бы Данилу Родивоныча очень я желалъ поболѣ наглядѣться и разума его себѣ глупому призанять и учености; и сердцемъ братскимъ участіе имѣть въ радости его нахожденія въ нашей многоцѣнной мнѣ и любезной душѣ моей вотчинѣ Азгарской, но господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Тавровъ сказываетъ что радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ, и по здѣшнимъ,—какъ то усмотрѣть изъ сего изволишь, родитель дорогой,—отъ вора и архибестіи Пугачева нонѣшнимъ обстоятельствомъ, генералъ-поручикъ и кавалеръ на отлучку мою со службы согласія никакого и самомалѣйшаго не далъ, да и впредь не надѣюсь Нѣмца сего мольбой тронуть сердце. А какая то моя служба, родитель мой, шатаюсь, мотаюсь что̀ бездомокъ-бобыль день-деньской, неусыпно и не доѣдаючи, и имъ не въ пользу и себѣ не въ прокъ, и на мысляхъ содержу дастъ ли Господь упасти себя отъ тутошнихъ убійственныхъ приключеній и замѣшательствомъ отъ государственнаго вора. Изнылъ я до хворости, похудалъ и подъ ложечкой съ недѣлю ной замѣчателенъ мнѣ, особливо послѣ ужина. А дохтуровъ у насъ, ученыхъ и не страшныхъ, одинъ, но по россійскому языку ничего не смыслитъ, пріѣзжимъ будучи изъ города нѣмецкаго; и его видючи, хотя я ной сей ему всячески разъяснялъ и щупать давалъ, но не токмо онъ меня, ниже я его, ничего уразумѣть и понять въ разговорахъ не могли, токмо руками совсѣмъ безполезно махали и зря я ему сорокъ гривенъ деньгами отблагодарилъ; а другіе дохтуры, ученые, одинъ изъ Киргизъ — самоучка, а другой, хоть Русскій, престарѣлый и безпамятный, годовъ, сказываютъ, за сто десять гораздо шибко, оба народъ портятъ и пуще ухаживаютъ въ гробъ, и отъ нихъ опасаясь усугубленія ною моему подъ ложечкой за пользованіемъ не прибѣгалъ. Мню я, родитель мой, что коли бы Богъ далъ въ Азгаръ отлучиться отъ безтолковаго служенія моего и воевательства съ архибестіями, то бъ и хворость сія смягчилась. Ужь не знаю самъ какъ съ измалѣтства

ученъ былъ молиться на каждый день Господу Вседержителю, и теперь усердствую, а умаленія бѣдствій своихъ не вижу, а вящее ихъ размноженіе. И хочу я молить васъ слезно, родитель-батюшка, дозвольте мнѣ отставку мою, безъ ожиданія чина поручьяго, просить. Велика ли польза въ немъ? А тутъ нынѣ и ранить и убить на всю жизнь могутъ. А калѣченнымъ быть мнѣ за что же? Цѣлую и обнимаю васъ, родитель-батюшка, и непрестанно молюся о сохраненіи драгоцѣннаго вашего здравія, братца и сестренку тожь цѣлую, и того же желаю, и всѣмъ кланяюсь; нянькѣ Авдотьѣ тожь. Остаюсь въ непремѣнномъ благоможеланіи и любви вамъ, родитель мой, и всей фамиліи нашей—сынъ вашъ подпоручикъ князь Иванъ Родивоновичъ Хвалынскій.“

—

День въ Азгарѣ, зимній и короткій, начиналъ уже надоѣдать Данилѣ. Поднимались всѣ по обычаю съ восходомъ солнца, а потомъ и со свѣчами, ибо оно стало запаздывать. При первыхъ лучахъ зимняго свѣта, когда золотомъ червоннымъ загорались снѣга въ саду, молодые являлись изъ Нѣмецкаго Домика и все семейство уже сидѣло въ столовой.

Князь Данила отъ скуки снова посѣщавшей его сталъ присматриваться къ дѣламъ по имѣнью, выслушивать прикащиковъ и старостъ вмѣсто отца. Милуша проводила день за пяльцами и вышивала золотомъ и шелками мужу образъ Божіей Матери Одигитріи.

Когда она не работала, то такъ-сказать сторожила Данилу и ходила за нимъ по пятамъ куда бы онъ ни шелъ. Во всякомъ случаѣ, откуда бы онъ ни появился, гдѣ бы ни показался, Милуша и за работой сидя встрѣчала и провожала мужа глазами.

Послѣ обѣда, то-есть отъ полудня до смерканья, всѣ ходили гулять или кататься съ ледяныхъ горъ въ саду, или ѣздили на тройкахъ. Въ сумерки и вечеромъ сидѣли у отца. Данила какъ и прежде разказывалъ самодовольно все что перевидалъ въ свое долгое пребываніе въ заморскихъ краяхъ и въ столицахъ, а семейство слушало съ глубокимъ вниманіемъ, жена разумѣется съ благоговѣніемъ. Милуша при этомъ умѣщалась на скамеечкѣ около Данилы и такъ смотрѣла на мужа что ходившая на богомолье и вернувшаяся Кириловна подсмѣивалась надъ ней:

— Эй, дитятко, смотри, не проглоти супруга-то своего, гляди какъ ротикъ разинула.

— Молчи ужь ты, ехидница! усмѣхалась Милуша.—Старые грѣхи-то сбыла на богомольи, такъ новыхъ набрать не терпится.

— Коли бы ты за литургіей божественной тако напрягалась внимаючи словамъ Писанія, то бъ была первая угодница Божія, шутилъ и бывавшій изрѣдка отецъ Ареѳа.

— Одно горе! подшучивалъ Родивонъ Зосимычъ.—Выдали ее бѣдную за постылаго.

Кириловна, обожавшая теперь Данилу, любила подсмѣиваться и надъ нимъ и надъ своимъ дитяткомъ, ради утѣхи старика князя. Часто въ вечеру бывали такіе разговоры:

— Скажи ты мнѣ, Родивонъ Зосимычъ, за что̀ тебя Богъ эдакимъ сыномъ обидѣлъ, говорила Кириловна какъ бы не обращая вниманія на Милушу.

— За грѣхи наказалъ, Кириловна, подмигивая отзывался старикъ.—Вотъ Иванушка у меня молодецъ. А Данилко никуда не гожъ.

— Ничѣмъ-то, бѣдняга, не взялъ: ни росту сановитаго, ни виду боярскаго, продолжала Кириловна жалостливо,—ни головушки многоумной, съ головы до пятъ худъ. Да еще корявый, токмо кафтаномъ расписнымъ взялъ.

— Да, вмѣшивался Кречетовъ. — Вотъ нынѣ дороги государственныя прокладываютъ и столбики малеваные съ цыферью ставятъ ради мѣты, ни дать ни взять князь Данило Родивонычъ.

— Охъ! жаль мнѣ мое дитятко. За кого ее отдали, не доглядѣла! охала Кириловна, и закусивъ губу беззубою десной мигала всѣмъ на свое дитятко.

Милуша, знавшая всю эту комедію наизусть, усмѣхалась все меньше и меньше, и наконецъ начинала всячески отбраниваться, выходила изъ себя и чуть не плакала. И всѣ были довольны.

Родивонъ Зосимычъ хоть чаще ворчалъ и сердился, когда боль увеличивалась, но любилъ Милушу все болѣе съ каждымъ днемъ. Часто случалось въ вечернихъ бесѣдахъ что отецъ и сынъ вздорили, отецъ ворчалъ, а сынъ досадливо молчалъ. Поводовъ къ этому было много въ привычкахъ князя Данилы, которыя были не по нраву старику. Однажды, когда старикъ нежданно вошелъ въ диванную, съ помощью Агаѳонова,

то засталъ тамъ Милушу на диванѣ, подъ портретомъ Зосимы, а сына на колѣняхъ около жены.

— Чтò ты, Данила? Аль обронилъ чтò?

— Нѣту... Не обронилъ... Ты о чемъ спрашиваешь, батюшка?

— Почто же ты на полу-то? спросилъ отецъ, садясь и отсылая Агаѳонова.

Князь и Милуша разсмѣялись.

— Да, я, батюшка, запросто, такъ... съ женой любуюсь...

— Срамиться, родимый.

— А чтò?

— Нешто подобаетъ мущинѣ у бабы въ ногахъ ползать?

— Я же ей мужъ, батюшка.

— А мужу и наипаче у жены въ ногахъ валяться не подобаетъ. Какое же она объ тебѣ разсужденіе положить можетъ. Ты ей глава и по писанію Господню... И унизительно поступать предъ ней не долженъ. Не пригоже, Данило. Ты не махонькій младенецъ, и самъ то размыслить можешь.

— Батюшка, не гнѣвися! загорячился Данила.—А на мой разсудокъ, унизительнаго я въ этомъ дѣйствіи ничего не вижу. Я жену люблю гораздо и съ охотой великой ноги ея цѣловать стану... не токмо на полу предъ ней становиться.

— Дѣды твои, да я, отецъ твой, горячо вымолвилъ старикъ,— не токмо предъ бабой валяться, а предъ врагомъ лютымъ на четверть не погнулись бы.

— Предъ врагомъ я на вершокъ не согнулся, и доказывалъ то неоднократы, и чаще, почитай, дѣдовъ своихъ! холодно выговорилъ Данило.—То врагъ, а то молодая женщина и моя жена... Нешто ты, батюшка, не ласкался также къ моей матушкѣ...

— Смѣкаю я ежечасно, Данило, что норовы нынѣ въ Питерѣ иные, благо правленье бабье вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ на Руси длится. Мы въ глуши деревенской не такъ живали. Я ни предъ кѣмъ, а наипаче предъ твоею матушкой, не раболѣпствовалъ, а любилъ ее тожь... Встань, сдѣлай милость. Хоть на моихъ глазахъ безчинства этого не твори. Я старый человѣкъ, да тебѣ отецъ... Помру—голова будешь, ну и ползай тогда на животѣ... хошь предъ сѣнными.

Милуша оробѣла и молчала, косясь на свекра. Данило сѣлъ.

— На чтò черный народъ... Мужики аль холопы въ двору у

меня; изъ подлости рождены, а все жь сего ты николи у нихъ не увидишь.

— Эхъ батюшка, чудно ты сказываешь!.. нетерпѣливо вымолвилъ Данило.

— Что жь чудно? Видалъ ты мужика чтобы лежалъ на животѣ у бабы въ ногахъ якобы изъ ласки?

— Почемъ знать, когда они одни въ избѣ. Чаю то же все...

— Не гнѣвися, свекоръ! онъ болѣ не будетъ. Ты по молодости моей прости что я не уразумѣла и допустила, тихо заговорила Милуша.—А я тожь теперь смѣкаю. Не гоже то...

— Ты, моя разумница, мужа своего почитай и до никоего униженья его не допускай, хотя бъ и ради любви и ласки!...

IV.

А въ провинціи между тѣмъ было кой-что новое. Данило чаще видалъ крестьянъ. Чаще доходили до него то вѣсти, то слухи, не переступавшіе чрезъ дворъ въ хоромы Азгара, а тѣмъ болѣе черезъ порогъ горницы старика отца. И одно обстоятельство сильно смущало Данилу: во всей окрестности волновался простой народъ; безпорядки, непослушанье помѣщикамъ, открытые бунты все учащались. Команды солдатъ увеличили и онѣ появлялись чаще въ сосѣднихъ имѣніяхъ и были уже два раза у Кречетова, который уѣхалъ и застрялъ въ Ольгинѣ, приславъ сказать что нѣту сладу съ мужичьемъ, и пока не выбьетъ дури—не пріѣдетъ. Расправы командъ не вели ни къ чему. Послѣ нихъ забирали народъ въ острогъ, усылали нѣкоторыхъ въ Сибирь, но многіе изъ взятыхъ въ городъ вскорѣ ворочались назадъ невредимые и гуляли, волнуя и поднимая односельцевъ. Бѣгуны бывали постоянно, даже и изъ Азгара, гдѣ Данило много смягчилъ управленіе, и прогналъ самаго свирѣпаго изъ старостъ. Данило недоумѣвалъ. Родивонъ Зосимычъ увѣрялъ спокойно что завсегда такъ было!

— Съ самого съ Петра Алексѣевича непорядки на Руси ведутся. Самый непокорливый народъ—мужичье. Что ты съ Хамомъ добрѣй, то онъ съ тобой злѣй. Ты вотъ распустилъ вожжи, ну и хуже.

— Батюшка, ну въ Азгарѣ, положимъ, я вожжи распустилъ, а въ Ольгинѣ, Дмитрій Дмитричъ? Небось вожжей не распу-

скалъ? А во всей Приволжской провинціи что творится теперь? Не я же опять тому причина, говорилъ Данило.

— Завсегда такъ было, небрежно повторялъ Родивонъ Зосимычъ.

Ну нѣтъ! не всегда! думалъ Данила: просто хоть загадку задавай.

Загадка эта разъяснилась для Данилы скорѣе чѣмъ ожидалъ.

Однажды, пользуясь оттепелью, онъ отправился верхомъ на хуторъ верстъ за двадцать и запоздалъ на обратномъ пути. Его застигла теплая, но темная ночь. Окрестность по всему пути была пуста и мертва, но вдругъ увидѣлъ князь въ дали, въ оврагѣ, большой зіяющій костеръ и вокругъ него черную кучу народа. Темныя фигуры недвижимо и плотною массой окружали высокое пламя; изрѣдка огонь увеличивался и красною колонной подымался вверхъ, ярче освѣщая толпу мужиковъ.

— Сборище это не запросто, а ради преступленья порядковъ, рѣшилъ Данило.

Онъ пріостановилъ лошадь и подумалъ: ѣхать ли къ этому сборищу и узнать въ чемъ дѣло или нѣтъ. При его приближеньи все разстроится, и онъ все-таки ничего не узнаетъ!.. Онъ уже рѣшилъ было ѣхать мимо, но чрезъ минуту замѣтилъ что одна изъ фигуръ, особенно освѣщенная огнемъ, съ увлеченьемъ говорила что-то размахивая рукой. Монашеская ряса ярко освѣтилась огнемъ, и подъ бородой, длинною и сѣдою, алѣлъ на груди большой образъ. Иное рѣшенье принялъ князь увидя стараго монаха проповѣдующаго у костра среди ночи.

— Если это сборище незаконно, то подобаетъ ли мнѣ минуть его? Совѣсть и присяга мнѣ сказываютъ что должно мнѣ всякое неразуміе пресѣкать. Этотъ сходъ можетъ-быть начало бунта. Я могу пресѣчь зло въ корню. Будь я безоруженъ—уклонился бы, но при саблѣ стыдно минуть, рѣшилъ князь и поѣхалъ на огонь.

Шаговъ за четыреста, онъ слѣзъ съ коня, привязалъ его къ кусту и пошелъ пѣшкомъ... Онъ былъ уже за сто шаговъ, когда слѣдующія слова громкой, внятной рѣчи долетѣли до него:

— Господь милостивый не допустилъ сего злодѣянія! Творецъ всевидящій поискалъ его и православныхъ правосу-

діемъ Своимъ! Батюшка нашъ обрѣлъ раба вѣрнаго, и сей избранецъ сподобился послужить ко спасенію жизни многоцѣнной и обмѣнися одеждами своими положилъ животъ свой за вседержавнаго милостивца, коего...

Сильный порывъ вѣтра унесъ нѣсколько словъ; потомъ снова разслышалъ князь:

—.... По симъ многотруднымъ и многолѣтнимъ странствованіямъ прибылъ онъ въ Царьградъ, но не обрѣлъ помощи у нехристя и басурмана. За симъ паломничалъ на Аѳонъ и во Іерусалимъ ходилъ поклониться гробу Господню и помолиться за подданныхъ своихъ дѣтушекъ.

Снова нѣсколько словъ не долетѣло до князя. Кто-то подбросилъ хворосту, и снова ярко запылали пламенные языки трескучаго костра, озаряя монаха, говорившаго все тѣмъ же воодушевленнымъ голосомъ:

—.... Яицкіе атаманы пріяли батюшку и яко овцы повинуются пастырю, куда пастырь ведетъ ихъ, тако же сіи холопы вѣрноподданные идутъ за нимъ и нынѣ грудью стоятъ они за своего императора, дабы вступилъ на царство и пріялъ въ руцѣ своя всероссійскіе грады и веси и явленъ былъ, изъяти насъ грѣшныхъ изъ утѣсненій неправедныхъ, изъ скорби лютой. Онъ же самодержецъ даруетъ вѣчную волю всѣмъ кто положитъ животъ за его святое искупительство.... И будетъ по тѣмъ днямъ судить живыхъ и мертвыхъ. И его же царствію не будетъ конца. Пріидетъ на облацѣхъ въ славѣ своей и гласомъ державнымъ изыметъ всякія скверны и неправды.... Вы же, православные, бросайте иже имати ради искупителя своего, и дворы свои, и жены и чада; поспѣшайте и все иждивенье несите отцу единородному. А кто не воинъ, кто неимущъ, гряди во слѣдъ мой по всей землѣ православной и благовѣствуй міру радость чудесную и благополучную, яко живъ батюшка, живъ государь Петръ III Ѳедорычъ! живъ, и здравствуетъ, и явленъ! И станемъ въ помочь ему яко подобаетъ вѣрнымъ рабамъ, яко Господь повелѣваетъ заповѣдью, да не дадимъ отвѣта на страшномъ судѣ въ маловѣріи, да не уподобимся Ѳомѣ маловѣрному, иже перстъ вложи!...

Монахъ остановился и судорожно быстро перекрестился три раза.

Данило былъ уже давно у самой кучки, въ послѣднихъ рядахъ. Никто не замѣтилъ его приближенья. Вся толпа, человѣкъ въ пятьдесятъ, напряженно слушала монаха. При

послѣднихъ словахъ, князь, сознавая опасность въ которой находился, подумалъ: „Или уйти мнѣ, или взять въ разплохъ: уйти князю Данилѣ Хвалынскому, когда случай сказывается еще важнѣе чѣмъ чаялъ—срамъ! подлость!"

Сильнымъ толчкомъ раздвинулъ Данило толпу и бросился впередъ... Въ одно мгновенье очутился онъ предъ монахомъ, схватилъ его за бороду и крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Блазень поганый! морочить народъ! подымать на бунтъ! Скоморохъ подлый!

Все вздрогнуло, колыхнулось и загудѣло. Вся толпа вскрикнула въ разъ.... Монахъ не вздрогнулъ и упорно, спокойно глядѣлъ въ глаза князю, опираясь на посохъ и даже не высвобождая бороды изъ его руки.

— Кто ты, поганецъ? крикнулъ Данило, встряхнувъ монаха.

— Іеромонахъ Мисаилъ, тружусь на Божье и царево, ради просвѣщенія братьевъ во Христѣ, восторженно вымолвилъ тотъ.

— Что̀ ты сейчасъ языкомъ мололъ? Что̀? а?

— Благовѣствую о явленіи чудесномъ и пресвѣтломъ государя и царя Петра Ѳедорыча, его же ложно мнили быть убіеннымъ.

— Ахъ ты.... Ребята! вяжите мнѣ сего вора и блазня за безпутныя его рѣчи.

Толпа молчавшая снова заревѣла

— Прытокъ больно!

— Съ какой дыры вылѣзъ!

— Съ облака свалился!

— Знать изъ *ейныхъ* тожь.... Гляди како кафтанье напялилъ!

— Дави, его, да въ оную яму.... снѣжкомъ и хворостомъ и завалить.

— Дави, ребята.

И десятокъ полѣзъ на князя.

— Прочь! коли хотите слушать, я вамъ эти монаховы рѣчи безпутныя поясню.... А его вяжите мнѣ тотчасъ, не то перекрошу....

Князь вынулъ саблю....

— Дави, дави! раздалось отовсюду.

— Стой! чего взыгрались! крикнулъ кто-то повелительно и и вышелъ изъ толпы.

Все стихло.

Невысокiй мужикъ сталъ предъ Данилой и осторожно прикрывая лицо рукой, какъ будто отъ пламени, вымолвилъ....

— Упрячь воструху-то. Насъ тутъ пять, либо шесть десятковъ, а ты одинъ какъ перстъ. Пригожѣе стало, сударь мой, толковито разсудить. Ты сказываешь, отецъ Мисаилъ бездѣльникъ и блазень... Ты-то самъ человѣкъ нешто знаемый? Отца Мисаила мы, четвертый идетъ годъ, почитаемъ и прiемлемъ ако святаго старца. Ты жь, гляди, найденышъ ночной, ну и помысли кого намъ блазнемъ почесть, кого послушаться, а кого задавить опаски ради?

Спокойный голосъ мужика былъ знакомъ Данилѣ... Онъ вложилъ въ ножны саблю и собрался холодно и дѣльно возразить на юродивую рѣчь отца Мисаила. Въ ту же минуту сильныя лапы закрутили ему руки назадъ, а человѣкъ пять бросились спереди и въ секунду повалили на землю, душили и давили.

— Стой, ребята, стой! отецъ Мисаилъ, возбрани убiйство! кричалъ тотъ же знакомый Данилѣ голосъ.

Чьи-то мозолистыя лапы напирали князю на глаза. Чье-то колѣно въ разодранныхъ порткахъ надавило ему грудь; затѣмъ онъ почувствовалъ сильный ударъ въ високъ. Все спуталось и пропало. Полусознанье томительно сказывалось въ груди и головѣ.

Когда князь очнулся, то почувствовалъ что его тащатъ за плечи и за ноги. Сколько прошло времени, минута или часъ, онъ не зналъ.

— Господи, неужели живаго зароютъ? ужасомъ шевельнулась въ немъ жизнь, и дрожь пробѣжала по истомленному тѣлу...

Его положили на мокрый оттаявшiй снѣгъ. Все было тихо кругомъ. Открывъ чуть-чуть глаза, онъ разпозналъ среди тьмы чащу кустовъ и двухъ человѣкъ около себя.

Всѣ члены болѣзненно ослабли въ немъ. Однако ему казалось что при большомъ усилiи онъ еще сладитъ съ двумя. Но гдѣ вся ватага? Быть-можетъ, при первомъ крикѣ, явятся снова десятки. А сабля?... ее не было.

— Тутъ его и побросать, вымолвилъ вдругъ одинъ мужикъ.

— Вѣстимо. Освѣжится, самъ дорогу найдетъ, вымолвилъ тотъ же знакомый голосъ.

— Отдалече?

— Про то я вѣдаю.

— Сказываешь, важный бояринъ?

— Про то я вѣдаю.

— Чего жь таиться-то?

— Самъ князь онъ, Азгарскій. Во кто! Родивона Зосимыча сынокъ бóльшій чтò прибылъ изъ-подъ Турки. Ну вотъ и смекай, паря, какъ кашу намъ разхлебывать угодилось бы какъ бы мóлодцы уходили его. По сю пору меня трясетъ со страху. Не то что насъ однихъ, а всѣхъ бы хрестьянъ со всего уѣзда въ Сибирь угнали бы.

Мужики смолкли. У Данилы словно гора съ плечъ свалилась. Однако онъ не шевельнулся... Мужики продолжали толковать. Знакомый ему по голосу хотѣлъ дождаться когда князь придетъ въ себя чтобъ убѣдиться живъ ли онъ; второй увѣщевалъ уйти отъ грѣха.

— Коли живъ, не добро на глаза ему лѣзть, опознаетъ насъ. Отплатитъ. А коль задавленъ, почитай еще хуже. Разсвѣнетъ, при тѣлѣ завидѣть могутъ.

Они удалились. Данило не сразу и тяжело поднялся на ноги. Голова его была какъ свинцомъ налита и тупая боль сказывалась въ плечѣ; однако крови и раны не было нигдѣ. Очевидно что кромѣ колѣнъ и лапъ ничего не нашлóсь у мужиковъ. Князь оглянулся и прислушался. Все было мертво тихо, только вѣтеръ завывалъ сильнѣе. Костеръ, догорая, чуть тлѣлъ не далеко отъ него, но никого уже не было около огня.

— Неужели пѣшкомъ идти, подумалъ Данило и тяжелыми шагами спустился къ тому мѣсту гдѣ должна была быть его лошадь. Къ счастію никто не замѣтилъ ее. Она была у того же куста.

Данило съ трудомъ влѣзъ въ сѣдло, пустился было рысью, но не могъ продолжать отъ боли въ плечѣ и поѣхалъ шагомъ.

— Если ничего не произойдетъ на селѣ, то и я до поры умолчу.... А будетъ коли же бунтъ.... Я того отца Мисаила достать всѣ старанья приложу... И кто этотъ мужикъ чтò спасъ меня?

—

Когда князь въѣзжалъ въ село, вдоль слободы Азгарской все было тихо, все спало уже, и на селѣ, и на барскомъ дворѣ. Это объяснило ему что онъ пробылъ долго безъ памяти. Вдругъ князь увидѣлъ тихо подвигавшіяся двѣ фигуры, и подъѣхавъ ближе, онъ узналъ жену и Кириловну.

— Господь съ тобой, жена! Зачѣмъ ты здѣсь середи ночи?

Онъ бодро слѣзъ съ лошади, стараясь не измѣнить себѣ отъ сказывающейся боли. Милуша обняла его.

— Зазябъ, дорогой? Видишь какія холодныя щечки.

Милуша приложила къ его лицу свои согрѣтыя подъ шубкой руки.

— Сказывай мнѣ, родимая, что̀ это значитъ; зачѣмъ ты на улицѣ не въ пору?

Милуша молчала. Кириловна забормотала сердито.

— Разсудку призанять бы намъ, вотъ что̀! И прежде чудна была, и вотъ замужъ отдана, сама матерью быть норовитъ, а все царя въ головѣ нѣту.

— Не кропочися, Кириловна! просила жалобно Милуша,— молчи пожалуй. Въ другорядь не буду.

— Зачѣмъ мнѣ молчать? Пусть князинька пожуритъ тебя по дѣломъ. Ты разсуди, обратилась старуха къ Данилѣ;—ждали тебя съ вечера и ждать перестали. Знамо ночевать остался на хуторѣ. Сплю я у себя на вышкѣ, вдругъ шасть ко мнѣ въ коморку, середь ночи, дитятко, и тормошитъ какъ мѣшокъ съ орѣхами. Стащила одѣяло, ухватилась за меня, да и давай навзрыдъ. Убивается плачетъ! Чего ты?—Охъ, лихъ-да-великъ! Другъ де мой въ бѣдѣ. Чуетъ мое сердце. Приключилось ему худое...

Данило удивленно взглянулъ на жену.

— Съ чего же тебѣ это на умъ пришло? Во снѣ что ль?

— Не вѣдаю сама, дорогой. Спала я непокойно и вдругъ сердце во мнѣ колыхнулось. Гдѣ Данило? Гдѣ мужъ? Въ бѣдѣ мужъ, шепчетъ мнѣ сердце. Безъ памяти, безъ понятія что̀ со мной дѣется, побѣжала я къ мамушкѣ, и стала звать ее на встрѣчу къ тебѣ пойти. Хоть и гадали мы всѣ что ты на хуторѣ ночуешь, да авось, думаю, полегчаетъ какъ пройдусь по селу; прости, милый, я должно не въ полномъ здоровьѣ.... Все боязныя мысли были въ головѣ... Побожилась бы тому съ часъ что ты въ бѣдѣ. Вѣдь теперь скоро полночь. Мы ужь давно поджидаемъ тебя здѣсь гуляючи съ Кириловной, разсмѣялась Милуша.—А ужь злилась-то, злилась старая на меня! злилась да зѣвала все; сама едва ноги волочитъ. На плетнѣ отдыхала, весело смѣялась Милуша.

— Безпутное дитятко, заворчала Кириловна и ждала что

князь разбранитъ жену, но Данило задумчиво глядѣлъ на Милушу.

— Ну, жена, и впрямь видно велика твоя любовь. Сердце въ тебѣ словно зрячее. Прозрѣваетъ сачо чего и глаза не видятъ.

— А былъ ты въ бѣдѣ?

— Былъ, и въ великой! Одною ногой въ гробу былъ.

— Данилушка! И съ крикомъ бросилась Милуша къ мужу на шею.

— Полно, родная. Видишь живой стою и невредимъ. Пусти. Плечо у меня зашибено, должно вывихъ. Упалъ я съ коня.

Данило сказалъ свое выдуманное паденіе съ лошади, но Милуша не слыхала ничего. Она вся замерла, плакала и молилась мысленно. Она понимала что бѣда была и уже прошла, но все-таки сердце въ ней трепетало въ ужасѣ.

— Все прошло. Да! Но было, было! И Милуша дрожала, переживая мысленно прошлое.

Кириловна выслушала все и вдругъ поклонилась въ поясъ Милушѣ, трогая пальцемъ землю.

— Прости, княгинюшка, меня дуру пѣтую. Буду впередъ знать гдѣ въ тебѣ разумъ Господь положилъ.

И Кириловна заплакала.

— Полно, мамушка, сказалъ Данило.—Чего ты?

— Родимый мой, вѣдь вотъ, старая, тебя какъ люблю, а нѣтъ чтобы прочуять.... Все здѣсь ходючи грызлась съ ней, какъ песъ какой. Разумъ-то, видно, нно бываетъ и сбрехнетъ, а сердце-то Милушино зрячее и впрямь Божій даръ... Закаюсь я, чертовка, противничать ея мыслямъ. Случись теперь въ ночь—позови меня дитя на рѣку, въ прорубь: пойду! Позови середь зимы въ лѣсъ соловьевъ слушать: пойду! Вотъ те Христосъ!

V.

Князь Данило сталъ сумраченъ и угрюмъ. Не столько отъ болѣзненнаго состоянія, ибо черезъ два дня онъ почти поправился и чувствовалъ себя изрядно, только плечо болѣло; но все видѣнное и слышанное имъ наканунѣ не выходило у него изъ головы.

— Живъ государь Петръ Ѳедорычъ! Явленъ міру! И вѣчную волю объявитъ онъ! Искупитель отъ золъ! въ сотый разъ

повторялъ князь. Вотъ чѣмъ надлежало разрѣшиться неустройствамъ нашимъ! Великая сила въ словахъ этихъ для холопьяго рода. Вотъ что подъ Москвой понудило быть-можетъ бѣжать и Алешу! Вотъ что ожидаетъ и отецъ Ареѳа! Что туманитъ разсудокъ народный, и бѣгуновъ вербуетъ? Если іеромонахъ Мисаилъ не вретъ, то кто жь и гдѣ этотъ Петръ Ѳеодорычъ? Неужели же никто иной какъ тотъ бездѣльникъ Ермошка или Емелька что метежничаетъ подъ Оренбургомъ? О коемъ Брантъ говорилъ и Иванъ пишетъ родителю? Не можетъ статься чтобы слухъ о немъ досюда дошелъ. Видно другой еще явился.

Данило ни слова не сказалъ никому о своемъ приключеніи, о встрѣчѣ и рѣчахъ монаха Мисаила.

Черезъ день пріѣхалъ нарочный изъ города и привезъ, вмѣстѣ съ хозяйственными покупками, пакетъ на имя Родивона Зосимыча. Это было второе письмо полученное въ Азгарѣ съ пріѣзда Данилы. Старикъ князь, прочитавъ письмо, обернулся къ семьѣ съ лицомъ слегка измѣнившимся.

— Дѣтушки, ступай всякъ по своимъ заботамъ либо утѣхамъ.... Намъ надо вотъ съ сыномъ перемолвиться.

Всѣ вышли удивляясь и даже боясь бѣды...

— Данило, началъ князь оставшись наединѣ съ сыномъ.— Ты либо скрытничаешь съ отцомъ роднымъ, либо не вѣдаешь великаго событія въ Имперіи. А еще пріѣзжій изъ столицы гвардеецъ!

— Про что изволишь спрашивать, батюшка, мнѣ не понятно.

— Императоръ живъ! Не умиралъ и впрямь! Явился въ предѣлахъ нашихъ! императоръ Петръ III. Ну!.. Что? Ротъ разинулъ? То-то вотъ! А еще питерскій!

— Батюшка, подлому холопью токмо пригодно такимъ рѣчамъ внимать и вѣровать. Тебѣ вѣдомо что я самъ былъ въ Петербургѣ при похоронахъ покойнаго государя, самъ отдалъ ему послѣдній долгъ подданнаго и христіанина....

— Все то я слышалъ, а ты вотъ теперь другое послушай...

И князь сталъ читать:

„Достопочтимый и многолюбезнѣйшій пріятель, товарищъ молодости незабвенной, другъ Родивонъ Зосимычъ. Много лѣтъ тебѣ здравствовать и цвѣсти макомъ. Дозволь, друже

мой, послѣ многихъ лѣтъ молчанія, отписать тебѣ безъ отлагательствъ и оговоровъ, и порадовать зѣло великимъ и радостнымъ происхожденіемъ которое наполняетъ нынѣ счастіемъ и восторгомъ всѣ сердца истинныхъ Россіянъ. На сихъ дняхъ освѣдомилась вся столица Москва слухомъ изъ С.-Петербурга о здравствованіи, черезъ чудесное спасеніе отъ смерти, великаго нашего государя Петра Ѳеодорыча. Милостью свыше Всемогущаго Господа живъ и невредимъ въ руцѣ божественной государь Петръ, коего полагали мы въ нѣдрахъ матери нашей общей, сырой земли. Осушимъ слезы наши, досточтимый товарищъ, и станемъ достойны его императорскаго величества явленія, и вознеся молитвы къ Господу, принесемъ посильную нашу лепту словомъ и подвигомъ на защищеніе истиннаго"....

— Полно, батюшка, съ меня и этого уже изрядно много, прервалъ Данило чтеніе отца.—Далѣе, я чаю, все та же дурь, да то же турусье!... Повѣдай на милость отъ какого глупца или предателя это писаніе?

Родивонъ Зосимычъ сурово глянулъ на сына.

— Отъ вѣрнаго и давняго друга моего и товарища по службѣ моей, коего уста, сынокъ, до днесь не оскверняли не токмо клеветой, ниже лживымъ словомъ единымъ. А ума у него болѣ чѣмъ у семи Данилъ. Онъ дворянинъ доблестный во всей своей жизни. Несравненно съ нами почиталъ онъ и любилъ императора, и послѣ петербургскаго предательства пострадалъ не мало. И нынѣ не помыслится ложью и обманомъ запятнать свою долголѣтнюю честь. Вотъ что̀, сынокъ! Мы съ тобой, сдается, умомъ-то за край хватили. Всѣ у насъ дурни, да не годны—опричь насъ....

Князь Данило вспыхнулъ, и потокомъ бурнымъ полилась его рѣчь... Старикъ отецъ слушалъ молча, но внимательно.

Данило началъ издалека, объяснилъ отцу по своему разумѣнію положеніе Россіи, происки партій при дворѣ, раскольничьи ухищренія, безпорядки у казаковъ, наконецъ недовольство крестьянъ и причины волненія въ народѣ. Затѣмъ онъ повторилъ подробно всѣ случаи въ пути своемъ отъ Петербурга и вѣсти изъ Оренбурга, съ оцѣнкой и объясненіемъ малѣйшаго случая, наконецъ дошелъ и до случая съ нимъ въ окрестностяхъ Азгара.

— И вотъ чѣмъ заключу я рѣчь мою, кончилъ Данило.—Ты зачастую сказывалъ гнѣвно: нѣсть опасности государству!

Не такой лихъ ходилъ по Россіи въ старину, и все ублажалось и устроялось и къ доброму концу приводило. Хранилъ Господь православную державу! Правъ ты, батюшка, слова нѣтъ. Правъ ты... И нынѣ не поколеблется Россійская Имперія если загомонитъ подлое сословіе, черный людъ, и если дворяне пребудутъ опорой твердою трона своего законнаго монарха и не дадутъ вѣры скоморошнымъ разглашеніямъ. Но если, избави Господь, дворянскія фамиліи, люди равные доблестью съ княземъ Родивономъ Хвалынскимъ, дадутся въ коварный и преступный обманъ измѣнниковъ и блазней государственныхъ, — тогда быть неурядицѣ и великому колебанію Имперіи. Скажу я даже.... въ тотъ часъ быть второму вору Отрельеву на Русскомъ престолѣ и лаки крамоламъ, ковнямъ и междоусобицѣ.... Если ты, родитель, почитаешь этого незнакомаго мнѣ дворянина и твоего пріятеля доблестнымъ и не криводушнымъ, то я, не логнѣвайся, почитаю его равнымъ блазню и изувѣру, равнымъ тому юродивому бѣгуну и проходимцу Мисаилу.... И какъ того Мисаила, такъ и твоего писателя, я почелъ бы должнымъ предать въ сыскъ и допросъ за противныя государству и трону разглашенія.

Данило въ волненіи заходилъ по комнатѣ. Родивонъ Зосимычъ молчалъ и недоумѣвая вертѣлъ довольно длинное письмо своего столичнаго друга.

— Да, быть конечному разстройству, заговорилъ Данило снова,—если дворяне въ малоуміи, непристойномъ ихъ роду, начнутъ руководить себя такими непутными слухами. Великій успѣхъ возымѣетъ зараза эта, и пуще, горше чумы Московской растлитъ всѣхъ... Тогда воистину, по Писанію, возстанетъ братъ на брата, отецъ на сына и сынъ на отца....

— И Данило тоже чтоль — на стараго глупца Родивона? сурово вымолвилъ вдругъ князь, поведя своими мохнатыми сѣрыми бровями.

Данило остановился предъ кресломъ отца.

— Батюшка! Есть на свѣтѣ опричь сыновней обязанности иная вышняя обязанность. Есть и любовь иная, помимо сыновней...

— Любовь къ отечеству!... Къ городамъ, да рѣкамъ, коимъ и званія не упомнишь! Ужь слыхалъ отъ тебя! Полно, братъ, юлить.... Обязанность же эта твоя, вышняя: услуживать тому кто награждаетъ.... И за бѣленькій крестишко родителя

продать. Полно ты мнѣ всѣ сіи небылицы въ лицахъ казать. Умны вы больно стали, ерои турецкіе! Господню заповѣдь забыли что велитъ чтить отца и мать, не спокойно вымолвилъ старикъ.

Данило слегка перемѣнился въ лицѣ, но молчалъ, и пройдя разъ по комнатѣ выговорилъ отчеканивая слова:

— Я служу моему отечеству, а за него награждаетъ монархъ, нынѣ царица. Бѣленькихъ же крестишекъ, батюшка, въ Имперіи не много было роздано. Святой Егорій установленъ государыней за воинскую доблесть и самоотверженіе. Твой сынъ, батюшка, котораго ты вотъ коришь, два раза кровью исходилъ, на волосъ отъ смерти. Кабы не мы, воевавшіе съ Турками, да съ Поляками, такъ можетъ-статься иной бы порядокъ былъ въ сіи дни на Руси.

Оба князя замолчали на мигъ. Данило сталъ у печки и угрюмо косился на отца. Старикъ шевелилъ коробкой съ бирюльками на столикѣ стоявшемъ около его кресла и наконецъ усмѣхнулся ѣдко:

— Такъ, такъ.... Я свой умишко стало вотъ въ бирюльки проигралъ Митричу. И многоумный воеватель, сынъ мой, на меня нынѣ войной пойдетъ за мое малоуміе, вымолвилъ князь, глядя въ туманное окно.

— Коли ты, батюшка, дашься въ этотъ соблазнъ и срамно объявишься за вновь явленнаго самозванца (коли таковой и впрямь есть), то я въ тотъ же часъ бѣгу изъ родительскаго дома. Коли ты, родной мнѣ отецъ, болѣе вѣры дашь писанію этого невѣдомаго мнѣ краснобая чѣмъ своему сыну родному, то мнѣ не годно быть самовидцемъ твоихъ заблужденій.. Кто за крамолы, да за поднятіе бунта, заназванство преступное, за безправье государственное, тотъ мнѣ ни отецъ, ни братъ, ни сватъ... Тотъ человѣкъ мнѣ, русскому воину и вѣрному слугѣ императрицы, врагъ лютый!.. Да, врагъ, кровный!..

— Ну, а мнѣ твоя императрица, прынцесса Налгальская или Навральская... вдругъ вспыльчиво выговорилъ старикъ.

— Батюшка, воздержись!.. Я не могу дозволить говорить при себѣ непристойныя рѣчи про свою государыню. И никому не дозволю онаго, ниже отцу родному... Никогда!

— Не дозволю... Ты! мнѣ! не дозволишь!? у меня въ дому!.. Ты! вскрикнулъ князь.—Такъ я тебѣ сказываю, коли пошло на правду-матку, что я твою прынцессу почитаю за....

— Батюшка! почти закричалъ Данило.—Будь разуменъ.... я полковникъ ея гвардіи, ея, монарха Русскаго. И мнѣ присяга повелѣваетъ...

— Ты мнѣ не полковникъ гвардіи! загремѣлъ голосъ князя. — Ты мнѣ Данилко. Поросенокъ ты мнѣ, коего я съ женой родили. Ты на моихъ глазахъ груди матери сосалъ, да пруды прудилъ. И ты мнѣ не смѣй тыкать своею присягой да прынцессой, коя только, знай, одно дѣло смыслитъ, какъ бы ей, голубушкѣ....

— Я лучше уйду! громко перебилъ Данило, двигаясь къ дверямъ. Въ крохи малыя крошить пріобыкъ я всякаго кто дерзнетъ помыслить худо о царицѣ, поэтому...

Князь Родивонъ Зосимычъ измѣнился въ лицѣ и задрожалъ всѣми членами.

— Въ крохи!.. щенокъ паршивый!.. Да какъ ты... да тебя вотъ... какъ муху.... какъ муху! молчать! князь Родивонъ схватилъ коробку отъ бирюлекъ и стукнулъ ею по столу.

— Не могу я молчать на преступныя....

— Молчать! крикнулъ князь на весь домъ и блѣдный поднялся съ кресла. — Ахъ ты!!—И князь пустилъ коробку въ сына. Она перевернулась въ воздухѣ, раскрылась, и обсыпавъ Данилу бирюльками, ударилась въ его подбородокъ.

Данило ахнулъ и поднявъ руку сдѣлалъ шагъ на отца, но вдругъ схватился за голову, и круто повернувшись на каблукахъ, почти выбѣжалъ въ залу. Здѣсь онъ остановился предъ окномъ, и не помня себя сталъ протирать запотѣвшее стекло. Рука его сильно дрожала и дыханье стѣсняло въ груди.

— Чтò же это все? Какъ тутъ быть? вертѣлось у него въ головѣ.

Кто-то подошелъ, обнялъ его. Онъ, не глядя, нетерпѣливо отвелъ руку.

— Чтò ты, Данилушка! Богъ съ тобой! заговорила Милуша, заглядывая въ лицо мужа.

— Оставь. Поди прочь, вымолвилъ Данило рѣзко.

Князь Родивонъ Зосимычъ слабымъ голосомъ звалъ людей. Милуша прислушалась къ странному голосу и опрометью побѣжала на зовъ. Затѣмъ выскочила изъ кабинета.

— Данилушка! свекору худо! вскрикнула она.

Данило какъ бы очнулся и вошелъ въ кабинетъ. Сошлись люди, и прибѣжала съ верху княжна.

Князь Родивонъ Зосимычъ сидѣлъ въ креслѣ съ синеватымъ лицомъ и весь вздрагивалъ по временамъ.

— Батюшка! бросился къ нему Данило.

Дико сверкнули глаза старика, онъ слабо махнулъ рукой и отвернулся отъ сына.

Князя уложили въ постель и поскакали за Тихомъ, и Данило смущенный ушелъ въ Нѣмецкій Домикъ. Черезъ часъ жена и сестра прибѣжали къ нему съ разспросами.

— Ничего... пустое... токмо одно скажу: мнѣ тутъ не мѣсто въ Азгарѣ, покуда отецъ.... Что̀? лучше что ли? перебилъ Данило самъ себя.

— Кажется лучше, сказала Милуша, съ безпокойствомъ вглядываясь въ лицо мужа суровое и озлобленное.

Ввечеру явился Моисей Тихъ и объявилъ что у князя никакого поврежденья нѣтъ. Сердце расходилось и печенка балуетъ.

„Стало останется", подумалъ Данило: „и осрамитъ еще пожалуй родъ Хвалынскихъ!"

Въ домѣ насталъ иной порядокъ. Всѣ ходили на цыпочкахъ. Отсутствіе старика за столомъ наводило на всѣхъ неловкое и непріятное чувство. Всѣ садились, сидѣли и вставали изъза стола угрюмо и молчаливо. Подходить благодарить тоже было некого. Михалка разъ попробовалъ было поклониться Данилѣ, но этотъ вспыхнулъ, разсердился и вымолвилъ рѣзко:

— Что̀ ты! очумѣлъ? не мой хлѣбъ! Батюшка еще Божьей милостью здравствуетъ. Иди къ нему со спасибомъ.

VI.

Черезъ два дня старикъ князь уже довольно бодро сидѣлъ въ постели своей. Во время болѣзни его, Милуша, по приказанію мужа, не отходила отъ старика, ухаживала за нимъ, и въ первые же полчаса, понявъ безмолвный языкъ больнаго, по глазамъ его угадывала что̀ ему нужно. Прошелъ еще день, и князь Родивонъ Зосимычъ захотѣлъ пересѣсть въ кресло. Онъ все еще косился и дулся на Данилу, былъ при немъ молчаливѣе, и только когда сынъ уходилъ, становился говорливѣе, шутилъ съ дочерью и съ невѣсткой. Особенно нѣженъ сталъ теперь старикъ съ Милушей, полюбивъ

ее за двѣ безсонныя ночи проведенныя у его постели въ заботахъ.

— Золотыя ручки! Выходила меня, голубушка.

Князь Данило объявилъ женѣ вскорѣ же послѣ ссоры съ отцомъ что ѣдетъ въ Казань узнать что̀ творится подъ Оренбургомъ.

— Нѣтъ ли и воистину крупнаго замѣшательства отъ самозванца? Тогда я долженъ причислить себя къ тамошнимъ войскамъ.

— Да вѣдь Казань далече, голубчикъ мой, сказала Милуша.

— Что̀ за далече! Съѣзжу мигомъ. Столько ли я изъѣздилъ въ мою жизнь!

— Нѣту, голубчикъ. Я про то сказываю, далече Казань, что намъ опасаться-то нечего отъ того самозванца. Сюда не придетъ. Пущай тамъ озарничаетъ. Намъ что̀?

— Неразумная ты, вотъ что̀. Такъ мнѣ и сидѣть въ Азгарѣ коли сюда не придетъ? Моя изба съ краю что ль? Полно. Да и не бабье дѣло толковать о семъ. Сказали тебѣ отъѣздъ, ну и собери!.

Милуша ушла, и ввечеру пришла съ красными заплаканными глазами. Данило замѣтилъ это и покачалъ головой.

— Срамишься жена! сказалъ онъ.—Тебѣ бы за Уздальскаго идти. Вмѣстѣ бы пироги пекли да ѣли, да медъ пили, пока другіе бы погибали.

Милуша вспыхнула при имени которое, Богъ вѣсть почему, стало ей ненавистнымъ.

Однажды, когда Родивонъ Зосимычъ уже оправился, Данило послѣ обѣда вошелъ къ нему, предупредивъ всѣхъ чтобъ удалились и оставили его наединѣ съ отцомъ.

— Прости, батюшка, сказалъ онъ, — за прошлое... Погорячился я. За то же и ты меня.... Впредь такимъ бесѣдамъ болѣе у насъ не бывать. Обѣщаюсь тебѣ. Прости!

— Богъ проститъ. Я старъ, да и недуженъ. Не я кричу, недугъ мой кричитъ во мнѣ. Подагра ругаться, вздорить лѣзетъ, сынъ, а не я самъ... Спроси-ко Тиха. Есть, говоритъ, болѣзни что со всѣми драться человѣкъ хочетъ, а то и себя бьетъ... Спроси-ко Тиха.

— Старое кто помянетъ тому глазъ вонъ! сказалъ Данило усмѣхаясь, но сухо цѣлуя отца. — А теперь, батюшка, я поѣду въ Казань.

— Почто?

— Свѣдать чтò за волненье. Ты возьми что въ мое еще нахожденье въ Казани ходили слухи о ворѣ... А теперь вишь разстрига здѣсь проявился, да и ты вотъ извѣщенъ тоже.. Надо свѣдать чтò за притча!...

— Да намъ-то чтò жь? Пущай ихъ!

— Нѣту, батюшка. Я поѣду! кратко и рѣшительно отозвался Данило.

— Богъ съ тобой. Ступай. Ты не махонькой. Ворочай скорѣе, а то супруга твоя закручинится. Чтò жь это за молодые... врозь.

На утро Данило сталъ собираться и прощался со всѣми. Лошади стояли уже у подъѣзда. Всѣ въ домѣ удивленно заглядывали въ лицо Данилы и перешептывались.

— На долго ли? Ну какъ совсѣмъ! Не на шутку знать повздорили князь съ князинькой... Эка обида!

Опять Василиса нагрянетъ, да разсядется въ хоромахъ.

Небось. А княгиня-то!

Когда Данило, окруженный домашними, простился послѣдній разъ съ отцомъ и выходилъ изъ его комнаты, Родивонъ Зосимычъ вдругъ снова позвалъ его.

— Сынъ!

— Чтò, батюшка! вернулся Данило.

— Ты.... Вотъ чтò.... Ты коли еще сердце на отца имѣешь—въ путь не ѣзди. Коли я тебя обидѣлъ.... Ну? чтò жь мнѣ тогда подѣлать? Говори? Чтò?

— Чтò ты, батюшка. Какое же у меня сердце. Я и запамятовалъ все давно, неестественно мягко сказалъ Данило.

— Родителю старому прощенья просить у сына не къ лицу.— И голосъ Родивона Зосимыча слегка измѣнился.—Вѣдь я смекаю.... отводъ-то твой. Въ Казань вишь ѣдешь на десять денъ.... Ты обстроишься тамъ, либо въ Москвѣ, а жену, а то и Фиму, вызовешь къ себѣ.... А я тутъ.... одинъ.... съ дворовыми одинъ помру. Данило! Сынъ! Не позорь стараго родителя! Срамъ тебѣ будетъ, да и второй грѣхъ горше перваго грѣха.

Голосъ Родивона Зосимыча задрожалъ.

Всѣ обступили старика. Данило опустился предъ нимъ на колѣна, и какое-то новое лучшее чувство шевельнулось въ немъ къ старому отцу; онъ сталъ божиться и успокоивать старика что не обманываетъ, переѣзжать изъ Азгара не собирается и вернется назадъ немедленно.

— Такъ почто же отъ жены бѣгать въ медовый мѣсяцъ? Ты гляди на нее сердечную,—онъ показалъ на Милушу.—Теперь ужь сбираючи тебя въ путь исхудала.... Да и всякая на ея мѣстѣ рѣкой разольется. Коль тебя бабье любопытство пробираетъ, такъ мы кого ни на есть, хоть Агаѳонова, пошлемъ собрать вѣсти.

Данило успокоилъ отца, убѣдилъ, и провожаемый всѣми съѣхалъ со двора.

Проводивъ мужа, Милуша пошла тихо и задумчиво на верхъ, прямо въ каморку къ своей старухѣ, и войдя остановилась среди горницы.

Старуха хворала и, сидя у окошечка, вязала чулокъ.

— Кириловна! заплакала Милуша,—Кириловна!

— Знаю что я Кириловна! сердито косясь отозвалась старуха.... Что̀? Упрямица.... онъ. Вѣтрогонъ! Ишь непосѣда какой. Все-то его забота! Два козла сцѣпятся, такъ онъ полѣзетъ разнимать. Вокой королевичъ эдакій. Тьфу!

— Кириловна! плакала Милуша и сѣвъ около старухи на скамейку положила голову къ ней на колѣни, подъ бѣгавшія спицы чулка.

— Ну что̀ Кириловна? Я-то что̀? Ко мнѣ-то ты что̀? Не могу я обернуться тебѣ въ супруга. Я не оборотень. Не могу тожь и ему указать: стань передо мной какъ листъ передъ травой. Коли въ уѣздѣ ѣзди. Ну давай выть вмѣстѣ.... Кто кого перевоетъ.

Милуша пуще залилась слезами.

— Э-эхъ право! вздохнула Кириловна.—Вотъ я и молвлю: Андрей-то, Лексѣичъ-то, сидѣлъ бы дома.... не лѣзъ бы воевать. Онъ, голубчикъ, съ пушекъ палить не ученый.

Милуша вскочила какъ ужаленная.

— Не смѣй! Не смѣй!... закричала она.—Лицо ея ярко загорѣлось и въ мигъ высохло отъ слезъ.—Что вы меня корите все Уздальскимъ! Хоть бы не живать ему никогда на свѣтѣ.

Милуша выбѣжала изъ комнаты старухи и надѣвъ шубку побѣжала къ себѣ въ Нѣмецкій Домикъ. Кириловна, хоть и хворая, поднялась черезъ силу и поплелась внизъ, разспрашивая людей:

— Куда моя-то сгинула? Э-эхъ! Къ себѣ чтоль мигнула? Должно и помру-то, и все бѣгать буду....

Часовъ въ семь, когда всѣ собрались къ ужину, Михалка, по уговору съ Кириловной, привелъ съ собой своего друга и

сожителя Безрылаго. Это было приготовлено заранѣе съ цѣлью развеселить княгинюшку, вдоволь наплакавшуюся въ этотъ день.

Когда все убрали со стола, Михалка разставилъ стулья въ рядъ для зрителей, взялъ себѣ одинъ стулъ, поставилъ его среди залы и ввелъ Безрылаго изъ передней....

— Вы что-жь ему лапы-то не обтерли? Полъ-то пакостить! Ишь загрязнили!...—кропотался Агаѳоновъ съ цѣлью показать свое значеніе предъ дворней, собравшейся глазѣть на штуки Михалки и Безрылаго, которыя они однако уже разъ сто видѣли. Теперь двѣ плотныя кучки тѣснились въ двухъ дверяхъ изъ корридора и изъ передней, и глазѣли вытянувъ шеи. Передніе словно упирались, даже перевѣшивались, казалось, чрезъ какую-то невидимую, заколдованную преграду, не пускавшую ихъ въ залу. Задніе поднимались на цыпочки, тянулись тоже и валились на спины переднихъ и всѣ глазѣли, съ сиплымъ хихиканьемъ и шопотомъ изъ уваженія къ молодой княгинѣ. Княжна была для нихъ свой человѣкъ. Когда Милуша и Фима усѣлись, Агаѳоновъ обернулся къ Михалкѣ:

— Вы! Начинай позорище-то....

— Ходи не гляди, рыломъ не верни, хвостомъ не тронь! Умница безпутница! Воевода безъ рода! Безрылый капитанъ! часто и однозвучно заторагорилъ Михалка и важно пошелъ ходить съ кнутикомъ вокругъ стула, не оглядываясь ни на собаку, ни на зрителей. Безрылый, высуня языкъ, ходилъ за нимъ по пятамъ, изрѣдка стараясь почесаться на ходу, за что̀ получилъ два раза кнута.

— Смотрись. Садись. Не кувырнись. Брысь! скомандовалъ Михалка.

Безрылый сѣлъ на заднія лапы. Михалка, не оборачиваясь, ушелъ въ уголъ, спрятался за шкафъ и пискнулъ:

— Селя малыкъ, Безрылка!

Безрылый, сидя среди залы, началъ тявкать.

— Это онъ по-татарскому! объяснилъ Агаѳоновъ.

— Что̀ тамъ такое? послышался голосъ князя изъ кабинета.

— Вотъ, докладывалъ я.... услышатъ! замѣтилъ укоризненно Михалка, выходя изъ-за шкафа уже на цыпочкахъ.

Всѣ смутились. Одинъ Безрылый сидѣлъ спокойно середи залы и все тявкалъ, вертя мордой за пробѣгавшею Серафимой, которая сбѣгавъ къ отцу вернулась и объявила:

— Доложила! можно! ничего.... сказалъ, для Милуши.

Всѣ ободрились. Милуша улыбалась сквозь слезы.

Михалка скрылся снова за шкафъ и заплакалъ. Безрылый завизжалъ и забезпокоился.

— Охъ! О-о-охъ! застоналъ вдругъ Михалка и повалился на полъ.

Собака вскочила, бросилась къ нему и начала тормошить. Михалка лежалъ безъ движенія, раскидавъ руки по полу. Собака ухватила его за полу кафтана и потащила. Михалка повернулся на другой бокъ.

— Самъ! Самъ! Не хитри! закричала Фимочка, хохоча и сіяя отъ удовольствія.

Въ дверяхъ все прибывала публика и тоже хихикала.

— Ахъ, лѣшій тебя задави! въ видѣ похвалы слышалось оттуда. Безрылый все дергалъ Михалку, тотъ понемногу переваливался и катился на середку залы. При одномъ изъ поворотовъ мѣдная тавлинка выскочила у него изъ кармана.... Дружный, внезапный хохотъ раздался въ дверяхъ.

— Тише вы, черти! крикнулъ дворецкій. — Вотъ посади свинью за столъ.

— Это такъ завсегда? Это нужно? спросила Милуша,—что тавлинка-то выпала?

— Кто его дурня знаетъ! отозвалась Кириловна.—Можетъ нужно.

— Никакъ нѣтъ-съ! ваше сіятельство.... Тавлинка выпала сама.... Вертится вѣдь онъ, ну и выпала, объяснилъ Агаѳоновъ нѣсколько важно.

Михалка между тѣмъ вдругъ очнулся и уже обнимался съ Безрылымъ. Одинъ сѣлъ поджавъ по-турецки ноги, другой сѣлъ на заднихъ лапахъ и воспользовался случаемъ почесаться.

Начался разговоръ.

— Ты меня жалуешь, Безрылушка? тихо спросилъ Михалка.

Собака жалобно тявкнула, прижатый хвостъ зашелестилъ по полу, какъ бы въ подтвержденье спрошеннаго.

— Ну, а вотъ дворецкаго жалуешь? быстро выговорилъ Михалка.

Собака зарычала.

— Я-те дамъ! погрозился Агаѳоновъ.—Вотъ не велю костей изъ людской давать.

— Соври, Безрылушка, скажи что жалуешь дворецкаго! снова понизилъ голосъ Михалка.

Собака затявкала. Общій смѣхъ присоединился къ лаю.

— Какой лукавый! сказала Милуша.

— Да вѣдь это все онъ самъ, Михалка. Голосомъ своимъ! объяснила Фима.—Ну а меня онъ любитъ!

Михалка спросилъ на особый ладъ. Безрылый завизжалъ особенно жалобно.

— Гораздо, значитъ, любитъ, пояснилъ кто-то.

— Ну, а мамушку Кириловну жалуешь? нагнулся Михалка на ухо Безрылаго.

Безрылый разсвирѣпѣлъ, ощетинился и зарычалъ басомъ.

— Ахъ ты проклятый! ахнула старуха.—Вѣдь какъ взъѣлся-то.

Представленье продолжалось долго. Безрылый прыгалъ черезъ стулья. Михалка ѣлъ длинную корку хлѣба, Безрылый отымалъ, уцѣпившись за другой конецъ, причемъ оба рычали. Затѣмъ Безрылый съ обвязанною мордой и глазами искалъ Михалку по залѣ. При этомъ Михалка изощрялся гдѣ спрятаться и наконецъ, перемѣнивъ всѣ мѣста, полѣзъ на большой шкафъ.

— Загремишь ты оттуда! предупредила Кириловна.

— Смотрите вы. Передавите всю посуду, переколотите, замѣтилъ Агаѳоновъ, взирая на шутку хозяйственнымъ и отвѣтственнымъ окомъ.

— Ушибется еще, замѣтила Милуша.

Михалка осторожно и цѣлко влѣзъ и притихъ.

Долго искалъ Безрылый, подымая морду и нюхая кругомъ, и наконецъ отчаянно завылъ вдругъ на весь домъ... Князь снова отозвался изъ кабинета. Всѣ вскочили. Милуша, немного повеселѣвшая, вздрогнула и вздохнула. И ее покоробило отъ этого воя. Всѣ бросились на собаку.

— Безрылка, молчи! Чортъ!

Михалка живо слѣзъ со шкафа. Понемногу всѣ разбрелись.

Черезъ часъ все стихло въ домѣ и все спало. Милуша уже въ Нѣмецкомъ Домикѣ, полуодѣтая, въ своей спальнѣ, молилась на колѣняхъ у образницы. Кириловна добыла себѣ какой-то матрацъ и устраивалась на полу около большой кровати Милуши.

— Чаяла отслужила, сдала супругу. Анъ нѣтъ! Повалялся

еще по полу, подъ носъ себѣ бормотала старуха, но въ дѣйствительности вполнѣ счастливая тѣмъ что можетъ опять въ ногахъ своего дитятки умоститься сторожевымъ псомъ.

Когда обѣ улеглись, Милуша взглянула на пустое мѣсто около себя и вздохнула со слезами на глазахъ:

— Гдѣ-то онъ теперь, Кириловна? Золотой мой!

— Далече, соннымъ голосомъ прошамкала старуха, зѣвнула и перекрестила три раза беззубый ротъ.

VII.

Однажды утромъ, чрезъ степную сторону, явился въ Оренбургъ гонецъ изъ Казани, Густавъ Штейндорфъ, и привезъ указъ, слухъ о которомъ мгновенно распространился по городу, а вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ опубликованъ и прочтенъ по всемъ церквамъ.

Высочайшій указъ гласилъ:

„Господинъ оренбургскій губернаторъ Рейнсдорпъ,

„По случаю мятежа у васъ въ губерніи отъ бездѣльника, казака Пугачева, заблагоразсудили мы послать на мѣсто генералъ-майора Кара, которому вы всякое вспоможеніе не оставите показать при всякомъ случаѣ.“

„*Екатерина.*“

Генералъ Каръ съ тысячнымъ отрядомъ своимъ, по словамъ гонца Штейндорфа, долженъ уже находиться въ Бугульмѣ, а можетъ и ближе; въ то же время на помощь къ нему движутся со своими отрядами симбирскій комендантъ Чернышевъ и генералъ Фрейманъ изъ Калуги, да кромѣ того изъ Симбирска посланы 170 гренадеръ и изъ Уфы около пятисотъ Башкиръ и Мещеряковъ.

Оренбургскіе жители возликовали при этихъ вѣстяхъ.

Вечеромъ Штейндорфъ передалъ князю Ивану отъ имени Парани что она съ матерью выѣзжаетъ изъ Казани чтобы пробраться къ нему въ Оренбургъ.

Иванъ былъ пораженъ.

— Какъ? Теперь ѣхать! Зачѣмъ? Прямо въ лапы къ злодѣю! Ѣхать сюда, когда весь край мятежничаетъ? Да зачѣмъ же?

— Онѣ тамъ въ Казани и не думаютъ что такой мятежъ.

Говорятъ, совсѣмъ маленькій бунтъ, холодно процѣдилъ Штейндорфъ.

— Какъ же вы не отговорили... не пояснили Марѳѣ Петровнѣ все что̀ вы видѣли еще прежде меня, по пути въ Казань?

— Это не мое дѣло. Но вы не пугайтесь. Генералъ Карь въ одинъ день разбросаетъ Берду какъ муравейникъ. А госпожа Уздальская послѣ него проѣдутъ хорошо.

Князь Иванъ былъ внѣ себя отъ безпокойства, не спалъ всю ночь, и посовѣтовавшись съ Городищевымъ, рѣшился ѣхать на встрѣчу къ Уздальскимъ по Казанской дорогѣ. Онъ отправился къ Рейнсдорпу просить отпускъ и подробно объяснилъ ему все.

— Это не можно. Теперь всякій офицеръ мнѣ очень нуженъ.

— Ради Бога, ваше превосходительство, повторялъ Иванъ чуть не со слезами.

— Это не можно, господинъ офицеръ! холодно отвѣчалъ Рейнсдорпъ.

— Такъ я уѣду безъ позволенья, вымолвилъ Иванъ.

— Какъ?! разинулъ ротъ генералъ и прибавилъ грозно:—Ты съума сошелъ! Я буду указывать арестъ вамъ дѣлать!...

— Я убѣгу, еще тише вымолвилъ Иванъ, смущаясь.—Ради Бога дайте мнѣ порученье къ генералу Кару. Я самъ прошу. Хоть опасное порученье дайте, на которое никто другой не дерзнетъ, и я исполню. Хоть въ Берду пошлите.

Генералъ пожалъ плечами.

— Хорошо. Если вы рѣшитесь прямо чрезъ Берду, чтобы вывѣдать все какъ у нихъ тамъ, и потомъ генералу Кару передать... Хорошо. Gut.

— Когда прикажете за ордерами придти?... радостно воскликнулъ Иванъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. замахалъ Рейнсдорпъ руками.—Мои ордеры нельзя. Нѣтъ, ступайте безъ ордеровъ. Я только одинъ малый пакетъ дамъ вамъ для генералъ Кара. Депеши я буду посылать со Штейндорфомъ. Скажите господину генералу: оренбургскія наши дѣла — скверныя! Все что̀ дѣлаемъ— къ чорту ходитъ!

Иванъ бросился домой бѣгомъ, шальной отъ радости, и сталъ

собираться въ путь. Максимка долженъ былъ провожать его до Берды.

— Чрезъ четыре дня увижу Параню, кричалъ Иванъ другу въ сотый разъ.

— Погибельное дѣло затѣваешь, качалъ головой Городищевъ.

— Да вѣдь размысли ты: онѣ прямо норовятъ къ злодѣю въ лапы.

— А коли же тебя въ Бердѣ завтра четвертуютъ, спасешь ты ихъ своимъ подвигомъ? Непутное, погибельное дѣло.

Вечеромъ зашелъ Штейндорфъ и принесъ Ивану небольшой пакетъ отъ губернатора.

— Тутъ нѣтъ секретнаго. Можете и попасться злодѣю, сказалъ Нѣмецъ съ пренебреженіемъ.

Иванъ разинулъ ротъ.

— Зачѣмъ же? Спасибо. А вы?

— Я съ главными депешами выѣду завтра опять степною стороной, но еще дальше на Бугурусланъ. Поѣдемте, князь, вмѣстѣ пополамъ. Мнѣ губернаторъ инвалида Самцова даетъ въ провожатые. Онъ бывалъ въ Бугурусланѣ. А генералъ и не свѣдаетъ что вы не чрезъ Берду отправились. Право!

Крюку было верстъ двѣсти, но за то вполнѣ безопасно, потому что съ этой стороны мятежники почти никогда не разъѣзжали.

— Я этакъ съ Параней могу разъѣхаться, вспомнилъ Иванъ.— Я буду въ Бугульмѣ, а она пожалуй проѣдетъ дальше. Нѣтъ.

Поужинавъ у Хвалынскаго и уже возвращаясь домой, Штейндорфъ былъ остановленъ на улицѣ.

— Ваше благороіде, повѣдайте ради Господа, скоро ль намъ быть избавленымъ отъ злодѣевъ? это говорилъ Айчувакъ.—Хоть бы послали кого въ Казань гонцомъ. Сказываютъ, завтра будто погонитъ князь Хвалынскій. Да правда ль то?

— Нѣтъ. Я ѣду гонцомъ заутро.

— Вы! Вамъ бы, батюшка, чрезъ Орскій фельдшанецъ. Степью....

— Да. Я такъ и отправляюсь.

Чрезъ нѣсколько минутъ Штейндорфъ былъ у себя, а Айчувакъ тихонько пробирался среди ночи въ развалины выжженнаго предмѣстья. Дойдя до Егорьевской церкви, онъ сталъ лаять басомъ. Другой лай, визгливый и частый, отвѣчалъ ему налѣво отъ церкви, и изъ-за развалинъ богадѣльни вышелъ

человѣкъ. Они перемолвились. Чрезъ четверть часа Айчувакъ уже крался обратно въ городъ, и на окликъ часоваго отвѣчалъ:

— Обыватель! и вошелъ въ городъ.

А изъ предмѣстья рысью ѣхалъ въ Берду казакъ.

На утро выѣзжала изъ Орскихъ воротъ кибитка и въ ней сидѣлъ укутанный Штейндорфъ съ двумя солдатами. Одинъ изъ нихъ былъ безрукій Самцовъ.

Въ сумерки того же дня Калмыки выходили пѣшкомъ изъ Бердскихъ воротъ. Ихъ провожалъ Городищевъ.

— Какъ же ты съ караула ушелъ, Паша? сказалъ одинъ изъ Калмыковъ, то-есть князь Иванъ.

— Да надо же проводить тебя. Можетъ въ послѣній разъ и видимся на этомъ свѣтѣ.

— Ты знаешь ли, по военному регламенту тебя должно изъ ружей распалить.

— Го-го! Горохомъ что ль?

— Право слово, Паша. Мнѣ про это Тавровъ сказывалъ.

— Ладно. У насъ не такой заводъ. Да и пороху, братъ, не много остается.

Друзья дошли до вала и расцѣловались.

— Господь Богъ храни тебя. Матерь Божья помилуй, говорилъ Городищевъ чуть не со слезами на глазахъ.—Смотри, Максимка, обратился онъ къ другому переодѣтому.—Ты не проврись по своей глупости.

— Небось. Меня всякая собака нюхомъ знаетъ въ Бердѣ.

— То-то и плохо. Ты до Берды-то доставь. А тамъ Шамай уладитъ все.

— То не мое дѣло. Може онъ и продастъ! бойко говорилъ Максимка, сознавая важность своего положенія.

Друзья снова поцѣловались.

— Эхъ-ма! размышлялъ Городищевъ, ворочаясь на оставленный постъ.—Зазнобушки эти любовныя на что подвигаютъ молодцовъ. Неужели же судьба Ивана загибнуть? Вдругъ черезъ день, два и придетъ вѣсть что его въ Бердѣ.... Охъ, Господи!

А переодѣтые двигались бодро по замерзлой дорогѣ.

За версту отъ города, гдѣ соединялись двѣ дороги, къ путникамъ пристали еще трое пѣшеходовъ, маленькій Калмыкъ съ Калмычкой и казакъ. Калмыкъ обратился къ Ивану по-своему. Этотъ отвѣчалъ смѣло:

— Говори, братъ, по-россійски. Я по-нашему зарокъ далъ не молвить ни слова и товарищъ тоже.

— Вы въ Москву?

— Чтò брешешь? Въ Берду! отозвался Максимка. — Ты! Какъ тебя звать-то?

— Дуртя. А во жена, Тумысь. Мы въ Москву.

— Берда Москвой зовется, объяснилъ казакъ. — Такъ указано!

Узнавъ что Калмыки тоже идутъ вступать въ государеву службу, казакъ, глуповатый на видъ, добродушно сталъ учить ихъ уму разуму, не подозрѣвая своихъ спутниковъ и плохо видя ихъ лица при наступившей ночи.

— У нашего батюшки порядки крутые. Какъ объявитесь въ его службу, тотчасъ пошлетъ васъ въ чей-либо полкъ. Коль съ виду казисты, къ Чумакову полковнику, у него полкамъ-то прозванье *Хлардья.* Конны и оруженны важно. И жалованья по четыре рубля въ мѣсяцъ, не въ рядъ съ прочими. Ну, а какой молодецъ тѣломъ худъ и плюгавъ, того шлютъ къ полковнику Хлопушѣ, чтò и самъ гораздо безобразенъ, ажь носу у него нѣтъ.

— Это чтò бѣжалъ изъ острога-то городскаго? Я его видалъ прежде, сказалъ Максимка.

— Молчи ужь лучше, шепнулъ Иванъ.

— Опять у Хлопуши и оружіе не способное къ дракѣ, всего штыкъ на палкѣ, не то коса, а то и просто голая дубина. И за то спасибо! Есть такіе что съ чѣмъ пришелъ съ тѣмъ и на войну иди, съ кулаками одними. Какъ пришелъ я впервой изъ Сакмаре, то бишь изъ Кіева, меня и послали...

— Изъ Кіева?

— Да! Царь указалъ звать Кіевомъ городокъ Сакмарскій.

— Во какъ! ахнулъ Максимка:—Это ужь послѣ меня стало, новые порядки завелъ онъ.

— А ты нешто ужь былъ въ службѣ царской?

Иванъ толкнулъ локтемъ Максимку.

— Нѣту. Проходомъ въ Бердѣ бымъ, отвѣтилъ тотъ смѣясь.

— Коли будете зачтены къ Чумакову полку, продолжалъ болтливый казакъ, — всякій-то день обученіе воинское.... А то еще хуже быть во ихней антиллеріи, при пушкахъ. Тамъ работой земляной уходятъ. Все валы валятъ, *фельшанцы* звать, чтобъ уставлять пушками. Тоже день-деньской обученье и пальба; но жалованья не полагается. А будетъ указъ вамъ

пропитаться чѣмъ можете. Что̀ стянулъ, то тебѣ и есть. Вина?... Ну, сего и не проси, дадутъ. Проудовольствіе винное! Такъ и сказывается. Мой одинъ кумъ вчера подохъ. Да много ихъ тамъ дохнетъ.

— Съ вина? спросилъ Калмыкъ Дуртя.—Опивицы?

— Нѣтъ не съ вина!

— Съ чего жь?

— А гораздо не въ мѣру пьютъ, обопьются и дохнутъ. Теперь вотъ баранины многое множество, а хлѣбъ токмо у казаковъ есть. Барашка промыслить незаботливо, тутъ же ходятъ.... Словомъ, ободралъ шкурку на спину шубой, а его изжарилъ да стрескалъ.

Черезъ полчаса путники поднялись на холмъ и увидѣли вдали тысячи огоньковъ разсыпавшихся на протяженіи версты.

VIII.

— Царевъ таборъ! Почернѣй вонъ самая-то Москва и есть! сказалъ казакъ, — а въ окрестъ, все вашъ братъ Калмыкъ пораскладалъ костры.

— Чего же это, въ полѣ-то? спросилъ Иванъ.

— Не вмѣстить всѣхъ въ слободѣ! объяснилъ казакъ,—ну по степи въ разноту и живутъ. Вашъ братъ въ кибиткахъ, а иная всякая Татарва шалашики понастроили.

— Какъ же ихъ, вымолвилъ Максимка,—больше стало! Какъ я ушелъ, и половины не было. Ай какъ народу нашло! Гляди, гляди куда огоньки разсыпались. Чаю пять верстъ укрыли.

Иванъ оглядывалъ степь и тоже удивлялся.

Чудный видъ раскрылся предъ ними. Ночь была тихая и морозная, полуосвѣщенная новолуніемъ. Среди бѣлой степи протянулась темная полоса съ красными блестками, а надъ ней висѣла громадная пелена сѣраго дыма что̀ поднялся отъ тысячи зіяющихъ костровъ.

— Народу, братцы, видимо-невидимо, вымолвилъ казакъ.— Сказываютъ въ истинной Москвѣ столько не будетъ. Здѣсь счетъ всѣмъ чинили третевось и бросили, не сочли.

— Да счесть не мудрено, возразилъ Максимка.—Вѣдь сказываютъ, двадцать полковъ по пяти сотень.... нужно....

— Десять тысячъ.... сказалъ Иванъ.

— Ни-ни, двадцать одну тысячу начли полковники какъ ужь бросили считать. Съ того дня еще много мужичья навалило, да Киргизъ сколько сотень, да сибирскихъ каторжниковъ однихъ шло съ полтыщи. Гдѣ десять тысячъ! Сто клади, бачка.

Скоро неясный гулъ и грохотъ сталъ доноситься до нихъ. Блеянье барановъ, лай собакъ, пѣсни, одиночное калмыцкое взвизгиванье, ружейные выстрѣлы, все сливалось въ одинъ далекій гулъ. Наконецъ справа и слѣва отъ дороги замелькали калмыцкія кибитки, землянки, шалаши.... И всюду засверкали среди снѣга громадные зіяющіе костры изъ большихъ бревенъ, освѣщавшіе сѣренькія кучки сидящихъ и стоящихъ инородцевъ. Чѣмъ ближе подходили они къ слободѣ, тѣмъ чаще торчали землянки и гуще, говорливѣе тѣснились кучки, грѣясь вокругъ огня. Ухоженный снѣгъ, превращенный въ слякоть, чернѣлся отъ навозу и сору какъ середи села иль города. Наконецъ стали появляться кучи пѣшихъ Калмыковъ, ворочавшихся съ пѣснями и визгомъ изъ слободы.

— Гей! чего грѣетесь въ огнѣ? кричали одни. — Иди въ Москву за водочкой царевой.

— Забористая не ключевая, кричали другіе. — Сказано горѣлка!—ну и грѣетъ, анаѳема, луще огня.

Иванъ сначала смутился, попавъ въ эти сѣрыя, гульливыя волны народа, но скоро онъ замѣтилъ что былъ каплей въ этомъ сѣромъ морѣ, и что никто не обращалъ на него вниманія. Многіе толкали его, перебѣгая дорогу, иные заговаривали и окликали, но не дожидались даже отвѣта. Иногда же Калмыкъ Дуртя отзывался на вопросъ, или отвѣчала его жена, и всѣ подвигались далѣе.

— И вы по водичку!... иди! иди! часто спрашивали и сами же отвѣчали встрѣчные.

— Неужели на всѣхъ въ Бердѣ вина хватаетъ? задавалъ себѣ Иванъ вопросъ.

За ними и впереди ихъ шли тоже густыя кучи, ѣхали конные или тащились розвальни. То же попадалось и на встрѣчу. Кто тащилъ на веревкѣ барана, кто гналъ корову, кто велъ лошадь; то Калмычка пискливо звала кого-то и бранилась, то пьяный Татаринъ и казакъ лежали середи дороги и мычали на шутки прохожихъ и проѣзжихъ. Тутъ ругались на непонятномъ языкѣ, тамъ дрались. Пронесся одинъ острый

и отчаянный крикъ, и кто-то дико застоналъ вдругъ — не то пьяный, не то умирающій!....

„Адъ кромѣшный должно эдакій вотъ!“ подумалъ князь Иванъ. Въ довершенье всего шума и гама, вдалекѣ слышалась частая пальба. Разъ предъ головой Ивана просвистало что-то падающее словно съ неба, и глубоко воткнулось предъ нимъ въ снѣгъ. Оказалось стрѣла....

— Должно Башкиръ какой спьяна изъ своего сайдака мечетъ въ небо, рѣшилъ Максимка.

— Шайтанъ! крикнулъ кто-то около.—Зря убьютъ.

— Да! отвѣчалъ Максимка: — эта стрѣлка пуще піявки въ тѣло влѣзетъ. Попади въ голову — какъ свайка въ кольцо уйдетъ. Вотъ-то рѣдька будетъ....

Наконецъ показался темный ровъ, за нимъ валъ и рогатка. На углѣ виднѣлся бастіонъ, торчали пушки. Съ десятокъ казаковъ на коняхъ столпились въ кучу и болтая равнодушно оглядывали входившихъ и выходившихъ....

— Дозоръ! шепнулъ Максимка.—Ай! коли бы вѣдали они, Иванъ Родивонычъ, кто ты есть! воскликнулъ онъ глупо веселымъ голосомъ.

— Молчи, дурень! ты меня загубишь!

— Не можетъ того быть, Иванъ Родивонычъ! съ хвастливою важностью отвѣчалъ Максимка.—А подразнить бы ихъ малость—хорошо.

Они шли уже одни. Толпа оттерла ихъ спутниковъ. Направо и налѣво сіяли окна избъ. Улица была биткомъ набита сѣрыми кучками людей и животныхъ. Пѣшіе, конные, подводы, лошади, бараны, свиньи и кой-гдѣ лежащіе и стоящіе верблюды все это кипмя кишѣло съ перебранкой, криками, пѣснями и пьянымъ хохотомъ.

— Ухъ, ты! вымолвилъ пріостанавливаясь Максимка.—Вотъ оно какъ! Иванъ Родивонычъ, какъ народу развелось! Берда, не Берда.... и впрямь Москва! А пьяныхъ-то? что̀ твоя ярмарка!

Все чаще стали имъ попадаться пьяные, валявшіеся безъ движенія на мокромъ истоптанномъ снѣгу. Чрезъ нихъ шагали не только пѣшіе, но и конные. Наконецъ середи дороги попался имъ совершенно голый человѣкъ.

— Замерзнетъ вѣдь.... ахъ народецъ! ахнулъ Иванъ.

— Ну, этотъ молодецъ должно ужь подохшій. Обобрали! нагнулся Максимка надъ голымъ.—И то подохъ! Ихъ вѣдь подъ

утро токмо собираютъ. Живой вѣстимо самъ очнется въ ночь и уберется, а помертвѣлыхъ сбираютъ объѣздные и въ ровъ свозятъ.... Тутъ, Иванъ Родивонычъ, сказывали мнѣ, собаки диковинно жирны стали, отъ того что мертвечиной объѣдаются. Ай-ай! гляди, гляди! ай, звѣри!... указалъ Максимка направо гдѣ выскочили изъ-за избы два казака. Одинъ пятился, отбивался шашкой и кричалъ хрипливо:

— Братцы, атаманы! Не дай въ обиду!

Второй безъ шапки, голоногій, въ одной разодранной на груди красной рубахѣ, молча, но яростно напиралъ. Шашки визжали одна о другую. Первый пятясь наткнулся на свинью и повалился навзничь.... Второй взмахнулъ шашкой разъ, другой, третій.... зачастилъ.... упавшій и не вскрикнулъ. Иванъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ мягкаго звука шашки, крошившей человѣчье мясо! Нѣсколько человѣкъ бросились изъ избы къ рубившему.

— Не подходи! хрипливо зарычалъ этотъ.

Его повалили, связали и повели.

— Иди, иди! просидишь въ приказѣ голодухой денька четыре, такъ не будешь своихъ крошить....

— Миновать бы скорѣе! шепнулъ Иванъ, въ ужасѣ прибавляя шагу.—Скоро приблизились они къ противоположному концу слободы, но у самаго выхода изъ Берды ихъ остановили два казака.

— Максимка! здорово! куда?

— Здорово! нерѣшительно отозвался мальчуганъ: видимо оробѣвъ.

— Ты, сказывали, песъ, въ Оренбургъ сбѣжалъ.... аль опять къ батюшкѣ вернулъ?

— Худое тамъ житье! опять къ вамъ.

— Ты, парень, не подглядать ли пришелъ? Это кто съ тобой? вымолвилъ другой казакъ.

Князь Иванъ вздрогнулъ и замеръ; вся кровь хлынула ему въ голову.

Онъ узналъ голосъ товарища дѣтскихъ игръ, деньщика брата своего.

Тотъ говоря подступилъ и глянулъ Ивану въ лицо.

— Ахти! вырвалось у него.—Ваше сіят....—И Алеша Горлицынъ тоже замеръ.

Прошла секунда.... Всѣ четверо молчали: Максимка вдругъ шарахнулся въ сторону и опрометью бросился бѣжать.

— Лови Максимку! держи.... Засади у себя до утра, крикнулъ Алеша товарищу.

Казакъ кинулся за мальчуганомъ. Князь Иванъ взялся за голову руками, то холодѣлъ, то горѣлъ, и вся слобода, ряды избъ съ сіявшими окнами закружились предъ его глазами.

— Иванъ Родивонычъ! повторялъ Алеша уже въ третій разъ и взялъ его за локоть.—Иди что ль, полно же, не робѣй. Я жь не злодѣй. Аль ты думаешь пропалъ?

Иванъ не вѣрилъ ни ушамъ своимъ, ни глазамъ.

— Иди.... Важно что этотъ плутъ Максимка удралъ.... А то бы мой товарищъ выдалъ. Иди проворнѣй.

Иванъ двинулся. Они повернули въ закоулокъ и остановились.

— Говори скорѣе за какимъ ты дѣломъ здѣсь, Иванъ Родивонычъ! Долго ль до бѣды. Тутъ каждый день убивство вашей братьи.

Иванъ объяснилъ все.

— Куда же мнѣ тебя укрыть? сказалъ Алеша, и подумавъ вымолвилъ:—Максимка разболтаетъ что ты здѣсь, велятъ всѣ избы перешарить и безпримѣнно найдутъ.

— Я сейчасъ же дойду до умета. Отсюда не далече. Къ одному Татарину Шамаю.

— Какой тебѣ Шамай, Иванъ Родивонычъ! Шамай уже давно тутъ съ нами. И уметъ его пустой стоитъ. Да я его знаю коротко. Онъ тебя теперь за чарку водки продастъ.... Слушай, Иванъ Родивонычъ. Могу я тебя вѣрно укрыть до завтрашней ночи и покамѣсть справить тебѣ лошадей и въ ночь вывести на дорогу.... Все сдѣлаю, токмо вѣру дай. Не опасайся, гдѣ я тебя укрыть хочу. Въ самой въ его избѣ.

— Въ чьей?

— Въ государевой....

— У Емельки?!

— Инъ быть по твоему, у Емельки! Да вишь Емелька-то сей вельможа великая. И тебя, и меня, и всѣхъ въ мановенье умертвить можетъ. Я на свой страхъ беру что ты добрый баринъ былъ со мной завсегда. На чердакѣ у него укрыться самое важное мѣсто. Его избу шарить не въ домекъ будетъ никому. А другія всѣ перешарятъ.

Иванъ молчалъ.

— Ну, вотъ ты и въ сумнѣньи.... Да ты, Иванъ Родивонычъ, размысли: коли же бы я желалъ тебя выдать, мнѣ только крикнуть сейчасъ, и мы тебя свяжемъ тутъ же вотъ, да въ приказъ войсковой доставимъ. Пойми ты! А куда же ты одинъ теперь пойдешь, коли у тебя токмо одинъ Шамай про запасъ и былъ? Ну, не вѣришь?

Иванъ подумалъ и рѣшился.

— Вѣрю, спасибо тебѣ. Веди и укрывай куда хочешь! А я твоего этого дѣла не забуду и въ долгу не останусь.

Оба вышли снова въ большую улицу и направились къ большой ярко освѣщенной избѣ, вокругъ которой, на крыльцѣ, толпились казаки и громко толковали.

— А я сказываю, кричалъ кто-то,—что такую сволочь, какъ ты ни подѣляй на полки, все же ее одинъ регулярный полкъ разсыпетъ по земи какъ горохъ изъ мѣшка.

— Какъ клопы отъ вару повалаются, выговорилъ другой.

— Дай ты мнѣ три сотни егарей, али гусаръ, и я тебѣ не мигну, всю Берду разполыхну! горячился первый.—А когда пьяни-то мы всѣ въ повалку, такъ съ одной сотней молодцовъ всѣхъ передавить можно.

— Кто пьянъ-то завсегда пуще всѣхъ! строго молвилъ знакомый Ивану голосъ.

— Всѣ! Одинъ ты, государь, горѣлкой брезгаешь. А намъ нельзя не пить.

— Пей, да дѣло разумѣй, сказывается.

— Такъ! Вѣрно! А все неурядица наша не отъ вина, какъ ни говори. Отъ бездѣлья.

— Ну, да ты вотъ возьмися управлять, отвѣчалъ тотъ же голосъ.—Твори что̀ изволишь. Полѣзай на Оренбургъ, хоть на Москву въ походъ иди.

— Ты не гнѣвайся. Съ того рѣчь у насъ пошла что изъ Хлопушкиной сволочи самъ сатана, прости Господи, воиновъ не понатворитъ. Они, псы, только пить горазды, а выпали ты въ нихъ гольемъ, безъ ядра, они съ напугу одного передохнутъ. Татарва! Ихъ, говорю, не поить, а разогнать слѣдъ. А съ отборными не сидѣть, а идти на городъ. Чего мы ждемъ?

Князь Иванъ и Алеша обогнули избу по двору и заднимъ крыльцомъ вошли на крутую, темную лѣстницу. Въ горницѣ слышался смѣхъ и веселый говоръ. Женскій голосъ, мягкій и звонкій, напѣвалъ что-то подъ стукъ посуды.

— Онъ тамъ на крыльцѣ-то говорилъ? спросилъ Иванъ.

— Да, онъ.

— Кто же поетъ это?

— А Харлова вдова, что̀ въ Татищевой досталась. Она у него въ женкахъ.

— Измучилась, бѣдная, полагаю.

— Кто ее знаетъ? Кто сказываетъ якобы она въ немъ души не чаетъ, а кто говоритъ что она смиряется ради братишки махонькаго что̀ съ ней. Надежду имѣетъ уцѣлѣть, да уйти съ нимъ. А повѣдать никому не отваживается. Такъ вотъ и живетъ у моря погоды ждетъ.

Они взлѣзли на просторный, но переполненный тюками и мѣшками чердакъ.

— Ну вотъ, тутъ не бойся. Все одно что въ Оренбургѣ. Сюда никто не лазаетъ. А и прилѣзетъ кто, не найдетъ въ цѣлый день. Вишь вороха! Я чаю, голоденъ? сказалъ Горлицынъ.

— Нѣту.

— Какое нѣту! Тебѣ сдается сытно со страху, сиди. Я тебѣ принесу хлѣба. А наперѣдъ свѣдаю гдѣ Максимка.

Алеша ушелъ. Иванъ забился въ уголъ и легъ въ полузабытьи, отчасти отъ усталости, а отчасти и отъ волненія при мысли что онъ въ избѣ самого Пугачева, надъ его комнатами. Онъ не вѣрилъ самъ себѣ что онъ подъ одною кровлей съ тѣмъ отъ кого въ цѣлой провинціи стонъ стоитъ. При малѣйшемъ звукѣ или шорохѣ въ избѣ, онъ чувствовалъ какъ стучала кровь въ вискахъ и упадало сердце.

Черезъ часъ Алеша вернулся, принесъ хлѣба и объявилъ что Максимку свели въ приказную избу, гдѣ онъ признался что пришелъ съ переодѣтымъ офицеромъ изъ города, но кто таковъ—не вѣдаетъ.

— Кажись де сказалъ поручикъ Наумовъ.—Зачѣмъ шелъ онъ, тоже де не вѣдаю, сойдясь съ нимъ уже на пути. Ты не опасайся. Коль и учнутъ шукать, сюда, сказываю, не полѣзутъ. Ну прости. Я пойду справлять твою заботушку.

Въ избѣ скоро все стихло, а затѣмъ и слобода тоже постепенно улеглась. Изрѣдка только слышался топотъ конный и оклики караульнаго объѣзда, да раза три около полуночи какой-то пьяный голосъ начиналъ пѣсню и дико кричалъ на всю улицу:

— Ур-рра! Мат-ррре-нна!..

Вскорѣ Иванъ заснулъ было, но увидѣлъ огромнаго казака который вошелъ на чердакъ и указалъ на него Алешѣ пальцемъ. Алеша схватилъ его за горло и съ хохотомъ потащилъ вѣшать, пронзительно вскрикивая: „Матрена!“

Онъ очнулся и вскочилъ на ноги. Изба и вся улица спали.

IX.

Иванъ проснулся утромъ отъ гула на улицѣ. Около него лежалъ свѣжій хлѣбъ и кусокъ баранины, а въ стклянницѣ квасъ.

Въ избѣ ходили, говорили и снова стучали посудой. Иванъ сѣлъ на мѣшокъ и скоро съѣлъ все чтò было. Онъ оглядѣлъ чердакъ, нашелъ щель въ которую видна была вся улица и сталъ глядѣть. Время тянулось невыразимо томительно и долго.

Около полудня сталъ собираться народъ къ избѣ и нѣсколько человѣкъ съ топорами навезли бревна, доски и начали быстро что-то сколачивать и строить. Народъ глазѣлъ. Кто-то вышелъ на крыльцо избы и крикнулъ:

— Гей! Сбирайся всѣ! Расправу государь чинить будетъ! Вѣрный слуга царевъ представилъ батюшкѣ на расправу офицера Оренбургскаго. Да еще инымъ разнымъ измѣнникамъ судъ будетъ.

Иванъ поблѣднѣлъ, отшатнулся и оперся на какой-то ворохъ.

— Чтò же такое! Господи! Въ руки Іуды отдался. О, извергъ! Предатель! Умирать, да еще злою, позорною кончиной!

Голова его закружилась, и онъ почти терялъ сознаніе. Сердце больно сжималось, и слезы струились изъ закрытыхъ отъ ужаса глазъ.

Свѣтлолицая, милая Параня и старуха мать ея, а за ними отецъ со всѣмъ Азгаромъ, братъ и сестра и лица друзей, даже лица дворовыхъ, всѣ въ розоватомъ туманѣ вереницей плыли надъ его поникнувшею головой, взглядывали на него грустно, словно прощаясь, и уносились куда-то, въ чуждую ему теперь даль, гдѣ свѣтло и тихо, гдѣ счастье и жизнь, и любовь... А онъ тутъ... Одинъ...

У избы собиралась огромная куча пестраго народа, Калмыки и Башкиры, Татары и Киргизы, казаки и крестьяне.

Большинство плохо одѣтые увертывались отъ холоду во всякое тряпье, въ шкуры и войлоки, и переминались на морозѣ съ синими отъ холода лицами. Плотники давно стучали и скоро поставили два столба съ перекладиной, а внизу настилку изъ досокъ на козлахъ. Наконецъ подъѣхалъ отрядъ конныхъ казаковъ и сталъ полукругомъ, лицомъ къ избѣ, очистивъ отъ народа все пространство отъ висѣлицы до избы. За ними оттѣснилась вся прибывавшая отовсюду пестрая и болтливая куча народу. Людской говоръ наполнялъ воздухъ непрерывно и однозвучно какъ вода на мельничномъ колесѣ набѣгаетъ, гудитъ и падаетъ, и все набѣгаетъ. Иванъ пришелъ въ себя, оглянулъ въ щель улицу и снова задрожалъ всемъ тѣломъ при видѣ готовой висѣлицы.

— Бѣжать, бѣжать! Что̀ жь я здѣсь медлю? Хоть и поймаютъ, все едино, но бараномъ на убивство не отдамся. О, теперь я не сробѣю!

На улицѣ раздался крикъ и заглушилъ говоръ толпы:

— Эй, разступитесь! Вы!.. Ишь затѣснила!

Иванъ невольно глянулъ опять. Двое казаковъ вели къ избѣ скрученнаго по рукамъ офицера. Иванъ мгновенно узналъ въ немъ Густава Штейндорфа. Странное чувство ворвалось въ душу Ивана. И жалость къ несчастному и радость, бѣшеная радость, что онъ ошибся, что Алеша не Іуда предатель!.. Теперь слезы счастья навернулись у него на глазахъ, теперь сердце билось тихо, ровно; почти сладко отдавался во всемъ тѣлѣ каждый ударъ... не такъ какъ за мигъ назадъ.

За офицеромъ вели трехъ солдатъ. Въ числѣ ихъ былъ и старый Самцовъ. Иванъ ахнулъ. Этого человѣка онъ успѣлъ полюбить. Штейндорфа ввели въ кругъ вмѣстѣ съ Самцовымъ и поставили рядомъ. Въ то же мгновеніе съ противоположной стороны другой казакъ привелъ женщину высокую, не дурную собой, и поставилъ тутъ же. Она была одѣта опрятно, и по фигурѣ ея видно было что она не изъ простонародья.

Штейндорфъ стоялъ неподвижно, изрѣдка едва подымалъ голову къ небу и казалось молился. Исхудалое въ одинъ день лицо было синевато-блѣдно, глаза тусклы, губы судорожно сжаты, ноги сильно дрожали и подкашивались. Одну минуту онъ, очевидно невольно, опустился на землю, но

толпа съ ревомъ захохотала и ближайшій казакъ хлеснулъ его нагайкой по спинѣ.

— Но, ты, не валяться! Аль ходилки-то оттаяли на морозѣ?

Безрукій Самцовъ стоялъ предъ крыльцомъ избы такъ же какъ бывало стоялъ около Ивана на бастіонѣ. Одна была только разница: его всегда доброе лицо было злобно, почти свирѣпо. Онъ, усмѣхаясь, все оглядывалъ толпу и казаковъ, но лицо его, тоже блѣдное, противорѣчило этой не исчезавшей улыбкѣ.

На крыльцо вынесли позолоченное кресло обитое краснымъ сукномъ, затѣмъ вышли два казака въ свѣтло-сѣрыхъ кафтанахъ и въ голубыхъ лохматыхъ шапкахъ, атаманы Чумаковъ и Чика Зарубинъ. Первый держалъ насѣку съ золотымъ набалдашникомъ, второй—серебряный топоръ. Оба стали по бокамъ кресла.

— Смирно! крикнулъ Чика.—Государь изволитъ шествовать.

Гулъ уже стихъ при появленіи обоихъ атамановъ. Вслѣдъ за ними на крыльцо вышелъ Пугачевъ и сѣлъ въ кресло. Иванъ узналъ въ немъ сразу того казака котораго едва не захватилъ во время приступа.

На немъ былъ темно-синій бархатный кафтанъ, слегка потертый и плохо сшитый, казалось даже перекроенный изъ чего-то другаго; рукава и воротъ были оторочены мѣхомъ, а грудь расшита позументомъ; темные плисовые шаровары были заткнуты въ татарскіе сапоги изъ краснаго сафьяна, а въ донской лохматой шапкѣ, надѣтой на бекрень, середка была зашита золотою парчей, очевидно кускомъ какой-нибудь ризы.

— Здорово, дѣтушки! крикнулъ самозванецъ весело.

— Здравствуй, родимый! Здорову тебѣ быть, кормилецъ родной! посыпалось въ перебивку изъ толпы.

— Многовѣчно здравствуй, государь императоръ нашъ! отчетливо и заученымъ тономъ крикнули конные казаки.

„Да кто жь Русый что̀ я видѣлъ изъ умета? Знать Шамай совралъ тогда, подумалъ Иванъ. — Стало я и впрямь въ битвѣ-то самого упустилъ!“

Когда Пугачевъ сѣлъ въ кресло, Чумаковъ вытянулъ руку съ булавой, Чика положилъ топоръ на плечо, и оба стали за кресломъ. За ними помѣстилось болѣе десятка атамановъ съ шашками наголо. У всѣхъ были нашивки на кафтанахъ. Тутъ были казаки: Ѳедуловъ, Овчинниковъ, Твороговъ,

Рыжій, Лысый, выздоровѣвшій Марусенокъ, Шелудяковъ. Позади всѣхъ стоялъ казакъ Перфильевъ со злымъ, почти свирѣлымъ лицомъ, и казацкій сотникъ Падуровъ съ депутатскою медалью, исправлявшій должность секретаря. Затѣмъ названный полковникъ артиллеріи Бѣлобородовъ, капралъ бѣжавшій изъ города, и другіе наперсники, сотники и эсаулы.

Когда все стихло, Чумаковъ крикнулъ:

— Подводи!

Два казака взяли подъ руки Штейндорфа.

— Олухи! по чину подводи! крикнулъ Пугачевъ.—Сначала друговъ моихъ православныхъ крестьянъ, опосля солдатиковъ моихъ армій, а тамъ всяку сволочь, баръ и господчиковъ и офицерщину оренбургскую.

Пугачевъ покосился на Чику, и легкая усмѣшка скользнула по лицу его.

Казаки пропустили впередъ двухъ мужиковъ. Первый средняго роста, плотный, плечистый, съ окладистою русою бородой, косолапо надвинулся, глупо ухмыляясь, и бултыхнулся какъ бы прося помилованія.

— Приложись къ рукѣ великаго государя! крикнулъ Чика.

— Съ нашимъ желаніемъ! отозвался Савка, вошелъ на ступеньку крыльца, отбилъ трель по плечамъ и по лбу, т.-е. быстро перекрестился три раза, и подобравъ бороду ладонью, оттопыривъ пухлыя губы, чмокнулъ Пугачева въ руку, лежавшую на колѣнѣ.

— Откуда ты? спросилъ Пугачевъ.

— Изъ-подъ Казани. А съ села-то я съ Таковскаго.

— Чьи вы? мои?

— Нѣтути! господскіе.

— Какъ звать тебя?

— Савкой, ваше благородье, царь ты мой родимый. Савельемъ! какъ можно слаще и ласковѣе старался выговорить Савка.

— Ко мнѣ въ службу пришелъ?

— Къ тебѣ, родимый... къ тебѣ... Дѣваться некуда, ну и пришелъ! И ужь чего я, за два-то года... началъ было Савка описывать.

— Милости прошу, голубчикъ! Я васъ, православныхъ моихъ, жалую отъ всего сердца, и когда пріѣдетъ ко мнѣ мой сынъ, мы съ нимъ всѣ ваши вольности повершимъ на бумагѣ за печатями и нерушимо на вѣки вѣковъ. Я вамъ хочу

пожаловать и отпускную, и крестъ старовѣрный, и всякое продовольствіе... Ну, а ты кто таковъ? обернулся Пугачевъ ко второму.

— Таковскій же, ваше великоство, всероссійскій нашъ государь! приблизился Яшка, и поцѣловавъ руку самозванца отодвинулся и опустился на колѣни.

— Встань, голубчикъ...

— Не препятствуй, отецъ родной. Какъ я могу съ твоимъ великоствомъ на ногахъ рѣчь вести? Батюшка ты нашъ, милостивецъ! съ ужимками, нараспѣвъ говорилъ Яшка.

Затѣмъ онъ подползъ на колѣняхъ къ креслу, потянулся и снова поцѣловалъ Пугачева въ сапоги. Тотъ самодовольно улыбнулся.

— Въ мою цареву службу желаешь?

— Въ твою, государь батюшка. Въ твою! такъ и ушелъ изъ села побросамши все, какъ прослышалъ что ты изъ Царьграда пожаловалъ.

— Ну ладно. Тебя вотъ причислятъ къ полковнику Чумакову и казакомъ поставятъ, хоть и мужикъ.

Яшка повалился въ землю.

— Отецъ родной! Батюшка! святъ-святой милостивецъ... Не покинь. Будь отецъ родной. Заставь за себя Богу молить.

— Чего жь тебѣ, голубчикъ? Аль недоволенъ?

— Возьми къ себѣ, отецъ родной. Яшка снова повалился и стукнулъ головой по ступенькамъ. Оставь при себѣ, государь. Въ дворовыхъ своихъ.

— Ну добро. Оставайся. Кучеромъ будешь. Ну, а энтого, Савелья, въ полкъ Хлопушѣ зачислить, обратился Пугачевъ къ Чикѣ.—Онъ дюжой!

Савка поклонился въ поясъ, Яшка поцѣловалъ снова руку Пугачева, и оба отошли.

Къ крыльцу подвели двухъ солдатъ и инвалида Самцова.

— Вы изъ города?

— Изъ города.

— Что жь энтотъ песъ Чухлянскій долго еще супротивничать хочетъ своему государю? Цесаревичъ ужь въ Казани, и я къ нему на повстрѣчанье сбираюсь. Онъ мнѣ десять тысячъ арміи ведетъ изъ столицы. Тогда я его, да и васъ всѣхъ ужь не помилую. Всѣхъ въ Сибирь!

— Не наша воля, ваше величество, отвѣчалъ одинъ изъ солдатъ,—намъ указано обороняться, а не то грозятъ изрѣше-

тить съ ружьемъ по военному наряду. Самъ ты, родной, посуди, хошь не хошь, а воюй супротивъ твоей чести царской.

— Вы охотники, иль отхваченье?

— Мы вотъ двое самовольно къ тебѣ въ службу пришли, а эвтотъ вотъ невалидъ безрукій поймался съ гонцомъ, съ офицеромъ.

— Ну цѣлуйте руку. Чумаковъ, бери себѣ обоихъ. Да пукли-то эти дурацкія остричь имъ, да по православному одѣть. Вишь я тебѣ изъ лучшихъ все даю, а ты все плачешься да клянчишь.

— Спасибо, ваше величество!—Чумаковъ поклонился.—Изъ усердія ропщу!

Оба солдата поцѣловали руку и отошли. Самцовъ остался одинъ предъ крыльцомъ и упорно глядѣлъ въ глаза Пугачева.

— Ну а ты что̀? не охотникъ? поймался! Чего желаешь, проси. Хочешь въ мою службу?

— Въ твою? рѣзко и осклабясь спросилъ Самцовъ.—Нѣтъ, ужь зачѣмъ же!

— Ну такъ цѣлуй руку царя государя, да отходи, крикнулъ Чумаковъ, предвидя хуже.

— Гдѣ-тось? снова рѣзко вымолвилъ Самцовъ, подымая горящіе глаза на всѣхъ атамановъ окружавшихъ кресло и упорно злобно оглядывая ихъ лица.

— Чего тебѣ? спросилъ Пугачевъ мягко.

— Гдѣ-тось? говорю.

— Что̀?

— А царь-то?..

— Вотъ... я... дурень.

— Та-акъ! царь-отъ—да ты?! похоже! ха-ха-ха! злобно и грубо расхохотался Самцовъ. — Царь-государь Петръ Ѳедорычъ волей Божьей померъ тому уже одиннадцать годовъ, собачій ты сынъ! громко и внятно выговорилъ онъ.—Тебѣ жь, каторжнику, цѣлованье руки чинить...

— Ахъ ты негодный! крикнулъ Пугачевъ.

— Самъ ты песъ негодный и вся твоя эта сбродня — псы! крикнулъ Самцовъ указывая на казаковъ.

— Я тебя указалъ бы четвертовать тотчасъ какъ мятежнаго, да жаль стараго казнить. Цѣлуй сейчасъ и отходи, мягче выговорилъ Пугачевъ и протянулъ руку.

— Не хошь ли ты моей отвѣдать. Эта хоть въ кандалахъ

не бывалая! и инвалидъ протянулъ свою единственную руку къ лицу Пугачева.

Иванъ прилавъ къ своей щели уже давно былъ въ восторгѣ отъ поведенья Самцова и теперь прошепталъ:

— Молодчина! молодчина! и страстно захотѣлось ему крикнуть это слово на всю слободу... да смертью запахло...

— Отрубить ему послѣднюю, чтобы не тыкалъ ею, а тамъ и башку! крикнулъ Пугачевъ, вспыхнувъ, и косо оглядывая толпу.

Два казака схватили Самцова и повели къ помосту; чрезъ минуту онъ поднялся на доскахъ, а за нимъ палачъ. Поднявшійся гулъ и говоръ толпы отъ дерзости инвалида теперь сразу замеръ, и на улицѣ стало мертво тихо.

— Клади руку на столбъ, послышался голосъ палача, и онъ поднялъ топоръ.

— Нешто! и такъ подержу. Не то горе. Горе на кого сиротинка Левка останется, глухо сказалъ Самцовъ, какъ бы себѣ самому.

— Смирись, старый! Стыдно тебѣ упорствовать! Прощу и пожалую въ сотники за твое молодечество, крикнулъ Пугачевъ.

— Ну, ну, не торгуйся. Не купишь. Я тебѣ не по деньгамъ. На! руби что ль! обернулся Самцовъ, вытягивая руку къ палачу.

Блеснулъ въ воздухѣ топоръ. Рука отвалилась по плечо, и обрубокъ упалъ на доски. Струя крови брызнула кругомъ. Самцовъ только качнулся отъ удара; лицо его позеленѣло и потъ выступилъ на лбу. Онъ обернулся къ избѣ и хотѣлъ что-то крикнуть Пугачеву, но въ мигъ осипшій голосъ измѣнилъ ему.

Пугачевъ махнулъ .рукой и досадливо отвернулся отъ помоста.

— Кончай!! крикнулъ Чумаковъ.

— Руби! руби! измѣнника! вдругъ какъ уколотая заревѣла молчавшая дотолѣ толпа.

Самцовъ опустился на колѣни и вытянулъ голову. Кровь ручьемъ лившая изъ него обливала все кругомъ. Палачъ ударилъ съ плеча, обмахнулся и топоръ вошелъ въ спину.

Самцовъ глухо простоналъ.

Со вторымъ ударомъ голова какъ сбритая слетѣла на доски

и скатилась на землю. Туловище осѣло и медленно повалилось на бокъ.

— Ишь, попрыгунья! захохоталъ кто-то въ толпѣ.

— О-охъ. Грѣхъ-то... О-охъ! раздалось рядомъ.

— Стой. Тпп-ррру! куда катишься!!..

Къ Пугачеву между тѣмъ уже подвели женщину. Какъ равнодушно и безучастно дожидалась она очереди такъ же равнодушно глядѣла и на самозванца ожидая своей участи.

— А, знаю... сказалъ Пугачевъ.—Ты своего мужа что̀ я тебѣ далъ зарѣзала. Онъ былъ мнѣ добрый слуга и отважный казакъ. За что̀ ты его умертвила?

Женщина молчала.

— Что̀ жь, развяжи языкъ-то.

— Прикажи меня умертвить, вымолвила женщина тихо.

— Что̀ просишься сама на такое?

— Жизнь въ тягость. Будь милостивъ. Мужа и дѣтей поубивали, а изъ меня невѣсть какую подѣлали. Я бы сама руки наложила на себя, да грѣхъ великъ, а чрезъ твое убивство я угодна стану Господу. Съ дѣтками родимыми на томъ свѣтѣ свижусь...

Женщина говорила ровно, спокойно и только при послѣднихъ словахъ слезы показались въ ея глазахъ.

— Какъ бишь тебя звать-то?

— Софья Нечаева. Капитана Нечаева вдова.

Пугачевъ задумался на минуту.

— Гдѣ-то моя Софья? невольно вспомнилъ онъ вдругъ свою жену, слегка насупился и опустилъ глаза въ землю.

Наступило краткое молчаніе.

— Отпустить что ль? вымолвилъ онъ наконецъ тихо, оборотясь къ своимъ.

— Не годно супротивъ остальнаго бабья! шепнулъ Чика нагибаясь.—Ихъ тутъ, офицершей, до двухъ десятковъ. Всѣ захотятъ домой. А то рѣзать учнутъ новыхъ-то мужей своихъ.

— Ну ты ее тайкомъ отпусти въ ночь, шепнулъ Пугачевъ и прибавилъ громко:—За убивство моего казака вѣрнаго полагается тебѣ отрубленіе правой руки и головы, но при народѣ бабье рубить не пригоже. Ступай во дворъ ко мнѣ, тамъ тебя пришибутъ послѣ.

— Спасибо. Мнѣ токмо этого и желалось, тихо сказала женщина, поклонилась и пошла бодрѣе. Уже двѣ недѣли

добивалась она смерти. Вслѣдъ за ней робко подошелъ Калмыкъ Дуртя съ женой, жалуясь на губернатора за раззореніе кибитки по его указу. Самозванецъ усмѣхнулся, бросилъ имъ нѣсколько мѣдныхъ денегъ и велѣлъ отойти.

— А! мое почтеніе, высокоблагородный господинъ офицеръ! весело воскликнулъ Пугачевъ подведенному Штейндорфу.— Всѣ казаки оживились и усмѣхнулись.—Спасибо за депеши. Мы ихъ чтеніемъ всѣ разобрали. Что̀ жь вашъ генералъ Каръ... Каркать что ль на меня ѣдетъ?

Окружающіе разсмѣялись.

— Ты Штандыртинъ по прозванью?.. Нѣмецъ?

Штейндорфъ шевельнулъ побѣлѣлыми губами, но не выговорилъ ни слова. Языкъ не повиновался ему.

— Съ родни ты.... энтому, губернатору?

— Н-нѣтъ! почти прошипѣлъ Штейндорфъ.

— Ишь вѣдь прозвища...обернулся Пугачевъ къ своимъ —Комендантъ Валоштыринъ, другой баронъ Быловъ... Ну энтотъ былъ да сплылъ!.. А тамъ другой баронъ Корфъ, а тутъ Каръ, а въ Озерной кажись былъ еще капитанъ Куръ... Губернаторъ Раздрыпинъ, этотъ Штандыртинъ. Натощакъ и не назовешь, ей-ей!

Пугачевъ сталъ хохотать, и поглаживая бородку, казалось съ наслажденіемъ смотрѣлъ на несчастную, помертвѣлую фигуру офицера. Всѣ атаманы ему вторили, а за ними громкій хохотъ пошелъ по толпѣ, раскатисто оглашая улицу. Не веселіе, а радость сказалась въ немъ.

— Потому вы и не покорствуетѐ законному вашему императору что вы басурмане! вдругъ вскрикнулъ Пугачевъ, заглушая общій смѣхъ. Все стихло сразу отъ грознаго голоса и взгляда.—Татарва некрещеная лучше васъ усердствуетъ мнѣ. Да вы хуже, много хуже этихъ вотъ голобожекъ курносыхъ, показалъ онъ на Калмыковъ. Эти мнѣ все же вѣрные слуги. Васъ же всѣхъ я съ цесаревичемъ осужу на вѣшаніе и четвертованіе, аль сошлю въ каторгу. Сами измѣнники, Каиновы дѣти, и народъ мой морочите! гнѣвно продолжалъ Пугачевъ.—И православные многіе, небылицъ наслушавшись вашихъ, мнѣ не покорствуютъ. Іуды! не боитесь вы нешто на томъ свѣтѣ Богу отвѣтъ дать за ваше мороченіе безсовѣстное и все ваше прочее тунеядство? Басурмане! нехристи! Аль нѣтъ у васъ своего-то Бога никакого? А коль и нѣту, такъ нашъ Господь россійскій васъ судить будетъ за меня, за то что вы мою Имперію у меня отшибать взмыслили.

Козни на меня выстроили, гоненія одиннадцать годовъ ладили, какъ бы извести, да умертвить подъ спудомъ... Да вишь Господь небесный меня милостью Своею укрылъ, защитилъ и упасъ отъ злодѣянія. И вотъ онъ, я, Петръ III Всероссійскій! Невредимъ явленъ всѣмъ моимъ вѣрнымъ подданнымъ! Иду на царство вступать! Сокрушу во прахъ и разсѣю всѣхъ похитителей моего престола и гонителей моего крестьянскаго народа!

Полная тишина была на улицѣ, всѣ слушали благоговѣйно и разиня ротъ. Каждое слово Пугачева отчетливо звучало.

Наконецъ двѣ бабы поближе начали плакать и причитать, а какой-то Калмыкъ жалостно зачмокалъ. Нѣсколько мужиковъ заохали какъ отъ боли, и одинъ перекрестился.

— Мнѣ вѣдомо давно что разглашаете вы въ народѣ обо мнѣ, продолжалъ Пугачевъ громко и звучно,—якобы я, вишь, казакъ Пугачевъ. Эхъ вы! хитрости моей государской не раскусили! Слышали звонъ, да не вѣдаете откуда онъ. Былъ воистину при мнѣ служилый казакъ Емельянъ Пугачевъ, съ Дону, съ Зимовейской станицы; вѣрный мнѣ былъ слуга. Всѣ его знали тутъ: не величекъ, съ русою бородкой... И я его въ началахъ изъ опасенія своей особы пущалъ впередъ. Всѣ то видѣли и помнятъ. И многіе здѣсь изъ казаковъ же почитали его за меня по сю пору, а какъ вышла пора моя объявиться самому, когда набралось ко мнѣ людство большее, то и наградилъ я его. Да незнаемые злодѣи, можетъ вы же. поганые, измѣной умертвили его. Пропалъ онъ пропадомъ. И нынѣ, жалѣючи его несказанно, я указалъ поминать за упокой раба Божьяго и моего царскаго, Емельяна... А вы по коротко умію, аль по ехидству своему, разглашаете якобы я Емельянъ Пугачевъ. Дурни!! Емеля былъ въ острогѣ по неправедному суду и имѣлъ точно, укрытый волосами на лбу, знакъ шельмованья, какъ то свѣдали и повѣстили на всю Россію ваши же начальники... Ну, вотъ гляди... гдѣ у меня твои шельмовскіе знаки? гдѣ я клейменый, да каторжный?!

И Пугачевъ снялъ шапку!..

— Много ль на мнѣ клеймовъ? Считай, Чухна!

Снова наступило глубокое молчаніе. Штейндорфъ едва держался на ногахъ и казалось ничего не слыхалъ и не понялъ изъ всей рѣчи сидѣвшаго предъ нимъ самозванца.

Иванъ у себя подъ крышей не проронилъ ни слова и

ловѣрилъ.... Повѣрилъ что говорящій не Пугачевъ, а иной какой человѣкъ; знакомый же ему Русый Пугачевъ и казакъ.

— А есть у меня родимый знакъ на груди, продолжалъ Пугачевъ, — но то не клейма, а царскій знакъ, какой всякій царь имѣть долженъ съ рожденія... И они вотъ, атаманы мои, всѣ тотъ знакъ видали не однажды. Ну, сказывай ты, Штандыртинъ. Увѣровалъ ты теперь что я есмь государь твой законный, а не самозванный воръ съ Дону, аль съ каторги?

Среди общаго молчанія и вниманія Штейндорфъ шевельнулся, поднялъ туманные глаза на самозванца и тяжело вздохнулъ. Всѣ ждали, и Иванъ ждалъ роковаго слова.

— Ну, аль ты россійской рѣчи не смыслишь. Увѣровалъ ли ты что я Петръ Ѳедорычъ и истинный государь?

— Увѣ-ро-валъ! едва слышно слетѣло съ побѣлѣвшихъ губъ несчастнаго.

— Охъ! что жь это? отозвался у себя Иванъ.

— Слышите, православные! съ замѣтнымъ довольствомъ крикнулъ Пугачевъ.

— Слышимъ!! да и какъ не увѣровать! Вѣстимо.

— Вотъ эдакъ-то завсегда и бываетъ когда кто самъ повидаетъ меня. Правду-то матушку полой кафтана не укроешь.

— Сказывай, желаешь ли нынѣ мнѣ послужить вѣрой и правдой, какъ женѣ служилъ?

— Да.

— Не перебѣжишь при случаѣ паки къ твоему тезкѣ Раздырину?.. Къ губернатору?

— Нѣтъ.

— То-то.... ты желаешь?! ухмыльнулся Пугачевъ.—Да я басурманина не желаю... у меня все православные. Жена моя поблажку вамъ даетъ, а мнѣ васъ не треба... Гей! вздернуть мнѣ господина офицера на бичевку!

Штейндорфъ закачался какъ отъ удара и упалъ. Три казака подняли его.

— Никакъ подохъ! сказалъ кто-то.

— Небось! одурманило! тащи!

— На бичевкѣ очнется! усмѣхнулся Чика.

Офицера донесли и вскинули на подмостки.

Иванъ невольно зажмурилъ глаза, отшатнулся отъ своей щели и началъ шептать молитву. Онъ почти забылъ гдѣ находился теперь и едва вѣрилъ казни и смерти человѣка съ

которымъ ужиналъ наканунѣ. Онъ громко охалъ и метался, забывъ собственную опасность.

Громкій взрывъ хохота заставилъ Ивана снова глянуть на улицу. Штейндорфъ уже висѣлъ и качался надъ помостомъ. Сырая веревка стала раскручиваться, и тѣло въ судорогахъ завертѣлось въ воздухѣ при дружномъ хохотѣ толпы.

— Эхъ, коли бы самого губернатора залучить! раздался голосъ въ толпѣ.

— Суду и расправѣ государевой конецъ! крикнулъ Чумаковъ.

Все шелохнулось, двинулось и загудѣло....

Въ ту же минуту, какъ по данному знаку, казаки стоявшіе за Пугачевымъ сошли съ крыльца и стали кругомъ на колѣняхъ. Народъ стихнулъ. Многіе разинули рты. Конные казаки тоже удивленно смотрѣли.

— Чтò вы, дѣтушки? глухо вымолвилъ Пугачевъ, очевидно самъ пораженный.

— Все то же, государь.... бьемъ тебѣ челомъ, заговорилъ Лысовъ. — Все то же, отецъ родной. Объ Харловой.... Брось ты ее, поганую бабу.

— Почто? тихо и будто смущаясь отозвался Пугачевъ, слегка измѣнившись въ лицѣ.

— Обошла она тебя, государь. Насъ всѣхъ отъ твоей милости отшибаетъ, злоязычничаетъ на всѣхъ, прибавили Чика и Перфильевъ.

— Врете вы, врете! Сказано врете, съ отчаяніемъ въ голосѣ воскликнулъ Пугачевъ.—Она щенка не тронетъ хворостинкой. Почто ей на васъ злоязычничать? Полно.... вставай.. сказывалъ я ужь не разъ! Полно жидовствовать. На бѣдную бабу поклепъ взводить, наговаривать на безвинную.

— Твоя воля! рѣзко и почти грубо выговорилъ Лысовъ. — А по ту пору что ты намъ оной шельмы бабы не выдашь на расправу, мы не встанемъ.

— Цыцъ! ты, собака рыжая! вдругъ крикнулъ Пугачевъ на всю улицу.—Цыцъ!... А то живо на ту жь перекладину....

Пугачевъ остановился; слегка поблѣднѣлъ и прибавилъ тихо и холодно:

— Полно, атаманы-молодцы. Не достойно казакамъ изъ-за бабы раздоры заводить.... Полно, вставай. Да поѣдемъ въ объѣздъ.

Казаки было двинулись, но Лысовъ хотѣлъ снова говорить.

— Государь я вашъ? аль нѣтъ? грозно крикнулъ Пугачевъ подымаясь съ кресла:—Вставай!

Всѣ поднялись. Лысовъ усмѣхнулся и шепнулъ нагибаясь къ Пугачеву:

— Добро! Чортовъ кумъ. Дай срокъ.

— Эй, Лыска, опаснѣй будь! шепнулъ и Пугачевъ нетерпѣливо.—Я тебѣ сказываю въ десятый: не русачокъ я тотъ. Меня по Яику съ пулей въ башкѣ мудренѣе пустить! Да и не тебѣ....

Пугачевъ вошелъ въ избу въ сопровожденіи Чумакова и нѣкоторыхъ изъ казаковъ.

Иванъ все смотрѣлъ на трупы и крестясь тихо шепталъ:

— Господи помилуй, Господи помилуй.

Онъ не особенно любилъ этихъ двухъ человѣкъ, но эти двѣ смерти внезапныя, ужасныя, поразили его въ самое сердце.

Казаки стали расходиться. Куча народа тоже двигалась и рѣдѣла, гулъ стихалъ вдали.

Скоро облитая кровью платформа съ туловищемъ Самцова и висящею фигурой Штейндорфа осталась одна среди пустой улицы.

X.

Черезъ часъ Пугачевъ съ нѣсколькими казаками вышелъ снова, и всѣ садились на подведенныхъ коней. Лысовъ провожалъ и угрюмо отговаривался ѣхать. Подъ всѣми сѣдлами чепраки были изъ парчи.

У Пугачева подъ сѣдломъ была церковная хоругвь великолѣпно вышитая золотомъ, украденная изъ Егорьевской церкви. Иванъ узналъ ее.

— Богохульники! шепнулъ онъ.

На крыльцо вышла красивая и статная женщина съ маленькимъ мальчикомъ, котораго она держала за руку. Это была Харлова.

— Ну, прости, желанная, сказалъ ей Пугачевъ съ коня.— Чрезъ часокъ вернемся, токмо два новые фельшанца оглядимъ. Бѣлобородовъ состроилъ. А ты, хозяюшка, припаси на возвратъ намъ что̀ слѣдъ на закуску. Ну, прости.

Харлова молча кивнула головой.

Всадники пустились съ мѣста рысью, народъ отовсюду бросился бѣжать за ними, и Пугачевъ постоянно опуская руку въ торбу привязанную за сѣдломъ разбрасывалъ направо и налѣво мѣдныя деньги.

Всадники скрылись. Харлова немного постояла опершись на руку оглядывая улицу и наконецъ глубоко вздохнула.

— А мы гулять пойдемъ? вымолвилъ мальчуганъ.

— Нѣтъ, золотой, какое гулянье! Намъ болѣ гулять однимъ не можно.

— Зачѣмъ не можно? Все гуляли! капризно отозвался ребенокъ.—Пойдемъ, пожалуста.

— Не можно, золотой, тихо и грустно сказала Харлова. — Людей злыхъ тутъ много которые на насъ замышляютъ.... Мнѣ ужь умирать пора бы, а тебѣ рано, какъ бы про себя прибавила женщина.

Голосъ ея звучалъ особенно уныло. Она вернулась въ избу. Все стихло.

„Коли бы могъ я ее бѣдную увезти съ собой, подумалъ Иванъ.—Зашла бы она сюда, я бы къ ней вышелъ. Повѣдала бы мнѣ свое горе, мы бы и сговорились. Эхъ-ма! Хорошее бы дѣло сотворилъ. А много мнѣ еще ждать до ночи? Гдѣ-то Алеша?“

Въ ту же секунду въ избѣ раздался дикій крикъ, затѣмъ хлопнули двѣ двери, и кто-то съ воплемъ быстро лѣзъ по лѣстницѣ прямо къ Ивану на чердакъ. Онъ поднялся и оторопѣлъ. Досчатая дверь сильнымъ ударомъ растворилась настежь.

Харлова, блѣдная, дрожащая, съ братомъ на рукахъ, почти ввалилась въ дверь, почти бросила мальчика за тюки и мѣшки, не далеко отъ Ивана; затворивъ дверь, она завалила ее нѣсколькими мѣшками и опустилась около на колѣняхъ. Слышно было какъ она задыхалась и тихо стонала.

— Придутъ за мной. Молчи, золотой, не откликайся, сказала она.

Иванъ видѣлъ ее въ пяти шагахъ. Хотѣлъ выдти изъ засады заговорить, но опустился въ свой уголъ и вздохнулъ тяжело.

„Ея не спасешь, а себя загубишь. Стыдъ и грѣхъ, да не могу“, шепнулъ онъ. „Спаси ее Господи, помилуй и меня.“

Въ избѣ шумѣли, ходили, кричали и наконецъ застучали сапоги по лѣстницѣ. Харлова опрокинулась навзничь на одинъ изъ тюковъ и зарыдала.

— Господи милостивый, его сохрани!... Сиди смирно, смирно! Будутъ звать—молчи, едва слышно со стономъ вырвалось у нея.

Дверь задрожала отъ удара. Два мѣшка отъѣхали отъ нея.

— Болѣ ей быть негдѣ, раздался голосъ Лысова.

Раздвинувъ мѣшки дверью, онъ пролѣзъ на чердакъ и сталъ на порогѣ.

— Проворно, госпожа, ну слѣзай. Время не терпитъ. Любователь-то твой, того гляди, вернется... а братишка гдѣ?...

— Будь милосердъ... оставь его!... меня умертви, коли желаешь... младенца не губи...

— Обоихъ, обоихъ! За одно пачкаться. Гдѣ онъ?

Мальчикъ вдругъ заплакалъ за ворохами въ своемъ углѣ.

— Вишь, самъ голосъ подаетъ, вылазь-ко, мальчугаша. Чтò тутъ за прятки! Вылазь, голубчикъ. Пряника дамъ тебѣ, пискливо сказалъ Лысовъ, стараясь говорить ласково. Ребенокъ полѣзъ черезъ мѣшки.

Иванъ лежалъ въ своемъ углѣ не въ полномъ сознаньи. Въ глазахъ его снова все потуманилось. Онъ воображалъ себя не въ калмыцкомъ платьѣ, не спрятаннымъ за тюками, а въ полной офицерской формѣ и середи чердака, на глазахъ Лысова... Онъ удивлялся что его не подымаютъ, не берутъ, а губы повторяли безъ связи слова и какую-то молитву. А за пять шаговъ отъ него уже шла борьба...

Женщина безмолвно и задыхаясь отчаянно боролась за ребенка.

— Ты возиться еще, постой же, родимая, просопѣлъ Лысовъ, и ухвативъ разбитую по плечамъ косу, намоталъ ее на руку, другою схватилъ ребенка за воротъ рубашенки и вытащилъ за собой обѣ жертвы.

— Гей, Овчинниковъ! Не ищи; на-ко вотъ лови.

Ребенокъ загремѣлъ по лѣстницѣ, пронзительно вскрикнулъ и началъ стонать.

Черезъ пять минутъ на улицѣ заговорили тѣ же голоса, потомъ раздался залпъ выстрѣловъ, и эхо дробью пронеслось по слободѣ.

Иванъ опомнился, вскочилъ и бросился глядѣть... Харлова лежала на снѣгу предъ крыльцомъ; въ двухъ шагахъ отъ нея лежалъ мальчикъ. Кровь лилась и красила снѣгъ. Около нихъ стояли полукругомъ нѣсколько казаковъ и смотрѣли, молча, опустивъ ружья. Дымъ отъ выстрѣловъ еще стлался бѣлою пеленой и тихо двигался по вѣтру на кучку Башкиръ, пугливо глазѣвшихъ изъ-за колодца. Другая кучка въ нѣсколькихъ шагахъ окружала лежавшаго на землѣ Калмыка.

Ребенокъ приподнялся и протянулъ руки къ сестрѣ. Женщина шевельнулась и черезъ силу, очевидно страдая отъ ранъ, тихо лоползла къ ребенку, обняла его и ослабѣвъ легла около.

— Не покончить ли? сказалъ Лысовъ вынимая изъ-за пояса пистолетъ и наводя на женщину.

— Хошь объ закладъ, въ носъ лопаду мальчугашкѣ.

— Ну что̀, зачѣмъ, бей на смерть. Что̀ насмѣхаться, отозвался казакъ Твороговъ.—Пали въ лобъ.

Лысовъ прицѣлился въ ребенка. Харлова встрепенулась и привстала закрывая его голову ладонями, но тутъ же кровь хлынула у нея изъ горла, и она опрокинулась мертвая... Лысовъ выпалилъ: ребенокъ взмахнулъ ручонками и стихъ.

— Ну, вотъ и шабашъ его баловству, убирай! крикнулъ Лысовъ Башкирамъ.—Вы, заложило чтоль свиное-то ухо! тащи ихъ въ ровъ... Что̀ тамъ? кто растянулся?

И Лысовъ пошелъ къ лежавшему на землѣ Калмыку.

— А вы, бачка, пальнулъ. Онъ тутъ глазалъ на васъ, да на висюльку... А вы, бачка, какъ пальнулъ всѣ, его и подшибъ.

Казаки расхохотались и обступили Калмыка.

— Эй, ты, птица. Куда тебя зацѣпило?

— Задъ, бачка, завылъ Калмыкъ.—Ай! Божинька!

— Ты крещеный чтоль?

— Крещенъ, бачка. Ай—яй! Задъ! Сидѣть не можно, ай!

— Какъ же въ задъ-то угораздило? спросилъ Овчинниковъ.

— Я утичь хотѣлъ, а ружье-то догнало...

— Ну, вставай, пустое, сказалъ Твороговъ.

— Не можно, бачка, нога помре. Ай! Божинька!

— Чего брешешь, вставай, хохоталъ Лысовъ.

— Бачка, помилуй. Свинчатка въ заду, нога помре...

— Живо, ну, не то еще пальну! вставай! закричалъ Лысовъ.

Калмыкъ привсталъ и пополозъ на четвереньках, боязливо оглядываясь на казаковъ. Лысовъ навелъ на него свой разряженный пистолетъ и щелкнулъ языкомъ: Ч-чахъ!

— Аяй, яй! Божинька! взвылъ Калмыкъ, и быстро свернувшись клубкомъ на землѣ зажмурился и заткнулъ пальцами уши.

Казаки еще громче расхохотались и вернулись въ избу. Башкиры между тѣмъ уже подняли трупы Харловой и ребенка и скоро исчезли съ ними въ переулокъ, унося въ общее кладбище, въ ровъ. Только большое кровавое пятно осталось на снѣгу предъ крыльцомъ, а дальше на помостѣ

все еще лежалъ безголовый трупъ, надъ нимъ все мотался повѣшенный.

А Иванъ? Онъ сидѣлъ понурившись, блѣдный и усталый на мѣшкахъ, которыми убитая заваливала дверь четверть часа назадъ, и измученный всѣмъ видѣннымъ и перечувствованнымъ, забылъ что кто-нибудь можетъ снова взлѣзть на чердакъ и найти его на порогѣ.

— Ну, убьютъ, все едино, бормоталъ онъ, тяжело переводя дыханье.

—

Въ сумерки Пугачевъ подъѣхалъ къ избѣ. Твороговъ и Овчинниковъ встрѣтили его на крыльцѣ.

— Чтò за кровь? вымолвилъ подъѣзжая Чумаковъ.

— И то кровь!... Овчинниковъ, чего это? спросилъ Пугачевъ слѣзая съ коня.

Казакъ молчалъ.

На крыльцо вышелъ Лысовъ и небрежно выговорилъ:

— Чего? намочили-то? это мы вотъ, дружище, твою хозяюшку съ братишкой похѣрили. Твой-то судъ дологъ, такъ сами разсудили.

Пугачевъ оторопѣлъ, но вдругъ стремительно бросился на Лысова и размашисто ударилъ его кулакомъ въ голову. Лысовъ колесомъ скатился съ крыльца, вскочилъ и яростно бросился на Пугачева съ поднятыми кулаками.

— Ахъ ты! вскрикнулъ Пугачевъ и вытащилъ кинжалъ изъза пояса.

Чика ухватилъ его за руку и остановилъ ударъ.

— Стой! на улицѣ-то! Емельянъ Иванычъ! Стой! ты! Лыска! Прочь, шельма; увидитъ народъ, живо ухлопаетъ за батюшку государя.

Казаки обхватили Лысова и повели насильно во дворъ.

— Ты мнѣ не царь, а Емелька! Я тебя... оралъ Лысовъ.

Пугачевъ опустился на ступени крыльца, снялъ шапку и молча проводилъ рукой по головѣ.

— Ну не кручинься, братъ, заговорилъ Чумаковъ.—Мы тебѣ другую, королевну писанную, промыслимъ.

— Ахъ звѣри! подлинные звѣри! зашепталъ Пугачевъ.— Имъ все едино что офицера задавить, что бѣдную бабу съ ребенкомъ. И вѣдь зря.... Ей-ей! Какъ предъ Богомъ безвинно загубили. Она въ наши всѣ дѣла не путалась. Смирялась, да молчала. Ахъ звѣри!—Онъ махнулъ рукой и задумался на

минуту, потомъ быстро поднявшись, крикнулъ вернувшимся съ двора казакамъ.

— Убрать мнѣ все! снести долой вѣшалку! вишь веселое смотрѣнье какое! Да еще на ночь! ну васъ совсѣмъ. Вѣшай гдѣ на слободѣ, а мнѣ тутъ не представляй мертвечину. Ну, вы, поворачивайся. Пищу мнѣ отбиваетъ отъ чрева ваша каждодневная мертвечина. Дави офицерщину, да баръ, кто подъ руку....—Пугачевъ не договорилъ и крикнулъ:—А за это убивство я въ долгу у васъ не останусь! Я вотъ изъ кожи лѣзу, служу. А вы что̀ одна забава была у меня, и ту вы.... Ладно! Каины!

Онъ вошелъ въ избу и хлопнулъ дверью.

— Дай, выспится, обойдется! усмѣхнулся Овчинниковъ.

— Ничего. А бабу хорошо что похѣрили! сказалъ Чика.— Тутъ не до любованій.

— Да она же и хитрая была, прибавилъ Шелудяковъ.

— Враки! не знаю чего вамъ она претила? вымолвилъ Чумаковъ уходя съ лошадью.

Казаки стали расходиться, не исполнивъ приказанья Пугачева.

Когда всѣ скрылись, Пугачевъ снова вышелъ на крыльцо, сѣлъ и молча, пристально, смотрѣлъ на кровяное пятно и на висѣлицу. Кучка Татаръ проходила мимо него.

— Эй, ребята, стащите мнѣ энтого офицера съ солдатомъ и унесите, да кровь-то вотъ снѣгомъ затри.

Три Татарина съ трудомъ отцѣпили Штейндорфа изъ петли и понесли. Двое собрали туловище, руку и голову инвалида и тоже двинулись.

— Въ ровъ, осударь? переспросилъ одинъ Татаринъ.

— Да, разсѣянно отозвался Пугачевъ.

Въ эту минуту на слободѣ появился верховой казакъ и подскакалъ прямо къ избѣ. Живо соскочивъ съ коня, онъ подбѣжалъ къ Пугачеву. На лицѣ его была сѣтка.

— Хлопуша, здорово. Что̀, голубчикъ?

— Здорово, государь. Вѣсти худыя! запыхавшись заговорилъ Хлопуша.— Собирай полки. Генералъ московскій ужь въ полсотнѣ верстъ отъ Сурманаевой. Да изъ Симбирска идутъ два войска, къ нему же.... Да еще разныхъ ждутъ! Я съ дюжину разослалъ своихъ вѣстей набрать.

— Про генерала-то я знаю. Ты что̀ жь, одинъ. Твои гдѣ? Наскочилъ что ль? Разбитъ?

— Какъ можно! Мои идутъ съ Твердышева завода. Я напрямки махнулъ. Пушекъ девять тащатъ. Новыя, самъ отлилъ. Да еще есть единороги. Да крестьянъ приписныхъ заводскихъ тысячи съ двѣ сманилъ, да еще и Башкиръ набралъ. Заводскій народецъ удалый. На угодника Божьяго натравить можно. Тожь и провіанту всякаго добылъ. Чрезъ два дня будетъ все тутъ. Да вотъ Московцы-то близко.

— Мы здѣсь сегодня освѣдомились про Кара. А ты какъ свѣдалъ?

— А купецъ-то столичный что̀ здѣсь былъ, да за мной на заводы увязался....

— А? Обваловъ?

— Онъ самый. Ну, онъ мнѣ, поистинѣ, въ помочь былъ. Вострая бестія, токмо одинъ порокъ—мягкосердъ. Ну вотъ онъ и вызвался, слеталъ подъ Бугульму и вѣстей мнѣ кучу отписалъ съ Татариномъ — о Московцахъ. А самъ махнулъ въ Казань—нюхать. Онъ видѣлъ и генерала Фреманова и Карова. Отписываетъ что регулярныхъ 1.369 человѣкъ, 25 канонировъ, а ящиковъ зарядныхъ всего три, да одиннадцать ящиковъ съ ядрами, а орудіевъ—пять!!.. Изъ Симбирска ждутъ гусаровъ, и орудій тоже много. Коли бы скорехонько сполошиться намъ, государь, мы бы ихъ въ одиночку разпотрошили всѣхъ. Вся сила въ поспѣхѣ!

— Мы тутъ гонца офицера словили. По его бумагамъ видать что у одного Кара болѣе двухъ тысячъ.

— Нѣту? гдѣ? Тысячи нѣтъ. Вѣрно!

Пугачевъ задумался.

— Что̀ жь ты, государь? Мѣшкать не слѣдъ.

— Хлопушка! Гульбѣ нашей, чую я, шабашъ!

— Что̀ ты, родной!

— Московцы, братъ, не казаки съ Яика, не перебѣгутъ. И не Татарва что̀ дохнетъ съ одного дыма пушечнаго. Да и Каръ оный не губернаторъ этотъ оренбургскій. Я отъ моихъ таю, а тебѣ поистинѣ молвлю. Шабашъ гульбѣ! Уходятъ насъ живо. Московцы не Оренбуржцы!

— Полно, государь. Гляди все на то же выйдетъ! Я чаю и Московцы холодны, да голодны, да подневольны. Пустимъ мы имъ чрезъ языка нашихъ манифестовъ съ сотню, и гляди, право, на то же выйдетъ! Токмо сказываю тебѣ, со спѣхомъ сберись, и мы ихъ въ розницу возьмемъ и расшибемъ.

— Плохо еще наши-то обучены по-нѣмецкому....

— Зачѣмъ? Чорта ли въ нѣмецкомъ обученьи? Кучей ты не ломышляй ходить, расшибутъ. По нашему, по казацкому обычаю, въ разсыпную! Оно и страшливѣй съ виду, и куда добрѣй. Десять полковъ на тыщи смахиваютъ.

— А когда обѣщались твои соглядаи вернуть?

— Токмо разнюхаютъ кто гдѣ и куда претъ, и сюда что есть духу въ коняхъ. Коней, туркменокъ, такихъ роздалъ, полтораста верстъ вынесутъ не кормя и не вздохнувъ.

— Укажи повѣстить атаманамъ сходъ.

Хлопуша пошелъ.

— Гей, гляди! показалъ Пугачевъ на кровавое пятно.—Чья? Харловой съ братишкой! Повершили какъ грозились! Вишь, она имъ бельмомъ была.

— При тебѣ?

— Нѣту. Я бы еще повожжался съ ними. Я ѣздилъ въ Петербургъ.... тьфу! въ Каргале ѣздилъ, а какъ обернулъ, ужь тутъ настряпано было.

— Такъ, чай, спьяну! Кто велъ?

— Нѣтъ не спьяна. Давно грозились да упрашивали. Лыска велъ. Всѣмъ пакостямъ мнѣ онъ выдумщикъ.

— Добро, братъ, мы его, погоди, нашпилемъ. Дай срокъ. А тебѣ я добуду изъ завода одну тамошнюю купчиху Фаину. Еще румянѣй Харловой. Красавица баба! Всего годковъ съ двадцать, а вѣсу, слышь, безъ малаго восемь пудъ.

— Чорта мнѣ въ ней! махнулъ рукой Пугачевъ. — Другой Харловой, братъ, не сыщешь. Вотъ какъ я тебѣ скажу.

Хлопуша пошелъ и обернулся опять.

— Садовника одного съ завода вздернулъ дорогой на сосну. Къ тебѣ на поклонъ за нами увязался самъ. Да онъ намъ сказался былъ де въ Питерѣ и видалъ тамъ Петра Ѳедорыча. ну, во второй-то разъ допускать его до царя, я почелъ, не нужно!

Около полуночи Иванъ и Горлицынъ выходили изъ Берды. Иванъ едва двигался. Вдали за овиномъ стояла кибитка, и ждалъ ихъ старый Киргизъ, нѣмой и подслѣповатый.

— Ну, вотъ, Иванъ Родивонычъ, садись и съ Богомъ. Опять не заѣзжай къ намъ, лучше сто верстъ крюку дай. Я чаю наглядѣлся нынѣ вдосталь. Тутъ завсегда кровью эдакъ поливаютъ наши полковники. Добрый тебѣ путь. Генерала изъ-подъ Москвы слышь на утро въ Сурманаеву ждутъ.

— Чего же ты, Алеша, тутъ живешь, коли тебѣ не по душѣ здѣсь? Поѣдемъ. Я тебѣ клятву даю что и батюшка и братецъ тебя простятъ за твою услугу.

Алеша махнулъ рукой.

— Эхъ, Иванъ Родивонычъ! Вѣрю я что и Родивонъ Зосимычъ, и Данило Родивонычъ меня простятъ. Не въ этомъ сила.

— Такъ какая же помѣха?

Алеша усмѣхнулся, но не весело было его лицо.

— Я здѣсь, Иванъ Родивонычъ, сотникъ въ полку Чумакова. Объ Рождествѣ мнѣ посулено онымъ Каиномъ Пугачевымъ въ полковники повышенье и деньги великія. Коли Оренбургъ возьмемъ—что̀ взялъ, все твое. Здѣсь я соколъ! А въ Азгарѣ у твоего родителя что̀ я за птица? Ворона безхвостая! Со всѣхъ господъ сапожки собирать да масломъ смазывать всяко утро. Да за братца твоего конями уходъ держать. Да ждать что не равенъ часъ онъ мнѣ все рыло въ кровь изколотитъ, изкрошитъ чѣмъ попало. Была бы жена, дѣти, а то я одинъ, какъ перстъ. Мнѣ вездѣ дорога. Бѣгуномъ быть плохо, а все лучше чѣмъ холопомъ.

— Я тебя не пойму, наивно вымолвилъ Иванъ.—Тамъ братецъ побьетъ, а здѣсь и вовсе убьютъ, а то въ Сибирь попадешь.

— Послѣ курятинки, Иванъ Родивонычъ, сухая краюха горло деретъ. Ну прости. Съ дороги не сшибаться, торная да и наѣзжана. А встрѣчнымъ такъ и сказывай: царевъ де гонецъ, покуда не доскачешь дотуда гдѣ за это бьютъ. Прости.

Иванъ снова поблагодарилъ своего спасителя и шевельнулъ вожжами. Пара киргизокъ помчалась съ мѣста въ карьеръ. Алеша постоялъ, поглядѣлъ вслѣдъ князя и неторопливыми шагами пошелъ назадъ въ слободу въ сопровожденіи нѣмаго старика.

Иванъ все погонялъ и летѣлъ стрѣлой, но не могъ ускакать отъ страшныхъ образовъ, отъ дѣтскаго крика, отъ стоновъ жертвъ и хохота палачей. И во тьмѣ ночи всѣ эти страшные образы, живые и мертвые, будто гнались за нимъ по бѣлой степи и заглядывали въ его кибитку. И Пугачевъ, и Лысовъ, и разстрѣленные женщина съ мальчуганомъ, и блѣдно-синій Штейндорфъ на веревкѣ, и безголовое туловище Самцова... „Царь-отъ де ты? Похоже, ха-ха-ха!“ чудились Ивану злобно смѣлыя слова. „Вылазь чтоль, пряника дамъ“, пищалъ Лысовъ, выманивая ребенка на смерть.

XI.

Чрезъ сутки, предъ княземъ Иваномъ замелькали вдали, среди ночной тьмы, огоньки большаго села. Скоро попались ему конные солдаты, остановили его и опросили. Онъ отвѣчалъ что проѣзжій Калмыкъ и скорѣе ударилъ по лошадямъ. Вдругъ чрезъ полверсты увидѣлъ онъ два орудія, ящикъ пороховой и часовыхъ.

— Да и впрямь никакъ наши! Ужь не Сурманаево ли это?

До тѣхъ поръ Иванъ думалъ что вовѣкъ не доѣдетъ до своихъ и пропадетъ на дорогѣ отъ метелей или отъ бунтовщиковъ и не увидится съ своею Параней.

При въѣздѣ въ село попались ему на встрѣчу сани въ одну лошадь; онъ пріостановился чтобъ опросить, уже раскрылъ было ротъ для вопроса, но ахнулъ, увидавъ высокую шапку съ наушниками.

— Охъ, попъ никакъ! воскликнулъ онъ отчаянно.

— Небось, не попъ, дъяконъ я, былъ отвѣтъ.

„Слава Богу!“ подумалъ Иванъ.—Скажи на милость, отецъ дьяконъ, тутъ генералъ Каръ съ войсками, Каръ?

— Генералъ одинъ московскій съ солдатами прибылъ въ полдень еще и сталъ постоемъ у батюшки. Можетъ онъ же... твой... А то есть еще важная генеральша на своихъ изъ Казани. Да генерала съ ими нѣтъ. Одна генеральша съ дочкой, Соколова-Уздальская.

— Гдѣ? крикнулъ Иванъ на всю улицу, привставая въ кибиткѣ.

— А ты, Калмычокъ, на меня такъ не кричи; хоть ты и на парѣ, а я на одной сивкѣ, а все же...

— Гдѣ, гдѣ стоятъ? сказывай! Помру вотъ съ ожиданья! весело закричалъ Иванъ.

— Ишь его! вымолвилъ дьяконъ и ротъ разинулъ.—Стоятъ у Игната. Вотъ какъ проѣдешь колодецъ, стоитъ это тебѣ...

Но Иванъ не слушалъ хлестнулъ по лошадямъ и помчался къ знакомой избѣ Игната, гдѣ былъ его мундиръ, гдѣ онъ и такъ сбирался остановиться.

— Ишь гонитъ, ишь гонитъ, повторялъ дьяконъ, оглядываясь.—Не свои кони-то, ну и накаливаетъ до красна. Но-но,

сивка, обратился онъ къ своей лошадкѣ.—Мы помаленьку... Свое мясо-то уваживаешь...

Иванъ, чуть не передавивъ нѣсколько кучекъ солдатъ, подскакалъ къ избѣ Игната. Свѣтъ лился изъ оконъ. Среди освѣщенной горницы увидѣлъ онъ знакомую фигуру которая горячо объясняла что-то. Иванъ выскочилъ изъ кибитки, и бросивъ лошадей подбѣжалъ къ окнамъ.

— Параня! крикнулъ онъ, стукнувъ въ окно, потомъ бросился въ калитку, чрезъ силу отворивъ ее, въ попыхахъ вбѣжалъ въ сѣни. Двѣ руки схватили его въ темнотѣ.

— Иванушка! Золотой мой!

Иванъ ахнулъ отъ этого голоса и не помня себя, обнялъ крѣпко говорящую и приникъ губами къ ея лицу. Слезы побѣжали изъ его глазъ.

— Параня, Параня! едва слышно шепталъ онъ.

— Ай, не плачь. Утри глаза живѣе, шепнула Параня.—Ты не дѣвка плакать.

Появился свѣтъ. Вышла Марѳа Петровна, а за ней люди. Вся изба казалось зашевелилась.

— Съ неба чтоль, родимый, свалился? говорила она чрезъ спину дочери.—Вотъ не чаяли, не гадали. Да пусти ты, дочка, дай взглянуть-то. Ай, батюшки-свѣты! Калмыкъ, Калмыкъ! заорала вдругъ Марѳа Петровна.

Всѣ шарахнулись. Параня тоже отодвинулась. Освѣтили Ивана ближе, узнали и повели въ горницы.

— То-то обмерла я... Гляжу дѣвка моя здоровается съ Калмыкомъ, говорила Марѳа Петровна.

— Зачѣмъ вырядился ты? какъ-то сухо проговорила Параня.

Иванъ сталъ разказывать смѣясь и шутя, но дойдя до Берды невольно пересталъ усмѣхаться при страшныхъ воспоминаніяхъ. Всѣ слушали разинувъ ротъ.

— Охъ, отцы мои! шептала мать.

— Антихристъ онъ, рѣшила горничная Улита.

— Вотъ въ каку ты насъ погибель тянула, дочка! Перебьютъ всѣхъ, а надъ тобой наругаются. Ты этого не смыслишь. Теперь вотъ спасибо Ванюша подъѣхалъ самъ къ намъ. Во-свояси до Казани вмѣстѣ и поѣдемъ. То-то хорошенько поѣдемъ.

Иванъ сталъ горячо усовѣщивать Параню за то что она подбила мать на эту поѣздку.

— Я знаю ты не изъ-за меня собралась, а съ тоски. А я вотъ, скакавши на встрѣчу къ тебѣ чтобы васъ удержать, чуть не пропалъ.

— Родной мой, спасибо тебѣ. И то было изъ-за насъ загибъ! сказала Маръа Петровна.

Параня сидѣла и молчала, опустивъ глаза въ землю и сложивъ руки на колѣняхъ, потомъ она вздохнула и вымолвила:

— Такъ ты, Иванушка, лежкомъ на чердакѣ промежь самозванцева скарба воевалъ-то?

Иванъ вспыхнулъ, и глаза его добрые и ясные блеснули гнѣвно отъ обидныхъ словъ, но онъ смолчалъ.

— Что ты, дочка, очумѣла? Что жь ему было дѣлать, слѣзать оттуда? Нате де, душегубы, вотъ де и я, Иванъ. Придушите пожалуйте.

Иванъ все молчалъ.

— Да-а! оттянула Параня.—Оно такъ намъ кажетъ. А вотъ Данило Родивонычъ не далъ бы той Харловой на убіеніе, выскочилъ бы на всѣхъ какъ волкъ. За это я на отрѣзъ палецъ дамъ. А Иванушка смирнехонько пролежалъ въ мукѣ, да въ орѣхахъ.

— Я, Параня, чрезъ все это ради тебя прошелъ, заговорилъ тихо Иванъ.—И себя упасъ ради тебя. А не будь тебя на свѣтѣ, вотъ предъ образомъ клятву даю что я дня не выживу и самъ на смерть полѣзу. Никакого злодѣя, никакой казни не убоюся.

— Ты въ обиду не входи, Иванушка, заговорила Параня мягче.—Самъ же расписалъ какъ въ мѣшкахъ съ орѣхами умостился.

— Никакихъ тамъ орѣховъ не было! обидчиво вымолвилъ Иванъ.

— Ну, мука, язвительно усмѣхнулась снова Параня.

— Иди, голубчикъ, кушать. Плюнь ты на ея глупыя рѣчи, сказала Маръа Петровна.

Иванъ, совсѣмъ разобиженный, сѣлъ къ столу гдѣ ему накрыли ужинать, и сталъ молча опрастывать сковороду съ солянкой. Сначала ему не ѣлось отъ обиды стоявшей въ горлѣ, но чрезъ минуту онъ уже уписывалъ за обѣ щеки, и отдуваясь перешелъ къ пирогу, а тамъ и къ чаю съ бубликами.

— Охъ, Парашокъ, Парашокъ! говорила между тѣмъ Маръа

Петровна. — Чужой человѣкъ, на тебя глядючи, помыслитъ что у тебя нутро изъ дуба дерева. Пріѣхалъ нареченный, не гадала, не чаяла. Тутъ бы радоваться, а она горюетъ что цѣлъ молодецъ, безъ увѣчья прибылъ, что не умертвили его. Ну дѣвки нынѣ родиться почали! Слушаючи ихъ рѣчи, инъ бываетъ съ тобой умъ за разумъ зайдетъ, и токмо развѣ руками разведешь въ пустѣ.

Параня, не обращая вниманія на мать, сухо и холодно начала разспрашивать Ивана.

„Вотъ онъ, мой-то молодецъ! шепталъ дѣвушкѣ какой-то неотвязный голосъ. Попалъ въ воюющій край и все-таки въ скарбѣ на чердакѣ сумѣлъ пролежать.“

Паранѣ было обидно за своего нареченнаго, и снова готова была она перестать въ десятый разъ считать его нареченнымъ.

Иванъ сталъ отвѣчать сначала не охотно, потомъ оживился и началъ говорить про оренбургскія дѣла, осаду и приступъ къ городу.

— Такъ ты все жь воевалъ? Съ того бы тебѣ и сказъ сказывать. О, дурной мой! весело воскликнула Параня, придвигаясь къ жениху.—А то вѣдь свалился какъ снѣгъ на голову, прямо отъ злодѣевъ, и на опросы говоритъ: видѣлъ, молъ, его съ чердака, лежа промежь кулей съ орѣхами.

— Дались вишь ей орѣхи! разсердилась вдругъ Марѳа Петровна.—Да что̀ ты въ самомъ дѣлѣ, полоумная!

— Ну полно, маменька, дай ему сказывать про Оренбургъ.

Иванъ сталъ разказывать вылазку 12го октября и приступъ 2го ноября, и съ непривычки къ послѣдовательному разказу забѣгалъ, ворочался и путался въ подробностяхъ, но всѣ прослушали долгое повѣствованье съ трусливымъ вниманьемъ.

— Сонъ-то, сонъ-то мой? въ руку! воскликнула вдругъ Марѳа Петровна, прервавъ Ивана и обращаясь къ горничной.—Помнишь, Улита?

— Какъ же, матушка барыня! это про краливу-то?...

— Видѣла я тебя, Ванюша, всего-то въ кралинѣ пожженаго, и говоришь ты мнѣ.... то-есть оно будто не ты.... а выходитъ, ухами-то я слышу своими что кралива-то эта....

— Маменька, дай ему сказывать, нетерпѣливо выговорила Параня.

— Ну, ну, я послѣ....

Иванъ дошелъ до схватки съ самозванцемъ на валу.... Параня съ блистающими глазами слушала его, и чудно красивое лицо ея будто освѣтилось душевною тревогой. Она слѣдила за губами, за жестами Ивана и воодушевилась такъ же какъ еслибъ все разказываемое происходило въ этотъ моментъ на ея глазахъ.

— .... Солдатикъ у него за спиной такъ и влился, разказывалъ Иванъ.—Я живо подбѣжалъ къ нему. Онъ руки протянулъ и говоритъ:—Ну, вяжи! Я вязать хотѣлъ. А онъ, злодѣй, вытащилъ у меня пистолетъ, выпалилъ по солдатику, да и тягу....

— И упустилъ! вскочила Параня.

— Не упустилъ.... Онъ самъ тягу далъ.... Я же не могъ....

— Не могъ! не могъ! Иванушка дурачокъ и есть! запальчиво воскликнула дѣвушка.

— Да онъ, любая, вѣдь убилъ бы меня. Онъ вѣдь вонъ какъ пистолетъ-то наставилъ!

И Иванъ въ жару разговора схватилъ попавшійся ему подъ руку начатый чулокъ со спицами и съ клубкомъ и приставилъ дѣвушкѣ въ грудь.

— Петли спустишь! воскликнула Марѳа Петровна, отнимая чулокъ.—Ну тебя! нашелъ чѣмъ примѣры примѣривать.

И оглядѣвъ всѣ пять спицъ спрятала въ карманъ импровизованное оружіе.

— Да вѣдь твой же пистолетъ. Ты же воронъ считалъ покуда онъ его вытаскивалъ у тебя.

— Въ единое мгновенье! Въ единое, Параня! какъ школьникъ жалостливо оправдывался Иванъ.

— Еще бы ему тащить да опрашивать: дозволь де мнѣ твоимъ ружьемъ въ тебя палить! почти злобно отвѣтила дѣвушка, махнула рукой и отвернулась. „Начнетъ за здравіе! шепталъ ей тотъ же неотвязный голосъ: а сведетъ за упокой!...“

— Ну ты, Параня, завсегда все осмѣешь и унизишь что̀ я дѣлаю, окончательно разобидѣлся Иванъ.—А вотъ Тавровъ, тотъ все мое поступленье по службѣ видѣлъ и вѣдаетъ. И онъ меня хвалилъ и пообѣщалъ даже что медаль выхлопочетъ мнѣ или крестъ.... На лентѣ....

— Какъ у Данилы Родивоныча, энтотъ новый, бѣлый что̀ недавно стали давать, на коемъ Святой Егорій написанъ? опять оживилась Параня.

— Ну, ужь тамъ я не знаю какой, а тоже на лентѣ.

— И ты будешь его при себѣ носить!... Ну поди сюда.

Сядь, ласково сказала дѣвушка.—На новь ты все же молодецъ. А вотъ какъ нацѣлишь крестъ.... просто диво! Только вотъ что̀! Ну какъ тебѣ вмѣсто креста, да похвальный листъ дадутъ, какъ тому купцу въ Казани что̀ изъ Кабана дѣвочку спасъ отъ утопленья.... Что̀ жь тогда съ листомъ-то?

— Нѣтъ, какъ можно! Ужь коль дадутъ, то медаль или крестъ, важно выговорилъ Иванъ.

— Ну ладно! улыбнулась Параня.—Я отъ тебя, Иванушка, и этого не чаяла. Тебя, видишь, вся фамилія ваша, и отецъ, и братецъ твой, дочкой прозываютъ. Ну, не гнѣвайся.

— Гдѣ мнѣ на тебя гнѣваться! безпомощно влюбленно отозвался Иванъ.

— Да сыми ты, родной, халатище-то свое посконное. Что Калмыкомъ-то сидѣть, вымолвила Марѳа Петровна.—Хоть тулупъ простой пошли себѣ купить. Все православная одежа. А это халатище—бѣсу до заутрени пригоже.

— У меня здѣсь мундиръ оставленъ.... Ахъ! Создатель мой!! ахнулъ вдругъ Иванъ и схватился за голову.—А генералъ?! Ахъ ты ротозѣй! Ахъ, я.... Ахъ!...

— Что̀ ты? Что̀ ты? перепугалась Марѳа Петровна.

— Пакетъ-то мой къ генералу... Доложутъ ему что я тутъ давно, а къ нему не явился.

— Какой пакетъ? спросила Параня.

— Ордеръ отъ губернатора къ генералу о скорѣйшемъ разбитіи злодѣя, прихвастнулъ Иванъ, но совѣсть его вступилась тотчасъ.—То-ись, я не читалъ, а такъ полагаю....

— Такъ ты гонецъ?!

— Гонецъ, любая.... Токмо сказываю опять что ради тебя съ матушкой вызвался самъ чрезъ Берду....

Иванъ вытащилъ изъ-за пазухи большой кожаный бумажникъ и досталъ изъ него пакетъ съ розовою восковою печатью и шнурками. Параня подскочила къ жениху, схватила его обѣими руками за голову и разцѣловала на обѣ щеки.... Это былъ первый поцѣлуй при всѣхъ, со времени дѣтства. Марѳа Петровна ахнула.

— Срамница! Да развѣ это....

Но Параня ужь ухватила и мать за голову, и также цѣловала, мѣшая шевелить губами.

— Чепецъ, чепецъ! воскликнула Марѳа Петровна отбиваясь.—Ну тебя совсѣмъ! Тутъ утюговъ ни за какія деньги не нашли, а ты послѣдній мнешь.

Иванъ отправился въ сосѣднюю избу переодѣваться, а старикъ Игнатъ принесъ оставленный у него когда-то мундиръ.

— Спасибо есть одежа офицерская. А то бъ Калмыкомъ и иди къ генералу, смѣялся Иванъ, счастливый и веселый послѣ нечаянной ласки Парани и ея поцѣлуя.

Дѣвушка между тѣмъ положила пакетъ на столъ и сѣла стеречь „довѣренныя ей важныя дѣла“. Красивое лицо ея стало важно при мысли что женихъ гонецъ къ московскому главнокомандующему генералу довѣрилъ ей свой пакетъ.

— Тише!... Что̀ ты!... Какъ можно такъ! вскрикнула она, когда Улита поставила вдругъ около пакета крынку съ простоквашей для Марѳы Петровны:—Ну вдругъ зальёшь. Ты знаешь ли что̀ тутъ прописано? За это въ Сибирь могутъ сослать.

Улита и даже Марѳа Петровна, подвигавшаяся было къ крынкѣ, обѣ оторопѣли отъ такого открытія.

— Ну тебя! махнула рукой старуха на горничную.—Лѣзешь зря! Изъ-за простокваши да угодимъ въ каторгу! Унеси. Я ужь послѣ лучше.

— Батюшка Иванъ Родивонычъ, объявлялъ между тѣмъ Игнатъ, — кони твои сгинули. Какъ же это ты побросалъ ихъ, не вызвалъ меня? Вѣдь ихъ стибрили.

— А ну ихъ, Игнатъ! Не мои они, а злодѣевы. Туда имъ и дорога.

— Слышалъ.... А все жь кони. Да и чаю, не плохіе.

Черезъ четверть часа Иванъ въ парикѣ, въ мундирѣ и при шпагѣ шелъ съ пакетомъ Рейнсдорпа къ избѣ отца Андрея.

— Ну конецъ тому вору! сказалъ Иванъ провожавшему его Игнату, оглядывая на улицѣ кучи солдатъ, полковые обозы и ружья въ козлахъ.

Старикъ молчалъ.

— Въ единый махъ всю сволоку его раскидаютъ! Самъ онъ *при мнѣ* (Иванъ налегъ на эти слова) говорилъ своему каторжнику: конецъ молъ гульбѣ нашей! А какъ я обо всѣхъ ухищреньяхъ ихъ слышалъ, то все генералу и повѣдаю.

Снова не отвѣтилъ ничего старый Игнатъ, только вздохнулъ.

— Ну, а промежь васъ, утихло? Помнишь что̀ тогда было въ храмѣ-то.... Какъ батюшка разглашалъ публикацію.

— Да утихло, какъ вотъ войска пришли, вымолвилъ старикъ.—А уйдете, я самъ ногъ не унесу. Мнѣ ужь посулено отъ своихъ сусѣдовъ поджогъ и раззоренье дому.

— За что?

— А вотъ свѣдали что ты былъ надысь съ Павломъ Павлычемъ, да нынѣ генеральша опять стоитъ. Все стало съ господами, да барами вожжаюсь, стало деньга есть. Ну стало меня и надо жечь, чтобы тушить было что, по карманамъ.

— Коли кто посмѣетъ тебя поджечь, я того бездѣльника въ острогъ Казанскій отправлю. Какъ покончимъ съ злодѣемъ, такъ переборку учинимъ всѣмъ кто бунтовалъ и кто озарничалъ, рѣшительно и отчасти важно говорилъ Иванъ.

— А какъ да *онъ* перебирать учнетъ? Эхъ, князь, ваше сіятельство, какъ знать чего не знаешь? Ваши же, во тутъ, солдатики гляди-ко что побаятываютъ.... Слышь и пушки-то ваши попыхать не станутъ, вотъ что! На него, слышь, ни одна не можетъ палить.

— Гляди-ко какъ я въ него хлесталъ изъ своихъ, съ бастіона.

— А не убилъ! И въ рукахъ, вотъ сказывалъ генеральшѣ, имѣлъ его и не совладалъ. Я, Иванъ Родивонычъ, вотъ какъ тебѣ скажу. Я за истинную правду правдушку стою. Коли онъ не царь, а самозванный колобродникъ и воръ, то вы его и казните по дѣламъ воровскимъ. А коли же онъ воистинный царь, то его Богъ Господь на глазахъ содержитъ и соблюдаетъ анделами Своими и на немъ наговоръ есть сохранительный отъ всякаго вреду. Запретъ, чтоль, такъ сказать надо, молитвенный...

— Онъ бѣглый казакъ, старина, я вѣдь его видѣлъ. Пугачевъ ли съ Дону—этого не скажу. А что виду царева у него никоего нѣтъ. Какъ ты эдакія рѣчи ведешь противузаконныя? Онъ злодѣй и воръ!

— Ты говоришь! кратко отозвался старикъ.

— Скажи вотъ этимъ служивымъ московскимъ что ты мнѣ городишь, такъ погляди какъ они тебя ухлопаютъ за одно сумнѣнье.

— Полно, ухлопаютъ ли?

XII.

Иванъ подошелъ къ дому священника. Часовой съ ружьемъ, укутавшись въ тулупъ, дремалъ на ступеняхъ крыльца. Иванъ разбудилъ его.

— Повелѣно никого не впущать до утрова! сонно пробормоталъ часовой не двигаясь.

— Я гонцомъ къ генералу изъ Оренбурга!

— Повелѣно никого не впущать до утрова, также повторилъ солдатъ.

— Да я же тебѣ говорю что я въ порученьи важномъ... Поди разбуди кого...

— Повелѣно никого не.... также началъ было солдатъ, но Игнатъ взялъ его за воротъ и встряхнувъ крикнулъ:

— Замерзла, ворона. Ну, живо! Иди будить дядьку енералова.

Часовой живо поднялся и хотѣлъ войти въ домъ, но оттуда уже вышелъ человѣкъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, пошелъ доложить.

— Пожалуй, ваше благородье! вернулся онъ снова уже съ фонаремъ и пропустилъ Ивана въ сѣни домика.

Генералъ Карь въ пестромъ фланелевомъ шлафоркѣ и въ ермолкѣ на гладко остриженной головѣ, замѣтно похудѣвшій уже съ Казани и съ сильно болѣзненнымъ выраженіемъ лица, сидѣлъ у стола при одной восковой свѣчѣ и медленно, вяло писалъ рапортъ въ военную коллегію.

Князь Иванъ остановился у двери, обождалъ минуту, потомъ когда Карь молча обернулся и глянулъ, Иванъ подалъ свой пакетъ. Пока Карь читалъ, Иванъ смотрѣлъ на него и въ нѣкоторомъ недоумѣньи думалъ: „Вотъ онъ какой? А я думалъ... Вотъ-те разъ! Даже совсѣмъ на генерала не похожъ.“

— Въ этой бумагѣ одно пустомельство, сердито и съ досадой сказалъ Карь.—Здѣсь въ краю дуракъ на ослѣ ѣдетъ и дубиной погоняетъ.

Иванъ объяснилъ что главныя депеши везъ Штейндорфъ и былъ схваченъ и повѣшенъ. Затѣмъ на разспросы Кара, онъ разказалъ слово въ слово все то же что̀ и Уздальскимъ. Генералъ только качалъ головой, изрѣдка усмѣхаясь и презрительно пожимая плечами.

Только однажды прервалъ онъ Ивана, замѣтивъ то же что̀ и Параня.

— Что̀ жь это вы такъ сутки цѣлыя на чердакѣ середь мѣшковъ и сидѣли?

— Что̀ жь было дѣлать, ваше превосходительство! тихо и конфузясь бормоталъ Иванъ.

— Ну, ну, дальше. Что̀ въ Оренбургѣ? Ну! нетерпѣливо сказалъ Карь.

Иванъ разказалъ подробно о вылазкахъ и приступахъ.

— Сволочь! вымолвилъ наконецъ Карь.—И офицеры и солдаты сволочь. Два мѣсяца духу нѣтъ словить бродягу. Довели

до того что насъ тревожутъ съ болѣе важныхъ постовъ. Меня, стараго генерала, взяли изъ Польши гдѣ я былъ нуженъ. А зачѣмъ? Чтобы шельму, вора ловить. Гуси вы! Гуси!

Иванъ не ожидалъ этого отвѣта и сталъ было доказывать силу самозванца, его дерзость, ужасы и злодѣйства.

— Эхъ, молодецъ мой! Вы, я вижу, на пѣночкахъ, да на калачикахъ домашнихъ взросли у маменьки подъ фартучкомъ. Вамъ этотъ воръ, что старухѣ лопадьѣ здѣшней, за антихриста кажетъ! Такія ли злодѣйства совершались, да и понынѣ совершаются въ Керженскихъ, да въ Муромскихъ лѣсахъ. Пошлютъ команду полевую, иль гренадеръ съ полсотни, и все! А у вашего Рейнсдорпа всего-то будетъ тысячи двѣ войска, да сто пушекъ... Что жь вамъ Суворова иль самого Румянцева что ль прислать? Ха, ха, ха! Со всею арміей...

— Да вѣдь ихъ сила огромная-съ. Цѣлая армія.

— Десять или пятнадцать тысячъ... чего? Зайцевъ! Татарвы, которая отъ ружья какъ чортъ отъ ладону бѣгаетъ!

Иванъ передалъ что кромѣ перебѣжавшихъ солдатъ и казаковъ Хлопушка теперь ведетъ тысячи двѣ крестьянъ заводскихъ, которые всѣ изъ бѣглыхъ и каторжныхъ и отличаются не только храбростью, но яростью въ битвахъ. При нихъ десять орудій, да еще единороги.

— Гдѣ же они? Откуда ведетъ? Куда?

— Они въ сей мигъ должны быть на пути съ Твердышева завода. Недалече отсюда.

Каръ всталъ, разспросилъ Ивана подробно, и убѣдившись въ истинѣ извѣстія, велѣлъ перебудить и позвать скорѣе къ себѣ генерала Фреймана и другихъ офицеровъ.

— Эхъ, господинъ подпоручикъ! На мѣсто описательствъ Бердинскихъ съ этого бы извѣстія вамъ и начать свой сказъ, молвилъ онъ ему.

Черезъ два часа отрядъ въ четыреста рядовыхъ съ двумя пушками, подъ начальствомъ секундъ-майора Шишкина, отдѣлился отъ корпуса и выступалъ въ сосѣднюю деревню Юзееву чтобы перерѣзать путь въ Берду шайкѣ мятежниковъ идущей съ завода.

— Всего бы лучше, господинъ майоръ, сказалъ Каръ, полушутя, полусеріозно,—взяли бы въ Бердѣ вора, да привезли сюда безъ хлопотъ; а то не охота мнѣ весь корпусъ морить по снѣгамъ здѣшнимъ. Право такъ. Вернулись бы бригадиромъ!

— Нѣтъ, генералъ, ужь подвиньтесь въ стель еще малость, также полушутя отвѣчалъ Шишкинъ.—Тамъ мы покончимъ и поѣдемъ въ Питеръ: одинъ — генералъ-аншефъ, а другой — бригадиръ.

По выступленіи отряда Шишкина долго еще гудѣла Сурманаева и только къ утру немного стихъ шумъ на улицѣ. Ранехонько утромъ, когда Иванъ пришелъ къ Уздальскимъ изъ сосѣдней избы, гдѣ ночевалъ, вслѣдъ за нимъ явился молодой Сельцевъ, вновь прикомандированный къ генералу Кару и ѣхавшій не столько за Каромъ, сколько за Параней, которой онъ замѣнилъ оставшагося въ Казани Селима. Теперь Сельцевъ былъ на побѣгушкахъ у Парани и исполнялъ всѣ ея прихоти и затѣи.

— Вотъ Иванушка, свойственничекъ нашъ. Будетъ и тебѣ родней. Вѣдь Андрюша-то на Дарьѣ женится. А вотъ тебѣ, Миша, нашъ Иванушка, нареченный дочкинъ, рекомендовала Мароа Петровна еще не знакомыхъ молодыхъ людей.—Ну, поцѣлуйтесь. Присядь, Миша, да сказывай что новаго, покуда Парашокъ тебя не угналъ птичьяго молока доставать на селѣ. Какъ спочивалось въ ночку? А чай какъ и намъ солдатушки не дали глазъ сомкнуть. Всю-то ночь: Бомъ, бо-ро-раръ! подъ окошками. Крики, да грохотня военная! Вотъ не чаяла я, не гадала въ походы ходить, да стражаться, а пришлось...

— Что у генерала? Вѣсти есть какія? перебила Параня.

Сельцевъ въ разсѣянности не отвѣчалъ; онъ давно смотрѣлъ въ свѣженькое, бѣлое и шелковистое лицо Парани, въ ея ясныя очи, отѣненныя длинною рѣсницей. Еще болѣе, еще нѣжнѣе и краше казалась ея шейка и головка окаймленныя темнымъ бѣличьимъ мѣхомъ кацавейки.

— Ужь какая же вы разкрасавица! Ну, князь Иванъ Родивонычъ, жена же у васъ будетъ!.. Да вы послѣшите. Въ Казани сказывали, Данило Родивонычъ женатъ.

Иванъ разсмѣялся этому слуху.

— Пустое. Данилѣ у насъ невѣстъ нѣту.

— А на Кречетовой! замѣтила Мароа Петровна.—Она ослобонилась.

— Она въ монастырь пошла, сказалъ Сельцевъ.—Вѣрно! я вѣдь послѣ васъ выѣхалъ-то....

— Что у генерала-то новаго? глухой! перебила Параня.

— Пріѣхалъ на зарѣ гонецъ отъ Чернышева, отвѣчалъ Сельцевъ.

— Того сибирскаго генерала?

— Нѣту такого! вы смѣшали. Есть Сибирское войско. Звать то-есть такъ, но они здѣшніе же Башкиры да Татары. Ждутъ ихъ съ княземъ Ураковымъ изъ Уфимской провинціи.

— Какой же то Чернышевъ?

— Симбирскій комендантъ. Городъ есть Симбирскъ, объяснилъ Сельцевъ.—Онъ по Самарской линіи идетъ прямо на Оренбургскую военную дистанцію. У него истинное войско. Полторы тысячи солдатъ и конныхъ казаковъ, да съ пять сотень калмыцкихъ солдатъ, да орудій страсть сколько. Сказываютъ сорокъ.

— Гренадеры не прибыли еще? спросила Параня.

— Ишь ты! покачала Мароа Петровна головой.—Все знаетъ.

— Нѣтъ еще. Гренадеры эти съ поручикомъ Карташевымъ, а онъ, говорятъ, такой-то лежебока что пожалуй и заблудится въ степи. Ждутъ однако нынче.

— И куда вамъ такое людство? Вѣдь васъ сойдется тысячъ съ пять, соображала Параня.

— Зря, отвѣчалъ Сельцевъ;—генералъ сейчасъ смѣючись сказывалъ гонцу: Бить-то, молъ, кого же вы сбираетесь съ Чернышевымъ, да съ гренадерами, да съ Башкирами? А тотъ говоритъ: Злодѣевъ де бердинскихъ. Ну, а мнѣ-то, говоритъ, кого жь? Тожь его! Нѣтъ, говоритъ, ужь коли же меня потревожили изъ Полоніи, такъ я его самъ допрежде васъ достану чтобъ отодрать кнутомъ поздоровѣе отъ себя лично, въ свое удовольствіе; за то что я изъ-за него двѣ тысячи верстъ отсчиталъ боками.

— Что жь вы эдакъ все въ разноту ходите? замѣтила Мароа Петровна, вамъ вмѣстѣ куда бы лучше! Стѣной бы и вали.

— Такъ лучше. Съ разныхъ сторонъ обойти. Генералъ боится что воръ не допуститъ себя до сраженія и учнетъ бѣгать, да метаться; такъ его симъ способомъ ловить способнѣе. Не на Шишкина теперь наскачетъ, такъ на Чернышева, а то на князя Уракова, аль на Карташева.

— А коли же на насъ самихъ? спросила боязливо Мароа Петровна.

— Ну, тогда всему и конецъ; въ четверть часа все и кончится.

— И пора бы. Вора въ острогъ, мнѣ крестъ, а Паранѣ

платье подвѣнечное, выговорилъ Иванъ, все время молча глядѣвшій на Параню.

— А ты Иванушка дурачокъ, разсмѣялась Параня, грозясь.—По тѣ поры что не получишь свой крестъ отъ Таврова и не помышляй меня брать за себя. Покуда не надѣнешь орденъ, я все буду помнить про самозванцевы кули съ орѣхами.

Всѣ разсмѣялись.

— Коли не дадутъ креста, я у Данилы возьму какой. У него много. Тебя и проведу. А женимся, глядь, я и безъ ордена.

— Стой, стой! Что̀ такое? воскликнулъ Сельцевъ.

Раздались дальніе пушечные выстрѣлы. Всѣ присмирѣли и прислушивались.

— Палятъ, палятъ! вскочила въ избу Улита.

Молодые люди выбѣжали на улицу. Не прошло десяти минутъ, и во всей Сурманаевой на улицѣ и въ избахъ началось сильное движеніе.

Князь Иванъ и Сельцевъ побѣжали къ избѣ Кара.

— Выступать Шишкину въ подмогу, пронеслась вѣсть по селу.

Скоро все войско готовилось къ выступленію, съ грохотомъ, съ криками, съ суетней.

— Парашокъ... Ай! въ Казань намъ, долголь до грѣха? Ну, коли злодѣй-то осилитъ ихъ, волновалась Марѳа Петровна.

— Чтой-то, маменька, пустяковина какая! Ввечеру всему и конецъ будетъ, увѣряла Параня мать.—Осилитъ? Чего ты, мамонька, не надумаешь? То воръ, а то московскій генералъ.

— Да вѣдь на грѣхъ, Парашокъ, мастера-то еще не народилось.

Въ полдень выступило все войско и растянулось вереницей по снѣжной степи. Параня глядѣла съ крылечка какъ мимо нея тянулись баталіоны пѣхоты, за ними конница, а тамъ канониры вокругъ пяти орудій, затѣмъ длинный, безконечный обозъ: возки, кибитки, сани, подводы, розвальни.

— Эхъ, маменька, повторяла дѣвушка,—что̀ я молодцомъ не родилась, парнемъ... Была бы я нынѣ капитанъ... ну хоть сержантомъ.. ѣхала бы на конѣ у пушекъ, съ пистолетовъ палила бы. Мнѣ бы промѣняться съ Иванушкой. Онъ остаться проситься пошелъ. Срамъ!

Марѳа Петровна махнула рукой.

— Да ты, Парашокъ, и безъ того у меня, прости Господи, капитанъ, а не дѣвка. Ты, дитятко, вотъ что̀, стерегися. Ей-ей, мнѣ иной разъ боязно что ты слѣшишь на мысляхъ. Ужь эдакого-то горя я не переживу.

— Вонъ онъ, вонъ, назадъ идетъ. Не веселъ.

Иванъ шелъ съ Сельцевымъ отъ Кара, грустный и обиженный, и что-то горячо спорилъ.

— Не дозволилъ, я чаю, вымолвила старуха.

— Вѣстимо, отозвалась Параня задумчиво.—Тутъ хотятъ сейчасъ начать воевать, а онъ просится съ нами обѣдать. Кабы всѣ-то обѣдали, кто жь бы воевалъ?

— Ну что̀, Ванюша, не дозволилъ? спросила соболѣзнуя Марѳа Петровна подошедшаго Ивана.

— Не дозволилъ, да еще разругалъ. Я такихъ генераловъ не видалъ. Словно звѣрь рычитъ...

— Ничуть, спорилъ Сельцевъ,—въ моемъ разсужденіи, это просто прозывается по-заморски: *дессеплинъ*. Военное правило. И то не ругня, а какъ сей *дессеплинъ* велитъ, такъ генералъ съ княземъ и поговорилъ. Не посадилъ, велѣлъ стоять не подбочениваясь, и не велѣлъ про свои домашнія дѣла сказывать. А то князь тутъ и про васъ сталъ говорить и про всякое такое...

— Я ему пояснить хотѣлъ почему я прошусь. На что у насъ Рейнсдорпъ не ласковъ, а все не такой рычунъ. А при себѣ меня оставлять онъ и не можетъ. Я гонецъ...

— Приказалъ состоять при немъ, такъ ужь ослушиваться вамъ нельзя, урезонивалъ Сельцевъ.

— Полно, Иванушка дурачокъ. Такъ-то лучше, вступилась Параня въ споръ.—Не лѣнися.

— Я не лѣнюсь. Я изъ-за тебя все. Обѣщай ты мнѣ... Да что̀ съ тобой толковать,—и Иванъ обратился къ Марѳѣ Петровнѣ.—Обѣщайтесь вы сидѣть тутъ смирно, пока мы тамъ не покончимъ; чрезъ сутки я отъ него ужь отбоярюсь, и коли все слава Богу, поѣдемъ вмѣстѣ въ Казань.

Старуха обѣщала. Они простились.

Черезъ часъ Иванъ и Сельцевъ, усѣвшись въ кибитку, выѣхали за возкомъ главнокомандующаго. Войско давно пропало за горизонтомъ, кой-гдѣ только чернѣлись отсталые или обозныя подводы, увязшія въ глубокомъ снѣгу. Скоро и возокъ Кара, и кибитка исчезли, а Параня все еще стояла на крыльцѣ, укутываясь въ свою шубку.

— А мы-то, мы-то дѣвки, шепнула она сама себѣ.—Токмо бѣлье штопать, да бисеромъ храмовыя одѣянья вышивать, да по грибы ходить, съ рыжиками да съ груздями воевать.

— Ну, а ты, госпожа, чего ждешь, на царя не собралась! произнесъ голосъ у нея за спиной. Прааня оглянулась. Около нея стоялъ мужикъ.

— Не мое бабье дѣло воевать, грустно проговорила она.

Въ эту минуту вышелъ со двора Игнатъ, за нимъ Айчувакъ и пять мужиковъ.

— У меня, братцы, всего дву-конь остался, говорилъ Игнатъ.— Хошь бери... вы меня въ раззоръ раззорить замыслили.

— А не вожжайся, старый чортъ, съ эфтими, крикнулъ и ткнулъ пальцемъ на Параню одинъ изъ мужиковъ.

— Это боярышня-то генеральская? громко спросилъ Айчувакъ.—Тутъ бы ее и...—щелкнулъ онъ языкомъ.

— Уйди, Прасковья Лексѣевна въ избу, подошелъ Игнатъ.

Параня задумавшись не слыхала, не поняла ничего и безсознательно вернулась въ горницу.

Чрезъ пять минутъ Айчувакъ, сидя въ розвальняхъ, съѣзжалъ со двора Игната на лошадяхъ данныхъ князю Алешей.

Мужики провожали Айчувака до конца деревни. Игнатъ глядѣлъ вслѣдъ и бормоталъ:

— Чужое-то добро, только выкормилъ зря. Тьфу!

—

Далеко отъ Сурманаевой, среди пустынной степи, Айчувакъ вдругъ пріостановилъ лошадей и прислушался... тихій вѣтерокъ донесъ до него звукъ бубенчиковъ... На горизонтѣ стала отдѣляться черная точка и приближалась къ нему на встрѣчу. Айчувакъ тронулъ вожжой, двинулся, а самъ легъ въ разтяжку. Двое саней близились и наконецъ съѣхались. Лошади Айчувака стали.

— У, дьяволы! мычнулъ онъ, но не шевельнулся.

— Гей! кто таковъ? Гей! да ну покажись, а то выпалю.

Айчувакъ узналъ голосъ казака Ѳедулева и вскочилъ.

— Ты изъ царевыхъ, аль изъ Московцевъ? крикнулъ тотъ.

— Айчувакъ же я... не призналъ, атаманъ.

Оба вылѣзли изъ саней и сошлись.

— Ну что̀ везешь? спросилъ Ѳедулевъ, косясь на знакомыхъ ему лошадей въ саняхъ Айчувака.—Свое отбылъ? Тебя вѣдь колдовать кажись посылали?

— Отбылъ. Семь часовъ вожжался ввечеру съ двумя кано-

нирами. Двѣ пушки, да одинъ большущій единорогъ—заколдовалъ, онъ ужь вышелъ...

— Въ Юзееву... знаю. Другіе-то что̀?

— Утромъ вчера повстрѣчалъ Творогова, повыше Сурманаевой верстахъ въ десяти. Онъ чрезъ языковъ намѣтилъ какое-то войско что̀ изъ Уфы идетъ да засѣло въ снѣгу по самый нюхъ, и гналъ на встрѣчу сбить ихъ съ пути. Жалѣлъ очень что манифесты свои утерялъ въ степи. Я ему изъ моихъ десятокъ далъ, а самъ въ Сурманаеву дернулъ.

— Эхъ, кабы Твороговъ ихъ на нашихъ поставилъ!

— Поставитъ. А ужь собьетъ-то съ пути вѣрно. Ну, а ты въ удачѣ?

— А я, братъ, Трифонъ Петровичъ, самую птицу первую накрылъ, да не посчастливилось совсѣмъ-то подшибить. Тутъ во, знаешь ли, есть поселокъ. Кто Тюмень прозываетъ, кто Тютюнъ.

— Знаю, ну?

— Такъ вотъ, коли хошь, тебѣ работа будетъ.

— Давай.

— Тамъ съ вечера вишь кормились гренадеры и при нихъ офицеръ, Карташевъ звать. На подводахъ подъѣхали. Ружья-то въ заду что дрова складены, въ особой кибиткѣ, а сами-то въ подводахъ въ дремѣ ѣдутъ. Я ихъ взялся вести въ Сурманаеву, да сбилъ на Каракызъ, а Якова, новаго кучера-то государева что̀ со мной былъ, выслалъ упредить нашихъ. Въ Каракызѣ они меня нонѣ утромъ раскусили, чуть не убили, я и бѣжать. Они я чаю еще путаютъ въ бездорожницѣ, да колобродятъ. Гони живѣе туда къ нимъ, назовись какъ.... и возьмися опять вести въ Сурманаеву да выведи на Заячій-Яръ. Тамъ Марусенковы теперь, три сотни отборныя. Наставишь на Шигаева, быть тебѣ на завтра отъ государя съ магарычомъ. Я тебѣ порукой.

— Ладно. А ты?

— Я погоню по Бугульминской. Слыхать оттуда ждутъ тоже князя какого-то съ гусарами. Стой! Откуда эфти кони у тебя?

— Изъ Сурманаевой. У мужика Игната міромъ оттягали мнѣ нашинскіе согласники.

— Чудно! Это надо разнюхать какъ они туда затесались.

XIII.

Въ четыре часа ночи авангардъ войска Кара вступалъ въ деревню Юзееву гдѣ стоялъ уже отрядъ Шишкина, послѣ удачной сшибки съ кучкой мятежниковъ.

На улицѣ началась толкотня, путаница, переборка и возня. Гдѣ спать, куда приткнуться?

— Гдѣ? куда? кто? сюда! тамъ! чортъ, дьяволъ! слышалось всюду.

У маленькой избушки давно стоялъ возокъ главнокомандующаго обогнавшаго корпусъ. Въ горницѣ, при мерцаньи огня, сидѣло и мирно толковало начальство: Каръ, Фрейманъ, Шишкинъ и Варнстедъ. По стѣнкѣ другой горницы и въ сѣняхъ толпилась кучка офицеровъ; въ числѣ ихъ Сельцевъ и князь Иванъ.

— Если возможно, ваше превосходительство, бодро докладывалъ Шишкинъ, уже дравшійся и побѣдившій и потому въ духѣ.—Подобаетъ не медля ударить на нихъ, ибо съ каждымъ часомъ силы ихъ растутъ. Я поймалъ языка, который объ заводскомъ сколищѣ сказываетъ что его еще ждутъ съ заводовъ, что оно еще не прошло. Сказываетъ тоже что вся сволочь была еще вчера въ разбродѣ, кто подъ Оренбургомъ, кто на малыхъ фортеціяхъ, кто въ Исетскомъ дистриктѣ, а теперь стали сбираться. Нынѣ въ полдень я вѣдь ихъ разсѣялъ восемь сотъ, а съ подоспѣвшимъ къ нимъ изъ сосѣдства мужичьемъ и Татарвой, ихъ было полагаю и вся тысяча. А устояли ли они отъ моихъ четырехъ сотенъ? И всѣ они таковы блудливы, да трусливы.

На поставленный вопросъ: что̀ дѣлать? Шишкинъ снова заговорилъ:

— По сказу бѣгуновъ, сюда идетъ съ самимъ злодѣемъ изъ Берды десять тысячъ. Изъ коихъ три оруженныя какъ и мы. Коли мы, ваше превосходительство, будемъ ждать полдня, то сколище заводское навѣрнякъ подоспѣетъ со многочисленными орудіями.... И они соединясь будутъ въ числѣ превосходномъ несравненно. Тогда злодѣевъ соберется до семнадцати тысячъ! Мы не сможемъ уже одолѣть ихъ инако какъ по соединеніи съ полковникомъ Чернышевымъ и другими.

— Истинно! вымолвилъ Каръ. — И мое мнѣніе таковое же.

Или напасть сейчасъ или дожидаться ужь всѣхъ секурсовъ, напасть всѣми силами и истребить все сколище, съ корнемъ вырвать злодѣйство въ краю. Что вы скажете, генералъ? обратился Каръ къ Фрейману.

— Теперь, тотчасъ вести на бой по этому снѣгу войско прошедшее столько верстъ не ѣвши невозможно. Они сами сказываютъ что ихъ бабы перевяжутъ мочалой. Столь они намучены.

— Стало подкрѣпленья по вашему, ждать? вмѣшался Варнстедъ;—но кто завѣритъ что они сами не нападутъ на насъ въ числѣ семнадцати тысячъ, когда мы все еще будемъ въ ожиданьи Чернышева да Уракова? Почемъ знать гдѣ еще они?

— Ну такъ по мнѣ золотая середина, сказалъ Каръ, — подождемъ разсвѣта. Отдохнутъ люди и часу въ девятомъ ужь довольно свѣтло чтобъ ударить. Если разобьемъ—всему дѣлу вѣнецъ. Если они насъ разобьютъ, ухмыльнулся Каръ,—ретируемся и ретраншируемся здѣсь и давай ждать подкрѣпленья и сорокъ сороковъ орудій Чернышева.

— А вы, генералъ, замѣтилъ Шишкинъ,—увѣровали нынѣ что и разбитыми быть можно намъ?

— Не отъ злодѣевъ пагуба быть можетъ, серіозно сказалъ Фрейманъ,—а отъ снѣговъ сихъ по шею. Народъ столь замороженный что не можетъ аванпостовъ разставить, ни разъѣзды нарядить, паипаче не можетъ въ битву выдти.

— Я сего края не вѣдалъ, покачалъ головой Каръ,—а таковыхъ снѣговъ степныхъ и не видывалъ. Да и не зналъ о людствѣ ихъ. Семнадцать тысячъ—вздоръ. А все же до пяти хватитъ.

— Какъ укажете? спросилъ Фрейманъ вставая.

— Ударить! сказалъ Каръ рѣшительно.—До разсвѣта надо стало успѣть и выспаться и поѣсть. А кто не успѣетъ, иди голоднымъ.

Каръ отпустилъ всѣхъ и оставшись одинъ подумалъ:

„Вотъ я бабью этому покажу завтра что не въ численности, не въ снѣгахъ, не въ солдатахъ дѣло, а въ генералѣ и въ стратегіи. А если.... если семнадцать тысячъ, а насъ полторы, усталыхъ? Если тридцать орудій, а у насъ пять? Если... Вздоръ!... Шайка мошенниковъ!... Лишь бы не удрали къ утру безъ битвы. Подъ тогда лови по Оренбургскимъ степямъ.

—

Разсвѣтало. Корпусъ Кара, выступившій изъ деревушки, прошелъ уже двѣ или три версты по глубокимъ снѣгамъ чуть не по поясъ.

— Вонъ они! вонъ! пронеслось по всѣмъ рядамъ. — Пугачевцы!

На холмистой возвышенности къ которой двигалось войско показалась сѣрая линія. Это былъ мятежничій отрядъ повидимому въ пятьсотъ человѣкъ или менѣе, состоящій изъ однихъ конныхъ казаковъ.

Пугачевцы недвижимо стояли на холмѣ, точно ждали непріятеля.

Московцы остановились и развернулись фронтомъ. Главнокомандующій и штабъ-офицеры были въ срединѣ корпуса.

— Точка въ точку, та же шайка, генералъ. Моя вчерашняя, вымолвилъ весело Шишкинъ подъѣзжая. — Ихъ тутъ самое большое пять-шесть сотень.

— Одни казаки, но дерзость-то какая! Вѣдь насъ ждутъ! молвилъ Варнстедъ.

— Можетъ-статься, началъ было Фрейманъ, — тутъ есть какая ухватка хитрая.... Они вѣдь бестіи, яицкіе казаки.

— Какая тутъ ухватка? Просто одни остались, а Татарва разбѣжалась видно, сказалъ Каръ.

— Прикажете атаковать? просился Шишкинъ.

— Пошлите прежде съ десятокъ человѣкъ съ манифестами. Можетъ покорятся. Что̀ даромъ бить!

Обѣ стороны были менѣе чѣмъ въ верстѣ разстоянія. Мятежники на холмистомъ возвышеніи. Войско внизу въ равнинѣ. Нѣсколько солдатъ держа надъ головами печатные листы выѣхали впередъ къ холму. Отъ мятежниковъ спустилось съ горки тоже нѣсколько казаковъ. Одинъ изъ нихъ держалъ тоже что-то надъ головой. Переговорщики съѣхались вмѣстѣ.

— Да они что-то даютъ нашимъ? вымолвилъ Каръ.—Да они нашимъ читаютъ что-то.

— И онъ манифесты шлетъ, братцы, ходило шепотомъ по рядамъ.—Надо бы свѣдать что̀ въ нихъ проставлено. Да эвтотъ небось не дастъ учесть.

— Что̀ въ нихъ? Вѣстимо. Льгота вѣчная отъ некрутчины!

Солдаты вернулись, но не всѣ. Пять человѣкъ передались. Остальные привезли отказъ мятежниковъ сдаться и нѣсколько листовъ. Каръ взялъ ихъ и передалъ ближайшему офицеру, князю Ивану.

— Спрячьте. Каковы бездѣльники! Узнайте имена перебѣжавшихъ чтобы потомъ разстрѣлять измѣнниковъ. Горсть людишекъ, а эдакая дерзость, сказалъ Каръ внѣ себя отъ досады.

— Ваше превосходительство, вымолвилъ Фрейманъ, — злодѣевъ позиція эта ужь больно выгодна. Прямо намъ ходить слѣду нѣтъ, надо обогнуть справа.

— Тамъ сугробы еще глубже. Позиція! позиція сотни мошенниковъ! Послать развѣдать.

Развѣдчикъ поѣхалъ. Двѣ черныя группы среди степи какъ два пятна среди бѣлой простыни стояли недвижимо другъ противъ друга.

— Фу! прости Господи! вымолвилъ вдругъ Каръ. — Меня даже стыдъ взялъ! Мнѣ во вѣкъ не приходилось стоять такъ предъ горстью людишекъ и глазѣть безъ выстрѣла.... Ну война! Словно двѣ стѣнки на кулачки выходятъ.

Сравненье генерала вызвало всеобщій смѣхъ.

— Построиться части господина Варнстеда колонной и прямо—валить! Хоть на кулачки! шутя приказалъ Каръ.—Коли начнутъ палить изъ своихъ мѣшалокъ, то и мы ружейную откроемъ. Орудія оставьте. Не пригодятся. За ними вѣдь гоняться теперь придется, да травить по степи. Тутъ ли самъ-то бездѣльникъ? Говорили семнадцать тысячъ. Ха-ха-ха!

Отрядъ Варнстеда построился колонной и двинулся къ холму по глубокому снѣгу. Вдругъ линія казаковъ словно разорвалась на середкѣ пополамъ и сразу одни шибко двинулись вправо, другіе влѣво. Колонна очутилась въ атакѣ пустаго холма.

— Ну такъ и есть! Въ горѣлки играй съ ними, вымолвилъ Каръ, видя маневръ, и послалъ Ивана догнать и остановить отрядъ.

Въ эту секунду пустая окрестность вздрогнула. Вся степь загудѣла. Казалось даже и зимнее небо, сизое и свинцовое, ахнуло изъ конца въ конецъ. На опустѣвшемъ центрѣ холма мигали огоньки и заклубился сѣроватый дымъ и по войскамъ хлестнуло и зачастило какъ проливнымъ дождемъ. Нѣсколько сотъ голосовъ ахнули въ разъ въ отвѣтъ на этотъ трескъ и гулъ ... и какъ улей пчелъ закишѣлъ весь корпусъ. То былъ залпъ изъ тридцати орудій, скрытыхъ дотолѣ линіей конныхъ казаковъ. За орудіями, видимыми только по трескучимъ

огонькамъ, стала показываться и шевелиться густая масса конницы и пѣхоты.

Справа и слѣва на горизонтѣ возвышенности тоже будто выросли сѣрыя сплошныя массы. Все случившееся въ одинъ мигъ казалось чудомъ или колдовствомъ, и паническій страхъ молніей проникъ въ войска. Гдѣ шутили секунду назадъ, тамъ стонали и умирали теперь, а главнокомандующій уже отдалъ два приказа противорѣчащіе одинъ другому. А холмъ все двигался, степь все гудѣла, все свистали и шлепали ядра, хлестала картечь и люди валились повсюду; пять тяжелыхъ орудій были назади въ снѣгу безъ дѣйствія. За ними бросились и ихъ потащили. Лошади вязли въ сугробахъ, и чѣмъ болѣе спѣшили люди, тѣмъ болѣе падали и вязли лошади, а покуда ружейная пальба всего отряда Московцевъ казалась пискотней подъ ревомъ орудій Пугачевцевъ.

Наконецъ пять пушекъ вытащили изъ снѣгу и среди суетни и стоновъ наставили на мятежниковъ.

— Пали!

— Тахъ, т-тахъ! выпалили хрипливо двѣ пушки.

Двѣ смолчали.

— Пали! вы чего? пали!

Но двѣ пушки ни гугу, а единорогъ задравшись вверхъ невозмутимо молчалъ и точно обнюхивалъ суетившихся людей. А между тѣмъ съ фланга Московцевъ отдѣлилось нѣсколько десятковъ конницы и пустились къ мятежникамъ, огибая холмъ.

— Кто указалъ! крикнулъ Каръ. — Генералъ Фрейманъ, какъ тамъ смѣли?

— Сами посмѣли, генералъ. Это не атака, а измѣна.

— Ваше превосходительство, они насъ окружатъ. Глядите.

— Генералъ, ихъ тысячъ тридцать, глядите!

— Измѣна, ваше превосходительство. Три орудія забиты льдомъ и мусоромъ, подскакалъ Иванъ.

И войско московское стало уже не корпусъ, а сумятица: орудія на холмѣ замолчали вдругъ, и темная масса стала растягиваться съ холма и скоро слилась въ одно съ двумя темными флангами.

— Генералъ, наше положеніе погибельно.

— Пропали, раздавитъ! слышалось повсюду въ рядахъ.

Офицеры потерявъ голову метались какъ угорѣлые, солдаты были холодно озабочены, иные же веселы.

— Что̀, пальнули твои пушки? Вотъ и не ходи на царя! крикнулъ голосъ изъ рядовъ, а вслѣдъ за нимъ, ближе къ Кару, громкій голосъ пропѣлъ середи оханья раненыхъ:

Вотъ такъ Каровъ енаралъ—
Свою морду обмаралъ!

Каръ слышалъ все и понялъ положеніе. Блѣдный и окончательно растерявшійся, онъ озирался дико какъ достигнутый собаками волкъ. Въ этотъ моментъ явственнно раздались выстрѣлы въ тылу версты за двѣ.

— Юзеева занята, онъ насъ окружилъ.

„Что-то съ Параней, Господи!“ подумалъ одинъ офицеръ.

— Можно съ ума сойти! вымолвилъ наконецъ Каръ.

— Отступать надо, генералъ, подсказалъ Фрейманъ.

— Построить каре! Пушки сюда!

Началось отступленіе по тому же глубокому снѣгу. Мятежники провожали. И словно подвижной, черный горизонтъ плылъ за пятившеюся горстью людей. Казалось гигантская черная птица ползетъ по бѣлой равнинѣ, пошевеливая далеко раскинутыми крыльями.

Каръ ждалъ вотъ обхватятъ эти крылья и раздавятъ войско его. Корпусъ, оставляя лентой свой слѣдъ въ степи, то-есть убитыхъ, раненыхъ, отсталыхъ и перебѣщиковъ, все отстрѣливался и все отступалъ. Мятежники налѣзая надвигали свои тридцать орудій и громили хотя уже менѣе мѣтко. Это длилось до сумерекъ, на разстояніи тридцати семи верстъ, вплоть до Сурманаевой.

При переходѣ чрезъ Юзееву, нагло отдѣлилась отъ корпуса Кара и бѣжала сотня солдатъ. Въ первомъ часу бросили наконецъ часть обоза. Въ три часа въ рядахъ мятежниковъ показалась новая конница, гренадеры.

— Что̀ это за гренадеры? откуда? Сначала ихъ не было! говорилъ Фрейманъ, соображалъ Шишкинъ и думалъ Варнстедъ.

— Съ гренадерами-то Павелъ Петровичъ! слышалось громко въ рядахъ. — Ввечеру Сурманаева-то затрещитъ, не фортеція!

— Можно съ ума сойти! самъ себя убѣждалъ Каръ, и вскорѣ послѣдовалъ собственному убѣжденію.

Сурманаева была наконецъ въ виду.

— Да что̀ въ ней проку, и въ ней раздавятъ, а вотъ спасибо отемнѣло и ни зги не видно.

Пугачевцы отстали и скрылись. Войско вступило въ Сурнамаеву.

— Слава Богу!

— Кто жь палилъ въ тылу?

— Вотъ забота! Попадья.

— Вотъ тебѣ и воръ, вотъ тебѣ и Московцы! Оттрезвонили лучше не можно.

—

Въѣхавъ въ своемъ возкѣ въ Сурманаеву прежде всѣхъ, генералъ Каръ прямо, не обращая ни на что̀ вниманія и не отвѣчая на требованія приказаній начальниковъ частей и штабъ-офицеровъ, заперся у себя въ избѣ отца Андрея, и не велѣлъ никого пускать кромѣ лѣкаря изъ Казани, за которымъ побѣжалъ вѣстовой.

— Что̀ жь это шутки шутитъ что ли главнокомандующій! воскликнулъ Фрейманъ.—Господа офицеры, поступите всякій по своему разумѣнію.

Офицеры разошлись по избамъ, но солдаты были все еще на дворѣ середи ночи и мороза.

— Что̀ мнѣ, важность что разбили! говорилъ Каръ старику дядькѣ.—Подойдетъ секурсъ, я его раздавлю черезъ два дня. Вотъ бѣда.... и ждалъ я ее.... гляди, фистула-то раскрылась. Охъ, Господи, надо же въ эдакое время!

Вѣстовой вернулся и доложилъ что лѣкаря нигдѣ нѣтъ и полагательно онъ будучи сильно раненъ не доѣхалъ до Сурманаевой и либо померъ, либо у злодѣя обрѣтается.

— Ну этого мнѣ токмо не хватало, что̀ жь тутъ дѣлать?

— Я чаю въ войскѣ-то другіе есть. ваше превосходительство.

— Одинъ только и былъ, тѣ всѣ коновалы, иль у бабы-знахарки обучались! воскликнулъ Каръ, съ отчаяніемъ схвативъ себя за голову.—Просто хоть бросай все и уѣзжай! вымолвилъ онъ глухо.

— Ваше превосходительство, пролѣзъ въ горницу Сельцевъ,—генералъ Фрейманъ прислалъ спросить что имъ надо токмо на счетъ сухарей.

— Убирайтесь всѣ къ чорту! крикнулъ главнокомандующій.

— Ваше превосходительство! вбѣжалъ снова вѣстовой.—Дохтура розыскали.

— Давай! Зови! Скорѣе!

— Да онъ, ваше превосходительство, значитъ, померъ, то-ись совсѣмъ. Въ кибиткѣ лежитъ это ничкомъ.

А на улицѣ и на морозѣ слышатся голоса въ которыхъ и страданье и злоба.

— Молодцы ребята, сорокъ верстъ отмахали, а въ животу ни маковой росинки!

— Онъ-те накормилъ горохомъ, вишь что народу нажралось, безъ заднихъ ногъ по дорогѣ легли.

— Не ходи на царя. Вонъ и пушки молчка. Царь-батюшка, за него тебя и тутъ поучили, да и на томъ свѣтѣ еще поучатъ.

Сурманаева кишѣла какъ муравейникъ, но тутъ не было ни смыслу, ни быстроты, не было даже и работы муравьевъ. Вся эта улица, избы и задворки, все копошилось и путалось среди ночи. Немногіе дѣлали дѣло: таскали раненыхъ по избамъ, считались и не досчитывались. Подводы и кибитки обоза, люди верхомъ и пѣшкомъ, убитые и раненые, умирающіе и умершіе, крики и ругня, стоны и оханье. А тутъ въ курятникѣ Игната, словно ничего не случилось, заливается пѣтухъ что есть мочи:

— Ку-ку-рику! кукурику!

XIV.

На утро, въ избѣ священника и кругомъ на дворѣ, опять толпились офицеры все еще смущенные. Всѣ лѣзли въ избу съ докладами и съ вопросами.

— Что есть, то и раздѣлите, уже третій разъ говорилъ Каръ Фрейману. — Вѣдь у Пугачева обозъ назадъ не отымешь.

— Да вѣдь уже сутки никто ничего почти не ѣлъ! говорилъ Фрейманъ.—Надо разослать по деревнямъ. Можетъ кой-что найдется.

— Какія тутъ деревни въ степи. Ничего не найдется.

— Однако какъ же быть?

— А какъ знаете. У меня вонъ есть жареный поросенокъ въ погребцѣ дорожномъ. Можете имъ накормить тысячу человѣкъ, такъ берите, злобно и досадливо говорилъ Каръ, постоянно дѣлая гримасу отъ острой боли въ ногѣ.

— Я вчера арестовалъ по вашему приказанію тѣхъ кано-

нировъ чтò допустили забить пушки снѣгомъ, докладывалъ вошедшій Варнстедъ.—Они бѣжали въ ночь.

— Славно! Караульныхъ подъ судъ и чрезъ десять часовъ ихъ всѣхъ....

— Да и караулъ съ ними же бѣжалъ. Чтò прикажете?

— Чтò жь я вамъ прикажу? Ну, себя самого арестуйте. Ну, меня.... Странные люди.... Въ Россіи ли мы? Мы, сдается, на лунѣ....

— Ваше превосходительство, въ полѣ виденъ все народъ,— явился Шишкинъ.—Все наши бѣгуны. Войско такъ и расплывается. Съ утра ужь сотни нѣтъ на лицо. Чтò прикажете?

— Разстрѣлять перваго кого поймаютъ.

— Какъ же тутъ поймать? Злодѣй недалеко. Ловитва эта въ атаку перейдетъ.

— Голодны. А тамъ и вино, и обѣдъ, замѣтилъ кто-то.

Въ полдень боль въ ногѣ генерала утихла, и онъ гораздо бодрѣе заговорилъ съ офицерами.

— Ничего. Не унывайте, господа. Богъ милостивъ, подойдетъ Чернышевъ да ударитъ на воровъ сзади, а мы отсюда, и конецъ. Винюсь, я во всемъ виновенъ. Я съ мошенниками сражаться, да еще такъ, не привыченъ. Это не сраженье.... Тутъ надо быть либо геніемъ, либо тоже мятежникомъ. Ни правилъ, ни тактики, ни.... ничего нѣтъ. Такъ, по-дурацки, словно на кулачки выходили.

Теперь эта шутка генерала никого не разсмѣшила.

— Ретраншементы чтò? прибавилъ главнокомандующій.

— Ничего-съ, четыре пушки разставлены. Единорогъ такъ и бросили. Чортъ его знаетъ чтò съ нимъ такое.

— Теперь всего жди. Пожалуй и полѣзетъ сюда.

— Ваше превосходительство, гренадеръ одинъ изъ Карташевскихъ, вошелъ князь Иванъ.

Всѣ встрепенулись и обернулись на дверь. Ввели гренадера.

— Чтò? Гдѣ ваши? Ну, сказывай живѣе.

— По оплошности, ваше превосходительство, поклонился высокій и плечистый гренадеръ.

— Чтò такое? я у тебя спрашиваю. Гдѣ господинъ Карташевъ теперь? Откуда ты?

— По оплошности и сказываю вашему превосходительству. Съѣхали съ постоялаго двора гдѣ кормились, всего за тридцать верстъ отсюда, ружья были не заряжены, да покладаны

кучей. Все болѣ народъ спалъ въ подводахъ. Проводника взяли, онъ насъ бестія плуталъ. Услыхамши пальбу вернули мы назадъ, на Юзееву трафили; тутъ другой языкъ отыскался, повелъ опять по снѣгамъ. Вдругъ налетѣли на насъ казаки, при пушкѣ, у самой Юзеевой. Пальнули по насъ и трехъ убили. Я-то, бывъ отстамши, выскочилъ изъ саней да въ сугробъ залегъ. Всѣхъ нашихъ и видѣлъ какъ увели, а поручику господину Карташеву посулено было безотлагательно повѣсить какъ придутъ на мѣсто.

— Ты врешь! крикнулъ Каръ.

— Зачѣмъ мнѣ врать?

Наступило гробовое молчаніе. Всѣ только переглянулись.

— Очень хорошо, прекрасно, обернулся Каръ къ своимъ какъ къ виновникамъ.—А пришедъ къ вору, твои сослуживцы вышли на полки государыни, продолжалъ генералъ.—Это они были, мы ихъ сами видѣли. Вотъ они откуда, тѣ гренадеры-то.

— Не могу знать. Ваши же солдатики точно сказываютъ якобы видѣли нашихъ во фронту у царя.

— Чтò? грозно воскликнулъ Каръ.

— Сказываютъ видѣли у царя во фронту....

— Разстрѣлять его сейчасъ! Въ примѣръ! Сейчасъ! внѣ себя крикнулъ Каръ.

— За чтò жь, ваше превосходительство? Я за своихъ не порука, а я вотъ онъ, не перебѣгалъ.

Гренадера вывели вонъ.

— И не въ догадку даже, вымолвилъ Каръ.—По глупству эта вѣра въ нихъ или духъ бунта. Итакъ гренадеровъ нѣтъ. За дѣломъ они посланы были. Это ужасно. Господинъ майоръ,—прибавилъ онъ выходящему Варнстеду,—обождите разсылать по деревнямъ. И такъ мало народу. Можетъ подоспѣетъ сегодня сюда князь Ураковъ, у него и возьмемъ провіанту.

Варнстедъ вышелъ, а чрезъ часъ входилъ опять въ избу, а за нимъ офицеръ.

— Князь Ураковъ, доложилъ Варнстедъ.

— Честь имѣю представиться вашему превосходительству, мрачно отозвался офицеръ, входя и раскланиваясь.

— Прибыли? Ну, слава Богу. Съ мятежниками не встрѣчались? Благополучно все? засыпалъ Каръ офицера вопросами, вставая къ нему на встрѣчу.

— Ваше превосходительство, несчастное происхожденіе дѣла. Я неповиненъ. Пускай надо мной хоть судъ поставятъ. Я съ Уфы велъ деташементъ все благополучно и никоего ропота не было, заговорилъ офицеръ тихо и смущаясь.

— Ну-съ? лицо Кара вытянулось.—Неужели и вы тоже?

— Когда вчера въ полдень послышалась пальба.... Полагаю это ваши же орудія гудѣли по злодѣямъ.

„Похоже", подумали всѣ.

— Мои Башкиры стали переговариваться, прислушиваться. Одна сотня, послѣдняя, вдругъ бросивъ ружья и мѣшки, опрометью кинулась бѣжать прямо въ степь по снѣгу. Башкиры наши очень непривычный къ пальбѣ народъ, и одинъ гулъ вашихъ орудій ихъ растревожилъ.

— Ну, ну, разбѣжались всѣ? А провіантъ? Не томите.

Каръ опустился на стулъ.

— За этими пустились другіе. И еще.... А тамъ и еще.... А какъ увидѣли что большинство въ согласьи, что у меня и сотни ужь нѣтъ, вернулись опять, догнали меня, отговорили идти и послѣднихъ, а тамъ ужь вмѣстѣ захватили и обозъ съ провіантомъ. Я стоялъ съ однимъ прапорщикомъ и двумя десятками солдатъ. Все это совершилось въ часъ мѣста. Я не зналъ вѣрить ли очамъ. Они насъ окружили, подняли кругомъ смѣхъ, говоря: ступайте да воюйте, да палите изъ ружей, а намъ не охота, скажите спасибо что живьемъ отпущаемъ. А мы де восвояси, по домамъ. И ушли.

— Съ обозомъ?

— Такъ точно.

— Славно!

— Я явился сюда съ моими: человѣкъ двадцать солдатъ да Башкиръ семеро.

— Изъ пятисотъ семеро! А вмѣсто провіанту двадцать семь пустыхъ животовъ доставили. Вашъ двадцать восьмой! грубо выговорилъ Каръ внѣ себя.—Что̀ жь это? Шутка все это? Я не вѣрю ни ушамъ, ни глазамъ.

Каръ всталъ. Наступило гробовое молчаніе. Каръ взялся за голову, оглядѣлъ всѣхъ присутствующихъ и молча снова опустился на стулъ.

— Я неповиненъ, ваше превосходительство, уже не смущаясь, не тихо, а обиженно вымолвилъ офицеръ.—Меня колдовать не обучали.

— Охъ, Господи! Что̀ жь все это? зашептали многіе.—Что̀ жь будетъ? Отступать надо къ Бугульмѣ, одно спасенье.

Наступило снова молчанье. Каръ первый поднялъ голову.

— Господа, будемте не безумны. Все еще поправимъ. Эти Башкиры что̀ околѣваютъ со страха отъ выстрѣловъ и двѣ сотни гренадеръ не великая подмога были бы намъ. Продовольствіе достанемъ изъ Бугульмы и деревень. А чрезъ день-два услышимъ о Чернышевѣ что онъ подходитъ или уже везетъ Пугачева въ кандалахъ. Все поправится, не надо ни унывать, ни трусить. Даю вамъ слово.

На улицѣ раздался трескъ ружейнаго залпа. Всѣ вздрогнули, и многіе бросились въ сѣни.

— Что̀ такое? Бунтъ? крикнулъ Каръ мѣняясь въ лицѣ.— Что̀ это за пальба? спросилъ онъ вошедшаго Варнстеда.

— А того самаго гренадера.... по приказу вашего превосходительства.

— Ахъ, что̀ это! Я.... зачѣмъ такъ.... громко.

Каръ думалъ и хотѣлъ сказать: скоро.

—

— Отвоевали, разсмѣялась Параня, встрѣтивъ Ивана на крыльцѣ.—Ай да московскій генералъ! Кто сказывалъ: не суйся не разнюхавъ? Маменька. Вотъ ея правда и была. Въ его службу что ль всѣмъ идти чтобы помиловалъ?

Иванъ вздохнулъ и махнулъ рукою.

— Что̀, и Кару знать мѣсто въ орѣхахъ, шутила Параня.

— Богъ съ ними! Насъ-то бы.... Тебѣ въ Казань бы уѣхать отсюда. И твори они что̀ желаютъ.

— Иване мой, голубчикъ, заговорила Мароа Петровна,— Успокой ты меня. Будетъ этотъ воръ сюда лѣзть въ село иль устрашится? Хоть бы лошадокъ назадъ-то намъ отдали.

— Какъ отдали назадъ? Кто ихъ взялъ? удивился Иванъ.

Параня разказала князю что по выступленіи войска, куча мужиковъ увела ихъ шестерикъ со двора Игната.

— Игнатъ обѣщаетъ все разыскать, да гдѣ тутъ.... И я къ нимъ выходила во дворъ и стращала ихъ, смѣялась Параня,— да не послушались.

Иванъ обѣщался найти воровъ или добыть другихъ лошадей.

— Вамъ надо уѣхать, говорилъ онъ.—Надо, надо.

— Долго ли, родимый, собраться. Часъ времени нуженъ. Ты мнѣ скажи, Ванюша, по совѣсти: боится *онъ* васъ еще аль

ужь болѣ не боится? Коль не боится, безпремѣнно вѣдь полѣзетъ сюда.

Иванъ сталъ успокоивать какъ могъ Марѳу Петровну.

— А на мой, Ванюша, разсудокъ, онъ васъ болѣ не боится, стояла Марѳа Петровна на своемъ.—Добудь, родимый, лошадокъ, а то я умру тутъ отъ всѣхъ страховъ этихъ. Ей-ей, пить и ѣсть не могу, такъ вотъ все въ горлѣ и застреваетъ; станетъ, да назадъ и просится. Ублажи ты, Ванюша, меня, добудь лошадокъ.

— Ужь будьте спокойны. Къ вечеру будутъ кони, ручаюсь.

— А тутъ, Ванюша, бѣда! Тутъ безъ васъ осмѣяло насъ подлое мужичье. Расхрабрились какъ вы ушли. Гляди, сказываютъ, барынька тоже воевать пріѣхала. Знать у царицы солдатушекъ не хватило, бабьё выпущать на него начали! Ей-Богу. Такъ и сказывали. Улита слышала. Да и какъ насъ дурашныхъ мотычекъ не осмѣять? Вы войной пришли, а мы-то грѣшныя съ какихъ глазъ прилѣзли? Я, ружья и вида одного боюсь до смерти. А мой сержантъ-то вотъ на словахъ прытокъ. А пойдутъ насъ давить, ее первую какъ воробушка прихлопнутъ. Ты подумай, Ванюша, середи степи сидимъ съ лагеремъ солдатскимъ.... О Господи!

Марѳа Петровна начала плакать.

— Маменька! Полно, родная, жалиться! Ты у меня всю душу вытаскала своимъ плачемъ. Обѣщаетъ вѣдь тебѣ Иванушка достать лошадей. Ну обожди. А покуда еще, гляди, полковникъ Чернышевъ, симбирскій, придетъ. Они злодѣя попонятъ, все и кончится. Обождать денекъ, другой, надо тоже; ѣхать въ этотъ сумбуръ нельзя, уговаривала Параня мачиху.

— Жду! жду! Парашокъ! жалостливо вымолвила та. — Чего жь тебѣ еще?

— Да ты не жалься день-деньской. И не страшися. Кушай себѣ, да почивай.

— Не могу, Парашокъ! встрепенулась Марѳа Петровна, какъ еслибы въ предложеніи дѣвушки было что-нибудь обидное.— Что̀ не могу, то не могу! Кушай! скажетъ вѣдь тоже!

— Ну, не можешь, такъ....

— Не могу. Положишь вотъ кусокъ въ ротъ, а тутъ тебѣ у самаго окошка въ барабанъ ахнутъ.... Ну вѣстимо подавишься. Что̀ ни крикнутъ, ни стукнутъ, я вѣдь все разчитываю Пугачевъ къ намъ лѣзетъ.

— Иванъ Родивонычъ, къ генералу! крикнулъ голосъ Сельцева изъ сѣней.

Иванъ вскочилъ. Сельцевъ не вошелъ и вмѣстѣ съ княземъ пустилися назадъ.

— Почто? Не вѣдаете?

— Нѣту. Послалъ меня сейчасъ. Сказалъ: поскорѣе; я полагаю порученіе. Погонитъ васъ въ Казань или въ Оренбургъ.

— Въ Оренбургъ? Христосъ съ вами! Что̀ жь я теперь, по облакамъ чтоль проберусь?

Слобода была также завалена и затѣснена солдатами. Офицеры насилу пробрались до избы главнокомандующаго.

— Послѣ! послѣ! дайте покончить. Подождите! сказалъ Каръ увидя Ивана.

„То поскорѣе, то послѣ!“ подумалъ Иванъ досадливо и сталъ въ сѣняхъ.

Прошло много времени. Многіе прошли и пробѣжали мимо его. Наконецъ выскочилъ Сельцевъ и крикнулъ какъ шальной:

— Иванъ Родивонычъ, гонцомъ! Гонцомъ въ Питеръ въ Военную Коллегію! Сельцевъ подпрыгнулъ какъ школьникъ.

— Кто? вы? позавидовалъ Иванъ.

Но Сельцевъ уже былъ далеко. До самыхъ сумерекъ прождалъ Иванъ очереди и собирался уже уйти. Наконецъ, послѣ всѣхъ, Каръ позвалъ его и сказалъ:

— Князь Хвалынскій! Вы здѣшній офицеръ. Знаете сію мѣстность. А это великое качество въ офицерѣ при нашихъ смутныхъ обстоятельствахъ отъ вора. По невѣдѣнью мѣстности и этихъ проклятыхъ степей, все зло и произошло. Я вамъ, какъ офицеру знающему сей край, дѣлаю честь и даю порученье важнѣйшее въ сей мигъ. Порученье отъ коего зависитъ умиротворенье цѣлаго края нашего отечества. Я обѣщаю вамъ именемъ монархини достойную награду за точное исполненіе сего порученія, ибо отъ него будетъ также зависѣть наша погибель или спасеніе. Вы отправитесь немедля въ фортецію Переволоцкую и передадите приказъ—словесно, ибо депеши опасны — полковнику Чернышеву, который по слухамъ тамъ — идти тотчасъ сюда. А буде онъ куда уже вышелъ, вы догоните его и вернете сюда. Это главное. А затѣмъ, если можете, проберитесь къ себѣ въ Оренбургъ. Тамъ, по сказу бѣгуна солдата, ждутъ трехъ-тысячный отрядъ собранный барономъ Корфомъ по Сибирской линіи. Отъ моего

имени, въ силу даннаго мнѣ Высочайшаго повелѣнія, вы хоть подъ присягой, если не довѣрятъ вамъ, прикажете ему идти на Берду, дабы хотя нѣсколько отвлечь отъ насъ злодѣевъ. Вы меня хорошо поняли? спросилъ Каръ глядя на расплывшееся лицо князя и на его разбѣжавшіеся глаза.

— Понялъ.... пролепеталъ Иванъ, предъ которымъ все запрыгало кругомъ, и Каръ, и столъ съ бумагами, иштандартъ въ углу, и окошки, и вся изба.

— Намъ дороги мгновенья. У насъ обозъ пропалъ. Люди безъ хлѣба. Ну-съ, надѣюсь, до свиданья. Богъ въ мочь вамъ! Повторяю, за исполненіе сего важнаго и изрядно опаснаго порученія вы получите достойнѣйшую награду. Ступайте.

Иванъ выползъ на улицу и пошелъ, но чрезъ минуту наткнулся на колодезь, потомъ уперся въ какой-то плетень и наконецъ, какъ пьяный, сталъ середи улицы пошатываясь, не замѣчая снующихъ солдатъ, и воскликнулъ вслухъ:

— Прямо на убивство! На казнь... Какъ тотъ...

И Штейндорфъ возсталъ предъ Иваномъ... Онъ висѣлъ и вертѣлся на веревкѣ, молчаливый и страшный....

XV.

Уже совсѣмъ стемнѣло когда Иванъ дошелъ въ избу Игната.

— Не поѣду! не поѣду! пусть тутъ же разстрѣляетъ, а не поѣду! говорилъ онъ вслухъ, какъ въ полуснѣ, взбираясь ощупью на крыльцо.

Въ сѣняхъ, среди темноты, онъ наткнулся на полу на что-то мягкое, это былъ трупъ умершаго отъ ранъ солдата, вынесенный изъ горницы Игната до утра. Иванъ и не замѣтилъ что наступилъ на него.

Марѳа Петровна уже была въ постели въ задней комнатѣ. Параня одна нетерпѣливо ждала, сидя у окна, полуосвѣщенная молодымъ мѣсяцемъ.

— Иванушка, что̀ запоздалъ?

Иванъ какъ безумный передалъ все, и какъ бы обезсилѣвъ, опустился на стулъ. Дѣвушка же выслушала, встала съ своего мѣста и положила руки ему на голову. Глаза ея ярко блеснули въ полумглѣ, но она молчала. Мѣсяцъ словно

сильнѣе освѣтилъ горницу съ деревянными стѣнами, гдѣ торчала пакля середи срубовъ. Образной уголъ, со старинными мѣдными складнями и иконами хозяина Игната, засвѣтился чуть-чуть отъ скользнувшаго луча мѣсяца. Долго молчала Параня не двигаясь и не принимая рукъ съ поникнутой головы жениха. Она, поднявъ лицо, смотрѣла въ этотъ образной уголъ, но не молилась... Изъ-за черной большой иконы Неопалимой Купины торчала длинная верба съ сѣренькими шишечками. Параня не считала ихъ и думала о другомъ, а между тѣмъ въ головѣ ея вертѣлось: „Двѣ, три... вонъ еще одна... Вонъ двѣ шишечки вмѣстѣ. Они вмѣстѣ, вотъ какъ и мы теперь, вмѣстѣ. А высохнетъ верба и одна отвалится прежде другой... Но и другая тоже упадетъ... послѣ.“

— Иванушка! едва слышно зашептала Параня.—Иныя нынѣ времена пришли. То режуисансъ да менуэтъ плясывали мы съ тобой, а вотъ нынѣ что̀ подошло! Надо̀ и тебѣ инымъ быть, не Иванушкой дурачкомъ. Ступай! Я буду ждать тебя здѣсь, что̀ мама ни говори. Сколько погибающихъ сотень людей ты спасешь! Всѣ сказываютъ, мы пропали. Я знаю. Я только мамѣ того не говорю! Ты и насъ съ мамой спасешь. Вѣдь лошадей достать ни за какія деньги нельзя. Игнатъ привелъ тройку, а ее для гонца и не заплатя отобрали по приказу генерала. Мы стало-быть застряли. Ты и насъ спасешь отъ смерти. Да что̀ мы? Тысячу народа и цѣлую провинцію спасешь съ дворянами и офицерами, коимъ смерть грозитъ.

— Пустое. Мы трое можемъ до Бугульмы въ однихъ розвальняхъ добраться. Не поѣду я на смерть. И ты стало меня ни на алтынъ не любишь коли посылаешь.

— Иванушка! медленно и строго шепнула дѣвушка.—Люблю ли я тебя, то видитъ Господь! Коли прежде мало любила, то нынѣ.... да что̀ тутъ сказывать! Я про то вѣдаю! Тогда мазурки были, панъ Бжечинскій въ нихъ отличался. Нынѣ на мѣсто музыки да плясу, пушки палятъ, да люди Божьи помираютъ. Твой чередъ отличиться пришелъ, — а мой чередъ тебя любить пришелъ.—Она запнулась на минуту.—Но коли же ты нынѣ не исполнишь генераловъ указъ.... Я.... я, Иванъ, этого сраму, этого позора твоего не смогу забыть.... И болѣ ты меня впредь своей нареченной не.... Нѣтъ! Нѣтъ!!.. Не ворочай ты въ меня постылые старые помыслы о себѣ, Иванушка! Не ворочай!... воскликнула вдругъ Параня и опусти-

лась на колѣна предъ сидящимъ Иваномъ.—Вѣдь я и не чаяла какъ люблю тебя!—страстно зашептала она.—Этого! Этого я люблю! А того мнѣ не надо....

И дѣвушка дрожащими руками взяла обѣ его руки, отвела ихъ отъ лица Ивана и прильнула горячими губами къ его щекѣ.

Иванъ замеръ, и сердце его стукнуло отъ этого шепота, отъ этого лица. Параня на колѣняхъ предъ нимъ, и проситъ, и цѣлуетъ, и любитъ. Это не прежняя Параня! другая! которой онъ и не видалъ никогда, но она еще краше и милѣе ему той....

— Иванушка, золотой, удалый Иванушка! Не отымай у меня изъ сердца моего что̀ сладко я чую въ немъ теперь. Ступай! Скачи! Я буду ждать. Не спать по ночамъ, не ѣсть, не пить—милаго ждать. Браваго и удалаго моего королевича, чтобы руки его цѣловать, какъ вернется съ подвига.

И не двигаясь, онъ глядѣлъ въ лицо дѣвушки, восторженное и ясное, будто мерцающее своимъ собственнымъ свѣтомъ, въ полусвѣтѣ новаго мѣсяца скользившемъ на нихъ въ окно.

— Нѣтъ..... нѣтъ! Богъ милостивъ!... А если...—Параня запнулась и тяжело вздохнувъ, горячо приникнувъ щекой къ щекѣ Ивана, зашептала трепетнымъ шепотомъ ему на ухо, будто тайну сказывала:—Если убьютъ моего удалаго... я въ монастырь уйду и буду молиться за упокой души... любаго друга. Горькими мыслями и воспоминаніями о немъ я скоротаю безталанную жизнь. И никогда ни на кого другаго и не гляну. Заживо помру съ любымъ вмѣстѣ.

Параня смолкла и тихо поднялась на ноги словно кончивъ молитву.

— Но будь съ нами какъ Господь судилъ.... Вотъ я тебѣ все сказала.

Иванъ всталъ и задыхаясь вымолвилъ глухо:

— Помни же... дѣвушка! Я поѣду... Но врядъ намъ опять свидѣться... Буде завтра я умирать стану въ Бердѣ..... помни обѣщаніе, Господь все слышалъ. Коли не мнѣ, никому тебѣ не доставаться!....

— Вотъ тебѣ предъ иконами клятву даю. Убьютъ моего Ивана—Христовой невѣстой вѣкъ буду. А посудитъ намъ Господь счастіе да талантъ, да будешь ты... ихъ, родимый, да луще свѣта Божьяго, тогда.... Да что̀ тутъ сказывать

словами простыми! Ты и не чаешь какъ я любить тебя буду!

Слезы заблистѣли на лицѣ Парани, она сняла съ себя крестикъ и, перекрестивъ имъ Ивана, дала его поцѣловать и надѣла ему на шею.

— Вотъ тебѣ крестъ! Меня въ немъ крестили. Да защититъ онъ тебя и спасетъ!

Они обнялись.... Изъ сосѣдней горницы раздался голосъ Марѳы Петровны:

— Парашокъ! Голубчикъ!

— Что̀, маменька? сквозь слезы отозвалась Параня, не двигаясь изъ объятій Ивана.

— Да что̀, Парашокъ? Смерть! Отъ звѣрья здѣшняго отбою нѣтъ, закусали, всю съѣли....

— Я уйду, шепнулъ Иванъ,—соберусь, приду потомъ...

— Парашокъ! О-охъ!...

— Иду, маменька, иду...

Иванъ тихо вышелъ изъ горницы. Параня пошла къ матери.

Черезъ часъ Иванъ, снова одѣтый Калмыкомъ, прощался и нервно, безъ оглядки выскочилъ изъ избы къ лошадямъ. Садясь въ кибитку, онъ обернулся къ Паранѣ, вышедшей на крыльцо, и крикнулъ съ отчаяніемъ:

— Болѣ не видаться!

Кибитка двинулась и завизжали полозья по морозной дорогѣ. Параня перекрестилась. Когда кибитка уже исчезла во мглѣ, дѣвушка долго смотрѣла на слѣдъ ея предъ крыльцомъ полудугой.

„Вотъ былъ!“ думалося ей. И вдругъ горько стало.

Иванъ разъ выглянулъ изъ кибитки на деревню гдѣ оставалась любая его... Онъ такъ глубоко былъ убѣжденъ въ своей погибели неминуемой что сталъ думать о Паранѣ монахинѣ и просилъ только Бога о смерти безъ мучительства.

Параня вошла въ избу. Ноги ея слегка дрожали, и она опустилась на скамью въ изнеможеніи. Кацавейка скользнула съ плечъ и упала на полъ. Она не подымала ее, понурилась и все ниже, ниже клонилась маленькая головка. Тяжелыя мысли погнули ее.

— Не грѣхъ ли это? Иванушка, прости меня, коли бѣдѣ быть... Не токмо въ монахини—руки наложу на себя. Скоротаю вѣкъ свой во мгновеніе ока, и за тобой уйду...

Она долга сидѣла одна, потомъ тихонько прошла мимо спящей матери и легла въ постель, но чрезъ нѣсколько мгновеній вздрогнула и вскочила на ноги, какъ отъ нечаяннаго удара.

— Господи, не допусти, спаси его! закричала дѣвушка на всю горницу.—Мама, мама! Что̀ я натворила!..—И Параня бросилась къ матери съ рыданіями.—Пошлите, погоните верхомъ... Назадъ! Дайте, дайте мнѣ его....

XVI.

Иванъ мчался по столбовой дорогѣ настоящимъ гонцомъ. Платилъ дорого и доставалъ отличныхъ лошадей по селамъ и уметамъ.

Чрезъ двадцать часовъ пути во весь духъ, не отдыхая, почти не ѣвши и не встрѣтивъ ни единой души, Иванъ измученный, но болѣе бодрый духомъ, въѣзжалъ въ Переволоцкую крѣпость.

Все было тихо и безлюдно, но снѣгъ уложенный кругомъ говорилъ о массѣ людей и лошадей недавно прошедшихъ здѣсь. И дѣйствительно, Чернышевъ выступилъ отсюда наканунѣ въ Чернорѣченскую крѣпость.

Старикъ комендантъ, объявившій проходъ войскъ князю, былъ пораженъ его вѣстями и совѣтовалъ догонять Чернышева на перекоски. Войска отправились большою дорогой и ему приходилось пройти восемьдесятъ верстъ; прямо же степью было не болѣе пятидесяти верстъ до Чернорѣченской.

Иванъ сѣлъ верхомъ, и взявъ у коменданта его деньщика, хохла, въ провожатые, снова поскакалъ среди ночи уже сильно усталый, но вполнѣ счастливый, потому что главная опасность для него уже миновала.

— Нема никого у степи! обнадеживалъ его хохолъ.—Винъ утикъ и хвистъ упрятавъ. Нема бисова сына!

Иванъ былъ спасенъ, благодаря тому что всѣ силы самозванца были сосредоточены между Бердой и Сурманаевой. Мятежники очевидно столпились тамъ и не разъѣзжали по степямъ.

„Вотъ что значитъ Параниво благословеніе“, думалъ Иванъ и ощупывалъ на груди данный ему крестикъ.

За десять верстъ отъ Переволоцкой хохолъ сбился съ пути, что было и не мудрено; проселокъ напрямикъ оказался занесеннымъ снѣгомъ. Иванъ пришелъ въ отчаяніе. Они стали. Хохолъ оглядывалъ небо и звѣзды и чесалъ за ухомъ, а почесавшись снова оглядывалъ звѣзды.

Между тѣмъ въ Чернорѣченской крѣпости, въ комендантскомъ домѣ, сидѣло въ этотъ вечеръ нѣсколько офицеровъ и начальникъ отряда, полковникъ Чернышевъ. Предъ ними стоялъ гренадеръ бѣжавшій изъ Берды и пойманный въ окрестности. Онъ докладывалъ о томъ какъ разбили Кара и захватили ихъ, повѣсивъ поручика Карташева въ Бердѣ. Чернышевъ улыбался. Офицеры тоже.

— Эка вретъ-то?! повторялъ Чернышевъ, слушая разказъ.

— Ей-ей не вру, ваше благородіе! божился гренадеръ, но ему все же таки не вѣрили.

— Такъ по-твоему отъ московскаго генерала ничего не осталось. Только лепешка крупичатая? смѣялся Чернышевъ.

— Такъ точно! Самъ злодѣй народу сказывалъ вечорась съ крыльца: подъ горой де лежитъ московскій генералъ. А я де гонца услалъ въ Питеръ, прошу другаго какого на меня выпустить поумнѣй.

— Такъ и сказалъ?

— Такъ точно, эфтими словами.

— Да сколько жь ихъ, злодѣевъ? спросилъ Чернышевъ.

— Кто его знаетъ? Я не считалъ. Сказываютъ тысячей съ пять, а то и болѣ.

— А можетъ и десять?

— Кто жь знаетъ? Можетъ и десять, лѣниво повторилъ гренадеръ. — Имъ счета не ведутъ. Измѣнчивый и народъ. Нонѣ тыща навалитъ новая, а за утро двѣ тыщи самовольно уйдутъ куда вздумаютъ.

Гренадера увели. Офицеры стали собираться по отведеннымъ имъ ночлегамъ. Кой-кто высказывалъ мысль немедленно идти въ Оренбургъ, ради осторожности, но большинство, усталое, хотѣло выспаться до утра, да вдобавокъ не вѣрило пораженію Кара.

— Эдакъ зря идти нельзя, сказалъ Чернышевъ,—упремся

прямо на злодѣевъ; среди ночи и снѣговъ пропадешь. А Берда не далеко отъ Оренбурга. Хоть бы свѣдать гдѣ въ эту минуту главныя силы ихъ.

— Всѣ пойманные сказываютъ что около Сурманаевой.

— Ну, а если тамъ, то слѣдъ бы пробраться въ Оренбургъ, покуда ихъ нѣтъ.

Въ сѣняхъ раздались голоса. Вошелъ молоденькій офицеръ Ружевскій.

— Тутъ семь человѣкъ бѣгуновъ изъ стану воровскаго, доложилъ онъ.

— Ну ихъ! Все враки. Всякій свое вретъ. На нихъ полагаться нельзя. Спать пора. Доброй ночи, господа...

— Они сами, полковникъ, видѣть васъ просятся.

— Ну впустите, коли такъ. Глянемъ что̀ за народъ.

Въ горницу вошли два казака, Падуровъ и Алеша Горлицынъ; оба поклонились въ поясъ. Офицеры окружили ихъ.

— Кто вы такіе?

— Бѣгуны, ваше превосходительство. Были у собаки Емельки въ Бердѣ, сказалъ Падуровъ.

— Захвачены изъ Оренбурга?

— Нѣту... ваше превосходительство. Лукавый попуталъ. Своей охотой вышли къ нему. По слѣпотѣ своей. Впрямь мнили царь. Были у него съ недѣлю въ полку, да учерась собачески обидѣлъ онъ насъ... Да тожь вотъ пятокъ казаковъ что̀ тутъ въ сѣняхъ... Повелѣлъ насъ бестія отстегать и нагишомъ возить по Бердѣ, на морозѣ-то. А тамъ было и ухлопали совсѣмъ, да мы уговорились уйти. Въ городъ боязно, наказанье получишь за побѣгъ. Мы въ здѣшнюю фортецію махнули. Да вотъ нынѣ прослышали о твоей милости что ты идешь въ Оренбургъ и не вѣдаешь о мѣстѣ нахожденья злодѣя, да опасаешься. Мы, отецъ родной, на мысляхъ разсудили—услужить твоей милости, а чрезъ то и себѣ прощенье получить. Да тожь и злодѣю чрезъ служенье государственнымъ войскамъ насолить, бестіи. Мы тутошній край гораздо избѣгали и хорошо можемъ провести тебя въ городъ.

— Спасибо! Мнѣ не надо вожатыхъ! Я завтра утромъ жду встрѣчныхъ изъ Оренбурга. Они насъ и проведутъ кратчайшею дорогой

— Охъ, родимый, негодно тебѣ тутъ ночевать. Провѣдаетъ онъ, наскочитъ, и бѣда...

Падуровъ тоже подтвердилъ о пораженьи Кара въ подробностяхъ.

— Неужели и впрямь разбитъ? начали вѣрить офицеры и, смущенные, молча слушали разказъ.

— А теперь въ ночь и пройти способно, заговорилъ Алеша какъ-то неохотно.—Половина войска у Юзеевой деревни, а другая обернула въ Берду изъ Сурманаевой, съ битвы съ генераломъ московскимъ, да ужь больно уходилась. Вся Берда въ повалку лежитъ: кто съ пути, кто съ радости, а много и сьпьяну. А заутра всѣ повстанутъ.

Наступило молчанье. Чернышевъ очевидно колебался что̀ дѣлать.

— Вотъ, ваше превосходительство, чтобъ тебѣ не быть на счетъ меня въ сомнѣньи, я тебѣ и жалованье царицыно покажу.—И Падуровъ вынулъ депутатскую медаль, съ шифромъ императрицы, на другой сторонѣ была сверху надпись: *Блаженство каждаго и всѣхъ!* Подъ этимъ пирамида увѣнчанная короной, а внизу: *1766 годъ декабря 14й день.*

— Ты депутатомъ былъ? спросилъ Чернышевъ.

— Такъ, сударь, я. Свои въ этотъ значитъ годъ меня сдали въ депутаты, чтобы съ прочими выборными людьми въ посылкѣ быть, въ коммиссію. Я въ Питерѣ долгонько выжилъ. Съ генераломъ Бибиковымъ на счетъ устройства государскаго разсужденья мы имѣли. А опосля того и къ царицѣ насъ гоняли во дворецъ. Чаемъ напоилъ меня тамъ одинъ въ позументахъ....

— Какъ же ты депутатъ, а въ лагерь вора попалъ?

— Что̀ дѣлать! Слѣпота нашла. Мнилъ, царь онъ истинный, Петръ III.

Медаль произвела успокоительное дѣйствіе на офицеровъ.

— Такъ ты возьмешься насъ безопасно провести въ Оренбургъ въ ночь?

— Будь надеженъ, ваше превосходительство. Токмо обѣщай за насъ словечко замолвить. Да у оренбургскаго губернатора наше помилованье испроси. А то домъ мой и дѣтки въ городѣ, а я вотъ бѣгаю... Легко ли?

— Добро. Не бойтесь. Со мной придете, такъ простятъ.

— Токмо сказываю: выходить войску безпремѣнно подобаетъ въ скорости. Въ темь способнѣй отъ его глазу уйти. А на утро свѣдаетъ онъ о васъ чрезъ многихъ своихъ про-

лазовъ и не допуститъ васъ въ городъ. А вѣдь у него нынѣ тысячъ тридцать войска да полсотни орудіевъ.

— Что ты? Враки! Тридцать?!..

— Вѣрно. Зачѣмъ мнѣ васъ обманывать? Тридцать тысячъ арміи.

Офицеры переглянулись. Многіе дремавшіе уже стоя и подававшіе мнѣнье въ пользу ночлега, теперь были какъ встрепаные и всѣ единогласно рѣшили выходить немедленно.

Была уже полночь. До Оренбурга оставалось осьмнадцать верстъ, и они могли до разсвѣта войти въ городъ.

Офицеры разошлись по своимъ частямъ, и вскорѣ отдыхавшій отрядъ зашумѣлъ и поднялся.

Въ началѣ втораго часа ночи Чернышевъ выступилъ изъ Чернорѣченской крѣпости.

Вожаки Падуровъ и Горлицынъ, а съ ними пять Илецкихъ казаковъ были совѣтчиками во всемъ. Они посовѣтовали выйти осторожно, безъ барабаннаго боя, и указать людямъ не орать дорогой, не пѣть и вообще идти какъ можно скорѣе и осторожнѣе.

Въ полномъ молчаньи въ облачную, темную ночь отдалялся отрядъ отъ крѣпости, и аріергардъ былъ уже версты за двѣ въ степи.... Въ это время съ противоположной стороны въѣзжали въ крѣпость на всѣхъ рысяхъ два всадника, князь Иванъ и хохолъ, вожакъ его.

Иванъ разспросилъ кой-кого и чувствуя что онѣмѣлъ отъ холода, голода и устали все - таки погналъ за войскомъ, не слѣзая съ коня.

— Не могу, ваше благоротье. Подохну! прохрипѣлъ хохолъ и остался въ Чернорѣченской.

Чрезъ часъ, въ степи, Чернышевъ и нѣкоторые офицеры, всѣ верхомъ, стояли въ кружкѣ предъ верховымъ Калмыкомъ, съ боку дороги, а войско тяжелымъ шагомъ, съ глухимъ гуломъ тянулось вереницей мимо ихъ. Съ противоположной стороны отдѣленные мимо идущими колоннами стояли пять всадниковъ казаковъ, съ ними Падуровъ и Алеша. Они молчали и слѣдили глазами за кружкомъ офицеровъ около догнавшаго ихъ Калмыка.

Калмыкъ объявлялъ свое позднее словесное приказанье Чернышеву отъ генерала Кара и подтверждалъ разказомъ очевидца пораженье московскаго войска.

Чернышевъ выслушалъ все, подумалъ и сказалъ:

— По вашему разговору, господинъ князь, я несомнѣнно могу вѣрить что вы переодились Калмыкомъ ради осторожности, но что вы собственно гонецъ генерала Кара—мнѣ повѣрить нельзя, а тѣмъ паче исполнить такое словесное приказанье. До Оренбурга тринадцать верстъ, а до Сурманаевой полтораста. А мои люди уморились и чрезъ четыре часа могутъ отдохнуть въ Оренбургѣ.

— Шутка ли? Ворочай теперь въ степи.. Изъ-за какого-то Калмыка! смѣялись офицеры.

— Да еслибъ и впрямь гонецъ.... У насъ провіанту почти нѣтъ, говорилъ Чернышевъ.

— Можетъ онъ подосланъ отъ Пугачева, шептались нѣкоторые изъ офицеровъ, косясь на Ивана.—Можетъ казакъ!.. Князь?! Тутъ что ни Татаринъ, то князь.... А что Хвалынскимъ наименовался, то ужь это и вовсе враки. Князь Хвалынскій въ арміи Румянцева отличается. Прослышалъ гдѣ имя громкое и прозвался...

— Кто же васъ ведетъ? спросилъ Иванъ у одного изъ офицеровъ.

— Бѣгуны изъ стана.

Между тѣмъ казаки шептались тоже.

— А войдутъ въ сумнѣнье, неча дѣлать У насъ Богъ, да кони, говорилъ Падуровъ.—И какъ эвтотъ проскочилъ сюда? Надо батюшкѣ доложить чтобы нонѣ и Калмычковъ щупать, какой истинный, а какой ряжёный.

— Да вѣрно ль что гонецъ отъ Карова?

— Кабы свѣдать кто. Небось тожь московскій. Края-то не вѣдаетъ, сказалъ Алеша.

Колонны прошли. Чернышевъ и нѣсколько офицеровъ все еще стояли кружкомъ и разспрашивали Ивана. Казаки подъѣхали.

— Ваше благородье! заговорилъ почтительно Падуровъ. — Будемъ заворачивать на Сыртъ... Изволь указать орудія впередъ пустить. Пройдутъ они—добре. А то бы не сглупить. Сами-то ввалимся, а орудія пропадутъ. А коли они не полѣзутъ—инымъ обходомъ возьмемъ.

Ивану показался знакомымъ голосъ этого человѣка. Онъ сталъ вглядываться во всѣхъ, но за темнотой ночи не могъ разглядѣть.

— Оно точно! прибавилъ Алеша.—Да и чрезъ Яикъ тожь, орудія впередъ пустить слѣдъ. Ледъ испробовать....

— Алеша! вскрикнулъ Иванъ.

Алеша вздрогнулъ на лошади и молчалъ.

— Чтò такое! Вы этого казака знаете? спросилъ Чернышевъ.—И онъ васъ стало-быть знаетъ?

— Такъ, ваше благородье. Я ихъ родителя, князя Хвалынскаго, крѣпостной. Да по безумію бѣжалъ въ злодѣйскій станъ, заговорилъ подъѣзжая Алеша.

— Такъ ты бросилъ злодѣевъ? Ну слава Богу! воскликнулъ Иванъ.

— Какъ видишь, Иванъ Родивонычъ. Въ вожакахъ вашихъ. Авось ты съ ихъ благородьемъ вымолишь мнѣ прощенье у губернатора, да и у родителя своего.

— Я твоего мнѣ благодѣянья, Алеша, во вѣкъ не забуду, съ чувствомъ вымолвилъ Иванъ.—Онъ меня отъ злодѣя въ Бердѣ укрылъ и спасъ, обратился онъ къ офицерамъ.

Горлицынъ перебивалъ Ивана, но тотъ разказалъ все-таки въ подробностяхъ свое приключенье въ Бердѣ....

„Ай да Алеха!“ подумалъ Падуровъ. „Постой, братъ.... Пріѣдемъ домой—похвалимъ.“

Чернышевъ, убѣдившійся что имѣетъ дѣло съ настоящимъ княземъ Хвалынскимъ, дѣлалъ видъ что все еще не вѣритъ, дабы успокоить свою совѣсть и отклонить отвѣтственность за неисполненіе приказанія.

XVII.

Въ туманной дали привѣтливо мигали огоньки. Это былъ Оренбургъ. Всѣ офицеры и солдаты отряда какъ бы ожили, и поднялась гульливая болтовня. Было шесть часовъ утра.

— Слава Тебѣ Создателю! слышалось повсюду.—То бъ накрыть могъ злодѣй! А поди дерися на морозѣ, да натощакъ!

— У нихъ, баютъ, хлѣба ужь мало, братцы!

— Хоть въ тепло придемъ, и за то спасибо.

Иванъ ѣхалъ въ сторонѣ не далеко отъ отряда Калмыковъ, съ своимъ калмыцкимъ полковникомъ. Они подсмѣивались тихонько по-своему надъ его одеждой. Иванъ не радовался. Порученіе съ опасностью жизни было исполнено имъ, а толку отъ этого не вышло никакого. Чернышевъ не захотѣлъ, да и дѣйствительно не могъ воротиться въ Сурманаеву. А

самъ-то онъ съ какою бы радостью поскакалъ теперь назадъ, несмотря ни на что̀, чтобъ увидѣться съ Параней, послѣ перваго подвига въ жизни!

„Ну вотъ невредимъ, а мнилъ концу жизни быть. Малодушіе“, думалъ онъ.

За аріергардомъ всей двигавшейся колонны шелъ между тѣмъ быстрый разговоръ.

— Ну, скачи теперь что̀ мочи есть, говорилъ Падуровъ одному казаку;—и какъ отъѣдешь на версту, то и пали изо всѣхъ стволовъ заразъ. Ружье есть, вотъ тебѣ пара пистолей. Такъ пали: разъ, два и три, съ разстановкой.

— Цѣлиной? спросилъ казакъ.

— А то жь какъ? Столбовой дорогой аль мимо офицерства? Дурень, ну, живо!

Казакъ повернулъ лошадь и пропалъ во тьмѣ.

— Ну, а вы? пошатались? обратился онъ къ остальнымъ.

— Всѣ пять сотень Калмыковъ согласники. Токмо своего полковника боятся...

— Калмыкъ же онъ самъ-то? такъ чего жь? Ну, а солдаты?

— Тѣ всѣ какъ одинъ человѣкъ на московцеву сторону тянутъ.

— Начхать имъ теперь въ морду... къ утру будутъ у насъ всѣ въ согласникахъ, по мѣстамъ... Ты, Алексѣй Степанычъ, въ близости самого Черныша стань, ни пяди отъ него. А какъ метаться учнетъ, да въ сумнѣнье входить, что̀ ни есть пустое на уши ему пой... Антиллерію я самъ переправлять возьмуся.

— Ухнетъ, ледъ тутъ на рѣчкѣ куда слабъ, сказалъ казакъ.

— О, дуракъ! Что̀ жь мнѣ и впрямь что ль переправлять ихъ? У насъ въ орудіяхъ недостачи нѣтъ.

Они разъѣхались. Кто-то подскакалъ вдругъ къ Ивану, ѣхавшему особо. Это былъ Алеша.

— Иванъ Родивонычъ, ты мнѣ сейчасъ балясами своими такую кашу сварилъ что на диво... а я опять тебя упасти лѣзу.

— Что̀?

— Дай мнѣ божбу, Господомъ и благополучьемъ своимъ, что не проронишь словечка про что̀ я скажу. Ну, побожися, да живѣе.

Иванъ побожился, удивленно глядя на Алешу.

— Какъ станутъ пушки переправлять чрезъ Яикъ, ты про-

сися у Чернышева на предки. Повѣстить что ль губернатору о прибытіи войска. И скачи въ городъ что духу, да и не оглядывайся.

— Зачѣмъ? Мы вмѣстѣ съ тобой и со всѣми въѣдемъ. Ты вѣдь, я чаю, ко мнѣ теперь въ домъ, а тамъ вмѣстѣ въ Азгаръ.

— Ну, вотъ ты, Иванъ Родивонычъ, предваренъ, а тамъ что̀ изволишь. А сболтнуть изволишь, то, опричь сумятицы великой, ничего не наживешь. Еще говорю, гони въ городъ что духу есть...

Алеша рысью отъѣхалъ впередъ. Подозрѣнье какъ молнія вошло въ голову Ивана; на душѣ его завязалась борьба.

— Спастись одному, а ихъ предать, не вымолвивъ ни слова. А Параня! Нѣтъ, надо найти Чернышева. Что̀ же замышлено? они идутъ настоящею дорогой, вотъ Маячная гора. Вонъ и Оренбургъ, но что-либо да есть, не могъ онъ бросить и одуматься, надо предупредить. Она спроситъ? Паранѣ не солжешь. О Господи, зачѣмъ я въ военныхъ! воскликнулъ Иванъ вслухъ и поскакалъ въ авангардъ гдѣ былъ Чернышевъ въ кружкѣ офицеровъ.

Орудія уже стали спускаться на Яикъ. Темь была страшная.

— Господинъ Ружевскій! раздался голосъ Чернышева въ темнотѣ.—Ступайте донести генералъ-поручику что мы слава Богу прибыли... чтобы выслалъ указать кое намъ будетъ размѣщенье. Не могу же я ввалиться съ двумя тысячами прямо на площадь, да потомъ до полудня морозить на дворѣ людей. Свѣдайте тожь въ какія ворота входить. Сказываютъ вожаки что тамъ трое воротъ крѣпостныхъ навозомъ завалены.

— Господинъ полковникъ! давно приставалъ уже Иванъ.

— Это вы князь? Ѣхали бы вы домой, впередъ. Я чаю, уморились пуще насъ, прибавилъ Чернышевъ.

— Нѣтъ.... я, я... полковникъ, долженъ вамъ...

Иванъ увидѣлъ подъѣзжавшую фигуру Алеши.

— Право ступайте съ господиномъ Ружевскимъ. Кстати ему вожакомъ будете.

— Да, вымолвилъ Ружевскій.—Тутъ вѣдь еще пожалуй съ объѣздами версты три; какъ разъ собьешься, не бывавъ никогда. Поѣдемте, князь, вмѣстѣ.

— Нѣтъ, я не поѣду, рѣзко и глухо вымолвилъ Иванъ.

— Ну, какъ знаете! Ступайте, Ружевскій!

Офицеръ отъѣхалъ.

Внизу раздались крики, трескъ и гулъ...

— Полковникъ! крикнулъ кто-то.—Подъ послѣдними орудіями треснулъ ледъ и лошади и прислуга—все ко дну...

— Полковникъ! приставалъ Иванъ.—Я полагаю, есть измѣна...

— Да почто жь они въ одномъ мѣстѣ, потянули какъ гуси... ахъ, чортъ ихъ возьми! крикнулъ Чернышевъ, не слушая Ивана.—Не могли развѣ указать правѣе, либо лѣвѣе брать. Вотъ понадѣялся.

— Вожакъ этотъ указывалъ какъ самое надежное мѣсто.

— Полковникъ, выслушайте меня, громче настаивалъ Иванъ.

— Ваше высокоблагородіе, подъѣхалъ калмыцкій полковникъ.—Позвольте мнѣ переводить своихъ черезъ рѣку отрядами... лѣвѣе... а то здѣсь нагромоздили ужь повозокъ... прапорщица какая-то изъ своей кибитки словно главнокомандующій повелѣваетъ... смута такая что упаси Боже...

— Что̀ это? палятъ? перебилъ Чернышевъ.

Вдали дѣйствительно раздался одинокій выстрѣлъ, потомъ другой, потомъ третій.

— Кто это тамъ въ степи палитъ, отсталые что ль? Пропустите обозъ, а тамъ переправитесь. Что̀ вамъ, князь? нетерпѣливо обернулся Чернышевъ.—Не время мнѣ, видите...—и Чернышевъ отъѣхалъ ближе къ переправѣ.

— Я, полковникъ, преслѣдовалъ его Иванъ,—хочу вамъ передать мои подозрѣнія на счетъ этихъ вожаковъ... Одинъ изъ нихъ...

— Подозрѣнія, въ чемъ? Вѣдь вотъ онъ, городъ-то, позвольте, не мѣшайте мнѣ. Вотъ навязался, прости Господи!

Чернышевъ снова отъѣхалъ и продолжалъ давать приказанія.

Иванъ помирился со своею совѣстью. Его не слушали. Онъ задумался.

— Ну, Иванъ Родивонычъ, подъѣхалъ снова Алеша.—Не гнѣвися, самъ себя загубилъ что не ушелъ въ городъ.

— Да въ чемъ ты меня предваряешь-то? въ отчаяніи воскликнулъ Иванъ.—Чую я не доброе, да понять не могу.

— Ну, ступай за мной.

Они проѣхали нѣсколько выше въ гору, и Алеша указалъ Ивану въ трехъ разныхъ пунктахъ окрестной тьмы три огонька блестѣвшіе вдали.

— То правое крыло—Татарва. То на середкѣ огонекъ—Марусенковъ полкъ. А во третій—Хлопушкины заводчики. Всего восемь тысячъ отборныхъ. А васъ двѣ... да пушка-то ужь за рѣкой, да въ рѣкѣ. Васъ всѣхъ черезъ часъ обхватятъ и задавятъ.

Иванъ схватилъ себя за голову.

— Время терпитъ... гони въ городъ, якобы гонцомъ.

Иванъ шевельнулъ лошадь, но Алеша держалъ ее подъ уздцы.

— Куда? въ городъ? самъ на дорогу выведу. А къ Чернышеву... ни... да и почтò? поздно, двумъ тысячамъ не уйти въ четверть часа времени какъ одинъ ускачетъ по степи... да Калмыки дорогу загородятъ. Имъ ужь сказано, въ помочь намъ, захлеснуться впереди отряда, чтобы всѣ дома были.

— Алеша, Господа ты не боишься, закричалъ Иванъ, глядя на подвигавшіеся въ степи огоньки.—Предавать на смерть столько народу!

— Всего по счету тридцать два барина, а сего... тебя-то, хочу вотъ спасти. Солдатамъ да Калмыкамъ чтò за горе? Токмо волосы остригутъ въ кружокъ.

У Ивана мелькнула мысль убить Алешу и доскакать къ Чернышеву. Отступить къ городу въ порядкѣ, бросивъ обозъ и орудія, было еще можно... Рука его замирала и не двигалась къ поясу... убить Алешу, своего избавителя... а погибель тридцати офицеровъ и его собственная? На утро висѣлица...

— Ну, Иванъ Родивонычъ, живѣй, сказывай, вишь подходятъ... экій вѣдь!

— Изверги, предатели, убить тебя слѣдъ! какъ безумный закричалъ Иванъ.

— Ну, видно съ тобой треба силкомъ, что малолѣтній какой...

Алеша, держа лошадь Ивана подъ уздцы, ударилъ обѣихъ, и онѣ двинулись, обогнули холмъ и выскакали къ рѣкѣ, гдѣ виднѣлись вдали огоньки Оренбурга.

— Господь съ тобой, вотъ не хочу я твоей погибели, да и полно... съ чувствомъ вымолвилъ Алеша.—Гони,—и онъ ударилъ плетью лошадь Ивана.

Раздался ружейный залпъ, потомъ три пушечные выстрѣла.

— Уходи, крикнулъ Алеша, и круто обернувъ лошадь онъ поскакалъ на холмъ. Иванъ повернулъ за нимъ вслѣдъ.

Снова протрещалъ ружейный залпъ, но уже въ отрядѣ, и

снова отвѣтъ ружейный и пушечный; гулъ этотъ во тьмѣ ночи произвелъ сумятицу.

Темные ряды неслись вскачь, вдоль рѣки, прямо на Ивана.

— Я не Іуда, не измѣнникъ! закричалъ Иванъ, и бросился туда гдѣ заварилась каша и отстрѣливались солдаты.

Иванъ еще не добрался до кучи ближайшихъ какъ сильный ударъ словно дубиной сошвырнулъ его съ сѣдла на земь. Онъ ударился головой въ мерзлый снѣгъ и вскрикнулъ; затѣмъ привсталъ и оглянулся. Онъ былъ одинъ; кто жь ударилъ?

Это пуля....

Онъ хотѣлъ снова подняться на ноги. Нѣсколько всадниковъ неслись стремглавъ отъ рѣки прямо на него. Вотъ уже надвинулись лошадиныя головы, ноги швыряютъ снѣгъ. Иванъ вскочилъ и попалъ въ кучу всадниковъ.

— Куда лѣзешь?

И казакъ, сбивая его съ ногъ грудью лошади, взмахнулъ рукой. Что-то обожгло Ивану голову и опрокинуло подъ лошадей. Когда всадники промчались, Иванъ, закиданный снѣгомъ и смятый, валялся на спинѣ безъ движенія, а по лицу разсѣченному шашкой струилась кровь.

XVIII.

Пораженіе Кара поставило въ Оренбургѣ все вверхъ дномъ. Всѣ, отъ губернатора до мальчишекъ уличныхъ, одурѣли. Когда трехъ-тысячный отрядъ барона Корфа, собранный по крѣпостямъ, прибылъ изъ Татищевой и вступалъ въ городъ, около четырехъ часовъ пополудни, его едва не встрѣтили со стѣнъ города залпомъ изъ всѣхъ орудій. И жителямъ и начальству всюду мерещились злодѣйскія скопища.

„Теперь непремѣнно на приступъ пойдетъ и возьметъ городъ“, думалъ Рейнсдорпъ.

— Всѣхъ московскихъ генераловъ разбилъ батюшка Петръ Ѳедорычъ, а болтали что казакъ донской. Эхъ-ма, морочители! говорилось въ народѣ, на улицахъ, на базарахъ, въ казармахъ, а въ особенности въ кабакахъ.

— Измѣна, измѣна и измѣна, говорилось въ начальствѣ.

— Ну командиры-воеватели что куры во щи такъ и шлепаютъ, говорило общество.

— Теперь надо сказывать не куръ во щи, а Каръ во щи попалъ, острилъ Тавровъ.

Солдатъ явившійся изъ Берды и допрошенный разказалъ слѣдующее: наканунѣ взятый отрядъ полковника Чернышева уже распредѣлили по полкамъ. Всѣхъ офицеровъ, капраловъ и канонировъ, одного калмыцкаго полковника, да съ ними же какую-то барыню-прапорщицу, всего человѣкъ съ полсотни, повѣсили.

— Нашъ полковникъ Чернышевъ, говорилъ солдатъ,—да и калмыцкій тожь полковникъ какъ важно и неустрашимо помирали что вся Берда диву далась. Нашъ полковникъ, какъ стали вѣшать, все прощенье просилъ у офицеровъ что загубилъ ихъ неосмотрительнымъ походомъ своимъ въ ночь. А они ему тожь все сказывали: „Богъ проститъ, всѣ виноваты!“ А калмыцкій полковникъ все кричалъ: „Не вѣруйте въ злодѣя-названца. Солдатушки, не измѣняйте великой государынѣ! Дадите Богу отвѣтъ!“ Злодѣй-то самъ не высидѣлъ на крылечкѣ, плюнулъ и ушелъ. Знать и его проняло. А полковникъ Чика осерчалъ и повелѣлъ калмыцкому-то полковнику заживо груди вспороть. И чудное такое черное мясо изъ него таскали. Онъ отъ сего задохся, и хоть и не крещеный, а все крестился; офицеры кой-кто чудесно тоже помирали. Одинъ молитву пѣлъ: „Иже херувимы!“ а одинъ какой-то, раненый въ башку, клянчилъ, клянчилъ, все просился чтобъ пустили на волю, да барахтался предъ ребями. Возни много съ нимъ было, насилу прицѣпили, вѣстимо эфтимъ ничего окромя сраму не наживешь. Тоже своего одного сотника вѣшать хотѣли за лукавство, якобы онъ укрывалъ тутошняго гонца, да еще въ избѣ злодѣевой. Злодѣй простилъ. Онъ въ кулевыхъ теперь.

Вѣсть о смерти Чернышева и всѣхъ офицеровъ окончательно свела съ ума оренбургское офицерство. Въ совѣтѣ, на предложенную губернаторомъ вылазку, командиры не отвѣчали, а только глаза широко раскрыли и подивились его крѣпколобію.

— Aber wie kann man so? говорилъ отъ зари до зари Рейнсдорпъ.—Какимъ образомъ Каръ знаетъ и ожидаетъ прибытія Чернышева и ничего не предпринимаетъ ему въ помощь?

Бригадиръ баронъ Корфъ объявилъ что на пути изъ Татищевой въ городъ слышалъ подъ утро верстахъ въ десяти отъ

себя пушечную пальбу, но разсудилъ что это должно-быть гарнизонъ со злодѣемъ схватился у Маячной горы.

Всѣ присутствующіе на совѣтѣ набросились на барона.

— Какъ можно было не помочь.

— Я не могъ предвидѣть.

— Кого-нибудь поймали бы и разспросили или своего развѣдчика послали бы. Пойдетъ ли кто изъ нашихъ ночью изъ города къ Маячной горѣ? говорилъ Рейнсдорпъ.

Увидя Таврова, губернаторъ спросилъ ехидно:

— Ну, господинъ Тавровъ, хорошъ Каръ, генералъ московскій и варшавскій! очень хорошъ!—И Рейнсдорпъ драматически возвысилъ голосъ:—Онъ виноватъ что Чернышевъ погибайтъ! *На имъ* отвѣтъ тамъ! Да, *на имъ!* и Рейнсдорпъ поднялъ указательный палецъ съ перстнемъ въ потолокъ своей залы чтобъ опредѣлить гдѣ будетъ Каръ отвѣтъ держать за гибель Чернышева.

— Господинъ губернаторъ! вымолвилъ Тавровъ не слѣдя за перстомъ и шлепая мѣховою шапкой по своему животу.— Полковникъ Чернышевъ героемъ погибъ—того не вернешь. А мы вотъ, изволите видѣть, простую деревянную мишень разломать да срыть не можемъ. Вонъ она, голубушка, стоитъ будто заколдована. И выходитъ то.... бабушка пеняетъ, отъ дѣдушки воняетъ, а отъ самой не дохнешь!

— Какая бабушка? что̀ вы? я не могу понимать.

— Какая бабушка?! Своя! Гроссмуттерхенъ.

XIX.

Въ Сурманаевой, со дня на день, съ часу на часъ, въ лихорадкѣ нетерпѣнія ждали на помощь Чернышева. Это была соломинка для погибавшаго. Каръ уже послалъ въ Переволоцкую еще двухъ гонцовъ, и оба пропали безъ вѣсти какъ Иванъ.

Уздальскіе все жили еще у Игната и ожидали поворота счастія. Мареа Петровна окончательно сна и пищи лишилась. Параня молча сидѣла въ углу избы или выходила прогуляться по слободѣ въ сопровожденіи хозяина; кой-кто изъ офицеровъ изрѣдка бывалъ у нихъ, но всѣ равно повторяли свои опасенія и не вносили отрады. Самой же Паранѣ пришлось говорить одному изъ начальниковъ:

— Да полно вамъ дрогнуть да печалиться. Богъ дастъ вы еще въ два часа времени разгоните весь сбродъ.

Чрезъ недѣлю послѣ отъѣзда Ивана явился Башкиръ изъ Берды и повѣстилъ что въ день его ухода изъ Берды шли приготовленія. Собирались еще какого-то московскаго генерала ловить, и должно словили, потому что больно ужь великое стараніе прикладывали въ разъѣздахъ да разнюхахъ.

Каръ отвѣтилъ то же что̀ повторялъ уже давно:

— Все ничего, господа, ободритесь; лишь бы скорѣе пришелъ Чернышевъ.

Явился еще перебѣщикъ, гренадеръ давно повѣшеннаго Карташева, и участь отряда Чернышева какъ настоящій громъ небесный свалился на Сурманаеву.

И не вѣрили этому извѣстію покуда три раза не подтвердилось оно.

— Да какъ же Рейнсдорпъ не предпринялъ ничего, говорилъ Каръ,—не сдѣлалъ вылазку? Въ трехъ верстахъ берутъ отрядъ, а они взираютъ на это якобы на камедь. Ну, хорошъ губернаторъ!

Затѣмъ Каръ заперся съ Фрейманомъ и съ нѣсколькими штабъ-офицерами. Совѣщаніе длилось часовъ пять.

— Нешто злодѣй можетъ такъ обходиться? говорили солдаты.—Сему Богъ въ помочь.

— Богъ? А дьяволъ нешто не можетъ въ помочь быть? отвѣчали старые служивые. — Расторопенъ онъ, слова нѣтъ; а мы, вишь, полетимъ—что галки тычемся, а засядемъ, то крѣпче филина ко пню прилипнемъ. Чего бы махнуть въ Берду да располыхнуть на *уру*.

Дошла вѣсть о Чернышевѣ и къ Уздальскимъ.

— А Ванюша-то? ахнула Марѳа Петровна.

Параня давно уже унылая не вымолвила ни слова, отошла и стала лицомъ къ окошку. Долго стояла она молча и вымолвила:

— Иль не догналъ и на обратномъ пути, а то догналъ и какъ слѣдуетъ ему.... она запнулась.

— Что̀? спросила Марѳа Петровна.

— Какъ офицеръ службы, тихо вымолвила Параня.

— Кто то-ись?

— По долгу своему вѣренъ пребылъ.

— Кто по долгу, какому долгу?

— Исполняя указъ своего генерала и начальника.

— Да что̀ ты, Парашокъ? Я говорю: гдѣ Ванюша?

— Я и сказываю что... медленно продолжала Параня,—сказываю, какъ честный офицеръ по своей данной присягѣ.... остался государынѣ.... преданъ.

Голосъ дѣвушки дрожалъ и рвался.

— Государынѣ преданъ? Что̀ ты, Парашокъ? Я жь не говорю что Ванюша себя причислилъ въ воровскіе генералы. Я токмо въ толкъ не возьму гдѣ нынѣ быть ему, голубчику?

— Ахъ, маменька, вдругъ зарыдала Параня, опускаясь на лавку.—Да у Господа же.

Марѳа Петровна оторопѣла. Параня укрылась лицомъ въ руки и задыхалась сдерживая рыданье. Марѳа Петровна подошла и сѣла около дѣвушки.

— Дочка, полно, чтой-то какъ страшно плачешь! Просто меня индо коробитъ; я мыслями не скоробогатая. Ты все слова свои тащила, тащила. Мнѣ и не въ толкъ было.

Марѳа Петровна начала плакать.

— Парашокъ, голубчикъ, всѣ подъ Богомъ.... коли же померъ—ну, царство ему небесное; а можетъ и живехонекъ. Что̀ жь зря слезамъ-то волю давать, грудь надрывать? Ты и въ безпечаліи, въ Казани-то, все плакала; слезъ-то̀ у тебя вылилось иной на всю жизнь хватитъ.

— Былъ у меня Иванушка дурачекъ, шепнула Параня качая головкой и причитая.—И цѣлехонекъ былъ, и не любила; а сталъ Иваномъ молодцомъ, и полюбила.... И на смерть.... сама его.... Охъ, маменька! Тутъ вотъ въ сердцѣ тихо такъ рвется. Ти-хо да больно, больно.

Параня снова начала рыдать.

— Да можетъ еще живехонекъ.

— Ахъ, маменька, я сама опросила того бердинскаго гренадера о казняхъ лютыхъ офицеровъ.... И онъ мнѣ все разсказалъ и всѣхъ описалъ на словахъ.... всѣхъ кого казнили.

— Ну, и Ванюшу тоже?

— Эдакого, говоритъ, ввели на помостъ ужь изъ послѣднихъ.... Подняли.... Описалъ мнѣ ростъ да лицо.... Крестикъ шейный свой все цѣловалъ.... А я ему провожаючи свой....

Параня не договорила. Марѳа Петровна бросилась къ ней, обняла и заливаясь слезами шепнула ей на ухо:

— Такъ помолимся за упокой души.

—

Каръ хворалъ и не выходилъ изъ избы на улицу.

Нѣсколько гонцовъ одинъ за другимъ скакали въ Казань и въ Петербургъ. На вопросы офицеровъ на счетъ плановъ генерала и намѣреній, Каръ отвѣчалъ: „Господь милостивъ".

Однажды ввечеру, написавъ длинный рапортъ и собравшись спать, онъ нашелъ на подушкѣ своей постели *цидулю*, сложенную трехъугольникомъ. Надпись гласила: „Московскому генералу и кавалеру Карову отъ государя и императора указъ": онъ изумился, развернулъ и прочелъ:

„Господинъ генералъ! Мы, государь и царь Всероссійскій Петръ III, указываемъ вамъ ни мало не медля со всѣмъ своимъ войскомъ въ нашу покорность объявиться; буде же сіе увѣщеваніе наше безъ должнаго намъ уваживанія оставите и въ упорствѣ пребудете, то бы зналъ, измѣнникъ, что повелѣно мною тебя въ твоей избѣ задавить, какое повелѣніе наше, изъ нашихъ у тебя въ лагерѣ согласниковъ, многіе сотворятъ безъ огласки. Противъ своего государя законнаго воюютъ оные солдатики мои невольно, и отъ васъ съ охотой къ намъ желаютъ; то смирися въ окаянствѣ и повинися, либо жди себѣ плату за службу бабью."

Генералъ скомкалъ записку и бросилъ на полъ.

„Измѣнники даже въ прислугѣ", подумалъ онъ и легъ спать. Долго лежалъ онъ не шевелясь, но не могъ заснуть. Прошло около часа. Все было тихо, только слышались шаги часоваго подъ окнами. Вдругъ почудилось ему что въ темнотѣ кто-то тяжело дышитъ около него. Затѣмъ что-то какъ бы чья рука ощупала его ноги, и въ тотъ же моментъ скрипнулъ полъ у самой кровати. Каръ тихо и сдерживая дыханье досталъ пистолетъ изъ-подъ изголовья, вдругъ вскочилъ и взведя курокъ крикнулъ:

— Кто тутъ? Убью! Гей, люди!

Никто не двинулся въ горницѣ. Прислуга повскакала въ сѣняхъ; зажгли огонь. Горница была пуста и весь небольшой домъ священника былъ пустъ. Однако генералъ былъ вполнѣ убѣжденъ что все это не приснилось ему. Всѣ снова улеглись, а старикъ лакей, уходя, пробормоталъ:

— Это, батюшка, изъ нашихъ же какой, я въ нихъ всю вѣру потерялъ. Того гляди серебро счистятъ. Уѣхать бы намъ. Ну ихъ! Это что̀ за война!

— Война! воскликнулъ Каръ.—На войнѣ убьютъ и все тутъ! А здѣсь кожу съ живаго сдерутъ, глаза вырвутъ, уши отрѣжутъ!

Генералъ долго ходилъ по комнатѣ, бралъ изрѣдка со стола запечатанный большой пакетъ и повертѣвъ въ рукахъ, снова клалъ на столъ. Очевидно въ немъ происходила борьба. На пакетѣ была надпись:

„Его сіятельству графу Захару Григорьевичу Чернышеву, государственной Военной Коллегіи президенту, отъ генералъ-майора и кавалера Василія Кара."

Долго бродилъ Каръ по комнатѣ, не рѣшаясь снова лечь. Старикъ лакей выглянулъ въ дверь.

— Чтò, батюшка, Василій Лексѣичъ, аль худо? Дай обмѣню корпію-то. Съ сумерекъ не обмѣнивали.

— Нѣтъ, ничего. Надо беречь эту мазь: здѣсь аптеки въ степи не найдешь.

— Да сдѣлай ты по-моему, родимый, чтò тебя прошу.... Долго ль пристроиться? Дай я на сѣнѣ скомандую. Гляди сырость какая, весь уголъ мокрый. А въ той горенкѣ хоть и потѣснишься малость, да тепломъ доволенъ будешь. И здоровому тутъ бѣда, а еще хворому въ экой сырости спать! Сдѣлай ты по-моему, ишь третьи сутки надсѣдаюсь, прошу не допрошусь.

— Добро, добро, устраивай. Много ли у тебя мази-то еще? Три баночки?

— Гдѣ? Какъ три? Послѣдняя! Вѣдь я докладывалъ тебѣ, Василій Лексѣичъ, что двѣ выпали, и какъ невѣдомо, тогда въ Юзеевой....

— Послѣдняя? Послѣдняя?

— Послѣдняя, родимый. Нешто забылъ?

Генералъ сильно смутился.

— Одна! тихо вымолвилъ онъ.—Одна! Чтò жь это будетъ? Я пропалъ. Да пойми ты, старый тетеревъ, что я пропалъ!

Каръ взглянулъ на столъ, быстро подошелъ и судорожно изорвавъ пакетъ, вынулъ нѣсколько бумагъ. Отыскавъ частное письмо на имя графа Чернышева, онъ сѣлъ и приписалъ въ концѣ листа постъ-скриптумъ.

„P. S. Пока еще слѣдуемыя сюда войска сбираются, учредивъ все нужное по обстоятельствамъ въ которыхъ мы есть, для переговору съ вашимъ сіятельствомъ о многихъ сего края подробностяхъ, поруча команду господину генералъ-майору Фрейману (который мнѣ кажется человѣкъ хорошій и ничего нужнаго къ исполненію не упуститъ), намѣренъ я отъѣхать въ Петербургъ, ибо то время которое употреблю на ѣзду

свою и съ возвратомъ, здѣсь безъ всякихъ предпріятіевъ протечетъ. Чего для, вашего сіятельства, какъ моего милостивца, и покорно прошу объ ономъ пріѣздѣ моемъ предупредить, всѣ жь тѣ повелѣнія которыя придти сюда на мое имя могутъ прикажу распечатывать и исполнять ему жь г. генералу-майору Фрейману.

„*Василій Каръ.*"

— *Она* этого никогда не проститъ! прошепталъ онъ, подписывая. Обсылавъ пескомъ написанное, генералъ все еще думалъ и соображалъ что-то, но потомъ рѣшительнымъ движеніемъ запечаталъ все въ новый пакетъ и сдѣлалъ вторичную надпись.

— Что жь? Не пропадать же мнѣ. Пугачевцы! Безъ лѣкаря! Безъ снадобьевъ! Долго ль сгинуть? Вылѣчусь и вернусь.

Лакей между тѣмъ тихонько, чтобы не безпокоить занятаго барина, перетащилъ матрацы генерала въ маленькую каморку и устроилъ постель на полу на кучѣ сѣна.

— Лихо отпочиваешь, ваше превосходительство.

Чрезъ полчаса все было снова тихо и темно въ домикѣ священника. Кару на новомъ мѣстѣ не спалось. Долго думалъ онъ о припискѣ и рѣшился наконецъ изорвать все и на утро написать другое, а самому ждать въ Сурманаевой. Прошло часа два, и середи ночи Каръ вдругъ вскочилъ на ноги: въ сосѣдней горницѣ раздавалось страшное хрипѣнье. Каръ крикнулъ и бросился туда. Какая-то фигура въ дверяхъ сбила его съ ногъ на полъ.... Все поднялось въ сѣняхъ и во дворѣ. Снова зажгли огонь. Старикъ-лакей, посинѣлый, лежалъ безъ чувствъ на голыхъ доскахъ постели генерала, съ которой перенесъ онъ матрацы. На шеѣ его была затянута въ петлю тонкая и острая бичева.... Онъ былъ уже мертвъ. Каръ вспомнилъ о запискѣ и вздрогнулъ.

— Богъ спасъ! подумалъ онъ. И приказалъ немедленно позвать къ себѣ генерала-майора Фреймана и закладывать возокъ. Уѣзжать и скорѣе! рѣшилъ онъ. Пусть хоть разжалуютъ!....

На разсвѣтѣ шумъ поднялся на слободѣ и по избамъ.

— Генералъ уѣзжаетъ! ходила вѣсть по Сурманаевой.

Кучи старыхъ солдатъ напирали на домъ священника, гдѣ закладывали лошадей въ большой возокъ.

— Упросите командира! Почто бросать насъ! кричали

нѣкоторые появлявшимся изъ дому офицерамъ и прислугѣ.— Упросите его.... Почто уходить?... Пусть укажетъ Берду брать!... Не сморгнемъ.... возьмемъ.

Имъ велѣли разойтись.

Чрезъ нѣсколько времени возокъ двинулся отъ дома. Куча солдатъ бросилась и остановила его за откосы. Другіе ухватили лошадей подъ уздцы.

— Ребята! высунулся генералъ. — Я сдалъ командованіе генералу Фрейману. Ему повинуйтесь. А самъ я токмо на побывку въ Питеръ и тотчасъ назадъ со свѣжими войсками и провіантомъ. Пусти лошадей. Ну, пускай! Я приказываю! грозно крикнулъ генералъ.

Солдаты разступились. Возокъ двинулся шибко. Каръ, усѣвшись на мѣсто, снялъ шапку и перекрестился три раза.

— Знать, братцы, онъ увѣровалъ. Не хочетъ противъ его воевать! говорилось затѣмъ на улицѣ.

Ввечеру отдѣльныя кучки чернѣлись въ снѣжной степи въ окрестностяхъ Сурманаевой.... Бѣгуны къ батюшкѣ Петру Ѳедорычу!

— Эхъ-ма! Наши-то, наши, такъ и пропадаютъ, словно сквозь землю. Можетъ черезъ недѣльку и мы потянемъ, да не тайкомъ, а вьявь, якобы къ государю царю.... А сказывали, казакъ бѣглый. Ахъ, народъ! Сбрехнется же!

Въ одной дырявой избѣ въ Сурманаевой сидѣлъ и ужиналъ Яшка. Онъ былъ весь въ сажѣ. Лицо его было изцарапано въ кровь, большой палецъ правой руки пораненъ и окровавленъ.

— Чтой-то ты каковъ вернулся? охала прислуживавшая баба. — Хозяинъ придетъ, не узнаетъ. Гдѣ пропадалъ-то сутки цѣлыя?

— Знай помалчивай! угрюмо отозвался Яшка.

Вошелъ мужикъ и глянувъ на ѣвшаго Яшку сердито бросилъ шапку свою въ уголъ.

— Прозѣвалъ журавля въ небѣ, заговорилъ онъ.—Эхъ ты! Сунься теперь въ Берду-то.... Ты! пошла вонъ! прибавилъ онъ, обратясь къ бабѣ, и та вышла изъ горницы.

— Да ты слушь-ка! заговорилъ Яшка смущенно. — Чтò было-то.... Засѣлъ я въ печь съ сумерекъ, положимши цыдулю-то на кроватку.... Сижу.... Улеглись вотъ.... Я вылѣзъ по времени кажись въ полночь, да знать рано — не спалъ онъ.

Поднялась тревога. Я оробѣлъ, думаю, прямо въ холодную печь полѣзутъ, чего простѣй. Анъ нѣтъ! Сталъ онъ гулять по горницѣ; потомъ поскрипывалъ все перомъ, должно грамоту писалъ, а тамъ долго еще толковалъ чтой-то съ холопомъ, мнѣ-то не слышно. Улеглись опять.... Я много обождалъ, да опять за свое.

— Ну?...

— Ну, обрелъ его въ потемкахъ, петлю накинулъ ловко,— ей-ей, и затянулъ. Онъ дьяволъ ну хрипѣть, какъ свинья на убоѣ. Я знай тяну, а онъ знай реветъ, да еще кусается, окаянная собака. Силы-то у меня на горе мало.... Тутъ вдругъ ктой-то кричитъ, бѣжитъ.... Я въ дверь, да сбилъ кого-то, да мимо, въ сѣни; а въ потемкахъ народъ оретъ да тычется. Я къ углу притаился. Они всѣ въ избу полѣзли, и часовой за ними. А я драть, да драть. Спасибо, утекъ. И какъ утекъ самъ не вѣдаю. Ужь куда жь они дурни! И впустили и выпустили. А я такъ и шелъ либо въ есаулахъ быть, либо въ острогѣ.

— А онъ выѣхалъ вонъ невредимъ въ Москву. Эхъ зюзя!

— То-то.... да.... баютъ выѣхалъ.

— Кого жь ты задавилъ-то? Чортъ!

— А кто жь его вѣдаетъ. Стало не его.

— Ну ты въ кулевыхъ и остался.

— Остался. Что̀ будешь дѣлать? чѣмъ я повиненъ? Я давилъ генерала, а потрафилось вонъ не его. Изъ Нѣмцевъ — вотъ что̀!—объяснилъ Яшка глубокомысленно.—Ихъ ты ни силой, ни счастьемъ не бери, а наговоромъ.

XX.

Въ Казани замѣчалось волненье на улицахъ. Повсюду болтались, сходились и перешептывались кучки народа. Кабаки были полны. Многіе дворяне и чиновники разъѣзжали изъ дома въ домъ, нигдѣ долго не засиживались, и встрѣчаясь на улицѣ кричали другъ другу:

— Слыхали? Вѣдаете? Онъ его уложилъ!

— Да, да! Каково!

— Я къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Она ужь сама въ разъѣздахъ. Оповѣщаетъ. Къ Колоштану ступайте.

— Онъ бѣгаетъ по гостиному, купцамъ разказываетъ.

— Ну стало болѣ некуда.

— Ну такъ къ генеральшѣ Анучиной. Она подгородная....

— Знаетъ! Вторую пару загнала сама въ возкѣ. Да ужь всѣ свѣдались....

У губернатора на дворѣ стояли санки съ почтовыми заготовленныя для третьяго курьера котораго онъ отправлялъ за два послѣдніе дня. Много гостей пріѣзжало и отъѣзжало. Губернаторъ не принималъ, губернаторша сказывалась больной. Одинъ только возокъ Штейндорфовъ стоялъ въ углу двора, и они—свои люди—сидѣли у Анны Ивановны. Кучеръ ушелъ въ людскую, а чахлыя сивыя клячи не двигались и спали стоя, не обращая вниманія на ѣзду и суетню по двору. На заднемъ дворѣ укладывали вещи въ большой рыдванъ поставленный на полозья. Губернаторша отъѣзжала въ Москву, но строжайше запрещено было разказывать объ этомъ въ городѣ.

По одному переулку шла толпа народу сопровождая двухъ солдатъ, которые вели связаннаго Татарина.

— Чтò жь бить? Веди къ начальству! За чтò? слышались голоса.—Онъ правду, братцы, баялъ, хоть и Татаринъ. Онъ тамошній.

— Онъ не вретъ. Это все и въ манифестахъ прописано, кричилъ ражій мужикъ.

— Пойдемъ до губернатора, громко крикнулъ опрятно одѣтый человѣкъ. Это былъ Долгополовъ.

— И то пойдемъ! Чтò взаправду.... чего! Вали, ребята, къ губернатору!

— Елисей Онуфричъ! Вылазь въ конъ.

Названный Обваловъ вышелъ впередъ.

— Тѣснители! Будетъ вотъ имъ! Обиждатели! шла и выла около него кѣмъ-то побитая баба.

Толпа проводила солдатъ и Татарина до большой улицы. Двое военныхъ шли имъ на встрѣчу. Долгополовъ приглядѣлся къ одному изъ нихъ и юркнувъ въ толпу исчезъ....

— Елисей Онуфричъ! Куда жь онъ? Эй, не гоже, братъ, а еще купецъ.... своихъ выдавать.

Толпа раздалась, вдругъ зарѣдѣла и разсыпалась. Ражій мужикъ первый завернулъ въ кабакъ съ двумя другими.

— Чтò за человѣка ведете? спросилъ высокій офицеръ подходя къ уменьшившейся кучкѣ народа. Это былъ князь Данило.

— Съ базару, ваше благородье. Непутныя разглашенья пущалъ въ людей, а таковскихъ указано забирать.

— И тутъ то же, молвилъ князь и отошелъ.—Такъ вы сказываете, генералъ, обратился онъ къ своему спутнику Сельцеву,—что вашъ племянникъ, въ одно время съ братомъ выѣхали гонцами. Достовѣрно ли это?

— Такъ точно, ваше сіятельство. Князь Иванъ Родивонычъ при немъ былъ назначенъ въ посылку къ Чернышеву какъ вѣдающій тотъ край, и въ ту же ночь выѣхалъ, въ одно время съ нимъ, въ разныя стороны. И коли съ той поры вѣстей у васъ никакихъ не было, то....

— Нѣтъ, вѣсти есть. Свѣжія! Тридцать человѣкъ офицеровъ повѣсили въ Бердѣ, холодно вымолвилъ князь.

— Это еще не причина вамъ сокрушаться.

— Однако... Если весь отрядъ погибъ.

— Князь Иванъ Родивонычъ могъ запоздать, не достичь Чернышева, сказалъ генералъ Сельцевъ.—Да по мнѣ оно такъ и было, по числамъ. Онъ выѣхалъ изъ Сурманаевой 11го числа въ ночь, а 13го утромъ комендантъ Чернышевъ уже былъ окруженъ... Есть надежда, князь. Богъ милостивъ! Есть надежда.

— Надежда что братъ погибъ не достигнувъ мѣста назначенія и не исполнивъ порученья. Это все едино для него. Чтò жь, коли такъ... царство небесное, можетъ и я также угожу, по неразумію, блудливости и лѣности тамошнихъ правителей и командировъ.

— А вы безпремѣнно желаете причислиться?

— Я завтра выѣзжаю къ отряду генерала Кара и прикомандируюсь чѣмъ-нибудь къ нему.

Оба повернули на дворъ дома Хвалынскихъ. Генералъ Сельцевъ шелъ къ князю съ секретною просьбой: оказать ему покровительство въ полученіи мѣста воеводы.

—

У флигеля дома Черемисова стояло нѣсколько экипажей. На квартирѣ братьевъ Бжечинскихъ съ утра толпились конфедераты. Одни уѣзжали, другіе подъѣзжали, и на всѣхъ лицахъ была бодрость, довольство, почти радость. Дворникъ дома, глядя на все, надумался, и разчитывая на „чаишко“ освѣдомился не именинникъ ли кто изъ постояльцевъ. Его прогнали и заперли всѣ двери. Съ десятокъ конфедератовъ

остались до сумерекъ, и наговорившись, молча сидѣли въ кружкѣ. Казиміръ сидѣлъ за столомъ и быстро писалъ. Около него лежало нѣсколько уже оконченныхъ писемъ въ пакетахъ. Одно письмо было съ адресомъ въ Константинополь, другое въ Бары, третье, пакетъ большаго формата, во французское посольство въ Петербургъ, четвертое еще не запечатанное было написано по-татарски къ одному бывшему казанскому муллѣ, сосланному въ Уфу. Янъ сидѣлъ на диванѣ разфранченный какъ на балъ, въ шитой золотомъ и шелками венгеркѣ. Онъ только-что пріѣхалъ съ сеанса отъ Нѣмца-живописца, который давно уже писалъ его портретъ во весь ростъ. Отъ Яна несло духами, особенно отъ пыльной, серебристой пудры его парика. Но лицо его и поза не соотвѣтствовали костюму. Задумчиво понурившись на диванѣ, онъ вертѣлъ въ рукахъ маленькую позолоченную шпагу за рукоять, усыпанную бирюзой, а кончикомъ шпаги безсознательно чертилъ по полу: *Шерфе...* Лицо его было слегка блѣдно и губы нервно подергивало по временамъ. Нѣкоторые изъ конфедератовъ взглядывали на него изрѣдка и затѣмъ переглядывались между собой, очевидно занятые одною общею мыслью на его счетъ. Туровскій, грѣвшійся у печки, прервалъ молчанье и тихо спросилъ обращаясь къ Яну, въ которомъ часу обѣщался быть Потоцкій.

Янъ не сразу пришелъ въ себя.

— Не вѣмъ, сухо и кратко отозвался онъ, не подымая головы.

На второй вопросъ другаго конфедерата, Янъ также не двигаясь отвѣтилъ:

— Не вѣмъ! И по голосу его чувствовалось что онъ хочетъ чтобъ его оставили въ покоѣ.

Казиміръ кончилъ письма, всталъ и собравъ всѣ письма вымолвилъ едва слышно:

— Пане Пулавскій!

Пулавскій вскочилъ и подошелъ къ столу.

— Вотъ, передайте, медленно и тихо заговорилъ онъ.—Если попадется, то ему и мнѣ быть въ Сибири, а можетъ и хуже... Такъ и скажите.

— Добже.

— Ну, поѣзжайте... Казиміръ подалъ ему руку.—Ахъ да! вспомнилъ онъ.—Я вамъ говорилъ или нѣтъ... Я придумалъ... Если онъ захочетъ тамъ монету чеканить... Мнѣ гонецъ его,

Обваловъ, говорилъ, то я надпись придумалъ: Redivivus et ultor. А впрочемъ... Въ этой землѣ приличнѣе монеты и надписи дѣлать татарскія!.. И губы Казиміра едва замѣтно стянуло въ презрительную улыбку. Ну, а гдѣ nervus belli?

— Вотъ! Покуда пять тысячъ, отвѣчалъ одинъ изъ конфедератовъ и переставилъ съ дивана на столъ шкатулку. Казиміръ открылъ ее. Она была полна пачекъ ассигнацій.

Конфедераты стали собираться и скоро разъѣхались. Янъ всталъ, молча подавая руку каждому, и когда послѣдній, Туровскій, выходилъ изъ горницы, онъ тихо спросилъ, провожая его:

— Ты рѣшился?

— Да.

— Въ дымъ или въ огонь?

— Покуда въ дымъ, не весело улыбнулся тотъ.—А ты?

Янъ вздохнулъ, махнулъ рукой и не отвѣтивъ вернулся въ горницу. Казиміръ исподлобья глянулъ искоса на брата. Прибравъ кой-какія бумаги со стола, онъ открылъ шкатулку, пересчиталъ деньги, потомъ заперъ все въ столъ и сѣлъ въ кресло. Янъ уже лежалъ на диванѣ и снова задумчиво смотрѣлъ предъ собой. Братъ сѣлъ какъ разъ подъ его взглядомъ, и Янъ перевелъ отъ него глаза на печку.

— Ну, что же ты, заговорилъ Казиміръ тихо, и, какъ всегда, не подымая глазъ.—Вотъ уже недѣля сроку проходитъ. Надумался?

— Да, едва слышно отозвался Янъ.

— Что же?

— Не честно.

— Страшно, скажи лучше, ѣдко усмѣхнулся Казиміръ, глядя себѣ на ногти. — Ну, не треба! Я тебя заступлю. А ты меня въ Казани.

— Нѣтъ. Этого не будетъ, потому что я готовъ. Но говорю что не честно.

Казиміръ всталъ, прошелся по комнатѣ въ сильномъ, но едва видимомъ волненьи и опять сѣлъ. Только руки его слегка дрожали.

— Не честно? вымолвилъ онъ.—Не честно.... Твоя Яна Бжечинскаго или моя честь!? Честь карлика, букашки! Эта честь тебѣ дорога, а честь страны, родины—нѣтъ? Твою мать будутъ ногами, въ грязныхъ лаптяхъ, топтать и бить, а ты въ то же время будешь обдумывать обидное слово тебѣ самому сказанное.

— Comparaison n'est pas raison.

— За честь и счастіе своей земли всякому совѣсть и Богъ велятъ жертвовать своимъ счастіемъ и своею честью.

— Чтò же будетъ по достиженіи цѣли этими средствами? Счастливая и честная земля съ несчастными и безчестными сынами.

— Хороша была бы Франція еслибы при Карлѣ VII и Іоаннѣ Орлеанской всѣ разсуждали какъ ты.

— Тамъ честью не жертвовали никогда. Напротивъ иногда утѣшались тѣмъ что tout est perdu sauf l'honneur!

Казиміръ не отвѣчалъ. Наступило долгое молчаніе. Оба задумались.

— Такъ ты не хочешь? спросилъ наконецъ Казиміръ.

— Не хочу, но ѣду. Доставай провожатаго, и тогда....

— Провожатаго нѣтъ. Это отговорка. А время дорого. Если явятся подозрѣнія у Бранта.... то все пропадетъ. Ты по-русски говоришь изрядно: Языкъ до Кіева доводитъ, говоритъ пословица.

— А конецъ ея: или до *kія!* полугрустно, полузлобно разсмѣялся Янъ.

— Ну, да, до казни, спокойно вымолвилъ Казиміръ.—Не до мазурки же.

Янъ вскочилъ съ дивана и уйдя въ свою комнату бросился на кровать и схватилъ себя за голову.

— Боже мой! Какъ это.... трудно! стономъ вырвалось у него.

—

У Лукерьи Кузминишны Бартыкаевой были гости и привезли ту же диковинную вѣсть: расшибъ, всѣхъ разшибъ.

— Войско удивительное! Сказываютъ, изъ Питера чрезъ Сибирь привелъ!

Въ диванную тяжело вошелъ стуча сапожищами Разумникъ Бѣлокопытовъ. Его мать, бывшая въ ссорѣ, теперь снова помирилась съ Бартыкаевой уже въ восьмой разъ въ теченіи двухъ лѣтъ. Разумникъ, оспенный когда-то, недавно вполнѣ оправился отъ трудной болѣзни. Онъ подошелъ къ ручкѣ Лукерьи Кузьминишны и выговорилъ однозвучно и въ носъ:

— Маменька прислала, велѣла кланяться и доложить что Пугачка московскаго генерала отдулъ и въ скорости сюда будетъ.

— Пугачевъ! Чтò ты, голубчикъ! типунъ тебѣ....

— Никакъ нѣтъ-съ.... Маменька то-ись....

— И какъ не расшибить! продолжала Бартыкаева обращаясь къ гостямъ.—Какой онъ командиръ! разсудите, отцы мои! памятуете какъ у князя-то обѣдалъ онъ? Спитъ человѣкъ, носомъ тычетъ... Я было къ нему потолковать, а онъ носомъ тычетъ... Какой онъ командиръ! Неужто не сыскался у царицы какой повеселѣй? Вѣдь дѣло не пустяшное! онъ вѣдь и сюда прилѣзть можетъ. Оренбургъ взялъ, такъ и Казань возьметъ.

— Оренбургъ стоитъ?

— Взятъ! взятъ! взятъ! вѣрно! У Агаѳьи Матвѣевны дядя тамъ... Пишетъ что...

Раздались быстрые шаги, и въ диванную явился князь Черемисовъ.

— Ну-съ.... вò какъ! люблю! остановился Черемисовъ въ дверяхъ и поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ.—Въ одинъ день отбарабанилъ. Стоило за этимъ изъ Варшавы ѣхать.

— Вотъ и Лукерья Кузьминишна сказываетъ, какъ у васъ-то онъ, князь, обѣдалъ. Помните? Носомъ-то тыкалъ да солѣлъ.

— Люблю! Токмо литеры переставить, говорю, туда поперъ *Каромъ*, а оттуда поперъ *ракомъ*. Да еще хвастаетъ, слышь, въ рапортѣ что ретирада была успѣшная. Ахъ ты ретирада! Я бъ его.... Князь Черемисовъ сѣлъ на диванъ, и ударивъ ладонью въ ладонь, прибавилъ:—Только бы мокренько осталось! А вы вотъ чего скажите: начальствующій-то кто? Губернаторъ да я,—двое знаемъ. Петръ Ѳедорычъ? Враки! Пугачевъ чтоль Емелька? казакъ бѣглый? Враки!

Всѣ шелохнулись и навострили уши, затѣмъ чтобы потомъ навострить лыжи погнать по городу развозить новую вѣсть.

— Все враки! Вѣдаете ли вы кто оный человѣкъ кто всѣхъ колотитъ? понизилъ голосъ Черемисовъ.—Принцъ Браунгшвейскій! Иванъ Антонычъ.

— Ну, вотъ! воскликнули гости.

— Ба-тю-шки свѣты! прослезился одинъ старичокъ, предвкушая наслажденіе первому развезти эту новость.

— Да-съ. Сынокъ правительницы чтò въ ссылкѣ былъ въ Холмогорахъ.

— Чтò вы!

— Вотъ-те и чтò вы! И радуйтесь, какой теперь на Руси ходунъ ходить учнетъ. Плюнь, дунь, да перекрестись. Посѣдѣемъ всѣ, волосы и зубы со страховъ да диковинъ расте-

ряемъ. Скоро манифестъ будетъ отъ него казанскому дворянству. Каково? а?! люблю!

— Видѣли ужь мы манифестъ-то дурацкій, сказалъ кто-то.

— Другой будетъ. Тотъ Емелькинъ былъ. Другой!

— И я грамоту-то энту безграмотную читала. И гдѣ бы вы полагали? объявила Лукерья Кузьминишна.—Въ людской, холоповъ за чтеніемъ накрыла. Никишка мой читаетъ. Всѣхъ передрала. Рѣками, да бородами, да травою какой-то жаловать обѣщаетъ.

— Иванъ Антоновичъ не то пропишетъ.

— Какъ же такъ-то? Императоръ да будетъ Иваномъ прозываться. Вотъ чудно! загоготалъ вдругъ Разумникъ.

А въ людской Лукерьи Кузьминишны толпилась челядь. Прибѣжавшій изъ залы лакей объявилъ шепотомъ:

— Слышалъ сейчасъ. Князь сказывалъ. Барыня да и гости такъ и ахнули. Не царь Петръ Ѳедорычъ, а самый онъ истинный государь Антонъ Антонычъ. Сынъ истинный....

— Должно сынъ Елизаветы Петровны, а не то самого Петра Алексѣича.

— Такъ, такъ! его и есть. Въ ссылкѣ былъ, а нынѣ вишь...

— Чего врешь? Петра сынъ, да Антонычъ!

— Да вѣдь онъ прынцъ, вишь ли.... Можетъ по-ихнему.

— Нѣту! Стало Елизаветы Петровны сынокъ.

— Сейчасъ издохнуть, князь самъ сказывалъ... Антонъ Антонычъ. Во братцы! и лакей пустился въ присядку.

— Чего разобрало! замѣтилъ старикъ ключникъ.

— Чего? новые порядки! воля! Истинно милость Господня!

— А ты не спѣши—наткнешься. Промыслишь себѣ милость и сзаду и спереду. Ни сѣсть, ни съѣсть.

XXI.

Въ исходѣ ноября еще пуще заволновалась Казань. У губернаторскаго дома стоялъ отпряженный возокъ и по городу ходила громовая вѣсть.

— Самъ тутъ! побросалъ войска и бѣжалъ! Пугачъ на Казань идетъ!

— Губернаторша ужь три дня тайкомъ выѣхала, и съ пожитками, со столовымъ серебромъ! Пошла другая вѣсть не менѣе громовая для Казанцевъ.

— Здѣсь, здѣсь, въ Казани, самъ! объявилъ Черемисовъ генеральшѣ Сельцевой.

— Пугачъ? ахнула старуха.

— Какое! что̀ вы? Каръ!

Бартыкаева какъ узнала о прибытіи Кара, такъ и занялась укладкою образовъ и серебра. Къ вечеру все было готово—хоть выѣзжай.

— Слышали? Бжечинскій Янъ удралъ къ принцу въ службу, говорили на вечерѣ у комендантши Бѣлокопытовой.

— Огурчики собрались, выѣзжаютъ!

— Какъ имъ не ѣхать! Экій кладъ да Пугачеву достанется! Онъ вѣдь изъ-за нихъ больше сюда и пойдетъ.

— Исхудали словно стручки. Сынка-то Емелька удавилъ.

— Ништо имъ! у нихъ имъ разводъ. Еще шесть осталось.

— Удрать-то не долго. Обождемъ! говорилъ Черемисовъ.—Пугачъ сюда не полѣзетъ, а коли прынцъ, то я ему еще обѣдище закачу—во какой!

А Казиміръ Бжечинскій сидѣлъ у себя и писалъ по-турецки въ Константинополь:

„Помимо нѣсколькихъ сотенъ голодныхъ негодяевъ брошенныхъ генераломъ Каромъ, между Бердой и Петербургомъ нѣтъ ни единаго солдата, ни единаго ружья, ни единаго заряда! Все у васъ и у насъ, а есть уже бѣгущее по дорогамъ дворянство, но есть тоже по дорогамъ нѣсколько милліоновъ топоровъ. Теперь декабрь, въ апрѣлѣ доморощенный Атилла, если не дуракъ, будетъ въ Москвѣ, а скиѳская Семирамида, если умна, то за границами рухнувшей на вѣки Имперіи. Какъ черное на бѣломъ!“

XXII.

На селѣ Таковскомъ въ Миколинъ день точно ярмарка. Пришелъ іеромонахъ Мисаилъ. Давно не навѣдывался Божій человѣкъ. И принесъ же онъ вѣсточку золотую!

Самъ онъ зашелъ къ отцу Ареѳѣ, а народъ запрудилъ батюшкину избу и храмъ Божій. Молодые орутъ, поютъ. Кто въ плясъ пошелъ, оттопываетъ по снѣгу и палкой помахиваетъ. Кто оретъ сиповато:

На горѣ те [illegible]лина!
Подъ горой те сиротина калина!

Старухи причитаютъ. Изъ стариковъ даже иные слезы кулаками утираютъ. Бабы и дѣвки пучеглазыя и очумѣлыя тычутся въ толпѣ, словно щенки недѣльные, не зрячіе.

— Не помиралъ государь великій! Взыскалъ насъ Господь. Живъ батюшка солнышко ясное! Карачунъ утѣснителямъ! То-то калачика загнуть!

Не бывало во вѣкъ величайшаго праздника на селѣ Таковскомъ. Всякое мужиково сердце такъ и ходитъ ходуномъ отъ вѣсточки Мисаиловой. Старъ и малъ пыль снѣжную столбомъ подняли на улицѣ отъ радости. Чтò ни клопъ, отъ земли не видать, со своимъ чумазымъ рыльцемъ лѣзетъ, за рукавъ тормошитъ и опрашиваетъ:

— Тятька? А, тятька? Тя-áть-ка?

— Чего, голубчикъ? чего?

— Скажи что царь-отъ изъ себя великъ?

— Вѣстимо.

— Чать повыше гораздо хаты? Съ колокольню будетъ?

— Не видалъ, голубчикъ, николи не видалъ.

— Я чаю и глянуть на его не можно, говоритъ старуха.— Баютъ мужики якобы онъ что солнышко гораздо сіяетъ, ажь глазьямъ рѣзь отъ него.

— Царь батюшка онъ, государь Россейскій: Стало посуди ты каковъ онъ, милостивецъ, изъ себя быть долженъ.

— Чтò тебѣ твой пряникъ росписной!

Отецъ Ареѳа сидѣлъ у себя въ домикѣ и бесѣдовалъ съ іеромонахомъ Мисаиломъ. Старикъ слабый и хворый, съ самой свадьбы князя Данилы былъ пораженъ вѣстями чтò принесъ ему паломникъ, и хворость его какъ будто вдругъ рукой сняло. Обливаясь слезами слушалъ онъ пылкую рѣчь Мисаила объ оренбургскихъ дѣлахъ. Онъ передалъ священнику одинъ манифестъ изъ цѣлой связки чтò несъ въ мошнѣ своей.

Отецъ Ареѳа бережно взялъ листъ въ руки, позвалъ уже пожилаго сына съ женой и всѣхъ уже двадцатилѣтнихъ внучатъ и сталъ читать. Голосъ его дрожалъ отъ волненія. Вспомнилъ старикъ о князѣ Данилѣ и подумалъ:

„Эхъ, князенька, грѣхъ! Самъ не имѣлъ вѣры и меня совращалъ. А вонъ оно какъ. Батюшка-то, государь, явленъ ужь міру. Всей Россіи вѣдомо, а мы тутъ не вѣдаемъ.“

Отецъ Ареѳа вышелъ на крыльцо, утирая слезы, и съ трудомъ выговорилъ собравшемуся кругомъ домика народу:

— Православные! Послѣшимъ напередъ всего во храмъ Божій принесть Господу благодареніе за великое чудо, явленное промежъ насъ во дни сіи... во дни Иродовы!

Священникъ черезъ силу пошелъ въ церковь, и все село до послѣдней хворой бабушки послѣдовало за нимъ и наполнило храмъ сельскій. Послѣ благодарственнаго молебствія отецъ Ареѳа вышелъ на амвонъ, перекрестился и прочелъ:

„Великаго царя и государя вашего указъ и повелѣніе.

„Объявляется чрезъ сіе всенародно всѣмъ нашимъ вѣрнымъ подданнымъ что мы, вашъ всемилостивѣйшій императоръ и самодержецъ, иду съ моею ратію безчисленной на Нижній, Кіевъ, Москву и Петербурхъ вступать на царство и державу. Уже не маловажное число многихъ городовъ въ повиновеніе мнѣ пришли и подъ государеву мою руку и корону добропорядочно склонились. А наипаче публикуется: уразумѣйте ослушники и оставя невѣріе ваше послѣшите мнѣ, вашему монарху и отцу, и за то по склонности вашей получите милостивое прощенье и я пожалую васъ землями и рѣками и всякимъ продовольствіемъ. А всѣхъ злодѣевъ дворянъ искореню и посажу на жалованье; а кто сей императорской моей волѣ препятствіе чинить будетъ, то гнѣва Вышняго Создателя въ скорости возчувствовати на себѣ будетъ, поелику избѣгнуть сильныя нашея руки трудно... Послѣшите въ мое христолюбивое воинство и многой милостью удовольствованы будете. Вѣрніи рабы! внидите въ радость господина вашего! поелику надъ малымъ вѣрны будете, надъ многимъ васъ поставлю. Въ увѣреніе чего подлинный подписалъ тако: Великій государь Петръ Третій Всероссійскій."

Послѣ гробоваго молчанія во храмѣ раздался плачъ и всхлипыванье. Отецъ Ареѳа слабымъ голосомъ, прерывающимся отъ избытка чувствъ и волненія, сказалъ поученье своей паствѣ и заключилъ словами:

— Братія! положитъ кому на душу Всевидящій Богъ послѣшать къ великому государю въ воинство—послѣшай, не могій вмѣстити сего слабодушный или хворый, пребудь въ дому своемъ, аминь!

Въ свѣтлый и ясный полдень всѣ избушки села Таковскаго дымились кромѣ безхозяйныхъ. Въ печахъ варились и пеклись послѣдки разореннаго хозяйства.

Отецъ Ареѳа прійдя изъ церкви отказался отъ пищи и прилегъ на постель. Не прежняя хворость вернулась въ него, а будто оторвалось что̀ на сердцѣ и упало.... И легче будто стало, а голова затуманилась. Словно въ сонъ клонитъ, въ тихій, да сладкій...

Вечеръ и ночь напролетъ шепталъ старикъ самъ себѣ непонятныя рѣчи. Около разсвѣта забылся на мгновенье, но снова пріійдя въ себя при восходѣ кроваваго солнца, слабымъ голосомъ позвалъ сына, всю семью и улыбнувшись молвилъ что чуетъ смерть идетъ.

— Время мнѣ нынѣ помереть и идти къ Господу моему, поелику сподобилъ меня Господь дожить до дней благихъ и до искупленія отъ зла и грѣха земли Россійской и всѣхъ православныхъ христіанъ!

Худою и костлявою уже слабѣющею рукой благословилъ отецъ Ареѳа всѣхъ своихъ домочадцевъ, отъ сѣдобородаго сына до груднаго правнука, взялъ свѣчу, прочелъ себѣ отходную и затѣмъ, сложивъ руки крестомъ на груди, шепнулъ:

— Господи! пріими духъ мой съ миромъ!

И вздохнувъ послѣдній разъ, отошелъ старикъ Ареѳа въ жизнь вѣчную, мало сотворивъ грѣха на вѣку своемъ вѣдѣніемъ. Невѣдѣніемъ же великій грѣхъ принялъ на душу въ предсмертный день.

Чуть не всѣ Таковскіе міряне, схоронивъ пастыря и обливъ слезами свѣжую могилку, поднялись и подвигнутые предсмертнымъ увѣщаньемъ усопшаго духовника, потянули вереницей въ то христолюбивое воинство царево что̀ мерещилось этому люду, истомленному давно тою неурядицей и тѣмъ безправьемъ что̀ рвутъ крестъ съ груди и хлѣбъ изъ рукъ.

По всему пути ихъ, по всѣмъ дорогамъ, селамъ и поселкамъ уже вьявь гудѣло, стономъ стояло, громомъ гремѣло:

— Живъ государь!... Живъ Петръ Ѳедорычъ!!... Явилось міру красное солнышко!!!

Е. САЛІАСЪ.

ПИСЬМА О СЕЛЬСКОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ

ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ *

II. Скотоводство.

Какой-то острякъ опредѣлилъ породу разводимаго у насъ скота наименованіемъ *Тосканской*, объясняя свое опредѣленіе тѣмъ что скотъ *вытаскивается* весною изъ хлѣвовъ въ поля, потому что самъ безъ чужой помощи выйти рѣшительно силъ не имѣетъ, отощавъ зимой отъ худаго корма и отвратительнаго ухода.

Зимуетъ нашъ скотъ въ непремѣнно длинныхъ, непремѣнно плетеныхъ изъ хвороста, и непремѣнно дурно покрытыхъ мятою соломой хлѣвахъ, совершенно неудобныхъ для содержанія какихъ-либо существъ требующихъ чистоты и тепла. Длинное, низкое и узкое ** зданіе хлѣва вытя-

* См. № 8 *Русскаго Вѣстника*.

** Длинное—чтобъ избѣжать постройки лишнихъ стѣнъ, низкое — чтобы не покупать или не рубить у себя дорогихъ толстыхъ и высокихъ столбовъ, узкое чтобъ избѣжать кладки большихъ поперечныхъ балокъ, замѣняемыхъ просто четырехвершковыми кругляками.

гивается въ прямую линію безо всякихъ перегородокъ, съ двумя воротами на противоположныхъ концахъ, вмѣсто хорошей вентиляціи, снабжающихъ хлѣвъ постояннымъ сквознымъ вѣтромъ. Чтобы сберечь хоть сколько-нибудь тепло, прозрачныя ворота заплетаются пучками соломы. Стѣны сарая дѣлаются изъ крупнаго хвороста переплетаемаго между столбовъ, также какъ и всѣ плетневые заборы, черезъ которые иногда собакѣ или поросенку легко пролѣзть. Этою легкостью постройки чаще всего пользуются волки, часто уничтожающіе въ одну ночь всѣхъ овецъ или свиней хозяина и свободно уносящіе добычу сквозь стѣны. Maximum искусства постройки считается стѣна изъ двойнаго плетня, промежутокъ котораго забрасывается навозомъ, но бóльшая часть хозяевъ за дороговизной хвороста не раскошничаютъ, а приваливаютъ только снаружи къ стѣнѣ побольше навозу.

Накиданная въ безпорядкѣ солома, долженствующая играть роль крыши, чтобы не сдуло ее вѣтромъ, прикрывается тоже хворостомъ, который конечно можетъ удовлетворить своему назначенію только при маленькомъ вѣтрѣ: большой же уноситъ его легко вмѣстѣ съ импровизованною крышей. Никогда не счищаемый сверху снѣгъ таетъ отъ внутренней духоты сарая, и крупныя холодныя капли воды проходятъ сквозь солому и мочатъ спины скота. Это зданіе, издали похожее болѣе на какой-то крѣпостной валъ чѣмъ на сарай для скота, съ каждымъ годомъ какъ будто все вростаетъ въ землю, потому что устраиваемыя кругомъ него загороди, куда выгоняется скотъ въ хорошую зимнюю погоду и гдѣ устраиваются ясли, никогда не очищаются отъ навоза. Годъ отъ году вырастаютъ все выше кучи навоза покрывая землю чуть не на сажень, пока наконецъ движеніе скота, въ мокрую погоду проваливающагося въ навозъ какъ въ трясину, не сдѣлается крайне затруднительнымъ. Хотя въ это время хлѣвъ, окруженный горами навоза, и находится въ наиболѣе выгодныхъ условіяхъ относительно тепла, представляя собою хорошо защищенную яму, однако затрудненія при выгонѣ скота заставляютъ хозяина, къ немалой досадѣ, переносить и хлѣвъ и загородь на другое, свободное отъ навоза мѣсто. Все зданіе, въ полномъ своемъ составѣ, благодаря легкости постройки, обваливающейся иногда и безъ посторонней помощи и задавливающей безъ жалости мелкій скотъ, быстро разбирается

по частямъ и въ какую-нибудь недѣлю выстраивается на новомъ мѣстѣ; а прежнее мѣсто остается пустопорожнимъ и зачисляется въ неудобную и ни къ чему непригодную землю, пока навозъ чрезъ десятокъ, другой лѣтъ не превратится окончательно въ черноземъ, на которомъ догадливый хозяинъ и разведетъ огородъ. Но крестьяне, не имѣющіе возможности такъ остроумно переносить свои скотные дворы, принуждены держать скотъ на постоянныхъ мѣстахъ, подвергая ихъ необходимой чисткѣ. Поэтому крестьянскіе хлѣва находятся до извѣстной степени въ болѣе удовлетворительномъ состояніи чѣмъ у крупныхъ хозяевъ. Навозъ выбрасывается на улицы, проѣздъ по которымъ отъ этого становится въ мокрое время года почти невозможнымъ. Только сравнительно самая незначительная часть его попадаетъ на плотины или въ огороды, и если не приноситъ надлежащей пользы, то по крайней мѣрѣ не вредитъ ни людямъ, ни скоту.

Въ безкустарной, — не говоримъ безлѣсной, ибо уже весь край обезлѣсенъ сахарными заводами, — полосѣ края, то-есть на югѣ Кіевской и Подольской губерній и во всей Херсонской, гдѣ топливо чрезвычайно дорого, навозъ имѣетъ совершенно оригинальное назначеніе согрѣвать зимой ея обитателей. Цѣнность этого своеобразнаго топлива, издающаго чрезвычайное зловоніе, проникающее даже въ пищу на немъ варимую, постоянно возрастаетъ и доходитъ до девяти руб. за кубическую сажень. Не должно однако думать чтобы такая цѣнность навоза понудила болѣе внимательно обращаться съ хлѣвами и загородями, какъ источниками косвеннаго дохода. Нисколько. Здѣсь постройки для скота возведены еще болѣе небрежно, и еще менѣе соотвѣтствуютъ своему назначенію: ихъ еще чаще переносятъ съ мѣста на мѣсто для скорѣйшаго добыванія со старыхъ мѣстъ цѣннаго и еще не обратившагося въ черноземъ матеріала.

Дурное помѣщеніе имѣетъ прямымъ послѣдствіемъ измельчаніе и обезсиленіе скота, ибо сколько бы ни кормить его, какъ бы чисто ни содержать, но если сарай холоденъ, то никакой кормъ и никакой уходъ въ прокъ пойти не могутъ, и весной послѣ самой сытной и обильной зимней пищи, все же придется вытаскивать скотъ въ поле на подножный кормъ. Эта истина до того извѣстна нашимъ хозяевамъ, что какъ ни кажется

труднымъ устройство теплыхъ помѣщеній, всѣ однако толкуютъ о нихъ, и устройство ихъ считается необходимымъ, хотя, конечно, на стараніи и заботѣ пока зачастую и кончается все дѣло, и наша главная рабочая сила мерзнетъ въ ажурныхъ постройкахъ. * Если взрослый, и потому менѣе чувствительный ко всякимъ невзгодамъ скотъ едва выноситъ зимовку, то можно легко представить себѣ въ какомъ видѣ выходитъ изъ нея молодой, яловый, тѣмъ болѣе что послѣдній не пользуется даже и тою долей удобствъ какую хозяева стараются доставить взрослому скоту въ виду весеннихъ работъ не желая довести свою рабочую силу до полнаго истощенія. Но съ яловымъ и гулевымъ скотомъ церемониться нечего, работать весною ему не придется, а потому можно уменьшить дачу корма до той мѣры какая требуется чтобы поддержать постоянное въ продолженіи зимы полусонное состояніе при которомъ только и возможна подобная проголодь.

Понятно какой рослый и сильный рабочій скотъ долженъ получиться отъ такого содержанія; понятно почему наши хозяева никогда не ремонтируютъ его изъ своихъ же яловниковъ, которые нынѣ и совсѣмъ уничтожаются, и предпочитаютъ обращаться за скотомъ на югъ, въ степи, гдѣ приволье пастбищъ и теплыя зимы дозволяютъ еще разводить безъ всякаго

* Во время оно какой-то генералъ дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ. На команду въ карьеръ одинъ изъ эскадроновъ несмотря на все желаніе лихо пронестись мимо строгаго отца-командира не могъ, и проплелся кое-какъ рысцой. Старый генералъ взбѣсился.

— Господинъ ротмистръ, завопилъ онъ,—у васъ въ эскадронѣ не лошади, а клячи, одры!

— Клячи, ваше пр—ство, одры, смиренно отвѣчалъ ротмистръ.

— Они у васъ овса никогда не ѣдятъ, кололъ его генералъ.

— Не ѣдятъ, ваше пр—ство!

— Отчего же, отчего? наскочилъ на него генералъ окончательно вышедшій изъ себя.

— Аппетита не имѣютъ, все также тихо и смиренно отвѣчалъ ему ротмистръ.

Назначенная разобрать дѣло объ аппетитѣ эскадронныхъ лошадей коммиссія пришла къ заключенію что на такихъ тѣсныхъ квартирахъ на какихъ стояли лошади бѣднаго ротмистра, онѣ несмотря на хорошій кормъ должны неминуемо прійти въ самое плачевное состояніе, и если не переколѣли еще всѣ, то только благодаря неусыпному старанію и ревностной заботливости ротмистра о ввѣренной его попеченію части.

труда въ огромныхъ размѣрахъ крупный и сильный рабочій скотъ, идущій почти цѣликомъ на сѣверъ въ наши крупныя хозяйства, да раскупаемый начинающими уже исчезать чумаками. Свои же яловники распродаются мѣстнымъ крестьянамъ, которые не имѣютъ возможности платить по 120 и 150 рублей за пару воловъ и которые такимъ образомъ снабжаются такъ-называемыми бычками, пигмеями въ своей породѣ. Поэтому наше скотоводство, безъ преувеличенія, скорѣе должно быть названо скотоуничтоженіемъ, скотоуменьшеніемъ, но ни въ какомъ случаѣ не скотоводствомъ. Скотоводства, какъ разведенія и улучшенія извѣстной породы животныхъ, у насъ нѣтъ не только на дѣлѣ, но даже въ проектахъ и мечтахъ. Напротивъ, съ тѣхъ поръ какъ стали исчезать цѣлинныя пастбищныя степи, превращаясь въ пашни, и содержаніе прогнаннаго съ нихъ скота стало дорожать съ каждымъ днемъ,— началось повальное уничтоженіе нашего скотоводства.

Къ счастію хозяевъ, Югъ какъ источникъ снабжающій хозяйство рабочею силой, остается еще въ ихъ рукахъ, а высокія, поднятыя въ послѣднее время, цѣны на скотъ устраняютъ конкурренцію гуртовщиковъ, закупающихъ рогатый скотъ для заграничной торговли. Вмѣсто породистаго и крупнаго скота, недоступнаго по цѣнѣ, гуртовщики должны довольствоваться выслужившимъ лѣта бракомъ, да мѣстными яловниками, которые откармливаются на бардѣ винокуренныхъ заводовъ. Еслибы какой-нибудь случай поднялъ за границей цѣны и спросъ на говядину до такой степени что гуртовщики нашли бы возможнымъ конкуррировать на мѣстныхъ скотскихъ ярмаркахъ съ хозяевами, и подняли бы этимъ цѣну на скотъ до размѣровъ невыгодныхъ для хозяйства, то хозяевамъ пришлось бы очутиться въ критическомъ положеніи, тѣмъ болѣе безвыходномъ что лошади, какъ рабочая сила, у насъ въ полномъ пренебреженіи. Достать лошадей на ярмаркахъ невозможно, и пришлось бы дѣлать закупки во внутреннихъ губерніяхъ,—если конечно не считать лошадьми тѣхъ крестьянскихъ мышей, никогда почти не достигающихъ двухъ аршинъ роста, которыя выгоняются на ярмарки и базары. Эти лошаденки, маленькія, безсильныя, не годятся для полевыхъ работъ, и употребляются крестьянами только для мелкаго извоза или для самыхъ легкихъ работъ, какъ напримѣръ своза хлѣба или работы бороной.

Вообще, въ нашей сельско-хозяйственной практикѣ ничто

не стоитъ такъ твердо какъ убѣжденіе въ выгодности работы волами вмѣсто лошади, и убѣжденіе это поддерживается прежде всего сносливостью вола и дешевизной его прокормленія зимой. Между тѣмъ какъ лошадь требуетъ непремѣнно овса и сѣна и чистой проточной воды, волъ довольствуется только соломой и водой изъ лужи. Въ хлѣву гдѣ лошадь отъ сырости и грязи околѣла бы черезъ мѣсяцъ, волъ спокойно жуетъ свою жвачку до весны, и только впалые бока да изнуренный видъ покажутъ что онъ только-что вышелъ на воздухъ и на подножный кормъ. Чтобы послѣ зимы поправить лошадь и привести ее въ состояніе исполнять какую-нибудь работу, нужны мѣсяцы, а волъ въ двѣ или три недѣли становится такимъ же какимъ былъ осенью. Если въ общей сложности содержаніе лошади стоитъ рубль, то вола сорокъ копѣекъ. А между тѣмъ въ работѣ гдѣ нужна тройка лошадей, потянетъ одинъ добрый чумацкій волъ, правда, тихо, лѣниво, едва переступая съ ноги на ногу, но неустанно, съ утра до вечера, безъ пищи и отдыха. И въ результатѣ эта тихая, черепашья работа всегда далеко обгонитъ, хотя и скорую, но съ большими разстановками работу лошади.

Что же касается паханья, главной работы скота, тутъ волъ становится незамѣнимымъ помощникомъ хозяина. Сколько бы ни впрягать лошадей, и чѣмъ больше, тѣмъ хуже, никогда работа не пойдетъ такъ споро какъ у шести воловъ мѣрно и дружно копающихъ плугомъ пяти- и шести-вершковые рвы.

Однако, обойтись совершенно безъ помощи лошади ни одно хозяйство не можетъ, какъ это ни непріятно нашимъ хозяевамъ. Работы на молотильныхъ машинахъ, возка хлѣба, боронъба полей требуютъ болѣе быстроты движенія чѣмъ физической силы: тяжелый грузный волъ не годится для подобной работы.

Но чтобъ избѣжать во что бы то ни стало устройства сносныхъ сухихъ конюшенъ и въ особенности расхода на овесъ и сѣно, хозяева начинаютъ заводить въ своихъ хозяйствахъ муловъ. Эти лѣнивыя животныя хотя и приводятъ въ отчаяніе рабочихъ своимъ лукавымъ, злымъ характеромъ, но по всѣмъ вѣроятіямъ займутъ въ нашихъ хозяйствахъ весьма видное мѣсто и раздѣлятъ въ значительной мѣрѣ съ лошадью хозяйственные труды. Только холода не можетъ онъ переносить. Но этотъ недостатокъ, который не трудно устранить прибавивъ къ хлѣвамъ побольше навозу,

съ избыткомъ выкупается сносливостію животнаго въ работѣ и удивительною неразборчивостію въ пищѣ. Никакимъ болѣзнямъ, которымъ такъ легко подвержена лошадь, мулы при самомъ варварскомъ съ ними обращеніи не подвергаются. Они охотно питаются перѣдомъ изъ-подъ лошадей, воловъ, и то въ такой незначительной дозѣ что приводятъ въ недоумѣніе даже нашихъ хозяевъ, давно пріучающихъ свой скотъ къ строгой діетѣ. И какъ бы дурно его ни кормили, какъ бы съ нимъ дурно ни обходились—мулъ всегда въ хорошёмъ тѣлѣ и бодръ съ виду. Несмотря на его малый ростъ, не превышающій роста даже нашей деревенской клячи, и видимую щедушность всего сложенія, это некрасивое животное неутомимо въ работѣ, даже тамъ гдѣ силы лошади оказались бы недостаточными. Легко понять съ какимъ упованіемъ смотрятъ на него наши хозяева и какихъ результатовъ ждутъ отъ этой рабочей силы, не просящей ѣсть и не требующей за собой почти никакого ухода. Болѣе подручнаго животнаго для нашего трехпольнаго хозяйства дѣйствительно трудно придумать.

Но возвратимся къ зимовкѣ скота. Есть еще способъ прокорма его, практикуемый какъ крупными хозяйствами такъ и крестьянами, и сравнительно наиболѣе удовлетворительный. Мы говоримъ о содержаніи скота на бардѣ при винокуренныхъ заводахъ. Это единственная пока помощь оказываемая послѣдними сельскому хозяйству.

Первое и главное удобство какое скотъ находитъ на винокурняхъ — большіе сараи, построенные прочно, допускающіе умѣренную вентиляцію и сохраняющіе достаточное количество тепла. Скопленіе въ этихъ сараяхъ разнаго скота и происходящая отъ того тѣснота помѣщенія не допускаютъ небрежности, и потому сараи эти чистятся самымъ исправнымъ образомъ, чуть ли не каждый день.

Сухой кормъ, примѣшиваемый къ бардѣ, служитъ обыкновенно чистою подстилкою, а очищаемые загоны мѣстомъ моціона и отдыха въ теплые, солнечные дни зимы. Стоянка на бардѣ не только не истощаетъ скота, но, напротивъ, дѣлаетъ его бодрымъ и крѣпкимъ, и даже старый бракъ быстро на ней жирѣетъ. Поэтому гуртовщики, скупая за безцѣнокъ худой, негодный къ работѣ скотъ, прежде отправки по назначенію, выдерживаютъ его на бардѣ и поправивъ такъ что его трудно отличить отъ молодаго, гонятъ весной за границу.

Чтобы понять все значеніе барды для нашего хозяйства, оцѣнить то могущественное вліяніе какое оказываетъ она на существующіе еще остатки нашего скотоводства, достаточно взглянуть на мѣстности лишенныя почему-либо этого благодѣтельнаго питательнаго вещества. Такъ въ средней части Кіевской губерніи, прилегающей къ Днѣпру, самой богатой скотомъ и самой хлѣбородной въ краѣ, не исключая и столь славной Подольской губерніи, сравнительно съ другими мѣстностями, винокуренныхъ заводовъ весьма не много. Эта бѣдность сказывается прежде всего на крестьянскомъ скотѣ, владѣльцы котораго, лишенные возможности платить за барду по 40 р. съ пары воловъ, принуждены по окончаніи осеннихъ работъ гнать его на сѣверъ, въ лѣсныя и болотистыя мѣстности, часто за сто и болѣе верстъ, закупая тамъ сѣно и устраивая для зимовки временныя помѣщенія. Это перемѣщеніе изъ одной мѣстности въ другую, изъ сухой, степной и высокой, въ сырую, лѣсную и низменную, и перемѣна пищи гибельно вліяютъ на скотъ, порождая въ немъ болѣзни, и особенно чесотку. Такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы, пользуясь обильною пищей и возможно лучшимъ помѣщеніемъ, скотъ возвращался весною домой въ хорошемъ тѣлѣ, онъ, если не гибнетъ отъ зимовки, является чуть ли не болѣе чахлымъ чѣмъ тотъ который провелъ зиму на родинѣ, на микроскопической дозѣ роднаго корма. Понятно что еслибъ была возможность обойти другимъ путемъ отсутствіе барды то никто бы не прибѣгалъ къ столь рискованнымъ и плачевнымъ по своимъ послѣдствіямъ мѣрамъ.

Вообще мы ошибемся весьма не много если скажемъ что все количество скота которое нынѣ пользуется въ зимнюю пору бардою винокуренныхъ заводовъ, при отсутствіи послѣдней, не могло бы существовать. Вся наша, хотя и бѣдная, торговля скотомъ съ Пруссіей почти исключительно обязана своимъ развитіемъ бардѣ. Безъ барды зимовка скота поглотила бы всякіе барыши торговца и не могла бы окупиться никакими продажными цѣнами.

Возможность содержанія на бардѣ значительнаго количества скота обусловливается конечно самымъ винокуреннымъ производствомъ, которымъ практикуется у насъ сплошь и рядомъ трехведерная емкость, и притомъ на такихъ заводахъ которые и при пятиведерной работать порядочно не могутъ, благодаря своему допотопному устройству и своимъ аппаратамъ Писторіуса самаго древняго типа. Имѣя въ виду выкурить наиболь-

шее количество градусовъ, хотя бы для этого пришлось пожертвовать и несоразмѣрнымъ количествомъ матеріала, заводчики поневолѣ должны мириться съ небольшими выходами спирта и съ обильнымъ выходомъ барды богатой дурно перебродившимъ сахаромъ. Понятно что такая питательная барда, какой конечно нельзя встрѣтить на правильно дѣйствующихъ заводахъ, можетъ прокормить вдвое большее количество скота чѣмъ обыкновенная барда получаемая безъ фокусовъ.

Во всякомъ случаѣ барда приноситъ по крайней мѣрѣ пользу. Но что̀ сказать о массѣ выбрасываемыхъ на большихъ заводахъ остаткахъ производства которыхъ кормовая сила въ смыслѣ количественномъ едва ли не больше чѣмъ барды и которыя пропадаютъ не принося никакой пользы скоту и только откармливая рыбу заводскихъ прудовъ? Мелкое производство и здѣсь по своимъ результатамъ оказывается и болѣе выгоднымъ, и болѣе нормальнымъ чѣмъ искусственно созданные и искусственно поддерживаемые сахарные заводы, лишенные связи съ сельскимъ хозяйствомъ и присущаго имъ характера сельско-хозяйственнаго производства. Въ Полѣсьѣ, гдѣ глазъ путешественника встрѣчаетъ только дремучій лѣсъ да болота, гдѣ бѣдность почвы обусловила бѣдность и малочисленность населенія, винокуренное производство стоитъ на болѣе правильной почвѣ чѣмъ въ нашемъ богатомъ краѣ.

Тамъ среди дикаго, разбросаннаго населенія сельскій хозяинъ, прежде даже чѣмъ строитъ усадьбу, озабоченъ устройствомъ винокурни, не для полученія съ нея конечно баснословныхъ барышей отъ продажи спирта, а лишь исключительно для полученія навоза, безъ котораго онъ не въ состояніи вести свое хозяйство. Этотъ навозъ и есть цѣль устройства заводовъ и самый цѣнный продуктъ для полѣснаго хозяина. Если ему удастся продажей спирта покрыть расходы производства, или даже потерпѣть незначительный для себя убытокъ, онъ сочтетъ результатъ вполнѣ удовлетворительнымъ. И спиртъ и барда здѣсь только средства для полученія навоза. На такомъ заводѣ вы не встрѣтите Еврея. Здѣсь производство не нуждающееся въ окольныхъ путяхъ и не страшащееся акцизнаго надзора не нуждается и въ этихъ изворотливыхъ борцахъ за темную наживу. Здѣсь хозяинъ самъ, своими средствами, долженъ вести производство, и оно ведется безъ ущерба или по крайней мѣрѣ съ возможно меньшимъ

ущербомъ для нравственности крестьянина и всего строя хозяйства.

Не то мы видимъ у насъ: винокуренные заводы, принося пользу сельскому хозяйству доставленіемъ ему источниковъ сбыта продуктовъ и кормовыхъ средствъ рабочей силѣ, похожи на тѣ лѣкарства которыя, излѣчивая отъ какой-нибудь пустой болѣзни, заражаютъ организмъ другимъ тяжелымъ, мучительнымъ недугомъ, излѣченіе коего требуетъ усилій цѣлыхъ поколѣній и соединенныхъ средствъ цѣлаго государства.

О вредѣ пьянства, распространеннаго у насъ въ ужасающихъ размѣрахъ и парализующаго и лучшія силы и лучшія начинанія народа, говорилось, писалось и печаталось столько что мы не находимъ ничего сказать такого что̀ не было сказано раньше насъ. Но относительно мѣръ къ прекращенію его, относительно положенія въ какое должно стать общество чтобъ успѣшнѣе бороться со зломъ грозящимъ и народному здоровью и народному богатству, мы встрѣчаемъ вездѣ такія противорѣчивыя мнѣнія что не можемъ не остановиться на этомъ вопросѣ, не боясь отклониться въ сторону отъ цѣли настоящихъ писемъ.

Первая и притомъ главная причина настоящей поголовной заразы есть наслѣдіе блаженной памяти крѣпостнаго права— праздность возведенная долгою практикой въ священный обычай. Изъ 365 дней въ году на долю рабочихъ едва ли придется меньшая половина, все же остальное время предоставлено въ полное распоряженіе сельскаго кабатчика, не теряющаго конечно никогда безъ пользы этого дѣйствительно для него золотаго времени. Куда прикажете дѣвать это праздничное время какъ не нести его съ утра въ кабакъ? Не работать же, идя наперекоръ предразсудкамъ общества, съ которымъ тѣсно связана жизнь каждаго отдѣльнаго члена его. Не работать же ему въ праздникъ, когда и въ будни вся его забота только и состоитъ въ томъ какъ бы украсть побольше времени отъ труда, пользы отъ котораго для него лично нѣтъ никакой. Только отмѣна силой общественнаго сознанія этихъ ничѣмъ не оправдываемыхъ нерабочихъ дней, которое освобожденный работникъ уже и началъ, можетъ повліять на общественное отрезвленіе.

Чтобы понять до чего дошло число праздниковъ, укажемъ на храмовые праздники, то-есть праздники въ честь святаго во имя котораго построена сельская церковь. Къ этому дню

церковный причтъ приготовляетъ и продаетъ въ пользу церкви медъ добываемый изъ церковныхъ пасѣкъ. Всякій крестьянинъ обязанъ напиться этимъ медомъ, но такъ какъ для этого потребовалось бы выпить огромное количество его, то для ускоренія дѣйствія и сбереженія денегъ, къ меду примѣшивается водка, превращающая праздникъ въ честь святаго въ торжественное празднество въ честь пьянства.

Но бѣда была бы еще не такъ велика еслибъ одинъ день въ году получилъ спеціальное назначеніе быть пропьянствованнымъ и еслибъ у каждаго села не было пяти или шести сосѣднихъ селъ гдѣ по-сосѣдски тоже нужно пьянствовать, а каждый праздникъ продолжается по крайней мѣрѣ четыре дня: въ первый пьютъ медъ, во второй, раззадоренные имъ, пьютъ чистую водку, въ третій сваливаются съ ногъ и спятъ, а въ четвертый опохмѣляются; выходитъ что храмовой праздникъ обходится каждому крестьянину въ двадцать дней, вовсе не совпадающихъ съ установленными церковью днями праздниковъ.

На второй или третій день послѣ такого праздника, полемъ, безъ сапогъ и шапки, потерянныхъ въ сосѣдскомъ бою, бѣгомъ возвращается крестьянинъ въ свое село. Рубаха разорвана, лицо изуродовано и окровавлено. На встрѣчу ѣдетъ односелецъ....

— Откуда, дядя, Богъ несетъ?

— Съ праздничка, добродушнѣйшимъ тономъ отвѣчаетъ потерпѣвшій аварію, — праздничка Богъ далъ дождаться, прибавляетъ онъ, просто—на славу.

— Хорошъ? мягко вопрошаетъ опять ѣдущій, въ головѣ котораго уже промелькнуло представленіе отчаянной выпивки.—Только стой дядя, а гдѣ же сапоги-то твои, да и шапка?

— Дорогой потерялъ, все также добродушно отвѣчаетъ бѣгущій, желая скрыть претерпѣнное пораженіе.

— И губы у тебя толстыя какія! не отстаетъ вопрошать тотъ.

— Отъ меду. Страсти сколько меду выпилъ! и сладкая улыбка разливается по изуродованному лицу.

— А чубъ, дядя, отчего такъ къ верху торчитъ? потѣшается ѣдущій.

— Ступай, ступай, и тебѣ тамъ то же будетъ, отвѣчаетъ пьяница раздосадованный неотвязчивостью сосѣда и неудачей притворства.

Но да не подумаетъ кто-нибудь что крестьянинъ старается скрыть предъ трезвымъ положеніе свое стыдясь пьянства. О, нѣтъ! Ему стыдно было не того что онъ напился до безобразія, а того что его вздули такимъ образомъ. Вздуй онъ самъ, не преминулъ бы тотчасъ же разказать со всѣми подробностями и прихвастнуть сколько онъ выпилъ ведеръ меду и водки, и какъ ужасно поколотилъ кого-нибудь.

Эта беззастѣнчивость, откровенность и хвастовство количествомъ выпитой водки порождается кабаками и возможностью напиваться въ нихъ не только никого не шокируя, а напротивъ рискуя быть еще похваленнымъ за молодечество.

Замѣчательно что лучшіе крестьяне, никогда не отказываясь выпить на дому или въ гостяхъ, считаютъ позоромъ для себя войти въ кабакъ. Если имъ понадобилась водка, они посылаютъ кого-нибудь изъ домашнихъ, но никогда не пойдутъ сами, находя въ этомъ оскорбленіе новаго для нихъ, но дорогаго чувства собственнаго достоинства. Эти лучшіе люди, пользуясь почетомъ и уваженіемъ отъ тѣхъ же самыхъ пьяницъ которые считаютъ удальствомъ напиваться въ кабакахъ до безобразія, вводятъ у себя, хотя и туго, вслѣдствіе дороговизны сахара, чай, который прививается у насъ отлично. Имѣть самоваръ и пить чай для крестьянина такъ же почетно какъ имѣть на груди какую-нибудь медаль. Поэтому, намъ кажется, прежде даже чѣмъ объявлять войну водкѣ слѣдовало бы объявить ее притонамъ ея продажи, то-есть кабакамъ, тѣмъ болѣе что борьба съ послѣдними можетъ быть безъ сомнѣнія ведена болѣе успѣшно, на почвѣ однихъ общихъ узаконеній, чѣмъ война съ пьянствомъ, для которой требуются не насильственныя мѣры, а время, школы и добрая проповѣдь священника: имъ на помощь законъ можетъ дать дешевые чай, пиво и дорогую водку. Что касается школы, то намъ приходится читать столько хитро составленныхъ для нихъ программъ что невольно приходится сожалѣть, видя какъ главная цѣль, умственная гимнастика, отодвигается на задній планъ въ виду желаній напичкать въ голову крестьянина возможно болѣе свѣдѣній. Отъ грамотности и первыхъ правилъ ариѳметики до образованности, до яснаго пониманія своихъ интересовъ еще далеко. Стремиться создать изъ сельской школы высшее образовательное заведеніе также нелѣпо какъ и начинать курсъ преподаванія съ небесной механики. Останавливаться открытіемъ школы

только потому что нѣтъ хорошаго учителя, намъ кажется похоже на умирающаго отъ голода который при видѣ пищи начинаетъ брезгать ножомъ и вилкой.

Упуская изъ виду эту главную цѣль, эту возможность дать крестьянскому уму необходимую практику, безъ которой умъ легко подавляется постояннымъ физическимъ трудомъ и напряженіемъ, и стремясь познакомить его не только съ начальными правилами религіи и грамотности, но и съ законами вращенія земли мы, кажется, брезгаемъ не только ножомъ и вилкой, но и самою пищей. Что же касается до мѣръ которыя могутъ быть приняты на помощь школѣ закономъ, то устраняя изъ нихъ всякую принудительность, всякій намекъ на стѣсненіе кого бы то ни было, и въ чемъ бы то ни было, мы видимъ однако для нихъ широкое, непочатое поле дѣйствій. Учрежденіе ссудо-сберегательныхъ кассъ, отмѣна сахарныхъ монополій, * отмѣна пивнаго акциза и возвышеніе акциза на водку до 10 k. съ градуса, наконецъ преобразованіе сельскихъ обществъ съ ихъ самоуправленіемъ и волостными судами на началахъ которыя предоставили бы каждому члену болѣе свободы и менѣе зависимости отъ общины,—вотъ тѣ мѣры съ которыми законъ можетъ явиться на помощь школѣ, не стѣсняя и не насилуя естественный ходъ народной жизни. Но не нужно думать что борьба съ кабаками ничтожна и что судьбу ихъ можно рѣшить однимъ почеркомъ пера. Чтобъ убѣдиться въ той силѣ какая скрывается въ этомъ учрежденіи, спросите любаго крестьянина съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей, доволенъ ли онъ своимъ кабакомъ и не видитъ ли въ немъ зла, и вы получите навѣрно утвердительный отвѣтъ; но спросите тѣхъ же крестьянъ міромъ, при всѣхъ сельскихъ властяхъ, на сходкѣ, и тѣ же крестьяне въ одинъ голосъ рѣшатъ необходимость кабака. Почему же? А вотъ почему: волостной старшина, волостной писарь и волостные старосты получаютъ не только даромъ водку отъ кабатчика, но и денежныя приношенія

* Многіе сахарозаводчики въ договорахъ съ директорами своихъ заводовъ ставятъ непремѣннымъ условіемъ чтобы переработка 1 берк. не превышала 2 р. 40 k., то-есть чтобы сахарозаводчику 1 ф. сахару, считая средній выходъ 33 ф. съ берковца, стоилъ не дороже 7½ k. Въ продажѣ этотъ же сахаръ никогда не бываетъ дешевле 16 k. и достигаетъ иногда 24 k. Промышленности же которой государство гарантируетъ запретительными тарифами барыши рубль и два на рубль всегда дается названіе монопольной.

обязывающія ихъ туго зажимать ротъ всякому кто осмѣлится заговорить противъ кабаковъ. Дядя Никифоръ сдалъ выгодно внаймы хату подъ кабакъ, дядя Михайло собирается дочку замужъ выдавать и надѣется получить водку въ долгъ, дядя Терентій заложилъ за полштофъ свой полушубокъ и не имѣетъ теперь денегъ чтобъ его выкупить, дядю Ѳому кабатчикъ звалъ послѣ сходки въ гости и обѣщалъ поставить косушку-другую. У Трифона съ Купріяномъ есть дѣло въ волостномъ судѣ, и каждый надѣется выиграть его чрезъ кабатчика, потому что дѣла рѣшаются судьями обыкновенно въ кабакѣ, въ пользу того кто больше водки поставитъ, и за кого замолвитъ слово кабатчикъ. Савва возитъ водку изъ винокурни въ кабакъ, каждый разъ напиваясь ею до безпамятства, почему и считаетъ себя принадлежащимъ какъ бы къ администраціи кабачной. Арсеній своровалъ и пропилъ въ кабакѣ двѣ мѣры помѣщичьяго овса, и теперь боится чтобы кабатчикъ его не выдалъ. Антонъ надѣется призанять денегъ рубликовъ пять у кабатчика безъ заклада. Словомъ, весь сходъ оказывается заинтересованнымъ только въ томъ какъ бы не пострадалъ кабатчикъ и какъ бы не навлечь на себя его гнѣва. Но чтобы, съ другой стороны, кабатчику можно было удержать за собою рѣшающее значеніе на сходкахъ, ему необходима самая разнообразная дѣятельность. Прежде всего онъ долженъ имѣть у себя особаго рода учетный и ссудный банкъ, уставъ котораго ему одному извѣстенъ, и измѣненіе котораго сообразно обстоятельствамъ не встрѣчало бы никакихъ затрудненій. Любимую операцію этихъ своеобразныхъ банкировъ составляетъ учетъ претензій однихъ крестьянъ къ другимъ, причемъ учетный процентъ никогда не бываетъ менѣе семидесяти, затѣмъ выдача ссудъ натурой подъ обезпеченіе движимости и безъ обезпеченія составляетъ главное занятіе и въ балансѣ наибольшую цифру кабатчика. Выдача ссудъ деньгами производится неохотно, и въ небольшихъ размѣрахъ, и то только по коммиссіи сахарозаводчиковъ, подъ обезпеченіе условія личнаго найма, заключаемаго не иначе какъ въ волостномъ правленіи. Къ банкирскимъ операціямъ нужно причислить также и временное учрежденіе размѣнныхъ кассъ въ родѣ той какую намъ случилось видѣть въ одномъ глухомъ селѣ Подольской губерніи. Это было, если не ошибаемся, въ мартѣ 1871 года, то-есть въ скоромъ времени по полученіи уѣздными казначействами

кредитныхъ билетовъ новаго образца для обмѣна на старые.

Остановясь у сельской корчмы чтобы кормить своихъ тощихъ кляченокъ, нанятый мною возница вошелъ въ корчму чтобы потребовать для меня рюмку водки и сырое яйцо,— все что̀ можно получить въ подобномъ ресторанѣ, и возвратившись началъ разспрашивать дѣйствительно ли чрезъ нѣсколько дней старыхъ кредитокъ принимать совсѣмъ не будутъ и онѣ останутся на рукахъ владѣльцевъ, о чемъ онъ только-что слышалъ въ кабакѣ. Это меня заинтересовало, и я вошелъ туда.

Дюжина крестьянъ смиренно сидѣли по скамьямъ, вертя въ рукахъ кто одинъ, кто нѣсколько кредитныхъ билетовъ. Посрединѣ комнаты, заложа руки за поясъ, важно прохаживался кабатчикъ, конечно Еврей.

Меня тотчасъ обступили; полились вопросы о кредиткахъ. Оказалось что банкиръ ѣздилъ на дняхъ въ городъ и привезъ отуда свѣдѣніе весьма неутѣшительное, что старые кредитные билеты будутъ приниматься казной еще только одну недѣлю, а послѣ будетъ взыскиваться съ предъявителя огромный штрафъ. Такъ какъ имъ некогда ѣхать въ городъ, то они и просятъ Іося Марковича размѣнять ихъ бумажки и даютъ уже за размѣнъ по четвертаку съ рубля, но банкиръ непреклоненъ и менѣе 40 к. не беретъ....

Кромѣ дѣятельности банкирской, кабатчикъ долженъ быть хорошо знакомъ еще съ юриспруденціей, потому что онъ по своему положенію главный и единственный сельскій юрисконсультъ. Онъ даетъ совѣтъ начинать или не начинать извѣстное дѣло, онъ долженъ дать заключеніе о правильности размежевки надѣла. Онъ же долженъ рѣшать ту или другую проблему задаваемую мѣстной власти полицейскимъ управленіемъ или мировымъ посредникомъ. Кабатчикъ посредникъ между крестьянами и помѣщикомъ когда интересы ихъ гдѣ-нибудь столкнутся, и ближайшій и самый выгодный покупщикъ всѣхъ произведеній хозяйства.

Понятно что борьба съ такимъ могущественнымъ учрежденіемъ какъ кабакъ, соединившемъ въ себѣ всѣ самые существенные интересы сельскаго хозяйства и населенія, не легка. Безъ цѣлаго ряда еще и не проектированныхъ до сихъ поръ сельскихъ учрежденій она даже не мыслима. Кабакъ навѣрное одолѣетъ. За отсутствіемъ ссудосберегательныхъ кассъ, кабацкіе банки также необходимы крестьянину какъ и земля,

и изгнанные сегодня изъ кабаковъ, эти банки укроются завтра же въ какой-нибудь еще менѣе досягаемый для надзора уголокъ.

Поэтому, какъ ни кажется цѣлесообразнымъ изгнаніе изъ сельскихъ кабаковъ Евреевъ и устройство ихъ на артельныхъ началахъ, но мѣра эта сама по себѣ не можетъ прекратить зла, и какъ всякая полумѣра можетъ принести результаты обратные тѣмъ для какихъ принимается. Лишь время, съ помощью школы и доброй проповѣди священника, можетъ изгладить воспоминаніе старины и уничтожить ту закваску въ какой родились и воспитывались наши отцы. Уже и теперь, какъ ни коротко еще время сельско-хозяйственнаго переворота, значительная доля молодежи гнушается поведеніемъ пьянствующихъ и сурово отгоняетъ отъ себя во время праздничныхъ забавъ всякаго подпившаго собрата. При такой доброй почвѣ какъ не взойти разумно посѣянному зерну!

Приходитъ весна. Крестьянинъ радъ веснѣ по многимъ причинамъ, но чуть ли не болѣе всего по причинѣ возможности спихнуть скотъ съ готовыхъ кормовъ на общественное пастбище.

Какъ только травка зазеленѣетъ въ полѣ и земля подсохнетъ настолько что нога не вязнетъ, всякій спѣшитъ скорѣе угнать на нее свой скотъ, пока сосѣдъ не истопталъ и не уничтожилъ всего. Всѣ другъ предъ другомъ торопятся занимать побольше нетронутаго еще мѣста, и въ то время когда другія пастбища только-что вошли въ силу, крестьянскія *толоки* оказываются уже уничтоженными и черными будто послѣ пожара. Поднимаются толки о наймѣ общественнаго пастуха, но оказывается что хозяева никакъ не могутъ сговориться между собою, несмотря на то что за уплату пастуху пришлось бы каждому заплатить не болѣе нѣсколькихъ копѣекъ. Пастухъ такъ и остается пунктомъ препирательства на сходахъ, а между тѣмъ крестьянскія пастбищныя земли столтываются скотомъ безъ всякой для него пользы. Получивъ 19го февраля независимое, не только личное, но и экономическое положеніе, крестьяне сами, своимъ неразумнымъ до крайности обращеніемъ съ пастбищами, ставятъ все свое скотоводство въ зависимость отъ владѣльческихъ пастбищъ, закрытіе которыхъ для крестьянскаго скота въ настоящее время было бы рѣшающимъ ударомъ, принудивъ уничтожить милліоны овецъ,

свиней и даже яловники и коровъ. А такое уничтоженіе было бы пагубно для всего крестьянскаго хозяйства. Мелкій скотъ не только приноситъ крестьянину побочный доходъ, но и низводитъ стоимость его содержанія до самой ничтожной цифры. Всю одежду крестьянинъ имѣетъ возможность сдѣлать себѣ самъ, говядину имѣетъ тоже свою; базаръ съ его товарами становится необходимъ крестьянину только для самой незначительной части домашняго обихода. Съ уничтоженіемъ мелкаго скота уничтожаются и эти побочные ресурсы, и все домашнее хозяйство сводится къ положенію или обходиться хлѣбомъ, лукомъ и водой и только, или же покупать все съ базара, что̀ для крестьянина, даже не бѣднаго, прямо невозможно. Понятно что крестьяне дорожатъ своимъ мелкимъ скотомъ, и онъ быстро у нихъ размножается, несмотря на то что пастбищныхъ земель едва хватаетъ для овецъ. Лучшіе хозяева никогда и не разчитываютъ на свои пастбища, а стараются съ осени еще пристроить свой скотъ къ помѣщичьему стаду, за что̀ готовы платить все что̀ ни потребуетъ съ нихъ помѣщикъ, хотя онъ дешево ни въ какомъ случаѣ взять не можетъ, потому что самъ нуждается. Этотъ всеобщій недостатокъ поднялъ въ послѣднее время цѣну на вылась до такой степени что неудобные и не приносившіе прежде никакого дохода косогоры стали въ ряду самыхъ доходныхъ земель владѣльца. За прокормъ пары воловъ, для которыхъ достаточно на цѣлое лѣто одной десятины, крестьяне платятъ четыре рубля, то-есть столько сколько не даетъ иная десятина степнаго сѣнокоса. Помѣщику же трудно передержать скотъ только первое время, до уборки сѣна, послѣ чего для скота могутъ быть открыты луга и лѣсные покосы, отава съ которыхъ никогда не собирается, а стравливается скотомъ. Своихъ толокъ помѣщики никогда не трогаютъ, сохраняя на нихъ траву до того времени когда нужно будетъ пахать на паръ, работая на которомъ скотъ могъ бы найти тутъ же для себя и кормъ.

Выпуская съ весны свой скотъ на пастбища, заплативъ за него помѣщику или обходясь съ грѣхомъ пополамъ своими толоками и не тронутыми сторонками проѣзжихъ дорогъ, поросшихъ пырьною травой, крестьянинъ спокоенъ до осени, но только до осени, потому что далѣе онъ долженъ пустить въ ходъ запасные зимніе кормы. Заготовленіе этихъ кормовъ и привело крестьянъ къ необходимости уничтожить свои сѣно-

косы, засѣвать ихъ яринными хлѣбами, дающими при самомъ бѣдномъ урожаѣ большее количество кормовыхъ средствъ чѣмъ сѣнокосъ, хотя яринная солома и грубѣе, и менѣе питательна чѣмъ сѣно. Но выборъ средствъ еще не во власти нашего хозяина. Еслибы кому-нибудь пришло въ голову засѣять свое поле клеверомъ, эспарцетомъ, тимоѳеевой травой или другимъ кормовымъ растеніемъ и практически показать на дѣлѣ что̀ значитъ клеверное поле для хозяина нуждающагося въ сѣнѣ, то конечно наши крестьяне не задумались бы ввести у себя травосѣяніе прежде даже чѣмъ оно было бы введено въ крупныхъ хозяйствахъ снабженныхъ естественными лугами. Но, увы, такого благодѣтельнаго человѣка у насъ еще нѣтъ, и мы по невѣдѣнію вмѣсто посѣвовъ травы принуждены засѣвать наши сѣнокосы гречей да просомъ, и утѣшаться двумя сотнями снопов съ десятины средняго урожая, дающими по нѣскольку мѣръ зерна. Замѣчательно что при всеобщемъ недостаткѣ сѣна, цѣнъ на него совершенно нѣтъ. Крупный хозяинъ владѣющій огромными лугами, если только не законтрактовалъ свою траву какому-нибудь кавалерійскому полку, можетъ прождать покупщика на свое сѣно нѣсколько лѣтъ, пока засуха или другія обстоятельства не вызовутъ общественнаго бѣдствія въ видѣ безкормицы. Тогда, наоборотъ, сѣно, солома, мякина, овесъ достигаютъ баснословныхъ цѣнъ. Въ 1869 или 70 году, за пудъ сѣна платили по 1 р. и 1 р. 20 к., за мѣшокъ мякины 10 и 20 к., за четверть овса 6 и 7 р. Но это время—время бѣдствія, и не дай Богъ ему часто повторяться. Мелкое сельское хозяйство легче переноситъ и меньше чувствуетъ неурожай продажныхъ хлѣбовъ чѣмъ скотскаго корма. Въ обыкновенное же время, повторяемъ, цѣнъ нѣтъ, а всякая попытка травосѣянія съ цѣлью продажи сѣна потерпѣла бы у насъ неминуемо неудачу.

Между тѣмъ доходность исчисляемая нашими хозяевами съ луговъ до того значительна что стоимость десятины хорошаго сѣнокоса почти вдвое превышаетъ стоимость десятины пахотнаго поля. Несмотря на трудность уловить среднія цѣны на сѣно, колеблющіяся между 20 к. и 1 р. 20 за пудъ, мы постараемся представить разчетъ средней доходности сѣнокосовъ, раздѣляя ихъ на три разряда. Къ первому разряду мы причислимъ заливные луга, расположенные на низменностяхъ по теченію рѣкъ, періодически разливающихся. Урожаи такихъ луговъ никогда не бываютъ ниже 80 пуд. съ десятины и

доходятъ до 180, что равняется, принимая среднюю цѣну на сѣно въ 35 k. пудъ и средній урожай только во 100 пуд., валовому доходу въ 35 р. Чистый же доходъ опредѣлится, выключивъ (принимая на одну десятину четыре рабочіе мужскіе дня по 75 коп. и три женскіе по 30 коп.) всего расхода 3 руб. 90 коп.,—въ 31 руб. 10 коп., то-есть ровно втрое болѣе дохода одной десятины пахотнаго поля. Ко второму разряду принадлежатъ сѣнокосы по склонамъ и на днѣ отлогихъ, сухихъ, или съ ничтожными родниками, овраговъ. Эти земли еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ почти вездѣ играли роль исключительно земель пастбищныхъ, и только въ послѣднее время обращены въ сѣнокосы. Средній урожай сѣна на нихъ можно принять въ 40 пуд., что составитъ, подставивъ предыдущія цифры, чистаго дохода 10 руб. 10 коп. и почти равняется доходу отъ пашни. Наконецъ третій и послѣдній разрядъ составляютъ степные сѣнокосы, по качеству и мѣстоположенію своему ничѣмъ не отличающіеся отъ пахотныхъ полей. Это тѣ же пашни, но только запущенныя, въ ожиданіи могущей вырости на нихъ травы. Въ дѣйствительности, впрочемъ, ихъ нынѣ почти нѣтъ: они числятся только по спискамъ мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, которыми снабжаются разные любопытствующіе статистическіе комитеты. Правда, еще старики помнятъ то время когда степи сплошь были покрыты травою и притомъ такою высокою что въ ней могли заблудиться волы. Но съ тѣхъ поръ и климатическія, и культурныя условія перемѣнились настолько что бывшее прежде весьма естественнымъ, теперь было бы чудомъ. Чтобы получить теперь сѣно изъ степной почвы нужно послѣ хлѣбныхъ посѣвовъ ждать три и четыре года, въ которые нельзя скосить ни одного стебля, и въ которые поле покрывается исключительно сорными травами, годными развѣ на топливо. Въ продолженіи этихъ карантинныхъ лѣтъ скоту должно быть предоставлено питаться, вмѣсто корма, одною надеждой на кормъ, которая врядъ ли въ состояніи его пропитать до того времени когда новые сѣнокосы дадутъ наконецъ сѣна. Да и дадутъ его въ самомъ ограниченномъ количествѣ. Не говоримъ о сухомъ годѣ,—тогда его совсѣмъ нѣтъ,—но и въ мокрое лѣто его родится такъ мало (пудовъ 15—20) что и косить трудно.

Значительнымъ подспорьемъ въ доставленіи хозяйству кормовыхъ средствъ служатъ еще обширные и многочисленные

такъ-называемые садки, причисляемые въ выкупныхъ актахъ къ усадебнымъ землямъ. Садки эти, изрѣдка засаженные дикими фруктовыми деревьями, въ сущности не что̀ иное какъ сѣнокосы расположенные или около усадебныхъ мѣстъ, или въ лѣсахъ, или наконецъ оазисами среди пахотныхъ полей. Эти-то садки и даютъ мѣстности края тотъ веселый, живой видъ который такъ отличаетъ его отъ унылой, степной Херсонской губерніи. Бо́льшая часть, если не всѣ они, перешли во владѣніе крестьянъ, потому что всѣ они въ то или другое время были заселены тѣмъ или другимъ крестьянскимъ семействомъ. Тѣ изъ нихъ которые расположены среди помѣщичьихъ лѣсовъ въ настоящее время вырублены крестьянами, которыхъ законъ, не допускающій права въѣзда въ лѣсъ, обязалъ выйти изъ чужихъ лѣсовъ со своимъ деревомъ и получить взамѣнъ оставляемой помѣщику земли, равномѣрное количество ея въ пахотныхъ поляхъ. Такимъ образомъ законъ разрубилъ Гордіевъ узелъ непремѣнно возникшихъ бы взаимныхъ неудовольствій двухъ владѣльцевъ, изъ которыхъ одинъ непремѣнно настаивалъ бы на отчужденіи въ свою пользу части имѣнія другаго, хотя бы имѣніе это пошло только подъ устройство отдѣльной проѣздной дороги къ каждому отдѣльно лежащему садку. Доходность садковъ какъ фруктовыхъ разсадниковъ ничтожна даже для крестьянина, но тѣмъ не менѣе никакою землей, за исключеніемъ развѣ только усадебною на которой стоитъ домъ гдѣ онъ родился и выросъ, крестьянинъ не дорожитъ такъ какъ этими пустопорожними съ виду землями, дорожитъ потому уже что онѣ въ большей части случаевъ принадлежатъ не обществу, по круговой порукѣ, а самому крестьянину, и составляютъ его личную собственность съ которой общество свести его не имѣетъ права, и въ которой онъ полный хозяинъ дѣлать все что̀ ему, Ѳомѣ, вздумается, и чего на другихъ земляхъ не позволятъ. Но кромѣ этого весьма вѣскаго обстоятельства, крестьяне дорожатъ своими садками и по другой причинѣ: они получаютъ съ нихъ всегда хорошіе урожаи травы, съ успѣхомъ растущей подъ прикрытіемъ деревьевъ, защищающихъ ее отъ солнечныхъ припековъ. По уборкѣ же сѣна, садокъ представляетъ превосходное пастбище для скота.

Сводя все сказанное, не трудно вывести заключеніе что плачевное состояніе нашего „тосканскаго“ скота объясняется не недостаткомъ производительной силы земли, а главнымъ

образомъ небрежностію, лѣнью * и упорнымъ невѣжествомъ его владѣльцевъ.

Кормоваго матеріала нынѣ собираемаго достаточно было бы вполнѣ не только на то количество скота которое содержится нынѣ сельскими хозяевами, но и на несравненно большее, еслибы только расходъ его производился болѣе разчетливо и при болѣе благопріятныхъ посторонних обстоятельствахъ. Громадная масса уничтожаемой теперь подстилки, которою увеличивается только количество навоза обременяющаго хозяйство, одна могла бы прокормить удовлетворительно весь находящійся теперь на лицо въ хозяйствахъ скотъ, но, конечно, только при условіи хорошаго, теплаго помѣщенія, въ которомъ скотъ не мерзъ бы отъ сквозняго холоднаго вѣтра или не задыхался бы отъ спертаго воздуха и не мокъ отъ просачивающагося сквозь соломенную крышу тающаго снѣга. При этихъ обстоятельствахъ скотъ, стоя по колѣна въ навозѣ, потащитъ къ себѣ подъ ноги изъ яслей не только солому, но и все чтò найдетъ около себя сухаго. То время когда травосѣяніе привьется къ хозяйству и дастъ возможность рядомъ съ улучшеннымъ полеводствомъ завести и скотоводство, будетъ, можно сказать безъ особой натяжки,—для нашего сельскаго хозяйства такимъ же переворотомъ какъ и послѣдствія манифеста 19го февраля. Но пока травосѣяніе еще невыгодно, а убѣжденіе хозяина объ излишествѣ для скота хорошаго сѣна еще непоколебимо твердо сидитъ въ его головѣ, пока скотъ зимой пріучаютъ къ строгой діетѣ, а лѣтомъ бросаютъ на волю Божію кормиться тамъ

* Лѣнь Малоросса вошла въ пословицу; но Малороссъ лѣнивъ не только что-нибудь дѣлать, но даже и говорить. Вотъ напримѣръ образчикъ его разговора. На встрѣчу одинъ другому ѣдутъ два воза, запряженные волами. Изъ глубины ихъ торчатъ двѣ высокія черныя шапки. Равняясь шапки кивнули одна другой. „Тпру!"—„Тпру!"—„Виткиля?" — „Ромны." — „А що?" — „Бычки."—„Скильки?"—"Тридцать."—„Ого!"—„Эге!"—„Гей!"—„Гей!" и разъѣхались. Шапки поняли другъ друга, но понялъ ли что-нибудь читатель? Если нѣтъ, мы объяснимъ. Одинъ спросилъ у другаго откуда онъ ѣдетъ и чтò тамъ дѣлалъ. Тотъ объяснилъ что ѣздилъ въ городъ Ромны продавать бычковъ своихъ и продалъ ихъ за 30 руб. сер., въ чемъ первая шапка усомнилась, но была сейчасъ же вполнѣ убѣждена увѣреніемъ „эге", послѣ чего обѣ шапки не найдя болѣе предмета для разговора погнали своихъ воловъ въ противоположныя стороны.

и тѣмъ что̀ и гдѣ самъ найдетъ для себя, до тѣхъ поръ невозможно ввести никакихъ улучшеній въ хозяйствѣ, по той простой причинѣ что болѣе правильное хозяйство потребуетъ и болѣе здоровыхъ рабочихъ силъ, не подорванныхъ вѣчнымъ голодомъ, чего нынѣшнее хозяйство представить не можетъ.

Чѣмъ болѣе старается хозяинъ развить свое хозяйство, чѣмъ болѣе предназначаетъ онъ къ запашкѣ земли, тѣмъ болѣе его хозяйство принимаетъ видъ аферы, и тѣмъ менѣе можетъ онъ переносить неурожаи безъ чувствительныхъ потерь и даже раззоренія, вслѣдствіе необходимости содержать большое количество слабосильнаго рабочаго скота, кормовъ на который весьма легко можетъ и не хватить. А время аферъ въ нашемъ хозяйствѣ, время быстрой наживы на немъ уже миновало, настаетъ время тугаго дохода, отъ начала до конца основаннаго на тяжеломъ постоянномъ трудѣ, также какъ прежде онъ разчитанъ былъ только на неистощимую производительную силу благодатной земли и даровой трудъ.

Въ послѣднее время возникла благая мысль объ искуственномъ орошеніи здѣшнихъ полей, и сколько намъ извѣстно уже устроилась компанія для этой цѣли. Желая полнаго успѣха предпріятію, нельзя въ то же время не задуматься о трудностяхъ его осуществленія. Въ странахъ гдѣ кряжи горъ, полные родниковъ, далеко высятся надъ пахотными полями и сѣнокосами, орошеніе возможно безъ значительныхъ затратъ; но тамъ гдѣ рѣки всѣ безъ исключенія текутъ въ глубокихъ оврагахъ, прорѣзанныхъ ими въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій, гдѣ глазъ не встрѣчаетъ не только горнаго ручья, но даже никакого возвышенія, тамъ орошеніе полей очевидно потребуетъ громадныхъ сооруженій. Чтобы провести воду на любое поле Херсонской губерніи въ количествѣ достаточномъ для его орошенія придется или поднимать ее на 20 и болѣе саженъ или вести десятки верстъ закрытые водопроводы, перерѣзывая віадуками поперечные глубокіе безводные овраги.

Не въ осужденіе новому проекту ирригаціи да позволено будетъ указать на другой проектъ поднятія производительныхъ силъ Юга, сопряженный, намъ кажется, со значительно меньшими трудностями. Проектъ этотъ не сулитъ быстро сдѣлать край не узнаваемымъ, онъ никого въ отдѣльности не можетъ обогатить, онъ обѣщаетъ пользу только чрезъ четверть или даже полвѣка, не ранѣе, и то подъ условіемъ постояннаго,

хотя и не тяжелаго труда и неусыпной заботливости. Мы говоримъ о разведеніи лѣсовъ.

Правда, наблюденія доказываютъ что чѣмъ далѣе на югъ, чѣмъ открытѣе и суше степи, тѣмъ недолговѣчнѣе мягкія породы дерева. Липа, верба никогда не переживаютъ пятнадцати лѣтъ, хотя и достигаютъ въ эти лѣта размѣровъ почти годныхъ для рубки. Но не нужно забывать что школы такихъ деревьевъ разводились обыкновенно при самыхъ неблагопріятныхъ для нихъ условіяхъ, среди степей не защищенныхъ ни откуда отъ дѣйствія сухихъ степныхъ вѣтровъ. Съ развитіемъ же лѣсоводства, съ занятіемъ подъ лѣсныя пространства все бо́льшаго и бо́льшаго количества земли, эти неблагопріятныя условія должны будутъ исчезать въ геометрической прогрессіи. Лѣса, содѣйствуя доставленію землѣ необходимой влаги, дали бы хозяйству необходимый матеріалъ, и защитили бы поля отъ господства вѣтровъ и выдуванія молодыхъ посѣвовъ, главной причины, послѣ засухи, постоянныхъ неурожаевъ края.

Но прежде чѣмъ разводить на бумагѣ громадные лѣса, приходится пока сожалѣть на той же бумагѣ о ихъ конечномъ истребленіи. Куда бы вы ни поѣхали по юго-западному краю, вездѣ встрѣчаете слѣды корчевки, вездѣ воспоминанія какъ изъ одного села въ другое ходили люди сплошными лѣсами по тѣмъ самымъ мѣстамъ гдѣ теперь нельзя найти и кустарника, а лишь одно сплошное пахотное поле. Еще лѣтъ двадцать-тридцать назадъ, до размноженія сахарныхъ заводовъ, край могъ похвалиться вѣковыми громадными лѣсами, тянувшимися на десятки верстъ. Съ уменьшеніемъ лѣсовъ, цѣны на дрова поднялись втрое за послѣднія двадцать лѣтъ. Какъ прежде, смотря по мѣстности, можно было купить на мѣстѣ въ лѣсу кубическую сажень за 3 и до 6 руб., такъ теперь за ту же сажень менѣе 10—18 заплатить нельзя. Всякій заводъ старается теперь обезпечить себя горючимъ матеріаломъ, и съ этою цѣлью многіе изъ нихъ скупаютъ цѣлыя имѣнія гдѣ есть еще нетронутые лѣса. Пользуясь обстоятельствами, заводчики скупали продававшіеся съ торговъ имѣнія со сбереженными лѣсами. Это сподручное средство вести сахарovареніе въ мѣстности повидимому лишенной топлива такъ дѣйствительно что сахарные заводы и не помышляютъ еще о скорой возможности остаться безъ него и вовсе не заботятся объ изысканіи средствъ замѣнить дрова какимъ-либо другимъ горючимъ матеріаломъ. Только одинъ заводъ, сколько намъ из-

вѣстно, ввелъ у себя вмѣсто дровъ торфъ, но только вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ въ которыя его поставила судьба. Онъ находится въ центрѣ владѣній заводчика-помѣщика, которому принадлежатъ всѣ земли на 60—80 верстъ въ окружности и которому поэтому приходится топить свой заводъ исключительно своими же дровами. Безъ такого особеннаго обстоятельства и этотъ заводъ какъ другіе уничтожалъ бы дрова. На спасеніе остающагося еще въ краѣ лѣса выступило Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита со своимъ уставомъ и выдачею долгосрочныхъ ссудъ подъ лѣса съ отобраніемъ отъ залогодателей подписки о непремѣнномъ введеніи въ нихъ правильной лѣсосѣчной рубки, оборотъ которой назначается соображаясь съ породой дерева и скоростью его роста. Это пока единственный благодѣтельный тормазъ. Онъ можетъ оказать тѣмъ болѣе могущественное дѣйствіе что покупатели имѣній, съ малыми исключеніями, не обходятся безъ залога ихъ въ Общество и слѣдовательно выдачи обязательства на неприкосновенность покупаемыхъ лѣсовъ.

Такимъ образомъ съ развитіемъ дѣлъ Общества, край нѣсколько гарантируется отъ полнаго обезлѣсенія, хотя и относительно правилъ установленныхъ Обществомъ можно пожелать еще многаго лучшаго.

Между прочимъ укажемъ на правило Общества которымъ узаконяется пріемъ въ залогъ молодыхъ лѣсныхъ порослей какъ кустарника. Правило это Общество, еслибъ и пожелало, не могло бы совсѣмъ вычеркнуть изъ своего устава, но оно могло бы ограничить его до размѣровъ безвредныхъ для хозяйства. Въ настоящее время Общество почти не входитъ въ разборъ того принадлежитъ ли растущій молодой лѣсъ къ числу тѣхъ породъ которыя выростаютъ до размѣровъ годныхъ на дрова или постройки, или же, какъ напримѣръ орѣшникъ, который не перерастаетъ никогда извѣстныхъ размѣровъ и идетъ исключительно какъ хворостъ. Опредѣленіе того или другаго рода кустарника принадлежитъ въ настоящее время исключительно залогодателю, который конечно, чтобы воспользоваться большею ссудой, такъ какъ доходность кустарника превышаетъ доходность вырубленнаго лѣса, * всегда относитъ свои молодыя

* Разницу доходности отъ кустарника и вырубовъ можно видѣть изъ слѣдующаго разчета. Отъ одной десятины кустарника при десятилѣтнемъ оборотѣ рубки:

поросли къ числу кустарниковъ, избѣгая такимъ образомъ обязательства 40—60ти-лѣтняго оборота рубки и уменьшая его до 10—15 лѣтъ. Это обстоятельство ограничиваетъ дѣйствіе правилъ Общества только лѣсами которые еще не вырублены и на которые оно успѣло наложить свое veto. Еслибъ Общество принимало съ большею разборчивостью и осмотрительностью кустарники и назначало бы короткіе обороты рубки только для тѣхъ породъ которыя безспорно не могутъ переживать долгое время роста строеваго лѣса, какъ напримѣръ орѣшникъ и лоза, то принесло бы краю двойную услугу, не только сохранивъ ему уцѣлѣвшіе еще лѣса, но и защитивъ отъ конечнаго истребленія молодыя поросли, которыя подъ его охраной поднялись бы снова и оградили край отъ участи постигшей Херсонскую губернію.

Хотя препятствія неразрывно связанныя съ каждымъ шагомъ Общества клонящимся къ уменьшенію выдаваемыхъ ссудъ встрѣтились бы и здѣсь, но по самому характеру своему были бы легко преоборимы. Первое и главное препятствіе—выдѣленіе заемщиками изъ залоговъ бездоходныхъ, а потому и малоцѣнныхъ порубокъ, могло бы быть устранено установленіемъ для нихъ оцѣнки не подоходной, а на основаніи капитальной стоимости, что̀ дало бы возможность отклонить эти земли отъ выдѣла изъ залога.

Второе обстоятельство обусловливается характеромъ нашихъ лѣсовъ. Здѣсь нельзя найти лѣса въ которомъ не были бы перемѣшаны всевозможныя породы дерева: липа, ясень, кленъ, дубъ, орѣшникъ, береза, верба, всевозможныя дикія

За двѣнадцать возовъ хвороста по 3 руб. за возъ, итого 36 руб., или въ годъ...........................	3 р. 60 к.
За пастьбу скота одной головы крупнаго или двухъ мелкаго......	2 р. — „
	5 р. 60 к.
От одной десятины вырубовъ:	
За хворостъ при чисткѣ лѣса каждыя десять лѣтъ за девять возовъ по 2 руб. 50 коп.—22 руб. 50 коп. или въ годъ....................	2 р. 25 к.
Скота въ молодой лѣсъ не пускаютъ.	
	2 р. 25 к.

Сопоставленіе этихъ двухъ цифръ достаточно объясняетъ намъ стремленіе залогодателей предъявлять къ залогу свои поруби какъ кустарники.

фруктовыя деревья, все это дружно растетъ одно подлѣ другаго, такъ что нельзя подѣлать лѣсосѣки и остается производить только выборочную рубку. Сплошные однопородные лѣса можно встрѣтить только дубовые, такъ-называемое рѣдкодубье. Еслибъ Общество не обращало вниманія на присутствіе въ смѣшанныхъ лѣсахъ кустарныхъ породъ и не включало ихъ вовсе въ оборотъ рубки, то отъ этого ни оно, ни хозяйство не пострадало бы даже въ томъ случаѣ еслибы такой кустарникъ былъ и совсѣмъ уничтоженъ. Отъ этого уничтоженія выигралъ бы ростъ строеваго дерева.

Посмотримъ теперь какой доходъ получается въ настоящее время владѣльцами отъ своихъ лѣсовъ и можетъ ли онъ своею значительностью служить сдерживающимъ началомъ при денежныхъ разчетахъ основанныхъ на вырубкѣ и продажѣ лѣса огуломъ.

Не будемъ говорить о лѣсахъ старыхъ, вѣковыхъ, рубка которыхъ производилась не на памяти настоящаго поколѣнія. При рубкѣ такого лѣса, съ одной десятины получается отъ двадцати пяти до сорока саженъ дровъ, что̀ составляетъ капиталъ, за отчисленіемъ всѣхъ расходовъ на рубку, отъ 250 до 400 р. съ десятины. Оставлять такой лѣсъ на корнѣ владѣлецъ считаетъ для себя невыгоднымъ и равносильнымъ оставленію полезнаго капитала мертвымъ. Представленный здѣсь разчетъ относится къ лѣсамъ которые, будучи почему-либо вырублены лѣтъ пятьдесятъ назадъ, теперь рубятся вторично, что̀ намъ случалось видѣть не разъ.

Предполагаемъ лѣсъ обыкновенный, пятидесяти-лѣтняго возраста, смѣшанный дровяной, съ небольшимъ количествомъ дерева годнаго въ поштучную продажу.

Дохода съ одной десятины такого лѣса получается:

Отъ 12 саж. дровъ по 10 р.—120 р. или раздѣляя на пятьдесятъ, въ годъ 120 р. (50)	2 р.	40 k.
Отъ хвороста при чисткѣ каждыя 10 лѣтъ половины лѣса, то-есть за 5 возовъ по 2 р. 50 k.—12 р. 50 k. или раздѣляя на пятьдесятъ, въ годъ....................	—	„	25 „
Отъ 25 деревъ, по 1 р. 20 k. за штуку 30 р. или въ годъ	—	„	60 „
Итого ...	3	„	25 „

Расходъ:

Лѣсному сторожу со 150 дес. 120 р. въ годъ или съ десятины	—	„	80 „
Чистаго дохода....	2	„	45 „

То-есть вдвое менѣе чѣмъ отъ кустарника и какъ отъ чистки молодой поросли.

Полагаемъ, эта цифра достаточно ясно показываетъ какъ не великъ еще у насъ доходъ отъ правильнаго лѣсосѣчнаго хозяйства и какъ мало онъ можетъ удержать владѣльца отъ перемѣщенія капитала въ другое, болѣе прибыльное имущество. И дѣйствительно, принимая въ соображеніе общіе расходы по имѣнію, которые мы не включили въ предыдущій разчетъ, чистый доходъ отъ лѣса сокращается такъ что почти равняется нулю. Нужны едва ли не тройныя цѣны на дерево чтобы сравнять лѣса относительно доходности съ остальными землями владѣльца.

Мы только-что упомянули объ общихъ расходахъ хозяйства. Мы подразумѣваемъ здѣсь расходы на управленіе и присмотръ за имѣніемъ, содержаніе и ремонтъ хозяйственныхъ построекъ и дорогъ, и наконецъ повинности которыми обложена поземельная собственность. Разберемъ ихъ по порядку.

Управленіе крупныхъ хозяйствъ, не отданныхъ въ аренду, непремѣнно требуетъ человѣка прежде всего честнаго, дѣятельнаго и близко знакомаго съ хозяйствомъ. Знакомство съ дѣломъ мы поставили послѣднимъ качествомъ, — хотя, казалось бы, оно должно быть первымъ, — по той причинѣ что хозяйство здѣшнее, по своей крайней простотѣ, никого не затрудняетъ. Гораздо труднѣе отыскать человѣка удовлетворяющаго двумъ первымъ условіямъ, и чѣмъ мельче имѣніе, тѣмъ дороже относительная цѣнность этихъ качествъ. Такъ, принимая среднюю величину имѣній на какія край въ настоящее время раздѣленъ въ 1.000 дес., управляющему, или, правильнѣе, прикащику нужно заплатить деньгами и натурой, то-есть зерномъ, мукой, дровами, не менѣе 600 р. въ годъ, что̀ составитъ на десятину 60 к., затѣмъ въ помощь ему дается не менѣе одного прикащика для надзора за рабочими и полѣсовщиками, для посылокъ и исполненія мелкихъ порученій, съ жалованьемъ и содержаніемъ во 160 р. въ годъ, то-есть на десятину 16 к., или всего по управленію не менѣе 74 к. съ десятины. Ремонтъ хозяйственныхъ построекъ самыхъ необходимыхъ можетъ быть опредѣленъ вслѣдствіе ихъ хронически-дурнаго состоянія не менѣе какъ 15% стоимости, или, принимая нижеслѣдующую оцѣнку построекъ въ 1.840 р., ремонтъ обойдется не менѣе какъ въ 276 р., или съ десятины около 28 к.

Вотъ обыкновенныя постройки и ихъ стоимость:

Домъ управляющаго	500 р.
Хата прикащика и рабочихъ	150 „
„ полѣсовщиковъ	50 „
Клуня съ молотильною машиной	750 „
Магазинъ для хлѣба	50 „
Кладовая	75 „
Сарай для земледѣльческихъ орудій	95 „
„ „ скота	100 „
Кузница	30 „
Погребъ	50 „
Сарай для мелкаго скота и птицы	10 „
Итого	1.840 „

15% этой суммы составитъ 276 р.

Ремонтъ дорогъ хотя повидимому и долженъ бы составлять необходимый и притомъ немаловажный расходъ для хозяйства, но въ дѣйствительности онъ поражаетъ своею скромною цифрой, да и этотъ миніатюрный расходъ обязанъ своимъ существованіемъ только настойчивости земской полиціи, понуждающей каждое имѣніе давать матеріалъ и починять участокъ какой-нибудь пролегающей иногда въ 30 верстахъ и болѣе грунтовой почтовой дороги, расходъ на который не превышаетъ 2—3 р. въ годъ. Своихъ же дорогъ ведущихъ изъ усадьбы на поля никто и никогда не чинитъ, а если какая испортится до невозможности по ней передвигать что-либо, то прокладываютъ новую дорогу рядомъ, а старую или запахиваютъ, или просто бросаютъ, относя землю подъ нею къ числу неудобной. Наконецъ, ко всѣмъ этимъ расходамъ нужно прибавить еще расходъ на земельныя повинности. Ихъ у насъ пока не много, всего около 10 к. съ десятины, считая и губернскія и частныя дворянскія и другія.

Такимъ образомъ общая сумма расходовъ по имѣнію, какъ-то: по управленію 74 к., по постройкамъ 28 и по повинностямъ 10 к., составитъ цифру въ 1 р. 12 к., которые уплачиваются имѣніемъ независимо отъ введеннаго въ немъ способа хозяйства. Теперь посмотримъ бюджетъ крестьянина. Беремъ крестьянина средней руки, не богатаго и не бѣднаго, обрабатывающаго весь свой надѣлъ своими средствами, * имѣющаго два

* Освобожденіе крестьянъ неравномѣрно распредѣлило благосостояніе между ними. Тѣ изъ нихъ что и при крѣпостномъ правѣ обладали нѣкоторою долей благосостоянія и рабочей силы, по освобожденіи стали быстро богатѣть; тѣ же, напротивъ, которыхъ

вола, двѣ лошади, одну корову, десять овецъ, трехъ свиней и штукъ двадцать разной домашней птицы. Семейство состоитъ изъ двухъ работниковъ, двухъ работницъ и двухъ неработниковъ. Въ надѣлѣ имѣется пахоти шесть десятинъ, сѣнокоса одна десятина и подъ усадьбой одна десятина. У помѣщика нанимается ежегодно подъ посѣвъ три десятины.

Дохода получается:

Отъ четырехъ дес. ржи по 28 р. съ дес.	112 р.*	— k.
Отъ одной десятины гречихи. Отъ одной десятины проса. Отъ $^1/_2$ дес. овса. } Идетъ на наше потребленіе собственно.		
Отъ $^1/_2$ дес. ячменя по 11 р.......	5 р.	50 k.
За десять дней мужскихъ рабочихъ на уборкѣ помѣщичьихъ сѣнокосовъ по 75 k.	7 „	50 „
За двадцать дней женскихъ по 30 k.............	6 „	— „
За двадцать дней мужскихъ на уборкѣ помѣщичьихъ хлѣбовъ по 75 k.............	15 „	— „
За двадцать женскихъ по 30 k.	6 „	— „
За десять дней со скотомъ на свозкѣ помѣщичьяго хлѣба по 1 руб....	10 „	— „
За 50 дней муж. зимн. при молотьбѣ помѣщичьяго хлѣба по 30 k........	15 „	— „
За 50 дней женск. по 20 k.......	10 „	— „
За 15 дней со скотомъ на разныхъ работахъ (подвозъ дровъ и лѣса, доставка помѣщичьяго зерна и пр.) по 50 коп...	7 „	50 „
Отъ продажи трехъ овецъ—6 р., двухъ свиней—14 р., одного теленка—5 р., разной птицы на 2 р.........	27 „	— „
Итого.................	221 „	50 „

освобожденіе застало неприготовленными къ самостоятельному веденію хозяйства, то-есть безъ скота и работниковъ, еще болѣе обѣднѣли, потерявъ въ помѣщикахъ своихъ послѣднихъ естественныхъ покровителей и подпавъ подъ власть своей же братіи богатыхъ крестьянъ, которымъ они, какъ не имѣющіе скота, принуждены отдавать свои поля для обработки вмѣстѣ со львиною частью урожая. Возвысившіеся съ освобожденіемъ платежи, бывшіе и прежде, и возникшіе вновь, стали не подъ силу этимъ плательщикамъ и запутываютъ ихъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе и все тверже укрѣпляютъ ихъ надѣлы въ чужихъ рукахъ, оставляющихъ имъ только номинальное право владѣнія землей, за которую общество съ нихъ же взыскиваетъ выкупныя деньги. Въ предлагаемомъ разчетѣ мы беремъ крестьянина именно средней руки, не принадлежащаго ни къ первому, ни ко второму разряду.

* См. Письмо первое: доходы полеводства.

Расходъ:

Повинностей разныхъ..............................	48 р.	— k.
За наемъ трехъ дес. у помѣщика по 6 р............	18 „	— „
Ремонтъ рабочаго скота 3% со стоимости воловъ, 2 р. 40 k., и 15% стоимости лошадей, 6 р............	8 „	40 „
Ремонтъ желѣзн. част. земл. орудій................	2 „	30 „
Ремонтъ построекъ (за лѣсъ помѣщику)............	3 „	— „
Расходы по домоводству:		
За 14 четв. ржи по 4 р............................	56 „	— „
(Засѣваемые гречиха, просо, полба, картофель, овесъ, сѣно, огородные овощи идутъ цѣликомъ на потребленіе самого хозяйства, равно какъ и конопли, изъ которыхъ получается масло и пеньковыя ткани.)		
Разная одежда, женскія платья, обувь, окупаются женскимъ зимнимъ рукодѣліемъ и продажею овечьей шерсти.		
Расходы на церковь и исполненіе церковныхъ требъ	4 „	— „
Итого..................	139 „	70 „

Слѣдовательно, въ остаткѣ у крестьянина должно ежегодно оказываться около 81 р. 80 k. Но ихъ никогда не бываетъ, ибо мы не считали податей платимыхъ отечественному кабаку и принимали въ соображеніе трудолюбіе, въ чемъ можетъ оказаться недочетъ на крупный процентъ высчитаннаго дохода.

Въ настоящемъ очеркѣ мы говорили о скотоводствѣ въ смыслѣ ухода и отчасти разведенія рабочаго скота, и смотрѣли на него исключительно съ точки зрѣнія землепашества, принимая скотъ какъ нашу главную полевую рабочую силу. Говорить о скотоводствѣ въ тѣсномъ смыслѣ, то-есть о молочномъ хозяйствѣ, значило бы будить только воспоминанія о тѣхъ прекрасныхъ венгерскихъ и холмогорскихъ быкахъ и коровахъ которыми гордились когда-то наши хозяева и которые снабжали хозяйства крупнымъ и сильнымъ скотомъ, говорить объ этомъ можно только какъ о невозвратимомъ минувшемъ. Но не нужно думать что хозяева не раздѣляютъ нашихъ сожалѣній, что они равнодушны къ участи постигшей отечественное скотоводство, что они не желали бы вернуть прошлое. Напротивъ, всѣ кто держалъ у себя хотя и небольшое стадо съ радостью завелъ бы его снова, еслибы только содержаніе не было такъ вопіюще дорого и убытокъ отъ молочнаго хозяйства не былъ такъ ощутителенъ для хозяйскаго кармана.

Трудно вѣрится, но тѣмъ не менѣе справедливо, что молочные продукты у насъ на мѣстѣ, въ деревнѣ, дороже чѣмъ на любомъ столичномъ рынкѣ. Пудъ скввернѣйшаго соленаго масла, которое въ столицахъ не дороже 8—9 р., у насъ стоитъ 12 р. Желающіе имѣть хорошее свѣжее масло должны платить первую затребованную цѣну. Творогъ или молоко нужно заказывать заранѣе мелкимъ молочницамъ, живущимъ по мѣстечкамъ и городамъ, уплачивая заранѣе деньги и не зная что̀ еще за нихъ придется получить. Чтобы понять почему при такихъ высокихъ цѣнахъ на молочные продукты молочное хозяйство даетъ дефициты, сто̀итъ вспомнить только что у насъ, напримѣръ, приготовленіе русскаго масла никому не извѣстно, что найти женщину умѣющую хорошо выдоить корову и не испортить ее почти невозможно; не говоримъ уже о хорошемъ уходѣ за скотомъ. Чтобы корова дала ведро молока въ сутки, объ этомъ вѣрно никто и не слыхивалъ кромѣ, конечно, колонистовъ, ведущихъ правильное хозяйство и улучшающихъ на своихъ фермахъ нашъ обыкновенный стелной скотъ до результатовъ замѣчательныхъ.

П. ПАРѲЕНОВЪ.

БОЛГАРІЯ*

СЛАВЯНСКАЯ ПОВѢСТЬ.

МИХАИЛА ЧАЙКОВСКАГО (САДЫКЪ-ПАШИ).

Болгарская церковь.

Милошъ сербскій, отдѣлившись отъ Георгія Чернаго, который былъ ему не подъ пару, воевалъ одинъ съ дагіями, спагіями и янычарами, во имя султана Махмуда и на благо Сербіи. Послѣ каждой побѣды онъ слалъ въ Царьградъ гонца съ донесеніемъ:—„Царь мой и повелитель! во имя твое, великій и могущественный падишахъ, я довершаю твое дѣло, истребляю, насколько хватаетъ силъ и умѣнья, враговъ твоего государства и престола, которыхъ дерзость и своеволіе ты укротилъ; подъ твоею всемогущею охраною милосердый Богъ дозволитъ мнѣ, твоему вѣрнѣйшему подданному, довести до желанной цѣли твое великое дѣло.“ Затѣмъ Милошъ перечислялъ свои побѣды въ Шумадіи, на Савѣ и на Моравѣ:—какъ онъ изгналъ изъ Бѣлграда вѣроломнаго визиря, который вошелъ въ соглашеніе съ дагіями и янычарами; какъ во всѣхъ нахіяхъ, во всѣхъ городахъ господствуютъ Сербы, вѣрные своему царю, готовые по повелѣнію султана

* Окончаніе. См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 6, 7, 8, 9 и 10.

жертвовать жизнію и проливать свою кровь. Донесенія кончались словами: „могущественный и милостивый царь нашъ! пожалуй насъ твоею лаской и твоимъ покровительствомъ; повелѣвай нами: мы всѣмъ готовы жертвовать для престола и государства“. Пылкая славянская душа, молодой болгарскій священникъ, по имени Неофитъ,* отправился изъ Рыльскаго монастыря, какъ на святое богомолье, посмотрѣть Милоша сербскаго, котораго онъ въ сердцѣ своемъ называлъ Милошемъ славянскимъ.

Съ добрымъ упованіемъ восторгался Неофитъ подвигами которые совершалъ Милошъ во имя султана Махмуда, единственнаго по женскому колѣну потомка Неманичей, которыхъ родъ далъ Сербіи великихъ царей Стефана, Душана и Лазаря. Въ Рыльскомъ монастырѣ онъ, въ дѣтскомъ возрастѣ, питалъ свою душу исторіей, преданіями и сказаніями и учился читать по заплѣснѣвшимъ рукописямъ. Лучшею его забавой было слушать бесѣды старыхъ монаховъ о давней Болгаріи; онъ услаждалъ свое сердце пѣснями о султаншѣ Милицѣ, дочери царя Лазаря и женѣ Баязида, о могуществѣ болгарскаго патріарха Охриды, о молитвахъ въ болгарскихъ церквахъ на языкѣ Кирилла и Меѳодія, о войнахъ древней Болгаріи съ византійскими кесарями, съ Греками, о братскомъ союзѣ Болгаръ, этихъ ославяненныхъ Гунновъ, съ Славянами Сербами.

Неофитъ возложилъ на себя апостольское служеніе для убѣжденія Болгаръ и всѣхъ Славянъ стародавнихъ владѣній царей изъ рода Неманичей въ томъ что султаны, потомки Османа и Оркана, ихъ единственные законные цари; что нѣтъ для нихъ другихъ царей на Божьемъ свѣтѣ, потому что только въ султанахъ течетъ славянская кровь, кровь Стефановъ и Душановъ; что церковь и государство должны быть славянскими; что первые внесли въ ихъ край Христову вѣру святой Кириллъ и святой Меѳодій; что Богъ послалъ этихъ святителей для распространенія вѣры во Христа Сына Божія на

* Повѣсть о Неофитѣ и Иларіонѣ не вымышленная — они хотѣли чтобы Болгарія осталась Болгаріей, съ царемъ султаномъ, потомкомъ Неманичей. Греки, а можетъ-быть и покровительствующія державы, исказили эту первоначальную мысль, удобоосуществимую и полезную для Порты. Изъ нея возникла другая мысль — о церковной автономіи съ экзархомъ, которая можетъ-быть приведетъ къ народной автономіи подъ управленіемъ нѣмецкаго принца.

языкѣ славянскомъ; что Греки со временъ Троянской войны были самыми лютыми врагами Славянъ.

Проникнутый чувствомъ своего апостольства взиралъ Неофитъ на дѣянія Милоша Сербскаго, и пока послѣдній исполнялъ волю султана Махмуда, побивалъ, раззорялъ и разгонялъ бунтовавшихъ дагіевъ, янычаръ и спагіевъ, онъ писалъ и печаталъ для народа книжки о правѣ султановъ Османовъ на славянское царство Неманичей. Еще и теперь сербскія дѣти учатся читать по этимъ книжкамъ и почерпаютъ изъ нихъ первыя понятія о правѣ султановъ, о которомъ султанское правительство и слышать не хочетъ.

Послѣ первой бѣды постигшей Милоша, Неофитъ не могъ оставаться въ Сербіи, которая начинала нѣмечиться; его выжили изъ Бѣлграда нѣмецкіе болтуны и полиція, прислуживающая своими шпіонами подпольнымъ злоупотребленіямъ правительства и устроенная по образу и подобію іезуитской инквизиціи.

Неофитъ вернулся въ Рыльскій монастырь и оттуда разносилъ свою проповѣдь изъ села въ село. Всюду его выслушивали, но не вполнѣ понимали, даже боялись понимать; тѣмъ не менѣе не всѣ слова раздавшіяся въ ушахъ пропадали безслѣдно. Какъ пастухи и косматыя собаки преслѣдуютъ волка отъ овчарни до овчарни, такъ гнали Неофита деспоты, архиреи и протосингелы. Избравъ себѣ въ Геленѣ ученикомъ священника Иларіона, юнаго духомъ и годами, пылкаго сердцемъ, онъ вмѣстѣ съ нимъ пришелъ въ Царьградъ.

Оба священника были богато одарены краснорѣчіемъ, несокрушимою вѣрой—и только. Съ ихъ помощію они добрались до Византіи, которая сдѣлавшись Константинополемъ, Истамболомъ, Стамбуломъ, не перемѣнила своихъ обычаевъ и привычекъ, также какъ не отступитъ отъ нихъ и тогда когда будетъ Царьградомъ, если только суждено этому сбыться; потому что тамъ завелся и по сіе время держится Фанаръ, почерпающій новыя силы въ армянскомъ Эчміадзинѣ, откуда получаются предписанія противъ султанскихъ законовъ, потому что Греки и Армяне торгуютъ Высокою Портой.

Но и въ Византіи не все попадаетъ въ руки Грековъ и Армянъ. Бѣдные священники нашли Славянина, польскаго шляхтича, который представилъ ихъ двумъ тогдашнимъ государственнымъ сановникамъ. Одинъ изъ нихъ былъ Гассанъ

Риза-паша, сераскиръ надъ сераскирами, пользовавшійся довѣріемъ султана, человѣкъ рѣшительный и дѣятельный. Другой былъ Мегмедъ Али-паша, начальникъ артиллеріи, зять султана, благодушный, привѣтливый, доступный и щедрый, настоящій мусульманскій вельможа, не говорившій словъ на вѣтеръ и не шутившій своими обѣщаніями. Кто прибѣгалъ подъ его крыло, о томъ онъ заботился, и что̀ обѣщалъ то исполнялъ. Они оба взяли подъ свое покровительство священниковъ. Хотя они были мусульмане и оттоманы, но они уразумѣли христіанскія и славянскія слова—за государство и престолъ.

Бѣдные священники, какъ будто какія-то власти, тотчасъ вступили въ состязаніе съ греческимъ патріархатомъ и повели споръ. Но счастіе обращается какъ колесо; оба могущественные покровители болгарскаго дѣла пали, на верхъ поднялись другіе люди которые выступили защитниками патріархата. Логоѳетъ Аристархи-бей и драгоманъ Ханджери-бей, столбы Фанара, приняли участіе въ игрѣ: ставка была крупная, цѣлыхъ четыре милліона Болгаръ — должны ли они огречиться, какъ будущій народъ будущей Византійской имперіи, или же остаться Болгарами, и еще болѣе ославяниться для служенія оттоманскимъ султанамъ, потомкамъ и наслѣдникамъ царей славянскихъ по женскому колѣну? Просьбы и угрозы Фанара и дары патріархата наконецъ превозмогли. По духовному праву, съ соизволенія Высокой Порты, оба Болгарина приговорены къ изгнанію и сосланы на Святую Гору, гдѣ Неофитъ и скончался въ Хилендарскомъ монастырѣ.

Политиканы захватили дѣло въ свои руки. Профессора, доктора, торговцы и беи хорошо понимали какіе Греки вымогаютъ себѣ доходы съ болгарской церкви и думали: не дурно бы было получать ихъ намъ; а такъ какъ они не полагались на свои силы для борьбы съ Греками, съ Фанаромъ, то они догадались войти въ соглашеніе съ консулами покровительствующихъ державъ. Они повели свое дѣло такъ ловко что одинъ изъ консуловъ сказалъ себѣ: если Болгары отдалятся отъ греческой церкви, то оставшись одни они волей-неволей обратятся къ католицизму; какая будетъ для меня слава и предъ императоромъ и предъ папой! Другой подумалъ: отчего жь бы имъ не сдѣлаться протестантами? труденъ только первый шагъ, а потомъ все пойдетъ какъ по маслу; пусть

только протестуютъ; какое торжество для королевы и для моего великаго народа! Тогда протестантству не трудно будетъ привлечь къ христіанской вѣрѣ и мусульманъ; къ тому же кто подмазываетъ тотъ и катится. Сильный этою поговоркой консулъ началъ себя подмазывать золотою мазью; бралъ натурою, займами, припасами и подарками; покровительство оказалось выгодно, полетѣли донесенія посламъ и правительствамъ объ этомъ великомъ событіи, и у Высокой Порты исходатайствовано разрѣшеніе открыть признанный и законный комитетъ.

Комитетъ сталъ у кормила религіознаго движенія, а такъ какъ совѣтниками его были консулы, канцеляристы и драгоманы, то мало-по-малу онъ подчинилъ своему вѣдѣнію и политическія дѣла Болгаріи, чтобъ они тоже не ускользнули отъ его заботливаго вниманія.

Еслибы старый Неофитъ могъ воскреснуть, онъ растерялся бы среди хитросплетеній и подмостковъ при помощи которыхъ старались соорудить зданіе на его славянскомъ фундаментѣ. Вмѣсто болгарскаго патріархата, придумали — чтобы волкъ былъ сытъ и овцы цѣлы — установить какой-то экзархатъ, который попрежнему торговалъ бы епископскими митрами и духовнымъ управленіемъ церкви, попрежвему собиралъ бы подати, дани и церковныя приношенія, только не руками Грековъ, а руками Царанъ или Болгаръ. Церковь съ виду будетъ болгарская, но безъ болгарскаго патріарха.

Отвернувшись отъ султана, настоящаго царя по крови, благорасположеннаго къ родственному ему народу, комитетъ, умудряясь капитуляціями съ иностранными державами, устремился къ болгарской автономіи.

Таковъ былъ признанный и законный комитетъ; къ нему тихомолкомъ и втайнѣ обращались комитеты непризнанные и незаконные, но существующіе и дѣятельные.

Молодой Данко Казанскій добрался до этого комитета; его приняли привѣтливо, увѣрили въ братскомъ расположеніи, обо всемъ разспросили, но рѣшительнаго отвѣта не дали. Ему показали какъ пріучаютъ дѣтей ненавидѣть турецкое, не христіанское ярмо, какія книжки, сочиненія и евангелія разсылаютъ по краю, какъ удерживаютъ Болгарскій народъ отъ сближенія съ казаками, потому что казаки войско султанское-христіанское подъ мусульманскимъ знаменемъ и правительствомъ, потому что казаки и драгуны, съ ихъ славян-

скою командою и славянскимъ духомъ, какъ соль щиплютъ глаза комитету и Туркамъ, потому что казаки люди простые, привыкшіе чтить старые порядки, привержены къ султану и усердно ему служатъ, а комитету это не нравится, ибо комитетъ желаетъ автономіи, казаки же для этой автономіи главная помѣха. Дѣйствовали такъ успѣшно что Высокая Порта, въ своей премудрости, уже покушалась заподозрить казачество и уничтожить въ немъ славянскій духъ. Когда Порта совершитъ этотъ подвигъ, тогда главное препятствіе для дѣятельности комитетовъ будетъ устранено, останется только увлечь простой народъ, громаду, и тогда придетъ время дѣйствовать открыто; покуда же всего лучше вліять чрезъ священниковъ или газетчиковъ и содѣйствовать автономіи молитвами и разными изданіями.

Хотѣли сдѣлать юнака Данка попомъ или газетнымъ борзописцемъ, но ему это было не по душѣ, хотя онъ и не могъ идти въ казаки, потому что ему наговорили о нихъ такъ много дурнаго и очень отсовѣтывали. Самъ онъ видѣлъ что казаки войско хоть и славянское, но мусульманскаго государя, онъ же воспитанъ и настроенъ въ чувствахъ, мысляхъ и стремленіяхъ къ освобожденію христіанъ отъ ига невѣрныхъ сыновъ Агари. Для этого учреждены комитеты, и его выслалъ комитетъ; слѣдовательно, онъ долженъ остаться юнакомъ; жребій брошенъ—разъ родила мать, разъ и умирать. Къ тому же ему слышался задушевный шопотъ монахини еще не обрученной Христу и Божіей Матери, а обрученной Болгаріи; если онъ останется ея юнакомъ, то кто вѣдаетъ чему быть впереди? Кто ни на что̀ не отваживается, тотъ ничего и не выигрываетъ. Данко любилъ Болгарку какъ любилъ ее болгарскій витязь Хаджи Дмитрій. Онъ прекратилъ переговоры съ комитетомъ и выѣхалъ обратно въ Балканы.

Ѣхалъ по Болгаріи молодой Данко съ двумя товарищами, приставленными къ нему законнымъ комитетомъ чтобы показать ему край. Изъ каждаго села, изъ каждаго города выходили изъ школы на дорогу дѣти съ своимъ наставникомъ, который въ Эдренскомъ вилаетѣ называется даскаломъ, а въ Дунайскомъ учителемъ. Даскалы отлично умѣли водить дѣтей ротами, строить ихъ рядами для пріема посѣтителей, распѣвать съ дѣтьми церковныя пѣснопѣнія и подавать голосъ для громкаго: многая лѣта падишаху и тому лицу которое привѣтствовали; послѣ чего даскалы церемоніальнымъ маршемъ

провожали гостя по городу, до своего жилища. Такъ чествовали и молодаго Данка.

Одинъ изъ спутниковъ, замѣтивъ удивленіе въ чертахъ лица Данко, сказалъ улыбаясь:

— Каково обучили ребятишекъ? Не думаю чтобы лучше учили и въ старомъ Кіевѣ, о которомъ разказываютъ такія чудеса; люди толкуютъ что кто въ него въѣдетъ, тотъ разомъ поумнѣетъ, кто въ немъ поживетъ, тотъ, будь онъ Полякъ, обращается въ Славянина, а кто изъ него выѣдетъ, тотъ дѣлается или воиномъ или государственнымъ человѣкомъ.

Довольный своими разумными рѣчами спутникъ еще разъ улыбнулся; онъ побывалъ въ Вѣнѣ и Италіи, не доѣхалъ до Франціи и теперь служилъ признанному комитету, въ качествѣ то доктора, то профессора. Данко смотрѣлъ на болгарскихъ дѣтей, надежду будущаго. Ему, пріѣхавшему изъ страны порядка и строгаго благочинія, показалось странно что при такихъ пышныхъ въѣздахъ, никто не спросилъ ни его, ни спутниковъ какой они вѣры, не потребовалъ у нихъ паспорта и не позаботился узнать кто они такіе; а вездѣ стояли заптіи, жандармы и тептыши, которые ихъ привѣтствовали и потомъ приходили къ нимъ на домъ побалагурить о дождѣ и погодѣ. Въ этой счастливой оттоманской странѣ вольно всѣмъ ходить и ѣздить по землѣ. Назойливое любопытство въ Исламѣ не допускается; кто ѣдетъ въ экипажѣ, верхомъ на лошади, а тѣмъ паче на жеребцѣ, на комъ платье хорошее и чистое, кто умѣетъ его носить, того не сочтутъ ни бродягой, ни плутомъ. Впрочемъ люди знали что есть признанный комитетъ, и въ своемъ мусульманскомъ простосердечіи принимали его за какое-то новое изобрѣтеніе Высокой Порты, выдуманное для забавы христіанъ, чтобъ они не помышляли о чемъ-нибудь другомъ— вѣдь мудрыя головы управляютъ дѣлами Высокой Порты. Такъ рѣшено въ совѣтѣ падишаха, стало-быть нужно уважать теперешнихъ христіанъ, прежнихъ гяуровъ. Въ этомъ счастливомъ государствѣ, въ этомъ благодушномъ Исламѣ, такъ еще чтятъ имя падишаха, имя калифа вѣры, что прикажи онъ—самое омерзительное для правовѣрныхъ дѣло—надѣть на головы круглыя шляпы вмѣсто фесовъ, всѣ бы разомъ въ нихъ нарядились.

По селу или по городу тотчасъ расходилась вѣсть о томъ что пріѣхалъ какой-то великій *комитатъ*, *комитатъ* дозволенный. Чорбаджіи за чорбаджіями, торговцы за торговцами,

разнаго званія люди, Болгары и не Болгары приходили поклониться и потолковать о войнѣ, о мирѣ и о политикѣ. Всѣ высказывали свое мнѣніе смѣлѣе чѣмъ говорятъ въ кофейныхъ, не только Вѣны или Берлина, но и Парижа; болтали даже о *комитатахъ* недозволенныхъ. Данко сначала было увлекся, пока не переговорилъ въ сторонкѣ съ тѣмъ и съ другимъ и не получилъ въ отвѣтъ или прищелкиванія языкомъ или такого киванія головой какъ взмахиваетъ головою лошадь когда желѣзо мундштука кольнетъ ее въ поднебье.

— Мой сынъ, мой братъ, мой своякъ служитъ султану въ казакахъ или драгунахъ, и мы молимъ Бога чтобъ Онъ сохранилъ намъ его на многія лѣта. Есть у насъ свое войско, на что̀ намъ чужое? Лучше намъ жить съ Турками чѣмъ съ Нѣмцами.

Дальнѣйшіе разговоры не повели ни къ чему, особенно когда подъ вечеръ товарищи Данка начали собирать во имя дозволеннаго комитета разные поборы на книжки, на газеты, на свѣчи и на кадило для болгарской церкви, на сапоги для учителей, чтобъ они не ходили въ лаптяхъ, на расходы комитета въ провинціи и въ Стамбулѣ, на подарки для консуловъ, жандармовъ и драгомановъ покровительствующихъ дворовъ, на поддержаніе капитуляцій, на автономію, и Богъ вѣсть на что̀.

Чорбаджіи почесывали себѣ головы и расплугивали звѣрьковъ, которые въ простомъ болгарскомъ народѣ непремѣнно водятся у каждаго добраго человѣка; они почесывались, но платили, потому что дозволенный комитетъ, не легче греческихъ протопоповъ, пожалуй обратится къ помощи заптіевъ и засадитъ непокорныхъ въ кутузку; платили и говорили вслухъ:

— Хоть вы и сказываете что казаки такіе-сякіе, а они лучше васъ, не дерутъ съ насъ поборовъ и за все платятъ добрыми бумажками; они царское, наше войско, дай Богъ имъ здоровья!

Этими словами они мстили за вытянутые у нихъ гроши; но отъ такого мщенія гроши въ ихъ карманъ не возвращались.

Одинъ изъ товарищей Данка, ни мало не смущаясь, сказалъ:

— Ворчатъ, но платятъ; мы уже пріучили ихъ къ первому артикулу и главнѣйшей ихъ обязанности — вносить подати;

намъ нужны деньги; при деньгахъ все сдѣлается по нашей волѣ.

Онъ сталъ разказывать что драгунскій офицеръ, какой-то Италіянецъ, нашелъ средство управлять воздушными шарами и изобрѣлъ неимовѣрно смертоносную картечницу, что Турки за такую выдумку дорого заплатили ему, что косолапые Турки, какъ водится, не сумѣли справиться съ хитрою италіянскою штукой, и что все дѣло заваллялось въ архивахъ Тофане. Теперь плутоватый Италіянецъ продаетъ въ другой разъ свой секретъ намъ; Турки ничего не провѣдаютъ; мы купимъ, отыщемъ механиковъ, надѣлаемъ шаровъ и картечницъ и станемъ летать на шарахъ не касаясь земли. Тогда никто насъ не поймаетъ, и мы сдѣлаемъ всѣ наши приготовленія въ полной безопасности; когда же будемъ готовы, то начнемъ палить да попаливать изъ смертоносныхъ картечницъ, перестрѣляемъ всѣхъ Турчинъ и заведемъ автономію. Таково мнѣніе дозволеннаго комитета и нашего де уполномоченнаго въ Стамбулѣ, который вступилъ уже въ переговоры о шарѣ и картечницѣ. Стало-быть недозволенные и тайные комитеты должны терпѣливо выжидать время пока все устроится, а мы немедленно приступимъ къ сбору денегъ на шары и на картечницы. Нашъ народъ смирный, не пойдетъ самъ воевать, потому что боится Турокъ; да намъ и не нужны его юнаки и усилія: пусть только народъ дастъ денегъ; на его деньги мы добудемъ и церковную автономію съ экзархатомъ и народную автономію какой добились Румуны и Сербы. Съ ними мы соединимся въ Дунайскую конфедерацію, каждый народъ со своею автономіей.

Съ такимъ напутствіемъ въѣхалъ молодой Данко въ Балканы. Душа его ободрилась и рѣзвѣе сталъ шагать подъ нимъ его чирпанскій конь. Храбро воевалъ Данко въ предгоріяхъ манджурскихъ и въ степяхъ туркестанскихъ, и смотритъ онъ теперь на свои родимые Балканы, обильные всѣмъ чего только можетъ пожелать душа, всякими богатствами, живыми и не живыми, всякими запасами, на годы и на вѣка; видитъ онъ что Балканы таборъ для обороны, укрѣпленный и окопанный волею Божіей, таборъ для защиты и для возстанія, гдѣ сотни могутъ ускользнуть отъ тысячей, высыпать на горы и въ долины и отбиваться въ окопахъ воздвигнутыхъ изволеніемъ Божіимъ, гдѣ нѣсколько людей могутъ сражаться противъ сотенъ, преграждать имъ путь засѣками и стрѣльбою

изъ ущелій. Никогда не будетъ здѣсь недостатка ни въ хлѣбѣ, ни въ мясѣ, ни въ пажитяхъ; здѣсь домашнія стада и дикіе звѣри ежегодно плодятся и размножаются, хотя бы люди безъ умолку воевали; здѣсь можно въ одно время сѣять, жать и сражаться, гоняться за непріятелемъ, срубать саблей вражью голову и серпомъ жать пожелтѣвшія колосья, жить и биться такимъ образомъ до конца пока не отвоюешь побѣды и свободы. Этотъ таборъ, окопанный Балканами, однимъ плечомъ упирается въ Черное Море, другимъ тянется до сербской Шумадіи, а Малыми Балканами чрезъ Кьючукскій и Баюкскій монастыри, чрезъ Кирклизъ, нѣкогда красовавшійся сорока церквами и столькими же башнями, подвигается мшистыми дубравами до Стамбула, облегаетъ кругомъ Фелибы горами до сербскихъ поселковъ и до горъ которыя Греки зовутъ Родопскими. Сколько тутъ долинъ обильныхъ житомъ, богатыхъ стадами, оправленныхъ какъ бы въ рамы Балканами и перерѣзанныхъ рѣками! Въ южныхъ долинахъ Арда, Марица и Тунджа, въ Великихъ Балканахъ бурный Камчикъ и спокойный Марашъ, на сѣверѣ Янтыръ, который, какъ змѣй, извивается клубами, а изъ клубовъ вытягивается лентой; въ рѣкахъ этихъ столько же рыбы сколько въ лѣсахъ ягодъ и грибовъ. Сколько тутъ корма для скотины, сколько здѣсь полей для набѣговъ и для наѣздовъ! Изъ этого Божьяго табора можно держать въ уздѣ вооруженный свѣтъ и основать тамъ оборонительный станъ свободы. Такимъ богатствомъ одарилъ Богъ эту Болгарскую землю! Но куда дѣвались Гунны Аттилы, кентавры этого бича Божія? Въ таборѣ ихъ уже нѣтъ и едва ли они въ немъ появятся. Такимъ мыслямъ предавался молодой Данко пока чирпанскій сивый конь его, съ черною полосой на хребтѣ и съ черною гривой, переходилъ съ горы на гору и углублялся въ край все болѣе и болѣе дикій, болѣе чудный и болѣе неприступный. * Данко озирался кругомъ.

— О, еслибы тутъ властвовали Поляки или настоящіе казаки! Какая бы пошла военная охота, какая военная потѣха! да вѣдь не переманишь людей ни комитетами, ни газетами, ни пропагандой; на это нужна шляхта, которая вскочила бы на коня, обнажила бы саблю, крикнула бы: „за мной!“

---

* Балканы и почти вся Болгарія—укрѣпленный станъ для войны

бросилась на врага и воодушевила бы народъ; а такъ ничего не подѣлаешь!

Шибка Балкана какъ и въ прошломъ году покрылась снѣгомъ; тѣ же вороны надъ нею летаютъ и каркаютъ, тѣ же филины гомонятъ по оврагамъ; все также какъ было, только теперь въ лѣсахъ и ярахъ глухое молчаніе, и не слыхать людскаго говора въ темной лущѣ, одинъ вѣтеръ гуляетъ по ней. Въ монастыряхъ Божьей Матери и Святаго Георгія молятся и распѣваютъ молитвы за молитвами—наступила годовщина того дня въ который славный воевода Хаджи Дмитрій вступилъ въ кровавый, неслыханный бой и погибъ въ немъ со всѣми сорока болгарскими юнаками. Ихъ головы послали въ Эдрене, а оттуда въ Стамбулъ, по старому обычаю, чтобъ утучнились ими рыбы подаваемыя на столъ князей Фанара; ихъ туловища испепелили монахини и развѣяли по вѣтру на всѣ стороны Болгаріи. Уцѣлѣлъ ли гдѣ ихъ пепелъ—неизвѣстно; извѣстно лишь то что изъ ихъ пепла не выросли болгарскіе юнаки.

Святый Боже! Святый Крѣпкій! Помилуй ихъ Господи всесильный! Они погибли за свою вѣру и за дарованную Тобою людямъ свободу. Помилуй насъ Господи! Сохрани намъ вѣру нашихъ отцовъ и даруй свободу Твоему народу. Такъ молились въ двухъ монастыряхъ и возсылали славянскія мольбы Единому Богу, Пречистой Дѣвѣ Богородицѣ и воинственному Святому Георгію.

И въ томъ и въ другомъ монастырѣ среди церкви стоялъ гробъ покрытый покровомъ и обставленный горящими свѣчами. Монахи и монахини, со свѣчею въ рукѣ, обходили гробъ и пѣли, а священники, въ золотыхъ ризахъ, кадили гробъ ладаномъ изъ серебряныхъ кадильницъ. Потомъ монахи и монахини, со свѣчами и святою водой, вышли крестнымъ ходомъ изъ монастырей и пошли въ яръ гдѣ бились прошлаго года и гдѣ палъ воевода Дмитрій. Въ темной лущѣ засверкали огоньки, словно волчьи глаза, и потомъ собрались всѣ въ кружокъ около высокаго камня, прозваннаго камнемъ воеводы. Здѣсь раздались пѣснопѣнія послѣдняго прощанія, мужскіе голоса слились съ голосами женскими въ одну гармонію, въ одну молитву къ Богу о павшихъ болгарскихъ юнакахъ и о живыхъ юнакахъ для Болгаріи.

ни въ одномъ краѣ на свѣтѣ нѣтъ мѣстности болѣе выгодной въ военномъ отношеніи.

Послѣ молитвы всѣ вернулись въ монастыри; у камня остались только двѣ монахини: одна молится и кладетъ поклоны, другая въ раздумьи оперлась на утесъ, вперила очи въ чащу и углубилась въ думы.

Молящаяся встала, окликнула задумавшуюся, и обѣ, рука объ руку, пошли подъ гору. По глазамъ, по волосамъ, по лицу и по стану онѣ схожи какъ двѣ сестры. Но лицо одной просвѣтлѣло какимъ-то восторгомъ, чистотою, торжественностію, а на лицѣ другой скорбь и угрызенія. Обѣ молоды и прекрасны прелестями которыя счастливятъ или губятъ молодцевъ. На горѣ обѣ пріостановились. Первая посмотрѣла въ долину.

— Вонъ въ ту сторону, въ ту долину я развѣяла по вѣтру его прахъ.

Другая припоминаетъ:—Здѣсь былъ тогда, сестрица, казакъ Петро Катырджія.

— Былъ, но уже не засталъ его, уже погибъ левъ Болгаріи; ему отрубили голову, а тѣло я сама сожгла и развѣяла пепелъ, чтобъ явился новый юнакъ Болгаринъ; но юнакъ не показывается.

— Можетъ-быть мой Петро былъ бы такимъ юнакомъ, еслибъ я могла съ нимъ свидѣться.

— Напрасно мы ждемъ; нѣтъ какъ нѣтъ юнака.

— Глянь-ка сестрица, кто-то скачетъ; не твой ли это юнакъ или не мой ли Петро? Охъ вѣрно юнакъ; видишь ли какъ онъ пустилъ поводья и какъ мчится конь.

Обѣ сестрицы смотрятъ. То не Турчинъ, не залтія, не киседжія; сидитъ верхомъ словно нехотя, а ѣздокъ славный — настоящій господинъ на конѣ.

— Я узнаю его; это Данко, пріятель воеводы, его давнишній товарищъ. О! онъ юнакъ, совсѣмъ юнакъ, будетъ и воеводой; дай только Богъ чтобы не такъ онъ воеводствовалъ какъ милый Дмитрій. Въ недобрый день и въ недобрый часъ онъ ѣдетъ сюда; мы вызвали его нашими молитвами. Помолимся за него! Обѣ женщины пали на колѣна и горячо молились со слезами на глазахъ.

Молодой Данко былъ уже при нихъ, слѣзъ съ коня и пустилъ его на свободу. Данко привѣтствовалъ монахиню Марью какъ братъ привѣтствуетъ самую любимую сестру, и она съ нимъ поздоровалась какъ съ милымъ братомъ Болгариномъ.

Всѣ трое пошли въ монастыри. Сивый конь слѣдовалъ за ними.

Чамъ-Дере.

Въ Чамъ-Дере вечеринки за вечеринками; веселятся мусульмане, мусульмане Чамъ-Дере, семи деревень поросшаго пихтами яра, гдѣ нѣтъ человѣка который бы не былъ гайдукомъ или киседжіей, гдѣ мальчики родятся изъ чрева матери съ призваніемъ сдѣлаться тѣмъ или другимъ, гдѣ ни ханума, ни дѣвица и смотрѣть не хочетъ ни на пахаря, ни на работника, и тотъ не человѣкъ, не мущина въ ея глазахъ, кто не гайдукъ или киседжія; гдѣ сладкія ханумы и сладчайшія дѣвицы, для шутки, закалываютъ ножами заптіевъ, а для забавы душатъ купцовъ платками, гдѣ возвращающихся домой привѣтствуютъ не иначе какъ словами: много ли зарѣзалъ гяуровъ? много ли привезъ мнѣ золота, дорогихъ камней и шелковыхъ тканей? А какъ разрядятся, то хвастаютъ: это подарки моего мужа, или моего возлюбленнаго, послѣ гайдучьей или киседжійской расправы, и та у нихъ пользуется бóльшимъ уваженіемъ и почетомъ которая умѣетъ гордиться обиліемъ и цѣнностію награбленной добычи, залитой кровью убитыхъ владѣльцевъ.

Въ Чамъ-Дере вечеринка не за урядъ, а по поводу двухъ особенныхъ случаевъ.

Кіятибъ-Оглу, * исхудалый старикъ, откуда-то изъ-подъ Ямбола, на своемъ чифликѣ не сѣялъ и не пахалъ, не стригъ овецъ и не доилъ буйволицъ, а кубышка у него полна золота и серебра, какъ у эдренскаго Жида Симонича или у франка Бадети. Рано утромъ онъ, для здоровья, ежедневно выѣз-

* Кіятибъ-Оглу личность не вымышленная. Въ 1854 году онъ былъ ямболскимъ башибузукомъ. При отступленіи изъ Добруджи Альекакъ-Мустафы-паши, башибузуки совершили надъ жителями всякія злодѣйства. Сердарь-экремъ предалъ виновныхъ суду и слѣдилъ за исполненіемъ приговора. Кіятибу дали шестьсотъ палокъ по плечамъ и шестьсотъ по животу. Всѣ другіе не вынесли наказанія и умерли подъ палками на площади въ Шумлѣ, а Кіятибъ выздоровѣлъ въ госпиталѣ и живъ по сіе время. Онъ купилъ себѣ хорошій чифликъ подъ Ямболомъ и водитъ дружбу съ консулами, съ которыми ѣздитъ на охоту. Кіятибъ охотно разказываетъ о своемъ наказаніи и своихъ злодѣйствахъ. Общество съ нимъ ладитъ, потому что онъ человѣкъ съ достаткомъ.

жалъ на лошадкѣ, съ борзою собакой, и возвращался вечеромъ, очень рѣдко съ зайцемъ или съ лисицей, но всегда съ прибавкою для кубышки. Собирая ежедневно по крохамъ онъ накопилъ цѣлые сундуки. Въ околицѣ находили мертвыя тѣла, то чабана, то купца, то попа, то проѣзжаго, а въ чифликѣ Кіятибъ-Оглу даже не пытались сдѣлать разслѣдованіе, потому что мѣстность тамъ болотистая и моровое повѣтріе убиваетъ словно ударомъ обуха по головѣ; да и какъ допрашивать человѣка которому нѣсколько лѣтъ тому назадъ, за убійства въ Добруджѣ, отсчитали въ Шумлѣ, по приказанію сердарь-экрема, шестьсотъ палокъ по плечамъ и шестьсотъ по пузу, а онъ живетъ себѣ въ добромъ здоровьѣ и часто принимаетъ въ гости консуловъ покровительствующихъ державъ! Видно Кіятибъ былъ правъ, если съ нимъ такъ пировали и дружились блюстители капитуляцій. Этотъ-то честный обыватель женится на Айшѣ, восемнадцати-лѣтней красавицѣ, прелестной какъ гурія обѣщанная пророкомъ каждому садразаму, каждому сераскиру, послѣ смерти. Кіятибъ-Оглу женится на дочери Джелалъ-Мегметъ-аги, которому въ великой Тенавѣ отрубили голову за двадцать три убійства и безчисленные грабежи. Мать его Фатьму задушили въ тюрьмѣ, во избѣжаніе позора, чтобъ она не болталась на висѣлицѣ. Въ то же время Куцу-Оглу поселился въ своемъ собственномъ вновь выстроенномъ чифликѣ, и за порукою муфтія эфенди дѣлался правымъ и спокойнымъ землевладѣльцемъ, осѣдлымъ обывателемъ. По этому случаю праздновали новоселье въ его новомъ мѣстопребываніи.

Домъ гдѣ пировали новоселье отдѣлялся неширокою улицей отъ дома гдѣ была свадьба; поэтому гости смѣшались вмѣстѣ и веселье было общее.

Гремѣла цыганская музыка—скрипки, дудки и большой бубенъ, и бѣсновался цыганскій балетъ. Смуглыя Цыганки съ пылающими глазами и ловкимъ станомъ, полуодѣтыя, полунагія, выдѣлывали такія хореграфическія штуки что предъ ними покраснѣли бы отъ скромности и стыда танцовавшія парижскій канканъ въ Шомьерѣ и въ Мабилѣ и всѣ дамы полусвѣта. Въ Чамъ-Дере не знали другихъ гурій кромѣ распаленныхъ пляской Цыганокъ. Инымъ зрителямъ не нужно и седьмаго неба, имъ хочется остаться на землѣ съ земными Цыганками. Старики разсѣлись на коврахъ кучками, курили трубки и пили водку какъ воду, потому что Про-

рокъ запретилъ вино, а о водкѣ не сказалъ ни слова; такъ ихъ учили имамы, и они вмѣстѣ съ имамами пили ракію, какъ даръ Божій не запрещенный ни шаріатомъ, ни танзиматомъ. Молодые пострѣливаютъ на радости изъ пистолетовъ и ружей, и такъ жмутся къ Цыганкамъ и заигрываютъ съ ними что чуть не лѣзутъ вонъ изъ кожи, а турецкіе ихъ глаза горятъ адскою страстію.

Кущу сидѣлъ съ Кіятибомъ; оба поливали ракію, безъ мѣры, стаканъ за стаканомъ, и изъ комнаты смотрѣли въ окно на Цыганокъ и на гостей. Они люди важные, а то мелюзга. Кіятибу сердарь-экремъ далъ интихабъ на разбой и за разбой; о разбояхъ Кущу-Оглу гремитъ вся околица и они извѣстны не только управленію, но и старому муфтію: — не ходить же имъ въ толпу, и не якшаться съ нею; иное дѣло повелѣвать толпѣ и пользоваться ею. Вотъ и сидятъ они вдвоемъ, и прислуживаютъ имъ, какъ слѣдуетъ на большомъ угощеніи, два самыя дорогія сердцу существа, милая деликанлія и гурія Айша, новобрачная. Обѣ онѣ, какъ будто уговорились, одѣты въ алыя шелковыя шаровары и въ голубые золотомъ шитые челкины, и опоясаны бѣлыми шелковыми поясами съ золотою бахромой. У деликанліи на головѣ вѣнокъ изъ бриллiантовъ, а у Айши изъ блестящихъ камней. Онѣ будто двѣ сестры, но у деликанліи глаза каріе, волоса золотистые, а у Айши глаза голубые, волоса черные. Деликанлія была рѣзва, сладострастна, увѣрена въ себѣ; она героиня, была въ огнѣ. Айша боязлива и робка. Одна плѣняетъ своею веселостію, другая своею застѣнчивостію; но обѣ прекрасны какъ гуріи седьмаго неба, если только есть тамъ имъ подобныя, въ чемъ можно усомниться.

Когда онѣ стали въ пару и начали танцовать, не прыгая, но изгибая и перегибая свое тѣло, то прижимаясь одна къ другой, то расходясь врозь, со всею чарующею и полною нѣги мимикой сладострастнаго Востока, тогда Дылберь деликанлія походила на распустившійся цвѣтокъ во всей его красѣ, и была такъ блестяща что Кущу опускалъ глаза чтобы не ослѣпнуть отъ такого сіянія любви, а Айша, какъ распускающаяся почка, приковывала на себя глаза, любовавшіеся юными, дѣвственными прелестями. Кущу съ любопытствомъ заглядывался на эти прелести, находилъ въ ней одну красоту за другою, все болѣе и болѣе плѣнительную. Когда же она изъ-подъ черной черницы взглянула на него своими голубыми

глазами, то засверкали огнемъ и его сѣрые глаза, а сердце растаяло: какъ таетъ снѣгъ отъ солнечнаго жара, такъ оно растаяло отъ пылкаго пламени ея очей. Куцу, настоящій Птичій Сынъ, непостоянный въ любви, перелеталъ сердцемъ отъ Дылбери къ Айшѣ и отъ Айши къ Дылбери. Сладко было его душѣ и самъ онъ не вѣдалъ что̀ съ нимъ творится. Кіятибъ смотрѣлъ на бриліанты Дылбери и какъ опытный ювелиръ дѣлалъ имъ оцѣнку: сто̀ятъ много золота, можно было бы досыпать кубышку; куда бы хорошо овладѣть ими; рѣшился бы за нихъ снова попасть въ когти сердарь-экрема; кто не отважится, тотъ ничего не получитъ. Раздумываетъ и глядитъ. Вотъ онъ замѣтилъ опытнымъ глазомъ стараго пройдохи какъ Птичій Сынъ засматриваетъ на новобрачную и преслѣдуетъ ее глазами, а она украдкой отвѣчаетъ ему взглядами, такими взглядами которые говорятъ: бери меня, я къ тебѣ стремлюсь и прилечу къ тебѣ; бери меня! Кіятибъ все уразумѣлъ; когда-то онъ самъ леталъ за красавицами и хваталъ ихъ; онъ человѣкъ умный и не станетъ обертывать ватой свои слова и чувства. Онъ нагнулся къ уху Куцу и шепнулъ ему:

— Я знаю, сынокъ, что̀ у тебя на умѣ: Айша тебѣ по вкусу, а мнѣ лучше на руку твоя Дылберь; ты молодъ, любишь и умѣешь продираться по тернистымъ тропинкамъ, а я старъ и предпочитаю торную дорогу—она удобнѣе для моихъ ногъ. Если хочешь, размѣняемся голова на голову, какъ онѣ есть—Дылберь моя, Айша твоя. Согласенъ?

Куцу молчалъ озадаченный неожиданною рѣчью и поглядывалъ то на старика, то на красавицъ. Онъ такъ любилъ Дылберь, и она его такъ любитъ; но она женщина, она создана для утѣхи и забавы мущины; все одна и та же наконецъ надоѣстъ; даже небесныя радости и само небо должны надоѣсть. Зачѣмъ спрашивать женщинъ, къ чему такія хитрости и тонкости? если она мнѣ надоѣла, то пусть тѣшитъ другихъ; женщина рождена для удовольствія и забавы мущины, а не для того чтобы надоѣдать и докучать ему. Онъ еще разъ посмотрѣлъ на обѣихъ; Айша бросила на него такой полной нѣги взглядъ что душа и сердце его вспыхнули огнемъ любви, и по всему его тѣлу пробѣжала дрожь, дрожь пріятная, жгучая, страстная.

— Согласенъ, согласенъ! Быть по-твоему.

Ударили по рукамъ для закрѣпленія торга и сдѣлки. Послѣ

полуночи Кущу оставилъ Кіятиба съ Дылберью въ его домѣ, а самъ съ Айшей ушелъ въ домъ Айши.

Деликанлія не поняла что̀ это значитъ, что̀ это за шутка; она бросилась къ дверямъ чтобы стать предъ ними, не выпустить вонъ и отвѣтить на шутку шуткой, но Айша и Кущу уже вышли, а старый Кіятибъ, какъ Кащей, сталъ въ дверяхъ. Деликанлія вскрикнула смертнымъ воплемъ и упала на полъ. Кущу услыхавъ вопль затрепеталъ, но Айша держала его за руку, и онъ послѣдовалъ за нею. Дорогой онъ встрѣтилъ Карабела и Вейса-агу, своихъ тѣлохранителей, и что-то имъ шепнулъ.

Карабела и Вейсъ-ага вошли въ домъ Кіятиба. Дылберь лежала на полу какъ мертвая; на головѣ ея уже не было брилліантоваго вѣнка, а лицо, какъ яшмакомъ, было прикрыто золотистыми волосами. Кіятибъ сидѣлъ и спокойно курилъ трубку.

— Возьмите ее—и продолжалъ курить.

Кущу и Айша провели ночь какъ въ раю предназначенномъ для правовѣрныхъ, для воиновъ Пророка.

Ночь бѣдной Дылбери была мучительная и адская, безъ сердечнаго сокрушенія и покаянія.

Рано утромъ Кіятибъ бросилъ свои повозки и прислугу, сѣлъ верхомъ, свистнулъ свою вѣрную гончую собаку и отправился одинъ. Въ тотъ же день онъ пріѣхалъ въ Ямболъ, гдѣ засталъ гостей-консуловъ. Онъ спряталъ въ кубышку какой-то свертокъ и сѣлъ за закуску и ужинъ. Утромъ онъ опять собирался на охоту за фазанами, но уже не одинъ, а съ гостями.

Въ чифликѣ Кущу пусто и глухо; въ домѣ нѣтъ никого, но все вычищено и приготовлено къ принятію новыхъ молодыхъ супруговъ. Чамъ-дерейскій имамъ, прочитывая іероглифы брачнаго акта, сдѣлалъ въ немъ поправку, и вмѣсто Кіятибъ-Оглу написалъ Кущу-Оглу. Благо прозванія обоихъ, Кіятиба и Кущу, начинались съ одной и той же буквы *кафъ*. Эти письмена арабско-персидско-турецкія такія трудныя, такія неразборчивыя что нельзя прочесть того что̀ написалъ другой; столько въ нихъ различныхъ почерковъ, разнаго вида и формы—церковный, счетный, политическій, военный, фирманный, правительственный; къ тому же турецкія чернила таковы что даже очень давно написанное не трудно слизнуть языкомъ. Слово Оглу осталось, имена же обоихъ, Мегметъ и

Ахметъ почти одинаковы, и вышло что Кущу-Оглу женился на дочери Джелала Айшѣ. Она обрадовалась и была довольна замѣной: вмѣсто Кащея, забитаго чуть не на смерть по приказанію сердарь-экрема, ей достался самый красивый и славный во всѣхъ Балканахъ киседжія, почти гайдукъ.

Гостья Кіятиба уѣхала рано. Дылберь деликанлія исчезла, какъ исчезаетъ съ Божьяго свѣта все имѣющее тѣло, личность, жизнь: нѣтъ ничего безсмертнаго, всему долженъ наступить конецъ. Безсмертенъ духъ, но для людей онъ невидимъ въ пространствѣ. Не для чего искать Дылберь деликанлію—ея уже не было въ Чамъ-Дере.

Карабелы и Вейсъ-аги тоже нѣтъ, потому что они не пришли привѣтствовать поклономъ и цѣлованіемъ полы своего господина когда онъ возвращался отъ Айши въ свой домъ. Съ нимъ была Айша влюбленная и еще болѣе прекрасная чѣмъ вчера. Прелести ея разцвѣли и обнажены предъ глазами любовника...

Пока влюбленный Птичій Сынъ и Айша, забывъ о Божьемъ свѣтѣ, ворковали и отдыхали въ пихтовой пущѣ, въ Сливнѣ мутасарифъ немного успокоился. По его просьбѣ сераскиръ-паша разрѣшилъ выдать начальству вилаета Петро Катырджію и приказалъ вычеркнуть его изъ списка солдатъ. Несчастный мужъ и казакъ уже сидѣлъ закованный въ кандалы въ Сливенской тюрьмѣ, во власти мутасарифъ-паши. Главный начальникъ вилаета думаетъ: теперь онъ у меня въ рукахъ; пускай онъ приведетъ Елену и будетъ ей послушнымъ мужемъ; я не люблю этой Болгарки, но она мнѣ нравится; зачѣмъ этому прекрасному цвѣтку вянуть и сохнуть гдѣ-нибудь въ пустынѣ — это варварство; пусть онъ лучше цвѣтетъ между людей и тѣшитъ ихъ — на то у насъ цивилизація; такъ дѣлаютъ въ Европѣ, и мы, вступивъ въ кругъ европейскихъ государствъ, должны поступать какъ Европейцы: это нашъ пріятный и полезный долгъ. Можетъ-быть мнѣ удастся черезъ Петро отыскать слѣды разбитыхъ почтъ и неслыханно дерзкихъ гайдуковъ. Каракачаны, побѣгъ отъ новобрачной жены, все это, чтò ни говори, очень подозрительно. Если я открою, то пристыжу валія, который, имѣя въ своемъ распоряженіи столько заптій и тептышей и пользуясь такою обширною властію, ничего не могъ найти. Кто знаетъ, можетъ-быть, для пользы службы и порядка, меня произве-

дуть въ валіи, на благо и славу государства. Всѣ мои виды и стремленія заключаются въ томъ чтобы хорошо служить султану, а слѣдовательно и странѣ; эти примѣрныя чувства чиновника всегда руководили мною во всѣхъ моихъ дѣйствіяхъ.

Поставленный предъ нимъ Петро держалъ себя гордо, но спокойно. Онъ добросовѣстно отвергалъ всякое участіе въ грабежѣ почты и въ гайдучьемъ разбоѣ и разказалъ, также какъ въ первый разъ, свое знакомство съ Каракачанами: онъ слышалъ какъ они прибыли изъ Добруджи, но ему не сказали куда они уѣхали; что̀ они за люди — онъ не зналъ и не знаетъ; объ этомъ нужно допросить Каракачанъ проживающихъ въ Сливнѣ и въ санджакѣ; онъ же готовъ присягнуть и ручается своею головой что его̀ слова святая истина.

Мутасарифъ сладкими рѣчами говорилъ Петро о женѣ, о супружескомъ долгѣ, и лучше всякаго попа увѣщевалъ его исполнять обязанности христіанскаго таинства; онъ обѣщалъ сдѣлать исключеннаго казака тептышемъ въ Адріанополѣ, обѣщалъ ему много если только онъ согласится жить вмѣстѣ съ женою.

Но Петро былъ упрямъ какъ истый Болгаринъ; онъ слушалъ и молчалъ; когда же мутасарифъ, высказавъ все, ждалъ отвѣта, онъ поклонился и вымолвилъ только:

— Прикажи, паша, отвесть меня въ тюрьму.

Въ былое время, при янычарахъ, до танзимата, за такое упорство и за такую строптивость досталось бы пятамъ; но мутасарифъ, по чувствамъ и образованію, принадлежалъ къ сторонникамъ реформъ. Онъ махнулъ рукой.

— Въ тюрьму.

Онъ не прибавилъ: на хлѣбъ и на воду, потому что въ тюрьмѣ ничего другаго не даютъ.

Главный начальникъ санджака не отступился однако отъ своихъ намѣреній; онъ былъ человѣкъ настойчивый и снисходительный какъ прилично его сану. Поэтому онъ попросилъ начальника казацкой сотни переговорить съ исключеннымъ изъ списковъ казакомъ, чтобъ онъ, будучи самъ женатъ и подавая собою образецъ супружеской жизни, склонилъ Петро послѣдовать его примѣру и зажить благополучно съ женою, предавъ все прошлое забвенію.

Служака капитанъ прямо изъ конака паши отправился въ кофейную запастись смѣлостію, хоть онъ въ ней и не нуждался, потому что былъ молодецъ. Онъ хватилъ рюмку

мастики за здоровье жены, а какъ жены тутъ не было—она осталась въ Эдрене—то пришлось выпить другую рюмку за жену, во здравіе себѣ; кто знаетъ что̀ тамъ случилось?—стало-быть надо опорожнить третью, за потомство; а какъ яблоко не можетъ упасть далеко отъ яблони, то отъ лица потомства нужно выпить четвертую за себя; пятую онъ проглотилъ за изобрѣтателя воздушныхъ шаровъ и картечницъ, по милости котораго можно навѣрняка налетѣть на голову Москвы и разгромить ее въ пухъ и прахъ; а какъ Италіянецъ человѣкъ вѣжливый, то чтобы поблагодарить за него себя, пришлось выпить шестую. Пропустивъ такимъ образомъ полдюжину онъ раскраснѣлся какъ свекла, насупилъ голову какъ буйволъ, выпятилъ животъ впередъ и пошелъ въ тюрьму.

Онъ гаркнулъ по-военному на арестанта, выпрямилъ его во фронтъ, поднялъ кверху кулакомъ его подбородокъ, опустилъ ему руки по швамъ шароваръ, и поставивъ его такимъ образомъ громко и ясно приказалъ ему сейчасъ же привести жену и жить съ нею по закону. Видя же что Петро стоитъ и молчитъ, у него чуть не прыснула кровь изъ глазъ и изъ носа, и онъ проревѣлъ какъ быкъ:

— Вахмистръ, валяй его стремяннымъ ремнемъ!

Къ счастію, не случилось тутъ ни вахмистра, ни стремяннаго ремня, иначе Петро выдрали бы за строптивость и за молчаніе. Кончилось тѣмъ что капитанъ расфыркался надъ его ухомъ какъ кабанъ, обидѣлся, и пошелъ въ конакъ къ пашѣ съ донесеніемъ.

— Ничего не подѣлаешь съ упорнымъ и дерзкимъ собачьей вѣры Болгариномъ; надо выбить изъ него дурь; позволь мнѣ, паша, закатить ему два-шестьдесятъ горячихъ, и онъ перестанетъ шутить церковью, будетъ мужъ хоть куда; а если еще прибавить шестьдесятъ, то начнетъ исполнять всѣ супружескія повинности какъ нельзя лучше и не поступитъ на него жалобъ. Я самъ знаю это дѣло и ручаюсь головой за успѣхъ; онъ будетъ такой же кроткій муженекъ какъ нашъ будущій начальникъ мужъ Биби, или какъ Левъ сударкинъ.

Паша слушалъ и улыбался. Онъ любилъ капитана, хоть голова у него была не мудрая, а языкъ, словно блокъ, моталъ да ничего не наматывалъ, особенно когда онъ приводилъ себя въ пріятное расположеніе и пріободрялся мастикой или вермутомъ; но за то въ дѣлѣ можно было на него положиться вполнѣ. Верхомъ, съ саблей въ рукѣ, онъ былъ готовъ

броситься на чорта и скрутить его въ бараній рогъ; онъ не дремалъ, не наблюдалъ своихъ выгодъ, и въ службѣ не зналъ дружбы. Такихъ офицеровъ давай Богъ больше; всѣ начальники его любили, и было за что. Паша улыбался; ссылаясь на танзиматъ, на европейское образованіе и на чувство человѣколюбія, онъ рѣшилъ созвать меджлисъ и написать мазбату. Чтобы все было въ порядкѣ, онъ приказалъ пригласить всѣхъ господъ офицеровъ находящихся въ Сливнѣ, чтобъ они присутствовали при допросѣ и подписали мазбату, потому что онъ желалъ остаться чистъ предъ своею совѣстію, предъ людскою молвой и предъ Болгарами. Собраніе назначено завтра, а какъ голодный желудокъ развлекаетъ человѣка и мѣшаетъ ему остановить на чемъ-либо вниманіе, то паша позвалъ господъ офицеровъ на обѣдъ, а послѣ обѣда на меджлисъ.

Обѣдъ былъ роскошный — подавали множество турецкихъ кушаній, разные пилавы, а для закуски къ блюдамъ сардинки, икру, колбасы, солонину и всякія соленыя приправы. Мастики, ракіи и стараго вина, краснаго и бѣлаго, вволю. Любезный и образованный хозяинъ угощалъ и упрашивалъ; гости ѣли, пили и славно подгуляли. Когда они засѣли въ меджлисѣ, то многіе изъ нихъ, не понимая по-турецки, слушали протоколы и заключеніе какъ нѣмецкую проповѣдь и къ концу вздремнули. Это очень помогло ихъ пищеваренію, но не принесло никакой пользы Петру Катырджію. Когда гостей разбудили каждый изъ нихъ приложилъ свою печать, не вѣдая къ чему; потомъ они почтительно раскланялись и пошли всѣ изъ конака паши прямо въ кофейную выбивать клинъ клиномъ и прославлять до неба мутасарифа: что за славный человѣкъ! никакой Европеецъ съ нимъ не сравнится: какой онъ вѣжливый, внимательный, какъ принимаетъ гостей и какъ отлично угощаетъ; пировали мы словно въ Польшѣ! такая щедрость, такая предупредительность! жилъ бы и умеръ съ такимъ человѣкомъ; пошли Господи вѣкъ такую службу!

Мазбата составленная въ меджлисѣ въ присутствіи офицеровъ обвиняла Петро Катырджію въ распутной супружеской жизни и въ важныхъ нарушеніяхъ общественнаго благочинія— всѣ слѣды и признаки доказываютъ что онъ и отецъ его издавна водили знакомство съ киседжіями и гайдуками,— стало-быть разграбленіе казенной почты ему извѣстно, но онъ

не хочетъ говорить и отъ всего отрекается, а потому виноватъ вдвойнѣ. Когда его допрашивали о всѣхъ его преступленіяхъ, онъ ничего не отвѣчалъ и ни въ чемъ не признался; но меджлисъ остался при убѣжденіи въ его полной виновности, а потому всѣ члены меджлиса, вмѣстѣ съ казацкими и драгунскими офицерами, приложили свои печати и приговорили Петро, по шаріату и по танзимиту, за великія его злодѣйства, на четырнадцать лѣтъ тяжкаго тюремнаго заключенія.

Петро осудили, потому что правительство всегда утверждаетъ такія поголовныя мазбаты.

Въ Нейкіоѣ старая жена Стефана хлопочетъ и хозяйничаетъ на цѣлое поколѣніе; никто ей не можетъ угодить, все ей не по вкусу, и она твердитъ что всѣ уговорились досаждать ей. Старуха была всегда кротка какъ ребенокъ; всѣ только о томъ и думаютъ какъ бы ей угодить, чтобъ она была довольна. Вотъ уже третья недѣля какъ нѣтъ стараго Стефана; онъ никогда не покидалъ дома на такое долгое время. Восемь дней тому назадъ, старый Павелъ изъ Тополова и Паньодъ изъ Старой Рѣки встрѣтили стараго Стефана; онъ ѣхалъ на своемъ сѣркѣ изъ Буріи Энизарской въ Чамъ-Дере, и оттуда хотѣлъ прибыть прямо въ Нейкіой; за нимъ бѣжали его гончія собаки и былъ онъ здоровъ и веселъ; онъ поѣхалъ влѣво, а они вправо, и послѣ того ничего о немъ не слышали. День спустя, Магметъ-ага, старый редифъ изъ Садовы, призналъ стараго Стефана, когда онъ проѣзжалъ верхомъ по пихтовой засѣкѣ изъ Чамъ-Дере въ сторону Буріи; собаки бѣжали около него, на сѣдлѣ онъ везъ не то сѣрну, не то оленя, и ѣхалъ шибко; узналъ онъ его хорошо—развѣ можно не узнать стараго Стефана верхомъ на сѣркѣ, съ его старыми собаками? Вѣрно охотился и теперь еще охотится; объ ѣдѣ ему нечего заботиться—куда ни придетъ, вездѣ ему скажутъ: добро пожаловать, и угостятъ какъ самаго дорогаго гостя; нѣтъ такого мусульманина или христіанина который не пожелалъ бы имѣть гостемъ стараго Стефана, стараго дагларбея, стараго балканскаго дѣдушку. Свѣдомо что живъ и здоровъ, ну и слава Богу! Но женѣ Стефановой скучно, потому что въ старомъ супружествѣ одинъ по другомъ скучаетъ и тоскуетъ; оба знаютъ что скоро надо отправиться въ дальній путь, а предъ такою разлукой хочется быть вмѣстѣ. Стефанова старуха то и дѣло выходитъ изъ дому на

дворъ, а со двора на улицу, все посматриваетъ не ѣдетъ ли старый Стефанъ, но Стефанъ не показывается.

Пока въ Нейкіоѣ напрасно ждали стараго Стефана, густымъ лѣсомъ, по глубокому яру, шли два Турчина, вооруженные съ головы до ногъ; одинъ подпрыгивалъ какъ молодой козленокъ, другой, великанъ, ступалъ какъ буйволъ; они шли и разговаривали:

— Ага, ага, что̀ съ тобою? ты наша рука—никогда насъ рука не обманывала; что̀ съ тобою сдѣлалось?

— Не смогъ, пробормоталъ другой,—въ первый разъ у меня дрогнула рука.

— Да вѣдь господинъ приказалъ, а ты приказа не исполнилъ.

— Господинъ сказалъ чтобъ ее тамъ не было, ея нѣтъ и не будетъ.

— И мертвые, говорятъ, приходятъ съ того свѣта вампирами—такъ трудно ли вернуться живому?

— Правда, да что̀ же я могъ сдѣлать?

— То что̀ сдѣлалъ съ другими—у тебя рука не дрожала.

— То другіе, а то она; еслибы кто захотѣлъ ей сдѣлать какое зло, я сталъ бы защищать ее противъ цѣлаго свѣта, даже противъ тебя.

— И противъ господина?

Другой задумался и шелъ погруженный въ мысли; наконецъ онъ пробормоталъ въ полголоса, какъ бы про себя:

— Не знаю.

— Зачѣмъ же ты не оставилъ ее себѣ?

— Она не для меня.

— Для кого же?

— Богъ создалъ ее для дагларбея горнаго владыки, а не для меня, его слуги и невольника.

— А еслибъ она дала тебѣ приказъ?

— О! тогда навѣрное у меня не дрогнула бы рука: что̀ бъ она ни повелѣла, все бы исполнилъ.

Буйволъ шагалъ бодро и гордо какъ рогатый олень. Деликанлія была для него дагларбейшей; у этого грубаго разбойника образъ очаровательной женщины, которая своею красотой и своими прелестями защищала отъ смерти свою молодость, вырвалъ изъ руки оружіе: разбойникъ сталъ милосердъ и жалостливъ.

— Чтò же ты сдѣлалъ съ нею когда вынесъ ее? Я шелъ за тобою, но у меня не хватило духа посмотрѣть такъ же какъ у тебя убить.

— Чтò сдѣлалъ — чтò сдѣлалъ? господинъ не увидитъ ее дома и здѣсь ее нѣтъ—такъ Богу угодно! прямая Его воля!

Разговаривая такъ между собою они пришли въ Чамъ-Дере и отправились прямо къ Куцу. Онъ сидѣлъ одинъ въ комнатѣ и собирался уйти, не въ лѣсъ, не въ горы, какъ прежде, а въ гаремъ къ молодой женѣ. Онъ взглянулъ на вошедшихъ и привѣтствовалъ ихъ.

— Чтò новаго?

— Чтò приказалъ, то сдѣлано. Ты не встрѣтишь ее дома.

— Ладно. Воздай вамъ Боже, я вами доволенъ.

Они стояли.

— Есть чтò еще новаго?

— Нѣтъ, мы ждемъ твоихъ приказанiй.

— Не будетъ никакихъ—идите веселитесь и будьте счастливы какъ счастливъ я; идите съ Богомъ, — и самъ ушелъ въ гаремъ.

Они переглянулись и вышли, сказавъ другъ другу въ одинъ голосъ:

— Чтò приключилось съ тою, того и этой не миновать.

Опять за Дунаемъ.

Въ Олтеницѣ, но не въ чифликѣ сердарь-экрема, между Буюкъ Чекмедже и Кьючукъ Чекмедже, а въ Румунской Олтеницѣ, напротивъ Туртукая, собрались молодой и старый комитеты, три прежнiе воеводы, молодой Данко Казанскiй и Правая Рука Невидимаго Правительства.

Правая Рука привезъ приказъ Невидимаго поднять снова всю Болгарiю и перебросить черезъ Дунай въ Балканы новыя шайки юнаковъ.

Приверженцы стараго комитета кичились лихимъ разграбленiемъ двухъ казенныхъ султанскихъ почтъ и хотѣли, по старому, гайдучить до тѣхъ поръ пока весь народъ не пойдетъ въ гайдуки, какъ то было въ Сербiи при Георгiи Черномъ и его воеводахъ гайдукахъ.

Приверженцы молодаго комитета не хотѣли отказаться отъ пропаганды путемъ печати и живаго слова; они совѣтовали

прикрыться знаменемъ вѣры, какъ то сдѣлали недавно Поляки, пристать къ болгарской церкви, и при звонѣ колоколовъ и священныхъ пѣснопѣній огласить пѣснь болгарской свободы; они желали озарить въ то же время свѣтомъ церкви умы и понятія Болгарскаго народа, дѣйствовать не силою, но мирно, не угрозами, но мольбами, не стукомъ оружія, но мудростію змія, не когтями льва, но кротостію голубицы, а за собранное налогами золото купить болгарскую автономію. До той поры слѣдовало писать и печатать какъ можно болѣе, разсылать книжки въ болгарскіе дома, ханы и хижины, большимъ и маленькимъ людямъ, а даскалы, учители священники и монахи должны читать книжки народу и обучать его чтенію.

Правая Рука не оспаривалъ ни того, ни другаго мнѣнія, даже не удостоилъ ихъ разсмотрѣнія, а только повторилъ: „возстаніе предписано, возстаніе необходимо; оно необходимо потому что приказано". Какъ повелѣлъ Невидимый такъ и быть должно; его приговоръ то же что папское non possumus; нѣтъ другаго исхода—надо исполнить повелѣніе.

Заговорилъ молодой Данко:

— Я изъѣздилъ Болгарскую землю вдоль и поперекъ, присмотрѣлся къ гайдукамъ, къ болгарской церкви, даже къ казакамъ, настоящимъ болгарскимъ юнакамъ. Ремесло гайдука и киседжіи нравится Болгарскому народу и заманчиво для него; каждый Болгаринъ, если самъ не гайдукъ, то любитъ гайдука, дивится ему и доброхотствуетъ ему какъ самому себѣ. Это слѣдствіе долговременной и тяжкой неволи и того что нѣтъ родовитаго благороднаго сословія. Народъ подъ чужимъ игомъ, не имѣя предводителей къ которымъ онъ могъ бы обратиться, которые ободрили бы его и соединили бы вокругъ себя, стремится къ гайдуку, отважному и храброму, но не доблестному и не прямодушному. Въ наше время трудно воодушевить гайдуковъ до народнаго возстанія—на это нужны дворяне. Трудно даже побудить гайдуками простой людъ къ бунту, потому что въ нихъ нѣтъ опоры гражданскому порядку. Церковь представляетъ болѣе широкое основаніе для утвержденія народности, въ ней болѣе стремленій къ лучшей будущности; но молитвы побуждаютъ человѣка, да и то кающагося грѣшника, къ жертвамъ, а не дѣлаютъ изъ него воина и освободителя. Къ тому же, духовенство, въ рясахъ и въ сюртукахъ, торгуетъ и барышничаетъ. Болгарскій народъ

благочестивъ, набоженъ, держится своей вѣры, но духовенство ему нелюбо; прежнихъ греческихъ поповъ онъ ненавидѣлъ, а теперешнихъ онъ не жалуетъ и не уважаетъ. Болѣе вліянія имѣютъ даскалы, потому что они люди грамотные, ученые, но еще очень не скоро они сдѣлаются такими какъ въ Сербіи. Признаюсь, мнѣ нравится собрать славянскихъ юнаковъ въ славянское войско подъ именемъ казаковъ и подъ знаменемъ государя славянской крови. Славянскія страны Турціи сплотились бы такимъ образомъ подъ скипетромъ государя славянской крови; онъ сталъ бы могущъ и славенъ, а Славяне были бы счастливы и свободны. Но султанское правительство этого не понимаетъ и никогда не пойметъ, потому ли что не можетъ взять въ толкъ, потому ли что не хочетъ. Нѣмцы и Англичане все нашептываютъ ему въ уши одинъ и тотъ же совѣтъ: за этимъ войскомъ, за этими Славянами стояла и стоитъ славянская Москва. Улемы и имамы твердятъ: Славяне христіане, да и Босняки тоже дѣти христіанъ; а тѣ что̀ завѣдуютъ управленіемъ толкуютъ между собою: если появится много Соколовичей, Латачей и другихъ подобныхъ имъ Славянъ, то падишахъ пожалуй удалитъ насъ и мы останемся въ сторонѣ; Армяне уже вырываютъ изъ нашихъ рукъ дипломатію и финансы; теперь они еще дѣлятся съ нами пока мы стоимъ во главѣ управленія и войска, а что̀ станется съ нами когда мы утратимъ это положеніе? Не устоять оттоманскому славянскому казачеству. Я проѣхалъ много селъ и городовъ, но не нашелъ ни одного Болгарина который бы захотѣлъ по своей доброй волѣ сдѣлаться юнакомъ возстанія; Болгары даже не понимаютъ какая будетъ для нихъ польза если возстаніе увѣнчается полнымъ успѣхомъ. Они боятся суроваго и самолюбиваго Серба болѣе чѣмъ самаго дикаго Турчина. Турка они знаютъ и къ нему привыкли; о Сербѣ же имъ разказываютъ диковинныя вещи, а то что̀ они слышатъ возбуждаетъ въ нихъ странныя опасенія. Нашъ народъ не любопытенъ и приверженъ къ старинѣ; мудрено ему полюбить новинку, пока онъ съ нею не освоится. Поэтому, если намъ нельзя быть казаками, нельзя служить доброму государю и подъ его скипетромъ болгарской свободѣ, то подождемъ пока придетъ къ намъ съ силою другой славянскій государь, или пока выростетъ для насъ въ рядахъ сербскаго войска болгарское военное дворянство, не скуфейное, не писательское и не денежное; тогда мы чего-нибудь

да будемъ стоить. Теперь же порываться на Турчина еще смѣшнѣе чѣмъ мухѣ нападать на льва—муха хоть надоѣстъ, а мы даже не надоѣдимъ, а только подадимъ поводъ къ новымъ преслѣдованіямъ. Правда, Турки не станутъ преслѣдовать такъ зло какъ Англичане или Нѣмцы, потому что Турокъ имѣетъ и милосердіе и сострадание, и наказываютъ они по-отечески; но все же мы ничего не добьемся: лучше подождать чѣмъ горько сѣтовать въ послѣдствіи. *

— Стало-быть по-твоему надо опустить руки, ничего не дѣлать и положиться на волю Божію, на предназначеніе судьбы? Это не по-христіански. Богъ сказалъ человѣку: трудись, Я тебѣ помогу.

— Да вѣдь умные люди говорятъ: какъ постелешь, такъ и выспишься, какое пиво сваришь, такое и выпьешь.

Собачій Сынъ и Дышлія, прозванный Зубастымъ, полагали что возстаніе не можетъ имѣть успѣха и что слѣдуетъ только гайдучить. Зубастый зажмурилъ глаза пока говорилъ Данко и кажется спалъ, какъ всегда долженъ засыпать на нѣмецкой проповѣди добрый Славянинъ. Но Собачій Сынъ слушалъ внимательно; не было у него никогда ни даскала, ни учителя, но, какъ говорятъ Славяне-Русскіе, у него сидѣлъ царь въ головѣ—онъ былъ понятливъ и толковъ.

— Правду говоритъ молодой воевода; возстаніе не болгарское дѣло. Нешто мы Поляки или Мадьяры? У тѣхъ отъ искры сейчасъ бунтъ: они берутъ мужиковъ отъ стада, отъ сохи, составляютъ изъ нихъ войско и ведутъ ихъ на пушки какъ въ пляску. Для насъ же такъ работать тоже что̀ вить кнутъ

* Сочиняя эту повѣсть на основаніи истинныхъ фактовъ, я имѣлъ цѣлью познакомить читающую публику съ настоящимъ положеніемъ Болгаріи и Болгаръ. Изъ долголѣтняго опыта я убѣдился что дурную услугу оказываетъ этому честному и трудолюбивому народу тотъ кто подговариваетъ его, или какими бы то ни было средствами побуждаетъ къ возстанію, къ самостоятельности, къ автономіи, а хорошую услугу—тотъ кто его склоняетъ къ преданности и повиновенію оттоманскому правительству, кто ему совѣтуетъ сблизиться и соединиться добровольно и по убѣжденію съ государствомъ Оттоманскимъ. Я много трудился на этомъ пути, и несмотря на препятствія со стороны чужихъ и непониманіе своихъ, мнѣ удалось видѣть плоды моихъ трудовъ. Я не разстался бы съ такою дѣятельностію еслибы меня къ тому не принудили интриги и раздоры моихъ соотечественниковъ.

изъ леску; вили бы мы вили, да ничего бы не свили, потому что нашъ лесокъ къ этому не пригоденъ: мы еще не доросли.

Дышлія раскрылъ глаза.

— А если не доросли, такъ станемъ гайдучить по-старому и сгайдучимъ мы Болгарію какъ Сербы сгайдучили себѣ Сербію.

— Чтобы Турки опять ее у насъ отгайдучили; не всегда и не вездѣ родятся Милоши.

— Милошъ не съ мѣсяца свалился, а родился на сербской землѣ; чѣмъ же болгарская земля хуже сербской? Только начнемъ, найдутся и Милоши.

Эти слова сказалъ Правая Рука. Филиппъ улыбнулся.

— Не найдутся, потому что старики сходятъ съ поля, а на молодыхъ напалъ страхъ.

Данко покраснѣлъ.

— Никто не трусить; страшно за край, за дѣло.

— То не наша забота; пусть распоряжаются комитеты и Невидимое Правительство; наше воеводское дѣло воевать.

— Стало-быть надо воевать хоть пропадай все пропадомъ? что жь изъ этого выйдетъ?

Правая Рука началъ высчитывать пособія, средства, надежды. Все припасено—ружья игольчатыя и Шаспо, карманныя картечницы, пушки стрѣляющія на двѣ мили; американскаго президента расположилъ къ болгарскому дѣлу американскій купецъ Сруль, торгующій пшеницею въ Галацѣ; отыскался какой-то князь Витъ, который можетъ сдѣлаться княземъ Болгаріи; церковь болгарская приметъ сторону возстанія, вслѣдствіе того что патріархъ упорствуетъ исполнить волю Высокой Порты; церковь поступитъ съ непокорнымъ патріархомъ такъ же какъ поступилъ Милошъ съ непокорными дагіями. Была рѣчь и о томъ что драгуновъ переманитъ Мирза, потому что между ними много юнаковъ изъ старой Сербіи и изъ Враніи; что на Помаковъ, на Читаковъ и на мусульманъ можно столько же разчитывать какъ и на Болгаръ, что большія подати и тяжелая служба въ редифѣ достаточно подготовили ихъ къ бунту; что все вспыхнетъ отъ одной искры, и что эта искра должна вылетѣть и вылетитъ изъ Ольтеницы. Такъ порѣшила Невидимая Управа.

Данко, умудренный судьбою Хаджи Дмитрія и тѣмъ что видѣлъ самъ, покачалъ головою, но ничего не отвѣчалъ на всѣ эти посулы. Дышлія услыхавъ о князѣ Витѣ сказалъ:

— На что̀ намъ святаго Вита, будетъ съ насъ святаго Георгія и святаго Дмитрія, одного мы празднуемъ въ *гедренезъ*, другаго въ *кассимъ*, * куда же мы дѣнемъ третьяго? Не нуженъ онъ ни для повстанія, ни для гайдучьяго дѣла. Останемся при старыхъ, на что̀ намъ новые?

На это возраженіе ничего не отвѣчали и приступили къ устройству возстанія. Филиппу Тотую, какъ мѣстному воеводѣ, поручено выбрать и вооружить юнаковъ; всѣ принимаемые въ охотники должны быть люди готовые сражаться и умереть, готовые идти на вѣрную смерть. Выборъ не затруднителенъ, потому что въ списки комитетовъ внесены шесть тысячъ момцевъ расположенныхъ на дунайскомъ прибрежьѣ, отъ Новой Киліи и Измаила, чрезъ Браилу, Олтеницу и Зимницу, даже до Калафата и Четаги. Невидимая Управа столько выплачивала жалованья звонкою сербскою и золотою монетою и столько изъ его магазиновъ раздавали ежедневно пайковъ бѣлаго хлѣба, говядины, риса, кукурузы, масла, красного перцу и соли. Тотую строжайше предписано выбрать лучшихъ удальцовъ, цвѣтъ момцевъ, которые не боялись бы ни людей, ни чорта, ниже Самого Господа Бога. Не число важно, а качество; нужно сразу ошеломить Турокъ: тогда можно де надѣяться что дѣло пойдетъ какъ по маслу. Въ прошломъ году первыя неудачи отняли де смѣлость у жителей и удержали ихъ отъ участія въ возстаніи, хотя они и были готовы приступить къ нему. Послѣ сильнаго натиска въ самомъ началѣ и первой успѣшной схватки выростетъ де изъ земли повстанская сила, демократическая, соціальная и либеральная, какъ говорятъ учители Поляки. Но какъ воевода Тотуй не имѣлъ счастія въ бою, то ему приказано только привести шайки къ Дунаю, а за Дунаемъ долженъ принять начальство молодой Данко, котораго Невидимое Правительство назначило воеводой.

Молодой Данко не чувствовалъ ни расположенія, ни охоты, ни довѣрія къ такому возстанію; но какъ человѣкъ храбрый, съ душою и сердцемъ, онъ припоминаетъ себѣ казацкія украинскія поговорки, которыя онъ слыхалъ въ Туркестанѣ: съ воронами каркай по-вороньи, попалъ въ борщъ такъ будь грибомъ—закаркалъ по-комитетски, и принявшись за работу сталъ труженикомъ. Еслибъ обрушилось небо и онъ оставался

---

* Гедренезъ—день Св. Георгія; кассимъ—день Св. Дмитрія.

одинъ, то и тогда онъ еще бы усиливался подпереть облака саблею и не тронулся бы съ мѣста. Со сборнаго пункта онъ долженъ былъ дойти до Шибки Балкана, а оттуда, по полученіи новыхъ приказаній, отправиться далѣе.

Изъ шести тысячъ момцевъ набралось только триста четыре охотника, и въ числѣ ихъ не было ни одного жителя Балканъ, ни одного человѣка съ плоскаго дунайскаго прибрежья и съ эдренскихъ равнинъ. Войско воеводы Данка составляли двѣсти Болгаръ изъ Бѣлграда, изъ Кубеи и изъ Добруджи, и сто четыре Цыгана изъ Румыніи. Но это былъ только передовой отрядъ; за нимъ должны были слѣдовать, шагъ за шагомъ, три воеводы со всѣми момцами. Страшное нашествіе обрушилось на Турокъ. Тучи тянутся за тучами, солнушка не видно и дождь льетъ какъ изъ ведра: то добрая примѣта для Болгаръ—бѣда Турчину!

Сборъ приносимыхъ въ жертву бандъ, хотя онъ и дѣлался по приказанію Невидимой Управы, не хранили однако въ тайнѣ, вѣроятно для лучшей революціонной огласки. На эту вѣсть сбѣжались чужеземные аферисты: купчикъ продававшій въ Подмогошаѣ гарибальдійскія блузы сторонникамъ Братіана, окулистъ изъ Текуча обвертывавшій проданныя очки въ старыя Мадзиніевскія газеты, хромой поваръ Кошута, оставшійся въ Калафатѣ, школьникъ изъ Стамбула слушавшій лекціи Флуранса, разстрига попъ бывшій свидѣтелемъ какъ били по щекамъ сумашедшаго Ренана * въ церкви святой Маріи въ Перѣ и сдѣлавшійся приверженцемъ битаго, представители гражданской и церковной свободы въ болгарской автономіи, и нѣсколько проныръ гласнаго славянскаго агентства въ Стамбулѣ. Всѣ газеты прокричали о болгарскомъ возстаніи, а донесенія шпіоновъ полетѣли въ вилаеты и къ Высокой Портѣ.

Громкія имена Гарибальди, Мадзини и Кошута и менѣе извѣстныя имена Флуранса и Ренана вылетали изо всѣхъ устъ и трещали во всѣхъ ушахъ. То былъ крестовый соціальный, республиканскій и раціоналистскій походъ на бѣдный Исламъ и противъ его господства. Названныя личности превозносились какъ великіе люди прогресса; начинали толко-

* Ренанъ былъ битъ по щекамъ въ лицѣ Грека переодѣвшагося Ренаномъ. Это случилось въ одной изъ церквей Перы.

вать о бѣдствіяхъ и пораженіяхъ Ислама. Всѣ знали и видѣли, только Болгары ничего не знали и ничего не видали.

Въ Сливнѣ все готово: редифы собраны, у казаковъ лошади стоятъ въ конюшняхъ осѣдланныя, и знакомый намъ капитанъ не выходитъ изъ кофейной, гдѣ такъ привольно поболтать за рюмкой. Онъ пьетъ за здоровье каждаго, а если кто ему не отвѣтитъ, за того онъ выливаетъ самъ, чтобы не вести пустыхъ счетовъ. Зачерпнувъ много правды на днѣ рюмки, онъ себя убаюкиваетъ чтобы во снѣ пообдумать чѣмъ ему заняться утромъ. Капитанъ бодръ и расторопенъ. Мутасарифъ тоже не дремлетъ за дѣломъ; но приключилась непріятность: Петро Катырджія убѣжалъ въ кандалахъ изъ тюрьмы. Поиски въ городѣ и въ околицѣ были напрасны—пропалъ словно въ воду упалъ; но какъ въ Сливнѣ нѣтъ такой рѣки гдѣ человѣкъ могъ бы утонуть, то заключили что Петро, съ отчаянія по женѣ и по казачествѣ, ушелъ къ Тунджѣ и въ ней утопился. Такъ написали въ донесеніи къ вали. Мутасарифъ послалъ однако въ Нейкіой телтыша и поручика со взводомъ казаковъ чтобъ они поразвѣдали не показался ли тамъ Петро Катырджія, или не вернулся ли онъ туда вампиромъ съ того свѣта, а если они найдутъ тамъ жену его Елену, то чтобы взяли ее и привезли, подъ карауломъ, прямо къ нему въ конакъ—тогда слѣды будутъ въ рукахъ. Отдавая этотъ приказъ поручику, мутасарифъ оглядывался кругомъ, нѣтъ ли кого, и говорилъ такъ тихо чтобы голосъ его не дошелъ до гарема; какъ сострадательный и спокойнаго нрава человѣкъ онъ хотѣлъ избѣжать всякихъ споровъ и разговоровъ о бѣдной покинутой женщинѣ. Когда поручикъ вышелъ, лицо его такъ повеселѣло какъ будто бы его желаніе уже исполнилось. Онъ приказалъ своему первому адъютанту:

— Если кого приведутъ, особенно женщину, то проводи ее сейчасъ въ мабемъ, и смотри чтобы дожидаясь тамъ она не имѣла никакого сообщенія ни съ гаремомъ, ни съ салемликомъ.

Мабемъ проходная комната для хозяина изъ салемлика въ гаремъ, куда безъ его воли не можетъ вступить ни чья нога. Въ немъ происходятъ его тайныя свиданія, какъ любовныя, такъ и дѣловыя, тамъ осыпаютъ ласками прелести и платятъ серебряными и золотыми деньгами за услуги. Кому скажутъ: паша приказалъ привести тебя въ мабемъ, тому нечего безпокоиться и тревожиться, его просьба будетъ

выслушана и исполнена, нужно только знать чѣмъ подарить въ изъявленіе своей признательности.

Старый Стефанъ при старой своей женѣ, но не такой какимъ былъ прежде: онъ сумраченъ и трудно ему угодить. Шесть дней тому назадъ онъ вернулся съ поѣздки или съ охоты, не привезъ съ собой дичи и ничего не говорилъ. Утромъ и вечеромъ онъ на своемъ конѣ выѣзжалъ въ горы и лѣса съ Балканомъ и Дере; вернувшись домой онъ поглаживалъ Дере, совалъ собакѣ подъ носъ лоскуты какого-то платья; собака ихъ обнюхивала, а потомъ онъ ее кормилъ. *

— Чего разъ не сдѣлалъ, бормоталъ Стефанъ про себя,—то пожалуй сдѣлаетъ въ другой; и сердце и совѣсть въ человѣкѣ глохнутъ: разъ отзовутся, а сто разъ промолчатъ, въ порывѣ бѣшенства, предъ алчностію къ добычѣ, предъ приказаніемъ господина; мнѣ эти дѣла свѣдомы. Знаю я Птичьяго Сына; ни одна женщина которую онъ пересталъ любить и оттолкнулъ отъ себя не осталась жива и не должна жить, потому что ей легко было бы открыть путь къ предательству. Куцу правъ, совершенно правъ. Его звѣрь послушнѣе Балкана и Дере: разъ не исполнилъ приказа, но понадумается и исполнитъ. Я наѣхалъ, помѣшалъ; сказать правду, онъ не защищался и не противился—сказалъ: возьми, она твоя, да припрячь ее хорошенько; если узнаетъ Куцу, то мнѣ бѣда и ей бѣда; если прикажетъ еще разъ—а прикажетъ онъ навѣрное—то не спасутъ ее ни Богъ, ни султанъ. Теперь я не смогъ, не хватило сердца, дрогнула рука, эта послушная дагларбегова рука; если же прикажетъ, то зажмурю глаза и всажу— въ рукѣ у него былъ обнаженный ятаганъ и сверкала на немъ смерть. Настолько у звѣря достало милосердія. Онъ помогъ мнѣ посадить ее на лошадь, а когда я поѣхалъ, то онъ бросилъ на меня такой взглядъ что даже меня, стараго Стефана, проняла дрожь, а Дере завылъ какъ воютъ собаки предъ чьею-нибудь смертію. Мой долгъ сторожить ее, она моя кровь, мое дитя, и Дере сторожитъ вмѣстѣ со мною. Каждый день я освѣжаю ей чутье обрывкомъ Вейсовой одежды, и поэтому знаю гдѣ онъ прячется и гдѣ бродитъ. Монастырь мѣсто безопасное, тамъ ее искать не станутъ; но Богъ вѣсть! и дьяволъ не спитъ!

* Для пріученія киседжійскихъ собакъ пользуются ихъ чутьемъ; этотъ способъ извѣстенъ во всѣхъ Балканахъ и въ Америкѣ.

Разговаривая такъ мысленно самъ съ собою, старый Стефанъ уснулъ; въ ногахъ его улеглись Балканъ и Дере, чтобы ноги не озябли когда огонь потухнетъ въ каминѣ.

Около полуночи пришли залтіи съ милазимомъ, безъ шума и безъ крика, какъ военные солдаты, не потихоньку, какъ шпіоны и сыщики, а по-людски, какъ гости, потому что всѣ уважали стараго Стефана. Онъ много зналъ, много видѣлъ и былъ живою гайдучьею хроникой всей околицы, если не всѣхъ Балкановъ; а какъ весь край зараженъ, словно повѣтріемъ, охотой къ гайдучьему ремеслу, то стараго гайдука народъ чтилъ какъ патріарха. Залтіи дружески разказали о побѣгѣ Петро и о томъ что имъ приказано искать Елену, а когда найдутъ, то привезти ее въ гукьюметъ,* въ мабемъ паши. Говоря объ этомъ они, обращаясь къ старой женѣ Стефана, сказали ей шутя:

— Кто знаетъ, можетъ-быть будетъ ханумой, а если мутасарифа пожалуютъ въ валіи, то сдѣлается супругой валія.

Старуха покачала головой.

— Что̀ же тутъ диковиннаго? Моя Еленушка мила какъ птошка, голосиста какъ весенній жаворонокъ и сладка какъ сахаръ. Жена великаго визиря Рауфъ-паши была хуже; я ее знала, мы землячки, она была христіанская райя, Сербка не съ границы, простая Болгарка.

Старый Стефанъ думалъ про себя и ничего не говорилъ; ему что-то засѣло въ голову. Онъ не обращалъ вниманія на болтовню залтій, не пилъ съ ними ни водки, ни вина, а какъ только они вышли, онъ тотчасъ вынесъ изъ горенки старый казацкій нарядъ, разложилъ его на полу, кликнулъ Балкана, далъ собакѣ понюхать платье, натеръ имъ ей носъ, накормилъ ее, потомъ вышелъ, сѣлъ верхомъ на лошадь, повѣсилъ ружье черезъ плечо, свистнулъ гончихъ и выѣхалъ за ворота.

Звѣзды меркли въ разсвѣтѣ одна за другою; привѣтствуя наступающій день онѣ сами ложились спать, тонули въ облакахъ и исчезали. Снизу блѣдный, очень блѣдный свѣтъ медленно поднимался выше какъ туманъ, будто онъ исходилъ изъ нѣдръ земли чтобъ освѣтить облака. Птицы уже встрѣчали Божій день громкимъ хоромъ, и вѣтки хрустѣли подъ звѣремъ который спѣшилъ укрыться въ нору.

---

* Гукьюметъ—казенный домъ для начальника или для управленія.

Старый Стефанъ доѣхалъ до Чамъ-Дере и по-своему свистнулъ Балкана и Дере. Собаки бросились, забѣгали вправо и влѣво, по дорогамъ, по тропинкамъ, по утесамъ, по зарослямъ, по ручьямъ, по крѣлямъ, но ни разу не тявкнули—значитъ не почуяли тамъ звѣря. Старый Стефанъ исколесилъ такимъ образомъ всѣ околицы Чамъ-Дере. Вдругъ Балканъ тявкнулъ въ зарослях по дорогѣ въ Деерменкіой, тявкнулъ и побѣжалъ тихонько, не переставая лаять, до хуторовъ Чамъ-Дере. Дере молчалъ, но шелъ за Балканомъ; такъ добѣжали собаки до хижины стоявшей въ сторонѣ, надъ потокомъ. Потокъ глубокій, вода въ немъ пѣнится, брызжетъ каскадами вверхъ и снова падаетъ на камни; огромная сосна съ вѣтвями переброшена черезъ потокъ и служитъ мостомъ для гайдучьихъ прыжковъ: это переправа черезъ Пихтовый потокъ. Чтобы перебраться черезъ потокъ по камнямъ и по пнямъ нуженъ зоркій конь со стальными ногами, который умѣлъ бы прыгать съ колоды на камень, перескакивать чрезъ обломокъ скалы, бросаться вправо и влѣво, не спотыкался бы и не падалъ. На это нуженъ киседжійскій конь каковъ Сѣрко стараго Стефана.

Балканъ и Дере обѣжали кругомъ хижины, понюхали, о чемъ-то между собою посовѣтовались, потомъ залаяли и пошли черезъ чортовъ мостъ. Старый Стефанъ въѣхалъ въ потокъ. Конь его метался, скакалъ, вертѣлся и кружился словно въ пляскѣ. Еслибы кто увидалъ его со стороны, тому показалось бы что какой-нибудь Франкони изъ парижскаго цирка даетъ представленіе знатокамъ гайдукамъ, и онъ подумалъ бы въ какой бѣшеный восторгъ привелъ бы этотъ старый чортъ всѣхъ зрителей, какъ бы всѣ сбѣжались имъ любоваться и какъ бы ему апплодировали, еслибы перенесть его въ парижскій циркъ, вмѣстѣ съ конемъ, потокомъ и утесами. Здѣсь же никто не кричалъ браво; старый Стефанъ молодецки выѣхалъ на своемъ конѣ изъ потока и пустился за собаками, но собаки остановились и вернулись къ нему. Старый Стефанъ пригнулся къ сѣдлу и тайкомъ завернулъ за утесъ; конь не тряхнулъ головою и не шевельнулъ ногой, а собаки поджали подъ себя хвостъ, опустили уши и стали какъ каменныя подъ брюхомъ лошади. То было самое дикое ущелье, куда заходили только гайдуки, киседжіи и старые медвѣди; разсѣлины сходились съ разсѣлинами, но никакая Аріадна не предлагала своей нити чтобы вывести изъ этого лабиринта; выбраться изъ него можно только смѣтливостію киседжіи или

отважностію гайдука. Недолго привелось ждать старому Стефану; онъ услыхалъ шуршаніе камней въ противоположной разсѣлинѣ и до него ясно долетали отражаемые скалами голоса.

— Стало-быть ты казакъ, солдатъ, слуга, начальство, который насъ ловилъ и вязалъ, переходишь теперь къ намъ и хочешь жить съ нами?

— Не совсѣмъ-то съ вами; я хочу жить самъ по себѣ, отъ васъ же я хочу кой о чемъ развѣдать.

— О чемъ?

— Гдѣ сестра Деликанліи, на которой меня женили?

— Почемъ мнѣ знать; я теперь не знаю гдѣ сама Деликанлія.

— Какъ не знаешь? До тюрьмы дошелъ слухъ что ее тебѣ отдали, чтобы ты спровадилъ ее на тотъ свѣтъ.

— Правда, только я не спровадилъ ее туда; осрамился, духа не хватило! она такая красавица, такъ молода и такъ просила! Я ее отдалъ дѣдушкѣ Стефану, дѣдушкѣ всѣхъ насъ гайдуковъ и киседжій, чтобъ онъ ее увезъ куда хочетъ, лишь бы не было ея здѣсь и чтобы никогда не провѣдалъ о ней Птичій Сынъ. Я объ этомъ не жалѣю, но Кущу не пускаетъ меня къ себѣ на глаза, вотъ въ чемъ бѣда; онъ хочетъ обойтись безъ меня, безъ меня, своей руки. — Говорившій съ горя заплакалъ.—Онъ меня ужь ни въ грошъ не ставитъ! Я на все готовъ чтобъ опять попасть къ нему въ милость, мнѣ жить безъ него трудно, не могу. Карабела ходилъ развѣдывать, но до вчерашняго дня ничего еще не разузналъ. Птичій Сынъ послалъ его въ другую сторону; къ ночи онъ вернется, а мнѣ велѣно никуда не отходить; вотъ я и сижу въ хижинѣ гдѣ ты засталъ меня въ раздумьи какъ умилостивить господина.

— Какимъ же это путемъ?

— Когда отыщу, то надо припрятать ее такъ чтобъ ее не нашли на свѣтѣ, и тогда меня простятъ.

— Что жь, ты убьешь ее?

— Убью—я безъ него жить не могу.

— Такъ и я съ тобой останусь ждать.

— Оставайся.

Вейсъ-ага съ Катырджіей пошли между скалъ по дорогѣ къ хижинѣ. Первый надѣялся заслужить прощеніе, а послѣдній проклиналъ злую судьбу и еще болѣе лютую женщину

которая лишила его казацкаго офицерства, военнаго для Болгарина почета, и довела его до каторги или до висѣлицы. Оба они, изъ любви, изъ мести, были готовы на злодѣйство. Они шли вмѣстѣ связанные одинаковымъ чувствомъ.

Вскорѣ послѣ ихъ ухода старый Стефанъ показался изъ-за ущелья и поѣхалъ не въ Нейкіой, а прямо, знакомымъ боромъ, въ Баскіой. Лошадь ступала опустивъ голову, а всадникъ погрузился въ мысли. Собаки бѣжавшія вслѣдъ за лошадью вдругъ кого-то почуяли въ кустахъ, не оленя, не кабана, потому что онѣ не залаяли весело, а жалобно завыли, и погнались за человѣкомъ который бѣжалъ въ кустахъ и скрылся въ чащѣ. Старый Стефанъ, несмотря на свои сто лѣтъ съ доброю прикидкой, имѣлъ соколій глазъ и узналъ Карабелу, его прыть, его платье, его шагъ въ бѣгу. Онъ кликнулъ собакъ и поѣхалъ скорѣе рысью.

Въ Чамъ-Дере Птичій Сынъ сидитъ на коврѣ и куритъ трубку, а молодая Айша, прелестная какъ лучшая гурія рая, подаетъ ему кофе и спрашиваетъ:

— Что̀ же ты такой скучный, мой господинъ? Не надоѣла ли тебѣ Айша и не прельстила ли тебя другая? Моя жизнь принадлежитъ тебѣ, возьми ее и будь счастливъ.

— О нѣтъ! Айша мнѣ не надоѣла и другая меня не плѣнила, но она живетъ, а жить она не должна!

— Пускай живетъ, если утратила твою любовь.

— Нельзя ей жить, потому что въ ней живутъ мои и чужія тайны.

— Ты знаешь, господинъ, что въ нашихъ Балканахъ женщина скорѣе разкажетъ на ярмаркѣ всему народу свой смертный грѣхъ, хотя бъ ее побили каменьями, чѣмъ вымолвитъ одно словечко о тайнахъ своего господина, гайдука или киседжіи: это для насъ свято, святѣе всего на свѣтѣ, насъ учатъ этому съ дѣтства, мы всасываемъ это съ молокомъ изъ груди нашей матери. Что̀ же бы сталось съ нашими гайдуками, съ нашими киседжіями, со всѣмъ что̀ намъ дорого, еслибъ этого не было!

Птичій Сынъ опустилъ глаза.—Такъ, моя Айша, но береженаго Богъ бережетъ. Она жива, а жить не должна: это безпрестанно раздается въ моихъ ушахъ, и потому я самъ не свой. Нѣтъ у меня пламенныхъ взглядовъ для Айши, нѣтъ

у меня для нея страстныхъ словъ; у меня засѣла въ головѣ адская мысль: она жива, а жить не должна!

Въ эту минуту поднялась дверная завѣса, вошелъ Карабела и поцѣловалъ полу одежды Кущу.

— Нашлась!

— А Вейсъ?

— Готовъ.—Онъ поднялъ завѣсу, вошелъ Вейсъ и какъ медвѣдь повалился на полъ.

— Зарѣжу, господинъ, сто разъ зарѣжу! только не отталкивай меня отъ себя.

Кущу улыбнулся и вынулъ изъ-за пояса ятаганъ:—Вотъ мой ятаганъ; даю тебѣ мой самый любимый ятаганъ, чтобъ у тебя не смутилось сердце, не дрогнула рука.

Вейсъ взялъ ятаганъ, поцѣловалъ его и завопилъ:—Зарѣжу! зарѣжу!

— Ну съ Богомъ. Кущу-Оглу благословилъ ихъ, и они вышли.

Заключеніе.

Газеты кричали на всѣ стороны: Болгарія опять возстала; возстаніе за возстаніемъ пока не отвоевана свобода: такъ должны бороться порабощенные народы; твердость де великая, упорство благородное, дѣло святое! славянскія племена наконецъ уразумѣли де свой долгъ. Польша и Черногорія подаютъ де имъ примѣръ; почему Болгарамъ не идти по слѣдамъ родственныхъ имъ Сербовъ? Дунайскій лебедь готовится къ своей предсмертной пѣснѣ, созываетъ къ оружію всѣхъ Болгаръ, хочетъ поднять и мертвыхъ противъ бусурманъ, пришлыхъ враговъ вѣры и права. Румынъ побуждаетъ и завлекаетъ, сулитъ Мадзини, Гарибальди, братьевъ Братіановъ, а если нужно, то и Разновановъ; онъ уже мысленно изгоняетъ Турокъ за Балканы и далѣе, а Болгарію присоединяетъ къ Дакскому королевству своего господаря, государя именитаго рода, будущаго царя дунайскаго. Въ случаѣ успѣха онъ обѣщаетъ нѣмецкую кавалерію и Круповскую артиллерію — только прогоните де Турчина дальше, какъ можно дальше. *Видовданъ*, *Напредакъ* и цѣлая вереница сербскихъ газетъ усердно поздравляютъ, желаютъ всякихъ благъ, но ничего не обѣщаютъ, а только приговариваютъ: если вы избавитесь отъ турецкаго

ига, а сами съ собою управиться не сможете, то мы придемъ къ вамъ съ братскою помощію; послѣ полнаго вашего освобожденія мы станемъ за васъ какъ побратимцы за побратимцевъ; теперь же мы должны уважать трактаты, которыми держатся правительства и государства. Поздравляемъ васъ и шлемъ вамъ добрыя пожеланія—а тамъ увидимъ.

Пешти Напло вопитъ по-мадьярски: басамъ теремъ те те, басамъ мазаніо! Мы не Славяне, но мы христіане; пусть Болгары побьютъ мусульманина Турка и потомъ соединятся съ нами. Они и мы изъ одного гуннскаго племени; Аттила и Арпадъ—одна кровь, одна кость, одна масть; корона святаго Стефана пріосѣнитъ болгарскую хоругвь. Пусть надъ нами вмѣстѣ царствуетъ Габсбургъ, но царствуетъ по-мадьярски. Бѣдные Чехи соболѣзнуютъ въ своихъ *Народныхъ Листахъ* зачѣмъ Болгарія не ближе къ ихъ странѣ, тогда они пришли бы поигрывать на флейтахъ и предъ битвой и послѣ битвы. Галичане совѣтуютъ созвать сеймъ, расшить побогаче золотомъ красные депутатскіе мундиры и пустить пыль въ глаза Турчинамъ-бусурманамъ, отъ имени всей Польши напомнить имъ Яна Собѣскаго и пораженіе подъ Вѣной—авось они испугаются, но не заводить рѣчи о битвѣ подъ Варной: то было дѣло мадьярское. Познанцы ухватились за право и исторію, и обѣщаютъ издать рядъ статей въ доказательство что Болгарія имѣетъ право на установленіе народной церкви, на свободу и даже на существованіе, лишь бы слушали фонъ-Кренковъ и другихъ фоновъ, которыхъ разводитъ Пруссія и сыплетъ словно изъ рукава, которые могутъ появиться и на Дунаѣ, чтобъ утвердить господство фоновъ, а бѣдному Турчину сказать: вонъ съ Дуная! Эта рѣка, нѣкогда славянская, по милости фоновъ сдѣлается нѣмецкою если Болгары не скажутъ Нѣмцамъ: вонъ!

Только русскія газеты занялись этимъ событіемъ съ искреннимъ участіемъ и славянскою добросовѣстностію; онѣ совѣтовали быть благоразумными и не внимать наущеніямъ и подговорамъ, а сами просили свое правительство чтобъ оно не допустило соплеменный народъ до погибели; въ то же время они собирали денежныя приношенія для вспоможенія несчастнымъ жертвамъ. Это и по-славянски, и по-христіански.

Въ газетахъ прокричали о возстаніи Болгаріи; но гдѣ же оно? Валіи, мутасарифы, муширы, паши, заптіи, тептыши, кавалерія, пѣхота разыскиваютъ возстаніе вдоль и вширь

всего края, но нигдѣ не могутъ увидать его, ниже услышать о немъ. Даже шпіоны агентства признаются что имъ не удалось открыть ничего достовѣрнаго—одни лишь слухи. Кто-то видѣлъ что Болгаринъ молился предъ кіевскимъ золотымъ образкомъ святаго Георгія; говорили что на Святую Гору повезли какія-то книжки; вѣрно съ картечницами, по Дунаю плыла такая большущая бочка что въ нее можно запрятать пушки, даже Круповскія; замѣтили четырехъ собакъ переплывавшихъ вмѣстѣ съ лѣваго берега на правый, должно-быть непріятельскіе развѣдчики; какой-то балканскій инженеръ прислалъ четыре портрета Іована Шишмана на конѣ и одинъ конь былъ зеленый: то цвѣтъ надежды. Съ запасомъ подобныхъ извѣстій патронъ агентства, какой-то министръ не при должности, но съ портфелемъ, прибѣжалъ въ Высокую Порту и всячески старался убѣдить чтобы признали что возстаніе есть. Нечего было дѣлать, пришлось признать, признали—и возстаніе было.

Съ чѣмъ-то триста повстанцевъ должны были переправиться въ Олтеницѣ съ воеводою Данкомъ; въ Туртукайскомъ лѣсу собралось ихъ всего-на-все двадцать пять: восемь румынскихъ Цыганъ приговоренныхъ въ Букурештѣ и въ Яссахъ къ повѣшенію, которые предпочли идти на висѣлицу въ чужомъ краю—не такъ де стыдно и не такъ горько, къ тому же можетъ-быть удастся увернуться отъ бѣды и попасть сльгіемъ въ сербскую конницу, загладивъ юнацкою службой въ Болгаріи злодѣйства въ Молдавіи и Валахіи; двѣнадцать чистокровныхъ Болгаръ, чабановъ, умѣющихъ зарѣзать и обокрасть, а потомъ скрыть оружіе и похищенныя вещи; одинъ болгарскій даскалъ, любознательный и сочиняющій исторію повстанія; одинъ Нѣмецъ изъ прусскаго войска, называвшій себя Оботритомъ, который обворовывалъ другихъ Нѣмцевъ и за то былъ изгнанъ изъ числа инструкторовъ румынской арміи; былъ и англійскій путешественникъ, страдавшій сплиномъ, который, для потѣхи свѣта, желалъ быть убитымъ въ болгарскомъ возстаніи какъ джентльменъ, какъ Англичанинъ воюющій со Славянами противъ Турокъ: чудакъ передразнивалъ лорда Байрона; былъ и паликаръ, который нѣсколько дней тому назадъ задушилъ своего капитана и бросилъ трупъ въ Дунай на кормъ рыбамъ; былъ и Москаль, который убѣжалъ пьяный изъ полка и теперь кричалъ пьяный: за Бога, за вѣру, за царя и за вашу славянщину! Таково было

повстанское войско воеводы Данка: ни одного всадника. нисколько воодушевленія. Не такъ шли Болгары гайдучить; тамъ все жило и кипѣло, здѣсь смерть и страхъ. На все войско имѣлось восемь двуствольныхъ ружей; кинжалами и пистолетами были вооружены всѣ, но ихъ такъ прятали что и самъ чортъ бы ихъ не увидалъ, и всѣ держали въ рукахъ большія чабанскія палки. Воиновъ сопровождали двѣнадцать косматыхъ чабанскихъ собакъ, и шли они словно чабаны возвращающіеся изъ Добруджи послѣ продажи барановъ.

Они прибыли въ Дели-Орманъ. Въ плодоносныхъ и богатыхъ деревняхъ этого края, населенныхъ потомками спагіевъ султановъ Мурадовъ, Сулеймана, Османа и Магомета, гдѣ выростали храбрые люди и бодрые кони для султанской службы и по первому приказу летѣли за Дунай, за Днѣстръ, подъ Вѣну, въ богатую Украйну—никто ихъ не останавливалъ; какъ приходили, такъ и уходили; имъ давали хлѣба, сыра и пилаву, спрашивали нѣтъ ли съ ними хозяина, старшаго, у кого деньги за продажу барановъ, съ нимъ можетъ-быть и разговорились бы; но когда имъ отвѣчали что хозяина нѣтъ, что онъ поѣхалъ на пароходѣ въ Бургасъ-Агіоли, то ихъ оставляли въ покоѣ: идите съ Богомъ! То же было и въ болгарскихъ селахъ подъ Шумной; можетъ-быть и догадывались что то были политическіе панты (бунтовщики), но въ Болгаріи лучше столкнуться съ бѣшеною собакой чѣмъ съ политическимъ пантой, ибо телтыши тотчасъ ограбятъ, заколотятъ и повѣсятъ. Поэтому каждый подавалъ видъ что ихъ не замѣчаетъ, а они шли далѣе, и такимъ образомъ чрезъ Геленъ пришли къ Старой Рѣкѣ. Здѣсь они наткнулись на нашего капитана, не такого безтолковаго и не такъ добродушнаго какъ Турки, которые на постахъ покуривали трубки, попивали кофе и не выглядывали на свѣтъ Божій, выжидая что какой-нибудь чабанъ или прохожій принесетъ имъ вѣсть о пантахъ, а въ походѣ сжимали въ горстяхъ песокъ и бормотали молитвы чтобы панты не попались имъ на встрѣчу. Объ этихъ пантахъ натолковали имъ столько же сколько разказываютъ дѣтямъ объ оборотняхъ. Нашъ капитанъ не Турокъ, онъ разставилъ посты на дорогахъ и на высотахъ; конные часовые зорко смотрѣли во всѣ стороны. Онъ высылалъ разъѣзды по всѣмъ направленіямъ, и хотя по чину не былъ старшимъ, но какъ самый горластый изъ всѣхъ офицеровъ, онъ заставлялъ быть внимательными къ службѣ

и пѣхоту, и заптій, и баши-бузуковъ. Въ этой сторонѣ всѣ сторожили, а капитанъ хоть и пропускалъ по глотку чрезъ каждые полчаса чтобы предохранить себя отъ сырости, не разбирая былъ ли день ясный или сумрачный, но крѣпко держался на сѣдлѣ, упирался ногами въ стремена и не давалъ вѣтвямъ свалить себя на землю. Онъ первый съ Топиловской горы увидалъ кучку людей, тотчасъ распозналъ ихъ простымъ глазомъ и закричалъ:

— Панты, ей-Богу панты!

Капитанъ распорядился, поскакалъ къ Старой Рѣкѣ, выслалъ оттуда отрядъ казаковъ и заптій на облаву со стороны Гелена; казаки зарыскали по дорогамъ и началась охота. Выстрѣлилъ одинъ, выстрѣлилъ другой, потомъ двое разомъ, и пошла пальба; стрѣляли зря, чтобы задать страху, для потѣхи, гнали и кричали словно травили стараго кабана. Капитанъ ободрялъ, продирался между вѣтвей, перескакивалъ чрезъ колоды, былъ вездѣ, командовалъ голосомъ и рукою. Одному поганому Цыгану онъ раскроилъ надвое лобъ— мозгъ брызнулъ, а Цыганъ и не пикнулъ. Въ сторожевой избѣ заперлись нѣсколько пантовъ съ даскаломъ и паликаромъ, и побивали довольно мѣткими выстрѣлами баши-бузуковъ и заптій; вооруженная сила уже готовилась къ отступленію, потому что скучно палить въ стѣны и получать изъ-за стѣнъ свинцовыя пули. Подоспѣлъ капитанъ, подскакалъ съ нѣсколькими болгарскими казаками и заревѣлъ: жечь избу; при этомъ крикѣ казацкія лошади наѣхали грудью на стѣны избы, казаки поднялись на стременахъ и бросили на камышевую крышу зажженныя сѣрными спичками тряпки. Изба загорѣлась и запылала; какъ только выскочитъ изъ нея панта, такъ и свалится на землю отъ пули; половину перестрѣляли, половина сгорѣла—ни одинъ не остался въ живыхъ. Баши-бузуки и заптіи прокричали: многія лѣта капитану!

Пока капитанъ расправлялся съ пантами на правомъ крылѣ, майоръ телтышей на славномъ сивомъ и черногривомъ арабскомъ аргамакѣ догонялъ панту; но какъ самъ онъ былъ не бойкій наѣздникъ, то зацѣпившись за вѣтвь повалился съ лошади на землю, какъ мѣшокъ съ пескомъ, лихой же панта вскочилъ на коня и завертѣлъ арабскимъ аргамакомъ не хуже спагія. Телтыши столпились вокругъ него, онъ рубилъ вправо и влѣво—летѣли уши и носы—а конскими копытами топталъ майорскую спину. Панта рванулся и поскакалъ въ

гору, припавъ къ сѣдлу какъ ловкій джигитъ. Въ него стрѣляли, пули свистали близко, но только двѣ его задѣли; сгоряча онъ не чувствовалъ ранъ, все мчался, мчался и скрылся съ глазъ. На его счастіе въ той сторонѣ не было казаковъ; конные залтіи и телтыши скакали за нимъ, кричали ему вслѣдъ, величая его разными прозвищами: „стой, стой!“ но онъ не остановился; какъ серебряная звѣздочка мелькнулъ на горѣ сѣрый конь и улетѣлъ за гору. Никто за нимъ не погнался.

Капитанъ приказалъ считать трупы — ихъ было шестнадцать; сверхъ того оказалось четверо тяжело раненыхъ и пятеро плѣнныхъ: Англичанинъ, Нѣмецъ, даскалъ и два Цыгана. Четырехъ тяжело раненыхъ тотчасъ повѣсили, чтобы панты не умерли своею смертію, не примирились съ Богомъ и людьми. Одинъ Цыганъ со страху разболтался и своими разсказами о воеводѣ Данкѣ, о несмѣтной силѣ которая идетъ изъ Дели-Ормана и за которою поскакалъ воевода, напустилъ такого страху что всѣ Турки съ плѣнными и отрубленными головами, при звукахъ мѣстной музыки и громѣ выстрѣловъ, немедля выступили съ тріумфомъ въ Сливенъ. Дабы войско побѣдителей безопасно и благополучно дошло до Сливна, капитанъ далъ ему въ провожатые взводъ казаковъ, а самъ съ остальными казаками отправился разными дорогами и тропами въ Дели-Орманъ. О воеводѣ Данкѣ сказали что майоръ телтышей положилъ его на мѣстѣ и въ порывѣ бѣшенства изрубилъ его на мелкія части, такъ что отъ этого панты не осталось ни кусочка. Храбрый майоръ такъ былъ отдѣланъ что его повезли на возу лежачаго ничкомъ на животѣ, потому что до избитой спины нельзя было дотронуться. Ему обѣщали бакчишъ, орденъ и мѣсто дворцоваго пехливана.

До монастырей Панаи и Святаго Георгія дошла вѣсть о новомъ возстаніи Болгаріи. Монахи и монахини усердно молятся, но на этотъ разъ не по закону Господню—Божье Богу, кесарево кесарю—потому что молятся они за повстанцевъ, объ ихъ побѣдѣ.

Между монахинями болгарская дѣвица Марія, такая же какая была, прекрасная, но красотою души которая отрѣшилась отъ тѣла, хочетъ покинуть безъ сожалѣнія, но въ любви, людей и землю, и летѣть къ Богу, далеко за

облака, чтобы выпросить у него для Болгаръ Болгарію, которой она не могла добыть для нихъ здѣсь въ юдоли плача. Тутъ и ея двѣ кающіяся сестры. Елена въ сокрушеніи и въ покаяніи сожалѣетъ о землѣ и еще болѣе воздыхаетъ о небѣ, она проходитъ чистилище, но держится за нить спасенія. Грѣшная Ганка деликанлія еще не раскаялась; она слишкомъ много вкусила нектара и грѣховной любви въ удалой гайдучьей жизни, а когда женщина увлечется такою удалью, то трудно ей снова сдѣлаться женщиной. Она всею душою погрязла во грѣхѣ и прекрасна грѣховною красотою; она не молится, потому что она не христіанка, а мусульманка, и живетъ въ монастырѣ какъ въ тюрьмѣ; здѣсь ее укрываютъ, но ей хочется отсюда вырваться и вернуться къ грѣховной жизни.

Нѣсколько дней тому назадъ старый Стефанъ выбралъ себѣ жилище около монастырей, во мшистомъ ущельи прикрытомъ густою зеленью; онъ поселился здѣсь, какъ въ засадѣ, съ своимъ конемъ и двумя гончими собаками. Ежедневно, утромъ и вечеромъ, онъ съ своими гончими объѣзжалъ по широкому кругу около монастырей.

Однажды въ такой объѣздъ, предъ самыми сумерками, Балканъ и Дере, почуявъ что-то, бросились, безъ лая, большими прыжками, къ одному и тому же мѣсту. Старый Стефанъ двинулся за ними и скоро увидалъ, при вечернемъ свѣтѣ, что-то бѣлое въ оврагѣ; онъ подъѣхалъ ближе, слѣзъ съ сѣдла и съ оружіемъ въ рукѣ подошелъ къ мѣсту. На землѣ лежала мертвая сѣрая лошадь, а рядомъ съ нею стоналъ отъ боли живой человѣкъ и не могъ шевельнуться. Стефанъ къ нему подсѣлъ и узналъ что страдалецъ, тяжело раненый, мчался по неизвѣстнымъ ему тропамъ положившись на умъ лошади, но лошадь пала, а онъ очень мучится и проситъ себѣ спасенія или смерти. Старый Стефанъ, не теряя времени, положилъ незнакомца предъ собою на сѣдло и поѣхалъ по дорогѣ въ монастырь Панаи чтобъ отдать его монахинямъ. Женщины больше позаботятся о больномъ, станутъ лучше за нимъ ходить, и у нихъ онъ будетъ безопаснѣе. Уже мелькнулъ огонекъ съ монастырской башни, какъ вдругъ обѣ собаки залаяли; старый Стефанъ присматривается, но ничего не видитъ; прислушивается, но ничего не слышитъ. Какъ быть, оставить незнакомца одного—безчеловѣчно; а кто онъ такой?— какое мнѣ дѣло, развѣ не Божій человѣкъ; и Стефанъ

поѣхалъ дальше по глухой тропѣ между скалъ и среди чащи пригодной для козъ, а не для людей и лошадей. Старый Стефанъ ѣдетъ, а филины гогочутъ такъ что сердце ноетъ, а въ оврагахъ воютъ волки такъ что дрожь пробираетъ кости.

Въ монастырѣ старый Стефанъ знакомый гость. Онъ положилъ раненаго въ покоѣ привратника, который, по своему обычаю, ничего не спросилъ, а самъ вышелъ въ тревогѣ и свистнулъ собакамъ чтобъ онѣ сыскали знакомыя тропы и поѣхалъ за ними. Онъ сторожитъ глазомъ, но едва можетъ видѣть на шагъ впереди себя и слушаетъ ухомъ, но ничего не слышитъ кромѣ гоготанья филиновъ и воя волковъ. Старый Стефанъ бодрствуетъ надъ своими правнучками.

Марья тотчасъ узнала воеводу Данка. Печальная мысль мелькнула у ней въ головѣ: „и этотъ умретъ какъ умеръ Хаджи Дмитрій; ужели такъ должны гибнуть всѣ поборники болгарской свободы? О бѣдная, бѣдная моя Болгарія!“

Она сѣла при немъ и ухаживала за нимъ какъ за братомъ. Онъ узналъ сестру, страдалъ, но ему было пріятно и отрадно; онъ видѣлъ ее въ лицо, слышалъ ея дыханіе; онъ ее любитъ тою же святою любовью какою любитъ бѣдную Болгарію.

Въ Сливнѣ большое торжество, большой праздникъ, бунтъ укрощенъ, всѣ папты перебиты, и сегодня послѣднихъ трехъ, даскала и двухъ Цыганъ, повѣсятъ предъ городскими часами—висѣлицы стоятъ готовыя. Англичанина привезли къ пристани и отправили по морю—пусть убирается къ чорту, пусть лучше утонетъ чѣмъ повиснетъ на висѣлицѣ, чтобы человѣколюбивое и милосердое правительство Англійской королевы не жаловалось въ своихъ нотахъ на турецкое варварство. Нѣмца же, Прусака, остригли, обрили, назвали мусульманскимъ именемъ и сослали въ Асменъ; тамъ онъ можетъ-быть дослужится до паши и заведетъ на родинѣ холеры Круповскія пушки. Пріѣхалъ самъ вали, съ нимъ прибыли мутасарифъ и всѣ сановники. Послѣдняя неудача въ разслѣдованіи гайдучьяго разбоя заглажена побѣдою надъ бунтомъ. Отъ имени вали и отъ имени мутасарифа роздали денежныя награды—бакчиши, до которыхъ такъ лакомы всѣ Турки. Не плати имъ жалованья—они найдутъ чѣмъ жить на службѣ; бакчишъ же, милый бакчишъ, для нихъ, отъ послѣдняго носильщика до перваго сановника, пріятнѣе ордена, чина. Всѣхъ одарили деньгами, всѣ получили бакчишъ, даже нашему капитану мутаса-

рифъ прислалъ два объемистые боченка мастики съ острова Хіо, одинъ ему, а другой его женѣ; казакамъ же приказано дать вина. По многорѣчивымъ доказательствамъ муфтія, подкрѣпленнымъ свидѣтельствомъ духовенства и беевъ разнаго разряда и рода, въ томъ что Куцу-Оглу, хотя и не трогался изъ Чамъ-Дере, наиболѣе содѣйствовалъ истребленію и взятію въ плѣнъ пантовъ, Птичій Сынъ получилъ полное прощеніе, и ему разрѣшено, какъ вѣрному сыну страны, присутствовать на всѣхъ праздникахъ, чѣмъ онъ и поспѣшилъ воспользоваться. На площади, предъ городскими часами, гдѣ собрались сановники, беи, духовенство, аги, былъ и Куцу-Оглу со свитой Чамдерейцевъ, которые окружали его какъ сергердара, одинъ несъ за нимъ чубукъ, другой коверъ, третій торбу съ посудой для варенія кофе. Колесо фортуны повернулось въ его сторону; кто знаетъ что̀ ждетъ его впереди?

Повѣсили скоро, просто и практично. Надъ выступами трехъ лавокъ утвердили поперечные шесты, и подъ каждую изъ такихъ висѣлицъ подкатили большую порожнюю бочку. Не было ни судей, выслушивающихъ послѣднее прощаніе, ни палачей, ни процессіи внушающей уваженіе ко власти и устрашающей гражданъ. Пантовъ вывели изъ тюрьмы заптіи и тептыши, кто синій, кто сѣрый, кто въ бумажкой ткани тѣлесно-желтоватаго цвѣта, кто въ грубомъ сукнѣ цвѣта Гарибальди. кто нарядный, кто оборванный, въ заплатахъ, кто въ туфляхъ, кто босоногій. Панты шли не закованные и не связанные; около каждаго изъ нихъ толпилась порядочная кучка: такъ добрые сосѣди провожаютъ изъ корчмы домой пьяницу чтобъ онъ выспался; такъ направленная хозяиномъ стая собакъ выгоняетъ изъ сада борова, хватая его то за уши, то за хвостъ. У каждой бочки стоялъ заптія; онъ вскарабкался на бочку, встащилъ на нее панту за уши, надѣлъ ему на шею привязанную къ шесту петлю и спрыгнулъ на землю. Другіе заптіи толкнули ногами въ бочку; бочка разсыпалась а панта дрягалъ ногами и руками пока не отходилъ въ вѣчность, на вѣчный покой.

Зрители предъ кофейнями и въ кофейняхъ покуривали трубки, попивали кофе и совершенно спокойно бесѣдовали о новостяхъ изъ Стамбула: кто взялъ на откупъ подать съ хлѣба, кто подрядился на поставку шерсти для суконной фабрики, какого офицера пришлютъ переписывать рекрутъ; о пантахъ даже не говорятъ, какъ будто ихъ никогда и не

бывало. Такое невниманіе, такое равнодушіе составляетъ силу начальства надъ народомъ, силу власти предержащей; тревога и опасенія проявляются только въ моментъ возстанія, да и то изъ желанія чтобы все кончилось благополучно, а по укрощеніи его Турки сами смѣются надъ своими опасеніями—изъ-за чего они тревожились? всякое покушеніе противъ могущества падишаха развѣ не порывъ бѣшенства, не сумашествіе? И это убѣжденіе укрѣпляетъ въ нихъ охоту и силу къ дальнѣйшему господству.

На площади показались два человѣка съ мѣшками на спинѣ; къ одному изъ нихъ тотчасъ подбѣжали заптіи.

— Петро Катырджія! бѣглецъ изъ тюрьмы!

Онъ остановился.

— Я Петро Катырджія, я бѣглецъ изъ тюрьмы, несу мой даръ мутасарифу и хочу сложить приношеніе къ его ногамъ, а тамъ его воля—пускай засадитъ меня въ тюрьму.

Онъ подошелъ прямо къ мутасарифу и поцѣловалъ полу его одежды.

— Вотъ мой даръ, сказалъ онъ, бросивъ мѣшокъ къ ногамъ паши, а самъ сталъ какъ каменный, блѣдный, стиснувъ зубы и вытаращивъ глаза, точно жизнь въ немъ замерла.

Мутасарифъ догадался что въ мѣшкѣ голова, вѣрно голова какого-нибудь панты, и приказалъ ее вынуть. Вынули.

Мутасарифъ поблѣднѣлъ и не вымолвилъ ни слова. Служащіе при немъ аги поспѣшно запрятали опять голову въ мѣшокъ; только любопытные успѣли разглядѣть золотистыя косы и гладкое лицо, безъ усовъ и бороды—странный панта! Заптіи ухватили за плечи Катырджію и скорѣе вынесли чѣмъ увели его съ площади въ тюрьму. Мутасарифъ видитъ предъ собою лицо Елены болѣе прекрасное чѣмъ когда-либо, но мертвое, и самъ онъ будто не живой. Никто не смѣетъ и не хочетъ спросить что̀ съ нимъ приключилось. Скорбь его почтили молчаніемъ: такъ выражается участіе на Востокѣ. Пусть страдаютъ душа и сердце, помучатся и выстрадаютъ свое горе; любопытство и утѣшенія доводятъ до отчаянія, раздражаютъ и убиваютъ душу и сердце.

На другомъ концѣ площади Вейсъ-ага положилъ мѣшокъ къ ногамъ Птичьяго Сына.

— Я исполнилъ твой приказъ и могу теперь остаться при тебѣ, быть попрежнему твоею рукой.

Кущу-Оглу тайкомъ отъ другихъ раскрылъ мѣшокъ и долго смотрѣлъ въ него, но не моргнулъ глазомъ.

— Она не должна была жить и не живетъ! спасибо!

Обѣ сестры сошли со свѣта въ юномъ возрастѣ, еще не натѣшившись жизнію; но онѣ пожили тою жизнію которая полюбилась ихъ сердцу и душѣ; обѣ перелетныя звѣздочки угасли; можетъ-быть на томъ свѣтѣ имъ будетъ лучше.

Петро Катырджія насытилъ свое мщеніе и свою ревность, но его одолѣла жалость; и раскаяніе убило въ немъ жизнь; онъ лежалъ безъ чувствъ въ тюрьмѣ, прикованный къ землѣ не кандалами, а болѣзнію.

Вейсъ-ага исполнилъ повелѣніе и не огорчался совершеннымъ злодѣйствомъ; онъ, какъ вѣрный песъ, лежалъ у ногъ Птичьяго Сына и смотрѣлъ ему въ глаза.

Въ монастырѣ Панаи не могутъ опомниться: двѣ молодыя Болгарки, почти монахини, убиты предъ монастыремъ когда онѣ, увидавъ стараго Стефана на склонѣ прилегающаго яра, вышли къ нему на встрѣчу. Раздались два выстрѣла, и прежде чѣмъ старый Стефанъ съ своими гончими успѣлъ переѣхать оврагъ, предъ монастыремъ уже лежали два обезглавленныя тѣла, намѣченныя каждое чернымъ пятнушкомъ отъ пули надъ самымъ сердцемъ. Онѣ умерли такою скорою смертію что боль не успѣла прогнать улыбки съ ихъ лица. Гончія собаки бросились съ лаемъ по дорогѣ къ Баріи, а старый Стефанъ сталъ надъ тѣлами. Все кончено! Изъ глазъ его брызнули горькія слезы, слезы старости, которыя не облегчаютъ сердца, но своею безотрадностію гонятъ душу вонъ изъ тѣла.

Въ одной изъ монастырскихъ комнатъ лежалъ на постели воевода Данко, съ блѣднымъ лицомъ и посинѣлыми устами. Онъ только-что исповѣдался, вкусилъ плоти и крови Господней, принялъ послѣднее помазаніе и теперь отдыхалъ. Рана надъ грудью запеклась кровью, дыханіе прерывалось, и больному было тяжело. При немъ сидитъ монахиня Марія; она-то обмываетъ его виски смоченнымъ въ уксусѣ платкомъ, то прикладываетъ руку къ его сердцу, то потираетъ его. Онъ пристально на нее смотритъ и такъ вперился въ ея глаза какъ будто хотѣлъ за нихъ ухватиться, не умереть, но жить ея жизнію.

— Напрасно, сестра моя! Богъ зоветъ меня. Жаль нашей

Болгаріи, жаль моей и твоей молодости. Болгары не то что другіе народы; чувство свободы и самобытности еще спитъ въ нихъ, и спитъ глубоко; у нихъ нѣтъ предводителей ихъ крови и рода, такихъ что бы росли и жили вмѣстѣ съ ними; только голосъ вождей могъ бы разбудить ихъ отъ дремоты и вызвать ихъ къ жизни, къ свободѣ, къ бытію. Чужіе этого не сдѣлаютъ—ихъ не понимаютъ и не поймутъ, а сами они погибнутъ жертвой, какъ погибъ Дмитрій, какъ погибаю я. Ведутъ Болгаръ не на смерть только, а на позоръ, во сто кратъ болѣе горькій чѣмъ смерть, во сто кратъ болѣе постыдный чѣмъ тяжкая неволя для людей которые хотятъ сдѣлаться народомъ. Неудача за неудачей для народовъ пагубнѣе чумы; чума разитъ и убиваетъ, а неудача унижаетъ. Нѣтъ высшаго бѣдствія какъ народное униженіе, а послѣ вздорныхъ бунтовъ и постыдныхъ неудачъ народъ доходитъ до униженія и его нельзя уже поднять на ноги, потому что низостію его возгнушается тотъ кто захочетъ его поднять, разбудить, и онъ не выдержитъ. Скажи это, сестра, Болгарамъ; пусть они лучше терпятъ, перетерпятъ много и ждутъ чѣмъ дѣлаютъ, по наговору, новыя ничтожныя возстанія. Можетъ-быть милосердый Богъ коснется сердца ихъ теперешняго государя, въ немъ отзовется славянская кровь, онъ соберетъ вокругъ себя славянскіе народы и поставитъ ихъ на ноги, для своей силы и славы; а если ему станутъ мѣшать, какъ доселѣ, то Богъ сжалится и пошлетъ другаго государя, но видимаго; пусть Болгары ждутъ его и не позволяютъ невидимымъ комитетамъ обманывать себя, къ своему стыду и сраму; пусть ждутъ: Богъ умилостивится.

Данко хотѣлъ говорить долѣе, но у него не хватило голоса; онъ легко пожалъ руку Марьи, остановилъ на ней еще болѣе глубокій взглядъ, вздохнулъ и испустилъ духъ.

Марья начала читать молитвы и послѣ каждой молитвы возглашала:

— Боже умилосердись надъ Болгаріей!

Отголосокъ разносился по монастырю и шелъ далѣе въ горы и лѣса:

— Боже умилосердись надъ Болгаріей!

НРАВЫ И ЛИТЕРАТУРА ВО ФРАНЦІИ

Arsène Houssage: *Les Grandes Dames.—Les Parisiennes.—Les Courtisanes du Monde.*
Èmile Zola: *La Fortune des Rougon.—La Curée.—Le Ventre de Paris.*

Паденіе нравовъ во Франціи, начало котораго трудно отнести къ какой-нибудь опредѣленной эпохѣ, въ послѣднее десятилѣтіе второй имперіи сдѣлалось явленіемъ замѣтнымъ даже для самихъ Французовъ и обратило на себя вниманіе литературы. Седанская катастрофа, какъ извѣстно, была сигналомъ появленія множества романовъ и комедій содержаніемъ которыхъ сдѣлалось растлѣвающее вліяніе Наполеоновскаго режима, несущаго въ глазахъ политической и литературной критики всю отвѣтственность за нравственное паденіе общества, за развращенность какъ правящихъ, такъ и управляемыхъ. Деморализующая роль имперіи сдѣлалась общимъ мѣстомъ на устахъ каждаго публициста, поэта, романиста и драматурга; общество словно обрадовалось что нашло на кого свалить свою порчу и каждый словно почувствовалъ себя оправданнымъ и прощеннымъ какъ скоро произносилъ стереотипную фразу: „растлѣвающее вліяніе цезаризма". Никто еще не хочетъ оцѣнить не прикрываютъ ли эти запоздалые удары по лежачему нѣкотораго лицемѣрнаго чувства, и не будетъ ли справедливѣе

сказать что если Наполеоновскій режимъ помогъ распространенію въ обществѣ нравственной порчи, то съ другой стороны и подавляющая сила этого режима въ свою очередь нашла первоначальную опору въ порочныхъ элементахъ уже присутствовавшихъ въ обществѣ въ значительно развитой формѣ.

Замѣтивъ впрочемъ что Седанская катастрофа только дала новый толчокъ движенію начавшемуся въ литературѣ еще въ то время когда имперіализмъ стоялъ на высокой степени силы и блеска. Административная общественная порча сказывалась уже тогда настолько рѣзкими чертами и яркими красками что не требовалось особенной проницательности чтобы распознать ее въ мишурномъ величіи правительственнаго режима и внѣшнемъ блескѣ общественной жизни. По крайней мѣрѣ два обширныя беллетристическія произведенія въ которыхъ мы нашли матеріалъ для предлагаемой статьи задуманы и отчасти исполнены за нѣсколько лѣтъ до паденія второй имперіи. Оба эти произведенія, будучи совершенно несходны по замыслу и направленію, представляютъ довольно полную и яркую картину французскаго, преимущественно парижскаго, общества шестидесятыхъ годовъ, и отправляясь отъ различныхъ точекъ зрѣнія, приходятъ во многихъ отношеніяхъ къ полному согласію въ выводѣ и производятъ однородное впечатлѣніе. Представленіе о нравахъ и жизни французскаго общества тѣмъ полнѣе рисуется въ понятіи читателя что сами эти романы, какъ совершенные образцики парижской литературы, выражая ея вкусы и симпатіи, много дополняютъ изображаемую въ нихъ картину.

Мы сказали что упомянутыя произведенія совершенно несходны по замыслу и направленію. Въ то время какъ Арсенъ Уссè безъ всякой задней мысли, безъ всякой задачи рисуетъ отрывочныя и весьма легкія сценки парижской жизни, съ единственною кажется заботой чтобъ эти сценки выходили у него *очень милы* и представляли занимательность легкой, немножко остроумной и немножко скабрезной болтовни, Эмиль Золя обнаруживаетъ довольно неумѣренныя притязанія на широкую художественно-соціальную задачу и едва ли не полагаетъ открыть своими романами новую эру въ беллетристикѣ, поставивъ ее почти на научное основаніе. Такая претензія выражается уже въ самомъ заголовкѣ его романовъ, которые онъ называетъ „естественною

и соціальною исторіей одного семейства временъ второй имперіи". Правда, неосновательность заглавія сказывается уже внѣшнимъ образомъ въ томъ что въ романахъ Золя разказывается исторія не *семейства*, а группы людей соединенныхъ узами лишь самаго отдаленнаго, отчасти неуловимаго родства, тѣмъ не менѣе, авторъ считаетъ себя твердо стоящимъ на естественно-исторической или физіологической основѣ, развивая въ предисловіяхъ цѣлую, весьма впрочемъ неясную теорію какого-то беллетристическаго дарвинизма, весьма понравившуюся нашимъ журнальнымъ Колумбамъ, неустанно устремляющимся къ открытію все новыхъ Америкъ.

Эмиля Золя нельзя упрекнуть въ излишней скромности относительно философскаго и даже вполнѣ научнаго значенія его романовъ. „Разрѣшая двойной вопросъ темперамента и среды—говоритъ онъ въ предисловіи—я постараюсь найти и прослѣдить нить математически ведущую отъ одного человѣка къ другому. И когда я захвачу всѣ эти нити, когда я буду держать въ рукахъ цѣлую общественную группу, я изображу ее дѣйствующею въ совокупности своихъ усилій, я анализую за одинъ разъ и сумму воли каждаго ея члена и общее стремленіе всей группы." Авторъ предполагаетъ разъяснить какимъ образомъ общія родовыя особенности человѣческой натуры проявляются и выражаются въ отдѣльныхъ индивидуумахъ, передаваясь отъ лица къ лицу по законамъ наслѣдственности, по мнѣнію автора столь же безусловнымъ какъ и законы тяготѣнія (l'hérédité a ses lois, comme la pesanteur). Онъ полагаетъ что изображаемыя имъ лица представляютъ послѣдовательное вырожденіе расы развивающееся изъ первоначальнаго органическаго поврежденія, и опредѣляющее въ каждомъ отдѣльномъ лицѣ, сообразно окружающей его средѣ, его чувства, желанія, страсти, и вообще всѣ естественныя и инстинктивныя человѣческія проявленія дающія начало порокамъ и добродѣтелямъ.

Мы еще возвратимся къ этимъ слишкомъ поспѣшно формулованнымъ идеямъ, внушившимъ Эмилю Золя претензію сообщить роману строго-научное основаніе, что̀ такъ понравилось нашей журналистикѣ, вообще падкой до всего новаго и мнимо-глубокаго. Сначала же мы обратимся къ обширной трилогіи Арсена Уссе, безо всякихъ тенденціозныхъ притязаній изображающей въ двѣнадцати томахъ жизнь и нравы парижскаго общества въ самые послѣдніе годы второй имперіи.

Несмотря на огромный успѣхъ который имѣла у французской публики эта библіотека свѣтскихъ романовъ, Уссе несомнѣнно занимаетъ въ парижской литературѣ второстепенное мѣсто. Его романы очень эпизодичны, и самые эпизоды довольно однообразны. Онъ не изучаетъ глубоко натуру своихъ героевъ, которые являются у него подъ тою же самою маской какъ ихъ знаютъ въ свѣтѣ; драматическія столкновенія у него рѣдки и изображаются совершенно поверхностно. Остроуміе его отзывается напряженіемъ, и отъ него вѣетъ нѣкоторою скукой. Тѣмъ не менѣе, онъ очевидно знаетъ парижскій свѣтъ, и рисуемыя имъ сцены большею частью вѣрны по крайней мѣрѣ по внѣшности. Такъ какъ послѣ Бальзака французскіе романисты утратили искусство проникать во внутренній міръ человѣка, то такое внѣшнее отношеніе къ жизни и къ людямъ все-таки приходится предпочесть фальшивой драматизаціи и мнимо-глубокому психологическому анализу съ которыми мы встрѣчаемся въ романахъ Дюма-сына, Фейдо, Карра и др.

За вѣрность общаго колорита подъ какимъ является парижская жизнь подъ перомъ Уссе и Золя ручается то обстоятельство что несмотря на рѣзкое различіе въ воззрѣніяхъ, цѣляхъ и пріемахъ обоихъ авторовъ, жизнь эта рисуется у того и у другаго однѣми и тѣми же преобладающими сторонами, и противорѣчіе взглядовъ ускользаетъ изъ вниманія читателя какъ скоро оба романиста входятъ въ непосредственную область факта. Уссе какъ бы любуется этими выдающимися сторонами парижской жизни, тогда какъ Золя постоянно напоминаетъ что касается ихъ лишь въ качествѣ сатирика изучающаго общественныя язвы. Но подъ перомъ того и другаго романиста этотъ господствующій недугъ французскаго общества сказывается одними и тѣми же симптомами. У Арсена Уссе онъ рисуется въ видѣ изящнаго легкомыслія, составляющаго отличительную особенность и какъ бы даже украшеніе національнаго характера; у Золя онъ изображается какъ разнузданность хищныхъ инстинктовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, это не что̀ иное какъ безмѣрная жажда матеріальныхъ наслажденій обуявшая цѣлое общество и породившая всѣ формы и проявленія народной деморализаціи—погоню за быстрою наживой, безпринципность, непомѣрное стремленіе къ роскоши, отсутствіе твердой черты

отдѣляющей честную женщину отъ куртизанки, продажность администраціи, апатію владѣющихъ классовъ и ярость *коммунаровъ.*

Эта необузданная жажда матеріальныхъ наслажденій, притупившая вкусъ къ наслажденіямъ духовнаго порядка, и вмѣстѣ съ неизлѣчимою сухостью сердца породившая всѣ преобладающіе пороки современнаго французскаго общества, составляетъ существенную черту въ характерѣ главнаго героя Уссе, герцога де-Паризи, этого новѣйшаго Донъ-Жуана, отличающагося отъ своего прототипа только безсердечнымъ эгоизмомъ и недугомъ тяжелой тоски, снѣдающимъ его среди роскоши, славы, изящнаго разсѣянія и безстрастныхъ увлеченій. Сколько ни старается авторъ опоэтизировать своего героя, щедро одѣляя его самыми блестящими внѣшними качествами, онъ не въ состояніи сообщить ему очарованія жаркой страсти, придающаго столько человѣчности характеру Донъ-Жуана. У Октава де-Паризи нѣтъ мѣста беззавѣтному увлеченію; онъ холоденъ и безстрастенъ, несмотря на обаятельную внѣшность, и вмѣсто движеній сердца читатель подмѣчаетъ въ немъ только порывы необузданнаго тщеславія и жажду наслажденій. Его безнравственность никогда не переходитъ въ художественное повѣсничество Донъ-Жуана, но отзывается хищностью скучающаго негодяя. Эта хищническая погоня за успѣхомъ и наслажденіемъ такъ преобладаетъ надъ всѣми другими чертами въ характерѣ Октава что моралистъ не колеблясь отнесетъ его къ той же самой кликѣ Наполеоновскихъ проходимцевъ съ которою мы встрѣтимся въ романахъ Золя. Преимущество его надъ этими проходимцами заключается въ томъ что онъ родился въ болѣе счастливыхъ условіяхъ, наслѣдовавъ отъ предковъ громкое имя и богатство. Ему не надо марать въ грязи своихъ аристократическихъ рукъ чтобы завоевать общественное положеніе; на немъ не лежитъ тотъ темный слой который осѣдаетъ на людяхъ пробившихся плутнями изъ нижнихъ ярусовъ соціальнаго зданія къ вершинамъ „свѣта“. Но внѣ этого преимущества, Октавъ де-Паризи такая же плотоядная организація какъ и Ругоны или Саккары у Золя, въ такой же степени представитель порочныхъ стремленій своего общества и своей эпохи. Своимъ авторитетомъ онъ какъ бы освящаетъ разнузданность матеріальныхъ инстинктовъ и презрѣніе къ духовнымъ интересамъ

овладѣвшія обществомъ; своимъ безстрастнымъ одобреніемъ и участіемъ онъ какъ бы оправдываетъ общее пониженіе интеллектуальнаго уровня отразившееся въ преобладаніи низшихъ, бульварныхъ вкусовъ, благодаря которымъ куртизанка заняла мѣсто честной женщины, пародія—мѣсто поэзіи, café chantant—мѣсто симфоническаго концерта, афродизіатическій романъ—мѣсто литературы, сплетня—мѣсто политики, и тенденціозная фразеологія—мѣсто науки.

Французская критика кажется оказала Арсену Уссе несоразмѣрную услугу открывъ въ его романахъ сатирическое содержаніе. Въ сущности авторъ *Les Grandes Dames* не только совершенно доволенъ своимъ героемъ, но всячески его идеализуетъ и любуется имъ. Онъ какъ бы желалъ воплотить въ немъ самыя привлекательныя свойства національнаго характера: неподражаемое изящество, блескъ, ловкость, остроуміе, увлекательность, въ самомъ имени *Parisis*, напоминающемъ классическаго Париса и названіе французской столицы, какъ бы выражается намѣреніе автора представить въ лицѣ своего героя квинтъ-эссенцію той тонкой красоты и изящества жизни какую, по убѣжденію всякаго Француза, можно найти только въ Парижѣ. Отрицательное, сатирическое значеніе этого собирательнаго типа обнаруживается уже независимо отъ намѣреній автора, хотя впечатлѣніе нисколько тѣмъ не ослабляется.

Типъ этотъ во всякомъ случаѣ не лишенъ интереса, именно потому что представляетъ довольно вѣрный внѣшній идеалъ той высшей galanterie которая, по мнѣнію Французовъ, составляетъ главное очарованіе парижской жизни. Авторъ потратилъ не мало усилій чтобы придать этому идеалу внѣшнюю привлекательность, и если подъ маской новѣйшаго Донъ-Жуана обнаруживается ничѣмъ не наполненная внутренняя пустота, это надо принять за показаніе нравственной порчи, обуявшей французское общество второй имперіи. Для историческаго уразумѣнія эпохи важно то что въ этомъ типѣ вышедшемъ прямо изъ нѣдръ стараго, аристократическаго общества и ничѣмъ не связанномъ съ имперіей, мы найдемъ тѣ же самыя порочныя и низкія черты, тѣ же симптомы нравственнаго и умственнаго паденія съ которыми встрѣтимся послѣ у проходимцевъ второй имперіи вышедшихъ прямо изъ coup d'état 2го декабря.

Авторъ съ самой колыбели окружаетъ своего героя очаро-

ваніемъ легендарной поэзіи. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ, во время англо-французскихъ войнъ, Жанъ де-Паризи, предокъ Октава, долженъ былъ жениться на самой красивой дѣвушкѣ своей страны, Бланкѣ де-Шамповеръ. Но предъ самою свадьбой, король Карлъ VII взялъ Жана на войну, достигшую ожесточенія подъ стѣнами Орлеана. Жанъ оказалъ чудеса храбрости; военныя дѣйствія между тѣмъ затянулись, и прекрасная Бланка чахла съ тоски, разлученная со своимъ женихомъ. Когда Жану удалось наконецъ, между двумя сраженіями, посѣтить свою возлюбленную, онъ нашелъ весь домъ въ слезахъ и отчаяніи: Бланка умирала. Тщетно Жанъ молилъ небо продлить дни его невѣсты: она уже боролась со смертію. Въ полночь страшный призракъ появился въ комнатѣ умирающей: то была смерть. Жанъ бросился между нею и ея жертвой, но смерть была сильнѣе его. Шпага его переломилась. „Господи, Господи, сжалься надо мной!" воскликнулъ онъ. Ангелъ Божій явился надъ изголовьемъ Бланки и наложилъ на нее божественный поцѣлуй; но этотъ поцѣлуй не разбудилъ ее. Тогда Жанъ воззвалъ къ сатанѣ: ангелъ тьмы явился на зовъ его и удалилъ смерть.

„— Она будетъ жить, сказалъ онъ, указывая на Бланку,— но ты дорого заплатишь за эту жизнь. Каждый часъ ея будетъ стоить твоей душѣ цѣлаго вѣка осужденія. Сынъ который родится изъ лона ея будетъ осужденъ при самомъ рожденіи.

„— Нѣтъ, только не сынъ мой! воскликнулъ Жанъ.—Я принимаю вѣка осужденія, но чтобы смерть не тронула моего сына.

„— Такъ внука твоего?

„—Нѣтъ! Я послѣдній изъ Паризи и хочу чтобы древо моего рода долго еще обростало вѣтвями.

„— Хорошо! сказалъ сатана.—Ты не будешь послѣднимъ Паризи. Твой родъ проживетъ еще четыре столѣтія послѣ смерти твоего перворожденнаго, но всѣ Паризи будутъ отмѣчены роковою печатью и всѣ погибнутъ трагическою смертію. Любовь будетъ смертельна для Паризи, и любовь Паризи будетъ смертельна."

Жанъ женился на Бланкѣ и они были счастливы; но чрезъ десять лѣтъ мужъ умеръ насильственною смертью. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе четырехъ вѣковъ, ни одинъ Паризи не умеръ естественнымъ образомъ, и съ каждымъ поколѣніемъ число лѣтъ счастливой любви уменьшалось на одинъ годъ. Октавъ былъ послѣднимъ въ родѣ; ему, по предсказанію легенды,

предстояло быть счастливымъ только одинъ годъ и умереть насильственною смертію.

Напутствуемый этою легендой, которая повелѣваетъ бояться любви и напоминаетъ о близкой трагической смерти, Октавъ вступаетъ въ жизнь безсердечнымъ фаталистомъ, заботящимся лишь о томъ чтобъ извлечь какъ можно болѣе наслажденій изъ скудно отмѣренныхъ лѣтъ счастія. Природа одарила его самыми плѣнительными внѣшними качествами для того чтобы сдѣлать его съ самаго вступленія въ свѣтъ героемъ и центромъ парижской жизни. Онъ соединяетъ мускулы Геркулеса съ обольстительною граціей Антиноя; онъ превосходитъ всѣхъ въ физическихъ упражненіяхъ, язвительное остроуміе его убиваетъ враговъ вѣрнѣе чѣмъ шпага. На губахъ его играетъ усмѣшка, во взглядѣ бродитъ мысль или скорѣе какая-то греза, онъ соединяетъ небрежную развязность артиста съ достоинствомъ дипломата. Онъ знаетъ что ни одна женщина не можетъ устоять противъ него, и никогда не возвращается на завтра къ женщинѣ которую любилъ сегодня. Списокъ его жертвъ безконеченъ; имена ихъ внесены на всѣхъ языкахъ, даже на китайскомъ, такъ какъ онъ былъ и въ Китаѣ. Онъ любитъ путешествовать, потому что парижская жизнь, гдѣ онъ вращался одною ногой въ высшемъ обществѣ, другой въ полусвѣтѣ, не могла разсѣять томившей его скуки. Но онъ не походилъ на тѣхъ туристовъ которые каждое лѣто предпринимаютъ поѣздки въ Римъ, въ Баденъ-Баденъ, на Пиренеи; онъ отправлялся путешествовать для того чтобъ объѣхать вокругъ свѣта, проникнуть въ недоступныя страны, перебраться чрезъ Китайскую Стѣну, выкурить сигару въ Тимбукту или назваться царемъ какого-нибудь индійскаго племени. На двадцатомъ году онъ уѣхалъ въ Лиму, гдѣ его отецъ имѣлъ золотые пріиски, и возвратясь во Францію, вступилъ въ дипломатію. Началась англо-французская война съ Китайцами; Октаву поручили отвезти депеши къ Бурбулону. „Такъ какъ мои предки взяли Іерусалимъ, сказалъ себѣ Октавъ, то я возьму Пекинъ.“ Онъ раздѣлилъ съ горстью англо-французскихъ солдатъ побѣду при Цинъ-Ку и участвовалъ во взятіи фортовъ Пей-Ко. Затѣмъ вмѣстѣ съ побѣдителями онъ вошелъ въ Пекинъ, откуда вывезъ молоденькую Китаянку и вѣеръ Mme Помпадуръ, съ цѣлью подарить его первой маркизѣ которую встрѣтитъ въ Сенъ-Жерменскомъ

предмѣстьи. Герцогиня де-Паризи, мать Октава, говорила своему сыну: „Одно только я тебѣ рекомендую, это влюбляться во всѣхъ женщинъ.“ Октавъ слѣдовалъ совѣту своей матери: онъ любилъ всѣхъ чтобы предохранить себя отъ опасности любить одну. Такая роль требуетъ большой дѣятельности; и Октавъ былъ дѣятеленъ, достигая всего своею гордою и насмѣшливою красотой, своимъ изящнымъ искусствомъ говорить *все* самому деликатному уху, своимъ умѣньемъ казаться страстнымъ, не имѣя страсти въ сердцѣ.

Октавъ былъ богатъ не столько наличными средствами, сколько кредитомъ и искусствомъ жить роскошно безъ копѣйки денегъ. Онъ умѣлъ выпутываться изъ денежныхъ затрудненій не прибѣгая къ унизительнымъ или компрометтирующимъ сдѣлкамъ. Его называли щедрымъ, расточительнымъ; у него были нахлѣбники, онъ подавалъ милостыню не считая. Когда на улицѣ два бездѣльника дрались, онъ платилъ имъ деньги чтобъ они поцѣловались; правда, этотъ спектакль стоилъ ему не слишкомъ дорого. Онъ повторялъ приключеніе одного изъ своихъ предшественниковъ, графа Грамона, давшаго однажды двадцать четыре ливра двумъ мошенникамъ укравшимъ пять луидоровъ и хотѣвшимъ получить каждый на свою долю по три. Требовалось не мало искусства со стороны Октава чтобъ хорошо разыграть такую игру, потому что у него не было ни копѣйки. Но онъ умѣлъ скрывать свою бѣдность въ обстановкѣ роскоши, какъ богачи скрываютъ свое богатство подъ скромною жизнью. По возвращеніи изъ Перу, онъ собралъ милліонъ въ различныхъ бумагахъ; зáмокъ его стоилъ со всею движимостью также милліонъ—итого два. Но это было десять лѣтъ назадъ. Перваго милліона Октаву хватило только на два года. Пригоршни его были постоянно раскрыты; онъ служилъ провидѣніемъ комедіантокъ, львицъ Булонскаго лѣса и друзей; ему нужно было ежедневно полторы тысячи франковъ чтобъ жить *какъ слѣдуетъ* съ его титуломъ герцога, его жаждой наслажденій, его привычками d'enfant prodigue. Два милліона казались ему неистощимымъ рудникомъ; но скоро ему пришлось заложить свою недвижимость. И этихъ средствъ стало не на долго. Съ тѣхъ поръ Октавъ разыгрывалъ комедію своей жизни безъ заботы о завтрашнемъ днѣ, предоставивъ будущее на волю Божію, разчитывая въ крайнемъ случаѣ сдѣлаться посланникомъ

въ Карлсруэ или въ Дрезденѣ, или садить капусту въ своемъ наслѣдственномъ имѣніи.

„Къ тому же онъ принадлежалъ къ новому поколѣнію, живущему изо дня въ день и не заботящемуся о завтрашнемъ утрѣ. Это поколѣніе не умнѣе предшествовавшаго, но и не слишкомъ его глупѣе, потому что жизнь не банкирскій домъ и не запасный магазинъ. Свѣтскій человѣкъ никогда не умираетъ съ голоду; живущіе богато чтобъ умереть бѣдными поступаютъ умнѣе тѣхъ кто живетъ бѣдно чтобъ умереть богатымъ, потому что они-то и суть настоящіе богачи. Весело истратить луидоръ значитъ имѣть его, тогда какъ спрятать скупою рукой значитъ потерять его.“

Этой философіи жизни, которую кажется вполнѣ раздѣляетъ и авторъ, Октавъ слѣдовалъ съ полною искренностью. Онъ жилъ кредитомъ и связями. „Браконьеръ добываетъ болѣе дичи чѣмъ охотникъ—находитъ ли онъ ее оттого менѣе вкусною? Грёзъ, который былъ рогоносцемъ подобно Мольеру, называлъ свѣтскихъ львовъ браконьерами супружества; не слѣдуетъ ли назвать ихъ браконьерами жизни вообще?“ Обстановка Октава попрежнему была роскошна; какъ онъ добывалъ ее? откуда были у него напримѣръ скаковыя лошади, охотничьи экипажи? Потому что молодой маркизъ Сенъ-Эймуръ однажды сказалъ ему, по его возвращеніи изъ Китая: „хочешь вмѣстѣ со мною вести скачки и охотиться?“ „Хорошо, но у меня нѣтъ наличныхъ денегъ.“ — „Пустяки, мы послѣ сочтемся“. И въ ожиданіи этого разчета, Октавъ бралъ половину всѣхъ выигрышныхъ призовъ, и всѣ были увѣрены что это *онъ* пускалъ лошадей на скачки и устраивалъ охотничьи пиры. Отсутствіе домашняго хозяйства и кое-какія удачныя спекуляціи позволяли ему продолжать этотъ образъ жизни, не помышляя о ликвидаціи.

Таковъ въ общихъ чертахъ герой Арсена Уссе; онъ наполняетъ собою четыре тома романа *Les Grandes Dames*, и появляется вновь въ *Les Courtisanes du Monde*, подъ именемъ лорда Соммерсона, такъ какъ герцога де-Паризи всѣ считаютъ убитымъ въ одномъ трагическомъ столкновеніи.

„Браконьеръ жизни“, онъ входитъ въ парижскій свѣтъ съ ненасытимою жаждою наслажденій, которыхъ натура его тѣмъ сильнѣе алкаетъ чѣмъ менѣе вноситъ онъ въ нихъ искренняго чувства. Хищникъ по природѣ и убѣжденію, онъ боится всякой прочной привязанности и бѣжитъ

отъ своей прелестной кузины Женевьевы, которую за него прочатъ родные. Симпатичный образъ этой дѣвушки, уединенно стоящій среди болѣе или менѣе развращеннаго общества въ которое вводитъ насъ авторъ, пугаетъ Октава своею незапятнанною чистотой; онъ боится любви, и конечно не потому только что легенда предсказала смерть каждому изъ рода Паризи кто осмѣлится полюбить. Холодная натура его не способна сосредоточиться на одномъ глубокомъ чувствѣ; полюбить—значитъ отказаться отъ браконьерства, отъ хищничества, которыя составляютъ его настоящую стихію. И когда наконецъ сцѣпленіе вещей возбуждаетъ въ немъ нѣчто подобное простому, искреннему чувству, когда онъ дѣлается мужемъ Женевьевы—этого чувства ему хватаетъ лишь на нѣсколько мѣсяцевъ, пока его искусственно поддерживаетъ уединеніе; но разъ онъ вновь вступаетъ въ водоворотъ жизни, какъ съ прежнею силою овладѣваютъ имъ привычки и инстинкты хищничества, и очертя голову онъ бросается въ омутъ интригъ и разнузданныхъ аппетитовъ.

Оглянемся на этотъ вѣчно возмущенный омутъ, этотъ водоворотъ парижской жизни, гдѣ въ странномъ и безобразномъ смѣшеніи честная женщина встрѣчается лицомъ къ лицу съ куртизанкою, безплодно перегораютъ молодыя силы, и старость сердца прячется подъ маскою холодныхъ увлеченій и безстрастнаго разгула.

Самое поразительное, характеристическое отличіе этого міра—будемъ ли мы его разсматривать сквозь розовый флеръ Арсена Уссе или сквозь сатирическую призму Эмиля Золя,—заключается въ томъ отчужденіи общества отъ нравственныхъ началъ благодаря которому міръ большаго свѣта и міръ авантюристовъ и авантюристокъ соприкасаются между собою въ ежедневной жизни, и переходъ изъ одного въ другой часто бываетъ дѣломъ одного сезона. Въ обществѣ какъ бы вовсе не существуетъ нравственныхъ основъ охраненіе которыхъ дѣлается задачею каждаго добропорядочнаго семейства. Дамы большаго свѣта соперничаютъ съ куртизанками въ роскоши туалетовъ и домашней обстановки; интимная жизнь послѣднихъ возбуждаетъ въ нихъ страстное любопытство, побуждающее ихъ толпиться въ дни аукціоновъ въ квартирахъ обанкрутившихся авантюристокъ и направляющее ихъ бинокли на ложи львицъ, въ театрахъ или на скачкахъ. Никакой внутренней жизни какъ бы не существуетъ въ

обществѣ; все сводится къ публичной выставкѣ нарядовъ и экипажей, къ соперничеству показною роскошью, причемъ позорное происхожденіе этой роскоши никому не колетъ глаза и не препятствуетъ успѣху. Одни мало-по-малу совсѣмъ перестаютъ замѣчать тонкую черту отдѣляющую міръ большаго свѣта отъ полусвѣта, другіе томятся сохранившимися въ семейной жизни требованіями приличія и долга. Постоянное, ежеминутное сосѣдство этихъ двухъ міровъ порождаетъ опасныя искушенія. „Мнѣ тридцать четыре года, пишетъ своей подругѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ романа, герцогиня де-Кампаньякъ, моя молодость прошла безъ просвѣта, точно я жила только въ дождливые дни. Все вокругъ меня было печально. Моя наружность такъ строга что никто никогда не остановился передо мной чтобы сказать мнѣ что я прекрасна. Меня подавляли уваженіемъ; предъ моею добродѣтелью какъ будто поставили вѣчный знакъ удивленія. Я ѣзжу на всѣ свѣтскіе балы, но въ особенности на проповѣди и благотворительные праздники. Лишь только я вхожу въ гостиную, со мною заговариваютъ о пріютахъ для бѣдныхъ. И вотъ теперь мнѣ приходится вспомнить о легендахъ въ которыхъ отдаютъ дьяволу душу на вѣчную погибель за одинъ часъ...“

„Сколько самыхъ честныхъ женщинъ, замѣчаетъ по поводу этихъ признаній одинъ французскій критикъ, подверглись подобному кризису! Герцогиня де-Кампаньякъ выразила здѣсь свою тайную мысль. Страшное испытаніе! оно объясняетъ необыкновенные случаи паденія, скандализирующіе и изумляющіе міръ. Этотъ-то сплинъ добродѣтели губитъ аристократическихъ ангеловъ, которые падаютъ по временамъ, съ большимъ шумомъ, съ ихъ лазурно-золотаго неба. Низшій міръ привлекаетъ ихъ; онъ имѣетъ для нихъ неотразимую заманчивость бездны. Нѣкоторыя изъ этихъ падшихъ женщинъ сохраняютъ отпечатокъ ихъ прежней жизни, онѣ бросаютъ на свой позоръ покровъ приличія. Другія, какъ Mme д'Антрэгъ, падаютъ по естественному закону тяготѣнія, и ихъ послѣдній прыжокъ есть только результатъ запоздавшаго призванія. Онѣ скользятъ въ бездну точно съ ледяной горы, смѣясь, играя, сумашествуя...“

Въ этомъ-то безпокойномъ, вѣчно движущемся водоворотѣ парижской жизни, какъ бы сорвавшейся съ своихъ основъ и мятущейся среди новаго вавилонскаго столпотворенія, вра-

щается великолѣпный герцогъ де-Паризи. Въ томъ смѣшеніи, какое представляетъ эта жизнь, онъ одинаково принадлежитъ высшему обществу и полусвѣту, и дѣлить себя между тѣмъ и другимъ ему тѣмъ легче что оба эти міра все болѣе стремятся ко взаимному сближенію. Его успѣхи одинаково легки здѣсь и тамъ, и одна и та же развязка одинаково вѣнчаетъ его похожденія въ самыхъ повидимому противоположныхъ слояхъ общества. Для иностранца, выросшаго въ совершенно другихъ общественныхъ преданіяхъ, порою становятся непонятны черты которыми авторъ рисуетъ этотъ двойственный міръ; и тѣмъ не менѣе черты эти вѣрны, и французская критика сама признается что парижскій *свѣтъ* узналъ себя въ этомъ Декаменронѣ XIX столѣтія... „Въ нѣсколько мѣсяцевъ, отозвался рецензентъ газеты *Liberté*,—*Les Grandes Dames* Арсена Уссѐ завоевали публику. Они пользуются величайшимъ успѣхомъ; ихъ изданія почти столь же многочисленны какъ разказанныя въ нихъ приключенія. Женщины въ особенности ввели этотъ романъ въ моду. Онѣ читаютъ его словно входятъ въ маскарадную залу, стараясь узнавать маски и надписывать имена надъ псевдонимами. Не одна читательница, перевертывая страницу, почувствуетъ что съ нея самой сорвана маска и что она какъ бы остановилась предъ зеркаломъ.“ Какой ужасный приговоръ обществу узнающему себя въ книгѣ рѣдкая страница которой не возмущаетъ нравственнаго чувства! „И всѣ эти исторіи такъ правдивы, замѣчаетъ французскій рецензентъ, что Mme д'Антрэгъ, подъ своимъ именемъ или подъ псевдонимомъ, написала къ Арсену Уссѐ длинное письмо чтобы поблагодарить его за то что онъ такъ хорошо говоритъ о падшей женщинѣ.“

Исторія этой Алисы д'Антрэгъ представляетъ одинъ изъ самыхъ поучительныхъ эпизодовъ въ книгѣ Уссе. Если въ герцогинѣ де-Кампаньякъ мы видимъ женщину падающую подъ бременемъ уваженія которымъ окружаетъ ее общество, если на ней повторяется извѣстное замѣчаніе Бальзака о томъ что перейдя за тридцать лѣтъ женщина начинаетъ бояться опоздать своимъ выходомъ на сцену свѣтскихъ искушеній, то графиня д'Антрэгъ представляетъ собою болѣе распространенный въ парижскомъ обществѣ типъ куртизанки по природѣ, падающей по „естественному закону тяготѣнія“. Она просто скучаетъ въ размѣренномъ и обезпеченномъ однообразіи свѣтской жизни; ее не влекутъ ни темпераментъ,

ни увлеченіе, ни роковое совпаденіе обстоятельствъ; она просто не въ силахъ устоять противъ любопытства неудержимо толкающаго ее разнообразить свою жизнь приключеніемъ, заглянуть хотя однимъ глазомъ въ тотъ блестящій міръ полусвѣта, съ которымъ она ежедневно встрѣчается въ театрѣ, на скачкахъ, на прогулкѣ, даже въ интимной жизни своего мужа. Пять лѣтъ безупречнаго супружества тяготятъ ее; это, по выраженію автора, самая длинная станція какая возможна для ея добродѣтели. Встрѣтившись съ Октавомъ на костюмированномъ балѣ, она, еще не подозрѣвая для себя никакой опасности, отъ скуки продолжаетъ маскарадную интригу и вступаетъ съ Октавомъ въ анонимную переписку. Затѣмъ слѣдуютъ двѣ-три условленныя встрѣчи, одна изъ которыхъ оканчивается громкимъ скандаломъ, такъ какъ Октавъ неосторожно забываетъ свою перчатку. И вотъ, это фарисейское общество, допускающее подъ рукою самыя темныя сдѣлки, безмѣрно шокируется скандаломъ и изгоняетъ изъ своей среды графиню д'Антрэгъ. Предъ нею запираются двери парижскихъ салоновъ. Покинутая мужемъ, отвергнутая обществомъ, она заводитъ знакомства въ мірѣ куртизанокъ. Однажды полиція накрываетъ азартную игру въ домѣ одной львицы полусвѣта; Mme д'Антрэгъ оказывается въ числѣ арестованныхъ женщинъ и попадаетъ въ тюрьму. Этотъ случай рѣшаетъ ея окончательную деградацію изъ свѣтской женщины въ рядовую куртизанку...

Исторія очень печальная именно потому что она носитъ печать полной вседневности, заурядности, такъ что каждый знакомый съ парижскою жизнью признаетъ во всѣхъ ея подробностяхъ фотографическую копію ежедневныхъ свѣтскихъ приключеній. Никакія роковыя силы не принимаютъ участія въ невѣрномъ шагѣ Mme д'Антрэгъ; она отступается не вслѣдствіе неодолимаго внѣшняго толчка, а просто потому что внутри себя, въ себѣ самой, она не находитъ никакой опоры, никакихъ установившихся принциповъ, никакого нравственнаго руководства. Атмосфера легкомыслія волнующаяся вокругъ нея незамѣтно увлекаетъ ее, безъ борьбы, безъ страсти, просто потому что всѣ кругомъ дѣлаютъ то же самое, и что нравственная мѣра вещей и чувство долга утрачены обществомъ....

Двѣнадцать томовъ Арсена Уссè очень богаты подобными исторіями. Знакомить читателя съ ихъ содержаніемъ нѣтъ никакой

надобности. Въ общемъ онѣ совершенно однообразны, и картина которую онѣ наполняютъ производитъ, вопреки старанію автора не выходить изъ тона *милой болтовни*, чрезвычайно тяжелое впечатлѣніе. Этотъ міръ эгоизма и холоднаго, матеріалистическаго разврата, міръ продажной администраціи и продажныхъ женщинъ, блестящій омутъ, гдѣ львица большаго свѣта и львица театральнаго бенуара неудержимо стремятся ко взаимному сближенію—отмѣченъ не однимъ только нравственнымъ вырожденіемъ общества. Царство куртизанокъ привело и къ другимъ результатамъ. Вышедшія изъ низшихъ общественныхъ сферъ, съ подмостковъ маленькихъ сценъ, изъ кафе-шантановъ, изъ-за прилавковъ модныхъ магазиновъ, и фигурируя въ комедіи свѣта наравнѣ съ честною женщиной, а иногда и выше ея, эти героини авантюры внесли съ собою во всѣ слои общества понятія и вкусы своихъ будуаровъ, насытили весь Парижъ цинической пошлостью своего міросозерцанія. Преобладающіе вкусы нашего времени—скабрезные романы, на тысячи ладовъ повторяющіе вѣчную „histoire d'une fille perdue", гривуазные шансоннетки, идіотическія и сальныя пародіи, кофейная музыка, банальная живопись для будуаровъ и кабинетовъ, раззолоченная роскошь домашней жизни, все это есть прямой результатъ господства куртизанки. Французы сами отдаютъ справедливость той непреодолимой пошлости и невѣжеству которыми отличаются женщины этого круга, большею частью принужденныя даже свою незамысловатую переписку вести черезъ кухарокъ, по причинѣ своей полной безграмотности. Франція всегда страдала дурнымъ воспитаніемъ женщинъ; но авантюристки прошлаго столѣтія по крайней мѣрѣ заботились развить въ себѣ вкусъ къ литературѣ, къ искусству, и до нѣкоторой степени представляли въ обществѣ элементъ изящнаго. Современные французскіе критики, какъ напримѣръ Поль Сенъ-Викторъ, сами сознаются что для парижскаго общества XVIII вѣка было бы большимъ оскорбленіемъ всякое сравненіе съ нынѣшними героями и героинями галантной авантюры. Понятно какое быстрое и роковое пониженіе интеллектуальнаго уровня должно было произойти во французскомъ обществѣ какъ скоро невѣжественная комедіантка, довѣряющая орѳографіи своей кухарки гораздо болѣе чѣмъ своей собственной, стала на вершинѣ свѣта, распространяя вокругъ себя заразу пошлости и грубости и оттѣснивъ на задній планъ честную

женщину. Писатели не погибшіе окончательно въ этой общественной заразѣ начинаютъ сознавать причину и источники ужаснаго зла удручающаго Францію. Царство куртизанокъ заставляетъ ихъ бить тревогу. „Видано ли когда-нибудь, восклицаетъ тотъ же самый Поль Сенъ-Викторъ, чтобы куртизанки дѣлали столько шуму и занимали такое мѣсто какъ въ послѣднее время? Онѣ наполняютъ романы, завладѣли сценой, царствуютъ въ Булонскомъ лѣсу, на скачкахъ, въ театрѣ, повсюду гдѣ только собирается толпа. Ихъ показное положеніе было постояннымъ совращеніемъ. Отъ этого безпрерывнаго соприкосновенія съ ними произошла путаница связей, модъ, нравовъ, разговоровъ, смѣшавшая общественные классы нѣкогда раздѣленные непроходимымъ разстояніемъ. Вершины общества болѣе не различаются явственно отъ ихъ антиподовъ. Большой свѣтъ отдѣляется отъ полу-свѣта едва примѣтнымъ рубежомъ. Кто скажетъ сколько энергій разбила эта нравственная распущенность, сколько силъ она истощила, сколько душъ опошлила? Кто опредѣлитъ какое участіе принимаетъ она въ нашихъ страшныхъ бѣдствіяхъ? Низложеніе куртизанки, низведеніе ея на ея надлежащее мѣсто, должно сдѣлаться для новой Франціи первымъ актомъ возвращенія къ мужественной добродѣтели. Дѣло идетъ не о пуританизмѣ, но объ общественномъ спасеніи, о соціальной жизни или смерти. Общество отдавшееся оргіи, въ часъ великаго испытанія ничего не способно сдѣлать какъ только протянуть шею подъ мечъ ликтора, подобно древней Мессалинѣ.“ Признаки пробуждающейся общественной нравственности выразились въ томъ новомъ тонѣ какимъ заговорила парижская критика по поводу послѣдней части трилогіи Арсена Уссё, написанной еще до Франко-Прусской войны, но явившейся въ печати уже послѣ Седанской катастрофы. „Эти послѣдніе томы—замѣчаетъ Сенъ-Викторъ, прочтутся безъ сомнѣнія съ тѣмъ же интересомъ какъ и предыдущіе. Талантъ поддерживается, портреты изобилуютъ, сцена безпрерывно мѣняется, какъ въ кипучей драмѣ; новыя лица, мѣшаясь съ прежними, ежеминутно возобновляютъ интригу и возбуждаютъ сердце. Но впечатлѣніе уже не то: эта книга опечалитъ тѣхъ кого волновала прежде. Ужасный годъ прожитый нами произнесъ свой послѣдній приговоръ надъ міромъ который мы видѣли на сценѣ. Онъ обнаружилъ его ничтожество, обнажилъ его язвы, открылъ его изукрашенные

гробы. Мы знаемъ теперь сколько нищеты, погибели и порчи таилось въ великолѣліи и празднествахъ великаго Парижа. Гейне остроумно разказываетъ гдѣ-то что присутствуя разъ вечеромъ на представленіи *Tour de Nesle*, онъ смотрѣлъ піесу сквозь розовый вуаль одной молодой и прекрасной женщины, сидѣвшей предъ нимъ; такимъ образомъ страшныя картины драмы являлись ему сквозь веселыя и смѣющіяся краски. Мы напротивъ того оглядываемся на праздники и торжества послѣдняго времени сквозь черную и кровавую дымку. Необъятный трауръ покрываетъ ихъ тѣнью. Громъ грянулъ, очарованіе прервано. Не какъ блестящій, легкій романъ раскрываемъ мы вновь *La Comédie Parisienne* Арсена Уссе, а какъ секретную исторію общества мертваго и заслуживавшаго смерти. Она ничего не потеряетъ если мы прочтемъ ее съ этой новой точки зрѣнія. Еслибъ авторъ сталъ ее теперь передѣлывать, онъ написалъ бы ее болѣе мрачнымъ перомъ.“

Такъ, послѣ страшнаго политическаго урока, французская критика, дружественно и снисходительно покровительствовавшая распущенности своей литературы, сама какъ бы испугалась результатовъ которымъ легкомысленно служила, и требуетъ отъ романистовъ инаго тона, иныхъ красокъ, инаго отношенія къ дѣйствительности. Трудно предсказать насколько эти едва намѣчающіеся признаки могутъ быть названы поворотомъ общественнаго мнѣнія и литературнаго настроенія; но если это настроеніе продержится во французской критикѣ, мы будемъ вправѣ ожидать что для двусмысленной литературы послѣдняго времени настанетъ конецъ, и Европа очистится отъ скабрезныхъ романовъ и гривуазныхъ оперетокъ которыми въ такомъ изобиліи снабжаетъ ее Парижъ.

Къ сожалѣнію, французскимъ романистамъ повидимому гораздо легче усвоить себѣ новые взгляды и принципы чѣмъ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ пріемовъ благодаря коимъ романы новаго направленія продолжаютъ разрабатывать все ту же сладострастную тему и попрежнему способны вносить въ общество только самое растлѣвающее вліяніе. Къ такому печальному выводу приводятъ романы молодаго писателя, Эмиля Золя, къ которому мы сейчасъ перейдемъ. Знакомясь съ этими романами (также какъ со знаменитымъ романомъ Рошфора или съ произведеніями Густава Дроза, тоже молодаго и будто бы сатирическаго писателя) убѣждаешься что

французскимъ беллетристамъ не подъ силу отстать отъ укоренившейся въ литературѣ нравственной распущенности, и что обличительная идея служитъ для нихъ только уловкой, прикрытіемъ, подъ которымъ они тѣмъ свободнѣе предаются эксплуатаціи чувственныхъ инстинктовъ толпы привыкшей требовать отъ беллетристики *изящной пикантности.* Невозможно вѣрить этой лицемѣрной нравственности, которая торжественно заявляется въ предисловіи или на послѣдней страницѣ книги, тогда какъ вся книга преслѣдуетъ самую низкую цѣль. Въ нашъ вѣкъ трудно обмануть кого-нибудь извѣстною уловкой будто писатель посвящаетъ читателя во всѣ таинства порока для того чтобы внушить омерзеніе къ нему: самый недалекій умъ пойметъ что для этой цѣли моралистъ не станетъ облекать разоблачаемый порокъ тѣмъ обаяніемъ сладострастія и изящества которымъ дышетъ каждая строка у сатириковъ въ родѣ Эмиля Золя.

II.

Этого недалекаго ума не оказалось однакоже у нашей петербургской журналистики, привѣтствовавшей, какъ извѣстно, романы Золя самымъ искреннимъ образомъ, и притомъ не за художественное достоинство ихъ, въ которомъ этому писателю нельзя отказать, а именно за нравственную и политическую ихъ сторону, за заключающуюся въ нихъ ѣдкую сатиру противъ „растлѣвающаго вліянія цезаризма". Наша утратившая всякую зоркость журналистика приняла (или сдѣлала видъ что принимаетъ) за чистую монету нѣсколько звучныхъ фразъ брошенныхъ публикѣ въ предисловіи и повѣрила автору на-слово. Она не уразумѣла далѣе предисловія и не сообразила что если Наполеоновскій цезаризмъ производилъ на общество растлѣвающее вліяніе, то въ этомъ ему всего усерднѣе служила французская литература, та самая литература которой всецѣло принадлежитъ Эмиль Золя и преданіямъ которой онъ остается вѣренъ. Журналистика наша не сообразила что безстыдство общества питается безстыдствомъ литературы, а послѣдняя никогда еще не доходила до такой поразительной наглости какъ въ романѣ Золя *la Curée*, составляющемъ второе звено въ его серіи *Ругонъ-Маккары;* наши рецензенты, посиѣшив-

шіе познакомить русскую публику съ этимъ романомъ, какъ бы не знаютъ что никакая самая нравственная тенденція не можетъ искупить безстыдство сладострастныхъ описаній и будуарныхъ сценъ какими наполненъ романъ *la Curée*, и что мнимое разоблаченіе порока, тутъ же возводимаго въ нѣкоторый художественный перлъ созданія, должно дѣйствовать на публику едва ли не болѣе растлѣвающимъ образомъ чѣмъ голая проповѣдь разврата.

Мы уже знаемъ въ чемъ заключается литературное новшество Золя. Излишне говорить что претензія его поставить художественный романъ на строго-научное основаніе, открыть непреложные законы беллетристическаго творчества, провести математическую линію отъ одного человѣка къ другому, облечь въ научныя формулы зависимость индивидуальныхъ свойствъ и проявленій отъ окружающей среды, излишне говорить что всѣ эти претензіи ограничились одними предисловіями, тогда какъ въ самомъ текстѣ романовъ пріемы автора ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ пріемовъ французскихъ романистовъ, и порою даже отзываются явнымъ подражаніемъ Бальзаку и Густаву Флоберу. Шарлатанизмъ автора могъ обмануть только нашихъ доморощенныхъ дарвинистовъ, узрѣвшихъ въ его произведеніяхъ новое примѣненіе теоріи „половаго подбора“ и „борьбы за существованіе“. Эти новѣйшіе Колумбы въ своихъ поискахъ за новою Америкой не сообразили что научно-беллетристическая программа Золя противорѣчитъ самой природѣ литературнаго искусства, которое питается свободнымъ разнообразіемъ типовъ, и для котораго индивидуальность, свободно-дѣйствующая личность, есть такой же необходимый матеріалъ какъ и общественная среда. Они не замѣтили даже того что у самого Золя возвѣщенная имъ теорія ничѣмъ не выразилась въ его романахъ, если не принимать за новость наблюденіе надъ нѣкоторыми фамильными чертами у выведенныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ соединенныхъ узами родства. Впрочемъ, не одинъ только такъ-сказать беллетристическій дарвинизмъ Эмиля Золя стяжалъ ему столько поклоненія отъ нашей журналистики. Рядомъ съ неоправдавшеюся претензіей на *научное* (онъ такъ и говоритъ: scientifique) значеніе *Ругонъ-Маккаровъ*, авторъ претендуетъ совершить колоссальное обличеніе второй имперіи, на которую онъ обрушиваетъ всю вину развращенія

и растлѣнія обуявшихъ французское общество послѣдняго двадцатилѣтія. Имперія и есть та роковая среда которая такимъ неумолимымъ образомъ дѣйствуетъ на человѣческую личность. Исторія Ругоновъ есть по мнѣнію автора исторія второй имперіи, съ которою они связаны всѣми сторонами своего существованія. „Въ продолженіи трехъ лѣтъ—говоритъ онъ въ предисловіи къ *la Fortune des Rougon*—я собиралъ документы для этого обширнаго труда, и настоящій томъ былъ уже написанъ когда паденіе Бонапарта, въ которомъ я ощущалъ надобность какъ артистъ, и которое я постоянно роковымъ образомъ находилъ на концѣ драмы, не смѣя надѣяться на его близость, принесло мнѣ страшную и необходимую развязку для моего произведенія. Съ этой минуты оно окончено, заключено въ замкнутый кругъ; оно становится картиной мертваго царства, странной эпохи безумія и стыда.“

Этому колоссальному обвиненію нельзя конечно отказать въ извѣстной долѣ основательности. Безнравственная и деморализующая сторона Наполеоновскаго режима ни для кого не новость. Но чѣмъ болѣе литература нашихъ дней отправляющаяся отъ Седанской катастрофы силится обременить вторую имперію отвѣтственностью за общественное и нравственное зло, пустившее по всей Франціи такіе глубокіе корни, тѣмъ неизбѣжнѣе является вопросъ: не скрывались ли корни этого зла въ самомъ французскомъ обществѣ, и не было ли всеобщее развращеніе нравовъ подготовлено изстари упадкомъ тѣхъ нравственныхъ началъ безъ которыхъ нація должна послѣдовать по пути вырожденія? Вырожденіе это ощущается всѣми въ самой Франціи, и различныя партіи только различно помѣщаютъ его источники и причины. Эмиль Золя изображаетъ это вырожденіе въ непосредственной, тѣсной связи съ Наполеоновскимъ режимомъ. Если его герои порочны, то они порочны потому что призваны на общественную сцену переворотомъ 2го декабря, что они креатуры второй имперіи, выловленныя ею изъ самыхъ низшихъ слоевъ общества. Если изображаемое въ романахъ Золя общее стремленіе эпохи направляется къ однимъ только матеріальнымъ стяжаніямъ, если сцена жизни дѣлается ареною разнузданныхъ низшихъ аппетитовъ, то это происходитъ лишь потому что въ эту сторону призывали Францію пароль и лозунгъ второй имперіи, которая сама была дѣломъ

хищничества и разнузданныхъ аппетитовъ власти и стяжанія. Эмиль Золя какъ бы хочетъ сказать что съ цезаризмомъ пятидесятыхъ годовъ Францію наводнила орда авантюристовъ безъ имени, безъ совѣсти и чести, что эта орда наполнила всѣ общественныя сферы и оттѣснила куда-то, въ какой-то неизвѣстный мракъ, прежнюю, настоящую, здоровую Францію. Но двѣнадцать томовъ Арсена Уссе, за которыми сама французская критика признаетъ почти фотографическую вѣрность изображеній, говорятъ нѣчто другое. Они представляютъ то же самое болѣзненное стремленіе общества къ матеріальнымъ утѣхамъ и интересамъ, то же самое развращеніе нравовъ, то же самое „браконьерство жизни", съ которыми мы встрѣтимся въ романахъ Золя; но „браконьеры" выступаютъ у него во всеоружіи древняго имени, сохранившаго свой блескъ отъ крестовыхъ походовъ, комедія „галантнаго" разврата разыгрывается между герцогинями, графинями и маркизами, гордо волочащими свои историческіе гербы въ грязи бульваровъ, ресторановъ, театральныхъ кулисъ и раззолоченныхъ будуаровъ полусвѣта; глубокая нравственная порча разъѣдаетъ нѣдра того самаго „стараго" общества которое у Золя представляется оттѣсненнымъ шайкою авантюристовъ и какъ бы отсутствующимъ въ жизни во весь двадцатилѣтній періодъ второй имперіи.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемся съ капитальнымъ противорѣчіемъ, способнымъ привести въ отчаяніе всякаго кто пожелалъ бы установить въ изученіи послѣдней эпохи единство взгляда и освѣщенія. Но не слѣдуетъ пугаться подобныхъ противорѣчій. Въ историческомъ изученіи эпохи контрасты служатъ только къ пополненію и къ вящей вѣрности картины. Подъ двойнымъ угломъ зрѣнія, на какой ставятъ насъ произведенія Уссе и Золя, общая картина движенія овладѣвшаго Франціей въ послѣднее двадцатилѣтіе представится въ разносторонней совокупности явленій которая поможетъ намъ окончательно уяснить полный характеръ эпохи, имѣющей, по выраженію Сенъ-Виктора, „свою страницу въ исторіи". Задача наша будетъ заключаться въ томъ чтобы выставить какъ можно рельефнѣе самыя выпуклыя стороны жизни какъ онѣ рисуются въ современной французской литературѣ, причемъ мы не преминемъ остановиться и на тѣхъ литературно-общественныхъ чертахъ въ

романахъ Эмиля Золя, которыя по нѣкоторымъ причинамъ совершенно опущены петербургскою журналистикой.

Первый томъ *Ругонъ-Маккаровъ*—*La Fortune des Rougon*—появился уже около двухъ лѣтъ назадъ и извѣстенъ нашей публикѣ не только по извлеченіямъ (весьма впрочемъ одностороннимъ) въ нѣкоторыхъ журналахъ, но и по русскому переводу; поэтому мы напомнимъ здѣсь его содержаніе только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Дѣйствіе романа происходитъ въ южной Франціи, въ небольшомъ городкѣ Плессанѣ, въ эпоху 1848—1851 годовъ. Въ лицѣ героя, Пьера Ругона, и ближайшихъ членовъ его семьи авторъ предположилъ изобразить зарожденіе и драматическое развитіе тѣхъ хищныхъ аппетитовъ которые въ эпоху государственнаго переворота сплотили около принца Луи-Наполеона цѣлую армію авантюристовъ, и облегчивъ узурпацію, явились въ послѣдствіи преданными и дѣятельными слугами второй имперіи, съ которою они раздѣлили выгоды побѣды. Въ Ругонахъ авторъ наблюдаетъ первое проявленіе тѣхъ хищническихъ инстинктовъ и аппетитовъ которые сообщали свой отпечатокъ цѣлой эпохѣ. Пьеръ начинаетъ съ того что стремится во что бы ни стало выйти изъ крестьянской среды, въ которой рожденъ, и сдѣлаться буржуа. Онъ достигаетъ этой цѣли рядомъ интригъ и преступленій. Пользуясь слабоуміемъ полупомѣшанной матери, онъ заставляетъ ее подписать условіе въ полученіи отъ него денегъ за землю, которой иначе предстояло бы пойти въ раздѣлъ между членами семейства, и сдѣлавшись такимъ образомъ владѣльцемъ всего земельнаго участка, онъ тотчасъ продаетъ его, женится на дѣвушкѣ изъ значительнаго провинціальнаго торговаго дома, во главѣ котораго и становится вскорѣ вмѣстѣ съ своею предпріимчивою женой. Но судьба долгіе годы неблагопріятствуетъ Ругонамъ: торговля идетъ плохо, постоянные неурожаи оливокъ растраиваютъ ихъ дѣла, они теряютъ бо́льшую часть состоянія и наконецъ принуждены вовсе бросить торговлю и жить въ бѣдности процентами получаемыми съ остатковъ капитала. Корыстолюбіе Ругоновъ, которому нанесено сто́лько ударовъ, гложетъ ихъ какъ застарѣлая язва; они сдѣлались злы и раздражительны, они готовы на всякую подлость, лишь бы вырваться изъ гнетущей ихъ бѣдности. Въ такомъ положеніи застала ихъ февральская революція. Хищническое чутье подсказало имъ

что въ этомъ переворотѣ заключается для нихъ новая надежда. „Теперь, или никогда“, рѣшили они, и стали зорко слѣдить за событіями выжидая удобной минуты чтобы выступить на политическое поприще. При своемъ ограниченномъ пониманіи политическихъ вопросовъ, Ругоны вѣроятно промахнулись бы и въ этой новой игрѣ еслибъ одинъ изъ сыновей ихъ, Эженъ, получившій образованіе въ коллегіи, не взялся руководить ихъ изъ Парижа. Ходъ событій быстро шелъ къ развязкѣ; для людей проницательныхъ не было сомнѣнія что республика доживаетъ послѣдніе дни. Предстояло угадать заблаговременно какая изъ боровшихся политическихъ партій одержитъ верхъ и завладѣетъ судьбами Франціи. Сначала Ругоны склонялись на сторону легитимистовъ, и квартира ихъ сдѣлалась въ Плессанѣ центромъ легитимистской агитаціи; но скоро они спохватились что сдѣлали ошибку, разорвали связи съ своими патронами, причемъ гостиная ихъ, переставъ быть роялистскимъ салономъ, удержала за собою въ маленькомъ городкѣ значеніе политическаго центра. Весь вопросъ теперь ограничился борьбою бонапартистовъ съ республиканцами. Волненія рабочихъ охватившія весь югъ Франціи дѣлали положеніе вещей до крайности жгучимъ. Ругоны цѣлые мѣсяцы проводили въ мучительной лихорадкѣ; изъ провинціальнаго захолустья имъ трудно было заключать объ исходѣ борьбы. Осторожный Эженъ въ ожиданіи рѣшительной минуты скупо дѣлился съ ними своими совѣтами. Инсуррекція между тѣмъ разыгрывалась болѣе и болѣе; толпы вооруженныхъ рабочихъ проходили черезъ Плессанъ; съ часу на часъ надо было ожидать самыхъ рѣшительныхъ извѣстій. Наконецъ и для Эжена исходъ борьбы сдѣлался несомнѣненъ; онъ подалъ знакъ, и Ругоны открыто подняли бонапартистское знамя. Тогда закипѣла у нихъ горячая дѣятельность, въ чаяніи награды отъ завтрашняго побѣдителя. Авторъ съ большимъ талантомъ слѣдитъ за своими героями въ этой искусной игрѣ, развивая превосходную, полную наблюдательности и юмору, траги-комедію провинціальной политической интриги, съ помощью которой Пьеръ Ругонъ желаетъ во что бы то ни стало сдѣлаться спасителемъ Плессана отъ банды инсургентовъ и первымъ водрузить Наполеоновское знамя надъ городскими стѣнами. Происки его вѣнчаются успѣхомъ, онъ становится распорядителемъ Плессана, прибывшія войска привѣтствуютъ его

какъ союзника, префектъ аттестуетъ его новому правительству съ самой лестной стороны, выгодное служебное назначеніе, вмѣстѣ съ ленточкой Почетнаго Легіона, награждаютъ его по заслугамъ.

Таково въ самыхъ общихъ чертахъ содержаніе политической части *La Fortune des Rougon.* Мы не остановились на подробностяхъ, предполагая ихъ извѣстными большинству нашихъ читателей; но считаемъ необходимымъ сдѣлать замѣчаніе котораго не предложила наша журналистика, не усмотрѣвшая въ книгѣ Золя ничего болѣе энергическаго и талантливаго протеста противъ узурпаціи 2го декабря. Между тѣмъ то что̀ составляетъ главное содержаніе этой книги, надъ чѣмъ авторъ трудился очевидно съ наибольшимъ стараніемъ и вдохновеніемъ, и что̀ производитъ самое сильное впечатлѣніе на читателя относится ко 2му декабря какъ большая и сложная историческая драма къ своей естественной развязкѣ. Дѣйствительный герой этой драмы—полнѣйшая внутренняя и политическая несостоятельность Франціи, за которую вторая имперія является какъ бы прямымъ возмездіемъ. Исторія „карьеры“ Ругоновъ, ихъ шитая бѣлыми нитками интрига, вѣнчающая ихъ полнымъ успѣхомъ при рукоплесканіяхъ одураченной страны, одураченной администраціи,—представляетъ ѣдкую и чрезвычайно талантливую сатиру, напоминающую многія главы *Education Sentimentale* Флобера, сатиру, въ которой жалкій политическій уровень французскаго общества, неспособность республиканской партіи и тупая неподвижность массъ схвачены смѣлыми и вмѣстѣ тонкими чертами. Невѣжественный проходимецъ, едва ли способный понять газету которую читаетъ, овладѣваетъ обществомъ цѣлаго города, дурачащій это общество почти шутовскими средствами и оказывающійся въ трудную минуту умнѣйшимъ и даже храбрѣйшимъ человѣкомъ,—что̀ же это такое какъ не величайшая насмѣшка брошенная въ лицо политическому неразвитію страны и неспособности ея политическихъ людей? Нельзя брать вывода безъ отношенія къ посылкамъ. Если республиканская Франція за спиною своихъ коноводовъ и ораторовъ представляла такой разслабленный и смирный организмъ который можетъ поворачиваться во всѣ стороны въ рукахъ какихъ-нибудь Ругоновъ, то ей ничего болѣе и не оставалось какъ подогнуться подъ тяжелую руку бонапартистскаго претендента. Авторъ не избѣ-

гаетъ показать отвратительныя жестокости солдатъ сопровождавшія подавленіе возстанія и освѣтившія кровавымъ заревомъ утро новой имперіи, также какъ въ послѣдствіи онъ не жалѣетъ красокъ чтобъ ярко охарактеризовать безчинства и продажность Наполеоновской администраціи. Но когда на политической и общественной сценѣ предъ глазами зрителя движется толпа этихъ налетѣвшихъ на добычу хищниковъ, заслоняя собою все остальное, невольно возникаетъ вопросъ: гдѣ же Франція, настоящая, не слившаяся съ бонапартизмомъ Франція, гдѣ ея живыя силы, не имѣющія ничего общаго съ захватомъ, протестующія противъ насилія? И въ отвѣтъ на это авторъ указываетъ на нестройныя толпы инсургентовъ, разбѣгающіяся послѣ двухъ залповъ, на обезумѣвшее въ идіотическомъ ужасѣ и неспособное ни къ какому сопротивленію общество провинціальнаго городка, или наконецъ, на жалкихъ фразеровъ обсуждающихъ планъ возстанія въ кабачкѣ содержимомъ шпіономъ (въ романѣ *Ventre de Paris*). Завѣдомо или нѣтъ, авторъ, заявивъ въ предисловіи колоссальный протестъ противъ Наполеоновскаго режима, въ текстѣ постоянно даетъ безпощадную сатиру на самую страну, на самое общество, очевидно неспособное (по крайней мѣрѣ на долгое время) къ политическому развитію, и если сатира эта складывается подъ перомъ его мимовольно, тѣмъ неотразимѣе ея доказательная сила.

Второй романъ изъ серіи *Ругонъ-Маккаровъ*, *La Curée*, вводитъ читателя въ самую глубь водоворота закипѣвшаго въ Парижѣ послѣ окончательной побѣды бонапартистовъ. Стая хищныхъ птицъ, издалека чующихъ добычу, слетѣлась со всѣхъ сторонъ въ столицу на другой день послѣ переворота. Въ этой стаѣ находился и второй сынъ Пьера, Аристидъ Ругонъ. Онъ прибылъ въ Парижъ съ аппетитомъ голоднаго волка, со страстною жаждой обогащенія и почестей, счастливый что успѣлъ вовремя свернуть съ республиканской дороги, на которой находился сначала, и давалъ клятву не быть такъ глупымъ. И ядовитая улыбка которою онъ сопровождалъ эти слова получала страшное значеніе на его тонкихъ губахъ.

Онъ привезъ съ собою свою болѣзненную жену, Анжель, и устроилъ ее въ маленькомъ помѣщеніи, въ улицѣ Сенъ-Жанъ, какъ лишнюю мебель отъ которой онъ хотѣлъ какъ можно скорѣе избавиться. Анжель не согласилась разстаться съ своею

дочерью, маленькою Клотильдой, которую отецъ охотнѣе желалъ бы оставить въ провинціи на попеченіи родныхъ. Онъ уступилъ желанію жены не иначе какъ съ условіемъ чтобъ ихъ одиннадцатилѣтній сынъ Максимъ остался въ коллегіи въ Плессанѣ, подъ надзоромъ бабушки, жены Пьера Ругона. Аристидъ не хотѣлъ чтобы руки его были чѣмъ-нибудь связаны: жена и дочь казались ему и безъ того тяжелымъ бременемъ для человѣка рѣшившагося перепрыгнуть черезъ всѣ преграды, хотя бы ему пришлось свернуть шею или валяться въ грязи.

Въ самый день пріѣзда, вечеромъ, пока Анжель разбирала чемоданы, Аристидъ почувствовалъ страстное желаніе побѣгать по Парижу, потоптать неуклюжими сапогами провинціала эту жгучую мостовую, изъ которой онъ мечталъ выбить милліоны. Это было настоящее взятіе города во владѣніе. Онъ бѣжалъ по улицамъ словно въ завоеванной странѣ. Онъ имѣлъ очень ясное представленіе о битвѣ которую ему предстояло дать, и не стѣсняясь сравнивалъ себя съ ловкимъ мошенникомъ выламывающимъ замокъ чтобы хитростью или насиліемъ завладѣть своею долей общественнаго богатства, въ которой ему злостно отказывали до тѣхъ поръ. Еслибъ ему нужно было оправданіе, онъ указалъ бы какъ десять лѣтъ онъ подавлялъ свои желанія, вспомнилъ бы свою жалкую жизнь въ провинціи, и въ особенности свои промахи, за которые онъ дѣлалъ отвѣтственнымъ цѣлое общество. Но теперь, подъ охватившимъ его волненіемъ игрока кладущаго наконецъ свои горячія руки на зеленое сукно, онъ былъ счастливъ, счастливъ по-своему, довольствомъ завистника и надеждами безнаказаннаго плута. Воздухъ Парижа опьянялъ его, онъ казалось слышалъ въ стукѣ каретъ голоса Макбетовскихъ вѣдьмъ, кричавшихъ ему: ты будешь богатъ! Часа два ходилъ онъ такимъ образомъ изъ улицы въ улицу. Онъ не былъ въ Парижѣ съ того счастливаго времени когда жилъ тамъ студентомъ. Ночь наступала; мечты его ширились при яркомъ свѣтѣ бросаемомъ на панели изъ оконъ магазиновъ и кафе; онъ утопалъ....

Когда онъ поднялъ глаза, онъ находился посреди предмѣстья Сентъ-Оноре. Одинъ изъ его братьевъ, Эженъ-Ругонъ, жилъ по сосѣдству, въ улицѣ Пантьевръ. Аристидъ, отправляясь въ Парижъ, особенно разчитывалъ на Эжена, который, заявивъ себя однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ агентовъ

декабрьскаго переворота, представлялъ въ настоящее время еще скрытую силу—маленькаго адвоката въ которомъ нарождался великій политическій человѣкъ. Но, по суевѣрію игрока, Аристидъ не хотѣлъ въ этотъ вечеръ постучаться въ дверь своего брата. Онъ медленно дошелъ до улицы Сенъ-Жанъ, съ глухою завистью думая о Эженѣ, поглядывая на свое бѣдное платье, еще покрытое дорожною пылью, и стараясь утѣшить себя мечтой о будущемъ богатствѣ. Эта мечта начинала дѣлаться для него горькою. Выйдя изъ дому вслѣдствіе потребности движенія, развлеченный уличною парижскою суетней, онъ вернулся къ себѣ раздраженный видомъ того счастія которое ему казалось бѣжало по улицамъ—еще болѣе хищный, съ мыслями объ ожесточенной борьбѣ, о предстоящемъ удовольствіи бить и дурачить толпу среди которой онъ толкался на тротуарахъ. Никогда онъ не ощущалъ такихъ алчныхъ аппетитовъ, такого вожделѣнія немедленныхъ наслажденій....

На другой день онъ былъ у своего брата. Эженъ занималъ двѣ бѣдно убранныя и холодныя комнаты, видъ которыхъ оледенилъ Аристида. Онъ ожидалъ найти брата среди полной роскоши. Послѣдній работалъ за маленькимъ чернымъ столикомъ. Онъ ограничился тѣмъ что сказалъ Аристиду своимъ неспѣшнымъ голосомъ, съ улыбкой:

— А, это ты, я ожидалъ тебя.

Аристидъ принялъ кислый видъ. Онъ упрекалъ Эжена зачѣмъ тотъ оставилъ его прозябать не подавъ ему изъ милости даже совѣта пока онъ бѣдствовалъ въ провинціи. Онъ никогда не проститъ себѣ что оставался республиканцемъ до самаго 2го декабря; это была его не залѣчимая рана. Эженъ слушая его спокойно взялся за перо.

— Ба, сказалъ онъ наконецъ,—всякую ошибку можно поправить. Будущее все твое. Я уже думалъ о тебѣ, но еще ничего не нашелъ. Ты понимаешь что я не могу посадить тебя зря. Тебѣ надо такое мѣсто гдѣ бы ты могъ обдѣлывать свои дѣла безъ опасности для себя и для меня. Если въ ожиданіи тебѣ понадобится иногда двадцати-франковая монета, приходи ко мнѣ.

Они поговорили еще съ минуту о возстаніи въ южной Франціи, благодаря которому ихъ отецъ получилъ свое выгодное мѣстечко. Разговаривая, Эженъ одѣвался. На улицѣ, предъ тѣмъ какъ разстаться, онъ сказалъ еще брату своему:

— Ты меня обяжешь если не станешь шляться по улицамъ и будешь спокойно ожидать дома мѣста которое я тебѣ обѣщаю. Мнѣ непріятно было бы видѣть тебя, моего брата, торчащимъ у меня въ передней.

У Аристида было въ карманѣ не болѣе трехсотъ франковъ; съ этою суммой надо было перебиваться мѣсяцъ. Ждать ему становилось нестерпимо. Съ чувствомъ хищной птицы глядѣлъ онъ изъ своего окна на этотъ Парижъ гдѣ уже начиналась полная приключеній жизнь нарождавшейся имперіи.... Наконецъ онъ получилъ приглашеніе явиться въ улицу Пантьевръ. Братъ протянулъ ему бумагу съ словами:

— Вотъ, твое дѣло состоялось вчера. Ты назначенъ коммиссаромъ въ городскую ратушу. Ты будешь получать двѣ тысячи четыреста франковъ жалованья.

Аристидъ былъ ошеломленъ. Онъ ожидалъ мѣста по крайней мѣрѣ въ шесть тысячъ франковъ. Эженъ, понявшій что̀ происходило въ немъ, повернулъ стулъ и заговорилъ скрестивъ руки:

— Будешь ли ты вѣчно дуракомъ? Ты мечтаешь какъ дѣвочка что ли? Тебѣ хочется занимать отличную квартиру, имѣть слугъ, хорошо кушать, спать въ шелку, обладать первою встрѣчною женщиной, въ будуарѣ меблированномъ въ два часа времени... Ты и тебѣ подобные, еслибы мы дали вамъ волю, опустошили бы всѣ ящики прежде чѣмъ они наполнятся.... Э, Боже мой, имѣй нѣкоторое терпѣніе! Посмотри какъ я самъ живу и потрудись по крайней мѣрѣ нагнуться чтобы поднять богатство.

И онъ продолжалъ съ тонкою усмѣшкой:

— Такіе люди какъ ты драгоцѣнны. Мы разчитываемъ выбирать нашихъ друзей между наиболѣе голодными. Будь спокоенъ, мы будемъ держать открытый столъ, и самые алчные аппетиты будутъ насыщены. Это самый удобный способъ управлять... Но ради Бога подожди пока накроютъ скатерть, и если ты мнѣ вѣришь, дай себѣ трудъ поискать самому твой приборъ въ буфетѣ.

Онъ всталъ, и сунувъ назначеніе въ руки Аристида, добавилъ:

— Бери, современемъ ты поблагодаришь меня. Я самъ выбралъ для тебя это мѣсто и знаю что̀ ты можешь изъ него извлечь. Тебѣ надо только смотрѣть и слушать; если ты уменъ, то поймешь и будешь дѣйствовать. Теперь замѣть

хорошенько то что̀ мнѣ остается тебѣ сказать. Мы вступаемъ въ такое время когда возможны всѣ пути къ карьерѣ. Пріобрѣтай побольше денегъ, это я тебѣ позволяю; но не дѣлай никакой глупости, никакого огромнаго скандала, иначе я тебя прихлопну.

Эта угроза произвела больше дѣйствія чѣмъ обѣщанія. Аристидъ снова загорѣлся при мысли о карьерѣ о которой говорилъ ему братъ. Ему казалось что ему наконецъ развязывали руки, разрѣшая рѣзать людей, лишь бы это выходило легально и не возбуждало криковъ. Эженъ далъ ему двѣсти франковъ чтобы дождаться конца мѣсяца. Затѣмъ онъ впалъ въ задумчивость.

— Я думаю перемѣнить имя, сказалъ онъ наконецъ;—ты долженъ сдѣлать также. Этакъ мы менѣе будемъ стѣснять другъ друга.

— Какъ хочешь, согласился Аристидъ.

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ называться Саккаромъ. „Это звучно, говорилъ онъ; въ этомъ имени какъ будто слышится звонъ пятифранковиковъ“.

— Съ этимъ именемъ удобно идти въ каторгу или нажить милліоны, добавилъ Эженъ.

Для Аристида и его семейства началась монотонная жизнь мелкаго чиновника. Они должны были жаться и нищенствовать какъ въ Плессанѣ, но теперь это бремя казалось еще тяжеле послѣ сновъ о внезапномъ обогащеніи. Быть бѣднымъ въ Парижѣ, значитъ быть вдвое беднѣе. Аристидъ задыхался отъ бѣшенства, ворочаясь въ этой узкой сферѣ какъ звѣрь запертый въ клѣтку. Для него это было время невыразимыхъ терзаній: гордость его страдала, неудовлетворенныя страсти бичевали его. Эжену между тѣмъ удалось попасть въ законодательный корпусъ депутатомъ отъ Плессана. Аристидъ слишкомъ понималъ превосходство брата чтобы глупо завидовать ему, но находилъ что онъ не сдѣлалъ для него всего что̀ могъ. Сначала онъ нѣсколько разъ обращался къ нему за денежною помощью, но такъ какъ Эженъ, давая деньги, грубо смѣялся надъ его малодушіемъ и недостаткомъ воли, Аристидъ рѣшился никому не быть обязаннымъ ни однимъ су. Послѣднюю недѣлю каждаго мѣсяца жена его стала питаться однимъ черствымъ хлѣбомъ. Всѣ эти испытанія довершили воспитаніе Саккара. Губы его сдѣлались еще тоньше; онъ уже не мечталъ вслухъ о своихъ милліонахъ;

тощая фигура его сдѣлалась нѣма, поглощенная одною неотступною идеей. Когда онъ бѣжалъ изъ улицы Сенъ-Жакъ въ ратушу, скривленные каблуки его злобно стучали по панели, и онъ застегивался въ свой потертый сюртукъ, точно уходилъ въ убѣжище ненависти, тогда какъ хищное рыльцо его жадно нюхало воздухъ улицъ.

Въ ратушѣ Аристидъ слѣдовалъ совѣту Эжена: онъ смотрѣлъ и слушалъ. Въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ сдѣлался превосходнымъ актеромъ. Вся южная живость проснулась въ немъ, и онъ простеръ свое искусство такъ далеко что товарищи по службѣ смотрѣли на него какъ на добраго малаго котораго близкое родство съ депутатомъ заранѣе предназначало къ какой-нибудь важной должности. Родство это снискивало ему также расположеніе начальниковъ. Такимъ образомъ онъ пользовался значеніемъ гораздо выше своего служебнаго мѣста, что̀ позволяло ему заглядывать въ нѣкоторыя двери и совать носъ въ нѣкоторые шкафы не рискуя показаться чрезчуръ любопытнымъ. Въ теченіи двухъ лѣтъ его видѣли въ ратушѣ прогуливающимся по всѣмъ корридорамъ и заламъ, двадцать разъ на день встававшимъ съ мѣста чтобы переговорить съ товарищемъ или передать приказаніе, и эти безконечныя прогулки заставляли сослуживцевъ говорить о немъ: „Этотъ дьяволъ Провансалецъ не можетъ усидѣть на мѣстѣ: у него ртуть въ ногахъ". Его считали лѣнтяемъ норовящимъ какъ бы урвать нѣсколько минутъ у служебныхъ занятій. Онъ не былъ такъ простъ чтобы подслушивать у замочной скважины; но онъ умѣлъ отворить дверь, пройти чрезъ комнату съ бумагой въ рукѣ, съ задумчивымъ видомъ, такими мѣрными и тихими шагами что не проронялъ ни одного слова изъ разговора. Кончилось тѣмъ что привыкли не замѣчать его присутствія когда онъ какъ тѣнь скользилъ между столами и конторками. Онъ водилъ дружбу съ писцами, очаровывалъ ихъ своею доступностью и заставлялъ ихъ выбалтывать все что̀ ему было нужно. Чрезъ два года онъ зналъ весь личный составъ ратуши до послѣдняго ламповщика и всѣ его бумаги до счета прачки включительно.

Онъ намекнулъ Эжену что имѣетъ въ виду нѣсколько дѣлъ, но что для начала ему необходима значительная сумма денегъ.

— Надо поискать, сказалъ Эженъ.

— Ты правъ; я поищу, отвѣтилъ безъ малѣйшаго неудо-

вольствія Аристидъ, какъ бы не замѣчая даже что братъ отказывается снабдить его первоначальными средствами.

Теперь поиски за этими средствами поглотили всѣ мысли Саккара. Планъ его былъ совершенно готовъ, дѣло стояло лишь за нѣсколькими тысячами франковъ для перваго оборота. Онъ вспомнилъ что у него въ Парижѣ есть сестра Сидони.

Она занимала въ улицѣ Пуасонньеръ маленькій антресоль изъ трехъ комнатъ съ лавочкой внизу, въ которой она будто бы торговала кружевами. Тамъ дѣйствительно можно было видѣть въ витринѣ нѣсколько кусочковъ гипюру и валансьенъ, но лавочка, съ ея таинственно запущенными занавѣсками на окнахъ, скорѣе походила на какую-нибудь пріемную или аванъ-залу ведшую въ неизвѣстный храмъ. Рѣдко покупательницы заходили къ Mme Сидони; большею частію ручка двернаго замка оставалась снятою. Въ своемъ кварталѣ она говорила что сама носитъ кружева на домъ къ богатымъ дамамъ. Ея въ самомъ дѣлѣ почти никогда не было дома; по десяти разъ въ день видали какъ она входила и выходила съ видомъ торопливости. Лавочка сообщалась съ антресолью лѣстницей скрытою въ стѣнѣ. На верху у Сидони бывали свалены различные товары, которые она Богъ вѣсть откуда добывала: каучуковыя издѣлія, пальто, башмаки, новоизобрѣтенное масло для ращенія волосъ, усовершенствованные кофейники и пр. Когда Аристидъ ее навѣстилъ, она занималась продажей фортепіанъ, и весь ея антресоль былъ загроможденъ этими инструментами.

Mme Сидони была замужемъ, но мужъ ея скрывался; ей было лѣтъ тридцать пять, хотя она казалась старѣе. Она носила неизмѣнно старенькое черное платье, потертое на складкахъ, черную шляпку, надвинувшуюся на лобъ и закрывавшую ей волосы, и толстые башмаки. Въ рукахъ у нея всегда была корзинка, завязанная тесемками и заключавшая въ себѣ цѣлый міръ. Тамъ были всевозможные образчики, записныя книжечки, портфельчики и въ особенности кипы исписанной гербовой бумаги. Всякаго рода процессы, дѣла, были ея стихіей. Если ей удавалось продавать кому-нибудь на десять франковъ помады или кружевъ, она становилась секретаремъ своей покупательницы, бѣгала для нея къ адвокатамъ, къ стряпчимъ, къ судьямъ. Трудно сказать какую пользу

извлекала она изъ этой профессіи; сначала она предавалась ей con-amore, потомъ стала находить въ ней тысячу маленькихъ выгодъ: тамъ пообѣдаетъ, тамъ схватитъ монету въ двадцать су. Главный же выигрышъ ея заключался въ добываемыхъ интимныхъ свѣдѣніяхъ, дѣлавшихъ ее ходячимъ справочникомъ, указателемъ спроса и предложенія. Она знала гдѣ есть дѣвушка которую необходимо тотчасъ выдать замужъ, какое семейство ищетъ занять три тысячи франковъ, гдѣ живетъ пожилой господинъ охотно готовый одолжить эти три тысячи подъ вѣрное обезпеченіе и на большіе проценты. Она знала вещи и болѣе деликатныя: печаль бѣлокурой дамы которую мужъ не понималъ и которая желала быть понятой; тайное желаніе доброй матери ищущей выгодно пристроить свою дочь; вкусы одного барона направленные на тонкіе ужины и очень молодыхъ дѣвушекъ. Кромѣ того, у нея были дѣла о которыхъ она могла громко говорить каждому: процессъ одного благороднаго раззорившагося семейства порученный ея ходатайству, и дѣло объ англійскомъ долгѣ заплаченномъ во времена Стюартовъ, и доходившемъ, вмѣстѣ съ процентами, до трехъ милліардовъ. Этотъ трехмилліардный долгъ былъ ея конькомъ: она излагала дѣло съ роскошью подробностей, читала цѣлый курсъ исторіи, причемъ краска воодушевленія покрывала ея щеки, обыкновенно желтыя какъ воскъ. Мало-по-малу она привыкла говорить объ этомъ долгѣ какъ о своемъ собственномъ дѣлѣ, о своемъ личномъ богатствѣ, во владѣніе которымъ рано или поздно судьи должны будутъ ввести ее.

Аристидъ, наблюдая свою сестру, призналъ въ ней кровь Ругоновъ. Онъ замѣтилъ въ ней жажду денегъ, потребность интриги, характеризовавшія все семейство. Онъ сталъ уважать ее.

Придумывая какъ бы отыскать необходимыя для перваго шага деньги, онъ вспомнилъ о ней. Но Сидони объяснила ему самымъ точнымъ образомъ что онъ не получитъ ни копѣйки, такъ какъ не можетъ представить никакого обезпеченія. „А, еслибы ты не былъ женатъ!..“ проворчала она въ заключеніе.

Это замѣчаніе повергло Аристида въ глубокую задумчивость. Какъ разъ въ то время жена его простудилась и заболѣла воспаленіемъ легкихъ. Докторъ нашелъ ея положеніе очень опаснымъ, и наконецъ, зайдя къ нимъ однажды вечеромъ, объявилъ что больная не переживетъ ночи. Сидони

была тутъ, озабоченная, поглядывала на Аристида и его жену заплаканными глазами, въ которыхъ зажигались какія-то искорки. По уходѣ доктора, она убавила огня въ лампѣ, и въ комнатѣ воцарилась тишина. Смерть медленно вступала въ нее... Аристидъ, утомленный, удалился въ другую комнату, гдѣ маленькая Клотильда тихо играла на коврѣ съ куклою. Сидони проскользнула вслѣдъ за нимъ, и отвела его въ уголъ, шопотомъ разговаривая съ нимъ. Дверь въ комнату умирающей оставалась отворенною.

— Я подумала о тебѣ, и кажется нашла нѣчто... говорила Сидони.—Но въ такую минуту... ты видишь у меня сердце разрывается...

Она утерла глаза. Саккаръ ждалъ, не произнося ни слова Сидони наконецъ рѣшилась:

— Это молодая дѣвушка которую хотятъ немедленно выдать замужъ. Съ бѣдняжкой случилось несчастье. У нея тетка, которая ради нея готова пожертвовать капиталомъ...

— Ну? проговорилъ Саккаръ.—Зачѣмъ эту дѣвушку хотятъ выдать замужъ?

Сидони объяснилась. Отецъ дѣвушки о которой шла рѣчь узналъ о ея положеніи; тетка, чтобы спасти ее, сдѣлалась ея сообщницей, и увѣрила отца что виновникъ несчастія былъ честный человѣкъ, желавшій поправить свой проступокъ.

— Слѣдовательно, этотъ господинъ хочетъ на ней жениться? спросилъ Саккаръ, удивленный и какъ бы недовольный.

— Нѣтъ, онъ не можетъ, онъ женатъ.

Семейство было богатое и почтенное, принадлежавшее къ старой буржуазіи. Тетка жертвовала отъ себя сто тысячъ франковъ.

— Ну, на что же ты рѣшаеться? торопила Сидони.—Бѣдныя женщины въ отчаяніи. Онѣ хотятъ предупредить катастрофу; завтра онѣ обѣщали выдать отцу имя виновнаго... Если ты принимаешь, я пошлю имъ черезъ коммиссіонера твою визитную карточку..

Саккаръ казалось пробудился отъ сна, онъ задрожалъ и боязливо оглянулся на сосѣднюю комнату, откуда ему какъ будто послышался легкій шумъ.

— Но я не могу, проговорилъ онъ съ тоской,—ты хорошо знаешь что я не могу...

Mme Сидони пристально посмотрѣла на него холоднымъ

и презрительнымъ взглядомъ... Вся кровь Ругоновъ, всѣ пламенныя вожделѣнія подступили ему къ горлу. Онъ вынулъ изъ портфеля свою визитную карточку и подалъ ее сестрѣ. Сидонія тщательно выскоблила на ней адресъ, вложила ее въ конвертъ и удалилась. Было всего девять часовъ.

Саккаръ, оставшись одинъ, подошелъ къ окну и приложился лбомъ къ холодному стеклу. Онъ забылся до такой степени что сталъ барабанить по немъ пальцами. Но ночь была такъ черна, тьма сгущалась въ такія странныя массы что ему стало не по себѣ, и онъ машинально возвратился въ комнату гдѣ умирала Анжель. Онъ о ней совсѣмъ забылъ и страшно вздрогнулъ найдя ея полусидящею на подушкахъ. Глаза ея были широко раскрыты, токъ жизни, казалось, прилилъ къ ея щекамъ и губамъ. Саккаръ, у котораго голова была наполнена разговоромъ съ сестрой, увидѣлъ свои мечты опрокинутыми. Ужасная мысль сквозила въ его глазахъ.... Анжель, объятая ужасомъ, хотѣла откинуться во глубину постели, къ стѣнѣ, но смерть уже близилась, это пробужденіе среди агоніи было послѣднею вспышкой угасающей лампы. Умирающая не могла пошевелиться; открытые глаза ея оставались устремленными на мужа, словно она наблюдала за его движеніями. Саккаръ, испугавшійся сначала что судьба вздумала воскресить его жену, чтобы приковать его къ прежней бѣдности, успокоился видя что умирающей остается не болѣе часу жизни. Онъ испытывалъ только нестерпимую неловкость. Глаза Анжели говорили что она слышала разговоръ мужа съ Mme Сидони, и что она боялась какъ бы онъ не задушилъ ее, если она не умретъ скоро. Было также въ ея глазахъ выраженіе страшнаго изумленія тихой и безобидной натуры познавшей въ свой послѣдній часъ мерзость этого свѣта и содрогнувшейся при мысли о долгихъ годахъ проведенныхъ бокъ-о-бокъ съ разбойникомъ. Понемногу взглядъ ея сдѣлался болѣе ласковъ; она уже не боялась, она прощала этого несчастнаго, вспоминая ожесточенную борьбу которую онъ такъ долго велъ съ судьбою. Саккаръ, преслѣдуемый этимъ взглядомъ, въ которомъ онъ читалъ такой долгій упрекъ, прислонялся къ мебели, искалъ темнаго угла. Потомъ онъ хотѣлъ прогнать этотъ кошмаръ, сводившій его съ ума, и приблизился къ свѣту лампы. Но Анжель сдѣлала ему знакъ чтобъ онъ не говорилъ. И она продолжала глядѣть на него

испуганнымъ и тоскливымъ взглядомъ, къ которому теперь примѣшивалось обѣщаніе прощенія. Онъ хотѣлъ было схватить на руки Клотильду и отнести ее въ другую комнату; Анжель запретила ему движеніемъ губъ. Она требовала чтобъ онъ оставался тутъ. Она тихо умирала, не отводя отъ него взгляда, и этотъ взглядъ, потухая, становился все нѣжнѣе. Она простила съ послѣднимъ дыханіемъ....

Вечеромъ послѣ похоронъ, Сидони увела Саккара къ себѣ на антресоль. Тамъ были приняты важныя рѣшенія. Аристидъ распорядился отослать Клотильду въ Плессанъ, къ своему брату Паскалю Ругону, единственному Ругону въ которомъ не сказались фамильныя черты и который велъ честную и скромную жизнь, занимаясь медициной и помогая бѣднымъ; онъ уже много разъ предлагалъ взять къ себѣ маленькую племянницу, чтобъ оживить его тихій домъ. Сидони объяснила затѣмъ Саккару что ему невозможно оставаться долѣе въ улицѣ Сенъ-Жанъ. Она найметъ ему на мѣсяцъ изящно меблированную квартиру по близости ратуши, въ какомъ-нибудь буржуазномъ домѣ, такъ чтобы посѣщающіе его могли думать что мебель его собственная. Старый хламъ въ улицѣ Сенъ-Жанъ они продадутъ, чтобъ уничтожить всѣ слѣды прежней жизни, и на вырученныя деньги Саккаръ купитъ себѣ приличное платье. Три дня спустя, Клотильда была передана на руки одной пожилой дамѣ, ѣхавшей въ южную Францію; а Саккаръ, торжествующій, съ румянцемъ на щекахъ, какъ бы пополнѣвшій въ три дня отъ первыхъ улыбокъ счастья, прогуливался въ вышитыхъ золотомъ туфляхъ въ новой кокетливой квартирѣ изъ пяти комнатъ. Это была квартира одного молодаго аббата, внезапно уѣхавшаго въ Италію.

Отецъ дѣвушки на которой предстояло жениться Аристиду, Беро Дюшатель, шестидесятилѣтній старикъ, былъ послѣднимъ представителемъ старинной буржуазной фамиліи. Онъ былъ республиканецъ, мечтавшій о правительствѣ совершенной справедливости и благоразумной свободы. Состарѣвшійся въ магистратурѣ, онъ усвоилъ себѣ нѣкоторую сухость и суровость, и подалъ въ отставку въ 1851 году, вслѣдъ за переворотомъ, отказавшись предварительно участвовать въ извѣстныхъ „смѣшанныхъ коммиссіяхъ“, опозорившихъ французскую юстицію. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ уединенно въ

своемъ отелѣ на островѣ Св. Лудовика, противъ отеля Ламбертъ. Жена его умерла въ молодыхъ лѣтахъ, изъ двухъ дочерей, старшая, Рене, была отдана на воспитаніе въ монастырь, откуда пріѣзжала домой только на каникулы, причемъ поднимала весь домъ вверхъ дномъ, наполняя его шумомъ и бѣготней; младшая, Христина, воспитывалась у пожилой тетки своей, Элизаветы. Рене, по выходѣ изъ монастыря, отправилась провести лѣто къ родителямъ одной подруги своей, у которыхъ было прекрасное имѣнье въ Ниверне. Тамъ она сдѣлалась жертвою безчестнаго покушенія одного сосѣдняго землевладѣльца, человѣка пожилаго и женатаго. Тетка Элизавета, опасаясь послѣдствій ужаснаго гнѣва отца, придумала вмѣстѣ съ Рене извѣстную уже намъ исторію вслѣдствіе которой Аристидъ Саккаръ неожиданно оказался женихомъ несчастной дѣвушки.

Первое свиданіе его съ Елизаветой произошло въ антресоли Mme Сидони. Онъ держалъ себя съ тактомъ и приличіемъ. Онъ говорилъ о бракѣ какъ о дѣлѣ, но съ достоинствомъ свѣтскаго человѣка устраивающаго свой карточный домъ. Елизавета была смущена гораздо болѣе его и не знала какъ заговорить о ста тысячахъ франковъ обѣщанныхъ ею въ приданное племянницѣ. Аристидъ первый приступилъ къ рѣчи о деньгахъ, тономъ адвоката толкующаго о дѣлѣ своего кліента. По его мнѣнію, сумма эта была слишкомъ недостаточна для мужа Mlle Рене (онъ подчеркнулъ слово *mademoiselle*); M. Беро-Дюшатель будетъ презирать бѣднаго зятя; онъ заподозритъ его въ томъ что онъ увлекъ его дочь изъ корыстныхъ видовъ и пожалуй вздумаетъ произвести секретное развѣдываніе. Елизавета, сбитая съ толку спокойными и вѣжливыми рѣчами Саккара, потеряла голову и согласилась удвоить сумму. Она разсталась съ нимъ не зная что подумать о человѣкѣ исполненномъ такого достоинства и идущемъ на подобную сдѣлку.

Затѣмъ она посѣтила Саккара въ его квартирѣ уже отъ имени Дюшателя: старикъ отказывался видѣть жениха прежде чѣмъ онъ женится на Рене, и уполномочилъ Елизавету договориться о всѣхъ условіяхъ. Обстановка Саккара произвела на нее выгодное впечатлѣніе. Это было время когда авантюристы 2го декабря, расплатившись съ своими долгами, сбрасывали свои стоптанные сапоги, свои побѣлѣвшіе по швамъ сюртуки, скоблили свои не бритыя цѣлую недѣлю

бороды и становились порядочными людьми. Саккаръ на этотъ разъ перемѣнилъ тактику и принялъ видъ величайшаго безкорыстія. По его мнѣнію, Рене должна была оставаться полною хозяйкой своего состоянія, какъ онъ своего; нотаріусъ все это устроитъ. Елизавета была восхищена; она объяснила что братъ дастъ за дочерью землю въ Салони, цѣнностью въ 300.000, и домъ въ Парижѣ, стоящій около 200.000. Тетка кромѣ того дарила на имя ребенка Рене землю близь Шаронны, оцѣненную также въ 200.000 франковъ. При послѣднихъ словахъ Саккаръ не могъ скрыть своего волненія: Шароннскія земли разбудили въ немъ цѣлый міръ идей.

— Вы мнѣ не сказали въ какой улицѣ находится домъ въ Парижѣ? спросилъ онъ.

— Въ улицѣ Пелиньеръ, почти на углу улицы д'Асторгъ, отвѣтила тетка.

Этотъ адресъ произвелъ на Саккара рѣшительное дѣйствіе. Онъ не въ силахъ былъ совладѣть съ своею радостью и очаровалъ старую тетку своею любезностью, безкорыстіемъ и тономъ прямодушія, слышавшимся въ его рѣчахъ. По уходѣ ея, онъ бросился въ ратушу, рылся тамъ цѣлый день въ какихъ-то документахъ. У нотаріуса онъ заявилъ что желалъ бы лучше немедленно продать домъ въ улицѣ Пелиньеръ, чтобъ обратить эту собственность въ ренту. Дюшатель предоставилъ все это сестрѣ. Контрактъ былъ составленъ къ обоюдному удовольствію: Саккаръ приносилъ двѣсти тысячъ франковъ, Рене—землю въ Салони и домъ въ Парижѣ, который она обязывалась немедленно продать; въ случаѣ смерти перваго ребенка, она дѣлалась собственницею недвижимости близь Шаронны; каждая сторона сохраняла полную независимость въ распоряженіи своимъ состояніемъ. Неопредѣленная улыбка блуждала на губахъ Саккара когда тетка движеніемъ головы выражала одобреніе каждому пункту контракта....

Наканунѣ свадьбы, состоялось свиданіе жениха и невѣсты въ одной изъ залъ отеля Беро. Они съ любопытствомъ оглядѣли другъ друга. Рене, когда положеніе ея стало устраиваться, возвратила себѣ свою бойкость, свою взбалмошность. Это была высокая дѣвушка, изящной и подвижной красоты, походившая на шаловливую пансіонерку. Она нашла Саккара маленькимъ, безобразнымъ, но въ его безобразіи просвѣчивалъ умъ, и оно не отталкивало ее; кромѣ того, онъ

обладалъ совершенно приличными манерами и тономъ. Аристидъ, при видѣ ея, сдѣлалъ легкую гримаску: она показалась ему очень большою, слишкомъ большою для него. Они безъ всякаго стѣсненія обмѣнялись нѣсколькими фразами. Еслибъ отецъ былъ тутъ, онъ конечно повѣрилъ бы что они давно знаютъ другъ друга, что ихъ соединяетъ въ прошедшемъ обоюдный проступокъ. Тетка Елизавета, присутствовавшая при свиданіи, краснѣла за нихъ....

Послѣ бракосочетанія, которому присутствіе Эжена Ругона придало значительный блескъ, молодые были представлены Беро-Дюшателю. Саккаръ былъ нѣсколько смущенъ грустною суровостью старика, взглядъ котораго казалось проникалъ до дна его душу... Въ этомъ взглядѣ читалось изумленіе испытанное имъ когда онъ узналъ соблазнителя своей дочери въ лицѣ маленькаго, некрасиваго, сорокалѣтняго человѣка....

— Мы много страдали; я разчитываю что вы заставите насъ забыть вашъ проступокъ, сказалъ онъ, протягивая зятю руку.

Новобрачные должны были провести первые дни въ отелѣ Беро. Рене, казалось, не замѣчала ни возраста, ни безобразія своего мужа. Она обращалась съ нимъ безъ презрѣнія и безъ нѣжности, совершенно ровно, и только изрѣдка въ этомъ обращеніи просвѣчивала насмѣшка. Понемногу Саккаръ своею выдержкой, своею ровностью расположилъ къ себѣ всѣхъ, и когда они должны были переѣхать въ великолѣпную квартиру въ улицѣ Риволи, взглядъ Дюшателя уже не выражалъ болѣе удивленія, а маленькая Христина играла съ Аристидомъ какъ съ товарищемъ.

Теперь, имѣя въ рукахъ всѣ средства къ необузданной спекуляціи, Саккаръ приступилъ къ исполненію давно лелѣемаго имъ плана обогащенія. Планъ этотъ основывался на громадныхъ перестройкахъ Парижа затѣянныхъ императорскимъ правительствомъ. Въ ратушѣ Саккаръ получалъ всѣ необходимыя свѣдѣнія о проектахъ новыхъ улицъ и бульваровъ, зналъ заранѣе какіе дома и цѣлые кварталы предназначены къ экспропріаціи. Тамъ же роясь въ дѣлахъ и бумагахъ, онъ проникъ въ тайну какимъ образомъ можно возвысить оцѣнку дома и научился всѣмъ плутнямъ сопровождающимъ сдѣлки съ казною. Первоначальнымъ намѣреніемъ его было купить какой-нибудь домъ обреченный въ сломку и нажить большіе

барыши на вознагражденіи за экспропріацію. Потому-то онъ такъ радостно вздрогнулъ когда тетка Елизавета сказала ему адресъ дома въ улицѣ Пепиньеръ. Онъ тотчасъ купилъ этотъ домъ у жены черезъ подставнаго посредника, тщательно скрывъ собственную личность въ этой сдѣлкѣ. Этимъ посредникомъ явился нѣкто Ларсонно, сослуживецъ Саккара по городской ратушѣ, такой же аферистъ какъ и онъ, но еще нуждавшійся въ первоначальномъ оборотномъ капиталѣ. Онъ содержалъ маленькую коммиссіонерскую контору въ улицѣ Сенъ-Жанъ и томился въ бѣдности. Старые товарищи поняли другъ друга съ первыхъ словъ и такъ повели дѣло что домъ пришелся имъ въ ста пятидесяти тысячахъ. Рене тѣмъ охотнѣе согласилась на продажу что въ ней уже развились привычки роскоши и она нуждалась въ деньгахъ. Получивъ за домъ полтораста тысячъ, она отдала сто тысячъ въ распоряженіе мужа, съ цѣлью купить его снисходительность къ тратамъ для которыхъ она удержала у себя остальныя пятьдесятъ тысячъ. Саккаръ торжествовалъ: въ его планы входило чтобы Рене бросала деньги за окно: каждая истраченная ею тысяча должна была принести ему сто на сто. Онъ простеръ свое безкорыстіе до того что положилъ отданную ему сумму въ банкъ на имя жены.

— Моя милая, это тебѣ на тряпки, любезно объяснилъ онъ

Сдѣлавшись собственникомъ дома, онъ въ теченіи мѣсяца два раза продалъ его на имя подставныхъ лицъ, каждый разъ возвышая продажную цѣну. Послѣдній покупщикъ заплатилъ (конечно только на бумагѣ) триста тысячъ франковъ. Въ то же время Ларсонно, дѣйствовавшій отъ имени фиктивныхъ владѣльцевъ, непомѣрно возвысилъ квартирную плату, заставивъ бо́льшую часть жильцовъ подписать новые контракты, причемъ однихъ успокоивалъ обѣщаніемъ что въ первыя пять лѣтъ надбавка будетъ только номинальная, а другихъ, болѣе упорныхъ, выжилъ совсѣмъ изъ дому, замѣнивъ ихъ своими креатурами. Эти послѣдніе, получая квартиру даромъ, охотно подписывали какія угодно условія. Сидони съ своей стороны явилась на помощь брату, снявъ въ его домѣ большое помѣщеніе для депо фортепіанъ. Тутъ Саккаръ и Ларсонно увлеклись и зашли слишкомъ далеко, они составили подложныя торговыя книги, поддѣлали подписи чтобы придать торговлѣ фортепіанами огромные размѣры. Нѣсколько ночей сряду они проработали вмѣстѣ надъ этимъ подлогомъ.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, фиктивная цѣнность и доходность дома утроились, и онъ могъ быть оцѣненъ въ коммиссіи вознагражденія за убытки экспропріаціи тысячъ въ пятьсотъ.

Дѣло поведено было къ развязкѣ самымъ искуснымъ образомъ: Саккаръ нашелъ друзей въ обѣихъ коммиссіяхъ отъ которыхъ зависѣла сумма вознагражденія. Онъ требовалъ семьсотъ тысячъ, дума оцѣнила домъ въ пятьсотъ тысячъ; коммиссія рѣшила примирить обѣ стороны на средней цифрѣ выдавъ счастливому домовладѣльцу шестьсотъ тысячъ франковъ.

Саккаръ торжествовалъ, онъ учетверилъ затраченный капиталъ и пріобрѣлъ сообщниковъ. Одно только обстоятельство его безпокоило, когда онъ хотѣлъ уничтожить торговыя книги Mme Сидони ихъ не оказалось вовсе. Онъ бросился къ Ларсонно, который откровенно признался что спряталъ ихъ. Аристидъ прикинулся что ни мало не сердится, что онъ боялся только за своего друга, гораздо болѣе его компрометтированнаго въ этомъ дѣлѣ, и что теперь онъ успокоенъ. На самомъ дѣлѣ онъ охотно задушилъ бы этого „друга", онъ вспомнилъ объ очень опасномъ документѣ, подложномъ инвентарѣ, который онъ имѣлъ неосторожность написать своею рукой, и который находился въ одной изъ реэстровыхъ книгъ. Ларсонно, получивъ щедрую плату, открылъ великолѣпную контору въ улицѣ Риволи, убранную съ роскошью, входившею тогда въ моду даже въ промышленныхъ и дѣловыхъ учрежденіяхъ. Саккаръ оставилъ службу въ ратушѣ, и имѣя теперь возможность пустить въ оборотъ весьма значительные капиталы, предался необузданной спекуляціи, тогда какъ Ренè, опьяненная свободой и роскошью, затмѣвала Парижъ великолѣпіемъ экипажей, блескомъ бриліантовъ и соблазнительнымъ шумомъ своей разсѣянной жизни...

Водоворотъ политическихъ и галантныхъ авантюръ, царство наживы и предательства, вѣкъ продажной совѣсти и продажной красоты—*La Curée* вступаютъ въ періодъ полнаго развитія. Добывъ для своихъ героевъ извѣстное общественное положеніе, Эмиль Золя вводитъ читателя вслѣдъ за ними въ шумный и опасный водоворотъ новаго Парижа, раскрывая съ силою таланта доходящаго порою до высоты художественнаго реализма сокровенныя глубины этой жизни, тая-

щей подъ наружнымъ блескомъ элементы и симптомы полнаго разложенія.

Мы съ намѣреніемъ довольно подробно остановились на первоначальныхъ судьбахъ Аристида и Рене, такъ какъ эта часть въ романѣ *La Curée* отличается наибольшими художественными достоинствами и производитъ наименѣе фальшивое впечатлѣніе. Авторъ въ этихъ главахъ стоитъ на нравственной почвѣ, и его сатира не страдаетъ тою двусмысленною обоюдностью которая такъ часто вредитъ внутреннему достоинству французской литературы. Далѣе эта нравственная почва начинаетъ ускользать изъ-подъ него, и свобо[illegible]е отношеніе къ предмету сатиры покидаетъ его. Онъ впадаетъ въ столь свойственное французскимъ романистамъ подкрашиванье порока, и читатель постоянно чувствуетъ что авторъ какъ артистъ любуется изяществомъ проявленій той самой нравственной порчи которую онъ считаетъ источникомъ народныхъ бѣдствій. Привлекательность зла какъ бы подкупаетъ его, и его книга насыщается тонкимъ ядомъ, анализовать который онъ предпринялъ.

(До слѣд. №)

V. W.

ЛЕДИ АННА*

РОМАНЪ.

АНТОНИ ТРОЛЛОПА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

ГЛАВА XXI.

Даніель и юристъ.

Графиня, посылая дочь въ Іоксамъ, разчитывала, какъ было уже сказано, что образъ жизни и обычаи съ которыми Анна познакомится у Ловелей такъ понравятся ей что сдѣлаются для нея почти необходимыми, и графиня не ошиблась. Даніель Твейтъ, съ своей стороны, ожидалъ того же самаго. Онъ предвидѣлъ что его личность и его мнѣнія упадутъ въ ея глазахъ, и что его вліяніе на нее ослабѣетъ вслѣдствіе этого новаго сближенія. Но еслибъ онъ могъ помѣшать ея поѣздкѣ въ Іоксамъ, онъ не сдѣлалъ бы этого. Никто изъ людей которые были теперь заинтересованы въ его поведеніи не зналъ характера этого человѣка. Сэръ-Вильямъ признавалъ въ немъ честность, но и онъ не понималъ и не имѣлъ возможности понять какая непреклонная правдивость лежала въ основаніи всѣхъ поступковъ этого человѣка. Даніель былъ самолюбивъ, угрюмъ и властолюбивъ. Онъ ненавидѣлъ господство другихъ, но самъ стремился властвовать. Ко всѣмъ

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 5, 6, 7, 8 и 9.

кто былъ выше его по общественному положенію онъ относился враждебно. Золотой вѣкъ о которомъ онъ мечталъ долженствовалъ быть слѣдствіемъ постепеннаго уничтоженія всякихъ сословныхъ различій. Джентльмены были въ его глазахъ чѣмъ-то въ родѣ дикихъ которыхъ нужно было стереть съ лица земли чтобы приблизиться къ общественному совершенству къ которому стремилось человѣчество по указанію Создателя. Но онъ уважалъ всякій законъ, и разъ признавъ законъ закономъ, покорялся ему, былъ ли это законъ обязательный для всѣхъ или предписываемый только его собственною совѣстью. Судьба свела его съ Анной. Онъ жалѣлъ и любилъ ее съ дѣтства. Анна была обижена своимъ роднымъ отцомъ, и отецъ этотъ былъ графъ. Даніель отстаивалъ энергически права ея матери, но не потому чтобы цѣнилъ право называться графиней, а только изъ вражды къ графу. Вначалѣ, да и все время борьбы до послѣдняго года, графиня отстаивала только свои права на имя, о деньгахъ же не было и рѣчи. Графа обязали выдавать женѣ приличное содержаніе; какъ велико оно было Даніель не зналъ и никогда не интересовался узнать, дочь же не получала ничего. Еслибы графъ сдѣлалъ завѣщаніе раньше чѣмъ сошелъ съ ума, или лучше сказать ес[illegible]ъ онъ, сойдя съ ума, не уничтожилъ завѣщанія сдѣланнаго раньше, дочь по всей вѣроятности не получила бы ничего. Въ тѣ дни когда Даніель бродилъ съ подраставшею дѣвочкой по горамъ и она клялась ему что онъ будетъ всегда ея лучшимъ другомъ, и позднѣе, когда любовь мальчика превратилась въ страсть мущины, Даніель не думалъ о деньгахъ. Деньги! Развѣ онъ не зналъ съ тѣхъ самыхъ поръ какъ началъ понимать необходимость денегъ что сбереженія отца его, которыя должны были бы сгладить и украсить его жизненный путь, тратились на графиню и ея дочь. Но онъ не жаловался. Онъ готовъ былъ отдать имъ все что̀ имѣлъ. Анна была для него самымъ дорогимъ существомъ въ мірѣ, и отдать ей все казалось ему дѣломъ столь же естественнымъ какъ еслибъ она была его сестра или жена. Онъ не могъ имѣть тогда никакихъ видовъ на состояніе ея отца. Затѣмъ разнеслась вѣсть о завѣщаніи и о претензіяхъ молодаго графа, который по общему мнѣнію былъ единственнымъ законнымъ наслѣдникомъ всего состоянія. Все что̀ осталось у портнаго было попрежнему къ услугамъ графини. Первая плата полученная сержантомъ закона

Блюстономъ отъ графини была взята изъ значительно уменьшившихся запасовъ стараго Твейта. Завѣщаніе было опровергнуто и шансы графини возвысились. Долженъ ли былъ Даніель заглушить свою любовь, признать себя недостойнымъ и удалиться потому что дѣвушкѣ предстояло сдѣлаться богатою? Могъ ли онъ имѣть такое низкое мнѣніе о ней чтобы считать ее способною разлюбить его вслѣдствіе того что она сдѣлалась наслѣдницей большаго состоянія? Онъ неспособенъ былъ къ такому смиренію, къ такому самоуниженію. Онъ сказалъ себѣ что даетъ ей возможность сдѣлать выборъ между низостью и благородствомъ, онъ пришелъ къ ней и предложилъ ей свободу, но это предложеніе сопровождалось такимъ горячимъ и полнымъ негодованія протестомъ противъ мишурныхъ преимуществъ ея новаго поклонника что она побоялась бы принять предлагаемую свободу еслибъ и пожелала. Но рѣчь его была горяча не вслѣдствіе обдуманнаго намѣренія напугать Анну, а потому что характеръ его былъ горячъ и властолюбивъ. Юный лордъ намѣревался отнять у него его невѣсту, дѣвушку которую онъ зналъ и которой онъ покровительствовалъ съ дѣтства, отнять ее только потому что она богата, а графъ бѣденъ. Онъ презиралъ графа всѣмъ сердцемъ и часто говорилъ себѣ что желалъ бы чтобъ онъ овладѣлъ состояніемъ, промоталъ его съ негодяями и проститутками и сдѣлался опять нищимъ, между тѣмъ какъ онъ, Даніель, жилъ бы съ Анной и дѣлилъ бы съ ней свои честные заработки. Онъ высказалъ ей свое мнѣніе, но она можетъ поступать какъ ей угодно.

Онъ не написалъ ей ни строчки пока она собиралась въ Іоксамъ и во время ея пребыванія тамъ, и не сказалъ ни слова о ней во время ея отсутствія. Но сидя за работой и во время своихъ длинныхъ переходовъ изъ дома въ мастерскую и изъ мастерской домой, и лежа въ постели безъ сна, онъ думалъ только о ней. Къ графинѣ онъ заходилъ раза два или три въ недѣлю, какъ оно было заведено уже давно, но откровенности между ними не было. Графиня не говорила ему ничего о своихъ планахъ, онъ не сообщалъ ей о своихъ. И тотъ и другая подозрѣвали другъ друга, и тотъ и другая были сухо учтивы. Раза два графиня высказывала надежду что будетъ скоро имѣть возможность отдать съ процентами свой долгъ Томасу Твейту. Даніель относился къ этимъ словамъ съ благороднымъ равнодушіемъ. Его отецъ, говорилъ

онъ, никогда не жалѣлъ что отдалъ эти деньги. Если же онѣ будутъ возвращены ему, онъ конечно возьметъ ихъ съ благодарностью.

Однажды вечеромъ, возвратясь съ работы, онъ узналъ что графиня на слѣдующій день переѣзжаетъ въ другую квартиру. Служанка сообщившая ему это не знала куда переселяется леди Ловель. Даніель зашелъ въ свою спальню, вымылъ руки и немедленно отправился къ графинѣ. Послѣ первыхъ формальныхъ привѣтствій, холодныхъ и почти неучтивыхъ, онъ прямо предложилъ вопросъ для котораго пришелъ.

— Я слышалъ что вы переѣзжаете завтра, леди Ловель. Она подумала и кивнула головой.—Куда же вы переселяетесь? Она долго молчала, обдумывая какъ отвѣтить ему.—Вы можетъ-быть не желаете чтобъ я это зналъ?

— Да, мистеръ Твейтъ, я этого не желаю.

Въ эту минуту онъ вспомнилъ все что̀ онъ и отецъ сдѣлали для графини, но не вспомнилъ что̀ онъ намѣревался сдѣлать. Такъ вотъ какова графская благодарность!

— Если такъ, то я не буду разспрашивать. Я надѣялся что мы друзья.

— Мы конечно друзья. Вашъ отецъ лучшій другъ какого я когда-либо имѣла. Я увѣдомлю вашего отца о своемъ переѣздѣ. Я обязана увѣдомлять его обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Но теперь мое дѣло въ рукахъ юристовъ, и они посовѣтовали мнѣ не сообщать никому въ Лондонѣ моего будущаго адреса.

— Если такъ, то прощайте, леди Ловель. Извините что я обезпокоилъ васъ.

Онъ ушелъ отъ нея не сказавъ болѣе ни слова и отряхнулъ прахъ отъ своихъ ногъ въ сильнѣйшемъ негодованіи. Съ этого дня, сказалъ онъ себѣ, онъ и графиня будутъ врагами. Она показала ему что хочетъ разойтись съ нимъ, и они разойдутся. Можно ли было ожидать чего-нибудь другаго отъ высокомѣрной графини? Но какъ быть съ леди Анной. Она тоже имѣетъ титулъ, она будетъ тоже богата, она можетъ быть тоже графиней если пожелаетъ. Пусть она только покажетъ ему что желаетъ этого и онъ освободитъ ее немедленно и удалится въ какую-нибудь далекую страну гдѣ нѣтъ графовъ и титулованныхъ леди. Но графиня напрасно утаила отъ него свой новый адресъ, потому что онъ узналъ его на слѣдующій же день отъ своей хозяйки.

Онъ былъ увѣренъ что леди Анна должна на дняхъ возвратиться въ Лондонъ. Иначе что̀ означалъ бы поспѣшный переѣздъ графини? Но не все ли ему равно гдѣ она? Что̀ можетъ онъ сдѣлать? Еще не пришло время когда онъ долженъ будетъ пойти къ ней смѣло, повидаться съ ней какъ бы ее ни сторожили и возобновить свое предложеніе. Онъ обратится къ ней самой и ни къ кому другому. Будетъ ли она безспорною обладательницей громаднаго состоянія, или бѣдною дѣвушкой лишенною даже права носить имя отца, предложеніе будетъ сдѣлано однимъ и тѣмъ же тономъ и въ однихъ и тѣхъ же словахъ. Онъ зналъ хорошо всю ея жизнь. Въ маѣ этого года ей минуло двадцать лѣтъ, а теперь шелъ сентябрь. Весной она будетъ самостоятельна и въ правѣ покинуть домъ матери и выйти замужъ за кого угодно. Онъ не давалъ себѣ слова не предпринимать ничего до ея совершеннолѣтія, но полагалъ что предложеніе его не можетъ имѣть полнаго значенія пока она не сдѣлается такъ же самостоятельна предъ закономъ какъ былъ самостоятеленъ онъ.

Шансы были сильно противъ него. Онъ зналъ какъ обаятельна роскошь. Были минуты когда онъ предсказывалъ себѣ что она запутается въ разставленныхъ предъ нею сѣтяхъ. Затѣмъ въ немъ снова воскресала увѣренность въ ней, и онъ ободрялся. Какъ прекрасна будетъ его побѣда если послѣ всѣхъ этихъ опасностей, послѣ всѣхъ искушеній богатства и знатности, она возвратится къ нему и на груди его скажетъ ему что любовь ея не поколебалась ни на минуту!

Но онъ далъ себѣ слово не употреблять никакихъ тайныхъ маневровъ въ своихъ сношеніяхъ съ ней. Графиня могла бы сказать ему свой адресъ не увеличивая опасности.

Таково было положеніе его дѣлъ когда онъ получилъ письмо отъ Нортона и Флика съ приглашеніемъ зайти въ ихъ контору въ Линкольнсъ-Иннѣ. Генералъ-солиситоръ, какъ уже извѣстно, поручилъ мистеру Флику повидаться съ портнымъ, и мистеръ Фликъ обязанъ былъ исполнить порученіе, хотя самъ не зналъ что̀ сказать Даніелю Твейту. Онъ долженъ былъ конечно попробовать подкупить портнаго, но такого рода попытки весьма затруднительны и требуютъ крайней осторожности. Притомъ мистеръ Фликъ былъ повѣреннымъ графа, Даніель былъ другъ оппонентовъ графа. Мистеръ Фликъ находилъ что генералъ-солиситоръ позволяетъ себѣ много вольностей въ дѣлѣ графа. Дѣло было конечно необычайное,

не похожее ни на одно изъ всѣхъ въ которыхъ мистеръ Фликъ принималъ участіе во время своей практики, такое необычайное дѣло что въ настоящее время нельзя было даже сказать кто былъ сторонникомъ и кто противникомъ его кліента, но тѣмъ не менѣе этикетъ есть этикетъ, и мистеръ Фликъ думалъ что такая фирма какъ „Нортонъ и Фликъ" не должна отступать отъ общепринятыхъ правилъ. Однако онъ послалъ приглашеніе Даніелю Твейту.

Объяснивъ кто онъ, что Даніель и безъ того хорошо зналъ, мистеръ Фликъ приступилъ къ дѣлу.

— Вы знаете, мистеръ Твейтъ, что обѣ стороны стараются уладить дѣло миролюбиво, безъ продолженія тяжбы?

— Я знаю что друзья графа Ловель, убѣдившись въ невозможности достигнуть своей цѣли законнымъ образомъ, стараются достигнуть ея другимъ путемъ.

— Нѣтъ, мистеръ Твейтъ, нѣтъ, я не могу согласиться съ вами ни на минуту. Ваше воззрѣніе ложно.

— Правда ли что леди Анна Ловель законная дочь покойнаго графа Ловель?

— Вотъ этого-то мы и не знаемъ и никто не знаетъ. Вы не юристъ, мистеръ Твейтъ, и не знаете что нѣтъ ничего труднѣе какъ рѣшать вопросы о законности происхожденія. Нѣкоторыя изъ нашихъ дѣлъ ждали рѣшенія суда цѣлое столѣтіе. Вы слышали о знаменитомъ дѣлѣ Макъ-Фарлама. Для того чтобы рѣшить это дѣло нужно было возвратиться за сто двадцать лѣтъ, и приговоръ былъ тѣмъ не менѣе произнесенъ только на основаніи показанія одного человѣка говорившаго что его бабушка разказывала ему что видѣла на женщинѣ обручальное кольцо. Дѣло стоило около сорока тысячъ фунтовъ и тянулось девятнадцать лѣтъ. Насколько мнѣ извѣстно, дѣло Ловелей еще сложнѣе. Намъ пришлось бы по всей вѣроятности стать въ зависимость отъ Сицилійскаго суда и мы съ вами не дожили бы до рѣшенія.

— Вы имѣли бы предо мною то преимущество что жили бы доходами съ этого дѣла.

— Какое неумѣстное замѣчаніе, мистеръ Твейтъ! Но... я пригласилъ васъ для того чтобы сказать вамъ что всѣ затрудненія могутъ быть улажены самымъ естественнымъ и приличнымъ союзомъ между лордомъ Ловель и дѣвушкой которую въ настоящее время изъ учтивости называютъ леди Ловель.

— По обязанности, а не изъ учтивости, мистеръ Фликъ, возразилъ портной, хорошо понимавшій значеніе ненавистныхъ ему титуловъ.

— Согласенъ; въ настоящее время мы признаемъ за ней титулъ и стараемся устроить фамильный бракъ. Намъ всѣмъ весьма желательно положить конецъ этой раззорительной тяжбѣ. Но я слышалъ что дѣвушка стѣсняется ребяческимъ обѣщаніемъ которое она дала вамъ.

Даніель Твейтъ не ожидалъ такого объясненія. Ему не приходило въ голову что Анна можетъ открыть свои отношенія съ нимъ и онъ не имѣлъ готоваго отвѣта. Но Даніель былъ не такой человѣкъ чтобы колебаться долго.

— Вы называете это обѣщаніе ребяческимъ? спросилъ онъ.

— Конечно.

— А еслибъ она дала теперь такое же обѣщаніе графу, какъ назвали бы вы это? Обѣщаніе ея мнѣ дано менѣе чѣмъ годъ тому назадъ и было подтверждено нѣсколько разъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца. По вашимъ словамъ, мистеръ Фликъ, она ребенокъ, и можетъ-быть она ребенокъ въ глазахъ закона. Если лордъ Ловель хочетъ жениться на ней, что̀ мѣшаетъ ему? Вѣроятно не то что она ребенокъ.

— Но согласитесь, мистеръ Твейтъ, что бракъ съ вами дѣло невозможное.

— Столь же возможное, мистеръ Фликъ, какъ и бракъ съ лордомъ Ловель. Когда дѣвушка будетъ совершеннолѣтняя ни одинъ священникъ въ Англіи не откажется обвѣнчать насъ если мы исполнимъ всѣ формальности.

— Хорошо, хорошо, мистеръ Твейтъ. Я не хочу разсуждать съ вами о законѣ и о правахъ. Такой бракъ не хорошъ, и вы сами это знаете.

— Онъ былъ бы очень дуренъ еслибы дѣвушка не была расположена къ нему какъ расположенъ я. То же самое можно сказать и о бракѣ съ лордомъ Ловель. Кому изъ насъ двоихъ дала она обѣщаніе? Котораго изъ насъ она знаетъ и любитъ съ дѣтства? Который изъ насъ снискалъ ея любовь долгою дружбой и преданностью? И который изъ насъ, мистеръ Фликъ, привлеченъ къ ней ея недавно признанными правами на наслѣдство? Я не слыхалъ чтобы лордъ Ловель былъ моимъ соперникомъ когда на леди Анну смотрѣли какъ на незаконно-рожденную дочь сумашедшаго графа.

— Я полагаю, мистеръ Твейтъ, что вы тоже не совсѣмъ равнодушны къ ея деньгамъ.

— Если вы это полагаете, то вы ошибаетесь, какъ всегда ошибаются юристы когда берутся судить о побужденіяхъ.

— Нельзя сказать чтобы вы были любезны, мистеръ Твейтъ.

— Вы пригласили меня сюда не для любезностей. Но я хочу высказать правду. Что касается денегъ леди Анны, если она выйдетъ за меня, я буду всѣми силами оберегать ихъ для нея и для дѣтей которыя у нея могутъ быть. Но мнѣ ея состоянія не нужно. Я думаю что оно должно принадлежать ей, я даже увѣренъ что судъ отдастъ его ей. Какъ женихъ ея, я обязанъ оспаривать его у лорда Ловеля и у всякаго другаго претендента. Но богатство ея не имѣетъ ничего общаго съ моими отношеніями къ ней. Мнѣ кажется что я сказалъ уже все что̀ слѣдуетъ, мистеръ Фликъ. Прощайте.

Мистеръ Фликъ не рѣшился заикнуться о предложеніи которое имѣлъ въ виду сдѣлать этому человѣку посылая за нимъ. Онъ не рѣшился спросить за какую сумму согласится портной отказаться отъ леди Анны и избавить ихъ всѣхъ отъ большаго затрудненія, и хорошо сдѣлалъ что не спросилъ, потому что послѣ такого вопроса Даніель Твейтъ сдѣлался бы вдвое неучтивѣе..

ГЛАВА XXII.

Пропасть.

— Неужели ты думаешь что ставъ женой Даніеля Твейта, человѣка который безконечно ниже тебя, съ которымъ ты принуждена была бы жить въ отдаленіи отъ меня и ото всѣхъ въ комъ течетъ кровь Ловелей, ты была бы счастливѣе чѣмъ еслибы сохранила благородное имя графа твоего отца и была женой графа и матерью будущаго графа? Я не стану говорить о долгѣ, о приличіи, о счастіи другихъ, которое находится теперь въ зависимости отъ твоего рѣшенія. Естественно что дѣвушка выходя замужъ имѣетъ въ виду только свое собственное счастіе. Но неужели ты считаешь счастіемъ назвать этого человѣка мужемъ?

Такъ уговаривала графиня свою дочь которая лежала въ это время утомленная и больная на своей постелѣ въ Келлель-

Стритѣ. Три дня выслушивала Анна такія увѣщанія, и ни одного ласковаго слова не сказала ей мать въ эти три дня. Графиня не измѣняла своего суроваго обращенія съ дочерью, все еще надѣясь побѣдить этимъ ея упрямство и заставить ее отказать Твейту. Но до сихъ поръ ея старанія были безуспѣшны. Дѣвушка была кротка и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ была покорна. Она не оправдывала своего поведенія, не пыталась доказать что поступила хорошо обѣщавъ быть женой портнаго, и какъ будто молча соглашалась что помолвка ея есть величайшее несчастіе какое только могло обрушиться на фамилію Ловелей. Она не смѣла разсуждать объ этомъ съ матерью какъ разсуждала съ графомъ. Она только ссылалась на свое обѣщаніе и говорила о бракѣ съ Даніелемъ какъ о неизбѣжномъ. „Я дала ему обѣщаніе, мама. Я поклялась что буду его женой.“ Таковъ былъ теперь ея отвѣтъ и она повторила его разъ десять въ теченіи послѣднихъ трехъ дней.

— И всѣ близкіе тебѣ должны страдать вслѣдствіе того что ты однажды дала безумное обѣщаніе?

— Мама, это обѣщаніе было повторено много разъ, и Даніель не хочетъ чтобы кто-нибудь страдалъ. Онъ сказалъ мнѣ что лордъ Ловель можетъ взять себѣ состояніе.

— Глупая, неблагодарная дѣвчонка! Развѣ я отстаиваю выгоды лорда Ловеля? Я отстаиваю твою честь и честь имени. Развѣ ты не молишься ежедневно чтобы Господь оставилъ тебя въ томъ положеніи въ которое Ему угодно было поставить тебя, и развѣ ты не отступаешь сознательно и преступно отъ своего призванія?

Но леди Анна повторила что она не можетъ измѣнить своему обѣщанію.

На другой день послѣ пріѣзда дочери, графиня была испугана ея болѣзненнымъ видомъ. Анна была дѣйствительно больна, и докторъ посѣтившій ее посовѣтовалъ обращаться съ нею съ величайшею осторожностью.

— Она страдаетъ душевнымъ разстройствомъ, сказалъ докторъ.—Перемѣна мѣста и развлеченія были бы ей очень полезны.

Графиня была испугана, но не побѣждена. Она не только любила дочь, но кромѣ дочери не любила никого. Анна была все что связывало ее съ міромъ. Но она продолжала увѣрять себя что для дочери ея лучше умереть чѣмъ выйти замужъ за портнаго, что въ этомъ случаѣ

преслѣдованіе до гробовой доски будетъ благодѣяніемъ если спасетъ Анну отъ такого ужаснаго, чудовищнаго брака. И она вѣрила что преслѣдованіе побѣдитъ наконецъ ея упорство. Стóитъ только твердо держаться своего рѣшенія, думала она, и дочь никогда не осмѣлится покинуть ея домъ чтобы выйти за Твейта, зная что не найдетъ ни въ комъ поддержки. Мужество дѣвушки было не такого рода. Но если она, мать, уступитъ хоть одинъ шагъ, дочь сдѣлается сильнѣе. Графиня слышала что молодые люди съ твердымъ характеромъ часто берутъ верхъ надъ своими родителями. Родители сострадательны къ своимъ дѣтямъ и склонны уступать. Она и сама была бы сострадательна еслибы затронутые интересы были не такъ важны, еслибы нарушеніе долга было не такъ возмутительно, еслибы желаніе дочери было не такъ чудовищно и унизительно. Но въ этомъ случаѣ слѣдуетъ быть непреклонною, хотя бы преслѣдованіе довело дочь до гроба.

— Клянусь тебѣ, сказала она, что день твоей свадьбы съ Даніелемъ Твейтомъ будетъ днемъ моей смерти.

Положеніе ея было однако такъ затруднительно что она отправилась за совѣтомъ къ сержанту Блюстону. Вначалѣ сержантъ былъ противъ всякаго соглашенія, увѣренный что успѣхъ можетъ быть достигнутъ безъ малѣйшаго пожертвованія. Онъ не имѣетъ ничего противъ брака двухъ молодыхъ родственниковъ, говорилъ сержантъ, но надо чтобы законная наслѣдница была сначала введена въ свои права. Она должна имѣть возможность заключить брачный контрактъ какъ несомнѣнная обладательница состоянія. Пусть она выйдетъ за графа если хочетъ, но не для того чтобы воспользоваться только частью богатства которое принадлежитъ ей всецѣло. Къ тому же, разсуждалъ сержантъ, права графини на ея имя не будутъ никогда считаться вполнѣ доказанными если она согласится на мировую. Въ глаза ее будутъ называть графиней, а за спиной ея будутъ толковать что она никогда не была графиней. Сержантъ горячо настаивалъ на своемъ мнѣніи и возмущался противъ вмѣшательства сэръ-Вильяма. Но когда онъ узналъ объ отношеніяхъ Анны и Даніеля Твейта жаръ его остылъ.

— Надо сдѣлать все возможное, рѣшилъ онъ,—чтобы помѣшать такому несчастію.

Тѣмъ не менѣе онъ смутился когда узналъ о ходѣ дѣлъ въ Кеппель-Стритѣ.

— Могу ли я не обращаться съ ней строго, отвѣчала графиня, когда онъ попробовалъ заступиться за Анну.— Еслибъ я была ласкова съ ней она подумала бы что я уступлю. Развѣ вы не знаете что она можетъ погубить все, рѣшительно все для чего я жила?

Сержантъ посовѣтовался съ женой и предложилъ чтобы леди Анна пріѣхала провести недѣли двѣ въ его домѣ. Онъ ручался что Даніель Твейтъ не переступитъ за порогъ его двери.

— Но если графъ Ловель сдѣлаетъ намъ честь своимъ посѣщеніемъ, будемъ очень рады, прибавилъ онъ.

Леди Анна переѣхала въ Бедфордъ-Скверъ и подверглась здѣсь болѣе мягкому, но не менѣе настойчивому обращенію. Мистрисъ Бльюстонъ читала ей наставленія ежедневно, но относилась къ ней крайне почтительно, какъ бы преклоняясь предъ ея знатностью, что̀ было вовсе не въ характерѣ доброй женщины, а дѣлалось только для того чтобы дать дѣвушкѣ почувствовать сильнѣе разницу между ея положеніемъ и положеніемъ портнаго. Дочерямъ не было сказано ни слова о портномъ, изъ опасенія что унизительность такого сближенія поразитъ слишкомъ сильно ихъ юный умъ, но имъ было внушено что леди Анна находится въ опасности, и что онѣ въ обращеніи съ нею должны выказывать полную увѣренность что ей суждено быть графиней Ловель. Горничная Сара, отправленная съ нею къ Бльюстонамъ, получила отъ графини тайныя инструкціи не оставлять леди Анну ни на одну минуту, и смотрѣть на нее какъ на плѣнницу которой предстоитъ блестящая будущность если только она согласится принять ее.

— Я положительно думаю что графъ нравится ей больше чѣмъ портной, сказала мистрисъ Бльюстонъ мужу.

— Такъ что̀ же ей мѣшаетъ принять его предложеніе?

Это происходило въ октябрѣ, и страшный ноябрь съ рѣшеніемъ тяжбы былъ уже близко.

— Мнѣ кажется что она уступила бы еслибъ онъ пріѣхалъ и повторилъ свое предложеніе. Я конечно не сказала ни слова о портномъ, но когда я говорю о графѣ она отвѣчаетъ такъ какъ будто влюблена въ него. Я спросила вчера что̀ онъ за человѣкъ, и она описала мнѣ его какъ совершенство „Жаль“, сказала она, „что онъ не можетъ получить состоянія. Оно должно принадлежать ему какъ графу.“

— Почему же она не дастъ ему возможности пользоваться имъ?

Я сама предложила ей этотъ вопросъ и она отвѣчала что это невозможно. Мнѣ кажется что портной связалъ ее какою-нибудь страшною клятвой, и она боится его.

— Онъ конечно связалъ ее клятвой, но всѣмъ извѣстно какъ снисходительны боги къ нарушителямъ любовныхъ клятвъ, замѣтилъ сержантъ.—Нужно будетъ залучить къ намъ молодаго графа когда онъ будетъ опять въ городѣ.

— Красивъ онъ? спросила Алиса Бльюстонъ, младшая дочь, съ которою Анна была особенно дружна. Разговоръ шелъ само собою разумѣется о лордѣ Ловелѣ.

— Всѣ говорятъ что красивъ.

— А вамъ какъ кажется?

— Я не придаю большаго значенія красотѣ въ мущинѣ, но графъ красивъ. Онъ не брюнетъ, какъ всѣ другіе Ловели, и нельзя назвать его красавцемъ. Мнѣ кажется что мущины которыхъ называютъ красавцами никогда не имѣютъ мужественнаго вида.

— О, нѣтъ, это несправедливо, возразила Алиса, имѣвшая въ виду помолвку съ молодымъ черноволосымъ юристомъ, барристеромъ.

— Волосы у лорда Ловеля каштановые, глаза голубые и особенно красива форма его лица, овальная, не слишкомъ продолговатая. Но отличительная черта его наружности это то что онъ смотритъ какъ будто всякій долженъ повиноваться ему.

— Почему же вы не повинуетесь ему?

— О, это совсѣмъ другое дѣло! Я готова повиноваться ему во многомъ. Онъ глава нашей фамиліи. Я желала бы чтобъ онъ получилъ состояніе и былъ богатъ и извѣстенъ, какъ и слѣдуетъ лорду Ловелю.

— Однако вы не хотите выйти за него?

— А вы согласились бы выйти за него еслибъ обѣщали другому?

— Развѣ вы обѣщали другому?

— Да.

— Кто же этотъ другой, леди Анна?

— Развѣ вамъ не говорили?

— Нѣтъ, не говорили. Я знаю только что всѣ желаютъ чтобы вы вышли за лорда Ловеля и что онъ самъ этого желаетъ. Онъ влюбленъ въ васъ.

— О, нѣтъ, не думаю. Но влюбленъ ли онъ въ меня или

нѣтъ, я не могу быть его женой. Еслибы вы дали кому-нибудь слово, неужели вы измѣнили бы ему когда представилась бы возможность выйти за графа?

— Мнѣ кажется что я никому не дала бы слова не посовѣтовавшись съ мама.

— Еслибъ этотъ человѣкъ сдѣлалъ вамъ много добра, еслибы онъ былъ вашимъ лучшимъ другомъ, какъ поступили бы вы въ такомъ случаѣ?

— Кто онъ, леди Анна?

— Не называйте меня леди Анной если не хотите чтобъ я разлюбила васъ. Вамъ я скажу, но вы не должны говорить никому. Мнѣ казалось что уже всѣ знаютъ. Я сказала лорду Ловелю, а онъ повидимому разказалъ всему свѣту. Я дала слово Даніелю Твейту.

— Даніелю Твейту! повторила Алиса, слышавшая много о дѣлѣ графини и между прочимъ о Твейтахъ.—Онъ портной.

— Да, онъ портной, сказала леди Анна съ достоинствомъ.

— Не думаю чтобъ это было хорошо, сказала Алиса, которая давно чувствовала что̀ значитъ быть дочерью сержанта закона и рѣшила что мужъ ея будетъ по меньшей мѣрѣ беррйстеръ.

— Вы хотите сказать что это дурно?

— Мнѣ кажется что портной не можетъ быть джентльменомъ.

— Не знаю. Можетъ-быть я и сама не была леди когда дала ему слово. Но я уже дала слово. Вы не знаете что̀ сдѣлалъ онъ и отецъ его для насъ. Мы можетъ-быть умерли бы съ голоду еслибы не они. Вы не знаете какъ мы жили; въ маленькомъ коттеджѣ, почти безъ всякихъ средствъ къ существованію, не имѣя кромѣ ихъ ни одного друга. Всѣ другіе считали насъ низкими обманщицами, они же были всегда добры съ нами. Развѣ вы не полюбили бы его?

— Я любила бы его какъ друга.

— Взявъ такъ много, нужно и отплатить по мѣрѣ силъ, сказала Анна.

— Вы все еще любите его?

— Конечно люблю.

— И хотите быть его женой?

— Не знаю. Иногда мнѣ кажется что я не хочу быть его женой. Не потому чтобъ я считала это унизительнымъ. Мы уѣхали бы изъ Комберланда немедленно послѣ свадьбы, не

видавшись ни съ кѣмъ изъ моихъ родныхъ. Предположите что мама не графиня.

— Но она графиня.

— Да, теперь говорятъ что она графиня. Но еслибъ ея не признали графиней, никому не показалось бы страннымъ еслибъ я вышла за мистера Твейта.

— А вамъ самой не кажется это страннымъ?

— Я предпочла бы сказать что не выйду ни за кого. Но онъ разсердился бы на меня ужасно.

— Лордъ Ловель?

— Нѣтъ, не лордъ Ловель. Даніель разсердился бы на меня, потому что онъ очень любитъ меня. Но это было бы лучше для него чѣмъ еслибъ я вышла за лорда Ловеля. Я скажу вамъ правду, другъ мой. Мнѣ совѣстно выйти за Даніеля Твейта, совѣстно не за себя, но потому что я родственница лорда Ловеля и дочь моей матери. Но мнѣ совѣстно выйти и за лорда Ловеля.

— Почему же, моя милая?

— Потому что я была бы въ такомъ случаѣ неблагодарною измѣнницей. Я боялась бы показаться ему на глаза. Вы не знаете какъ онъ иногда смотритъ. Онъ тоже умѣетъ повелѣвать. Онъ тоже благороденъ. Они думаютъ что ему нужны деньги и что если онъ портной, то онъ низокъ. Но онъ не низокъ. Онъ уменъ и умѣетъ говорить лучше моего кузена. Онъ способенъ работать и отдавать все заработанное. То же дѣлалъ и отецъ его. Они отдали намъ все что имѣли и никогда не требовали никакого вознагражденія. Я поцѣловала его однажды и онъ сказалъ что я этимъ отплатила весь долгъ моей матери. (Алиса Бльюстонъ внутренне содрогнулась услышавъ о такомъ униженіи дочери графини. Она не могла представить себѣ какъ леди Анна Ловель рѣшилась поцѣловать портнаго. Сама же она была можетъ-быть такъ же снисходительна къ черноволосому берристеру и не находила въ этомъ ничего дурнаго.) Они думаютъ что я не понимаю ихъ, но я понимаю. Имъ всѣмъ нужны деньги, и они подозрѣваютъ въ томъ же самомъ мистера Твейта. Но ему не нужны деньги, ему нужна только я. Какъ поступили бы вы въ моемъ положеніи?

— Мнѣ кажется что леди не должна выходить замужъ за человѣка который не можетъ быть джентльменомъ. Вы знаете притчу о богатомъ который не можетъ придти на лоно

Авраама потому что между ними была раскрыта пропасть. То же самое должно быть и на землѣ, и члены царствующаго дома не могутъ вступать въ бракъ съ простыми смертными. Иначе произошла бы такая путаница что въ скоромъ времени исчезли бы всякія различія. Если должны быть различія, то пусть будутъ различія, пусть будутъ леди и джентльмены.

Такъ говорила эта юная сторонница консерватизма, разсудительная не по лѣтамъ, и говорила не напрасно.

— Мнѣ кажется что лучше всего для меня было бы умереть. Тогда уладились бы всѣ затрудненія.

Дня два спустя послѣ этого разговора, сержантъ Блыостонъ, возвратясь домой, послалъ попросить леди Анну сдѣлать ему одолженіе сойти въ его кабинетъ. Сержантъ Блыостонъ обращался съ леди Анной болѣе чѣмъ съ должною почтительностью съ тѣхъ поръ какъ она жила въ его домѣ. Онъ старался дать ей понять чтò значитъ быть дочерью графа и будущею обладательницей двадцати тысячъ годоваго дохода. Сержантъ Блыостонъ, надо отдать ему справедливость, преклонялся также мало предъ перами какъ большинство людей. Онъ преклонялся только предъ судьями, и то не всегда съ надлежащею почтительностью. Но теперь его обращеніе съ кліенткой было частью его обязанностей относительно ея. Онъ взялся ввести ее въ обладаніе ея правами и готовъ былъ подавать ей стоя на колѣняхъ ея чашку чая еслибы могъ этимъ внушить ей какъ унизителенъ для нея бракъ съ портнымъ. Приглашеніе было передано ей женой сержанта, которая чуть не извинялась что доставляла ей трудъ сойти съ лѣстницы.

— Дорогая моя леди Анна, сказалъ сержантъ,—могу я попросить васъ посидѣть здѣсь нѣсколько минутъ пока я буду говорить съ вами? Я былъ сейчасъ у вашей матушки.

— Какъ чувствуетъ себя мама?

Сержантъ увѣрилъ ее что графиня совершенно здорова. Леди Анна не видалась съ матерью съ тѣхъ поръ какъ переселилась къ Блыостонамъ, и ей было объявлено что графиня не хочетъ видѣть ее пока не получитъ отъ нея обѣщанія отказать Твейту.

— Какъ мнѣ хочется повидаться съ мама!

— Я тоже всѣмъ сердцемъ желаю чтобы вы могли увидаться съ графиней. Ничто не причиняетъ такого страданія

какъ семейныя ссоры. Но что̀ могу я сдѣлать? Вы знаете что̀ думаетъ ваша матушка.

— Не можете ли вы устроить чтобъ она позволила мнѣ лобывать у нея хоть разъ?

— Мнѣ кажется что это возможно. Но я прошу васъ выслушать то что̀ я долженъ сказать вамъ, леди Анна. Лордъ Ловель возвратился въ Лондонъ. (Анна сжала губы. Если согласіе котораго требуютъ отъ нея будетъ когда-нибудь вынуждено у нея, то не сержантомъ Блюстономъ.)—Я видѣлъ его лордство сегодня,—продолжалъ Блюстонъ,—и онъ обѣщалъ мнѣ обѣдать завтра у насъ.

— Лордъ Ловель?

— Да, вашъ кузенъ, лордъ Ловель. Надѣюсь что вы не имѣете ничего противъ свиданія съ нимъ. Онъ не оскорбилъ васъ?

— О, нѣтъ, но я оскорбила его.

— Не думаю. По крайней мѣрѣ изъ его словъ о васъ не видно чтобъ онъ считалъ себя оскорбленнымъ вами.

— Когда мы прощались, онъ едва глядѣлъ на меня, потому что я сказала ему... Вы знаете что̀ я сказала ему.

— Джентльменъ не обязанъ считать себя оскорбленнымъ получивъ отъ дѣвушки отказъ на первое предложеніе. Иначе было бы очень много оскорбленныхъ джентльменовъ и многіе счастливые браки не могли бы состояться. Какъ бы то ни было, онъ пріѣдетъ, и я полагаю что вы извините меня если я попробую объяснить вамъ какія важныя послѣдствія можетъ имѣть пріемъ который вы ему сдѣлаете. Я понимаю что положеніе дѣлъ весьма неудовлетворительно въ настоящее время.

— Я очень несчастна, сержантъ Блюстонъ.

— Да, конечно, это понятно. Вы можете быть поставлены, я даже скажу что вы навѣрное будете поставлены въ такое положеніе что отъ вашего отвѣта будетъ зависѣть благосостояніе знатной, старинной фамиліи. Однимъ только словомъ вы можете прояснить снова славное имя которое было долгое время омрачено облакомъ. У насъ въ Англіи благосостояніе государства зависитъ отъ поведенія нашей аристократіи. (О, сержантъ Блюстонъ, сержантъ Блюстонъ! какъ могли вы высказать мнѣніе столь противное вашимъ убѣжденіямъ? Но чего не сдѣлаетъ юристъ для пользы кліента?) Если тѣ кого судьба возвысила забудутъ чего страна

въ правѣ требовать отъ нихъ, прощай слава Англіи! (Такого рода аргументами сержантъ достигъ своей цѣли съ дюжиной мущинъ. Неужели они не подѣйствуютъ на эту бѣдную дѣвушку?) Не мнѣ, леди Анна, предписывать вамъ выборъ мужа, но долгъ мой заставляетъ меня указать вамъ какъ важно ваше рѣшеніе и объяснить вамъ что вы не въ такомъ положеніи какъ другія дѣвушки. Въ вашихъ рукахъ гибель и счастіе всей фамиліи Ловелей. Что же касается предложенія которое вы по чувству благодарности принуждены были выслушать, вы знаете что принявъ его вы повергли бы въ отчаяніе всѣхъ съ кѣмъ вы тѣсно связаны общимъ благороднымъ именемъ.

Онъ кончилъ свою рѣчь, и леди Анна ушла не сказавъ ни слова.

ГЛАВА XXIII.

Бедфордъ-Скверъ.

Графъ понялъ не разспрашивая что генералъ-солиситоръ не считаетъ помолвку Анны съ портнымъ препятствіемъ для продолженія его сватовства. Его собственныя понятія долго возмущались противъ такого снисхожденія. Когда леди Анна объявила ему что дала слово быть женой человѣка стоявшаго такъ низко на общественной лѣстницѣ, графъ рѣшилъ что его сватовство кончено. Все что возможно сдѣлать чтобы помѣшать Аннѣ привести въ исполненіе свое унизительное намѣреніе будетъ сдѣлано, но сдѣлано только для спасенія чести и имени, а не для его личныхъ выгодъ. Ни для двадцати тысячъ годоваго дохода, ни для Анны Ловель, ни для пользы всѣхъ Ловелей не согласится онъ обнять какъ невѣсту дѣвушку которая уже обнимала съ любовію Даніеля Твейта. Но когда онъ увидѣлъ что другіе не раздѣляютъ его чувствъ, онъ передумалъ снова и мало-по-малу уступилъ. Во всемъ этомъ дѣлѣ было конечно много такого о чемъ нельзя было судить съ привычныхъ точекъ зрѣнія. Общественное положеніе леди Анны было исключительное. Она была связана съ портнымъ долгомъ благодарности, повидимому требовавшимъ отъ нея большихъ жертвъ. Она вознаградила его, какъ сказала она, только тѣмъ чѣмъ могла вознаградить. Но она будетъ скоро имѣть возможность отплатить ему иначе.

Онъ безъ сомнѣнія заслуживаетъ вознагражденія и будетъ вознагражденъ, но не рукой наслѣдницы Ловелей. Рука ея должна достаться ему, графу.

Послѣ свиданія съ сэръ-Вильямомъ онъ поспѣшилъ уѣхать изъ Лондона, но не возвратился въ Іоксамъ. Онъ отправился опять въ Шотландію и не написалъ въ Іоксамъ ни слова кромѣ тѣхъ немногихъ строкъ которыя видѣлъ читатель. Въ Шотландіи онъ получилъ извѣстіе отъ мистера Флика что леди Анна гоститъ у Бльюстона и по его совѣту возвратился въ Лондонъ. Необходимо было чтобы хоть что-нибудь было рѣшено до ноября.

Единственными гостями приглашенными Бльюстономъ въ день посѣщенія графа были сэръ-Вильямъ, леди Патерсонъ и черноволосый молодой юристъ. Вся эта затѣя была вопреки всякимъ правиламъ, говорилъ мистеръ Фликъ своему старому партнеру мистеру Нортону. Что генералъ-солиситоръ будетъ обѣдать у сержанта Бльюстона, это еще куда не шло, хотя они до сихъ поръ не были знакомы домами. Но что тамъ же будутъ и ихъ кліенты, оспаривающіе другъ у друга большое наслѣдство, это было, по мнѣнію мистера Флика, ни на что̀ не похоже. Генералъ-солиситоръ вѣроятно знаетъ что̀ дѣлаетъ. Но и онъ можетъ заблуждаться, говорилъ мистеръ Фликъ. Мистеръ Нортонъ только почесывалъ голову. Его это не касалось.

Сэръ-Вильямъ пріѣхалъ раньше графа и былъ представленъ леди Аннѣ.

— Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ я много слышу о васъ, леди Анна, и наконецъ имѣю удовольствіе впервые познакомиться съ вами, сказалъ онъ.

Она улыбнулась и старалась казаться довольною, но ей нечего было сказать ему.

— Вы знаете что мнѣ слѣдовало бы быть вашимъ врагомъ, продолжалъ онъ смѣясь,—но я надѣюсь что мы скоро не будемъ имѣть причинъ враждовать. Мнѣ не хотѣлось бы состязаться съ такимъ прекраснымъ непріятелемъ.

Въ эту минуту объявлено было о пріѣздѣ графа, и генералъ-солиситоръ конечно уступилъ ему свое мѣсто.

Съ той минуты какъ леди Анна узнала что онъ пріѣдетъ, она не могла думать ни о чемъ другомъ какъ только о встрѣчѣ съ нимъ. Какъ встрѣтитъ она его? Она могла улыбаться и молчать и протянуть ему руку или не протягивать, смотря

по тому какъ онъ пожелаетъ. Но какъ встрѣтитъ онъ ее? Она была увѣрена что онъ презиралъ ее съ той минуты какъ она сказала ему о своихъ отношеніяхъ съ портнымъ. Можетъ ли онъ не призирать ее. Разсужденія о леди и джентльменахъ и о пропасти отдѣляющей ихъ отъ простыхъ смертныхъ были ей знакомы прежде чѣмъ она услышала ихъ отъ миссъ Алисы Блъюстонъ. Она понимала такъ же хорошо какъ ея молодая подруга что есть разница между ея кузеномъ, графомъ Ловель, и ея женихомъ, портнымъ. Конечно пріятно было бы имѣть возможность полюбить такого человѣка какъ графъ.

Всѣ окружавшіе ее повидимому смотрѣли на ея поведеніе какъ на глупое упрямство, будто не понимая, какъ понимала она, что сама судьба обрекла ей такую участь. Какъ ни добръ былъ Даніель, она чувствовала что унизила себя обѣщавъ быть его женой. Наставленія окружавшихъ ее не пропали даромъ. И она считала себя униженною въ особенности въ глазахъ того кто былъ для нея прекраснѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Ей говорили что она все еще можетъ сдѣлаться его женой если пожелаетъ. Она этому не вѣрила. Это не измѣнило бы ея рѣшенія, но она не вѣрила что это справедливо. Онъ очевидно презиралъ ее когда узналъ объ ея помолвкѣ въ Больтонскомъ Аббатствѣ, онъ очевидно презиралъ ее когда спѣшилъ уѣхать изъ Іоксама. Теперь же онъ намѣревался пріѣхать въ Блъюстону чтобы видѣться съ ней. Для чего онъ хочетъ видѣться съ ней? Увы, она была увѣрена что онъ никогда не заговоритъ съ ней такимъ же плѣнительнымъ тономъ, такими же медовыми словами какія употребилъ при ихъ первомъ свиданіи.

Не менѣе безпокоила предстоявшая встрѣча и молодаго графа. Онъ не хотѣлъ показать ей презрѣніе когда прощался съ ней, онъ хотѣлъ дать ей только понять что сватовство его кончено. Онъ любилъ ее, но бываютъ препятствія, думалъ онъ, которымъ любовь должна уступать; каково было бы его положеніе еслибъ она была уже женой портнаго? То что̀ казалось ему столь пригоднымъ для него, сдѣлалось внезапно совершенно непригоднымъ, и онъ сказалъ тогда себѣ что постарается заглушить свою любовь насколько это окажется возможнымъ. Но потомъ воззрѣнія его измѣнились, и онъ рѣшился продолжать свое сватовство. Анна была хороша, съ нѣжнымъ голосомъ, съ привлекательными манерами,

съ характеромъ. Ему она казалась олицетвореніемъ женственной граціи и привлекательности. Какимъ счастіемъ было то что онъ могъ полюбить дѣвушку на которой ему такъ полезно было жениться, какъ былъ бы онъ счастливъ еслибы не негодный портной! Но теперь онъ рѣшился возобновить свое сватовство несмотря на портнаго. Онъ не хотѣлъ показать ей что презираетъ ее когда прощался съ ней, но онъ зналъ что она поняла по его обращенію съ ней что его сватовство кончено. Какъ возобновитъ его онъ опять въ присутствіи сержанта и мистрисъ Бльюстонъ, сэръ-Вильяма и леди Патерсонъ?

Графъ былъ сначала представленъ женамъ друхъ юристовъ. Анна сидѣла въ сторонѣ на диванѣ. Мистрисъ Бльюстонъ была такъ предусмотрительна что постаралась помѣстить ее вдали отъ гостей, для того чтобы графъ могъ поговорить съ ней. Но молодой юристъ не упустилъ случая познакомиться съ дѣвушкой и стоя противъ нея толковалъ о пустотѣ Лондона и объ увеселеніяхъ предстоявшаго сезона. Леди Анна не слышала ни слова изъ того что онъ говорилъ. Леди Анна напрягала слухъ стараясь разслышать что̀ говорилъ лордъ Ловель, глаза ея полуобращенные въ его сторону слѣдили за каждымъ его движеніемъ. Онъ безъ сомнѣнія подойдетъ къ ней. Леди Анна на диванѣ, сказала мистрисъ Бльюстонъ. Но онъ уже зналъ гдѣ она. Онъ отыскалъ ея милое лицо когда входилъ въ комнату. Онъ подошелъ къ ней, протянулъ руку и улыбнулся.

Она приготовила первыя слова.

— Надѣюсь что всѣ здоровы въ Іоксамѣ, сказала она своимъ нѣжнымъ, серебристымъ голосомъ, который по его мнѣнію такъ шелъ къ будущей графинѣ Ловель.

— О, да, вѣроятно здоровы. Я тамъ не въ милости, потому что отвѣчалъ на письмо тетушки Джюліи не такъ точно какъ бы слѣдовало. Я думаю съѣздить туда поохотиться въ будущемъ мѣсяцѣ.

Въ эту минуту былъ объявленъ обѣдъ. Графъ долженъ былъ вести мистрисъ Бльюстонъ, сержантъ леди Анну, а молодой юристъ жену генералъ-солиситора, и разговоръ прекратился. И за обѣдомъ нельзя было посадить ихъ рядомъ. И когда наконецъ наступилъ поздній вечеръ и всѣ собрались въ гостиной, представились другія препятствія, и полчаса прошло

такъ что они не могли сказать другъ другу ни слова. Но прощаясь онъ шепнулъ ей:

— Я заѣду повидаться съ вами.

— Мнѣ кажется что онъ этого вовсе не желаетъ, сказалъ сержантъ женѣ почти съ гнѣвомъ.

— Почему ты такъ думаешь?

— Онъ даже не говорилъ съ ней.

— На званыхъ обѣдахъ нѣтъ времени для серіозныхъ объясненій. Еслибъ онъ этого не хотѣлъ, онъ бы не пріѣхалъ. И если вы всѣ потерпите немного, она этого тоже захочетъ. Я не могу простить графинѣ что она такъ строга съ ней. Анна одна изъ милѣйшихъ дѣвушекъ какихъ я только встрѣчала.

Потерпѣть немного, а ноябрь былъ такъ близко! Графъ обѣдавшій у Бльюстона сдѣлается въ ноябрѣ опять его непріятелемъ если до тѣхъ поръ дѣло не будетъ рѣшено миролюбиво. Въ это время сержантъ Бльюстонъ не видалъ другаго исхода. Графъ можетъ конечно отказаться отъ своихъ притязаній, но тогда явится съ своими притязаніями Италіянка, и графъ возстанетъ противъ Италіянки. Обдумывая все это, сержантъ почти сожалѣлъ что пригласилъ къ себѣ генералъ-солиситора и графа.

На слѣдующее утро въ Бедфордъ-Скверѣ было опять возвѣщено о пріѣздѣ лорда Ловеля. Сержантъ былъ по обыкновенію въ своей конторѣ, леди Анна была въ своей комнатѣ, а мистрисъ Бльюстонъ сидѣла съ дочерью въ гостиной.

— Я пріѣхалъ повидаться съ моею кузиной, сказалъ лордъ Ловель смѣло.

— Я очень рада что вы пріѣхали, лордъ Ловель.

— Благодарю васъ. Я зналъ что вы поймете меня. Газеты называютъ насъ врагами, но у насъ много общаго.

— Я пошлю ее къ вамъ. Душа моя, пойдемъ въ столовую. Вы найдете завтракъ готовымъ когда сойдете внизъ, лордъ Ловель.

Она оставила его одного, и онъ стоялъ нѣкоторое время у стола разглядывая книги. Время ожиданія показалось ему нестерпимо долгимъ. Но наконецъ дверь отворилась, и въ комнату тихо вошла его кузина. Прощаясь съ ней въ Іоксамѣ, онъ называлъ ее леди Анной. Теперь онъ намѣренъ былъ обращаться съ ней опять по-родственному.

— Я не имѣлъ возможности поговорить съ вами вчера, сказалъ онъ держа ея руку.

— Да, лордъ Ловель.

— Это никогда не удается въ маленькомъ обществѣ. Милая Анна, вы такъ поразили меня тѣмъ что̀ открыли мнѣ на берегу Варфа. (Она не нашла что̀ отвѣтить ему.) Я былъ тогда жестокъ съ вами.

— Я этого не думала, лордъ Ловель.

— Я скажу вамъ всю правду, хотя бы она была и непріятна, но намъ слѣдуетъ быть откровенными. Когда я узналъ то что̀ вы сказали мнѣ, я подумалъ что между нами все кончено.

— О, конечно, сказала она.

— Но потомъ я передумалъ и не хочу чтобъ это было такъ. Я пріѣхалъ не для того чтобъ упрекать васъ.

— Вы можете упрекать меня, если хотите.

— Но я не хочу, и не имѣю права. Я понимаю ваши чувства глубокой благодарности къ этому человѣку и уважаю ихъ.

— Но я люблю его, лордъ Ловель, сказала леди Анна гордо поднявъ голову. Она сама не понимала что̀ побудило ее сказать это. Когда она бывала одна и думала о немъ и о Даніелѣ, она сожалѣла что не узнала своего кузена раньше. Она не могла сказать этого ни одному живому существу, но себѣ сознавалась что когда ей казалось что она отдала свое сердце портному, она не знала что̀ значитъ отдать сердце. Молодой графъ казался ей полубогомъ, Даніель же былъ простымъ смертнымъ которому она была такъ много обязана что должна была пожертвовать собою если онъ пожелаетъ. Тѣмъ не менѣе когда графъ заговорилъ ей о чувствахъ связывающихъ ее съ этимъ человѣкомъ и сказалъ что понимаетъ и уважаетъ ихъ, она вспыхнула и объявила почти гнѣвно что любитъ портнаго.

Положеніе графа было дѣйствительно трудное. Первымъ его побужденіемъ было убѣжать, какъ онъ уже убѣжалъ однажды, убѣжать и потомъ уѣхать за границу, предоставивъ юристамъ рѣшать дѣло какъ знаютъ. Возможно ли что такая дѣвушка любитъ поденщика и гордится своею любовью! Онъ отошелъ отъ нея, дошелъ до двери и возвратился назадъ, а она между тѣмъ уже раскаивалась въ своей смѣлости.

— Очень естественно что вы любите его какъ друга, сказалъ онъ.

— Но я поклялась быть его женой.

— Обязаны ли вы сдержать такую клятву? (Она не отвѣ-

чала ему и онъ продолжалъ.)—Если онъ любитъ васъ, то не пожелаетъ вамъ зла, а бракъ съ нимъ былъ бы большимъ зломъ для васъ. Имѣете ли вы право снизойти съ вашего положенія и повредить всѣмъ вашимъ роднымъ для того чтобъ отплатить долгъ благодарности? Неужели вы разобьете сердце вашей матери и мое и обезчестите всю фамилію только вслѣдствіе того что онъ былъ добръ съ вами?

— Онъ былъ добръ и съ мама.

— Но развѣ это не разобьетъ ея сердца? Развѣ она не говорила вамъ это? Въ мою любовь вы можетъ-быть не вѣрите.

— Не знаю, отвѣчала она.

— О, вѣрьте мнѣ, моя милая. На мои глаза вы прекраснѣйшее созданіе Божіе. Можетъ - быть вы думаете что я говорю это ради денегъ?

— Нѣтъ, милордъ, я этого не думаю.

— Вы конечно очень обязаны ему.

— Онъ не хочетъ никакого вознагражденія кромѣ того чтобъ я сдѣлалась его женой. Онъ сказалъ это мнѣ, и онъ никогда не лжетъ. Я не могу не вѣрить ему, хотя бы даже способна была измѣнить ему. Но я не измѣню ему. Я уѣду съ нимъ, и никто не будетъ слышать обо мнѣ и всѣ забудутъ что я дочь моего отца.

— Вы колеблетесь даже теперь, дорогая моя.

— Но я не должна колебаться. Если я колеблюсь, то это слабость.

— Такъ продолжайте быть слабою. Такая слабость хороша, потому что пріятна всѣмъ кто долженъ быть дорогъ вамъ.

— Но она не можетъ быть пріятна ему, лордъ Ловель.

— Исполните ли вы мою просьбу? Обѣщаете ли вы мнѣ подумать недѣлю и потомъ написать мнѣ? Вы не можете отказать мнѣ въ этомъ, потому что счастіе, честь и благосостояніе Ловелей зависитъ отъ вашего рѣшенія.

Она чувствовала что не можетъ отказать и дала обѣщаніе. Ровно черезъ недѣлю она напишетъ ему и объявитъ о своемъ рѣшеніи. Онъ подвинулся къ ней, намѣреваясь поцѣловать ее, если она позволитъ, но она стояла выпрямившись и едва прикоснулась къ его рукѣ. Она будетъ слушаться своего жениха, до тѣхъ поръ по крайней мѣрѣ пока не рѣшится измѣнить ему. Лордъ Ловель не могъ привести въ исполненіе свое намѣреніе и уѣхалъ не вспомнивъ о завтракѣ мистрисъ Блюстонъ.

ГЛАВА XXIV.

Собака на сѣнѣ.

Все это время Даніель Твейтъ жилъ одинъ, работая день за днемъ, часъ за часомъ, въ обществѣ портныхъ въ Вигморъ-Стритѣ, уважаемый своимъ хозяиномъ, нелюбимый товарищами, надъ которыми онъ пріобрѣлъ нѣкоторую власть, не встрѣчая ни въ комъ дружескаго участія. На сердцѣ его лежало такое тяжелое бремя что ничто не могло веселить его, даже еслибъ онъ былъ веселаго характера. Могъ ли онъ надѣяться что его возлюбленная устоитъ противъ всѣхъ соблазновъ, противъ всѣхъ аргументовъ и просьбъ своихъ друзей? О себѣ онъ былъ не такого мнѣнія чтобъ быть увѣреннымъ что его личныя преимущества заставятъ ее предпочесть его графу. Цѣня себя съ своей точки зрѣнія, ставя выше того человѣка который приноситъ болѣе пользы, онъ считалъ себя безконечно лучше графа. Онъ былъ де рабочею пчелой, а графъ трутнемъ. Онъ умѣлъ пользоваться лучшею принадлежностью человѣка, своими умственными способностями, а графъ, думалъ онъ, едва ли знаетъ что у него есть умственныя способности. Графъ и всѣ другіе графы были въ его глазахъ отребьемъ общества, продуктомъ дурныхъ наклонностей человѣчества, язвой общества отъ которой нужно было освободиться чтобы скорѣе достигнуть соціальнаго совершенства котораго онъ ожидалъ въ будущемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ что безполезный графъ красивъ, что хотя слова его и безсмысленны, но голосъ его пріятенъ, что руки его, неспособныя заработать кусокъ хлѣба, бѣлы и нѣжны, что отъ него несетъ духами и праздностью, и никогда трудовымъ потомъ. Возможно ли чтобы такая дѣвушка какъ Анна Ловель устояла противъ всѣхъ этихъ соблазновъ вопреки своимъ инстинктамъ и просьбамъ всѣхъ своихъ родственниковъ? И долженъ ли онъ желать чтобъ она устояла? Праздность графа отвратительна, и не менѣе отвратительна праздность графини. Быть трудолюбивою женой трудолюбиваго мужа было, по его мнѣнію, высшимъ счастіемъ для женщины. Но не лишена ли она своимъ происхожденіемъ способности наслаждаться такимъ счастіемъ? спрашивалъ онъ

себя. Каково будетъ ея положеніе, и его тоже, если въ послѣдствіи она станетъ упрекать его въ томъ что онъ помѣшалъ ей сдѣлаться женой аристократа? И каково будетъ его положеніе если люди будутъ говорить что онъ принудилъ ее выйти за него, пользуясь клятвою взятою съ нея въ дѣтствѣ, для того чтобы воспользоваться ея богатствомъ? Онъ отвѣтилъ мистеру Флику на эти вопросы, но самому себѣ труднѣе было отвѣтить.

Онъ писалъ отцу послѣ того какъ графиня переѣхала на другую квартиру и получилъ отвѣтъ. Старикъ не любилъ писать письма. „Что же касается леди Ловель и ея дочери, я не буду больше мѣшаться въ ихъ дѣла, и тебѣ не совѣтую. Она тебѣ не пара.“ И это было все что̀ онъ написалъ о нихъ. Да, леди Анна ему не пара и не будетъ его женой. Отправляясь утромъ на работу со свѣжими силами, онъ рѣшилъ написать ей что она свободна и можетъ устроить свою судьбу какъ прилично дочери графа Ловеля. Но возвращаясь вечеромъ домой одинъ, утомленный работой, одиночествомъ, монотонностью своей жизни, чувствуя потребность въ утѣшеніи, онъ вспомнилъ все что̀ такъ нравилось ему въ ней, вспомнилъ ея милыя увѣренія что она, Анна Ловель, любитъ его, Даніеля Твейта, со всею преданностью къ какой только способна женщина, вспомнилъ ея поцѣлуй освѣжившій на нѣсколько часовъ его сухія губы, и постарался увѣрить себя снова что счастіе о которомъ онъ мечталъ такъ долго все еще возможно. Еслибъ она уже измѣнила ему, еслибъ она дала согласіе выйти за графа, онъ навѣрное услышалъ бы объ этомъ. Онъ зналъ когда назначенъ разборъ тяжбы въ судѣ и понималъ какъ важно было для Ловелей устроить до тѣхъ поръ бракъ или по крайней мѣрѣ помолвку. Какъ бы то ни было, она еще не измѣнила ему.

Однажды, работая въ своей мастерской, онъ получилъ слѣдующую записку:

„Дорогой мистеръ Твейтъ,

„Мнѣ нужно видѣться съ вами по очень важному дѣлу. Не зайдете ли вы ко мнѣ завтра въ восемь часовъ вечера?

„Искренно преданная, благодарная вамъ

„Дж. Ловель.“

Далѣе слѣдовалъ адресъ графини, тотъ самый адресъ который она отказалась сообщить ему около мѣсяца тому назадъ. Онъ конечно исполнилъ ея желаніе, и отправляясь къ

ней былъ вполнѣ увѣренъ что Анна живетъ дома и что ему не позволятъ видѣться съ ней. Но Анна въ это время все еще гостила въ Бедфордъ-Скверѣ.

Получивъ отъ леди Анны обѣщаніе что она подумаетъ недѣлю и напишетъ ему, графъ сообщилъ объ этомъ сэръ-Вильяму; сэръ-Вильямъ сообщилъ женѣ, леди Патерсонъ сообщила мистрисъ Бльюстонъ, а мистрисъ Бльюстонъ сообщила графинѣ. Они были теперь всѣ заодно противъ портнаго. Еслибъ имъ удалось выманить у дѣвушки до начала судопроизводства обѣщаніе выйти за графа или хоть что-нибудь подобное обѣщанію, дѣло уладилось бы легко. Соединивъ свои силы они могли бы не бояться Италіянки. Обѣщаніе написать графу о своемъ рѣшеніи почти равнялось, по мнѣнію всѣхъ окружавшихъ Анну, согласію на его предложеніе. Когда дѣвушка въ такихъ случаяхъ колеблется, она готова сдаться. Обѣщая подумать, она почти обѣщаетъ принять предложеніе. Мистрисъ Бльюстонъ и графиня посовѣтовались другъ съ другомъ и рѣшили что необходимо поговорить съ портнымъ. Еслибъ онѣ посовѣтовались съ сэръ-Вильямомъ или съ сержантомъ, и тотъ и другой по всей вѣроятности возстали бы противъ ихъ плана, но онѣ не сочли этого нужнымъ, и Даніель Твейтъ былъ приглашенъ въ Кеппель-Стритъ.

— Какъ я благодарна вамъ что вы пришли! встрѣтила его графиня.

— За это благодарить не стóитъ, отвѣчалъ Даніель вспомнивъ вѣроятно болѣе важныя услуги которыя онъ и отецъ его оказывали графинѣ въ теченіи двадцати лѣтъ.

— Я знаю что вы считаете меня неблагодарною за все чтò вы сдѣлали для меня. (Она угадала и Даніель промолчалъ.) Но вы едва ли пожелаете чтобъ я отплатила вамъ за вашу помощь всѣмъ для чего я жила.

— Я ничего не прошу, леди Ловель.

— Не просите?

— У васъ я ничего не прошу.

— Но дочь моя все чтò я имѣю въ мірѣ. Развѣ вы ничего не просили у моей дочери?

— У вашей дочери я просилъ многаго, леди Ловель, и получилъ все чего желалъ. Но въ вознагражденіе за мои услуги я не просилъ и не прошу ничего. Если леди Анна дала мнѣ свое обѣщаніе считая себя обязанною вознаградить меня, я поспѣшу освободить ее.

— Она считала своимъ долгомъ принять ваше предложеніе.

— Пусть она скажетъ это мнѣ сама.

— Надѣюсь что вы не считаете меня способною лгать.

— Однако люди часто лгутъ когда ставка очень велика. Въ такомъ дѣлѣ я повѣрю только ей одной. Пусть она сойдетъ сюда, станетъ предо мной, взглянетъ мнѣ въ глаза и подтвердитъ ваши слова, и я обѣщаю вамъ не мѣшать вамъ болѣе. Я не прошу даже свиданія наединѣ съ ней. Я скажу ей только нѣсколько словъ, и вы будете слышать ихъ.

— Ея нѣтъ здѣсь, мистеръ Твейтъ. Она не живетъ въ этомъ домѣ.

— Гдѣ же она?

— Анна гоститъ у своихъ друзей.

— У Ловелей? Въ Йоркширѣ?

— Я не считаю полезнымъ сообщить вамъ гдѣ она.

— Вы хотите дать мнѣ понять что она помолвлена съ графомъ?

— Я хочу сказать вамъ только что она считаетъ себя связанною съ вами долгомъ благодарности. Она кажется дала вамъ обѣщаніе.

— О, да, она дала мнѣ обѣщаніе, леди Ловель, и дала его такъ же твердо какъ вы ваше обѣщаніе покойному графу.

— Я знаю что она дала обѣщаніе, хотя я, мать ея, живя въ то время вмѣстѣ съ ней, ничего не подозрѣвала о такой глупости. И вотъ теперь она считаетъ себя связанною этимъ обѣщаніемъ.

— Такъ и должно быть, если слова что-нибудь значатъ.

— Да, она считаетъ себя связанною, но только долгомъ благодарности. Возможно ли представить чтобъ она пожелала унизить себя такимъ бракомъ еслибы была теперь свободна? Неужели вамъ кажется это естественнымъ? Она любитъ молодаго графа, и почему ей не любить его? Мы сблизили ее съ нимъ для того чтобъ она могла полюбить его, прежде чѣмъ узнали объ ужасномъ обязательствѣ въ которое она была вовлечена когда еще не знала никого кромѣ васъ.

— Теперь она знаетъ двоихъ, его и меня, и можетъ сдѣлать выборъ. Сведите насъ вмѣстѣ, и пусть она въ присутствіи насъ обоихъ скажетъ свое рѣшеніе. Если она подойдетъ къ нему и протянетъ ему руку, я самъ не возьму ея послѣ этого, будь она хоть принцессой, а не только леди Анной Ловель. Будетъ ли графъ настолько честенъ относительно

меня? Хватитъ ли у него смѣлости обѣщать подчиниться ея рѣшенію?

— Вы не можете жениться на ней, мистеръ Твейтъ.

— Почему я не могу жениться на ней? Развѣ мое кольцо не охватило бы ея пальца такъ же плотно какъ его кольцо? Развѣ слово священника не сдѣлало бы ее и меня одною плотью и одною костью такъ же неразрывно какъ еслибъ я былъ въ десять разъ знатнѣе графа? Я мущина, а она женщина. Какой законъ Божій или человѣческій, какой законъ природы запрещаетъ намъ сдѣлаться мужемъ и женой? Я могу жениться на ней и женюсь если она согласится выйти за меня.

— Никогда! воскликнула графиня.—Я не доживу до того чтобы назвать васъ мужемъ моей дочери. Я боролась и страдала, какъ можетъ-быть не боролась и не страдала ни одна женщина, для того чтобы возвратить моей дочери ея законное имя и положеніе, и не позволю чтобъ она принесла ихъ въ жертву такому человѣку какъ вы. Если вы хотите поступить съ нами честно...

— Я поступалъ съ вами болѣе чѣмъ честно.

— Если вы немедленно освободите ее отъ вашей власти и дадите ей возможность поступить согласно со стремленіями ея сердца...

— Она свободна поступать какъ ей угодно.

— Если вы не будете мѣшать намъ возстановить опять честь фамиліи которую мой мужъ едва не погубилъ своими несправедливостями, мы будемъ благословлять васъ.

— Я хочу только одного благословенія, леди Ловель.

— Что касается ея денегъ....

— Я не ожидаю что вы повѣрите мнѣ, графиня, но ея деньги не имѣютъ для меня никакого значенія. Если онѣ достанутся ей, а она мнѣ, я конечно буду беречь ихъ для нея. Но между вами и мною не можетъ быть рѣчи о деньгахъ.

— Я должна вашему отцу, мистеръ Твейтъ.

— Если такъ, то вы отдадите ему вашъ долгъ когда получите вашу долю наслѣдства. Онъ давалъ вамъ свои деньги не разчитывая на вознагражденіе.

— И вы не освободите эту бѣдную дѣвушку отъ вашей власти?

— Она можетъ освободить себя сама если желаетъ. Вы

слышали мое предложеніе. Пусть она скажетъ мнѣ въ глаза чего она желаетъ.

— Она этого никогда не сдѣлаетъ, мистеръ Твейтъ, никогда, клянусь вамъ. Она можетъ и безъ вашего согласія вступить въ такой бракъ какой ея друзья считаютъ полезнымъ для нея. Вы связали ея обязательствомъ опрометчивымъ съ ея стороны и нечестнымъ съ вашей, и вы можете причинить намъ много хлопотъ. Вы можете замедлить ходъ дѣла, отсрочить рѣшеніе можетъ-быть на нѣсколько лѣтъ, и разстроить имѣніе продолжительною тяжбой, вы можете лишить меня возможности расплатиться съ вашимъ отцомъ пока мы оба живы, но вы не можете видѣться съ моею дочерью и не увидитесь.

Возвратясь домой, Даніель Твейтъ попробовалъ обдумать этотъ разговоръ безпристрастно. Права ли графиня? Дѣйствительно ли онъ напоминаетъ собой собаку на сѣнѣ, лишая счастія другихъ безъ всякой пользы для себя? Неужели, любя дѣвушку, онъ дѣлаетъ ее несчастною? Ему казалось что графиня права въ этомъ отношеніи.

ДОКТОРЪ ШТРАУССЪ И ЕГО ИСПОВѢДЬ

Въ 1871 году, тотчасъ по выходѣ книги г. Дарвина *О происхожденіи человѣка*, въ майской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* были помѣщены первые критическіе отзывы появившіеся на это сочиненіе въ англійскихъ періодическихъ изданіяхъ. Въ одной изъ этихъ рецензій было, между прочимъ, сказано слѣдующее: „Мы желали бы думать что эти предположенія будутъ такъ же безвредны какъ они не практичны и не научны, но слишкомъ вѣроятно что они могутъ, если не встрѣтятъ отпора, имѣть весьма вредное вліяніе. Мы воздерживаемся отъ замѣчаній объ ихъ отношеніи къ религіи, хотя трудно понять какимъ образомъ по теоріи г. Дарвина можно приписать человѣку другое безсмертіе или другое духовное бытіе кромѣ того какимъ одарены скоты.... Тяжкую отвѣтственность беретъ на себя человѣкъ который, съ авторитетомъ заслуженной репутаціи, высказываетъ въ наше время разлагающія соображенія этой книги.“

Опасенія англійскаго критика сбылись ранѣе чѣмъ онъ ожидалъ. Не прошло двухъ лѣтъ, а въ Германіи уже расходится шестымъ изданіемъ новое сочиненіе доктора Штраусса, выдумавшаго новую религію на основаніи якобы открытій Дарвина и другихъ натуралистовъ. Конечно, докторъ Штрауссъ, и задолго до выхода книги Дарвина, проповѣдывалъ нѐ лучшее чѣмъ теперь ученіе, но англійскій натуралистъ далъ ему своими смѣлыми обобщеніями то въ чемъ онъ наиболѣе нуждался, авторитетъ, на который атеистическая школа лживо ссылается, утверждая что научныя открытія сдѣлали ея положеніе неприступнымъ. Не обращая вниманія на серіозныя возраженія какія вызвала въ ученомъ мірѣ книга Дарвина, господа эти выдаютъ нѣсколько смѣлыхъ предположеній, которыя самимъ Дарвиномъ излагаются условно лишь какъ „вѣроятныя", за послѣднее слово науки, за ея *конечный* результатъ, дающій ключъ къ уразумѣнію всего строя природы и всѣхъ тайнъ бытія. Они не хотятъ видѣть что этимъ они оказываютъ весьма плохую услугу наукѣ, которую они грубо эксплуатируютъ для чуждыхъ ей цѣлей. *Конечный* результатъ! Но самыя поразительныя физическія открытія послѣдняго времени (мы говоримъ о дѣйствительныхъ открытіяхъ, а не о гипотетическихъ теоріяхъ) болѣе наводятъ на мысль что намъ извѣстна лишь ничтожная доля свойствъ даже того что̀ мы называемъ мертвою матеріей, и что на основаніи даннаго запаса положительныхъ знаній едва ли возможно намѣтить начала разумѣнія сущности вещей, не только сказать о ней заключительное слово.

Сочиненія авторовъ подобныхъ доктору Штрауссу въ нашъ вѣкъ популяризаціи знаній производятъ дурное дѣйствіе по той причинѣ что въ нихъ, въ легкомъ изложеніи, сводятся якобы научные результаты и выдаются за непреложно доказанные факты тѣ обобщенія которыя служатъ для изслѣдователей только вспомогательнымъ аппаратомъ, большею частію отметаемымъ наукою въ ея дальнѣйшемъ ходѣ.

Въ послѣдней (октябрьской) книжкѣ англійскаго сборника *Edinburgh Review* мы прочли критику на послѣднее сочиненіе доктора Штраусса, отличающуюся въ сжатомъ и сильномъ изложеніи замѣчательною широтой взгляда, и мы полагаемъ что доставимъ удовольствіе весьма многимъ читателямъ нашего журнала, воспроизводя статью англійскаго критика. До-

воды его тѣмъ болѣе вѣски что, обладая богословскою эрудиціей и столь рѣдкимъ въ наше переходное время даромъ философскаго разумѣнія, онъ въ то же время основательно знакомъ и съ послѣдними изслѣдованіями естествознанія.

Четверть столѣтія тому назадъ, замѣчательный мыслитель и государственный человѣкъ, чье имя было тогда столь же хорошо всѣмъ извѣстно въ Англіи какъ и въ его отечествѣ, Германіи, высказалъ мнѣніе что Европѣ предстоитъ религіозная война. * Въ то время смѣялись надъ его мнѣніемъ. Но событія въ послѣднее время случившіяся во Франціи и Германіи, въ особенности послѣ Седанскаго пораженія и капитуляціи Парижа, дѣлаютъ предсказаніе барона Бунзена гораздо болѣе сбыточнымъ чѣмъ могло казаться даже лѣтъ за пять предъ симъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ виду недавнихъ паломничествъ во Франціи, одинъ просвѣщенный свидѣтель объявляетъ что „возобновленіе религіозныхъ войнъ представляетъ не утѣшительную будущность; но этой будущности, повидимому, многіе въ этой странѣ (Франціи) не страшатся и не уклоняются отъ нея.“ ** И конечно если близкое сосѣдство двухъ великихъ враждебныхъ лагерей, сверкающихъ оружіемъ и горящихъ взаимною ненавистью, всегда считалось вѣрнымъ предзнаменіемъ грядущей войны, то религіозная война *à outrance*, какого-либо рода, должна быть не далека. Никогда еще, на памяти живущаго поколѣнія, не были іезуиты столь дѣятельны, папа столь не практиченъ, и никогда, съ другой стороны, такъ-называемая раціональная партія не обнаруживала себя столь вполнѣ неразумною, столь глухою къ увѣщаніямъ здраваго смысла, столь готовою пользоваться до крайней степени своими настоящими ничтожными преимуществами, столь невнимательною ко всему другому кромѣ скудныхъ интеллектуальныхъ потребностей, столь невразумительною къ тому что „царство террора“ не замедлитъ вызвать реакцію.

Въ то же время правдивость принуждаетъ насъ присовоку-

* Bunsen. *Die Zeichen der Zeit.* II, 235 (2е изд. 1856).

** *The Guardian.* July 2. 1873 и Sept. 17. 1873.

пить что никогда еще вѣроятно, со времени великой реформаціи XVI столѣтія, не возникали вопросы вызывающіе столько неизбѣжныхъ противорѣчій или подвергающіе опасности интересы столь дорогіе всему человѣческому роду. Наука заявляетъ что она подкопала основанія религіи, а церковь, съ своей стороны, претендуетъ что не нуждается въ наукѣ. „Царство закона" всенародно провозглашаетъ что является на смѣну устарѣлаго „царства Божія"; а, съ своей стороны, служители Бога стараются противопоставить требованіямъ „закона" капризъ и неразуміе. Въ результатѣ выходитъ что, по странному совпаденію самыхъ противоположныхъ теорій, папа Пій IX и Dr. Штрауссъ вполнѣ согласны другъ съ другомъ и въ одинъ голосъ провозглашаютъ что религія „не должна быть въ ладу съ цивилизаціей", * ибо „религія и цивилизація занимаютъ противорѣчащее другъ другу положеніе, такъ что съ успѣхомъ одной соединено отступленіе другой." ** При такомъ совпаденіи, какъ удивляться слухамъ о союзѣ между карлистами и „непримиримыми" въ Испаніи? Но замѣчательно что какъ на духовной, такъ и на свѣтской аренѣ, въ настоящую минуту партія здраваго смысла подвергается яростнымъ нападкамъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ горизонта и принуждена на той и на другой сторонѣ вести борьбу противъ силъ деспотизма и анархіи!

Надъ однимъ изъ этихъ двухъ лагерей, немного лѣтъ тому назадъ, было всенародно развернуто знамя, и оно нынѣ получило торжественное освященіе „непогрѣшимости" изъ рукъ Ватиканскаго лжесобора. Мы упоминаемъ, конечно, о іезуитскомъ или ультрамонтанскомъ знамени папскаго *Силлабуса*. Надъ другимъ же лагеремъ — лагеремъ злобной непримиримой вражды ко всему что̀ дорого вѣрующимъ людямъ—развернулось теперь соотвѣтствующее знамя въ книгѣ доктора Штраусса: *Der alte und der neue Glaube; ein Bekenntniss* (*Старая и новая вѣра; исповѣдь*). Въ ней мы имѣемъ противо-Силлабусъ разрушительной критики; сочиненіе не то чтобъ авторитетное, но написанное отъ нѣкихъ *мы*, за которыхъ говоритъ авторъ и коихъ онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

* Папскій Силлабусъ § 10.
** Штраусъ (Англ, перев. стр. 158).

„Рядомъ съ этимъ большинствомъ существуетъ, однако, меньшинство которое нельзя оставить безъ вниманія. Оно полагаетъ что если вы разъ допустите различіе между духовенствомъ и мірянами, то вы должны также приготовиться къ признанію догмата непогрѣшимости папы. И такимъ же образомъ, если вы не почитаете болѣе Іисуса Сыномъ Божіимъ, но человѣкомъ, какъ бы ни былъ Онъ превосходенъ, то оно полагаетъ что вы не въ правѣ болѣе молиться Ему, прилѣпляться къ Нему какъ къ средоточію вѣры, годъ за годомъ проповѣдывать о Его дѣйствіяхъ, Его участи и Его изреченіяхъ; тѣмъ болѣе въ особенности когда вы усматриваете что главнѣйшія изъ этихъ дѣяній и событій баснословны, между тѣмъ какъ эти изреченія и поученія мы признаемъ, большею частью, несогласными съ нашими настоящими взглядами на жизнь и вселенную. И когда это меньшинство такимъ образомъ подмѣчаетъ слабую сторону тѣснаго круга церковнаго догмата, оно сознается что не видитъ для какой дальнѣйшей потребности еще можетъ служить *культъ*; и отсюда оно подвергаетъ вопросу самую надобность въ существованіи отдѣльнаго общества, подобнаго церкви, рядомъ съ государствомъ и школой, рядомъ съ наукой и искусствомъ, которыя суть общая собственность всѣхъ. Меньшинство держащееся этихъ мнѣній и составляетъ тѣхъ *мы* во чье имя я веду рѣчь (стр. 5, англ. перев. стр. 6).

По этой причинѣ, также какъ и по многимъ другимъ, сочиненіе Dr. Штраусса заслуживаетъ внимательнаго изученія и требуетъ точнаго обнаруженія его опасныхъ заблужденій. Dr. Штрауссъ откровененъ даже до грубости. Кромѣ того онъ пишетъ красно и вразумительно, и подготовился къ своему предпріятію противъ христіанства прилежнымъ изученіемъ многочисленныхъ руководствъ по естествознанію, съ которыми мы всѣ уже теперь достаточно знакомы. Но потрясая этими орудіями и распаленный изумительною вѣрой въ непогрѣшимость Бюхнера, Дарвина * и

* Въ *Edinburgh Review*, при разборѣ послѣднихъ сочиненій г. Дарвина указывалось на замѣчательный недостатокъ пониманія метафизическаго аргумента, соединяющійся въ немъ со способностями къ физическимъ наблюденіямъ свойственнымъ этому натуралисту. Быть-можетъ того не желая, онъ далъ нѣмецкимъ писателямъ матеріалистской и анти-теистской школы именно тѣ факты и ту теорію въ которой они болѣе всего нуждались для поддержки своихъ взглядовъ на природу; и они взяли на себя развить эту теорію до ея крайнихъ логическихъ послѣдствій, чего не дѣлалъ самъ г. Дарвинъ. Они поэтому привѣтствуютъ его какъ великаго пророка своего вѣка, и

ному вопросу, составляющему содержаніе второй главы: „Имѣемъ ли мы еще религію?“ Дѣйствительно, послѣ того какъ первая часть уже обнаружила ужасное и безнадежное разложеніе религіозныхъ идей Dr. Штраусса, мы весьма мало расположены пускаться далѣе въ этотъ вопросъ. Мы не можемъ имѣть иначе какъ крайне слабый интересъ въ разысканіи какіе въ немъ еще могутъ оставаться безобразные обломки вѣры. Мы лишь умѣренно благодарны что его отвѣтъ „не будетъ столь прямо отрицательнымъ какъ въ первомъ случаѣ“, и мы охотно соглашаемся что, покончивъ съ христіанствомъ, онъ долженъ задать себѣ такой вопросъ „что̀ предполагаемъ мы поставить на вакантное мѣсто?“ А потому мы обратимся къ другой части задачи и постараемся дать отвѣтъ на вопросъ „каково наше понятіе о вселенной?“

На этотъ третій вопросъ, который гораздо интереснѣе и важнѣе всѣхъ другихъ, дается въ сущности такой отвѣтъ: Мы все еще претендуемъ имѣть нѣкотораго рода религію; но она есть то что̀ на дѣлѣ обыкновенно зовется матеріализмомъ, такъ какъ изъ нашего понятія о вселенной совершенно исключена идея личнаго Бога. Всякая надежда на будущую жизнь отвергается. Всякое понятіе объ отвѣтственности за все что̀ мы дѣлаемъ или о намѣренности во всемъ что̀ мы претерпѣваемъ вполнѣ и навсегда устраняется. Эволюція поставлена у насъ на мѣсто Бога. Дарвинъ для насъ величайшій изъ пророковъ. Мы вознеслись до понятія объ исполинской, неразумной, вѣчной, астрономической машинѣ которую зовемъ „вселенная“ (*Universum*). Мы нисшли до возстановленія того что̀ древніе языческіе поэты обыкновенно называли „судьбой“. А если возразятъ что голое умственное созерцаніе машины, безо всякихъ возбужденій чувства, едва ли можетъ быть названо религіей, *мы* возразимъ что и мы *не безъ* нѣкоторыхъ чувствованій; что мы содрагаемся праведнымъ негодованіемъ когда кто-либо произноситъ кощунственное слово противъ *судьбы* и питаемъ въ себѣ нѣжное чувство благочестія къ исполинской неразумной *машинѣ*, въ которой, по нашему убѣжденію, человѣчество есть первый слабый выростокъ разумѣнія и сознанія. Но пусть Dr. Штрауссъ говоритъ самъ за себя:

„Мы считаемъ надменнымъ и нечестивымъ со стороны отдѣльнаго лица противопоставлять себя съ дерзкимъ легкомы-

сліемъ Вселенной, изъ коей онъ возникъ и изъ коей также онъ получаетъ ту искру разума которою онъ злоупотребляетъ. Мы усматриваемъ въ немъ отреченіе отъ того чувства зависимости какого мы ожидаемъ въ каждомъ человѣкѣ. Мы требуемъ того же самаго благочестія къ нашей Вселенной какого вѣрующіе старой школы требовали къ своему Богу. Наше чувство къ великому Всецѣлому, будучи оскорблено, реагируетъ совершенно религіознымъ образомъ (стр. 147).

„Понятіе объ Универсѣ—вмѣсто понятія о личномъ Богѣ—есть баррьеръ къ которому насъ приводятъ наблюденіе и мысль, конечный фактъ далѣе коего мы не можемъ идти. При изслѣдованіи, онъ принимаетъ болѣе опредѣленную форму матеріи безконечно волнуемой, которая, дѣленіемъ и сочетаніемъ, развивается все въ высшія и высшія формы и функціи, и описываетъ вѣчный кругъ эволюціи, возврата и вновь эволюціи.. Всецѣлое (*Alles*) ни въ какую послѣдовательную минуту ни болѣе, ни менѣе совершенно чѣмъ прежде (стр. 226).

„Мы уже отдали хвалу англійскому натуралисту за устраненіе *чудесъ* изъ нашего понятія о мірѣ... Разумный содѣлатель организмовъ, личный вдохновитель инстинктовъ не могъ быть сохраненъ новѣйшею мыслью, развитою успѣхами естествознанія въ наши дни. Слишкомъ ясно дознано что сознаніе и самосознаніе впервые становится возможнымъ на основаніи чувства что наша мысль зависитъ отъ тѣлеснаго аппарата, въ особенности отъ мозга и нервной системы.... * Наша нынѣшняя пчела не *планируетъ* своихъ искусныхъ построекъ, ни *научается* имъ божествомъ. Но въ теченіи тысячелѣтій, во время коихъ низшія насѣкомыя развелись въ перепончатокрылыхъ (*Hymenoptera*), возрастающія потребности, вызванныя борьбой за существованіе, постепенно *воздѣлали* эти искусства. (Стр. 218.)

„Послѣ того какъ множественность боговъ въ религіи разрѣшилась въ одного Личнаго Бога, такимъ же образомъ и Онъ разрѣшился въ Безличное, но личности производящее, Всецѣлое. (Стр. 149).

Послѣ этого, мы совершенно ясно понимаемъ какимъ образомъ докторъ Штрауссъ и его школа представляютъ себѣ вселенную и человѣческую жизнь въ ней. Они положительно опьянены кубкомъ который новѣйшее естествознаніе уже нѣ-

* Болѣе компетентные наблюдатели чѣмъ Dr. Штрауссъ, повидимому, не принимаютъ этихъ смѣлыхъ заявленій. Нѣтъ авторитета болѣе высокаго въ этомъ отношеніи какъ г. Флурансъ, а онъ рѣшаетъ въ пользу „свободной силы", *force libre*. (*Etudes sur le Cerveau* p. 53.)

кому вопросу, составляющему содержаніе второй главы: „Имѣемъ ли мы еще религію?“ Дѣйствительно, послѣ того какъ первая часть уже обнаружила ужасное и безнадежное разложеніе религіозныхъ идей Dr. Штраусса, мы весьма мало расположены пускаться далѣе въ этотъ вопросъ. Мы не можемъ имѣть иначе какъ крайне слабый интересъ въ разысканіи какіе въ немъ еще могутъ оставаться безобразные обломки вѣры. Мы лишь умѣренно благодарны что его отвѣтъ „не будетъ столь прямо отрицательнымъ какъ въ первомъ случаѣ“, и мы охотно соглашаемся что, покончивъ съ христіанствомъ, онъ долженъ задать себѣ такой вопросъ „что предполагаемъ мы поставить на вакантное мѣсто?“ А потому мы обратимся къ другой части задачи и постараемся дать отвѣтъ на вопросъ „каково наше понятіе о вселенной?“

На этотъ третій вопросъ, который гораздо интереснѣе и важнѣе всѣхъ другихъ, дается въ сущности такой отвѣтъ: Мы все еще претендуемъ имѣть нѣкотораго рода религію; но она есть то что на дѣлѣ обыкновенно зовется матеріализмомъ, такъ какъ изъ нашего понятія о вселенной совершенно исключена идея личнаго Бога. Всякая надежда на будущую жизнь отвергается. Всякое понятіе объ отвѣтственности за все что мы дѣлаемъ или о намѣренности во всемъ что мы претерпѣваемъ вполнѣ и навсегда устраняется. Эволюція поставлена у насъ на мѣсто Бога. Дарвинъ для насъ величайшій изъ пророковъ. Мы вознеслись до понятія объ исполинской, неразумной, вѣчной, астрономической машинѣ которую зовемъ „вселенная“ (*Universum*). Мы ниспали до возстановленія того что древніе языческіе поэты обыкновенно называли „судьбой“. А если возразятъ что голое умственное созерцаніе машины, безо всякихъ возбужденій чувства, едва ли можетъ быть названо религіей, *мы* возразимъ что и мы *не безъ* нѣкоторыхъ чувствованій; что мы содрагаемся праведнымъ негодованіемъ когда кто-либо произноситъ кощунственное слово противъ *судьбы* и питаемъ въ себѣ нѣжное чувство благочестія къ исполинской неразумной *машинѣ*, въ которой, по нашему убѣжденію, человѣчество есть первый слабый выростокъ разумѣнія и сознанія. Но пусть Dr. Штрауссъ говоритъ самъ за себя:

„Мы считаемъ надменнымъ и нечестивымъ со стороны отдѣльнаго лица противопоставлять себя съ дерзкимъ легкомы-

сліемъ Вселенной, изъ коей онъ возникъ и изъ коей также онъ получаетъ ту искру разума которою онъ злоупотребляетъ. Мы усматриваемъ въ немъ отреченіе отъ того чувства зависимости какого мы ожидаемъ въ каждомъ человѣкѣ. Мы требуемъ того же самаго благочестія къ нашей Вселенной какого вѣрующіе старой школы требовали къ своему Богу. Наше чувство къ великому Всецѣлому, будучи оскорблено, реагируетъ совершенно религіознымъ образомъ (стр. 147).

„Понятіе объ Универсѣ—вмѣсто понятія о личномъ Богѣ—есть барьеръ къ которому насъ приводятъ наблюденіе и мысль, конечный фактъ далѣе коего мы не можемъ идти. При изслѣдованіи, онъ принимаетъ болѣе опредѣленную форму матеріи безконечно волнуемой, которая, дѣленіемъ и сочетаніемъ, развивается все въ высшія и высшія формы и функціи, и описываетъ вѣчный кругъ эволюціи, возврата и вновь эволюціи... Всецѣлое (*Alles*) ни въ какую послѣдовательную минуту ни болѣе, ни менѣе совершенно чѣмъ прежде (стр. 226).

„Мы уже отдали хвалу англійскому натуралисту за устраненіе *чудесъ* изъ нашего понятія о мірѣ... Разумный содѣлатель организмовъ, личный вдохновитель инстинктовъ не могъ быть сохраненъ новѣйшею мыслью, развитою успѣхами естествознанія въ наши дни. Слишкомъ ясно дознано что сознаніе и самосознаніе впервые становится возможнымъ на основаніи чувства что наша мысль зависитъ отъ тѣлеснаго аппарата, въ особенности отъ мозга и нервной системы.... * Наша нынѣшняя пчела не *планируетъ* своихъ искусныхъ построекъ, ни *научается* имъ божествомъ. Но въ теченіи тысячелѣтій, во время коихъ низшія насѣкомыя развелись въ перепончатокрылыхъ (*Hymenoptera*), возрастающія потребности, вызванныя борьбой за существованіе, постепенно *воздѣлали* эти искусства. (Стр. 218.)

„Послѣ того какъ множественность боговъ въ религіи разрѣшилась въ одного Личнаго Бога, такимъ же образомъ и Онъ разрѣшился въ Безличное, но личности производящее, Всецѣлое. (Стр. 149).

Послѣ этого, мы совершенно ясно понимаемъ какимъ образомъ докторъ Штрауссъ и его школа представляютъ себѣ вселенную и человѣческую жизнь въ ней. Они положительно опьянены кубкомъ который новѣйшее естествознаніе уже нѣ-

---

* Болѣе компетентные наблюдатели чѣмъ Dr. Штрауссъ, повидимому, не принимаютъ этихъ смѣлыхъ заявленій. Нѣтъ авторитета болѣе высокаго въ этомъ отношеніи какъ г. Флурансъ, а онъ рѣшаетъ въ пользу „свободной силы", *force libre*. (*Etudes sur le Cerveau*, p. 53.)

сколько лѣтъ кряду подносило къ ихъ губамъ. * Неспособные дать истинную цѣну его интереснымъ открытіямъ, ослѣпленные блескомъ и новизной его открытій, и забывая о серіозныхъ заблужденіяхъ и пробѣлахъ въ коихъ ему уже приходилось униженно сознаваться, эти люди, смѣшнымъ образомъ, совсѣмъ потеряли голову. Они кричатъ изо всей мочи: „великъ богъ Панъ философовъ!" И не только промежду себя—что̀ еще было бы простительно—но во всеуслышаніе и посреди ревностныхъ усилій школы и церкви поднять невѣжественныя массы изъ грубаго фетишизма и чувственности къ высшимъ сферамъ, они провозглашаютъ о безполезности и безуміи всѣхъ подобныхъ усилій, возвѣщаютъ что Дарвинъ нанесъ смертельный ударъ всѣмъ старымъ системамъ ** и проповѣдуютъ что жизнь есть часть механизма, *** религія басня, **** безсмертіе мечта основанная на желаніи, † а воскресеніе Христа—мы отказываемся осквернить англійскій языкъ кощунствомъ—„*ein Welt-historisches Humbug.*" †*

Что̀ же, можемъ мы спросить, должно заступить мѣсто этихъ орудій и побужденій, при помощи коихъ міръ и въ прошедшемъ поднимался и обѣщаетъ подняться въ будущемъ къ новому нравственному и духовному совершенству?

Любопытно узнать какое самъ Dr. Штрауссъ придумалъ специфическое средство чтобъ умирить всѣ страшныя бури страсти, алчности и ненависти. Этотъ спецификъ находится посреди его отвѣтовъ на четвертый и послѣдній вопросъ его книги: „Какъ мы устраиваемъ свою жизнь?"

„Я скажу что всякое нравственное дѣйствіе проистекаетъ *изъ согласія дѣйствія индивидуума съ идеей его вида.* †** Познать

---

* Еслибы читатель захотѣлъ измѣрить предѣлъ нелѣпости до коего это опьяненіе можетъ доводить иныхъ людей, пусть онъ прочтетъ Гартманна *Gott und Naturwissenschaft* или Стюарта Гленни *In the Morning-land.*

** Стр. 179.

*** Стр. 175.

**** Стр. 137.

† Стр. 124.

†* Стр. 73.

†** Какимъ образомъ люди подобные доктору Штрауссу и г. Стюарту Гленни могутъ воображать чтобъ ихъ безсмысленная болтов-

это, прежде всего, и привести себя, какъ индивидуумъ, въ постоянное согласіе съ идеей и судьбой человѣчества, есть вся сущность обязанностей человѣка къ самому себѣ. А, вовторыхъ, признавать на дѣлѣ и развивать во всѣхъ другихъ это сознаніе общности вида, образуетъ всю сущность нашихъ обязанностей къ нашему ближнему.... Всегда помни что ты человѣченъ, а не просто произведеніе природы! Всегда помни что всѣ другіе также человѣчны и, несмотря на всѣ различія, таковы же какъ и ты, имѣютъ тѣ же самыя потребности и притязанія какъ ты самъ! Въ этомъ вся суть нравственности. Всегда памятуй что ты самъ и все на что ты взираешь въ себѣ и вокругъ себя, все что приключается тебѣ и другимъ, не есть разрозненный обломокъ, не дикій хаосъ атомовъ или случайностей: но что все возникаетъ согласно съ *вѣчными законами* изъ единаго источника всякой жизни, всякаго разума, всякаго добра! Въ этомъ вся суть всей религіи! Что ты человѣченъ, однако,—что это означаетъ? Какъ мы должны опредѣлить человѣка такимъ образомъ чтобы не просто ухватиться за туманныя и мечтательныя понятія, но привести результатъ нашего опыта въ опредѣленную и осязательную форму? (стр. 243)

Какъ, въ самомъ дѣлѣ?—когда чисто „позитивная" наука не знаетъ никакихъ твердыхъ границъ; когда съ каждымъ днемъ все болѣе убѣждаютъ насъ въ этомъ трудностью вообще провести какія-либо предѣльныя черты между видами, высказывается невозможность рѣшить какими-либо чисто физическими критеріями точный моментъ когда зародышъ человѣка принимаетъ несомнѣнныя характеристическія особенности человѣчества, и когда съ каждымъ днемъ обнаруживается, должно еще прибавить, абсолютное безсиліе избавиться отъ чисто скотскихъ и себялюбивыхъ инстинктовъ при помощи научной болтовни въ родѣ вышеприведен-

ня была принята какимъ-либо человѣческимъ существомъ за „законъ" наведенія или науки,—этой психологической задачи мы не беремся рѣшить. Возьмите, напримѣръ, воображаемое открытіе г. Гленни „конечнаго закона человѣческой исторіи", которое онъ нелѣпо ставитъ въ параллель съ Ньютоновымъ открытіемъ тяготѣнія. Законъ этотъ у него выраженъ слѣдующимъ образомъ: „Мысль, въ ея дифференцирующей и интегрирующей дѣятельности, переходитъ при земныхъ „условіяхъ отъ понятія одностороннаго опредѣленія, черезъ диффе„ренцированіе субъективнаго и объективнаго, къ понятію взаимнаго „опредѣленія." (*In the Morning-land*. I. 191).

ной... Еслибы только эти философы и непрошеные возродители человѣчества благоволили спуститься на краткое время съ высоты своихъ облачныхъ созерцаній, еслибъ они стали близь священника во время исповѣди, или присоединились бы, на одну только недѣлю, къ обремененному работой англійскому курату когда онъ объѣзжаетъ свой приходъ, то мы увѣрены что они вскорѣ увидѣли бы изъ какой глины на самомъ дѣлѣ сдѣлано бѣдное человѣчество, увидѣли бы его настоятельную горькую нужду въ избавленіи болѣе дѣйствительномъ чѣмъ предлагаемое ими, и его недоступность ко всякому другому нравственному подъему помимо представляемаго ему въ осязательной и личной формѣ. Тогда они увидѣли бы какъ абсолютно *неспособно* человѣчество безъ дѣйствительной помощи достигнуть идеальнаго образа по подобію коего оно создано. Тогда они узнали бы какъ нелѣпъ методъ воспитанія повелѣвающій людямъ, подавленнымъ страшнымъ преобладаніемъ страстей надъ идеями, возстановлять равновѣсіе „приснопамятованіемъ“ что идеи превосходнѣе страстей. И въ отвѣтъ на поученіе: „ты не дикій хаосъ атомовъ и случайностей“, они услышали бы тотъ же отвѣтъ: „нѣтъ, *я* дикій хаосъ, и хочу быть такимъ: ибо ты еще не представилъ мнѣ никакого „основанія почему бы я не долженъ былъ слѣдовать моимъ „собственнымъ побужденіямъ какъ ты слѣдуешь своимъ.“

Но какимъ образомъ эти передовые философы сами устраиваютъ свою жизнь? Они устраиваютъ ее, и повидимому весьма гордятся этимъ, слѣдующимъ образомъ: вмѣсто того чтобы войти въ сношенія съ ихъ менѣе одаренными ближними и стараться улучшить и возвысить то что̀ они считаютъ менѣе разумными формами нравственнаго воспитанія, они требуютъ себѣ завидной свободы (которой никто у нихъ не отнимаетъ) сидѣть дома. И тамъ, вмѣсто того чтобы пользоваться досугомъ для писанія книгъ которыя представили бы массамъ тотъ идеалъ человѣчества какому они желаютъ воздавать почтеніе, если не поклоненіе, они занимаются оспариваніемъ и осмѣяніемъ жизни Іисуса, между тѣмъ какъ человѣчество въ Немъ одномъ видитъ осуществленіе Божественнаго идеала и видимое воплощеніе добра. Вмѣсто того чтобы раскрывать ветхозавѣтныя книги для того чтобы въ ихъ повѣствованіяхъ (сохраненныхъ этимъ удивительнымъ противогнилостнымъ религіознымъ освященіемъ отъ разрушенія, обыкновенно постигающаго

тлѣнныя вещи) изучить нравственное развитіе замѣчательно нравственнаго народа, они раскрываютъ книгу со строптивостью грубаго школьника и указываютъ на изумительное открытіе что тамъ есть поэзія; что не все ея содержаніе написано сухою, гладкою прозой; что и воображенію въ ней дано было мѣсто; что даже фантазія (въ восточномъ одѣяніи) проникла въ откровенія, въ лирическіе и политическіе разказы безконечнаго разнообразія, въ историческія сказанія, въ благородныя размышленія о непрочности человѣческаго счастія сравнительно со спокойнымъ величіемъ Плеядъ и Оріона. И раздѣлавшись такимъ образомъ со всѣми пособіями, которыя могли бы принести пользу ихъ собственнымъ душамъ, и которыя, до сего часа, воспитываютъ къ высшему нравственному усовершенію тысячи болѣе скромныхъ и менѣе лжемудрыхъ людей, еще не зараженныхъ скептицизмомъ, они начинаютъ необузданно наслаждаться искусствомъ. Неронъ игралъ на флейтѣ залаливъ Римъ. Такъ точно и *мы*, написавъ *Жизнь Іисуса*, бренчимъ себѣ нашего Глука и Моцарта, декламируемъ нашего Лессинга и нашего Гёте, и громко требуемъ себѣ права (чего, право, никто не оспариваетъ) изыскивать, буде намъ угодно, иныя средства культуры и возрожденія, помимо проповѣди священника, церковнаго катихизиса, или смиренной и простой драмы божественной службы въ приходской церкви.

Чтобы кто не подумалъ что мы рисуемъ каррикатуру на Dr. Штраусса, вотъ его собственныя слова:

„Мы, съ своей стороны—я разумѣю тѣхъ *мы* за кого я говорю въ этой книгѣ —подвергаемся стѣсненіямъ, вслѣдствіе положенія принятаго нами въ отношеніи къ церкви и въ особенности въ отношеніи къ нѣкоторымъ литургическимъ дѣйствіямъ, до коихъ мы не хотимъ болѣе имѣть никакого дѣла. Тѣмъ не менѣе, мы до такой степени не чувствуемъ потребности въ какой-либо новаго рода церкви, которая была бы основана отчасти или вполнѣ на разумѣ, что мы не вступили бы въ такую церковь, даже еслибы государство одарило ее всяческими церковными привилегіями. Развѣ благоговѣйное возношеніе мысли только и возможно что въ церкви, * или развѣ только изъ проповѣди можно

* Какъ будто этого не сознавали и не говорили и церковники во всѣ вѣка! Напримѣръ Св. Бернардъ, средневѣковой монахъ: *Lingua*

получить назиданіе?... Кромѣ нашей профессіональной, семейной и общественной жизни, мы стараемся быть сколь возможно доступными всѣмъ высшимъ интересамъ человѣчества. Мы изучаемъ исторію, которая нынѣ стала доступною и для неученыхъ въ привлекательныхъ и популярныхъ сочиненіяхъ. Потомъ, мы стараемся расширить наши познанія въ естествовѣдѣніи, для чего также нѣтъ недостатка въ пособіяхъ и руководствахъ. И наконецъ, мы находимъ въ писаніяхъ нашихъ великихъ поэтовъ и въ исполненіи нашихъ великихъ музыкантовъ такой стимулъ для ума и сердца, для фантазіи и юмора, какой не оставляетъ желать ничего болѣе. „Вотъ какимъ образомъ мы живемъ и проводимъ время въ веселіи.“ (Стр. 229).

Словомъ, читатель теперь можетъ ясно видѣть какіе отвѣты Dr. Штраусъ желаетъ пріурочить для насъ по четыремъ предложеннымъ въ его книгѣ вопросамъ. На первый вопросъ— *Христіане ли еще мы?*—отвѣтъ есть: „Нѣтъ: мы отступники отъ Христа и превозносимся нашимъ отступничествомъ“. На второй вопросъ—*Имѣемъ ли мы еще религію?* — отвѣтъ есть: „Нѣтъ: если держаться обычнаго значенія слова. Ибо если примемъ даже самое низкое опредѣленіе религіи, какое даетъ Матью Арнольдъ, въ смыслѣ „нравственности возбуждаемой движеніемъ чувства“, то самое высокое чувствованіе какого *мы* способны достигнуть есть „ощущеніе пріятнаго удивленія предъ великимъ часовымъ механизмомъ міра“; а оно не приводитъ ни къ какимъ религіознымъ результатамъ. Слѣдовательно, „исповѣдь вѣры“ нашего автора сводится просто на признаніе что одно естествознаніе, отрѣшенное отъ метафизики, безсильно доставить человѣчеству религію. Этотъ фактъ, однако, давно уже былъ провозглашенъ Кантомъ въ его *Критикѣ чистаго разума:** „принципы разума, примѣненные къ природѣ, не приводятъ ни къ какимъ богословскимъ истинамъ“. На третій вопросъ— *Каково наше понятіе о вселенной?*—отвѣтъ есть: „Мы понимаемъ ее какъ исполинскую машину, безъ цѣли, безъ разума, безъ сознанія, управляемую нѣкоею слѣпою судьбой; гдѣ, съ непонятною цѣлью, сознаніе возникло на небольшомъ пространствѣ въ человѣкѣ, съ тѣмъ, впрочемъ, чтобы вскорѣ

---

et lapides docebunt te quod a magistris audire non possis. (Opera. I. 110. Ed. Gaume).

* Стр. 390. Ed. Bohn.

снова померкнуть и можетъ-быть никогда болѣе не появляться“ На четвертый вопросъ—*Какъ мы устраиваемъ свою жизнь?*—отвѣтъ тотъ что „мы устраиваемъ ее какъ намъ лучше нравится, въ особенности занимаясь поэзіей и музыкой“.

Къ этимъ четыремъ вопросамъ мы теперь осмѣливаемся присовокупить пятый, слѣдующій: *Если эти анти-христіанскія и атеистическія мысли достигнутъ такого широкаго распространенія какъ того ожидаютъ Dr. Штрауссъ и его школа, что̀ можетъ предотвратить господство всеобщаго хаоса?* Что̀ помѣшаетъ полному крушенію человѣческаго общества? Какая надежда можетъ остаться человѣку, когда всякій Искупительный Идеалъ будетъ разрушенъ; когда слѣпая судьба воцарится на мѣстѣ Бога; и когда все человѣчество станетъ смотрѣть на вселенную какъ на мертвую машину, въ коей соціальный законъ будетъ: „Хватай у кого есть сила, и держи пока можешь“. Что тогда наступитъ всемірная анархія и что разнузданныя страсти животнаго человѣка, лишеннаго обычныхъ сдерживающихъ инстинктовъ животнаго, устремятъ къ погибели и его самого, и все общественное устройство которое онъ воздвигалъ вѣками, — въ этомъ не усомнится ни одинъ человѣкъ со здравымъ смысломъ. И вотъ для какого результата старательно работаютъ подобные писатели! Вотъ въ какой хаосъ повергаютъ обольщенныхъ поклонниковъ безбожія разрушительная критика и такъ-называемая „позитивная“ наука, которая въ области религіи есть чисто отрицательная, и потому лживо называется наукой!

А между тѣмъ — кто повѣритъ? — послѣ 257 страницъ самаго безпутнаго революціоннаго содержанія по предмету религіи, какія когда-либо только писалъ человѣкъ образованный, этотъ самый авторъ на стр. 258, вступая въ область политики, внезапно преобразуется изъ непримиримаго въ легитимиста, изъ радикала краснѣйшаго типа въ спасливаго охранителя, изъ якобинца въ серіознаго приверженца партіи порядка! Разрушительная критика, пригодная какъ пикантная приправа къ богословію, вовсе ему не по вкусу какъ приправа къ политикѣ. Мы приведемъ его слова, и намъ сто̀итъ только въ нихъ умственно замѣнить слово *національность* словомъ *церковь* чтобы разомъ возвратить доктора Штраусса и къ религіозному здравомыслію, и къ православію:

„Вокругъ насъ теперь распространяется нѣкоторое ученіе объявляющее себя противоположнымъ принципу *національно-*

сти, и на чей взглядъ особенная политическая и общественная организація предпочтительнѣе національнаго единства... Оно дѣйствительно признаетъ космополитизмъ и принимаетъ видъ перехода отъ узко-національнаго ко всемірному воззрѣнію на человѣчество. Но мы знаемъ что во всякой аппелляціи должна быть соблюдаема послѣдовательность процедуры. А именно средній трибуналъ между личностью и человѣчествомъ есть нація. Кто не хочетъ знать свою націю тотъ не становится чрезъ то космополитомъ, а остается эгоистомъ. Патріотизмъ есть единственный доступъ къ гуманитаризму. Націи, съ ихъ особенностями, суть божественно-освященныя, то-есть естественныя формы, коими человѣчество обнаруживается, коихъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не посмѣетъ упустить изъ виду, отъ коихъ ни одинъ мужественный человѣкъ не посмѣетъ отдѣлиться.... Интересъ въ общемъ государствѣ не можетъ замѣнить національнаго интереса. Онъ безсиленъ, какъ достаточно доказано фактами, вознести личности выше узкой сферы ихъ эгоизма и ихъ жажды къ обогащенію, на высоту идеальныхъ стремленій. Безъ патріотизма просто невозможно никакое глубокое чувство. (Стр. 264.)

„Что касается различныхъ формъ правительства, то на нашъ взглядъ у насъ въ Германіи преобладаетъ мнѣніе что хотя республиканская форма правленія есть наилучшая, но принимая въ соображеніе настоящія обстоятельства и условія европейскихъ державъ, время для нея еще не наступило; а потому слѣдуетъ мириться съ монархіей, сдѣланною возможно менѣе неудобною, въ настоящее время и даже на неопредѣленный періодъ. Это указываетъ по крайней мѣрѣ на прогрессъ понятій.... Вовсе не слѣдуетъ что вопросъ долженъ быть непремѣнно рѣшенъ въ пользу республиканства. Исторія и опытъ вовсе не учитъ насъ до сихъ поръ что человѣчеству служили бо́льшимъ пособіемъ республики чѣмъ монархіи.... Первыя даютъ бо́льшій просторъ личности для развитія ея энергіи и влеченій. Но это самое имѣетъ въ то же время и свою темную сторону; такъ какъ притомъ остаются открытыми всѣ пути къ политической агитаціи, государство поддерживается въ постоянномъ броженіи и становится на наклонную плоскость, по которой оно почти неизбѣжно должно спуститься къ охлократіи, несомнѣнно худшей изъ всѣхъ формъ правленія. Достовѣрно слѣдующее: учрежденія даже обширной республики проще, понятнѣе, чѣмъ учрежденія хорошо организованной монархіи. Швейцарская конституція, въ сравненіи съ англійскою, то же что̀ вѣтреная мельница въ сравненіи съ паровою машиной, мотивъ вальса или пѣсенки въ сравненіи съ фугой или симфоніей. Есть нѣчто загадочное, даже повидимому неразумное въ монархіи. Но именно въ этомъ и заключается тайна ея превосходства. Всякая тайна кажется неразумною; а между тѣмъ ничто глубокое ни въ жизни, ни въ искусствахъ, ни въ государствѣ, не лишено таинственности. (Стр 268.)

Да, совершенно вѣрно, и докторъ Штрауссъ не написалъ ничего болѣе дѣльнаго и мѣткаго какъ это изреченіе: *ничто глубокое не лишено таинственности.* Еслибъ онъ припомнилъ эту истину, когда съ безпутнымъ легкомысліемъ онъ публично приступалъ къ разсѣченію жизни Христа; когда безъ всякой боязни, безъ всякаго почтенія, онъ писалъ послѣднее свое сочиненіе чтобы разрушить (насколько то ему по силамъ) христіанское общество и ниспровергнуть всякую преданность Христу и вѣру въ Него: то, мы полагаемъ, это было бы лучше и для него самого, и для интересовъ человѣчества и вселенной. То ничтожное меньшинство во имя котораго онъ взялъ перо въ руки, конечно, не потерпѣло бы никакого ущерба отъ этого, между тѣмъ какъ то многочисленное большинство для коего, по его собственнымъ словамъ, „церковь еще есть необходимость", было бы избавлено отъ потрясенія, худшую опасность коего вѣроятно представляетъ возможность вызова такимъ крайнимъ скептицизмомъ какой-либо одинаково крайней формы фанатическаго и безсмысленнаго суевѣрія.

Пусть всякій серіозно спроситъ себя въ чемъ спорный вопросъ между Dr. Штрауссомъ и его противниками, и онъ увидитъ что вопросъ этотъ, въ сущности, не иной какъ слѣдующій: *на разумныхъ ли или на неразумныхъ принципахъ управляется и устрояется вселенная?* Вопросъ не просто въ томъ, истинно ли христіанство. Это не просто задача требующая опредѣлить насколько легенда могла вкрасться въ священныя лѣтописи церкви и какъ изъ нея выдѣлить истину. Вопросъ даже не въ затрудненіи примирить нравственное зло съ бытіемъ всемогущаго и нравственно совершеннаго Бога. Вопросъ просто въ томъ существуетъ ли Богъ вовсе, существуетъ ли то что мы называемъ сознаніемъ или разумомъ, или какая-либо высшая форма сихъ качествъ, гдѣ-либо иначе какъ въ нашемъ мозгу, и есть ли понятіе о вселенной какъ о часовомъ механизмѣ не только часть истины, но *вся* истина о матеріи доступная разумѣнію человѣка.

Такъ какъ мы не можемъ же предположить чтобы Dr. Штрауссъ, или даже превеликій догматистъ Августъ Контъ, потребовали отъ насъ признанія что въ рудникѣ религіознаго вопроса нѣтъ рѣшительно ничего, потому только что они такъ говорятъ намъ, то мы намѣрены, со всею почтительностью и состраданіемъ къ ихъ печальной безнадежности, вступить тѣмъ не менѣе въ этотъ рудникъ. И мы не лишены надежды что тѣ

же самые скорбные пророки которые немного лѣтъ тому назадъ увѣряли насъ что позитивизмъ провелъ черту за *механическими* открытіями въ астрономіи, и окончательно возвѣщали что „мы никогда не можемъ узнать, никакими средствами, *химическаго* состава небесныхъ тѣлъ", * могутъ оказаться столь же заблуждающимися и въ дѣлѣ религіи.

Предположимъ на минуту что теоріи Dr. Штраусса вѣрны, и посмотримъ какъ далеко намъ можно будетъ за нимъ послѣдовать. Намъ приходится теперь представить себѣ, говоря его собственными словами, „могучее Всецѣлое вселенной „какъ одно изъ тѣхъ тропическихъ деревъ на коемъ, одно- „временно, здѣсь почка развертывается въ цвѣтокъ, тамъ спѣ- „лый плодъ падаетъ съ вѣтки.... а само дерево разрастается „безграничнымъ протяженіемъ по всему пространству и во вся- „комъ времени." Очень хорошо, но это не противно вѣрѣ христіанина. Единственная разница будетъ та что христіанскій мыслитель попроситъ Dr. Штраусса объяснить чтò онъ разумѣетъ подъ пространствомъ и временемъ, и принимая (по Канту) что эти два слова означаютъ просто субъективныя формы въ коихъ выражается человѣческая мысль, онъ способенъ подняться нѣсколько выше и сказать: „изъ нѣдръ вѣчности и без- „конечности проистекаютъ и время и пространство; то и дру- „гое, слѣдовательно, имѣетъ начало".

Но возьмемъ еще разъ въ руководители Dr. Штраусса и перейдемъ къ превосходному, хотя теперь уже совершенно изношенному понятію, столь древнему что оно было извѣстно Св. Августину, Давиду, Моисею, къ понятію о *законѣ*, проходящемъ чрезъ все это пространство и господствующемъ во всякое время. „Мы замѣчаемъ", говоритъ онъ, „что въ мі- „рѣ происходятъ непрестанныя перемѣны: вскорѣ, однако, мы „открываемъ въ сей перемѣнѣ нѣчто неизмѣнное, а именно по- „рядокъ и законъ. Мы подмѣчаемъ въ природѣ поразительные „контрасты, страшную борьбу, но мы открываемъ что они „не смущаютъ прочности и гармоніи цѣлаго." ** И это также было открыто весьма давно (хотя Dr. Штрауссъ, повидимому, забылъ объ этомъ) христіанами и даже Евреями: „Та погибнутъ, Ты же пребываеши; и вся якоже риза обетшаютъ.... Ты же тойжде еси, и лѣта Твоя не оскудѣ-

---

* Comte. *Cours de Philos. posit.* Leç. XIX.

** Стр. 162.

ютъ.“ (Посл. къ Евр. 1, 11, приводя Псал. 101. 26.) Гдѣ *Ты*, конечно, означаетъ начало прочности и гармоніи во Вселенной,—Разумъ, Слово (Λόγος), Законъ, проникающій и поддерживающій все существующее, управляющій всѣми перемѣнами и ихъ переживающій. Слѣдовательно, Dr. Штрауссъ еще до изумительной степени христіанинъ. Онъ говоритъ ортодоксально, какъ M. Jourdain въ Мольеровой комедіи говорилъ прозой, самъ того не зная. Попробуемъ пойти немного далѣе подъ его руководствомъ:

„Мы далѣе замѣчаемъ постепенность, развитіе высшихъ формъ или низшихъ, воздѣланныхъ формъ изъ дикихъ, нѣжныхъ формъ изъ грубыхъ... Когда мы это встрѣчаемъ въ кругѣ человѣческой жизни, то называемъ *добрымъ* и *разумнымъ*, и подобное имъ въ окружающемъ насъ мірѣ мы не можемъ назвать иначе какъ такимъ же образомъ“ (стр. 162).

Превосходно! Да это совсѣмъ христіанство! Это самое разумѣетъ и Библія своею столь мощно сосредоточенною картиной въ книгѣ Бытія постепеннаго и развивающагося творенія, подъ надзоромъ Силы „благой“ а не злобной, и „разумной“, а не хаотической или порывистой подобно дикому вакханальному понятію язычниковъ. Это самое разумѣли и Апостолы, проповѣдуя языческому міру воззрѣть на природу и поучиться въ ней сколь „окружающая насъ Сила“ есть *благая*, „съ небесе намъ дожди дая, и времена плодоносна“ (Дѣян. 14, 17); и *разумная*, не „подобно быти злату или сребру, или камени художнѣ начертану по смышленію человѣчу“, но Отецъ и Творецъ разумнаго человѣка, ибо „Сего бо и родъ есмы“. (Дѣян. 17, 28.) Но, присовокупляетъ Dr. Штрауссъ, съ мимолетнымъ ощущеніемъ страха, чѣмъ онъ опять приближается ко всѣмъ христіанамъ отъ апостольскихъ дней до нашихъ: „Мы стоимъ здѣсь у предѣла нашего знанія; мы „глядимъ въ бездну, глубины коей не можемъ измѣрить“. Вполнѣ справедливо! „Поистинѣ, Ты бо еси Богъ таящійся“ (Исаіи 14, 15), „Бога никто же видѣ нигдѣ же.“ (Іоан. 1, 18.) „Во свѣтѣ живый неприступнѣмъ, Его же никто же видѣлъ „есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ“ (I Тимоѳ. 6, 16). Мы увѣрены что Dr. Штрауссъ пожелаетъ чтобы мы подвигались осмотрительно, приближаясь къ этимъ окраинамъ нашего „позитивнаго“ знанія. Онъ, безъ сомнѣнія, посовѣтуетъ намъ терпѣливо подождать пока спектроскопъ (совершенно новымъ и неожиданнымъ отступленіемъ отъ пути открытій)

откроетъ намъ новый міръ физической истины, такъ что намъ какимъ-либо инымъ способомъ, помимо позитивныхъ, чувственныхъ, механическихъ методовъ изученія, возможно будетъ, повернувъ съ дороги, усмотрѣть случайно нѣкоторые проблески внутренней природы и свойства величественной „окружающей насъ Силы“, столь живо интересующей насъ, благодаря нашей полной зависимости отъ нея; столь тѣсно родственной намъ, какъ источникъ откуда мы сами получаемъ все что мы есмы и что имѣемъ. И это также признается докторомъ Штрауссомъ:

„Та сила, нашу полную зависимость отъ коей мы ощущаемъ, отнюдь не есть просто грубая сила предъ которою мы преклоняемся въ нѣмой преданности; но она въ то же время Порядокъ и Законъ, Разумъ * и Благо, коему мы предаемся съ любовнымъ довѣріемъ. Болѣе того: замѣчая *въ самихъ себѣ* такое же расположеніе къ „разумному“ и „благому“, какъ мы повидимому признаемъ во вселенной.... мы также ощущаемъ родство нашей внутренней природы съ тѣмъ отъ чего мы находимся въ зависимости; мы узнаемъ въ то же время что мы свободны въ этой зависимости; и гордость и смиреніе, радость и покорность, перемѣшиваются въ нашемъ ощущеніи ко Вселенной, то-есть къ единой сущности силъ и законовъ, которыя въ ней обнаруживаются“ (стр. 164).

Все это либо не имѣетъ никакого смысла, либо Dr. Штрауссъ мыслитъ то же что и христіанинъ. Онъ говоритъ что *въ насъ самихъ*, въ нашей внутренней природѣ, родственной и подобной, нѣкимъ сыновнимъ образомъ, Силѣ внѣ насъ, — короче, скорѣе метафизикой и психологіей чѣмъ естествознаніемъ,—слѣдуетъ намъ искать нѣкотораго дальнѣйшаго объясненія природы и свойства этой Силы. Онъ находитъ что ни одинъ человѣкъ не можетъ стать внѣ самого себя и тамъ составить себѣ какія-либо здравыя и разумныя понятія о вселенной. Это также невозможно какъ и стать внѣ времени и пространства. Въ обоихъ случаяхъ для всякаго научнаго пріема необходимо довѣріе къ посредствующимъ способамъ познанія. Но, присовокупляетъ христіанинъ, мы постараемся помнить—чему насъ учили великіе отцы церкви—что за всѣмъ тѣмъ, мы въ этой области можемъ надѣяться достигнуть только относительной и не совершенной

* Онъ конечно долженъ разумѣть безсознательный, то-есть неразумный Разумъ. Но мы протестуемъ противъ такой зловредной путаницы словъ.

истины. „Можешь ли изслѣдованіемъ обрѣсти Бога? Можешь „ли постигнуть Всемогущаго въ совершенствѣ? Оно выше не„ба: что ты сдѣлаешь? Оно глубже преисподней: что ты узна„ешь?“ Іова 11, 7. „Пусть люди размыслятъ въ самихъ себѣ о „сихъ трехъ, то-есть о Бытіи, Знаніи и Волѣ; и разсудятъ не „есть ли, на основаніи сихъ трехъ, и въ нихъ также Троич„ность“ (Исповѣд. Св. Август. 13, 11). И въ точнѣйшемъ согласіи съ этими доктринами Dr. Штрауссъ продолжаетъ:

„Мы глядимъ въ бездну, глубины коей не можемъ измѣрить. Но по крайней мѣрѣ достовѣрно то что личный образъ встрѣчающій тамъ нашъ взглядъ есть лишь отраженіе самого дивящагося зрителя. Еслибы мы всегда это держали въ умѣ, то столь же мало можно было бы возразить противъ выраженія „Богъ“ какъ и противъ восхожденія и захожденія солнца, при употребленіи коихъ мы всегда сознаемъ дѣйствительныя обстоятельства. Но это условіе не соблюдается.... Мы поэтому предпочитаемъ обозначеніе Всецѣлаго или Вселенной“ (стр. 163).

Почему? спрашиваемъ мы въ изумленіи и не безъ нѣкотораго подозрѣнія что мы наконецъ дошли до поворотнаго пункта, гдѣ Dr. Штрауссъ перемѣнитъ направленіе и постепенно отречется отъ всего что онъ говорилъ, а мы между тѣмъ смѣло устремимся впередъ въ надеждѣ, подобно Колумбу, обрѣсти за бездной славный и многоцѣнный материкъ истинъ недосягаемыхъ для невѣрующихъ сердецъ, для отравленныхъ чувственными впечатлѣніями умовъ. Мы, впрочемъ, не долго остаемся въ неизвѣстности о побудительныхъ причинахъ его сдержанности. Опасеніе тревожащее его душу, предчувствіе мѣшающее ему произнести чтимое всѣмъ міромъ имя Бога, есть просто фактъ что это имя „легко поддается къ принятію опять какого-либо вида *личности?*“ Что же, — возражаемъ мы съ ужасомъ, — развѣ окружающая насъ Сила *не Лицо?* Развѣ Бытіе, отъ котораго, по-вашему, „мы должны чувствовать себя „вполнѣ зависящими, сочетая въ чувствѣ къ нему гордость и „смиреніе, радость и покорность,“ которому, говоря попросту, мы должны покланяться, развѣ оно *вещь?* Мы не знаемъ никакой другой альтернативы. Всѣ существа или лица или вещи; и никакой педантизмъ или лжемудріе не могутъ отнять у насъ неискоренимаго убѣжденія, раздѣляемаго всѣми человѣческими существами, что лица превосходнѣе вещей. Вы можете осаждать насъ сколько вамъ угодно громадными вычисленіями тоннъ натрія и желѣза которыя де

составляютъ вселенную; но мы не уступимъ ни на минуту чтобы человѣкъ, *лицо*, кто можетъ сосчитать и измѣрить всѣ эти вещи, и может привести ихъ въ выраженія своего ума и въ формы своего воображенія, не гораздо превосходнѣе въ порядкѣ бытія всей массы этихъ камней. Никакія придуманныя вами описанія силъ, бореній, катаклизмовъ, никогда не убѣдятъ насъ что тотъ кого *impavidum ferient ruinae* не *сила* самъ по себѣ, и притомъ сила высшаго и благороднѣйшаго вида чѣмъ какая-либо изъ тѣхъ; новая и единственная сила, которую мы можемъ назвать нравственною или духовною; и сила по крайней мѣрѣ столь же неразрушимая какъ тепло, тяготѣніе, электричество или инерція. А вы, пригласивъ насъ „ощутить родство нашей внутренней природы съ тѣмъ отъ чего мы зависимъ“, обращаетесь къ намъ теперь съ догматомъ что наша обожаемая родня есть часовой механизмъ, и приказываете намъ поклоняться планетарію! И что̀ еще? Доводя это положеніе до послѣдней границы нелѣпости, вы хотите заставить насъ повѣрить не только что Вселенная есть произведеніе механизма, но еще механизмъ вполнѣ *самоустроенный!*

Мы положительно отказываемся подчиниться подобному униженію. Вполнѣ готовы мы внимать всему что̀ естествознаніе можетъ намъ сказать; мы глубоко интересуемся его результатами; мы искренне удивляемся остроумію и самоотверженію его учениковъ. Но когда всѣ его сказки сказаны и всѣ удивительныя заключенія провѣрены, то оказывается что мы только достигли границы гдѣ начинаются метафизика и богословіе, и гдѣ религія пріемлетъ чистый результатъ и созидаетъ изъ него зданіе славы и красоты для духовныхъ нуждъ человѣка. *Какъ* великій процессъ вселенной совершался и совершается, это не касается насъ, какъ богослововъ, ни въ малѣйшей степени. Пусть это было (какъ скажутъ разногласящіе геологи) путемъ непрерывности или путемъ катастрофъ; пусть это было (какъ скажутъ разногласящіе физіологи) или безпрерывнымъ развитіемъ новыхъ видовъ, или послѣдовательными актами того что̀ иные называютъ „твореніемъ“. Не въ этомъ теперь вопросъ насъ занимающій. Для насъ важный вопросъ въ томъ: *безпомощное ли мы игралище слѣпой, грубой, безсознательной, неразумной судьбы? или же мы дѣти Божіи?* Должны ли мы ползать, подобно псамъ, подъ бичомъ какой-то невѣдомой судьбы или случая, или того и другаго вмѣстѣ, которые могутъ, въ любой день, обратить противъ насъ всѣ ужасы? Или намъ воз-

можно знать съ нравственною увѣренностью что „всецѣлое есть благо“. Возможно ли чтобы мы одни были *личными*, между тѣмъ какъ великая невѣдомая Сила, изъ нѣдръ коей мы произошли, *безлична?* Одни ли мы только, въ этой ужасающей вселенной, имѣемъ сознаніе нашей участи и ея законовъ? Есть ли человѣкъ, — страннѣйшая изъ невообразимыхъ гипотезъ! — высшее извѣстное бытіе во всемъ существующемъ, и однако осужденное (какою-то потѣшною ироніей злорадной судьбы) обожать съ „радостью и покорностью“ *вещи* низшія въ порядкѣ бытія чѣмъ онъ самъ? „Невѣроятно и невозможно!“ таковъ, мы увѣрены, будетъ отвѣтъ каждаго компетентнаго мыслителя, который только не потерялъ головы отъ физическихъ открытій, и у кого осталось сколько-нибудь ума для тѣхъ высшихъ изученій метафизическаго и гуманнаго разряда, кои даютъ ключъ къ неразрѣшимымъ иначе загадкамъ естествознанія.

А если только этотъ пунктъ сознательности или *личности* Божества допущенъ, то въ сущности все допущено. Царство Бога отца (какъ сказалъ бы Гегель) утверждено. Первое слово христіанскаго катихизиса снова выучено. И мы вновь вѣримъ, хотя все еще сознавая какъ недостаточны всѣ наши выраженія чтобъ извѣдать бездну, въ „Бога Отца, сотворившаго меня и все человѣчество“. А за первымъ не замедлитъ послѣдовать и второе поученіе. Ибо ни одинъ мыслящій человѣкъ, не ослѣпленный физическими обольщеніями, не можетъ закрыть глаза предъ ужасными фактами которые христіане коротко называютъ грѣхомъ. Какой человѣкъ, съ сердцемъ въ груди, рѣшится утверждать что онъ остается „веселымъ и покорнымъ“, когда онъ видитъ вокругъ себя ужасы зла? Какъ можетъ любой человѣкъ, который (въ какомъ-либо смыслѣ и подъ какимъ бы то ни было названіемъ) вѣритъ въ „окружающую насъ Силу, благую и разумную и родственную намъ самимъ“, повѣрить что эта Сила останется безучастною и не породитъ цѣлительныхъ силъ которыя вступили бы въ борьбу съ такими громадными и хаотическими бѣдствіями? А если невозможно повѣрить этому, то вотъ надъ нами уже занимается заря надежды на какое-либо дѣйствительное *появленіе* этой Силы на поприщѣ человѣческой жизни и исторіи; нѣкоего предчувствія (говоря словами хоть бы г. Стюарта Гленни) „чудесной, сердца потрясающей силы той общей теоріи про„исхожденія, прогресса и судьбы человѣчества въ которой

„центральный образъ, олицетворенный во всемъ прошедшемъ „и торжествующій во всемъ будущемъ,—есть распятый Сынъ „Божій.“ * Но если потрясающая сердца и искупляющая сила того что̀ христіане называютъ Евангеліемъ такъ „чудесна“; и если мы были въ правѣ полагать (руководимые Dr. Штрауссомъ) что „окружающая насъ Сила есть благая и разумная сила“, и если, наконецъ, исторія на каждомъ шагу подтверждаетъ и оправдываетъ мнѣніе объ удивительной дѣйствительности Евангелія для возвышенія и воспитанія человѣчества: то мы думаемъ что возвращеніе наше къ вѣрѣ въ то что̀ христіане называютъ Царствомъ Сына Божія весьма недалеко. Если мы можемъ усмотрѣть что Крестъ Христовъ былъ фактически столь благодѣтеленъ, то, при допущенной нами благой и разумной „окружающей насъ Силѣ“, намъ остается только шагъ къ сознанію что это потрясающее сердца событіе могло быть въ мысляхъ этой Силы прежде чѣмъ оно было въ нашихъ, могло возникнуть изъ нѣдръ Ея разума и Ея любви какъ существенная часть мощной міровой драмы, что оно могло, возвращаясь къ простому христіанскому языку, быть „спасеніемъ предопредѣленнымъ прежде основанія міра“.

А дойдя уже до сего, мы весьма недалеко отъ третьяго понятія, которое довершитъ наше полное обращеніе ко Христіанству. Іудейское событіе, о которомъ мы говоримъ, принадлежитъ къ прошедшему. И удивительная власть какую оно имѣетъ надъ поколѣніемъ почти до тошноты напичканнымъ механическими и химическими фактами и утомленнымъ безпрерывными толками о физическихъ законахъ, коими ему прожужжали уши, заключается отчасти въ обстоятельствѣ что оно есть событіе отдаленное и украшенное сіяніемъ и славой присущими отдаленности. Но есть еще третій актъ великой драмы, который положительно происходитъ на нашихъ глазахъ, который подлежитъ нашей личной повѣркѣ, въ которомъ мы сами дѣйствующія лица, и спокойное терпѣливое развитіе коего есть совершенно предметъ опыта какого только могъ бы потребовать Юмъ или другой философъ. А это есть то что̀ христіане назовутъ Царствомъ Духа Святаго; иными словами,—это, посреди запутаннаго лабиринта и кажущагося хаоса, есть, въ нашей жизни, дѣйствіе того ободряющаго и утѣшающаго начала нравственнаго порядка, красоты и разума, ко-

* *In the Mornin-land.* I. 285.

торое беретъ свою силу отъ Христа, пострадавшаго лица въ предыдущей сценѣ, какъ отъ источника; и въ которомъ истинно мыслящіе люди, въ теченіе многихъ вѣковъ, видѣли дѣйствіе не посторонней или вновь возникшей силы, а ту же первоначальную „окружающую насъ Силу", въ чьей благости и разумѣ, посреди всяческихъ нашихъ затрудненій и невѣдѣній, мы все еще находимъ вѣчно возобновляющееся доказательство ея внутренняго тождества и единства, и ея отеческаго родства съ нами.

И такимъ образомъ мы вновь приходимъ къ тѣмъ великимъ истинамъ, коимъ, какъ мы видѣли, даже люди подобные доктору Штрауссу, ненавидящіе и отвергающіе ихъ на словахъ, принуждены оказывать невольное почтеніе; и за эти истины, сіяющія небеснымъ свѣтомъ и чарующею красотой, тысячи лучшихъ и благороднѣйшихъ людей, во всѣ вѣка, готовы были положить свою жизнь. Однимъ сердцемъ своимъ, безъ сомнѣнія, въ безчисленномъ множествѣ случаевъ, люди постигали ихъ; онѣ привлекали людей къ себѣ инстинктивнымъ и таинственнымъ магнетизмомъ, который христіане называютъ вѣрой; и такова была ихъ сила, несмотря на самые причудливые покровы, на самыя странныя и устарѣлыя представленія, на самыя фантастическія примѣси легендъ, обмана и жречества всевозможнаго вида. Но вѣра, еслибы мы только могли вновь пріобрѣсти ея чистое и исконное значеніе, состоитъ, по ученію нашего Господа и Его Апостоловъ, въ слѣдующемъ: нравственное прилѣпленіе любящаго сердца и сознанія человѣка, вопреки всѣмъ и всякимъ явленіямъ или угрозамъ внѣшняго міра, къ нѣкоему Лицу (не къ нѣкоторому догмату или къ вещи) требующему преданности и почтенія. Еслибы естествознаніе нагромоздило цѣлыя горы мертвыхъ фактовъ, это ни мало не потревожитъ вѣры которая орлинымъ полетомъ легко возносится превыше всего. Что Разумъ (не неразуміе), что Сознательная Мудрость (не слѣпая судьба или еще болѣе слѣпой случай), что Личная Воля, выражающаяся въ постоянныхъ и величественныхъ законахъ (не невообразимая *вещь*, изъ которой человѣческія *личности*, какою-то непонятною судьбой или влеченіемъ, осѣли подобно кристалламъ изъ жидкости),—что Богъ, однимъ словомъ, а не Ваалъ, Юпитеръ или Будда, есть правитель и творецъ сей вселенной, что Онъ нашъ создатель, а не мы сами, и что въ

Немъ, а не въ скалахъ и силахъ Вселенной слѣдуетъ искать и обрѣсти ту нравственную и родную Силу которой мы обязаны покорностью и которую дерзаемъ называть дорогимъ именемъ Отца;—вотъ въ чемъ Христіанство. И ради сего, мы смѣемъ сказать, есть во всякой христіанской странѣ многое множество людей готовыхъ, если понадобится, пожертвовать всѣмъ и самою жизнью. А много ли тѣхъ *мы* которые захотѣли бы пожертвовать хотя чѣмъ-либо за гипотезу полнаго отчаянія? * Поэтому побѣда, мы полагаемъ, ясно предназначена христіанству. А для атеизма единственный шансъ заключается въ его естественномъ союзѣ съ грубыми страстями и похотями человѣчества. Ибо если нѣтъ Бога и нѣтъ будущей жизни, нѣтъ искупленія и нѣтъ грѣха, то безразсудно говорить и дѣйствовать такъ какъ будто бы это все было. Сей міръ есть все. Нѣтъ высшаго разума, нѣтъ высшей воли кромѣ нашихъ. Мы можемъ поэтому дѣлать что намъ захочется. И ничего лучшаго не можемъ мы дѣлать какъ извлекать возможно большее наслажденіе изъ сей единственной и притомъ столь быстролетной жизни выпавшей намъ на долю. „Будемъ ѣсть и пить, ибо завтра помремъ!"

Sapias! Vina liques! et spatio brevi
Spem longam reseces! Dum loquimur, fugerit invida
Aetas. Carpe diem! quàm minimum credula postero! **

Но прежде чѣмъ мы заключимъ этотъ краткій обзоръ книги доктора Штраусса, весьма кстати задать вопросъ, на какихъ основаніяхъ въ сущности держится это невѣріе? *Почему на отступничество отъ христіанства такъ легко смотрятъ въ наше время?* Что тамъ такое было открыто что давало бы право честному человѣку разрывать связь съ

---

* „Condorcet nous a promis que les philosophes se chargeraient incessament de la civilisation et du bonheur des nations barbares. Nous attendrons qu'ils veuillènt bien commencer." *De Maistre*, ap. *Eaton*. Bamp. Lect. p. 371,

** Горацій. Оды. I, 11. Гартманъ, въ *Gott und Naturwissenschaft*, стр. 54, напрасно старается отразить силу этого роковаго возраженія противъ атеизма. Онъ говоритъ: „Мы сами выдѣлываемъ наши мозги „повторными актами свободной воли (*Entschlüsse*), и отвѣтственны за „такое дѣланіе." Но какимъ образомъ мы *свободны*, при системѣ судьбы? и предъ кѣмъ мы *отвѣтственны* (*verantwortlich*), при системѣ атеизма?

церковью, отрекаться отъ покорности Богу и отъ поклоненія всеобщему Отцу черезъ посредство Христа, и осмѣивать съ нечестивою неблагодарностію первоначальные уроки религіи преподанные ему въ дѣтствѣ?

Нѣтъ, ничего такого не было открыто что̀ могло бы сколько-нибудь оправдать подобное поведеніе. Если станутъ утверждать что было открыто всемірное „господство закона“, мы возразимъ что не только этотъ фактъ вовсе не есть открытіе, потому что онъ былъ хорошо извѣстенъ Св. Августину и знакомъ всѣмъ читавшимъ его знаменитое твореніе въ теченіе 1.500 лѣтъ, но что еще въ 400 году по Р. Х. хорошо понимали истинный способъ примиренія „всемірнаго закона“ съ „личною волею Божіею“; а именно припоминая что *твердость намѣренія есть постоянная отличительная черта высшихъ умовъ*, и само чудо есть ничто иное какъ обнаруженіе какого-либо прежде неизвѣстнаго закона. Св. Августинъ пишетъ: „Voluntas tanti Conditoris conditae rei cujusque *natura* est. Portentum ergo fit, non contrà naturam, sed contrà quam est *nota* natura.“ * Если, однако, станутъ утверждать что наукой была доказана невозможность чуда, мы возразимъ прямымъ отрицаніемъ и вызовомъ чтобы научные люди представили доказательство ихъ собственнаго догмата, который никогда не можетъ быть доказанъ. Если будутъ оспаривать *историческую* достовѣрность Евангелій, потому что Бауръ и его школа относятъ ихъ написаніе ко второму столѣтію, мы возразимъ что еще позднѣйшія изслѣдованія (преспокойно оставленныя безъ вниманія докторомъ Штрауссомъ) убѣдительно обнаружили невѣрность этого положенія; что и Ренанъ ** твердо вѣритъ въ апостольскій авторитетъ даже Евангелія Св. Іоанна; что Нортонъ, Тишендорфъ и другіе положительно доказали *всеобщее признаніе* Евангелій въ самомъ началѣ втораго столѣтія, и что Цельзъ (великій противникъ христіанства около 130 года по Р. Х.) *** прямо упоминаетъ о существованіи въ его время Евангелій „*въ трехъ или въ четырехъ или болѣе видахъ*“; **** и

---

* *De Civ. Dei*, XXI., 8.

** *Vie de Jésus*, p. XXXIII. *L'Antichrist*, p. XXXIII.

*** Origen. „C. Celsum“ p. 8. Ed. Spencer.

**** Ibid. p. 77. На это мѣсто слишкомъ мало обращали вниманія критики Новаго Завѣта.

кто можетъ разумно повѣрить что вымышленные разказы о жизни и смерти нашего Господа могли пріобрѣсти всеобщее признаніе въ столь краткій промежутокъ послѣ событій?

Словомъ, намъ кажется что поведеніе нѣкоторыхъ изъ нашихъ *quasi*-философовъ точь-въ-точь похоже на поведеніе выросшаго школьника, вдругъ однажды открывшаго поразительную истину что первые воспитательные подступы къ его незрѣлому уму были сдѣланы скорѣе посредствомъ его воображенія чѣмъ посредствомъ его еще неразвитаго разума. Строптивый и дурно воспитанный мальчишка уничтожитъ или обезобразитъ съ величайшимъ презрѣніемъ тѣ самыя книги при помощи коихъ онъ поднялся до своей настоящей высоты. И совершенно такимъ же образомъ большое число нашихъ юнѣйшихъ богослововъ, безпечные къ предостереженіямъ, * думаютъ показать свою свободу и свое превосходство надъ учительными книгами человѣчества (слово это заключаетъ не только всѣхъ *мущинъ* на всѣхъ ступеняхъ культуры и умственнаго развитія, но также *женщинъ и дѣтей*), обнародуя всему міру, съ большимъ гамомъ, изумительное открытіе что „въ Библіи есть поэзія!“ Право, подумаешь что бо́льшая часть этихъ людей были воспитаны въ какой-нибудь узкой пуританской сектѣ и что научившись въ теченіе многихъ лѣтъ смѣшивать поклоненіе буквѣ Библіи съ христіанствомъ, они теперь, вслѣдствіе столь же нелѣпой реакціи, склонны совсѣмъ отбросить религію, потому что они нашли что буква Библіи не „божественна“ въ самомъ простомъ наивно-дѣтскомъ смыслѣ этого столь злоупотребляемаго слова. Почти забавно, напримѣръ, читая такого серіознаго писателя какъ Штрауссъ, видѣть что христіанство, на которое онъ направляетъ громоздкій аппаратъ критики, оказывается ничѣмъ инымъ какъ *популярною теологіей*, въ ея грубой формѣ, какъ она понимается наименѣе просвѣщенными изъ мірянъ и поучается самыми невѣжественными изъ духовенства. Поэтому для доктора Штраусса нѣтъ никакого труда выставить себѣ соломенную мишень, которую онъ осыпаетъ зарядами

* Напримѣръ, предостереженія Шенкеля, въ его *Charakterbild Jesu*: „Безъ нѣкотораго приспособленія къ заблужденіямъ и предразсуд-„камъ тѣхъ кого учитель стремится воспитать, онъ не можетъ на-„дѣяться имѣть благодѣтельное вліяніе. Поэтому, ошибочно отвер-„гать мысль что Іисусъ примѣнялся и къ Своему времени.“

своего гнѣва и негодованія. Онъ въ самомъ дѣлѣ притворно вѣритъ что христіанство въ наше время есть врагъ науки; онъ умышленно думаетъ что оно, еслибъ это было возможно, взяло бы да уничтожило телеграфы и паровыя машины; онъ полагаетъ что оно все еще опредѣляетъ чудо какъ палецъ неловкаго часовщика попавшій между колесъ. Послушаемъ его:

„Природа *чувствовала* себя уже въ животныхъ; но она желала также *знать* себя. Здѣсь начало изъ коего развивается стремленіе и прилежаніе человѣка къ изслѣдованію и пониманію природы, и начала этого мы не усматриваемъ въ христіанствѣ. Человѣкъ работаетъ въ наиболѣе свойственной ему области когда онъ ни одно изъ твореній природы не считаетъ незначительнымъ и не заслуживающимъ его вниманія по строенію и свойствамъ; а съ другой стороны, когда ни одну звѣзду не считаетъ слишкомъ отдаленною для наблюденія ея орбиты и движеній. Но съ христіанской точки зрѣнія всѣ такія занятія суть пустая потеря времени и энергіи... (стр. 245)

„Тѣ что научили направлять паровую машину по ея желѣзному пути и перебрасывать мысль и рѣчь по проволокамъ,— дѣламъ дьявола, по взгляду нашихъ благочестивыхъ паствъ, — съ нашей точки зрѣнія суть работники въ царствѣ Божіемъ.“ (стр. 247).

Мы обращаемся съ полнѣйшимъ довѣріемъ къ суду всякаго честнаго человѣка знакомаго съ христіанскою церковью въ наши дни, и спросимъ, не есть ли подобная болтовня пасквиль на ея духъ и ея образъ дѣйствій? Въ средѣ англійскаго духовенства есть много почтенныхъ именъ занимающихъ самыя передовыя мѣста въ рядахъ науки; а въ нашихъ „благочестивыхъ паствахъ“, право, не много такихъ кто относился бы непріязненно къ механическимъ изобрѣтеніямъ вѣка или отказывался бы пользоваться телеграфомъ или желѣзною дорогой видя въ нихъ дѣла дьявола. Или развѣ нѣмецкое духовенство и ихъ паствы грубѣе чѣмъ англійскія? Однако не такое мнѣніе мы должны себѣ составить о нихъ, послѣ прилежнаго прочтенія ихъ многочисленныхъ богословскихъ сочиненій. А потому, мы невольно приходимъ къ заключенію что докторъ Штраусеъ такъ давно оставилъ свое мѣсто въ церкви что онъ не знаетъ о великой перемѣнѣ происшедшей въ умахъ нашей „благочестивой паствы“ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ; или же что онъ изъ собственной головы создалъ себѣ химеру чтобъ она исполняла роль богословскаго Илота для забавы его партіи, и умышленно выбиралъ грубѣйшія формы христіанскаго вѣро-

ванія чтобъ ими выставить мораль своей собственной превосходной мудрости.

Такую безцеремонность или такое себялюбивое тщеславіе,— какими бы благовидными именами ни вздумали они прикрываться: „правдивостью", „искренностью", „грубою здоровою веселостью", или другими подобными,—мы беремъ, однако, на себя смѣлость назвать преступленіемъ противъ общества. „Для огромнаго большинства человѣчества", говоритъ даже Ренанъ, какъ бы осуждая самого себя, „установленная религія служитъ единственною областью жизни отведенною для насажденія Идеала. Подавить или ослабить, среди классовъ лишенныхъ другихъ средствъ возвышенія, этотъ великій и единственный свѣточъ всего благороднаго, значитъ придавить человѣчество къ болѣе низкому уровню." * Такъ же, въ этомъ отношеніи здравомысленно, пишетъ свободно-мыслящій Англичанинъ: „Нѣтъ предмета выше который могъ бы въ наши дни занять благороднѣйшую энергію человѣка какъ сохраненіе или „возобновленіе истины Божіей, не слишкомъ окованной человѣческими случайностями нашихъ предковъ по вѣрѣ, однако „съ почтительною нѣжностью даже и въ отношеніи къ нимъ." **

Этими словами Dr. Вильямсъ вѣрно характеризуетъ духъ христіанскаго изслѣдователя въ настоящее время. И мы можемъ прибавить, словами мало извѣстнаго, но много оплаканнаго мыслителя, „призваніе христіанскаго ученаго, въ наше „время, безконечно благородно, но оно требуетъ дара и благодати для соотвѣтственнаго исполненія и налагаетъ бремя „которое никто не можетъ долго вынести, развѣ тотъ кто „укрѣпился изнутри и свыше. Но кто сознаетъ въ себѣ нѣкоторую степень подобной крѣпости и знаетъ какъ можно усилить ее соразмѣрно надобности, тотъ не будетъ пытаться „уйти отъ отвѣтственности уклоненіемъ отъ долга, или надѣяться обрѣсти миръ избѣгая Свѣта." ***

Наконецъ, намъ кажется чрезвычайно важнымъ чтобы всѣ изучающіе богословіе въ наше время твердо держали въ умѣ слѣдующее: совершенно необходимо съ полною искренностью признавать фактомъ все что̀ можетъ быть честно доказано таковымъ;

---

* Renan. *Etudes* p. 16.

** R. Williams. *Rational Godliness.* p. 69.

*** Myers. *The Bible and Theology, Postscript.* p. 10.

а также, вопреки предразсудку и теоріи, отмѣчать за дѣйствительно случившіяся новыя и необычайныя явленія когда на то даются достаточныя причины. Трудно понять, напримѣръ, какимъ образомъ люди называющіеся поклонниками науки позволяють себѣ отметать, съ презрительною улыбкой, факты столь замѣчательнаго интереса и опирающіеся на такой необыкновенный запасъ доказательствъ, какъ тѣ на какихъ зиждется Христіанство. Они можетъ - быть не были до сихъ поръ вполнѣ основательно разъяснены; они могутъ не быть такъ-сказать *внѣестественными* событіями, хотя могутъ быть *сверхъестественными*, то-есть превосходящими торную и привычную рутину природы. Но какъ можетъ кто-либо претендующій на имя философа утверждать въ настоящее время что легче вообразить обманчивость всѣхъ свидѣтельствъ чѣмъ вообразить чтобы случилось что-либо превосходящее тотъ ненадежный авторитетъ который мы зовемъ опытностью? Не далѣе какъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ утверждалось съ величайшею увѣренностью что органы кровобращенія у всякаго животнаго снабженнаго этими органами дѣйствують неизмѣнно въ одномъ направленіи. И какими неистощимыми насмѣшками осыпали бы тогда того натуралиста который отважился бы держаться другаго взгляда! Тѣмъ не менѣе, въ 1824 году, былъ открытъ моллюскъ въ которомъ кровь обращается попеременно въ противоположныхъ направленіяхъ; и „я самъ", говоритъ профессоръ Гёксли, „считалъ біеніе сердца этихъ маленькихъ животныхъ, и нашелъ что оно такъ правильно какъ „только возможно въ періоды поворота". Двадцать лѣтъ назадъ того сочли бы за безумца кто вздумалъ бы утверждать что солнце сдѣлано изъ натра и желѣза, и что щель въ ставнѣ обнаружитъ это. А вотъ теперь наука повсемѣстно принимаетъ это за фактъ. Десять лѣтъ тому назадъ вся геологія основывалась на вполнѣ неоспоримомъ фактѣ послѣдовательнаго отложенія слоевъ. Но изслѣдованія связанныя съ подводною телеграфіей доказали одновременное отложеніе въ близкомъ сосѣдствѣ весьма разнообразныхъ слоевъ. Пять лѣтъ тому назадъ всѣ полагали что жизнь не можетъ существовать на уровнѣ морской глубины. Но научная экспедиція снаряженная на кораблѣ *Challenger* въ настоящую минуту доказываетъ что жизнь существуетъ тамъ въ изобиліи. Извѣстный изслѣдо-

ватель, Dr. Бастіанъ, приходитъ ко мнѣнію Св. Павла и замѣчаетъ „что полная оцѣнка размѣра нашего невѣденія есть лучшее и вѣрнѣйшее приготовленіе къ расширенію сферы нашего „знанія.“ * Или, говоря столь же выразительными словами изслѣдователя болѣе высокой отрасли науки: „Мы пользуемся случаемъ чтобы заявить о широкомъ различіи между скромнымъ „духомъ научнаго изслѣдованія и самоувѣреннымъ догматизмомъ такъ-называемой *позитивной* науки. Наука воздерживается отъ слѣпаго отрицанія возможностей превосходящихъ „ея способы изысканія.“ **

Когда всѣ эти перемѣны мнѣнія случились на нашихъ собственныхъ глазахъ, когда при всѣхъ усиліяхъ и при употребленіи всевозможныхъ средствъ изслѣдованія, вопросъ „что̀ есть жизнь и что̀ есть смерть?“ становится съ каждымъ днемъ все темнѣе и неразрѣшимѣе, и когда исторія, наконецъ, самымъ положительнымъ образомъ утверждаетъ что случай возвращенія къ жизни былъ засвидѣтельствованъ значительнымъ числомъ людей и былъ причиной обширныхъ нравственныхъ и политическихъ результатовъ, видимыхъ понынѣ и могущественно дѣйствующихъ до нашего времени, какимъ образомъ, повторяемъ, наука можетъ отказываться, вмѣстѣ съ Dr. Штрауссомъ, слышать о такой вещи какъ воскресеніе изъ мертвыхъ? Какъ, при той ограниченной опытности какою мы въ настоящее время обладаемъ, можетъ кто-либо отрицать *возможность этого*, наперекоръ столь многимъ прямымъ свидѣтельствамъ о дѣйствительно случившемся? Какимъ образомъ, въ виду отчаянія съ какимъ самые дѣятельные изслѣдователи нашего времени отказываются отъ задачъ касающихся жизни можетъ какой-либо лжефилософъ браться за изложеніе закона и доктринерствовать безусловно что какая-либо высшая духовная причина не *могла*, въ Іисусѣ, впервые выступить на видъ и оказаться способною произвести такіе же результаты и въ другихъ случаяхъ, еслибы только подобныя условія могли повториться? Ни одинъ компетентный мыслитель не смотритъ на чудо какъ на *нарушеніе* законовъ природы. Его просто опредѣляютъ какъ обнаруженіе какого-либо высшаго начала превозмогающаго дѣйствіе

---

* Dr. Maudsley. *Body and Mind* p. 131.

** „Жизнь не есть противоположность не живущей природѣ; но дальнѣйшее развитіе ея... Знаніе не можетъ переступить жизненной

низшаго. Такъ нервная сила въ мускулѣ удерживаетъ и превозмогаетъ обычную силу тяготѣнія.

Dr. Штрауссъ настолько послѣдователенъ что отвергнувъ сначала историческія свидѣтельства о воскресеніи Христа, кончаетъ тѣмъ что отвергаетъ и все ученіе о безсмертіи души, и даже самое существованіе какого-либо духовнаго элемента въ человѣкѣ. Но мы неспособны понять положеніе людей цѣпляющихся за убѣжденіе въ безсмертной природѣ человѣка и отвергающихъ въ то же время фактъ Христова Воскресенія и христіанскую вѣру. Ибо, конечно, если разъ допустить что существованіе не оканчивается тѣмъ что̀ мы называемъ смертью, то возвращеніе Христа на землю было только обнаруженіемъ высшаго закона нашего бытія въ видимой формѣ. Каждая страница Евангелія и писаній Св. Павла обнаруживаетъ что ученіе о безсмертіи души, подтвержденное событіемъ воскресенія Христа, есть великая основная истина которую Апостолы должны были возвѣстить человѣчеству. Если Христосъ не возсталъ изъ мертвыхъ, то они были изо всѣхъ людей самые несчастные. Человѣческая жизнь со всѣми ея надеждами и стремленіями была бы обманомъ.

Если *возможность* воскресенія нашего Господа будетъ разъ допущена,—а эту возможность должны допустить всѣ признающіе безсмертіе души,—то дѣло христіанства выиграно, потому что множество историческихъ доказательствъ относящихся къ одному этому пункту такъ поразительно убѣдительны что ни одинъ искренній и дѣйствительно научный умъ, смѣло говоримъ это, не можетъ уклониться отъ убѣжденія что оно дѣйствительно случилось. Пусть невѣрующіе, вмѣсто того чтобы болтать, слѣдуя г. Ренану, невообразимый вздоръ о Маріи Магдалинѣ, какъ будто бы она *одна* засвидѣтельствовала воскресеніе Христа; вмѣсто того чтобы затемнять туманомъ благочестивыхъ фразъ, какъ это дѣлали Эвальдъ и Шенкель, прямой историческій фактъ; вмѣсто презрительныхъ насмѣшекъ, вмѣстѣ съ докторомъ Штрауссомъ, надъ явно необыкновеннымъ событіемъ потому только что оно необыкновенно;—пусть эти люди благоволятъ объяснить намъ: волер-

---

границы, потому что въ настоящее время нѣтъ никакихъ средствъ прослѣдить тайныя перемѣны происходящія за ея предѣлами. Есть міръ въ который чувства человѣка еще не могутъ вступить." (Dr. Maudsley. *Body and Mind*. p. 163.

выхъ, какимъ образомъ четыре великія посланія Св. Павла и Апокалипсисъ, которые всѣ они признаютъ за подлинные, при всякой другой гипотезѣ могли быть написаны; вовторыхъ, какъ Апостолы, устрашенные и разсѣянные, могли, при всякомъ другомъ разумномъ предположеніи, быстро возвратиться къ бодрости и надеждѣ, и втретьихъ, какимъ образомъ христіанская церковь, если основаніе и ключъ всего ея ученія есть грубый обманъ или заблужденіе, могла, съ такою удивительною и неизмѣнною силой, захватить бразды управляющіе человѣческою волей и поддерживать въ теченіе столѣтій на пути добра дикія и разрушительныя силы человѣческаго ума; — тогда только, а не прежде, согласимся мы оставить стражу цитадели христіанской вѣры. Но мы не имѣемъ ни малѣйшаго сочувствія къ мечтамъ хуже чѣмъ языческаго благочестія, мнящаго направить вѣру человѣка къ строенію природы или къ его собственной судьбѣ какъ къ предметамъ поклоненія. Эти мнимыя религіи могли бы научиться изъ несчастной неудачи влачащаго жалкое существованіе родственнаго имъ буддизма что живая смерть ожидаетъ всякое вѣрованіе надѣющееся поднять міръ изъ его нравственнаго безсилія безбожнымъ нигилизмомъ.

МУЗЫКА

(Посвящается П. И. Чайковскому.)

И плывутъ и растутъ эти чудные звуки!
Захватила меня ихъ волна,
Поднялась—подняла, и невѣдомой муки
И блаженства полна...

И божественный ликъ, на мгновенье
Неуловимой сверкнувъ красотой,
Всплылъ какъ живое видѣнье
Надъ этой воздушно-кристальной волной,

И отразился,
И покачнулся—

Не то улыбнулся...
Не то прослезился....

Я. ПОЛОНСКІЙ.

ВЕСЕННІЕ МОРОЗЫ *

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

VI.

Прошло дня три послѣ Акулинскаго обѣда, когда Аркадій Өедоровичъ сидѣлъ вечеромъ у себя въ кабинетѣ и казалось соображалъ что-то съ напряженнымъ вниманіемъ. Кто привыкъ видѣть Краснопольскаго въ обществѣ былъ бы пораженъ перемѣной въ выраженіи его лица и наружномъ видѣ. Глаза его глядѣли безпокойно; движенія были торопливы. Одѣтъ онъ былъ какъ ключникъ, въ полиняломъ, изорванномъ халатѣ, изъ котораго проглядывало бѣлье сомнительной чистоты.

Аркадій Өедоровичъ былъ сынъ мелкаго чиновника служившаго въ уѣздномъ городкѣ. Матери онъ лишился при рожденіи, а отца—когда ему минуло десять лѣтъ. Богатый помѣщикъ, Чертаковъ, бывшій тогда уѣзднымъ предводителемъ, услыхалъ о бѣдномъ сиротѣ и взялъ его къ себѣ. Сначала его держали съ прислугой и очень мало о немъ заботились. Мальчику отъ всѣхъ доставалось. Вездѣ онъ былъ не на мѣ-

* См. *Русск. Вѣстн.* № 10.

стѣ; вездѣ его толкали. Но Аркадія не легко было пришибить. Ему достались по наслѣдству отъ отца упругость характера и хитрость. Мало-по-малу онъ обезоружилъ своихъ гонителей покорностію и чрезвычайною услужливостію. Часто въ его сердцѣ накипала злоба, но онъ усиленно и умѣючи сдерживался, а когда ужь злоба одолѣвала его, то онъ принимался пускать волчокъ и немилосердно хлесталъ его кнутомъ. Это упражненіе облегчало его, такъ что онъ опять могъ смиренно встрѣчать нападки неугомонной ключницы Авдотьи Васильевны. Онъ ласкался къ ней, льстилъ ей, и взялъ свое. Кончилось тѣмъ что онъ сдѣлался любимцемъ старухи, и всѣ гоненія прекратились. Авдотья Васильевна была важная особа въ домѣ, и всѣ боялись ея вражды и заискивали ея расположенія, а потому Аркашу стали баловать и прикармливать. Но уже мальчика занимали другіе замыслы; еслибъ онъ не хитрилъ такъ не по лѣтамъ чтобъ осуществить ихъ, то они дѣлали бы ему честь. При жизни отца онъ считался первымъ ученикомъ въ уѣздномъ училищѣ; тутъ же, въ чужомъ домѣ, онъ жилъ въ людской; его кормили, одѣвали, а больше о немъ богатый помѣщикъ не считалъ нужнымъ позаботиться. Это очень огорчало Аркадія, тѣмъ болѣе что покойный отецъ его бывало постоянно твердилъ ему: „учись, учись, Аркаша: тогда и въ люди выйдешь, и деньжонки наживешь". У Чертакова были три молоденькія дочери. Изъ нихъ старшая, баловень отца, кончила недавно воспитаніе въ пансіонѣ. Ее-то Аркадій избралъ себѣ въ заступницы. Онъ замѣтилъ что старикъ Чертаковъ никогда не перечилъ желаніямъ дочери, и постарался заслужить ея благосклонность. Когда они переѣхали на зиму въ Москву, бѣдный пріемышъ сдѣлался для нея необходимымъ человѣкомъ. Барышня пошлетъ его то съ запиской, то съ картонкой, и онъ съ величайшимъ усердіемъ исполнялъ всѣ ея приказанія. Мало-помалу Аркаша началъ пускаться въ откровенность: высказалъ свое желаніе учиться, свое неудовольствіе на прислугу и на положеніе свое въ домѣ, и сумѣлъ добиться полнаго успѣха. Его молодая покровительница выхлопотала у отца чтобъ его помѣстили въ гимназію, и изъ казачка онъ мало-по-малу попалъ въ члены семейства. Учился онъ отлично, но ни умъ, ни память, ни прилежаніе не доставили ему расположенія товарищей. У него ни въ гимназіи, ни послѣ въ университетѣ не

было ни одного друга. Онъ сумѣлъ, однако, устроиться такъ ловко что никто не обижалъ его. Какъ только онъ поступилъ въ гимназію, первою заботой его было ужиться съ главными сорви-головами и тѣмъ застраховать свою физіономію отъ шишекъ и синяковъ. Но сильные защитники его вступались за него не даромъ: Аркадій дѣлалъ за своихъ физически-вліятельныхъ товарищей письменныя работы. Въ свободное время онъ сидѣлъ уже не въ людской, а въ гостиной Чертаковыхъ, гдѣ часто собирались люди хорошаго общества, которыхъ привлекали умъ и любезность трехъ барышень. Часто шли разговоры умные и занимательные. Аркадій ко всему прислушивался, изъ всего извлекалъ себѣ пользу. Такъ онъ мало-по-малу достигъ тонкаго распознаванія людей, въ особенности женщинъ; забылъ онъ только изучить самого себя. Ни воспитаніе, ни общество не могли измѣнить въ немъ того слишкомъ положительнаго и чисто матеріальнаго стремленія которое еще покойный отецъ его возбудилъ въ немъ своими первыми совѣтами. Онъ тайно потѣшался надъ честными людьми, какъ надъ добродушными дураками созданными для того чтобы быть жертвами умныхъ людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ замѣтилъ какъ дѣйствуютъ благородныя идеи на людей не совсѣмъ испорченныхъ, а потому порѣшилъ что необходимо во всемъ казаться благороднымъ человѣкомъ, и игралъ эту роль такъ удачно что самъ себя обманывалъ и считалъ себя вполнѣ таковымъ, причемъ не забывалъ что самъ умнѣе другихъ, а потому совершенно въ правѣ пользоваться чужими промахами и тупоуміемъ. Уже въ гимназіи онъ успѣшно слѣдовалъ этому правилу: онъ никогда не тратилъ подаренныхъ денегъ, а пускалъ ихъ въ оборотъ, подъ залогъ. Однихъ только сильныхъ защитниковъ своихъ онъ одолжалъ безкорыстно; давалъ онъ также безпроцентно мальчикамъ изъ знатныхъ семействъ. За то, будучи студентомъ, онъ былъ принятъ въ лучшихъ московскихъ домахъ. Онъ не участвовалъ въ попойкахъ товарищей; его слабою стороною былъ прекрасный полъ, за которымъ ухаживалъ не безъ успѣха, но скромно таилъ свои побѣды и берегъ репутацію дамъ. При выходѣ изъ университета онъ предложилъ свои услуги Чертакову, и тотъ назначилъ его управляющимъ одного изъ своихъ имѣній. Аркадій Ѳедоровичъ предпочелъ для своихъ цѣлей частную службу. Онъ хотѣлъ поскорѣе нажить себѣ состояніе. Ему была знакома лѣнивая безпечность Чертакова, и

потому онъ сообразилъ что съ такимъ человѣкомъ не дурно имѣть дѣла. Пріѣхалъ онъ въ имѣніе со всѣми нужными полномочіями, но четыре мѣсяца ихъ не предъявлялъ, а жилъ тамъ подъ предлогомъ что хочетъ изучить хозяйство и предоставлялъ старому управляющему вести дѣла попрежнему. Такъ было у него условлено съ Чертаковымъ. Краснопольскій употребилъ этотъ срокъ на дѣятельное изученіе предстоявшихъ ему обязанностей, ѣздилъ по сосѣдямъ, разузнавалъ, разспрашивалъ мужиковъ, читалъ агрономическія книги и, собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія, объявилъ старику Богданычу, отъ имени помѣщика, отставку. Пошло все на новый ладъ, какъ въ баснѣ о лягушкахъ просившихъ о царѣ: послѣ чурбана явился журавль. Не то чтобъ онъ былъ жестокъ, но лѣниться не позволялъ; отъ его надзора ничто не ускользало. Мужики закрехтѣли; за то какъ обрадовался Чертаковъ когда вдругъ, по продажѣ хлѣба, получилъ четырьмя тысячами больше противъ прежнихъ годовъ. Онъ тотчасъ же прибавилъ жалованья новому управляющему и возымѣлъ къ нему безусловное довѣріе.

Хорошія отношенія между помѣщикомъ и управляющимъ продолжались лѣтъ восемь. Ударъ который разлучилъ его съ Чертаковымъ нанесла ему слабая рука женщины, которая не могла простить ему жестокой игры съ ея сердцемъ и приложила всѣ старанія и всю хитрость чтобы развѣдать о его грѣхахъ по управленію имѣніемъ. Она представила всѣ доказательства его недобросовѣстности Чертакову, и тотъ былъ такъ взбѣшенъ что немедленно разчиталъ Краснопольскаго. Но хитрый управляющій успѣлъ обезпечить свою будущность: онъ купилъ себѣ имѣніе за тридцать тысячъ и сдѣлался сосѣдомъ Акулиныхъ. Въ тотъ вечеръ когда мы его застали за стаканомъ чая, одно особенное обстоятельство сильно занимало его мысли. „Не понимаю“, думалъ онъ, „какъ это Акулина не воспользуется тѣмъ что прудъ Кутасовской мельницы на ея землѣ. У нихъ тамъ какія-то условія. Глупая баба ничего въ толкъ не возьметъ: ей бы стянуть сотень пять, а не то спустить прудъ; что бы сдѣлалъ тогда Кутасовъ?“

Размышленія Краснопольскаго были прерваны появленіемъ мальчика, который торопливо доложилъ что какой-то баринъ завернулъ на дворъ. Краснопольскій поспѣшно скрылся въ спальню, вмигъ сбросилъ съ себя халатъ и надѣлъ довольно

приличный домашній сюртукъ, застегнутый до верху. Едва окончилъ онъ свой туалетъ какъ вошелъ Александръ Акулинъ.

— А, это вы, милый сосѣдъ! Радъ васъ видѣть. Какъ поживаютъ всѣ ваши милыя дамы? спросилъ Краснопольскій съ участіемъ.

— Ничего, благодарю, отвѣчалъ отрывисто Александръ, усаживаясь на диванъ.

— Не могу забыть какъ пріятно провелъ я у васъ прошлое воскресенье, продолжалъ Краснопольскій любезно.

— Да развѣ можетъ быть весело въ такой глуши? замѣтилъ презрительно Александръ.

— Полноте, пожалуста, хандрить! Позволительно ли въ ваши годы глядѣть на все такъ мрачно? Вотъ мнѣ бы скорѣе можно было насупиться: здѣсь такъ все запущено, такъ много заботъ обо всемъ. Предшественникъ мой такъ сумѣлъ запутать себя и другихъ что прелесть; артистъ настоящій.

— Это дѣло не мудреное, всякій сумѣетъ.

— Вы говорите какъ человѣкъ опытный, поддразнивалъ Краснопольскій.

Александръ смутился немного и молчалъ.

Догадка мелькнула въ умѣ Аркадія Ѳедоровича: надо разъяснить это дѣло, подумалъ онъ.

— А сознайтесь, Александръ Ивановичъ, сказалъ онъ весело вслухъ,—вѣдь студенческіе нравы раззорительны для кармана? Я по крайней мѣрѣ горестно ощущалъ это когда былъ студентомъ.

Краснопольскій напрасно на себя клеветалъ: онъ всегда умѣлъ беречь копѣйку и отказывался отъ удовольствій какъ скоро они были раззорительны.

— А у васъ бывали долги? спросилъ Александръ съ большимъ участіемъ.

— Еще бы! Да я изъ нихъ не выходилъ! продолжалъ клеветать на себя Аркадій Ѳедоровичъ.—Непріятная штука, не правда ли? Разъ я чуть не утопился....

— Вы вѣрно въ карты проигрались? спросилъ Александръ быстро.

„Вотъ оно что!“ подумалъ Краснопольскій и сказалъ вслухъ: — Да, вы правы. Съ тѣхъ поръ ужь я зарекся и никогда не играю. А вы счастливы въ картахъ? повернулъ онъ ловко.

— Нѣтъ, напротивъ. Въ прошлую зиму меня познакомили въ домѣ гдѣ играютъ въ крупную игру; такъ вообразите, восемьсотъ рублей въ одинъ вечеръ спустилъ!

— Что жь, расплатились? спросилъ Краснопольскiй.

— Не удалось еще.

У Краснопольскаго разгорѣлись глаза.

„Кутасовская мельница моя!“ подумалъ онъ. — Однако ваше положенiе не завидное, замѣтилъ онъ вслухъ.— Вѣроятно съ васъ взяли вексель.

— Да, взяли, отвѣчалъ уныло студентъ.

— А матушка знаетъ?

— Не рѣшался сказать ей. Да вотъ посовѣтуйте что мнѣ дѣлать. Мнѣ бы лучше хотѣлось ничего ей объ этомъ не говорить. Быть-можетъ, найдется еще добрый человѣкъ готовый повѣрить мнѣ эту сумму.

„Ужь не я ли этотъ добрый человѣкъ?“ подумалъ Краснопольскiй.

— Я бы понемногу расплатился тѣми деньгами которыя мать мнѣ посылаетъ. А жить буду уроками.... Вѣдь живутъ же такъ люди.

— Нѣтъ, извините, эта жизнь вамъ покажется слишкомъ тяжелою. Вы опять соблазнитесь попытать счастье въ картахъ и хуже еще запутаетесь.

Въ эту минуту мальчикъ вошелъ съ чаемъ для Александра. Разговоръ прекратился, и во время паузы Аркадiй Өедоровичъ успѣлъ обдумать цѣлый планъ. Когда мальчикъ ушелъ, Краснопольскiй всталъ, положилъ руку на плечо Александра и сказалъ внушительно, съ благородствомъ:

— Соберитесь съ духомъ, и скрѣпя сердце сознайтесь во всемъ матери. Повѣрьте, такъ честнѣе и лучше. Подумайте какой ей будетъ ужасный ударъ если она обо всемъ узнаетъ случайно, со стороны.

— Это самое совѣтовала и Анна Николаевна вчера, сказалъ Александръ въ раздумьи.—Она узнала все отъ Кутасовыхъ и начала ко мнѣ приставать: „Сознайтесь матери и просите у нея прощенья; вотъ одно чѣмъ вы можете уменьшить свою вину“. Она такъ настойчиво этого отъ меня требуетъ что я боюсь показаться ей на глаза.

— Женщины ея разбора строго судятъ о нашихъ маленькихъ грѣшкахъ. Мущина смотритъ на нихъ снисходительнѣе;

однако и я совѣтую вамъ, какъ искренній другъ вашъ, открыться во всемъ Любови Петровнѣ.

— Знаете что̀, проговорилъ Александръ нерѣшительно,— объясните вы ей это дѣло. Терпѣть не могу сценъ....

— Вы отнимете у вашего признанія все нравственное достоинство если заставите говорить другихъ за себя. Развѣ повѣрятъ тогда вашему раскаянію? Одинъ звукъ вашего голоса, одинъ видъ вашъ можетъ обезоружить гнѣвъ вашей матушки.

Александръ молчалъ.

— Вотъ что̀, продолжалъ Краснопольскій, — поговорите съ ней завтра утромъ, а я пріѣду послѣ обѣда; можетъ-быть я буду въ состояніи сказать ей слова два въ утѣшеніе.

— То-есть что̀ же именно? спросилъ Александръ съ любопытствомъ.

— Хочу предложить ей выгодную сдѣлку. Надо сознаться вамъ, прибавилъ онъ вполголоса,—что охотно далъ бы вамъ тѣ деньги въ которыхъ вы нуждаетесь, но сохрани Богъ если объ этомъ узнаютъ! Мнѣ тогда отбою не будетъ отъ просителей. Я человѣкъ мягкаго нрава, не устою, я это ужь знаю. Стало-быть я вамъ денегъ взаймы не дамъ. Но я имѣю другое предложить вашей матушкѣ, о чемъ, впрочемъ, позвольте еще подумать немного... Утро вечера мудренѣе... Мнѣ нужно представить ей дѣло такъ чтобъ она не могла сомнѣваться въ моихъ добрыхъ намѣреніяхъ. А то, прибавилъ онъ смѣясь,—иногда у васъ сердце болитъ о чужомъ горѣ, вы хотите помочь, предлагаете выгодный исходъ, и васъ же заподозрятъ въ корыстныхъ видахъ.

Александръ протянулъ ему руку.

— Благодарю васъ, вы меня спасаете. Вашъ совѣтъ хорошъ... Вы правы, и я готовъ васъ послушаться, проговорилъ онъ въ волненіи.

Краснопольскій ловко перемѣнилъ разговоръ; онъ началъ разказывать про одинъ мнимый случай когда онъ былъ въ такомъ же затрудненіи. Начались разказы о студенческихъ продѣлкахъ, и Александръ повеселѣлъ. Было уже поздно когда онъ простился съ хозяиномъ и уѣхалъ въ восторгѣ отъ него. Но на слѣдующее утро онъ чуть снова не забылъ всѣ свои благія намѣренія. Одно только опасеніе что Красно-

польскiй могъ упрекнуть его въ безхарактерности заставило его исполнить свое рѣшенie.

— Я хочу поговорить съ матушкой вы знаете о чемъ, шепнулъ онъ Курбинской:—займите Наденьку чтобъ она тутъ не вмѣшалась.

— Я уведу ее гулять если хотите. Но, кажется, и ей бы не мѣшало объ этомъ сказать...

— Не сегодня, Анна Николаевна. На дняхъ я ей все разкажу, ей Богу!

— Какъ знаете. Прощайте. Благословляю васъ на доброе дѣло.

Обѣ дѣвицы отправились на сѣнокосъ. Александръ съ матерью остались наединѣ.

Любовь Петровна была внѣ себя. Но къ счастiю дѣвицы вернулись съ прогулки. Благодаря Аннѣ, Наденька знала что между ея братомъ и матерью идетъ объясненie, и потому она воздержалась отъ вопросовъ когда замѣтила взволнованное состоянie Любови Петровнѣ. Такимъ образомъ Любовь Петровна успѣла немного успокоиться, и когда послѣ обѣда прiѣхалъ Краснопольскiй она могла принять его съ обычнымъ радушieмъ.

— Позвольте удивить васъ неожиданнымъ извѣстieмъ, сказалъ Краснопольскiй Наденькѣ когда вернулся съ Акулиной изъ сада.

Наденька очень покраснѣла; она ничего не отвѣчала, но съ трепетомъ ждала объясненiя загадочныхъ словъ Краснопольскаго.

— Ваша маменька завтра уѣзжаетъ въ городъ, продолжалъ онъ.

— Зачѣмъ это? воскликнула Наденька, не въ силахъ скрыть своего разочарованiя.

— А такъ нужно. Дѣтямъ не все можно знать что̀ дѣлаютъ большie, поддразнивалъ онъ.

VII.

— Imaginez-vous, ma chère, говорила Любовь Петровна Аннѣ, — въ какое ужасное положенie поставилъ меня мой вѣтреный сынъ! Проигралъ восемьсотъ рублей! Какъ онъ мнѣ это сказалъ, просто у меня ноги подкосились.

Но что за дивный человѣкъ Аркадій Ѳедоровичъ! Еслибъ не онъ, то право не знаю какъ бы я уладила дѣло. Пріѣзжаетъ: „Что, говоритъ, вы, Любовь Петровна, такія разстроенныя?"—Да такъ, говорю, вотъ у меня какія дѣла.... и чуть истерика не сдѣлалась. „Знаете что, Любовь Петровна, уступите мнѣ вашъ лугъ около мельницы; я вамъ дамъ за него по восьмидесяти рублей съ десятины. Вѣдь вамъ эта земля не нужна, сѣна у васъ и такъ довольно, а продавать хлопотно, далеко возить. У вашихъ близкихъ сосѣдей луговъ довольно". Не могу сказать вамъ какъ я обрадовалась. Это тотъ самый лугъ на которомъ всегда потрава отъ Кутасовскихъ гусей и лошадей съ мельницы. Ѣду послѣ обѣда въ городъ съ Сашей и съ Аркадіемъ Ѳедоровичемъ совершить купчую. Вотъ ужь благороднѣйшій человѣкъ! Онъ это сдѣлалъ для того только чтобы помочь мнѣ въ бѣдѣ.

— Какое счастіе что вы напали на добраго человѣка! сказала Анна.

Мысленно она удивлялась какъ Любовь Петровна могла воспользоваться такимъ великодушіемъ Краснопольскаго. Ей казалось что онъ просто подарилъ ей эти деньги. Сердце ея радостно торжествовало. Ей казалось что она нашла въ поступкѣ Аркадія Ѳедоровича оправданіе своего влеченія къ нему, и перестала бороться съ своею любовью. Теперь у нея одна только была забота скрыть отъ всѣхъ это чувство.

Наденька между тѣмъ узнала обо всемъ отъ Александра. Поступокъ Краснопольскаго привелъ ее въ неописанный восторгъ: „Вотъ доказательство какъ онъ меня любитъ", думала она.—„Ужь какъ ему нужны деньги чтобъ устроиться, а онъ жертвуетъ такою значительною суммой для моего брата!" Ей очень хотѣлось разказать о катаньи на лодкѣ, но данное слово удержало ее. „Нѣтъ, докажу ему что я его стою и буду ему послушною женой."

Послѣ обѣда тарантасъ наконецъ увезъ Любовь Петровну и ея сына, въ виду всей собравшейся дворни. Обѣ барышни остались однѣ.

Скучно прошло для нихъ время одиночества, и та, и другая всѣми силами старалась скрыть свою сердечную тайну, а потому каждое слово взвѣшивалось, разговоръ былъ натянутый и безсвязный.

Если между этими двумя соперницами не было враждебныхъ чувствъ, то это потому что каждая считала себя счаст-

ливѣе другой и боялась выразить торжество которое могло бы возбудить ревность собесѣдницы. Наконецъ, на третій вечеръ, дождались пріѣзда Любови Петровны и Александра. Но обыкновенный домашній порядокъ, или, лучше сказать, безпорядокъ, не успѣлъ установиться, какъ Акулина снова оставила родную обитель, чтобы поѣхать съ Наденькой на богомолье, за двѣсти верстъ. Письмо Курбинской къ теткѣ лучше всего опишетъ что̀ было съ ней во время этого втораго ея одиночества въ Акуловкѣ. Вотъ оно:

„Мой лучшій другъ,

„Меня влечетъ писать къ тебѣ и высказать все отрадное и тяжелое что̀ пережила я со вчерашняго дня. Я уже писала тебѣ про Краснопольскаго, но я не говорила тебѣ что я его люблю... Да, люблю, какъ никогда не думала любить. Вотъ что̀ вчера было между нами:

„Я осталась почти одна въ домѣ... Любовь Петровна съ дочерью уѣхала на нѣсколько дней на богомолье и мѣсто почтенной особы въ домѣ занимаетъ одна противная старуха мелкопомѣстная; она мнѣ очень надоѣла, и я гляжу на нее какъ на неизбѣжное зло. Не могу же я остаться одна съ балованнымъ сынкомъ, о которомъ ты уже знаешь нѣсколько подробностей. Это значило бы отдать себя на съѣденіе злымъ языкамъ всего сосѣдства. Вотъ почему я терплю общество Пелагеи Калистратовны, и даже любезна съ ней. Въ первый день послѣ отъѣзда Наденьки и ея матери, то-есть вчера, я сидѣла на балконѣ одна съ своею старухой, которая дремала за чулкомъ. Александръ Ивановичъ уже до обѣда уѣхалъ къ Кутасовымъ.

„Пріѣзжаетъ Краснопольскій. Я приняла его вѣжливо, но холодно; мнѣ не хотѣлось чтобъ онъ прочелъ на лицѣ моемъ желанье оставаться съ нимъ наединѣ. Онъ остановился у входа, поклонился мнѣ и проснувшейся Пелагеѣ Калистратовнѣ и проговорилъ тихо, даже съ замѣтною робостью: „Я „пріѣхалъ навѣстить Александра Ивановича, но слышу что „онъ уѣхалъ. Не знаете ли вы когда онъ вернется?“

„Я поздоровалась съ нимъ и отвѣчала что Акулинъ хотѣлъ вернуться къ чаю. Тутъ же я предложила ему посидѣть съ нами и дождаться его. Аркадій Ѳедоровичъ казалось колебался. Эта черта мнѣ понравилась. Въ ней такъ мило высказывались твердыя правила этого благороднаго человѣка. Другой, увидавъ себя наединѣ, или почти наединѣ, съ молодою

дѣвушкой, въ особенности же съ беззащитною компаніонкой, принялъ бы самоувѣренный тонъ и началъ бы разсыпаться въ пошлыхъ любезностяхъ. Но я съ перваго взгляда чувствовала что опасаться нечего, что Краснопольскій слишкомъ хорошо умѣетъ отличать порядочныхъ женщинъ, и всякое чувство неловкости у меня исчезло. Я начала о чемъ-то спокойно разговаривать и съ удовольствіемъ замѣтила что и его робость понемногу исчезаетъ. Онъ сталъ разспрашивать меня съ участіемъ о моихъ занятіяхъ, спросилъ люблю ли я музыку, и почему онъ никогда не слыхалъ моей игры. Я созналась что мнѣ не доставляетъ удовольствія играть на такомъ плохомъ инструментѣ, хотя я и люблю музыку. „Кажется можно будетъ устроить это“, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. „Вчера мнѣ сказали что здѣсь въ уѣздѣ продаютъ „порядочное фортепіано. Я хотѣлъ его купить для себя, „потому что люблю поиграть въ свободные часы. Но скоро у „меня въ домѣ пойдутъ перестройки и некуда будетъ дѣвать „ихъ; а потому я попрошу Любовь Петровну взять фортепіано „къ себѣ. Надѣюсь что вы меня не лишите удовольствія иногда „послушать васъ.“ Мы разговорились о музыкѣ. Ему не нравятся легкіе мотивы, онъ болѣе любитель серіозной музыки. Въ ней, говоритъ онъ, открывается для истиннаго любителя цѣлый волшебный міръ, и вездѣ, въ чудныхъ аккордахъ и переходахъ, является ему душа человѣческая съ ея страданіями и радостями, воплями и ликованіями.

„Мы такъ увлеклись разговоромъ что даже не замѣтили какъ заснула наша старуха. Мы пошли съ Краснопольскимъ въ садъ и продолжали разговаривать гуляя взадъ и впередъ все по одной аллеѣ.

„— Какое счастье для меня, сказалъ между прочимъ Краснопольскій,—что я могу хоть изрѣдка поговорить съ вами. Но сознаюсь, мнѣ всегда тяжело видѣть какъ вы тутъ не на мѣстѣ въ этой жалкой средѣ. Пріѣзжаю я всякій разъ въ надеждѣ отвести съ вами душу, но напрасно: вся семья какъ нарочно старается мѣшать нашему разговору и лишаетъ его всей занимательности. Неужели вы, Анна Николаевна, съ вашимъ умомъ, не въ силахъ выйти изъ такого невыносимаго положенія? Каково же вамъ молча выслушивать всякія нелѣпости. Вы не повѣрите какъ я страдаю за васъ.

„— Благодарю за участіе! Но кромѣ терпѣнія тутъ, кажется, ничего не поможетъ.

„— Не говорите такъ, прошу васъ. Терпѣнiе, это философiя слабыхъ. Неужели вы не стараетесь найти средства какъ бы освободиться отъ такой зависимости?

„— Не спорю что было бы прiятнѣе жить хозяйкою, но если судьба назначила мнѣ смиренную долю, то моею заботой должно быть такъ строго исполнять всѣ свои обязанности чтобы нельзя было отказать мнѣ въ уваженiи.

„— Уважаю вашъ образъ мыслей, но жалѣю что вы такъ слѣпо повинуетесь разнымъ общественнымъ условiямъ, придуманнымъ вовсе не для васъ, а для женщинъ дюжинныхъ.

„— Что̀ вы хотите сказать?

„— Прежде чѣмъ разъяснить вамъ свою мысль, я позволю себѣ одинъ вопросъ. Я бы его не сдѣлалъ еслибы не зналъ что вы во всякомъ случаѣ сумѣете отвѣчать съ полною искренностью.

„— Говорите, я лгать не стану.

„— Смѣю ли я надѣяться что разговаривать со мной вамъ не слишкомъ непрiятно?

„— Замѣтили ли вы когда-нибудь чтобъ я старалась избѣгать обмѣна мыслей съ вами?

„— Нѣтъ, вы такъ были вѣжливы что всегда старались поддерживать разговоръ.

„— Я не стѣсняюсь настолько свѣтскими приличiями чтобы выражать удовольствiе тамъ гдѣ не чувствую его. Вотъ вамъ мой отвѣтъ.

„Глаза Краснопольскаго блеснули радостью. Онъ молча поклонился и продолжалъ:

„— Теперь я въ правѣ сказать что̀ хотѣлъ. Вы не можете вообразить, Анна Николаевна, какъ безцѣненъ для меня обмѣнъ мыслей съ вами! Послѣ каждаго нашего разговора будто оживаетъ часть утраченныхъ хорошихъ чувствъ моей молодости. Мнѣ такъ становится хорошо, отрадно, будто старые друзья опять ко мнѣ вернулись. Какъ же послѣ этого не пожалѣть что вы такъ строго подчиняетесь свѣтскимъ приличiямъ что даже ни разу не дали мнѣ случая встрѣтить васъ одну во время прогулки? Подумайте, можетъ ли въ такихъ встрѣчахъ быть что-нибудь предосудительнаго? Можетъ ли совѣсть ваша возстать противъ добраго дѣла? Не смѣю вамъ говорить всего что̀ у меня на душѣ: я еще не чувствую себя достойнымъ вашего расположенiя. Но протяните мнѣ свою руку, помогите мнѣ смыть съ сердца всю эту плесень,

всѣ эти мелкія эгоистическія стремленія, тогда можетъ-быть я сдѣлаюсь достойнѣе....

„Онъ говорилъ съ жаромъ; его прекрасные глаза горѣли любовью и нѣжностью. Съ какимъ чувствомъ слушала я его признаніе! Сердце мое сильно билось.... мнѣ хотѣлось вскрикнуть отъ радости, броситься ему на шею.... Но вдругъ нашло на меня раздумье. Чего онъ отъ меня требуетъ? тайныхъ свиданій? Могу ли я на это согласиться?... После минутной паузы, я оправилась настолько что могла отвѣтить ему:

„— Мнѣ кажется что роль учителя принадлежитъ не мнѣ.... Не стану скрывать что ваше общество для меня большая отрада, и если намъ представится случай поговорить съ вами о томъ что̀ намъ близко, я этому очень буду рада. Но я никогда не соглашусь на поступокъ который нужно будетъ скрывать отъ свѣта. Могу ли я открыто сказать здѣсь въ домѣ: сегодня я встрѣчусь въ полѣ съ Аркадіемъ Ѳедоровичемъ? Согласитесь что это покажется страннымъ, насъ никто не пойметъ. Моя гордость возмущается при мысли что меня могли бы принять за легкомысленную женщину. Зачѣмъ мнѣ обманывать людей, краснѣть предъ ними и предъ собою? Я иногда не прочь идти наперекоръ общепринятому. Но поступать такъ чтобы меня могли заподозрить въ дурномъ, этого я не желаю.

„Должно-быть мои слова очень оскорбили его самолюбіе. Лицо его мгновенно приняло такое нехорошее выраженіе что я испугалась. Онъ весь вспыхнулъ и съ минуту помолчалъ. Потомъ чуждое ему непріятное выраженіе исчезло, и онъ грустно, съ легкимъ оттѣнкомъ горечи, сказалъ:

„— Простите меня, я былъ слишкомъ дерзокъ. Я наказанъ за свою нескромность и самонадѣянность... Я разчитывалъ на большее расположеніе съ вашей стороны....

„Онъ замолчалъ, потомъ поклонился и хотѣлъ идти.

„— Аркадій Ѳедоровичъ, воскликнула я, — мы такъ съ вами не разстанемся! Вы оскорбились моими словами, но скажите что̀ же въ нихъ обиднаго?

„— Я надѣялся видѣть въ васъ хоть немного теплаго чувства, но ошибся.... Вы дали урокъ моему самолюбію. Онъ снова поклонился и вышелъ прежде чѣмъ я успѣла что-нибудь возразить.

„Я была поражена.... Мнѣ стало ясно что онъ хотѣлъ испытать до чего доходитъ мое расположеніе къ нему. Моя

холодность оскорбила его. Онъ думалъ что я рѣшусь на жертву, и былъ глубоко пораженъ моимъ отказомъ. Сколько счастья и сколько горя въ нѣсколько минутъ! Неужели я лишилась его навсегда! думала я съ невыразимою горестью. Мнѣ хотѣлось громко зарыдать, но я не легко нахожу слезы; за то я страдаю можетъ-быть больше другихъ которыя могутъ выплакать свое горе. Потомъ меня брала досада какъ онъ могъ разсердиться когда я поступила какъ слѣдуетъ честной дѣвушкѣ? Я не могла себя ни въ чемъ упрекнуть. Еслибъ онъ и теперь мнѣ повторилъ свою просьбу, я бы отвѣчала точно такъ же. Я сознавала себя правою, и это меня поддерживало. Можетъ-быть онъ опомнится когда въ состоянiи будетъ спокойно обдумать мои слова и лучше понять меня. А если онъ не сдѣлаетъ ни одного шага къ нашему примиренiю, тогда что̀?... О, когда я подумаю что это возможно, я даже жалѣю что была права! Будь я виновата, я могла бы сдѣлать первый шагъ и мы бы снова стали друзьями. Теперь же я должна томиться и ждать опомнится ли онъ, или между нами уже все кончено....

Ты одна только, милый другъ мой, останешься моею отрадой. Отвѣчай мнѣ скорѣй. Я такъ желаю знать твое мнѣнiе.... Увы, отвѣтъ твой дойдетъ до меня только черезъ три недѣли, а сколько тяжелыхъ минутъ могу я еще пережить въ это время! Помолись за меня, безцѣнный другъ! Мнѣ самой что-то теперь тяжело молиться.... я больна душой!

„Обнимаетъ тебя
„Твоя Анна.“

VIII.

Былъ теплый iюльскiй вечеръ. Уже совсѣмъ стемнѣло. Въ окнахъ Акулинскаго дома свѣтились огоньки. Безмолвная тишина покрывала деревню. Крестьяне, утомленные жнитвомъ, спали и только около господскаго дома продолжалась у воротъ бесѣда дворовыхъ людей. Изрѣдка раздавался лай собаки. Вдали звонко кричалъ коростель. Свѣжiй запахъ спѣлой ржи разносился въ тепломъ воздухѣ. Изъ открытыхъ дверей балкона долетали чистыя ноты довольно хорошаго инструмента. Вотъ вдали послышался конскiй топотъ; онъ вдругъ замолкъ. Въ то же самое время кто-то въ свѣтломъ платьѣ вышелъ на

балконъ, спустился въ садъ и направился къ рѣкѣ. Что-то торопливо дѣтское въ походкѣ изобличало очень молодую дѣвушку. Она робко оглядывалась на всѣ стороны. Наконецъ она была на берегу рѣки, отвязала лодку, сѣла въ нее и отталкиваясь однимъ весломъ переѣхала къ другому берегу. Около самаго мѣста гдѣ она пристала, поднялась изъ-за куста высокая, фигура мущины. Дѣвушка вздрогнула и слегка вскрикнула, но тотчасъ опомнилась и проговорила поспѣшно:

— Скорѣй въ лодку, здѣсь насъ увидятъ!

На этотъ разъ мущина взялся за весла, и чрезъ полминуты они снова пристали къ берегу сада, привязали лодку и пошли по крытой зеленымъ сводомъ липовой аллеѣ.

— Милая Наденька, прошепталъ Аркадій Ѳедоровичъ, обнявъ дрожавшую дѣвушку,—благодарю тебя за твою любовь. Какъ я радъ что наконецъ намъ удается побывать вмѣстѣ безъ свидѣтелей! А ты навѣрное знаешь что намъ никто не помѣшаетъ?

— Маменька заперлась въ свою комнату съ прикащикомъ и пишетъ счеты, а Анна Николавна только-что сѣла за фортепіано и раньше часа ужь вѣрно не перестанетъ играть.

Краснопольскій нѣжно поцѣловалъ ея руку:

— И ты не побоялась придти ко мнѣ въ потьмахъ?

— Боялась, Аркадій. Мнѣ было очень страшно когда тебя не было; но теперь я ничего не боюсь. Да если кто и застанетъ, что̀ за бѣда? Вѣдь мы женихъ съ невѣстой.... Скоро намъ можно и предъ людьми показать что мы другъ друга любимъ.

Головка Нади склонилась къ его плечу. Въ позѣ и словахъ ея столько было дѣтской довѣрчивости что обольстителя будто что-то остановило; но совѣсть въ немъ не надолго заговорила.

— Да, безцѣнный другъ, скоро ничто насъ не разлучитъ. Но зачѣмъ намъ все мечтать о будущемъ когда намъ теперь такъ хорошо? Зачѣмъ желать знойнаго дня когда утренняя зоря такъ прекрасна? Не находишь ли ты особенной прелести въ свиданьяхъ нашихъ именно потому что никто про нихъ не знаетъ?

— Нѣтъ, Аркадій, по мнѣ бы лучше не прятаться. Мнѣ все кажется что я дурно поступаю.

— Дитя, сказалъ Краснопольскій, цѣлуя ее.—А что подѣлываетъ Анна Николавна? спросилъ онъ вдругъ.

— Да ничего особеннаго. Такая же важная и рѣшительная какъ всегда.

„Неужели она не жалѣетъ о нашемъ мнимомъ разрывѣ? думалъ Краснопольскій. Неужели я въ ней ошибся и она совершенно равнодушна? Нѣтъ, не думаю; ея умоляющій взглядъ въ тотъ день при прощаніи моемъ говорилъ другое.“

— А знаешь что, Аркадій, сказала вдругъ Наденька, какъ бы въ отвѣтъ на его мысли,—мнѣ кажется что Анна Николавна въ тебя влюблена.

— Что ты, моя голубка! Ты воображаешь всѣхъ влюбленными въ меня, потому что я нравлюсь тебѣ.

Въ голосѣ Краснопольскаго строгій наблюдатель замѣтилъ бы сдержанное волненіе. Глаза его устремились пытливо на Наденьку.

— Она тебя любитъ, это вѣрно, повторила настойчиво Наденька.—Не сумѣю сказать почему именно это я угадала. Но напримѣръ, когда говорятъ про тебя, ей будто дѣлается неловко, она краснѣетъ и все избѣгаетъ тебя называть. О, я вовсе не такой ребенокъ! Меня не такъ легко провести.

Глаза Краснопольскаго блеснули надеждой: что ежели она права? Вѣдь у женщинъ тонкое чутье, думалъ онъ.

— А что, сказала Наденька весело,—вдругъ ты измѣнишь мнѣ? А?

Она лукаво взглянула на него и положила ему на плечи свои маленькія руки.

Поза ея была такъ граціозна и кокетлива что Краснопольскій могъ только отвѣтить нѣсколькими поцѣлуями.

— Какъ бы мнѣ не запоздать, проговорила вдругъ Наденька.—Кажется пора отвезти тебя обратно. А завтра ты сюда будешь?

— Непремѣнно, душа моя, сокровище мое! Но если мнѣ что помѣшаетъ, то я днемъ къ вамъ пріѣду и опять положу записку въ твой рабочій ящикъ. А ты сжигаешь мои записки? спросилъ онъ вдругъ съ безпокойствомъ.

— Да, какъ только можно это незамѣтно сдѣлать. Но мнѣ жаль уничтожать ихъ.... Вотъ видишь, однако, какая я послушная! Я такъ увѣрена что ты лучше меня знаешь какъ поступать... Вѣдь я еще такъ глупа и неопытна.

— Ты мила и прелестна! Такъ ты меня гонишь? Ну, нечего дѣлать, надо повиноваться!

Они спустились внизъ къ лодкѣ и вскорѣ пристали къ противоположному берегу. Тутъ послѣдовало нѣжное прощанье. Наденька вернулась съ лодкой и начала прислушиваться. Минутъ чрезъ пять раздался отдаленный конскій топотъ, потомъ все стихло. Дѣвушка въ раздумьи направилась къ дому, вошла въ комнату и усѣлась за работу, какъ будто ни въ чемъ не бывало. Анна все еще играла, а Любовь Петровна занималась своими счетами.

Между тѣмъ гнѣдая лошадь со стройнымъ красивымъ всадникомъ скакала въ направленіи къ Благовѣщенскому, имѣнію Краснопольскаго.

Любопытно заглянуть въ сердце человѣка который такъ хладнокровно и искусно, какъ опытный шахматный игрокъ, сводилъ съ ума бѣднаго ребенка. Онъ это дѣлалъ безо всякаго увлеченія, такъ, по старой привычкѣ. Онъ хотѣлъ любоваться милыми наивными выходками влюбленной дѣвушки, видѣть ее нѣжною, заботливою, любящею. Это его забавляло какъ забавляютъ скачки, охота, рыбная ловля. Мысли его теперь, впрочемъ, были заняты не Наденькой. Онъ думалъ о томъ что̀ Наденька ему сказала про Анну. Неужели это справедливо? думалъ онъ. Какъ она ловко умѣетъ скрывать свои чувства! А какою она глядитъ мраморною статуей. О, еслибъ она любила!... Что̀ жь тогда?... Ну, хорошо, любитъ; такъ развѣ она поддастся какъ Наденька? Онъ вспомнилъ разныя хитрыя уловки удавшіяся съ другими женщинами, но все это было непримѣнимо къ Аннѣ. Какъ въ самомъ дѣлѣ приступиться къ такой женщинѣ которая не соглашается ни на какой обманъ?

„Буду съ ней холоденъ еще нѣсколько дней, потомъ вдругъ явлюсь влюбленнымъ рыцаремъ. Она такъ обрадуется что̀, вѣроятно, забудетъ осторожность. Только бы довести ее до небольшаго уклоненія отъ ея строгихъ правилъ, тогда она моя, не вывернется! Признаюсь, съ такою щепетильною барышней не приходилось еще имѣть дѣла. А вѣдь очень привлекательна когда оживляется... Мнѣ скучно безъ нея.“

Несговорчивость Анны сильно его задѣла. Послѣ свиданія ихъ, въ отсутствіи Акулиныхъ, онъ былъ оскорбленъ и раздосадованъ. Потомъ понемногу онъ понялъ всю твердость характера молодой дѣвушки и почувствовалъ непреодолимое

желанiе переломить ея упорство. Онъ съ самаго того дня былъ самъ не свой. Мысли его безпрестанно были заняты странною дѣвушкой которая не слушалась голоса любви.

Переписка съ Наденькой служила ему только развлеченiемъ. Онъ почти жалѣлъ о томъ что затѣялъ съ ней одну изъ своихъ привычныхъ любовныхъ интригъ, потому что опасался неосторожности съ ея стороны.

„Только бы мнѣ удалось съ нею развязаться вóвремя и безъ скандала, думалъ онъ.—Да что̀ я впрочемъ хлопочу? Что̀ мнѣ до этой дѣвицѣ? Богъ съ ней, съ ея восторженными чувствами!"

Но онъ не могъ отдѣлаться отъ постоянныхъ мыслей о холодной красавицѣ которая ему такъ досадила.

„Странная дѣвушка", размышлялъ онъ, „стóитъ посмотрѣть на нее чтобы понять что по достоинству она занимаетъ первое мѣсто въ домѣ. А кажется положенiе компаньонки довольно скромное, и она никогда не уклоняется отъ разныхъ мелкихъ обязанностей которыя на нее возложены. Но чѣмъ бы она ни занималась, она въ каждомъ движенiи остается царицей, и будто только изъ милости исполняетъ такiя неподходящiя къ ней обязанности. Нужно много ума и такту чтобы такъ себя поставить. Всѣ предъ нею благоговѣютъ и ее слушаются. Какъ бы она расцвѣла еслибъ была поставлена на своемъ мѣстѣ! Это была бы одна изъ первыхъ красавицъ. Худоба и блѣдность все портятъ. Придайте ей полноты и свѣжести, и это была бы восхитительная женщина!"

Волнуясь такими мыслями, Краснопольскiй погонялъ лошадь и самъ не замѣтилъ какъ прискакалъ къ себѣ на дворъ. Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ по комнатѣ, все придумывая какъ бы повидаться съ Анной наединѣ. Она была такъ поставлена въ домѣ что малѣйшее отсутствiе ея могло быть замѣчено. Притомъ свиданье это должно казаться ей случайнымъ.

Краснопольскiй много ждалъ отъ этой встрѣчи. Открытiе Наденьки, которому онъ повѣрилъ, представляло ему возможность дѣйствовать рѣшительно. Мало-по-малу всѣ его сомнѣнiя исчезли, и онъ все болѣе убѣждался что гордая красавица любила его. Наденька, впрочемъ, подтвердила только собственныя его догадки. Еслибъ ему удалось довести Анну до признанья, это была бы самая трудная и блистательная

изъ его побѣдъ. Одна мысль о такой возможности ускоряла его пульсъ.

„Удастся", порѣшилъ онъ. „Ты будешь моею, потому что я въ самомъ дѣлѣ люблю тебя!"

Да любовь, любовь страстная незамѣтно овладѣла всѣмъ существомъ его. Оттого ли она явилась что вдругъ онъ встрѣтилъ неудачу, вмѣсто легкаго торжества, но только дикій звѣрь проснулся въ немъ. Яростно, неугомонно рвался онъ изъ клѣтки и требовалъ жертвы.

IX.

Не удивительно что Краснопольскій спалъ дурно. Но не спалось также и бѣдной Наденькѣ: она была слишкомъ счастлива! „Какъ долго еще до вечера!" вздыхала она. „Боже мой, дождусь ли я девяти часовъ?" Подчасъ ей становилось не ловко. Стыдно какъ-то было обманывать мать и домашнихъ. Но этого внутренняго голоса она не слушалась и заглушала его разными софизмами: „онъ не станетъ требовать отъ меня дурнаго", утѣшала она себя. „Если онъ хочетъ чтобъ я молчала и таилась, то видно такъ нужно."

Утромъ, когда обѣ дѣвушки занимались вмѣстѣ чтеніемъ, пріѣхалъ старикъ Кутасовъ. Онъ глядѣлъ угрюмо и поклонился разсѣянно.

„Мамаша дома?" спросилъ онъ отрывисто Надю.—„Мнѣ непремѣнно нужно съ ней поговорить".

Любови Петровнѣ тотчасъ же доложили о его пріѣздѣ.

— Ужь не взыщите, милый сосѣдъ, обратилась она съ ужимкой къ Кутасову,—что я къ вамъ являюсь въ своемъ утреннемъ неглиже.

Кутасовъ отвѣчалъ только сухимъ поклономъ.

— Давно ли вы вернулись, батюшка мой? Вѣдь вы, говорятъ, ѣздили въ имѣніе князя Ветлыгина для описи....

— Вчера пріѣхалъ. А вы тутъ безъ меня какія дѣла творите? А? Ну, признаюсь, не ожидалъ, надѣялся что по крайней мѣрѣ вспомните нашу долголѣтнюю дружбу.

Любовь Петровна такъ и обомлѣла.

— Что̀ вы, Христосъ съ вами! За что̀ это вы такъ сердитесь на меня?...

— А вотъ за что̀, сударыня; вы продали безъ моего вѣдома

луга около моей мельницы, отдали меня во власть этого франта? Кто его знаетъ зачѣмъ ему такъ понадобился этотъ клочокъ земли? Не даромъ же онъ такъ дорого за него далъ. Вѣдь кажется ясно что онъ хочетъ какъ-нибудь прижать меня.

Нельзя описать глубокаго негодованiя всѣхъ присутствовавшихъ.

— Чтò вы, чтò вы! опомнитесь, Никаноръ Семеновичъ! воскликнула Любовь Петровна:—Какъ это можно заподозрить такого человѣка какъ Аркадiй Өедоровичъ! Да это просто святой! Еслибы не онъ, то Саша бы ввелъ насъ въ такую бѣду что не приведи Господи!

— Полноте пожалуста, Любовь Петровна! Я бы вамъ далъ столько же за эту землю еслибы вы сказали мнѣ что хотите ее продать. Только бы она не доставалась этому мерзавцу.

Анна поблѣднѣла какъ полотно.

— Вы не имѣете права такъ оскорбительно отзываться о человѣкѣ о которомъ мы ничего кромѣ хорошаго не знаемъ, проговорила она голосомъ дрожавшимъ отъ волненiя.

— Вы, сударыня, слишкомъ молоды: гдѣ вамъ судить людей? А мнѣ такъ разные попадались на своемъ вѣку, и говорю вамъ, вотъ помяните слова мои, это пройдоха! Я встрѣтился у князя Ветлыгина съ однимъ помѣщикомъ О...ской губернiи, гдѣ Краснопольскiй прежде былъ управляющимъ, такъ тотъ знаетъ про него исторiи такiя что уши вянутъ.

Наденька вскочила съ мѣста.

— Не можетъ быть! Это самый благородный, честный человѣкъ! воскликнула она:—Кто вамъ это сказалъ, тотъ вѣрно какой-нибудь завистникъ или самъ обманщикъ!

— Ахъ вы барыни, барыни! Ну есть ли въ васъ послѣ этого хоть на каплю здраваго смысла! продолжалъ старикъ.— Прiѣзжаетъ сюда какой-то смазливый франтъ, Богъ вѣсть откуда, Богъ вѣсть кто, наговоритъ вамъ разныхъ любезностей, обморочитъ васъ, а вы и рады—и такой-то онъ голубчикъ, и совершенство, и благодѣтель! Тьфу ты пропасть.—И старикъ даже плюнулъ съ досады.

— Послушайте, Никаноръ Семеновичъ, начала важно Любовь Петровна,—чтò вы, право, какъ расходились? Развѣ у васъ есть какiя доказательства что Аркадiй Өедоровичъ хочетъ васъ прижать?

— Да чего вамъ еще? Какiя вамъ еще доказательства?

Я какъ услыхалъ вчера о вашей продажѣ проклятой, сейчасъ къ нему, предлагаю ему купить у него за ту же цѣну и заплатить за купчую. Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ,—я продавать не намѣренъ, а впрочемъ, если дадите тысячу, такъ извольте. Вѣдь вотъ натура какая жидовская.

— Если онъ не хочетъ продавать этихъ луговъ, такъ вѣрно у него свои хозяйственные разчеты, вотъ и все!

— Въ томъ-то и бѣда что онъ хочетъ меня обобрать. Вотъ у него какіе хозяйственные разчеты! Спасибо вамъ, Любовь Петровна: отдали долголѣтняго друга въ его когти! А вы развѣ забыли какое у насъ было условіе съ вашимъ покойнымъ мужемъ насчетъ тѣхъ самыхъ луговъ? У меня его письменное обѣщаніе что ни онъ, ни наслѣдники его не станутъ продавать этой земли безъ моего дозволенія. Я непремѣнно разстрою все это дѣло, уничтожу эту незаконную купчую и подамъ прошеніе на васъ въ судъ. Я не успокоюсь пока вы не вернете Краснопольскому денегъ, а онъ вамъ не отдастъ луговъ. Да еще за купчую заплатите, вотъ что̀!

Слова эти сильно подѣйствовали на Любовь Петровну. Она вдругъ вспомнила что дѣйствительно было какое-то условіе насчетъ этого клочка земли. Это обстоятельство совершенно вышло у нея изъ головы. Ей не приходило на умъ что продажа луговъ могла касаться кого бы то ни было, кромѣ нея и покупщика. Пока она считала себя правою, запальчивость старика не нарушала ея хладнокровія; но когда она поняла что онъ въ правѣ быть недовольнымъ и ей представились въ перспективѣ расходы, кротость ее покинула, и она отвѣтила раздраженнымъ тономъ:

— Покорно васъ благодарю! Затѣять тяжбу!... Этого еще не доставало! А изъ-за чего, спрашиваю васъ? Вѣдь забралъ же себѣ въ голову что непремѣнно хотятъ его обидѣть. По себѣ, видно, стали всѣхъ судить, батюшка Никаноръ Семеновичъ. Вамъ ничего не стоитъ придти къ безпомощной вдовѣ да наговорить ей Богъ вѣсть чего! Вотъ на что̀ вы способны.

Старикъ вскочилъ въ изступленіи и хотѣлъ что-то сказать, но не могъ, и бросился вонъ изъ дверей. Отступленіе это совершилось не совсѣмъ удачно, потому что онъ чуть не упалъ, споткнувшись черезъ вышитую скамейку и опрокинулъ столикъ. Выбѣжавъ на крыльцо, онъ кликнулъ кучера и уѣхалъ

безъ проводовъ. Такъ поссорились давнишнiе друзья и сосѣди. Любовь Петровна долго не могла придти въ себя. Она, красная какъ ракъ, ходила по комнатамъ, отъ времени до времени выпивала стаканъ воды и бранила Кутасова съ ожесточенiемъ.

Анну тяготила вся эта сцена до нельзя. Негодованiе ея главнымъ образомъ пало на Кутасова, за то что онъ могъ высказать такiя нелѣпыя обвиненiя на человѣка, по ея мнѣнiю, достойнаго всякаго уваженiя, и пятнать его доброе имя.

Тысячи доводовъ приходили ей на умъ для оправданiя Краснопольскаго. Нѣтъ такого искуснаго адвоката какъ любящая женщина. Если ей хотятъ открыть глаза и показать несовершенства любимаго человѣка, то она и слѣпа, и глуха, и упорна, такъ что доводитъ до отчаянiя добраго человѣка кто хочетъ вразумить ее.

Негодовала также и Наденька, но она глядѣла на все это какъ на забавное происшествiе. Она смѣялась когда вспомнила опрокинутый столъ и удачно представляла какъ Кутасовъ горячился и выбѣжалъ точно сумашедшiй.

Пришелъ Александръ съ прогулки и, узнавъ о случившемся, очень жалѣлъ что его тутъ не было, въ полной увѣренности что онъ сумѣлъ бы непремѣнно задобрить старика. Онъ боялся какъ бы эта ссора не лишила его удовольствiя бывать у Кутасовыхъ и увиваться около Софьи Васильевны, которая благосклонно выслушивала его влюбленныя рѣчи. Онъ храбро защищалъ претензiи Кутасова, и чуть не подвергся гнѣву барышень когда сталъ оправдывать и объяснять недовѣрiе старика къ Краснопольскому. Однакожь Александръ добился того что мать приняла его посредничество.

— Поѣду сегодня же къ Кутасовымъ, объявилъ онъ положительнымъ тономъ дѣловаго человѣка.—Не дурно было бы Наденькѣ и Аннѣ Николаевнѣ ѣхать со мною. Онѣ бы помѣшали дамамъ тутъ вмѣшаться, а то съ этою старою трещеткою Кутасовой ничего не подѣлаешь; она все будетъ молоть свое, говори ей что̀ хочешь.

Александръ и тутъ остался побѣдителемъ; предложенiе его было принято; только рѣшили что лучше отложить поѣздку до другаго дня и дать Кутасову время поуспокоиться.

— Не съѣздить ли мнѣ къ Аркадiю Ѳедоровичу? Надо же узнать что̀ у него на умѣ, зачѣмъ онъ не хочетъ продавать свои луга, продолжалъ Александръ. Онъ съ нѣкоторымъ

удовольствіемъ прислушивался къ собственнымъ словамъ; онъ любовался своимъ тонкимъ дипломатическимъ тактомъ. Впрочемъ соображенія эти оказались лишними; послѣ обѣда Краснопольскій пріѣхалъ самъ.

Любовь Петровна разказала ему, со всѣми необходимыми ménagements, о непріятной ссорѣ съ Кутасовымъ и о странномъ заблужденіи его насчетъ какихъ-то коварныхъ замысловъ Краснопольскаго.

— Что ему въ голову пришло! воскликнулъ тотъ со смѣхомъ.—Надо будетъ успокоить старика, а то съ нимъ, пожалуй, сдѣлается желчная горячка. Я сдѣлаю ему предложеніе которымъ онъ непремѣнно останется доволенъ. Мнѣ хочется на десять лѣтъ взять въ аренду эту же самую мельницу за которую онъ такъ дрожитъ; я дамъ ему такую цѣну что онъ съ радостью согласится.

— Какая же вамъ будетъ выгода такъ дорого платить? спросила простодушно и очень разумно Любовь Петровна.

— А вотъ видите: все зависитъ отъ того какъ кто хозяйничаетъ. Я надѣюсь устроить эту мельницу такъ что она дастъ мнѣ вдвое, увеличу число поставовъ, буду держать тамъ побольше птицы, которой кормъ мнѣ ничего почти не будетъ стоить, а главное не стану чинить плотины въ то время когда больше всего помолу, какъ дѣлается у Кутасова. У насъ все откладываютъ въ долгій ящикъ; еслибы кто потрудился написать сколько отъ этого бываетъ ежегоднаго убытку въ Россіи, то сумма привела бы всѣхъ въ ужасъ.

— Вотъ человѣкъ! восторгалась Любовь Петровна.—Счастлива мать которая выдастъ за васъ свою дочь!

Любовь Петровна была такъ наивна что считала эту послѣднюю фразу необыкновенно тонкою дипломатическою выходкой, хотя намекъ былъ не въ бровь, а въ глазъ.

Наденька покраснѣла, а Аннѣ такъ сдѣлалось совѣстно какъ будто она сама чѣмъ-нибудь провинилась.

— Я еще не могу думать о женитьбѣ, отвѣчалъ Краснопольскій,—пока не приведу въ порядокъ своихъ дѣлъ. Прежде всего надо свить себѣ гнѣздо.—Онъ глядѣлъ при этомъ прямо предъ собою, опасаясь взглянуть какъ-нибудь невольно на одну изъ дѣвицъ и этимъ возбудить подозрѣніе другой.—Сознаюсь что жениться было бы не только счастіемъ для меня самого, но и необходимо для моего имѣнія, которое требуетъ доброй, разсудительной хозяйки. Сколь-

ко предстоитъ ей разныхъ обязанностей! Теперь, напримѣръ, одинъ изъ моихъ лучшихъ работниковъ лежитъ въ горячкѣ: нашъ уѣздный лѣкарь въ разъѣздѣ, его и не застанешь, а я, сами посудите, могу ли я удѣлять время на уходъ за больнымъ? Будь тутъ по близости женщина нѣсколько знакомая съ простымъ лѣченiемъ домашними средствами, она бы призрѣла больнаго....

— Да пошлите же его къ намъ, мы его станемъ лѣчить! воскликнула Любовь Петровна.

— Благодарю васъ за доброе желанье, но къ сожалѣнiю онъ такъ плохъ что его нельзя везти за десять верстъ.

— Такъ я сама поѣду къ нему.

Краснопольскiй горячо поблагодарилъ Любовь Петровну и вызвался послать за ней лошадей на другое утро.

— Возьмите и меня съ собой, маменька, просила Наденька.

Молодая дѣвушка хотѣла воспользоваться случаемъ чтобы посмотрѣть гдѣ живетъ ея кумиръ. Краснопольскiй зналъ это напередъ. Оставалось самое трудное, вызвать Анну на дальнюю прогулку. Онъ велъ разговоръ на свои разнообразныя занятiя, какъ бы въ оправданiе того что самъ не берется лѣчить своихъ крестьянъ, и мимоходомъ замѣтилъ:

— Сегодня утромъ я всталъ рано чтобъ объѣхать свою лѣсную дачу, смежную съ вашего. Что̀ это за восхитительное мѣсто! Помните тамъ, гдѣ просѣка? Будь я художникъ, непремѣнно срисовалъ бы его.

Онъ хорошо зналъ что Анна любила рисовать съ натуры ландшафты и всегда досадовала когда гуляла съ Наденькой и та не давала ей времени кончать эскизъ. Но лицо его выражало полное равнодушiе когда Анна начала разспрашивать подробно о направленiи дороги къ просѣкѣ; мысленно же онъ себя поздравлялъ съ полнымъ успѣхомъ своихъ хитрыхъ затѣй.

Предъ отъѣздомъ онъ особенно церемонно и холодно поклонился Аннѣ и пошелъ отыскивать на балконѣ Наденьку, которая побѣжала туда будто бы за забытою книгой, въ сущности же чтобы проститься съ Аркадiемъ Ѳедоровичемъ безъ свидѣтелей.

— Сегодня вечеромъ въ девять часовъ, шепнулъ онъ.—Потомъ онъ крѣпко и быстро пожалъ ей руку и черезъ нѣсколько минутъ уже скакалъ по дорогѣ къ Благовѣщенскому и вскорѣ исчезъ за горой.

X.

Анна надѣялась что прогулка въ лѣсъ и рисованіе съ натуры разсѣютъ ея грусть и успокоятъ ее. Она была изъ тѣхъ натуръ для которыхъ нѣтъ ничего невыносимѣе какъ томиться неизвѣстностью. Тутъ нужно терпѣливо ждать; энергическія же усилія ума и воли ни къ чему не ведутъ.

Но что̀ такъ омрачило ея душу? Глупое недоразумѣніе между ею и любимымъ ею человѣкомъ...

Погода была чудесная, ночью шелъ дождь и освѣжилъ всю растительность. Анна шла своимъ легкимъ, быстрымъ шагомъ мимо полей покрытыхъ снопами. Около дороги крестьяне пахали подъ озимь. Терпѣливо и медленно тащились они взадъ и впередъ за сохой. Во время прогулокъ своихъ съ Наденькой, Анна обыкновенно заговаривала съ мужиками. Ее возмущала мысль о крѣпостномъ состояніи: ей казалось постыднымъ и жестокимъ держать въ угнетеніи другихъ людей, и позорнымъ находиться въ полной зависимости отъ барскаго произвола. Иногда она сомнѣвалась что въ этихъ несчастныхъ есть еще душа и разумъ. Результаты ея бесѣдъ съ крестьянами не могли ее разубѣдить въ томъ, потому что они ее дичились: отвѣчали почтительно, но коротко и сухо на ея разспросы. Въ ея манерахъ не было того веселаго простодушія которое вызываетъ простолюдина на непринужденность и возбуждаетъ его довѣріе.

Теперь она молча отвѣчала на поклоны крестьянъ и прошла мимо нихъ не останавливаясь. „Неужели онъ никогда не будетъ тѣмъ чѣмъ прежде былъ!“ думала она; „неужели я оттолкнула его навсегда! Неужели онъ не хочетъ понять что доброе имя женщины можетъ пострадать отъ самыхъ простыхъ причинъ. Ахъ, тетя Леля, гдѣ ты? Какъ мнѣ нуженъ твой ясный умъ! Ты бы меня научила какъ все это разъяснить и уладить.“

Вдругъ предъ ней открылся дѣйствительно прелестный видъ.

„Вотъ должно-быть мѣсто о которомъ онъ говорилъ“, думала она. „Какъ здѣсь кстати вырубили эту широкую просѣку! Безъ нея не было бы вида ни на береговой лугъ, съ этими живописными группами деревъ, ни на рѣку, ни на

тѣ далекіе холмы. И какія тутъ, на переднемъ планѣ, великолѣпныя липы, по обѣ стороны просѣки! Точно рамка для этого очаровательнаго пейзажа."

Анна сѣла на траву, подъ тѣнью высокаго дуба, развернула альбомъ, вынула карандаши и принялась скоро и старательно рисовать, какъ будто вся участь ея зависѣла отъ окончанія этой картины. Ей хотѣлось отдѣлаться отъ своихъ безплодныхъ думъ. Она не принадлежала къ числу сентиментальныхъ дѣвъ которыя считаютъ душевную скорбь непремѣнною принадлежностью поэтической натуры, и искусственно поддерживаютъ себя въ болѣзненномъ настроеніи. Здоровая натура ея вступала въ борьбу со всѣми впечатлѣніями и тревогами которыя могли ослабить ея энергію.

Анна такъ углубилась въ свое занятіе что не услыхала близкихъ шаговъ.

— Анна Николаевна! раздался голосъ Краснопольскаго рядомъ съ ней.

Молодая дѣвушка быстро оглянулась, и этотъ взглядъ смутилъ Краснопольскаго.... Столько тутъ было радости, любви, опасенія! Она молча протянула ему руку.

— Я проѣзжалъ тутъ верхомъ, началъ онъ оправдывать свое присутствіе;—нужно было отдать кое-какія приказанія лѣсному караульщику. Но когда я увидѣлъ васъ здѣсь, то привязалъ лошадь и пришелъ подвергнуться вашему гнѣву, докончилъ онъ съ ироніей.

— Отчего вы думаете что я на васъ сержусь? спросила Анна.

— Вы могли подумать что я иду наперекоръ вашему приказанію. Вы не желали дать мнѣ случая бесѣдовать съ вами наединѣ, и вотъ я пришелъ, и никого тутъ нѣтъ съ нами.

— Послушайте, Аркадій Ѳедоровичъ, сказала Анна съ едва слышнымъ дрожаніемъ въ голосѣ,—вы должны мнѣ разъяснить чѣмъ я васъ такъ оскорбила. Сядьте сюда!—и она указала рукой на лежавшее тутъ срубленное дерево. Лучъ надежды мелькнулъ предъ ней.... все еще могло кончиться хорошо, тучи могли еще разсѣяться.

— Анна Николаевна, проговорилъ Краснопольскій все еще холодно и церемонно,—я мечтатель и человѣкъ съ чувствительнымъ самолюбіемъ. Вашъ рѣзкій отказъ въ томъ что̀ казалось мнѣ легко и естественно оскорбилъ меня потому что я надѣялся найти въ васъ хоть искру того чувства которое

вы возбудили во мнѣ. Но я очевидно ошибся, въ противномъ случаѣ вы бы не задумались принести мнѣ маленькую жертву.

— Я не знаю по какому праву требуете вы отъ меня жертвы: дѣло касается тутъ моей совѣсти, моего добраго имени. Я бы не дала никогда иного отвѣта даже нѣжно любимому мною человѣку... И вамъ бы слѣдовало уважать мои чувства, а не огорчать меня понапрасну.

— Неужели, Анна Николаевна, вы были бы и тогда такъ строги еслибы считали меня достойнымъ вашей любви?

— Да, Аркадій Ѳедоровичъ.

— Простите меня, я очень виноватъ предъ вами, Анна Николаевна. Я не могъ понять вашего положенія и вашей благородной твердости. Когда я получилъ такой рѣшительный отказъ, я думалъ что всѣ мои надежды рушились.... я сталъ несправедливъ къ вамъ. Да и какъ вдругъ отказаться отъ такихъ сладкихъ мечтаній! Я воображалъ возможнымъ что женщина какъ вы, съ необыкновеннымъ умомъ и возвышеннымъ характеромъ, согласится раздѣлить мою долю, мои стремленія, мои труды... Скажите, умоляю васъ, ошибся ли я, или нѣтъ?

Онъ сказалъ это со всѣмъ жаромъ неподдѣльной страсти, стоя предъ Анной, которая сидѣла попрежнему на травѣ. Вмѣсто отвѣта, она протянула ему руку, которую Краснопольскій покрылъ пламенными поцѣлуями, припавъ на одно колѣно.

— Анна, неужели ты любишь меня? неужели это правда?

Въ это мгновеніе одно только чувство наполняло душу Анны, любовь къ тому кто такъ нѣжно и съ трепетомъ на нее глядѣлъ... Ни тѣни сомнѣнія въ его честности; ей и въ голову не приходило чтобы признаніе Краснопольскаго могло имѣть какой-нибудь оскорбительный для нея смыслъ,—такъ твердо полагалась она на его глубокое уваженіе къ ней. Она покорилась минутному увлеченію: обвила руками шею Краснопольскаго и поцѣловала его. Но въ слѣдующее мгновеніе ей такъ сдѣлалось совѣстно за свое увлеченіе что она вскочила, наскоро собрала альбомъ и карандаши, и только сказала Краснопольскому:

— Теперь, Аркадій, вамъ незачѣмъ отыскивать меня на уединенныхъ прогулкахъ. Вы знаете что̀ хотѣли знать... Прощайте! До свиданья!

Краснопольскій хотѣлъ ее проводить, но она остановила его рѣшительнымъ жестомъ и, не оглядываясь, быстро удалилась.

Слѣдовало ожидать что Краснопольскій весь просіяетъ радостнымъ торжествомъ. Развѣ поцѣлуй который горѣлъ еще на его щекѣ не былъ самымъ краснорѣчивымъ признаніемъ? Но Аркадій Өедоровичъ не выказывалъ никакой радости, а былъ, напротивъ, сильно озабоченъ.

„Если я теперь замедлю явиться предъ всѣмъ свѣтомъ ея объявленнымъ женихомъ, то все кончено, она навсегда отъ меня откажется. Отъ нея я не дождусь никакой уступки пока я не женихъ ея... А какъ же быть съ Наденькой? Она такой крикъ подыметъ что бѣда!... Если Анна объ этомъ узнаетъ тогда все пропало.... Нѣтъ, съ Наденькой надо объясниться, покончить съ ней эту глупую комедію.... Отказаться отъ Анны? Нѣтъ, это невозможно!... Еслибъ даже пришлось жениться на ней, бѣдной безприданницѣ, я и на эту глупость способенъ... Надо придумать какъ бы уладить все это безъ шума... А пока нельзя показываться Аннѣ на глаза... вѣдь она ждетъ отъ меня рѣшительнаго шага. Обмануть ея ожиданія было бы очень неосторожно....“

Сильно озабоченный, Аркадій Өедоровичъ вернулся домой и даже ничего не могъ ѣсть за обѣдомъ. Одно только у него выяснилось что съ Наденькой нужно осторожно объясниться.

Размышленія его были прерваны приходомъ мальчика:

— Пелагея Калистратовна васъ спрашиваютъ, доложилъ онъ.

— Проси.

— Мое почтеніе, сосѣдочка. Какому счастливому случаю обязанъ я удовольствіемъ видѣть васъ у себя? привѣтствовалъ онъ гостью фамиліарно шутливымъ тономъ.

— Пришла поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ, батюшка Аркадій Өедоровичъ. Не прогнѣвайтесь на меня, старуху, что вхожу въ ваши дѣла, да такъ ужь больно сердце лежитъ къ вамъ. Думаю услужить.

— А что же вы придумали хорошенькаго, почтеннѣйшая Пелагея Калистратовна?

— Да вотъ, батюшка, замѣтила я что ужь очень вамъ приглянулась Надежда Ивановна.... Что же, батюшка, дѣло хорошее; я знаю что и она и Любовь Петровна очень васъ хвалятъ. Кажись, ничего не мѣшаетъ, анъ тамъ вонъ робость

иногда такая находитъ на жениховъ что бѣда. Хочется заговорить о свадебкѣ, да духу не хватитъ. Видно и вы такіе деликатные. Да самому-то конечно не такъ ловко: вы бы мнѣ, батюшка, позволили уладить это дѣло. Ужь мнѣ не разъ приходилось устраивать партіи. Да какъ ужь меня и благодарили! И теперь благодарятъ: вотъ знаете можетъ-быть Жировыхъ....

— Спасибо вамъ, Пелагея Калистратовна; вы кажется женщина очень добродѣтельная; ни себя, ни ближнихъ не забываете! Ну а Любовь Петровна знаетъ о вашемъ намѣреніи устроить судьбу ея дочери?

— Какъ же ей знать, батюшка? Ни слова съ ней не говорила, ей Богу нѣтъ.

Аркадій Өедоровичъ призадумался, а старуха пока съ нетерпѣніемъ вперила въ него свои совиные глаза.

— Жениться мнѣ теперь нельзя, началъ Краснопольскій,— сперва нужно устроить дѣла. Надежда Ивановна знаетъ о моей любви къ ней и знаетъ почему мнѣ не хочется просить теперь ея руки. Но мнѣ необходимо имѣть съ ней продолжительное свиданіе. Надо о многомъ переговорить. Дайте намъ случай встрѣтиться у васъ въ домѣ, и вы заслужите мою полную признательность. Конечно ваши хлопоты не пропадутъ даромъ.

Глаза Пелагеи Калистратовны запрыгали отъ алчности.

— Ну, а люди-то что̀ скажутъ? спросила она для приличія, чтобы не слишкомъ ужь скоро склониться на щекотливое предложеніе.

— Да ужь конечно надо будетъ благовиднымъ образомъ объяснить посѣщеніе Надежды Ивановны и побудить мать ея на то чтобъ отпустить ее къ вамъ. А я приду къ вамъ черезъ крестьянскіе огороды. Никто меня тамъ не увидитъ, всѣ на работѣ.

Искушеніе было велико; старуха была вполнѣ убѣждена что ей предлагаютъ дѣло нечистое, но она не долго боролась съ совѣстью.

Достойная старушка хитро подмигнула Краснопольскому и сказала:

— Попрошу Любовь Петровну чтобъ она отпустила ко мнѣ Надежду Ивановну почитать мнѣ, слѣпой старухѣ, божественныя книги.

Краснопольскій расхохотался.

— Молодецъ! Мастерица! воскликнулъ онъ.—Видно дѣло не новое. А вѣдь деньжонки чай есть накопленныя, подъ спудомъ тамъ гдѣ-нибудь?

— Да что̀ тутъ накопишь, батюшка! жалобно проговорила она:—не много придется оставить церкви чтобы служили за упокой моей души грѣшной.

Старуха вздохнула и перекрестилась.

— А молчать умѣете?

— Какъ же, какъ же, батюшка! Да развѣ отъ меня когда-нибудь что̀ узнавали такое? А вѣдь много могла бы разказать, такъ что уши бы развѣсили. Будьте спокойны.

Дружеская бесѣда ихъ длилась еще нѣсколько времени. Краснопольскій угостилъ посѣтительницу чаемъ съ коньякомъ, и когда она уходила онъ проводилъ ее до крыльца съ шуточками и прибауточками, такъ что старуха совершенно растаяла. Она тутъ же отправилась въ Акуловку чтобы подготовить успѣшный исходъ своему дѣлу.

— Что̀ вы, Надежда Ивановна, обратилась она въ разговорѣ къ Наденькѣ, — никогда у меня не побываете? А я бы такъ была вамъ благодарна еслибъ вы у меня посидѣли, да подольше. У меня, знаете, книга есть божественная, хорошая такая, по-церковному написана, о святыхъ мученикахъ. У меня глаза такіе стали плохіе что ничего не разберу.

— Что̀ же, Надя, поѣзжай! соглашалась Любовь Петровна.— Вотъ моя кузина, графиня Орголинская, какъ прекрасно читала по-славянски! Разъ, за границей, она даже читала въ церкви Апостолъ, вмѣсто дьячка, такъ что всѣ удивились.

Очевидно Любовь Петровна считала чтеніе славянскихъ книгъ дѣломъ плебейскимъ, и ей нужно было вспомнить примѣръ сіятельной родственницы чтобы примириться съ мыслью объ умѣніи дочери читать по-славянски. Хитрая старуха не проронила ни полслова о томъ что̀бы Наденькѣ пріѣзжать одной.

„Когда узнаетъ кого у меня встрѣтитъ, то сама пусть устроится какъ знаетъ. Меня по крайней мѣрѣ нельзя будетъ обвинить; ужь тогда она сама за все отвѣтитъ.“

На слѣдующій день, въ ту самую пятницу когда Акулины условились съ Краснопольскимъ ѣхать къ Кутасовымъ, Аркадій Ѳедоровичъ написалъ Наденькѣ записку слѣдующаго содержанія:

„Мнѣ надоѣло видѣть тебя все урывками, другъ мой безцѣнный! Завтра, въ четыре часа послѣ обѣда, постарайся быть у вашей почтенной сосѣдки, которая тебя вчера приглашала. Ты знаешь что лѣсъ очень близокъ отъ ея жилища. Ты можешь отправиться туда какъ будто для прогулки, оставить подъ какимъ-нибудь предлогомъ общество свое въ лѣсу и придти въ деревню пѣшкомъ.

„Съ нетерпѣніемъ ждетъ тебя

„твой А.“

Эту записку Краснопольскій хотѣлъ тайно передать Наденькѣ послѣ обѣда, у Кутасовыхъ.

XI.

Имѣнье Кутасовыхъ было гораздо больше смиренной Акуловки. Барскій домъ, съ неизбѣжными четырьмя колоннами въ фасадѣ, такимъ же неизбѣжнымъ мезониномъ и двумя флигелями, широко покоился на возвышеніи, поодаль отъ большаго села. Въ одномъ изъ флигелей жила молодая чета, и часто слышались оттуда, въ открытое окно, брань и крики неугомонной Софьи Васильевны. Нерѣдко доставалось отъ нея тупоумному супругу и прислугѣ. Иногда она сопровождала брань тяжелыми доводами въ видѣ летавшихъ по воздуху ящиковъ или книгъ и падавшихъ кому-нибудь на голову. Впрочемъ, не всегда гремѣла гроза; иногда проглядывало и ясное солнышко, особливо когда удавалось чѣмъ-нибудь очень раздосадовать свекровь или произвести впечатлѣніе на кого-нибудь изъ окрестной молодежи. Она тогда весело шутила съ супругомъ, называла его своимъ безцѣннымъ Ниништкой (сокращеніе отъ Леонидъ), а дѣвушекъ своихъ сажала за партію въ дурачки. Той которая оставалась, она сама дѣлала жженою пробкой страшные усы. Иногда она имъ дарила платки, ситцу; дѣвушки, конечно, принимали все очень охотно и доказывали свою благодарность маленькими услугами, о которыхъ Софья Васильевна не считала нужнымъ сообщать кому-либо изъ семьи, а напротивъ хранила въ большой тайнѣ.

Въ домѣ у стариковъ также не всегда господствовали миръ и спокойствіе. Въ послѣдніе дни, послѣ непріятнаго объясненія съ Любовью Петровной, старикъ былъ особенно раздраженъ и прерывалъ длинныя безсвязныя рѣчи своей супруги

нетерпѣливыми возгласами: „Да полно тебѣ, матушка, точить все зубы объ губы!“ или: „хоть бы разъ въ день умное слово сказала, а то несетъ все вздоръ, несетъ безъ конца!“

Въ пятницу послѣ ссоры съ Акулиной, все семейство сидѣло послѣ обѣда на балконѣ выходившемъ въ садъ. Конечно разговоръ шелъ о продажѣ злосчастныхъ луговъ и о низкомъ характерѣ Любови Петровны.

— Помяните мое слово, объявилъ старикъ Кутасовъ,—она по уши влюблена въ этого Краснопольскаго. Замужъ за него собирается старуха, а обѣ барышни хотятъ у нея отбить голубчика ненагляднаго. Какъ онѣ на меня напустились когда я имъ объявилъ свое мнѣніе объ этомъ господинѣ! Чуть мнѣ глаза не выцарапали!

— Посмотрите, воскликнулъ вдругъ молодой Кутасовъ:— Акулинскій тарантасъ ѣдетъ къ намъ. Мущина на козлахъ, а двѣ барыни въ экипажѣ.

Молодые Кутасовы отправились на дворъ принимать гостей у подъѣзда. Въ другое время и старики отправились бы туда же, по гостепріимному обычаю, но при теперешнихъ обстоятельствахъ они не чувствовали желанія оказать лишнюю любезность. Впрочемъ, когда дѣвицы съ Александромъ вошли, они успокоились, убѣдившись что главная виновница ссоры не пріѣхала. Анна осталась на балконѣ со стариками Кутасовыми, а Софья Васильевна увлекла Наденьку съ Александромъ въ садъ. При поворотѣ въ главную аллею, ведущую къ дому, они увидѣли Аркадія Ѳедоровича, который шелъ къ нимъ на встрѣчу. Наденька такъ покраснѣла что Кутасова значительно переглянулась съ Александромъ.

— Нечего сказать, отважный же вы господинъ! обратилась Софья Васильевна къ гостю съ очаровательною улыбкой.— Развѣ вы не боитесь что васъ тутъ совсѣмъ заѣдятъ?

— Всякое зданіе не имѣющее основанія должно рушиться. Такъ, надѣюсь, и несправедливыя обвиненія. Я пришелъ въ полной надеждѣ все разъяснить и покончить къ общему удовольствію.

— Очень пріятно это слышать. Тогда можетъ-быть и папаша станетъ добрѣе. Теперь онъ превесносный, прибавила она съ комическою таинственностью.

Пока она говорила, Аркадій Ѳедоровичъ ловко передалъ свою записку Наденькѣ, которая быстро спрятала письмецо въ карманъ, горя нетерпѣніемъ скорѣй прочесть его. Она

совершила искусное фланговое движеніе къ ягодамъ, какъ будто желала убѣдиться въ хорошемъ вкусѣ Кутасовскаго крыжовника, и вынула записку изъ кармана. Прочитывая ее въ десятый разъ, она вдругъ услыхала подходившую Кутасову. Она хотѣла поспѣшно сунуть письмецо въ карманъ, но въ торопяхъ попала рукой только въ прорѣзъ верхняго кисейнаго платья, такъ что записка проскользнула на землю между платьемъ и юпкой; но ни она, ни Софья Васильевна не замѣтили этого.

Анна между тѣмъ была жертвой Арины Тимоѳеевны. Кончилось тѣмъ что она перестала слушать свою собесѣдницу. Послѣ краткаго свиданія съ Краснопольскимъ мысли ея занялись совсѣмъ другимъ. Она была удивлена его обращеніемъ съ нею. Когда онъ прошелъ и поклонился старикамъ Кутасовымъ, онъ и къ ней обратился съ такимъ же церемоннымъ поклономъ и будто боялся взглянуть ей въ глаза, между тѣмъ какъ она и не думала скрывать свое удовольствіе завидѣвъ его въ дверяхъ. Она встрѣтила его напротивъ полнымъ, блестящимъ взглядомъ и ясною улыбкой, и тѣмъ болѣе была поражена такою непонятною холодностью.

„Что̀ это значитъ, думала она, почему онъ такъ притворяется предъ посторонними, когда все между нами выяснилось? Кажется наши отношенія нечего скрывать.“ И она начала теряться въ догадкахъ, очень далекихъ отъ истины.

Отъ нея не ускользнуло и то что онъ съ нѣкоторою поспѣшностію отправился отыскивать гуляющихъ въ саду, какъ бы обрадовавшись случаю уйти. Старикъ Кутасовъ проводилъ его сердитымъ взглядомъ и послалъ ему вслѣдъ съ полдюжины нелестныхъ прозвищъ, въ полголоса, не отрываясь глазами отъ своей газеты, такъ что всякій непосвященный могъ думать что онъ въ газетѣ своей нашелъ всѣ эти сильные эпитеты и только читаетъ ихъ вслухъ для бо́льшаго эффекта. Но Анна очень хорошо понимала къ кому относились слова старика и вспыхнула...

— Одолжилъ насъ, нечего сказать, этотъ господинъ, начала опять Арина Тимоѳеевна.—Какъ ему не совѣстно къ намъ показываться!

— Аркадій Ѳедоровичъ на мой взглядъ совсѣмъ не виноватъ, начала было Анна, но собесѣдница ее прервала для того чтобы пуститься въ подробности о совершенно незнакомомъ ей Ѳомѣ Лукичѣ который когда-то занималъ у Кутасо-

выхъ деньги. Аннѣ становилось невыносимо скучно и съ нетерпѣніемъ ждала она избавленія. Къ счастію ей пришлось ждать не долго: Краснопольскій возвратился изъ саду съ Александромъ для переговоровъ съ Никифоромъ Семеновичемъ. Краснопольскій началъ съ того что представилъ Кутасову какъ невыгодно теперь имѣть мельницы, когда ихъ столько настроили, и довелъ старика до того что тотъ сталъ горько жаловаться на мельника и на плохіе доходы.

— Вы говорите что мельница дала вамъ въ прошломъ году не болѣе двухсотъ рублей? прервалъ его Краснопольскій:— а я бы вамъ предложилъ четыреста рублей ежегодно, еслибы вы мнѣ отдали ее въ аренду на десять лѣтъ, и тѣмъ бы избавились отъ всѣхъ хлопотъ и непріятностей.

Кутасовъ, съ удивленія, не нашелъ чтò отвѣтить.

— Да какъ же вдругъ отдать мельницу? началъ онъ:—у насъ тамъ птица кормится.... въ иной годъ, при хорошемъ мельникѣ, когда нѣтъ капитальныхъ поправокъ, она даетъ и восемьсотъ рублей....

— Даетъ, конечно. Но вѣдь хлопотъ сколько съ ней!

Краснопольскому было не по сердцу что Анна могла слышать эти переговоры, а потому онъ прибавилъ: —Нѣтъ ли у васъ плана вашего имѣнія? я бы вамъ показалъ гдѣ поставить ледорѣзы чтобъ уберечь плотину въ многоводіе весной. Придется и плотину передѣлать. На это конечно понадобятся деньги, но если вы согласитесь сдѣлать контрактъ на десять лѣтъ, то я обезпеченъ.

— Планъ есть, пойдемте, отвѣчалъ Кутасовъ, и мущины пошли въ кабинетъ. Тамъ пренія продолжались часа два, и наконецъ Краснопольскій взялъ свое: старикъ долженъ былъ согласиться. Онъ съ самаго начала зналъ что долженъ будетъ уступить, потому что Аркадій Ѳедоровичъ могъ лишить его всякаго дохода съ мельницы еслибы захотѣлъ. Итакъ дѣло уладилось, и старикъ немного успокоился когда узналъ положительно какіе замыслы таилъ его сосѣдъ. Неизвѣстность болѣе всего пугала его. Онъ понималъ конечно что сдѣлка для него невыгодна, но барская лѣнь нашептывала ему въ утѣшеніе какъ пріятно будетъ отдѣлаться отъ всѣхъ хлопотъ и получать четыреста рублей въ годъ безъ малѣйшаго труда. Эта мысль разогнала у него злобу на Краснопольскаго, такъ что когда они вернулись на балконъ, разговоръ у нихъ шелъ довольно спокойный. Александръ торжествовалъ; хотя онъ очень

мало имѣлъ случаевъ вставить словечко и ничего замѣчательнаго не сказалъ, но это не мѣшало ему приписывать себѣ благополучное окончаніе ссоры.

Самоваръ уже былъ поданъ, и Софья Васильевна разливала чай.

— Когда же вы къ намъ соберетесь? спросила Наденька.

— Ахъ, Надежда Ивановна, не браните насъ! Мы скоро будемъ.... Да всѣ эти дни насъ задерживали гости. Вы не повѣрите сколько сосѣдей на насъ въ претензіяхъ что мы ихъ забываемъ.

— А гдѣ Леонидъ Никаноровичъ? прервала ее Наденька:— Какъ мило съ его стороны прятаться когда у него гости! Вы бы ему внушили, Софья Васильевна, что это неучтиво.

— Извините моего супруга: у него такая страсть ловить карасей что ничто не въ состояніи его удержать. Александръ Ивановичъ, будьте такъ добры, сходите къ нему и скажите что я очень недовольна его поведеніемъ и жду его къ чаю. Ближе всего идти черезъ садъ и перепрыгнуть черезъ заборъ, да вы кажется знаете уже эту дорогу. Да только прошу не увлекаться разговоромъ, а то я васъ накажу холоднымъ чаемъ.

— Не безпокойтесь, возразилъ Александръ вставая, я только представлю ему что онъ варваръ.—И Александръ быстрыми шагами отправился за Леонидомъ Никаноровичемъ.

Случай повелъ его по той самой аллеѣ въ которой Наденька уронила записку. Александръ замѣтилъ ее, поднялъ и не задумался ни на минуту прочесть ее. Содержаніе его поразило какъ нельзя болѣе. Съ перваго взгляда онъ узналъ почеркъ Краснопольскаго, но ему и въ голову не приходило чтобы записка эта принадлежала кому другому кромѣ Софьи Васильевны. Ревность всѣми своими острыми когтями вонзилась въ сердце влюбленнаго юноши.

„Такъ вотъ къ кому она благосклонна! Вотъ кто мѣшаетъ моему успѣху! Не ожидалъ я этого.... а я все думалъ что онъ женится на Наденькѣ! Однако оба мастерски притворяются!... Кто бы могъ подумать что у нихъ зашло такъ далеко.... Правда что она съ нимъ кокетничала, но онъ казался совершенно равнодушенъ."

Александръ продолжалъ свой путь внѣ себя отъ гнѣва, потомъ онъ остановился и взглянулъ на записку. „Совершенно новенькая, чистенькая.... вѣрно только-что получена,

размышлялъ онъ. Кто это почтенная сосѣдка у которой они хотятъ встрѣтиться? Конечно, Пелагея Калистратовна!.. Непремѣнно эта подлая старуха тутъ влутана. Отъ нея это станется.“ Александръ дрожащими руками спряталъ записку въ потаенный отдѣлъ своего бумажника. Ему видно хотѣлось сберечь доказательство очевиднаго коварства хорошенькой блондинки. Никогда въ жизни Софья Васильевна не была такъ невинна въ возникшихъ противъ нея подозрѣнiяхъ.

Мысли безпорядочно толпились въ головѣ Александра; насилу вспомнилъ онъ что долженъ былъ исполнить порученiе. Онъ перескочилъ черезъ заборъ и вскорѣ очутился рядомъ съ Леонидомъ Никаноровичемъ. Разсѣянно передалъ онъ ему желанiе Софьи Васильевны, и пока тупоумный супругъ предательницы собиралъ свои доспѣхи, Акулинъ молча глядѣлъ куда-то вдаль, заложивъ руки за спину. На возвратномъ пути видъ Леонида Никаноровича и его глупаго, расплывшагося лица возбудилъ въ немъ состраданiе.

„Какъ онъ спокоенъ“, думалъ молодой студентъ, съ умиленiемъ глядя на невозмутимое спокойствiе обманутаго мужа: „о, еслибъ онъ зналъ!“

Какъ удивительно различно представляется намъ одинъ и тотъ же поступокъ, смотря по тому мы ли его совершаемъ, или кто другой! Еще за четверть часа тому назадъ, когда Александръ надѣялся на успѣхъ въ любви, мысль обмануть тупоумнаго супруга не возбуждала въ немъ никакого раскаянiя. Теперь же, когда другой, по его мнѣнiю, предупредилъ его, поступокъ этотъ показался ему гнуснымъ. Лицо Александра, когда онъ снова усѣлся за чайный столъ, было мрачно какъ октябрьская ночь. Такая быстрая перемѣна поразила всѣхъ, и начались безчисленные разспросы. Но отвѣта не добились.

— Ничего, это такъ только, право ничего! вотъ все что̀ онъ произнесъ гробовымъ голосомъ.

Послѣ чая Акулины и Курбанская простились съ Кутасовыми, которые долго еще сидѣли на балконѣ и толковали о новыхъ замыслахъ Краснопольскаго и о странномъ поведенiи Александра.

— Точно его кто-нибудь обидѣлъ, замѣтила Софья Васильевна. — Ужъ навѣрное ты, Леонидъ, отпустилъ по обыкновенiю какую-нибудь глупость!

— Я? Да право, я ничего не говорилъ. Онъ пришелъ, сказалъ что меня зовутъ чай пить, и я собрался.

— Ну, такъ ты ему какую-нибудь рожу глупую скорчилъ.... Онъ вѣдь пошелъ къ тебѣ веселый, а вернулся угрюмый, растерянный. Ужь вѣрно что-нибудь да было между вами!

Вдругъ ужасная мысль представилась Софьѣ Васильевнѣ: она почему-то вообразила что между Александромъ и мужемъ ея было крупное объясненіе изъ-за нея, и что непремѣнно они другъ друга вызвали. Она поблѣднѣла и замолчала. Результатомъ ея тревожныхъ думъ было рѣшеніе не выпускать мужа изъ виду.

XII.

На другой день Александръ отправился на охоту съ ранняго утра. Онъ слишкомъ былъ встревоженъ чтобы сидѣть спокойно дома. Притомъ же онъ задумалъ кое-какіе планы для своей мести. Ему хотѣлось вывести все на чистую воду, сдѣлать скандалъ, а потому его влекло къ театру его будущихъ дѣйствій. Любовь Петровна съ удовольствіемъ услышала о мирномъ исходѣ конгресса, и панегирикамъ ея Краснопольскому не было конца. Изъ всего семейства она одна только пользовалась въ тотъ день хорошимъ расположеніемъ духа. Наденька безпокоилась о потерянной запискѣ, въ особенности же о предстоявшемъ свиданіи.

„Когда это онъ разрѣшитъ мнѣ наконецъ разказать обо всемъ своимъ, думала она,—какъ тяжело хитрить, лгать, придумывать какъ бы не проговориться!...“

Анна была недовольна поведеніемъ Краснопольскаго у Кутасовыхъ. Она надѣялась что всѣ недоразумѣнія между ними кончились послѣ свиданія въ лѣсу; но вчерашнее обращеніе его съ ней такъ было странно что сердце ея чуяло новую бѣду и билось безпокойно.

— Не хотите ли ѣхать въ лѣсъ, Анна Николаевна? предложила Наденька.—Возьмите съ собой вашъ альбомъ, карандаши, мы останемся тамъ подольше, до чаю.

Анна согласилась; она въ тайнѣ надѣялась увидѣться съ Краснопольскимъ и узнать отъ него причины его загадочнаго поведенія.

Дорога въ лѣсъ показалась обѣимъ дѣвушкамъ безъ конца. Онѣ были другъ другу въ тягость, разговоръ между ними

не клеился. Наконецъ онѣ доѣхали, оставили экипажъ съ кучеромъ у опушки лѣса и отправились къ самому красивому мѣсту гдѣ Анна хотѣла срисовать большую липу.

— Пока вы тутъ заняты, я пойду, навѣщу старика караульщика; это отецъ нашей скотницы, объявила Наденька.

Анна обрадовалась этой мысли: стало-быть Наденька не будетъ тутъ скучать и торопить ее домой, какъ она боялась. Да и въ томъ случаѣ что Краснопольскiй ее тутъ увидитъ, удобнѣе бы было ему высказаться когда Наденьки тутъ нѣтъ.

Только-что Наденька успѣла скрыться изъ глазъ своей компаньйонки, какъ пустилась бѣгомъ по знакомой тропинкѣ ведущей въ деревню Лисовку, къ усадьбѣ Пелагеи Калистратовны. Лисовка составляла какъ бы продолженiе села Благовѣщенскаго и принадлежала одному помѣщику, служившему въ Петербургѣ; а двѣнадцать душъ тутъ считались за Пелагеей Калистратовной.

Едва молодая дѣвушка скрылась въ переулкѣ, какъ со стороны Кутасовской усадьбы показались шарабанъ запряженный парой и вслѣдъ за нимъ телѣга чѣмъ-то нагруженная и покрытая сверху ковромъ. Въ шарабанѣ сидѣли молодые Кутасовы и молчаливый землемѣръ, одинъ изъ робкихъ поклонниковъ Софьи Васильевны.

Хорошенькая блондинка долго не могла заснуть наканунѣ, такъ ее мучила мысль что мужъ ея будетъ драться съ Александромъ. Воображенiе разыгралось у нея до того что это предположенiе представилось ей несомнѣннымъ фактомъ. Но какъ помѣшать ихъ встрѣчѣ? Вотъ что не давало Софьѣ Васильевнѣ спать, вотъ почему она ворочилась съ боку на бокъ, между тѣмъ какъ виновникъ ея безсонницы храпѣлъ съ самыми разнообразными варiацiями. Наконецъ послѣ самыхъ странныхъ проектовъ, она успѣла составить себѣ цѣлую программу для слѣдующаго дня, какъ бы удержать мужа при себѣ. Все утро Леонидъ Никаноровичъ долженъ былъ читать своей супругѣ вслухъ *Графа Монте-Кристо*, такъ что онъ подъ конецъ осипъ. Послѣ обѣда Софья Васильевна вздумала отправиться въ рощу, и всѣ его возраженiя были приняты такъ не любезно что оставалось только повиноваться своенравной головкѣ его дражайшей половины. Поѣхалъ съ ними и случайный гость ихъ, молодой землемѣръ. Выбравъ въ лѣсу

мѣсто для стоянки, Софья Васильевна предоставила остальныя хлопоты о чаѣ людямъ своимъ, а сама отправилась съ мужемъ и гостемъ за грибами. Они застали на полянѣ рисовавшую Анну. Послѣ первыхъ привѣтствій, Софья Васильевна пригласила Анну выпить съ ними чаю. Молодая дѣвушка не отказалась, но объявила что пока Наденька не вернется изъ караулки она должна остаться на прежнемъ мѣстѣ, и тогда уже съ ней вмѣстѣ придетъ если не будетъ поздно. Кутасова описала мѣсто гдѣ стояла телѣга и пошла дальше со своими двумя кавалерами, а толстая экономка между тѣмъ страшно хлопотала около телѣги. Оказалось что забыли взять сливки и чайникъ, двѣ весьма необходимыя потребности. Буфетчикъ сваливалъ вину на экономку, а та на буфетчика. Нужно было кого-нибудь послать въ Помгачинское чтобы привезти все забытое. Кучеръ упорно уклонялся отъ этого порученія и увѣрялъ что ему никакъ нельзя оставить лошадей. „Шалятъ больно“, объяснялъ онъ, „никого не подпускаютъ. Да вонъ, кажись, кто-то сюда идетъ, должно-быть изъ Благовѣщенскихъ, или Помгачинскихъ, вотъ его бы послать на сивкѣ.“

Но предположенія кучера оказались невѣрными. Изъ чащи вышелъ Александръ съ ружьемъ на плечѣ.

— Здравствуй, Петровна! здравствуй, Иванъ и ты, Сидоръ! Что̀ вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ людей.

— Да вотъ, начала Петровна,—у насъ вѣдь все затѣи!. Барыня опять вздумала тутъ чай пить, ну и подняла возню.

— А куда пошли господа?

— Да въ лѣсу, чай, гдѣ-нибудь шляются, отвѣчала не совсѣмъ почтительно экономка.

Александръ не разспрашивалъ болѣе; онъ узналъ довольно. „Все такъ какъ я полагалъ“, думалъ онъ, „свиданье назначено у Пелагеи Калистратовны. Мужа и гостей она оставитъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ въ лѣсу, а сама отправится къ милому.“ Досада и гнѣвъ душили ревниваго влюбленнаго; онъ ускорилъ шаги въ направленіи къ Лисовкѣ. У околицы онъ своротилъ направо и пробрался огородами до самаго дома Пелагеи Калистратовны. Два окна ея жилища выходили на огородъ, остальныя же на дворъ; оттуда былъ и входъ. Александръ только-что собирался отворить калитку и незамѣтно пройти на дворъ, какъ вдругъ замѣтилъ на крыльцѣ маленькую, сухощавую фигуру старухи. Какъ вид-

но, она стояла тамъ на часахъ и такъ зорко оглядывалась на всѣ стороны что Александръ счелъ нужнымъ отыскать себѣ убѣжище за кустами смородины. Онъ самъ не зналъ зачѣмъ пришелъ, чего добивается; онъ повиновался ревности, злобѣ, а отчасти и любопытству. Позиція которую онъ избралъ оказалась отличнымъ обсерваціоннымъ пунктомъ. Онъ могъ видѣть и старуху на крыльцѣ и нѣсколько заглядывать въ отворенныя окна. Правда, это были окна кухни гдѣ никого не было, потому что осторожная Пелагея Калистратовна услала своихъ двухъ прислужницъ съ разными порученіями. Александръ уже съ полчаса ждалъ, а старуха все не уходила. Вдругъ послышалось движеніе въ домѣ, стукъ шаговъ въ кухнѣ, и Александръ увидалъ какъ Краснопольскій спустился изъ окна въ огородъ, шагахъ въ десяти отъ него. Сердце ревниваго наблюдателя сильно забилось; что̀ если его увидятъ? Тогда остается одно.... и Александръ схватилъ ружье и принялъ оборонительную позу. Нельзя предвидѣть всѣхъ несчастій которыя могли бы произойти отъ встрѣчи двухъ враговъ, но обошлось безъ кровопролитія. Краснопольскій повернулъ въ другую сторону, даже не подозрѣвая въ какой онъ находился опасности. Александръ долго глядѣлъ ему вслѣдъ, дрожа отъ злобы и произносилъ сквозь зубы самыя крупныя ругательства, до того его душа возмущалась мыслью что какой-то человѣкъ коварно разстраиваетъ супружеское счастье невинной четы, и что этотъ человѣкъ не онъ самъ.

Когда Краснопольскій исчезъ [illegible] заборами, Александръ взглянулъ на крыльцо и увидѣлъ что старухи тамъ ужь не было. „Проглядѣлъ, птичка улетѣла!“ думалъ онъ съ досадой. „Но все равно, постараюсь ее догнать.... Вѣдь я знаю куда она отправилась. Ужь этого я ей никакъ не пропущу“. Однако его дорога чрезъ огороды была гораздо затруднительнѣе и длиннѣе той по которой Наденька торопилась въ лѣсъ, и когда братъ ея дошелъ до околицы, онъ увидѣлъ только издали женскую фигуру, въ розовомъ платьѣ, съ темнымъ зонтикомъ, исчезающую за деревьями. Нечего было и думать догонять ее. Онъ пошелъ тише, направляясь къ лѣсу, и размышлялъ какъ бы чувствительнѣе отомстить за себя. То̀ онъ хотѣлъ обо всемъ разказать мужу, то убить Краснопольскаго какъ собаку; но сильное волненіе не привело ни къ какому ре-

зультату. Вдругъ послышался за деревьями смѣхъ, говоръ, и онъ очутился въ Кутасовской компаніи. Его видъ съ ружьемъ такъ страшно поразилъ молодую женщину что она крикнула и совершенно инстинктивно бросилась между мужемъ и Александромъ. Но тотъ стоялъ неподвижно, пораженный не менѣе ея.... На Софьѣ Васильевнѣ было бѣлое платье, а не розовое, которое промелькнуло предъ нимъ издали!

Леонидъ Никаноровичъ залился громкимъ смѣхомъ:

— Ха, ха, ха! вотъ испугались-то другъ друга! Даже поблѣднѣли оба! Что жь вы думали что медвѣдь на васъ идетъ? Ай да охотникъ!

— Да полно пожалуста! У тебя всегда такія шутки глупыя, сказала Софья Васильевна, оправившись отъ перваго испуга. Веселость мужа ее надоумила: невозможно такъ отъ души хохотать когда дѣло идетъ о жизни и смерти.

„Зачѣмъ же Акулинъ такъ странно на меня глядитъ, точно предъ нимъ призракъ какой-нибудь?“ удивлялась она.

— Ужь какъ вы меня напугали! обратилась она къ нему уже совсѣмъ оправившись:—я вообразила что это бѣглые хотятъ на насъ напасть. Пойдемте съ нами, надо запить этотъ испугъ чаемъ.

— Кто еще съ вами пріѣхалъ? спросилъ Александръ быстро.

— А вотъ, какъ видите, мы всѣ тутъ налицо. Только ваши барышни еще можетъ-быть придутъ сюда. Мы встрѣтились съ Анной Николаевной на полянѣ; она рисовала; хотѣла пить чай съ нами, если не будетъ поздно.

— А сестра была съ [illegible] спросилъ Александръ съ замираніемъ сердца.

— Нѣтъ; Анна Николаевна говорила намъ что Надежда Ивановна пошла навѣстить караульщика, но теперь она, конечно, уже вернулась.

— Извините меня, Софья Васильевна, я очень усталъ, цѣлый день охотился.... пора домой!

Александръ поклонился и отправился поспѣшно, не выслушавъ возраженій обоихъ Кутасовыхъ.

— Какой онъ опять странный, замѣтила Софья Васильевна,—ужь не надѣлалъ ли онъ опять долговъ?

Александру казалось что онъ видитъ сонъ.... Бѣлое платье перепутало всѣ его мысли. Что же это такое? Кто же это

могъ быть? и онъ не рѣшался отвѣтить на этотъ вопросъ. Онъ шелъ такъ скоро что почти бѣжалъ, желая поскорѣй выйти изъ томительной неизвѣстности и убѣдиться въ чемъ дѣло. Вотъ и поляна; Анна сидитъ и рисуетъ.... На ней палевое платье, а тамъ.... да, онъ не ошибался.... вотъ розовое платье и темный зонтикъ. Надо сказать, къ чести Александра, что это послѣднее открытiе поразило его несравненно болѣе всѣхъ прежнихъ. Въ первую минуту онъ не могъ сдѣлать шага: ноги подкашивались подъ нимъ. Оправившись немного, онъ подошелъ къ Наденькѣ.

— Гдѣ ты была? спросилъ онъ ее отрывисто, дрожащимъ голосомъ и крѣпко, судорожно, сжалъ ей руку.

Наденька не отвѣчала, но покраснѣла и испуганно посмотрѣла на него.

— Я тебѣ скажу гдѣ ты была! Ты была на любовномъ свиданiи съ Краснопольскимъ у Пелагеи Калистратовны!—Голосъ Александра усилился до крика.—Онъ, мерзавецъ, тебя обманываетъ! Я убью его какъ собаку!

— Ты не смѣешь такъ говорить, Александръ, отвѣчала запальчиво Наденька,—я его такъ люблю, и онъ меня любитъ и хочетъ на мнѣ жениться. Ужь мы давно тайно помолвлены.

— Какъ, онъ хочетъ жениться на тебѣ? воскликнулъ Александръ.—Отчего же семейство твое объ этомъ ничего не знаетъ?

— Онъ мнѣ сказалъ что хочетъ сперва устроиться въ имѣнiи, и чтобъ я до тѣхъ поръ ничего не говорила. Можетъ ли такой человѣкъ, какъ онъ, потребовать отъ меня чего-нибудь дурнаго?

Но что̀ было съ Анной? Когда Александръ пришелъ и крикнулъ на сестру, она невольно вскочила съ мѣста. Слова бѣдной дѣвушки поразили ее въ самое сердце, и она въ полуобморокѣ опустилась на землю.

Все кончено! Она любила недостойнаго человѣка! Даже самой любви этой мигомъ не стало. Лучше видѣть смерть любимаго человѣка чѣмъ такъ ужасно разочароваться въ немъ. Она чувствовала что все живое, теплое, отрадное въ ея жизни погибло безвозвратно....

Александръ не зналъ что̀ отвѣчать на слова сестры. Ея довѣрiе сдѣлало на него сильное впечатлѣнiе; уже онъ начиналъ успокоиваться когда вдругъ Анна встала, выпрямилась

и произнесла глухимъ голосомъ, безъ всякаго ударенія, тихо, но внятно:

— Наденька, этотъ самый человѣкъ который обѣщалъ вамъ на васъ жениться, два дня тому назадъ на колѣняхъ цѣловалъ мнѣ руку и увѣрялъ меня въ своей любви. Остерегайтесь его, не вѣрьте ему, онъ безчестный человѣкъ.

Александръ опять взялъ руку Наденьки; слезы навернулись у него на глазахъ.

— Наденька, другъ мой, проговорилъ онъ,—неужели поздно?

Наденька плакала. Всѣ трое молча отправились къ экипажу. Во всю дорогу домой они не говорили ни слова. Александръ съ трудомъ сдерживалъ свою злобу на Краснопольскаго; присутствіе кучера мѣшало ему дать себѣ волю. Когда они пріѣхали, Анна въ передней указала Алексанлру на комнату Любови Петровны и сказала ему:

— Вамъ нужно ее приготовить.... ради Бога осторожнѣе.... Я не въ силахъ этого сдѣлать.... Мнѣ самой нужно время чтобъ оправиться.... Наденька, подите въ свою комнату, постарайтесь успокоиться.

Анна была настолько справедлива что не питала дурнаго чувства къ Наденькѣ; напротивъ, она искренно жалѣла о ней и даже почувствовала теперь что любитъ ее.

Лишь только Анна очутилась одна въ своей комнатѣ, она опустилась на диванъ и долго сидѣла неподвижно. Ненависть и злоба кипѣли въ глубинѣ ея сердца... Краснопольскій палъ въ ея глазахъ такъ низко что она даже не считала его достойнымъ своей мести; она не имѣла никакого желанія дѣлать ему упрекъ. „Зачѣмъ еще больше унижать себя? Онъ можетъ подумать что я его еще люблю... Надо бѣжать отсюда, бѣжать подальше. Я не могу его видѣть, слышать его имя. И онъ могъ надѣяться на мою слабость. Какой ужасный позоръ!.. Но куда же мнѣ бѣжать? Надо рѣшиться... время дорого. Завтра онъ можетъ сюда пріѣхать... Я не вынесу его присутствія... Онъ не долженъ болѣе застать меня здѣсь.“

Она начала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, въ лихорадочномъ волненіи достала чемоданъ и начала укладываться. „У меня нетронутыхъ двадцать пять рублей жалованья, потомъ часы и серьги которыя можно продать. Это составитъ болѣе ста рублей. Поѣду къ тетѣ Лелѣ. Тяжело будетъ съ бабушкой, но все же легче чѣмъ здѣсь.“

Какъ перемѣнились ея взгляды! Прежде жизнь съ бабушкой казалась ей величайшимъ несчастiемъ, а теперь она являлась ей якоремъ спасенiя. „Чтò же, наконецъ, бабушка?“ разсуждала она, „правда она зла и жестока, но по крайней мѣрѣ она откровенна; всѣ знаютъ чего отъ нея ждать; есть хуже...“ И гнѣвъ снова закипалъ въ ней. Нѣтъ болѣе опаснаго и убiйственнаго яда какъ тотъ который невидимо истекаетъ изъ сердца злаго, развратнаго человѣка; онъ дѣйствуетъ какъ апрѣльскiй морозъ на поляхъ, убиваетъ самые лучшiе зародыши въ сердцахъ людей которыхъ судьба сводитъ съ ними. И Анна чувствовала это холодное, смертоносное дуновенiе. Машинально занялась она укладкою своихъ вещей. Часто руки ея падали въ изнеможенiи, но къ одиннадцати часамъ она кончила приготовленiя, собралась съ духомъ и сошла внизъ. Ее пугала предстоящая сцена; она знала что понадобится весь запасъ ея твердости.

Никто не думалъ спать. Любовь Петровна сидѣла пригорюнившись въ своей комнатѣ, Александръ былъ съ ней.

— Я пришла вамъ сказать что должна уѣхать отъ васъ, начала Анна съ неестественнымъ спокойствiемъ,—и оставаться у васъ я не могу. Не требуйте отъ меня подробныхъ объясненiй. Я теперь не въ состоянiи ихъ дать, потому что еще не опомнилась отъ ужаснаго удара. Умоляю васъ дать мнѣ возможность завтра на разсвѣтѣ уѣхать отсюда въ городъ; надѣюсь еще вовремя поспѣть на пароходъ. У меня все уложено.

Любовь Петровна долго молчала; наконецъ она хотѣла что-то сказать, но заплакала.

— Вотъ, произнесла она рыдая,—вотъ я думала что дала дочери хорошее образованiе... Никакихъ средствъ не пожалѣла... прочила ее за хорошаго жениха... а теперь дожила до какого срама! Всѣ пальцемъ на насъ укажутъ... ни одинъ порядочный человѣкъ на ней не женится!.. Глупая, дура я что отдала ее чужимъ людямъ на воспитанiе! Лучше бы росла неученою, да скромною бы осталась... Она меня въ могилу сведетъ!.. Ей бы на колѣняхъ просить прощенiя, а она меня же укоряетъ что я любовника ея подлецомъ назвала... Воображаетъ все что онъ на ней женится!..

Аннѣ стало невыразимо жалко Наденьку.

— Любовь Петровна, начала она,—не судите строго Наденьку! Ее обманули какъ насъ всѣхъ. Пожалѣйте о ней, пощадите ее, она нуждается въ вашей любви.

— Не нужно ей моей любви. Еслибы нужно было, она бы не стала потихоньку отъ меня имѣть тайныхъ свиданій. Какъ мнѣ показаться въ люди? Что̀ мнѣ дѣлать когда обо всемъ узнаютъ, а узнаютъ непремѣнно.

— Можетъ-быть онъ женится на ней, сказала Анна, и тутъ же досадовала на себя что не сумѣла ничего сказать утѣшительнѣе.

— Я заставлю этого подлеца на ней жениться! воскликнулъ Александръ.—Я завтра же къ нему поѣду, а если онъ не захочетъ, то заставлю его. Пусть всѣ узнаютъ что̀ это за человѣкъ.

— Неужели же чтобъ отомстить ему, вы пожертвуете репутаціей вашей сестры? Ради Бога, не дѣлайте этого. Позвольте мнѣ лучше написать ему. Если онъ послѣ этого не пріѣдетъ просить руки Наденьки, то не подымайте шуму. Пока горе ея не уймется, лучше увезти ее куда-нибудь подальше... У васъ вѣдь много родныхъ...

— Вы бы пошли къ Наденькѣ, поговорили бы съ ней, попросила Любовь Перовна.

Анна повиновалась, скрѣпя сердце, вошла къ Наденькѣ. Свѣча на столѣ тускло горѣла. Анна увидала что молодая дѣвушка лежала на постели и подошла къ ней.

— Не подходите! закричала Наденька дикимъ голосомъ, быстро приподнявшись, и такими испуганными, блуждающими глазами посмотрѣла на Анну что та отшатнулась. Она поняла что душевныя страданія вызвали физическую болѣзнь и что съ больною разсуждать невозможно. Она вернулась къ Любови Петровнѣ.

— Наденька серіозно занемогла, сказала она матери; — пошлите за докторомъ.

Всѣ засуетились. Черезъ три часа пріѣхалъ и докторъ. Наденька лежала въ безпамятствѣ; у нея открылась горячка. Всю ночь никто не спалъ. Между прислугой ходили толки очень близкіе къ истинѣ. Рано утромъ маленькій тарантасъ выѣхалъ со двора; онъ везъ Анну. Предъ отъѣздомъ она написала Краснопольскому:

„Я уѣзжаю. Загладьте свою вину и женитесь на Наденькѣ если она останется въ живыхъ.

„Анна Курбинская.“

Эту коротенькую записку она поручила Александру доставить по адресу нѣсколько часовъ послѣ ея отъѣзда. Она боялась что Аркадiй Өедоровичъ отправится вслѣдъ за ней и застанетъ ее въ городѣ.

При прощанiи съ Анной Любовь Петровна выразила сожалѣнiе что разстается съ ней и прибавила:

— Я не виню васъ въ томъ что̀ случилось съ Наденькой.

Эти слова больно кольнули Анну; она чувствовала въ нихъ скрытый упрекъ.

— Еслибъ я имѣла малѣйшее подозрѣнiе, отвѣчала она,— конечно я бы всѣми силами старалась удержать вашу дочь. Но тутъ дѣйствовалъ мастеръ своего дѣла: онъ даже обманулъ зоркiй глазъ матери, а потому я себя ни въ чемъ не могу упрекнуть.

Послѣ этихъ словъ онѣ довольно холодно разстались. Когда Анна прощалась съ людьми, она встрѣтила любопытные взгляды, и чуткое самолюбiе ея столько прочитывало оскорбительнаго въ ихъ удивленныхъ лицахъ что она вспыхнула отъ негодованiя.

„Развѣ они поймутъ зачѣмъ я уѣзжаю?“ подумала она,— „конечно они думаютъ что меня гонятъ за какую-нибудь важную вину.“ И еще тяжеле стало ей на душѣ.

XIII.

Около полудня усталая тройка медленно втащилась въ губернскiй городъ и подъѣхала прямо къ конторѣ пароходства. Но Анна опоздала и должна была ждать до другаго утра. Она оставила свои вещи въ конторѣ и отослала Акулинскаго кучера съ лошадьми на̀ постоялый дворъ, сама же пошла въ ближнюю гостиницу, рекомендованную ей агентомъ пароходнаго общества. Тутъ она немного прилегла; безсонная ночь утомила ее. Когда она проснулась, ей показалось что прошло уже нѣсколько лѣтъ, въ продолженiи которыхъ она вела скучную, безотрадную жизнь. Она нечаянно взглянула въ зеркало и удивилась что у нея еще молодое лицо и волосы не посѣдѣли. Ей казалось невыносимо долѣе оставаться одной, и потому она рѣшилась уйти изъ мрачнаго, грязнаго нумера и разсѣяться прогулкой по городу. „Пойду на почту, думала она, можетъ-быть пришло письмо отъ тети

Лели". Она надѣла на себя дорожную сумку и вышла на улицу. Около нея все было въ движеніи: тянулись длинныя вереницы ломовыхъ, тысячи людей занимались нагрузкой судовъ кулями и тюками. Все это заняло бы своею новизной молодую дѣвушку, но теперь она едва замѣчала что находится посреди кипучей торговой жизни. За день предъ тѣмъ она бы съ наслажденіемъ посмотрѣла на величественную рѣку, на поля и села по ту сторону широкаго водянаго пространства; сегодня она и не взглянула на красивую панораму.

„Всѣ мнѣ здѣсь чужіе, думала она: когда-то я увижу милую тетю Лелю?" Она ускорила шаги; надежда получить хоть письмо отъ любимой тетки нѣсколько оживила ее, и она поспѣшила на почту. На ея вопросъ ей сказали что есть на ея имя письмо съ деньгами. Анна вынула изъ сумки свой видъ, и чиновникъ, послѣ нѣсколькихъ взглядовъ, заключилъ что рискнуть пожалуй можно, и вручилъ ей письмо со вложеніемъ ста рублей.

„Откуда это?" думала Анна, возвращаясь въ свой нумеръ. Адресъ былъ написанъ писарьскимъ почеркомъ, совершенно ей незнакомымъ. Возвратившись она поспѣшно раскрыла письмо и увидѣла подпись прикащика бабушки. Прикащикъ увѣдомлялъ ее о кончинѣ тетки, единственнаго человѣка близкаго ея сердцу, и о томъ что бабушка посылаетъ ей деньги на дорогу и приглашаетъ ее къ себѣ. Это новое несчастіе переполнило чашу страданій. Анна судорожно зарыдала.

Даже и этого утѣшенія судьба лишала ее. Никогда болѣе не увидитъ она добраго, умнаго, задумчиваго лица милой тети Лели, не услышитъ отъ нея слова утѣшенія! Горе ея было совершенно эгоистичное, потому что для самой Елены Курбинской смерть явилась избавительницей отъ невыносимой жизни. Но Анна такъ нуждалась въ ея поддержкѣ именно теперь. Благодѣтельное вліяніе глубокой привязанности на человѣческую натуру обнаружилось и здѣсь. Злоба которая кипѣла въ сердцѣ дѣвушки уступила мѣсто глубокой печали; воспоминаніе объ ангельской душѣ умершаго друга вытѣснило тѣхъ демоновъ которые мучили ее. Ненависть и презрѣніе ко всему человѣчеству утихли на время.

Подали обѣдъ, но она не могла ѣсть. Такъ она сидѣла одна-одинешенька съ своею печалью. Начинало уже смеркаться, вдругъ дверь ея отворилась, и предъ ней стоялъ Краснопольскій. Внезапный приходъ его заставилъ Анну вскрикнуть

отъ испуга, но она ничего не могла сказать ему. Онъ взялъ стулъ и сѣлъ рядомъ съ ней.

— Я былъ глубоко пораженъ сегодня утромъ извѣстiемъ о вашемъ отъѣздѣ, началъ онъ,—не хорошо такъ покидать друзей не предупредивъ ихъ.

— Вы письмо мое получили? спросила Анна. Все доброе, мягкое исчезло изъ ея сердца при появленiи врага. Голосъ ея звучалъ сухо, рѣзко, твердо.

— Нѣтъ не получилъ, отвѣчалъ онъ. — Я узналъ о вашемъ отъѣздѣ случайно, чрезъ людей, и тотчасъ же отправился сюда просить васъ чтобы вы объяснили мнѣ что это значитъ?

— Мнѣ было слишкомъ тяжело оставаться тамъ гдѣ я получила такой ужасный урокъ. Я вѣрила вамъ, вѣрила въ ваше благородство, въ вашу любовь, и все это оказалось на повѣркѣ одною мечтой. Я знаю какъ вы поступили съ Наденькой, этимъ неопытнымъ ребенкомъ; она во всемъ созналась и теперь лежитъ въ горячкѣ. Если она не вынесетъ болѣзни, то совѣсть должна сказать вамъ кто ея убiйца. Считаю лишнимъ еще что-нибудь прибавить (она отвернулась), между нами все кончено.

Черты Краснопольскаго совершенно измѣнились. Куда дѣвались его ласковые взоры, его любезная улыбка!

— Я понимаю, вы меня презираете, сказалъ онъ мрачно,— вы меня гоните отъ себя, но я остаюсь. Да, это правда, я обманулъ Наденьку; положимъ, строгiе моралисты меня за это осудятъ, да вѣдь и другiе такъ поступаютъ, и никто имъ этого не ставитъ въ упрекъ.

— Но кромѣ свѣта есть судья который въ насъ самихъ.

— Вы правы, этотъ судья говоритъ мнѣ что я поступилъ дурно. Прежде я легко себѣ все прощалъ, но съ тѣхъ поръ какъ я до безумiя люблю, я понимаю что сердцемъ шутить не слѣдуетъ.... Анна, милая Анна! спасите меня!.... Я жалкiй человѣкъ, я васъ недостоинъ, но если вы будете моею женой, я сумѣю изгладить все прошлое!...

Глаза его горѣли страстью, онъ схватилъ руку Анны и хотѣлъ ее обнять, но она съ гнѣвомъ оттолкнула его и отошла на нѣсколько шаговъ. Съ холоднымъ презрѣнiемъ и гордымъ достоинствомъ она отвѣчала:

— Я никогда не буду вашею. Вы искусно притворялись, превосходно лицемѣрили и выказали долголѣтнiй навыкъ. Влiянiе женщины не простирается на такiе пороки и склонности

которые глубоко вкоренились въ сердце человѣка, а потому, какъ бы вы меня ни любили, все-таки вы никогда не можете сдѣлаться истинно правдивымъ и честнымъ человѣкомъ; да и вліяніе мое не можетъ быть такъ сильно, такъ какъ я васъ больше не люблю. Я любила не васъ, а того добраго, благороднаго человѣка какимъ вы умѣли казаться. Съ той минуты какъ я потеряла къ вамъ уваженіе, любовь моя исчезла.... любовь къ призраку, прибавила она съ горькою усмѣшкой.

Краснопольскій въ изступленіи бросился къ Аннѣ. Глаза его сверкали, онъ былъ внѣ себя.

— Ты не хочешь, воскликнулъ онъ, и блѣдныя губы его дрожали отъ злобы, — а я тебѣ говорю что ты отъ меня не уйдешь.... ты должна быть моею, а то я за себя не ручаюсь... я въ состояніи совершить преступленіе!...

Анна хотѣла бѣжать къ дверямъ, но онъ удержалъ ее за руку и такъ крѣпко стиснулъ ее что дѣвушка вскрикнула отъ боли.

—Оставьте меня, закричала она,—я позову на помощь и всѣ въ домѣ сбѣгутся!

Въ эту минуту дверь отворилась. Краснопольскій бросилъ руку Анны и отошелъ къ окну. Въ комнату вошли оба Ладовы, аристократическіе родственники Любови Петровны. Отецъ подошелъ къ Аннѣ, не обращая никакого вниманія на Краснопольскаго.

— Я прочелъ тутъ вашу фамилію, сказалъ онъ,—и обрадовался встрѣтить знакомую. Можетъ-быть и вы не забыли какъ мы случайно попали на вашъ балъ въ Акуловку. Моя сестра здѣсь съ нами, и очень желаетъ съ вами познакомиться. Она васъ приглашаетъ раздѣлить съ ней ея нумеръ.

Анна съ благодарнымъ взглядомъ протянула руку старику, но такъ была встревожена что не могла отвѣтить.

— Позвольте предложить вамъ руку, а ты Николай, собери всѣ вещи и пойдемъ! Monsieur, je vous souhaite le bonjour, обратился онъ къ Краснопольскому слегка насмѣшливымъ тономъ. Но тотъ продолжалъ внимательно смотрѣть на улицу, будто ничего не слыхалъ.

Анна вздохнула свободнѣе когда вышла изъ нумера; объясненіе съ Краснопольскимъ отняло у нея послѣднія силы, она изнемогла. Къ счастію, сестра Ладова была женщина съ сердцемъ и тактомъ. Она мигомъ вошла въ поло

женiе молодой дѣвушки, дала ей успокоительныхъ капель, и не сдѣлавъ ей ни одного вопроса уложила ее спать.

Появленiе Ладовыхъ было не такъ случайно какъ могло казаться. Они ужь прежде знали что Анна остановилась въ гостиницѣ рядомъ съ ними; заслуга этого открытiя принадлежала сыну. Такъ какъ ихъ отдѣляла тоненькая стѣна, съ безчисленными щелями заклеенными только бумагой, то они не проронили ни одного слова изъ объясненiя Анны съ Краснопольскимъ, и явились къ ней на выручку какъ нельзя болѣе кстати.

На другое утро Анна отправилась со своими покровителями на пароходъ. Ей можно было оставаться въ ихъ обществѣ до Москвы. Хотя она теперь не была ужь такъ одинока и беззащитна, но мысль снова встрѣтиться съ Краснопольскимъ приводила ее въ ужасъ. Предчувствiе ее не обмануло: вотъ онъ стоитъ въ толпѣ на пристани и непремѣнно надо будетъ пройти близь него. Старикъ Ладовъ, который велъ ее подъ руку, почувствовалъ какъ въ эту минуту она крѣпко уперлась на него и задрожала. Какъ только они взошли на пароходъ, Анна торопливо сошла въ дамскую каюту, между тѣмъ какъ Николай Ладовъ охранялъ входъ. Тутъ она бросилась на диванъ и трепетно ждала отъѣзда парохода.

Наконецъ раздался третiй звонокъ, сняли трапъ, колеса начали медленно рыться въ водѣ, капитанъ съ помощникомъ засуетились чтобы ловко и красиво совершить поворотъ, не задѣвая за сплошную массу судовъ. Съ берега махали платками и зонтиками.

Одинъ только высокiй красивый мущина, съ блѣднымъ лицомъ, стоялъ неподвижно и мрачно глядѣлъ на отъѣзжавшихъ. Долго провожалъ онъ пароходъ глазами, пока онъ не скрылся вдали, оставивъ по себѣ тонкое облако.

М. ВАСИЛЬЕВА.

(До слѣд. №.)

КРЕСТОВЫЙ ПОХОДЪ

НѢМЦЕВЪ НА СЛАВЯНЪ 1147 ГОДА

„Чудо изъ чудесъ" совершилось: Конрадъ III Гогенштауфенъ, императоръ Священной Римской Имперіи нѣмецкаго племени, принялъ 1146 года 28го декабря въ Шпейерскомъ соборѣ крестъ, обѣщаясь идти на защиту Святой Земли отъ невѣрныхъ. Виновникомъ такого чуда былъ Бернардъ аббатъ Клервоскій, возбудитель этого втораго крестоваго похода.

За два года предъ тѣмъ пала Эдесса, оплотъ Іерусалимскаго королевства съ востока. Папа издалъ буллу, призывая на защиту Гроба Господня всѣхъ вѣрующихъ, но булла не произвела сильнаго впечатлѣнія, и дѣло двинулось быстро когда въ проповѣданіи принялъ участіе колебавшійся дотолѣ Бернардъ. Онъ прежде всего обратился къ своимъ соотечественникамъ, впечатлительнымъ Французамъ, главнымъ участникамъ въ первомъ крестоносномъ ополченіи, и своимъ краснорѣчіемъ, своимъ видомъ, своею славой отшельника и чудотворца, увлекъ ихъ въ крестовый походъ. И кто бы не тронулся слушая описаніе жестокостей при взятіи Эдессы! 30.000 христіанъ избиты, 16.000 вѣрующихъ, женъ и дѣтей, уведено въ рабство на дальній Востокъ, храмы разрушены невѣрными, святыня осквернена и поругана мусульманами; такое же

поруганіе грозитъ и землѣ въ коей пролита кровь Спасителя, землѣ недавно пріобрѣтенной цѣною жизни тысячъ сподвижниковъ перваго похода. Вся Франція пришла въ движеніе. Когда на Пасхѣ въ Везеле принялъ крестъ отъ Бернарда Лудовикъ VII, король Французскій, то не достало крестовъ для желающихъ. Бернардъ разорвалъ свою одежду и раздавалъ изъ нея знаки креста толпившимся вокругъ проповѣдника. Религіозный фанатизмъ прежде всего обратился на Евреевъ, убійцъ Господа, и сцены жестокости повторились на берегахъ Рейна. Аббатъ Клервоскій укротилъ это народное волненіе. Онъ еще въ это время письменно и устно приглашалъ Конрада въ крестовый походъ; но императоръ, несмотря на все свое уваженіе къ святому мужу, отрекался отъ этого предпріятія. Императоръ оказывалъ ему всѣ знаки вниманія, на своихъ плечахъ однажды вынесъ Бернарда изъ толпы въ храмѣ, но благоразуміе брало верхъ надъ удивленіемъ и желаніемъ сдѣлать угодное такому мужу. Въ самомъ дѣлѣ, какъ могъ императоръ оставить государство? Во всѣхъ частяхъ имперіи шли междоусобія между различными владѣтелями; противникъ Конрада, Генрихъ Вельфъ, не отрекался отъ своихъ притязаній на Баварію и ждалъ удобнаго случая поднять свое знамя; порядокъ не былъ возстановленъ, дѣла въ Италіи тоже требовали присутствія самого государя, недостатокъ средствъ наконецъ—все было противъ предпріятія. Нужно было дѣйствительно чудо чтобъ оно совершилось. Въ торжественномъ служеніи, въ Шпейерскомъ соборѣ, Бернардъ обратился къ присутствующимъ съ пламенною рѣчью; онъ прямо спросилъ Конрада, указывая на всѣ благодѣянія Божіи излитыя на него: „чѣмъ отблагодарилъ онъ Создавшаго и чѣмъ оправдается на страшномъ судѣ въ своей лѣности къ дѣлу Божію.“ Всѣ мірскіе разчеты и соображенія были забыты при страшныхъ словахъ Бернарда. „Я признаю милость Божію, вскричалъ Конрадъ, проливая слезы, не хочу быть долѣе неблагодарнымъ, хочу слѣдовать призыву Господню.“ Громко одобрили присутствующіе этотъ обѣтъ. Бернардъ даровалъ крестъ и знамя отъ алтаря въ руки императора. Многіе знатные вассалы, главнымъ образомъ изъ южной Германіи, тоже взяли крестъ; изъ сѣверной же Германіи нашлось только двое послѣдовавшихъ королю. Папа былъ удивленъ такимъ событіемъ. Какъ бы побуждаемый чувствомъ зависти, онъ спрашивалъ императора: отчего онъ въ такомъ

важномъ дѣлѣ не посовѣтовался прежде съ главою церкви. „Духъ Божій вѣетъ гдѣ хочетъ и не даетъ времени посовѣтоваться съ папой или съ инымъ кѣмъ“, былъ отвѣтъ императора, указывавшій ясно на мгновенное пробужденіе религіознаго чувства и забвеніе всякихъ мірскихъ разчетовъ. Немедля, по обычаю, разосланы были отъ имени Конрада повсюду грамоты съ приглашеніемъ послѣдовать примѣру бывшихъ въ Шпейрѣ. И Бернардъ, объѣзжая Баварію и Франконію, подкрѣпляетъ своими проповѣдями свѣтскую власть, а пророчествами объ успѣхѣ предпріятія увлекаетъ робкихъ. Святое дѣло всѣмъ можетъ послужить во спасеніе. Пусть разбойникъ идетъ въ Святую Землю, и онъ спасется; поджигатель да приметъ участіе въ походѣ, и онъ загладитъ свои злодѣянія. *

Прошли уже два мѣсяца проповѣданія въ южной Германіи. Императоръ дѣлалъ приготовленія и чтобъ обезпечить себя и миръ въ государствѣ на время отсутствія созвалъ, въ половинѣ марта, сеймъ во Франкфуртѣ. ** Во Франкфуртъ прибылъ и аббатъ Клервоскій. Давно уже не было такого многочисленнаго и блестящаго собранія. Кромѣ франконскихъ, швабскихъ, баварскихъ князей, сюда прибыли и саксонскіе вассалы враждебные Гогенштауфену: герцогъ саксонскій, маркграфъ саксонскій, графъ отдаленной Голштиніи Адольфъ Шауэнбургскій и иные. Проповѣдь Бернарда не оказала обычнаго дѣйствія на хладнокровныхъ Германцевъ Сѣвера. Они съ недовѣріемъ относились и къ его чудесамъ, говоря что трудно въ такой толпѣ разобрать кто чѣмъ боленъ и исцѣлѣлъ ли отъ болѣзни благодаря благословенію Бернарда. Графъ Адольфъ былъ въ числѣ такихъ сомнѣвающихся. *** И вотъ Бернардъ, вдохновленный свыше,

---

* Michaud. *Histoire des Croisades*, livre VI, p. 408, (1867). Saint Bernard qui regardait la croisade comme le chemin du ciel y appellait les plus grands pécheurs.... Le concile de Reims, dont l'abbé de Clairvaux était l'oracle, arrêta que les incendiaires feraient pendant un an le service de Dieu.

** Annales Corbeienses: ad indictam diem, hoc esse censetur in 14 kal. April... Giesebrecht, *Wendische Geschichten*, III, 24, ошибочно относитъ этотъ сеймъ ко 2му февраля.

*** Helmold c. 59. Cum igitur sanctus vir in ecclesia positus curandis egrotis in nomine Domini propensius instaret, astante rege et summis

явилъ всѣмъ силу свою. Къ нему принесли слѣпаго и хромаго мальчика, въ болѣзненномъ состояніи коего никто не могъ сомнѣваться. Вопреки своему обычаю преподать только благословеніе, проповѣдникъ приказалъ приблизить его къ себѣ и взялъ на руки. Заклиная дьявола, Бернардъ прикоснулся ко глазамъ больнаго, и они получили даръ зрѣнія; потомъ выпрямилъ ему сведенныя колѣна и приказалъ сойти по ступенямъ въ доказательство что какъ зрѣніе, такъ и возможность ходить возвратились къ страдавшему. Сомнѣвающіеся должны были убѣдиться и увѣровать. Но они все-таки не желали отправиться въ крестовый походъ, проливать свою кровь въ отдаленномъ предпріятіи, которое и въ случаѣ успѣха не могло принести никакой пользы. Религіозное чувство не брало у Саксонцевъ верха надъ житейскимъ разчетомъ; бороться за идею они находили не благоразумнымъ. Конечно, подобные доводы не могли быть выставлены въ вѣкъ религіознаго воодушевленія, политическое приличіе не дозволяло также вассалу оставлять своего сюзерена, и саксонскіе князья прибѣгли къ уловкѣ. Они казались готовыми принять участіе въ крестовомъ походѣ, пролить кровь варваровъ и свою за дѣло Божіе, но указали что не могутъ идти въ Святую Землю потому что въ ихъ отсутствіе язычники Славяне нападутъ на ихъ города и разрушатъ церкви, уведутъ въ рабство ихъ подданныхъ христіанъ, и имя Божіе будетъ посрамлено. Прозорливый Бернардъ удачно воспользовался и этимъ ихъ отказомъ. Жестоко укоряя саксонскихъ князей за то что они не позаботились доселѣ объ обращеніи сосѣднихъ язычниковъ въ христіанство, онъ объявилъ что крестовый походъ противъ язычниковъ Славянъ будетъ такое же богоугодное дѣло какъ и походъ на помощь Гробу Господню противъ безбожныхъ мусульманъ, и пусть тѣмъ ревностнѣе подобнымъ предпріятіемъ поспѣшатъ загладить свою прежнюю лѣность по вѣрѣ князья сѣверной Германіи.

Дозволеніе отъ Конрада проповѣдывать этотъ новый крестовый походъ было немедленно получено. Бернардъ со всѣмъ жаромъ обратился противъ Славянъ язычниковъ, враговъ

---

potestatibus, incertum erat inter tantas populorum catervas, quid quis pateretur, aut cui forte subveniretur. Aderat illic comes noster Adolphus, certius nosse cupiens ex operatione divina virtutem viri.

имени Христова. Католическое духовенство Саксонской земли поддерживало такое направленіе крестоваго похода. Нѣкоторые епископы въ Саксоніи были только титулярными, то-есть имѣли епархію существующую только по имени среди грубыхъ язычниковъ, гдѣ не было ни одного христіанина и куда не простиралась политическая власть Нѣмцевъ. Они желали чтобъ ихъ власть стала дѣйствительною и чтобы десятина и доходы съ разныхъ городовъ и селеній славянскихъ, когда-либо дарованныхъ церкви императорами, но не бывшихъ христіанскими, и не подвластныхъ Нѣмцамъ, на самомъ дѣлѣ поступали въ ихъ руки. Одинъ изъ таковыхъ епископовъ, Ансельмъ Гавельсбергскій, первый принялъ здѣсь крестъ противъ Славянъ. Слѣдовало получить еще разрѣшеніе отъ папы, безъ дозволенія котораго проповѣдь была не дѣйствительна. Евгеній III, вслѣдствіе волненій въ Римѣ, долженъ былъ удалиться изъ Италіи, и около этого времени, въ мартѣ мѣсяцѣ, прибылъ во Францію и послалъ своего легата Дитвина въ Германію съ полномочіемъ для разрѣшенія могущихъ встрѣтиться затрудненій. Въ началѣ апрѣля, папа получилъ извѣщеніе о намѣреніи саксонскихъ князей идти не въ Святую Землю, а противъ сосѣднихъ народовъ. Евгеній III съ радостію услыхалъ о такомъ предпріятіи. Честолюбіе и желаніе расширить папскую власть были для него главными побудительными причинами для поднятія втораго крестоваго похода въ Святую Землю. Его предшественникъ Урбанъ II воспользовался подобнымъ случаемъ въ 1036 году и возвратилъ въ единство церкви два патріаршіе престола отторгшіеся отъ повиновенія папѣ, то-есть подчинилъ власти папской православныя патріархіи Антіохію и Іерусалимъ; Евгеній III не желалъ отстать отъ своего предшественника, и распространеніе папской власти на берега Балтійскаго моря было для римскаго первосвященника желаннымъ событіемъ. *

---

* Родственникъ императора Фридриха I, знаменитый Оттонъ Фрейзингскій прямо высказываетъ эти мысли: Qui (Евгеній III) antecessorum suorum exempla revolvens quod videlicet Urbanus huius modi occasione transmarinam ecclesiam duasque patriarchales sedes ab obedientia Romanae sedis scissas in pacis unitatem receperit, votis praedicti regis (Лудовика VII) annuit. De ges. Frid. I, 34, 35.

12го апрѣля * онъ послалъ грамоту, датированную изъ окрестностей Труа, въ которой изъявлялъ согласіе на крестовый походъ противъ Славянъ; соизволялъ чтобы знакъ крестоносцевъ былъ не просто крестъ, но крестъ опирающійся на кругъ,** во знаменіе вѣроятно что война противъ язычниковъ должна идти по всей землѣ. Въ грамотѣ первосвященникъ высказывалъ вѣру что явно Божіе произволеніе ополчило такое множество христіанъ изъ различныхъ странъ свѣта на борьбу съ невѣрными. Въ то время какъ нѣкоторые короли и князья снаряжаются на освобожденіе восточной церкви, сказано въ грамотѣ, король Испанскій поднялъ оружіе противъ Сарацынъ въ его странѣ, и милостію Божіей многократно побѣдилъ ихъ. Нынѣ же нѣкоторые предпринимаютъ походъ противъ Славянъ и иныхъ на сѣверѣ живущихъ язычниковъ, дабы съ помощію Божіей подчинить ихъ игу вѣры Христовой. Папа распространялъ всѣ права крестоносцевъ Св. Гроба и на отправляющихся походомъ противъ Славянъ: „Всѣ взявшіе крестъ изъемлются до ихъ возвращенія отъ всякаго рода имущественныхъ преслѣдованій; всѣ кои предпримутъ святое путешествіе съ сердцемъ правымъ и чистымъ и займутъ деньги съ этою цѣлью, не должны платить процентовъ; если же сами они или другіе за нихъ обяжутся заплатить ростъ, то мы властію отъ апостоловъ данною разрѣшаемъ ихъ отъ сего... Подобно нашему предшественнику, мы властію всемогущаго Бога и блаженнаго Петра, князя апостоловъ, даемъ отпущеніе и разрѣшеніе грѣховъ, обѣщаемъ жизнь вѣчную всѣмъ кои предпримутъ и окончатъ святое пилигримство или умрутъ въ этомъ служеніи Господу Іисусу Христу, исповѣдавъ свои прегрѣшенія съ умиленнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ." Но Евгеній III зналъ и причины которыя могли охладить ревность къ вѣрѣ крестоносцевъ и причинить неуспѣхъ святаго подвига; онъ воспрещалъ, „подъ страхомъ отлученія,

* А. Павинскій въ изслѣдованіи *Полабскіе Славяне*, стр. 157, 158, ошибочно предпосылаетъ посланіе Бернарда этой грамотѣ Евгенія III. Бернардъ не могъ ранѣе согласія папскаго проповѣдывать крестовый походъ. Равнымъ образомъ ошибочно называетъ г. Павинскій эту папскую грамоту *буллой*.

** Otto Fris. De gest. Fr. I, 40 cruces... non simpliciter vestitae, sed a rota subterposita in altum protendebantur. Возможность иного толкованія этихъ словъ, какъ дѣлаютъ нѣкоторые историки, устраняется изображеніемъ этого знаменія, помѣщеннымъ въ Ann. Stad. ♁

принимать отъ язычниковъ, коихъ можно было бы обратить въ христіанство, деньги или иной какой выкупъ, и за это дозволять имъ коснѣть въ прежнемъ невѣріи". Папа находилъ полезнымъ чтобы между сѣверными крестоносцами находился благочестивый, разумный и ученый мужъ, который бы заботился о мирѣ и согласіи между ними, сохранялъ единодушіе и увѣщевалъ къ подвигамъ христіанскимъ, и далъ такое порученіе Ансельму Гавельбергскому. Поэтому: его должны всѣ любить и почитать; его совѣтамъ, увѣщаніямъ и предписаніямъ въ смиреніи повиноваться.

Бернардъ писалъ грамоты въ этомъ же смыслѣ. Онъ извѣщалъ всѣхъ и каждаго о рѣшеніи принятомъ во Франкфуртѣ и энергически говорилъ: Мы объявляемъ что вся сила христіанская вооружается противъ нихъ (Славянъ) и принимаетъ спасительное знаменіе (крестъ) для конечнаго истребленія или обращенія тѣхъ народовъ (въ христіанство)! * Аббатъ Клервоскій воспрещалъ, согласно съ повелѣніемъ папскимъ, за деньги или за обѣщаніе дани заключать какой-нибудь договоръ съ язычниками Славянами, пока или язычество или народъ не будутъ стерты съ лица земли. Блюсти за этимъ поставлялось въ особенную обязанность архіепископамъ и епископамъ. Во всѣхъ областяхъ Германіи, съ церковной каѳедры, читались и объяснялись эти грамоты. Онѣ проникли въ католическую Чехію и Польшу, въ отдаленную Данію. Всѣ повторяли что не успѣетъ кровь охладѣть въ жилахъ падшаго за вѣру въ бою, какъ душа его перейдетъ въ райскія жилища. Приманки были сильныя, и собралось много народу, хотя не столько съ религіозными цѣлями, сколько въ видахъ наживы въ этомъ легкомъ походѣ, или изъ желанія освободиться отъ затруднительныхъ обстоятельствъ домашнихъ. Находились современники не одобрявшіе вообще крестоваго похода и здраво видѣвшіе положеніе вещей. Приведемъ подлинныя слова одного лѣтописца, близко стоявшаго къ епископу Вюрцбургскому и знавшаго государственныя тайны большой

---

* Denunciamus armari christianorum robus adversus illos (Slavus) et ad delendas penitus aut certe convertendas nationes illas signum salutare suscipere.

важности: * „За грѣхи Богъ попустилъ наказаніе на западную церковь. Ибо воздвиглись нѣкіи лжепророки, дѣти Беліала, слуги антихриста, и пустыми рѣчами соблазняли христіанъ и лживою проповѣдью возбуждали всѣхъ людей идти противъ Сарацинъ на освобожденіе Іерусалима. И проповѣдь ихъ была столь успѣшна что какъ бы по какому тайному согласію всѣхъ почти странъ обитатели добровольно предлагали себя на истребленіе; не только простые люди думали совершить этимъ угодное Богу, но даже короли, герцоги, маркграфы и остальныя власти сего міра, вмѣстѣ со впавшими въ подобное же заблужденіе епископами, архіепископами, аббатами и иными служителями церкви, съ радостію бросались на страшную погибель души и тѣла. Что удивляться сему, когда самъ господинъ Евгеній первосвященникъ римскій не знаю по какому тайному побужденію, будучи подвигнутъ стараніями аббата Клервоскаго Бернарда, писалъ къ благочестивому римскому императору Конраду и ко всей имперіи, къ королю Франціи, къ королю Англіи и ко всѣмъ королямъ христіанской вѣры и исповѣданія, и вельможамъ ихъ и подданнымъ, въ писаніи же наставлялъ быть готовыми къ этому пути

* Ann. Herbipolenses: Occidentanam exigentibus peccatis Deus affligi permisit ecclesiam. Etenim perrexerunt quidam pseudoprophetae, filii Belial, testes antichristi, qui inanibus verbis christianos seducerent, et pro Iherosalimorum liberatione omne genus hominum contra Sarracenos ire vana predicatione compellerent.... omnes fere regionum habitatores velut ad commune excidium sponte se offerrent...... Nec mirum, cum, nescio qua latente occasione ipse Dominus Eugenius.... universis christianis scriberet, scribendo ad hoc iter paratos esse debere admoneret.... Currit indiscrete uterque hominum sexus.... Erat autem diversa diversorum intentio. Alii autem rerum novarum cupidi ibant pro novitate terrarum consideranda; alii, quibus egestas imperabat, quibus etiam res angusta domi fuerat, non solum contra inimicos crucis Christi, sed etiam contra quos libet christiani nominis amicos, ubi oportune videretur, dimicaturi pro paupertate relevanda; alii, qui premebantur ere alieno, vel, qui debita dominorum cogitabant relinquere servitia, vel etiam quos flagitiorum suorum merita expectabant supplitia simulantes se zelum Dei habere, festinabant potius pro incomoditate tantorum sollicitudinum reprimenda. Vix autem pauci inventi sunt qui non incurvarent genu ante Baal, quos videlicet sancta et salubris intentio dirigeret....

и властію апостольской, данною ему отъ Бога, даровалъ отпущеніе грѣховъ всѣмъ, безъ исключенія, кои добровольно бы понесли сей подвигъ. Свидѣтельствуютъ о семъ апостольскомъ повелѣніи грамоты здѣсь и тамъ по разнымъ странамъ и предѣламъ находящіяся и тщательно скрытыя во многихъ церквахъ, когда окончился этотъ походъ. И такъ сошлось множество людей безъ различія обоего пола, мущины и женщины, бѣдные и богатые, князья и вельможи со своими государями, клерики и монахи съ епископами и аббатами. Самъ король Франціи Лудовикъ сталъ спутникомъ и союзникомъ въ походѣ римскаго императора Конрада. Съ разными помыслами шли разные люди. Одни безпокойные, скучавшіе однообразіемъ, шли для извѣданія новыхъ странъ: другіе, коихъ угнетала нужда, у коихъ дѣла запутались, готовы были сражаться не только противъ враговъ креста Христова, но и противъ друзей имени христіанскаго, гдѣ было бы только легче и гдѣ можно было бы освободиться отъ нужды своей; третьи кругомъ задолжавшіе или задумавшіе не исполнить взятыхъ на себя обязательствъ, или наконецъ, ждавшіе за свои преступленія наказанія, всѣ прикрываясь ревностью по Богѣ спѣшили освободиться отъ такихъ затрудненій своихъ. Весьма не много было не преклонившихъ колѣнъ предъ Вааломъ людей, коими управляло святое и спасительное желаніе, коихъ пламенная любовь къ Богу побуждала сражаться до пролитія крови за святая святыхъ. Самое большое количество подобныхъ крестоносцевъ должно было присоединиться къ походу противъ Славянъ, какъ самому легкому и наиболѣе обѣщавшему выгодъ.“

Что̀ же это за Славяне?

Извѣстно что послѣ великаго переселенія народовъ весь южный берегъ Балтійскаго моря и земли отъ него до Чехіи очутились во власти отрасли Славянъ, родственной Польскому народу. Ихъ мы назовемъ прибалтійскими Славянами по мѣсту жительства у Балтійскаго моря, отъ устья Одера до Любека и Киля, и Поморянами—въ теперешней Помераніи; ближайшихъ же къ Чехамъ внутри твердой земли назовемъ Полабскими славянами по ихъ мѣсту жительства у Эльбы, или Лабы, и за Эльбой до рѣки Салы. Со времени Карла Великаго всѣ эти племена ведутъ борьбу съ Нѣмцами, то подчиняясь на время, то снова пріобрѣтая полную

самостоятельность; то допуская силою навязанное христіанство, то избивая его проповѣдниковъ, какъ насильниковъ. Ко времени нашего разказа, половинѣ XII вѣка, все среднее теченіе Эльбы по обѣимъ берегамъ было въ рукахъ Саксонцевъ, и два сильные врага, Левъ и Медвѣдь, герцогъ Саксонскій Генрихъ Левъ и маркграфъ Бранденбургскій Альбрехтъ Медвѣдь, грозили самостоятельности послѣднихъ славянскихъ племенъ Бодричей (Abotriti) и Лютичей, занимавшихъ часть Помераніи, герцогства Мекленбургскія, Лауэнбургскія и восточную часть Голштиніи. Въ этихъ мѣстахъ, на территоріи пространствомъ около 400 кв. м., жило независимыхъ Славянъ приблизительно до 300.000 (въ настоящее время здѣсь жителей считается болѣе милліона). Имена Бодричи и Лютичи были общими названіями союзовъ славянскихъ подраздѣлявшихся на большое количество отдѣльныхъ племенъ: Вагровъ, Кимавъ, Залѣнянъ и другихъ. Эти отдѣльныя племена имѣли своихъ старшинъ и только на случай войны подчинялись князю изъ какого-нибудь одного рода: Прибиславу Бодрицкому, Никлоту Лютицкому. Бывали примѣр что дѣятельный князь подчинялъ себѣ всѣхъ Славянъ прибалтійскихъ и властвовалъ надъ ними съ титуломъ короля, rex; но, къ несчастію, подобные короли опирались на помощь нѣмецкую, и ихъ государство распадалось съ ихъ смертію, и снова наступало пагубное раздѣленіе. Языческая религія, какъ своя отцовская, въ противоположность грозившему онѣмеченіемъ христіанству, развилась какъ нигдѣ у Славянъ. Кромѣ множества мелкихъ божествъ, почитаемыхъ преимущественно у одного племени, какъ Жива богиня у Полабцевъ, Радигость у Бодричей собственно, Prove * у Вагровъ, были божества пользовавшіяся общимъ почитаніемъ, въ особыхъ святилищахъ: Святовитъ въ Арконскомъ

* Prove. Надъ объясненіемъ этого имени много трудились. Обращали вниманіе на то что въ спискѣ хроники Гельмольда, хранившемся въ Штеттинской гимназіи и теперь исчезнувшемъ, равно какъ и въ исчезнувшемъ снимкѣ съ этого списка 1657 года читается: Prone, какъ указываютъ варіанты заимствованные осмотрительнымъ Бангертомъ, извѣстнымъ издателемъ Гельмольда. Равнымъ образомъ, въ *Chronicon Slavicum*, писанной въ 1485 оду, автору которой твореніе Гельмольда было извѣстно, вездѣ читается Prone. Не есть ли это Перунъ Русскихъ?

храмѣ, Радигостъ въ Ретрѣ. Вполнѣ развитое и весьма вліятельное жреческое сословіе поддерживало язычество. Власть верховнаго жреца стояла иногда выше власти княжеской. Жрецъ умилостивлялъ бога жертвой и узнавалъ будущее: удачно ли кончится война, начинать ли ее. И всѣ славянскія племена, приходя въ Аркону, принося туда должную дань, на поддержаніе богослуженія, сознавали яснѣе свое единство.

Сотни озеръ большихъ и малыхъ покрываютъ эту холмистую страну, мелкія рѣки, тогда болѣе судоходныя, прорѣзываютъ ея болота и прекрасные буковые лѣса неся свои воды въ Балтійское море. Почва подъ руками искусныхъ въ земледѣліи, трудолюбивыхъ населеній доставляла хорошую жатву, лѣса дичь, а озера и рѣки—рыбу. Одинъ проповѣдникъ разказываетъ что встрѣтилъ славянскаго рыбака который ничего не видалъ много лѣтъ кромѣ береговъ своего озера. Но не этими мирными занятіями пріобрѣталъ себѣ богатство прибалтійскій Славянинъ: морская торговля и неразлучный съ нею грабежъ, вотъ что̀ давало обильный доходъ. Не говоря о нѣмецкихъ корабляхъ, въ гавани этой части Балтійскаго моря входили и русскія суда. Искусствомъ постройки судовъ и плаванія Славяне превосходили всѣхъ своихъ сосѣдей: они первые устроили суда военныя, на кои вводили коней и переплывали такъ въ Скандинавію; Даны переняли это у нихъ въ послѣдствіи. Страхъ наводили карабли Славянъ на ютландское и скандинавское побережье, подобно тому какъ ихъ отряды на сухомъ пути ужасали пограничное населеніе въ Голштиніи и за Эльбой. Не проходило года чтобы не горѣли села на островахъ Датскихъ, въ самой Ютландіи; * съ богатою добычей, съ большимъ полономъ, возвращались удальцы въ свои жилища до слѣдующаго набѣга. Съ трудомъ противостояли мужеству ихъ и искусству сосѣди, искавшіе случая отомстить за жестокости и опустошенія. Какъ бы выродками изъ миролюбиваго Славянскаго народа были эти Лютичи и Бодричи. Походы и грабежи викинговъ норманскихъ увлекли Славянъ къ подражанію, заставивъ платить раззореніемъ за раззореніе. Постоянная вражда, вражда на смерть съ Нѣмцами, закалила ихъ характеры и притупила ихъ чувство.

---

* Ann. Palidenses:... (Saxones) congregati sunt, uti Sclavorum... nefarios ausus inhiberent, quibus Danorum gentem infinita strage detriverant.

Они боролись не за самостоятельность только свою, но за свободу и жизнь. Не простое подчиненіе ждало Славянина въ случаѣ пораженія, а тяжелое рабство, худшее смерти. Или примите христіанство и станьте рабами грабителей-Нѣмцевъ, или погибните до единаго, слышалось за словами проповѣдниковъ. Удачный походъ герцога Саксонскаго въ землю Славянъ велъ за собой не меньшее зло какъ и походъ славянскаго предводителя въ Бранденбургскую марку. „Тамъ плачъ и стонъ, и скорбь безмѣрная, когда къ разнымъ господамъ, какъ по дѣлежу приходится, разлучается мужъ отъ жены и жена отъ мужа, родители отъ дѣтей своихъ“, говоритъ очевидецъ и современникъ, уподобляя однажды положеніе Мерзебургской епархіи, раздираемой междуусобіями, славянской семьѣ, по судейскому приговору разрываемой на части и раздаваемой разнымъ лицамъ. * Развитіе гражданственности невозможно было до прекращенія подобныхъ опустошеній и набѣговъ съ обѣихъ сторонъ; а алчность Германцевъ не допускала примиренія. Прибавимъ къ этому инстинктивное стремленіе Германской имперіи открыть себѣ доступъ къ Балтійскому морю, и еще яснѣе будетъ намъ ожесточенность этой борьбы. И Нѣмцы успѣваютъ пробиться къ Ostsee. Начало утвержденія Саксонцевъ на Балтійскомъ морѣ также находится въ связи съ этимъ крестовымъ походомъ на Славянъ.

Въ 1131 году, княземъ у Бодричей сталъ Никлотъ, а у Полабцевъ и Вагровъ ** Прибиславъ; въ этотъ же самый годъ Голштинское графство досталось послѣ отца извѣстному уже намъ Адольфу Шауэнбургскому. Онъ предназначался собственно въ духовное званіе, а графомъ сталъ вслѣдствіе смерти старшаго брата. Воспитаніе отразилось на всей его дѣятельности. Адольфъ былъ человѣкъ большаго ума и опытности въ дѣлахъ житейскихъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ владѣлъ большими познаніями: латинскій, нѣмецкій языки были ему сродны, но не менѣе свѣдущъ былъ онъ и въ славянскихъ. Гдѣ было можно графъ предпочиталъ всегда мирныя средства войнѣ, за что подданные, грубые Голштинцы, укоряли его и презрительно

---

* Ditmar. *Chron.* III, 9.

** Вагры занимали холмистую и богатую озерами восточную часть Голштиніи у Балтійскаго моря; Полабцы—теперешній Лауэнбургъ и Ратцебургъ у Эльбы.

называли „бабой", хотя на полѣ битвы Адольфъ отличался храбростію. Первые шаги онѣмеченія Славянъ и увеличенія населенія въ краѣ посредствомъ нѣмецкой колонизаціи принадлежатъ государственному уму графа Шауэнбургскаго. Во время престолонаслѣдныхъ смутъ въ имперіи, въ первые годы правленія Конрада III, Прибиславъ потерялъ Вагорскую землю; она была опустошена въ конецъ, жители перебиты, уведены въ плѣнъ или бѣжали за Травну къ Бодричамъ, на острова Балтійскаго моря, и Адольфъ получилъ ее въ свое владѣніе. Дѣятельно приступилъ новый владѣтель къ устройству богатаго пріобрѣтенія. Главное укрѣпленіе на лѣвомъ берегу Травны, Зегебергъ, лежавшее въ развалинахъ на крутомъ холму, было возстановлено и окружено стѣнами; но страна лежала пуста и безлюдна. Откуда взять населеніе? Изъ густо населенныхъ частей имперіи, откуда въ началѣ столѣтія приглашены были архіепископомъ Бременскимъ искусные земледѣльцы въ болотистыхъ мѣстахъ—изъ Нидерландъ. Пригласить это населеніе для замѣщенія Славянъ, мысль вполнѣ принадлежащая владѣтелю Голштиніи. Онъ и привелъ ее въ исполненіе. Тотчасъ были посланы вѣстники во Фландрію, Голландію, Утрехтъ, Фризію, Вестфалію, гдѣ земли было мало, гдѣ наводненія часто похищали все достояніе жителей. Посланцы приглашали нуждающихся перейти съ семьями въ новую землю, привольную, пространную, плодородную, изобилующую рыбой и дичью, удобную для пастбищъ. * И по этому призыву поднялось неисчислимое множество людей разныхъ племенъ съ семьями своими и имуществомъ и пришло въ землю Вагорскую. Приблизительно можно опредѣлить количество такихъ переселенцевъ въ 10.000 человѣкъ. Къ подданнымъ своимъ, постояннымъ сосѣдямъ Славянъ, Гользатамъ и Сторнмарцамъ, самъ графъ обратился съ такою рѣчью: „Развѣ не вы завоевали область Славянскую и пріобрѣли ее кровью своихъ отцовъ и братьевъ? Почему же теперь не идете взять ее во владѣніе? Будьте первыми, переселитесь въ желанную страну и населите ее и будьте участниками благъ ея: все лучшее въ ней принадлежитъ вамъ по праву, какъ исторгшимъ землю изъ рукъ вражескихъ." ** Такъ говорилъ колонизаторъ, желая привлечь храбрыхъ и воинственныхъ жи-

---

* Helm. *Chron. Slav.* I c. 49, 67.

** Helm I, 57.

телей въ только-что отнятую область. Но Голштинцы знали Славянъ и ихъ характеръ, были увѣрены что безъ отмщенія, рано ли, поздно ли, не останется занятіе Вагріи, и перешли въ тѣ земли на кои Славяне менѣе всего могли заявить притязаній: въ самыя западныя поля у рѣки Травны, близь Зеберга, до рѣки Свентины. Естественно враждебны были Гользаты къ новымъ переселенцамъ, занимавшимъ добытыя ими области. Новоприбывшіе колонисты разселились такъ. Къ сѣверо-востоку * отъ Голштинцевъ, Даргунскую жулу заняли Вестфалы, отъ нихъ на сѣверъ ближе къ морю въ Утинской жулѣ поселились Голландцы, и почти у самаго моря къ востоку отъ Вестфаловъ низменныя мѣста Сусельской жулы достались Фризамъ. Болѣе холмистый сѣверъ Вагріи къ Килю и вообще самое побережье не безопасно было предоставить колонистамъ: тамъ укрывались Славяне полунезависимые, могшіе получать помощь отъ недалекихъ соплеменниковъ чрезъ независимыхъ обитателей острова Фемерна; поэтому графъ обложилъ этихъ Славянъ только данью. Мѣста для поселенія были выбраны искусно, тянулись не разбросанно, а плотно прижимаясь другъ къ другу, по направленію къ Любекской бухтѣ, гдѣ и теперь стоитъ одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ въ Балтикѣ, Любекъ, заложенный этимъ же Адольфомъ. Графъ самъ наблюдалъ за поселеніемъ пришельцевъ и объѣзжалъ страну, знакомясь съ нею и выбирая удобныя мѣста для укрѣпленій и для торговли. Одно изъ такихъ бросилось ему въ глаза. По соединеніи съ Вохницей, рѣка Травна становится до того многоводной что въ то время могла принимать всякіе корабли приходящіе съ моря. Здѣсь была ближайшая дорога къ Гамбургу и къ торговымъ городамъ по Эльбѣ. Само мѣсто какъ бы призывало жителей; славянскій городъ здѣсь былъ заложенъ рано, но въ междоусобіяхъ самихъ Славянъ погибъ и мѣсто лежало впустѣ, сохраняя имя Буковца. Опытный глазъ оцѣнилъ важность этого городища какъ въ торговомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи. Травна въ нижнемъ теченіи отдѣляла новопріобрѣтенныя земли отъ жилищъ самостоятельныхъ Славянъ: здѣсь была построена крѣпость и набѣгамъ Бодричей положена преграда. Для заложенія города избрано было мѣсто при соединеніи двухъ

*Helm. l. c.

рѣкъ, имѣвшихъ болотистые, мало доступные берега, каковы были особенно берега Вохницы; узкая полоса соединяла эту землю, которую Гельмольдъ называетъ даже островомъ, съ остальною Голштиніей, но и это доступное мѣсто защищено было узкимъ природнымъ холмомъ съ крѣпостнымъ валомъ. Здѣсь, въ неприступномъ положеніи и при удобномъ портѣ, заложенъ былъ городъ, недалеко отстоявшій отъ стараго славянскаго. Подъ именемъ Любека, онъ стоитъ и до сего дня, сохранивъ и умноживъ данныя ему тогда привилегіи. Германія примкнула къ Балтійскому морю и уже не отступала отъ него, а постепенно распространяясь захватила всѣ южные берега. Это случилось въ 1143 году. Такъ начали населяться пустыни Вагорской земли и умножалось число обитателей ея. * Вмѣстѣ съ германизаціей шло и христіанство католическое. Адольфъ возвратилъ ревностному миссіонеру Вицелну помѣстья прежде данныя ему отъ императора, для построенія монастыря и на содержаніе братіи жившей у Зегеберга. Помѣстья эти были въ рукахъ Славянъ.

Оставалось обезпечить на первое время колонистовъ отъ неизбѣжныхъ набѣговъ Бодричей. Хорошій политикъ, Адольфъ сталъ другомъ князя Бодрицкаго Никлота, и заключилъ съ нимъ союзъ оборонительный и наступательный. Посланцы договорились о дружбѣ и союзѣ съ княземъ, знатнѣйшіе изъ Славянъ привлечены были богатыми дарами, такъ что повиновались Адольфу и соревновали другъ предъ другомъ въ обезпеченіи спокойствія его владѣніямъ. Напрасно простые люди роптали что остается безъ отмщенія отнятіе земли ихъ отцовъ и родныхъ; никто не являлся предводителемъ, и всѣ покушенія на набѣгъ удерживались въ самомъ началѣ. Чувство національное въ высшихъ слояхъ славянскихъ было слабѣе корыстолюбія. Послѣдствій союза не предвидѣлъ послѣдній князь Бодричей.

Противъ этихъ-то Бодричей и Поморянъ, жившихъ подъ властію сильнаго князя поморянскаго Ратибора, снаряжалась часть крестоноснаго ополченія. Отвлеченіе вниманія отъ Святой Земли въ иную сторону указываетъ на измѣнившееся значеніе крестовыхъ походовъ. Не къ Святому Гробу идутъ

* Helm. l. c. Ceperunt igitur inhabitari deserta Wagirensis provinciae et multiplicabatur numerus accolarum ejus.

ратники пилигримы, а противъ невѣрныхъ, гдѣ бы таковые ни находились. Германцы прирейнскіе пошли морскимъ путемъ и содѣйствовали завоеванію у Мавровъ Лиссабона. Современный лѣтописецъ, лицо духовное, съ восторгомъ говоритъ о походѣ къ Балтійскому морю противъ всѣхъ язычниковъ живущихъ къ сѣверу. * Великій князь Польскій, добавляетъ онъ, пошелъ съ безчисленнымъ войскомъ на свирѣпѣйшихъ варваровъ Прусовъ и долго провоевалъ въ ихъ странѣ. Противъ нихъ вышли и Русскіе (Rutheni), хотя и не католики, но все-таки носящіе имя христіанъ, вышли съ великою вооруженною силой по невѣдомому внушенію Божію.

Весною, въ началѣ мая, Конрадъ, съ 70.000 закованныхъ въ желѣзо рыцарей, перешелъ въ Венгрію, чрезъ два мѣсяца потянулись черезъ Германію и Французы съ громаднымъ обозомъ, захвативъ съ собою семьи свои, женъ и дѣтей. Крестоносцы же противъ Славянъ не торопились отправляться въ путь, хотя Бернардъ призывалъ ихъ собраться къ 29 іюня къ Эльбѣ у Магдебурга. Будущіе предводители сносились со всѣми участниками предпріятія и выработали планъ кампаніи, приготовляясь къ походу. Особенно ревностный къ утвержденію своей власти межь Славянами, къ усиленію своей слабой марки, Альбрехтъ Медвѣдь, маркграфъ Бранденбургскій, провелъ весну и часть лѣта собирая войска и занимаясь дѣлами правленія близь Магдебурга въ своихъ владѣніяхъ; но другіе князья не собирали еще войскъ, а только переговаривались. Совмѣстныя дѣйствія были соображены слѣдующимъ образомъ: всѣ силы раздѣлялись на двѣ арміи, которыя должны были собраться на берегахъ Эльбы, одна у Магдебурга, другая ниже по теченію, въ предѣлахъ Саксонскаго герцогства. Епископы и князья изъ Чехіи и Моравіи должны были примкнуть къ первому войску, которое направлялось на землю Лютичей. Когда другое войско, направлявшееся противъ Бодричей, выступитъ въ походъ, тогда двинутся Даны со своимъ флотомъ и соединятся на берегу Балтійскаго моря съ Нѣмцами. ** Первоначально трудно было предполагать участіе Дановъ въ кресто-

* Annales Magdeburgenses.

** Saxo Gramat. lib XIV (Canutus ac Sveno) junctis viribus Sclaviam petunt, Germanis *ex condicto* diversam ejus invadentibus plagam.

вомъ походѣ. Дикія, кровавыя междоусобія, постоянныя въ странѣ, свирѣпствовали и въ это время. Свендъ, за котораго стояли Зеландцы, Шонійцы и жители Шлезвига, и Канутъ съ Ютландцами боролись изъ-за престола. Но когда пришли папскія грамоты,* то и Даны не отреклись отъ долга налагаемаго общею вѣрой подъ предлогомъ внутренней борьбы, и принявши крестъ подчинились приказаніямъ римскаго первосвященника. Канутъ и Свендъ, давъ другъ другу заложниковъ и отложивъ вражду, заключили на время миръ. Злѣйшіе враги, претенденты на престолъ, представители племенъ враждебно глядѣвшихъ другъ на друга, со взаимнымъ недовѣріемъ, побуждаемые однако видами легкой добычи и завоеванія, соединились на общее дѣло.

Пока такъ предполагали и приготовлялись со всѣхъ сторонъ союзники, Лютичи и Бодричи узнали что на нихъ падетъ первый ударъ, и ударъ смертельный. Ждать было нечего, и Никлотъ обнаружилъ энергію достойную вождя за свободу и жизнь своего народа. Онъ обратился ко всѣмъ за помощью отъ кого могъ надѣяться. Раны, жители Рюгена, отложили вражду свою и помогли войскамъ, но главная помощь отъ нихъ могла состоять во флотѣ, который они обѣщали прислать. Союзникъ Никлота, Адольфъ Голштинскій, также получилъ призывъ о помощи. Но нужно было приготовиться и бороться опираясь на собственныя силы. Разбить громадныя собиравшіяся войска было мало вѣроятія, и самый разумный планъ, къ которому не разъ прибѣгали Славяне, составился и въ головѣ Никлота: не давать битвы въ открытомъ полѣ, но пользоваться всякимъ случаемъ нанести уронъ непріятелю; оставить страну на опустошеніе и сосредоточивъ силы въ одномъ укрѣпленномъ мѣстѣ отсидѣться, дождаться сыраго зимняго времени или благопріятныхъ обстоятельствъ. Никлотъ кликнулъ кличъ, и собрался весь народъ его. Быстро выросли укрѣпленія Добина ** у берега

---

* Saxo gram. t. c.

** Большинство историковъ до позднѣйшаго времени, на основаніи изслѣдованія Лиша, полагали что Добинъ построенъ былъ Никлотомъ на углу Шверинскаго озера. Но Saxo Gr. прямо говоритъ: insigne piratica oppidum, полагая его существующимъ на морскомъ берегу. Поэтому мы, согласно съ послѣдними изысканіями, перено-

Висмарскаго залива вблизи Звѣринскаго (Schwerin) озера. Укрѣпленіе лежало на холмахъ, и заливъ не дозволялъ бы непріятелю соединить свои силы, и дѣлилъ враговъ на двое. Съ берега можно было ждать помощи отъ искусныхъ моряковъ Славянъ скорѣе чѣмъ съ сухаго пути, гдѣ тысячами должны были стать Нѣмцы. Это было еще въ маѣ мѣсяцѣ. Тутъ-то * послалъ пословъ Никлотъ къ графу Адольфу, напоминая о заключенномъ союзѣ, который такъ строго соблюдался со стороны Славянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ свиданія для личныхъ переговоровъ и сообщенія плановъ будущей дѣятельности. Адольфъ, стараясь перехитрить Славянина, манилъ его обѣщаніями, но отклонилъ свиданіе, приведя основательную причину что этимъ навлекъ бы на себя подозрѣніе князей. Никлотъ понялъ всю недѣйствительность прежняго договора, служившаго на пользу только Голштинскому графу, и его второе посольство пришло съ горькою рѣчью отъ князя: „Я хотѣлъ быть глазомъ и ухомъ твоимъ въ землѣ Славянской, которую ты заселилъ, чтобы не было тебѣ какого вреда отъ Славянъ прежде владѣвшихъ Вагорскою землей и жалующихся что они беззаконно лишены наслѣдія отцовъ своихъ. Зачѣмъ же ты теперь во время нужды покидаешь своего друга? Развѣ дружба не выдерживаетъ испытанія? Доселѣ я удерживалъ руку Славянъ дабы не вредить тебѣ, теперь наконецъ можно мнѣ отнять руку и предоставить тебя себѣ самому, такъ какъ ты другомъ своимъ пренебрегъ, союза нашего не попомнилъ и во время нужды отказался отъ свиданія.“ Справедливость словъ была очевидна, и страшно было ихъ значеніе. Адольфъ желалъ все-таки оправдаться и выговорить что-нибудь у расположеннаго къ нему Никлота, не могшаго сдержать, конечно, ярости народной. Адольфъ послалъ пословъ, и они говорили: „Если господинъ нашъ не вступаетъ съ тобой лично въ переговоры, то ты знаешъ что его заставляетъ такъ поступать. Такъ не нарушай еще слова и обѣщанія твоего, предупреди господина нашего когда узнаешь что тайно поднимаются на него войной Славяне.“ Никлотъ обѣщалъ. Графъ Адольфъ былъ увѣренъ что обезпечилъ себя

симъ Добинъ на берегъ Висмарскаго залива и думаемъ что городъ былъ укрѣпленъ Никлотомъ и сталъ какъ бы укрѣпленнымъ лагеремъ, и вновь не былъ выстроенъ.

* Послѣдующее изложено на основаніи Helm. I, c. 62.

отъ внезапнаго нападенія, что Никлотъ по старой дружбѣ исполнитъ свое обѣщаніе или же не будетъ имѣть времени для нападенія. Но на всякій случай хотѣлъ приготовиться, и отправился внутрь страны собрать войска. Всѣмъ жителямъ было объявлено чтобъ они охраняли свой скотъ и имущество отъ шаекъ разбойниковъ и воровъ, то-есть шаекъ Славянъ, которыя могли появиться въ это тревожное время, а что объ отвращеніи внезапнаго нападенія вражескихъ войскъ графъ позаботится самъ. Князь Бодричей рѣшился удачнымъ походомъ возбудить духъ въ своемъ народѣ, прежде чѣмъ Саксонцы вторгнутся въ его страну. Онъ тайно собралъ сильный флотъ, посадилъ на него нѣсколько тысячъ воиновъ, и переплывъ море присталъ къ устью Травны. Впрочемъ онъ не хотѣлъ нарушить своего обѣщанія, и вечеромъ 25го іюня послалъ гонца къ графу въ Зегебергъ съ извѣщеніемъ что идутъ Славяне. Но пользы отъ этого графу не было: онъ отсутствовалъ изъ города, и времени собрать и вывести войска не оставалось. На разсвѣтѣ 26го іюня флотъ славянскій поднимался по рѣкѣ Травнѣ. Стража Любекская бросилась къ воинамъ городскимъ, говоря что слышенъ крикъ и шумъ какъ бы отъ наступающаго войска. Тотчасъ послали въ посадъ и на торгъ извѣстить гражданъ о приближающейся опасности. Но ни граждане, ни купцы не могли двинуться съ мѣста: всѣ были пьяны съ праздника и до того времени не могли очнуться пока непріятели не ворвались въ городъ и не зажгли пограбивши корабли нагруженные разными товарами. Болѣе 300 человѣкъ было при этомъ перебито; нѣкоторые пытались спастись въ укрѣпленіе, но были настигнуты и поплатились жизнію. Два дня защищалось само укрѣпленіе. Теперь чередъ мести былъ за другими пришельцами изъ дальнихъ странъ. Славяне раздѣлились на два конныхъ отряда, каждый болѣе 3.000 человѣкъ, и двинулись внутрь Вагріи все опустошая на пути, но не нападая на мѣста крѣпкія своимъ положеніемъ. Быстро проникли они до твердыни Зегеберга и сожгли его пригородъ. Между тѣмъ, во время быстраго набѣга, поселенія Гользатовъ были пощажены. Это дало поводъ говорить что Гользаты, злобствуя на олонистовъ, сами призвали Славянъ. Трудно оправдать подобное подозрѣніе современниковъ; вѣроятно что Гользаты не вышли на Славянъ дѣйствительно изъ зависти къ чужеземцамъ, а Славяне не тронули ихъ иму-

щества не желая имѣть ихъ въ данную минуту себѣ врагами, мстить же Гользатамъ было не за что: они заняли области давно считавшіяся ничьими и бывшія скорѣе голштинскими. Все въ Даргунской жупѣ было добычей пламени, много храбрыхъ мужей перебито, много женъ и дѣтей отведено въ неволю. Вестфалы и Голландцы поплатились за свою смѣлость, только Утинъ благодаря неприступности положенія спасся отъ разрушенія. Фризы, особенно ненавистные, были нѣсколько счастливѣе. На нихъ позже всего напали Бодричи. Главное ихъ мѣсто Сусель было окружено крѣпкимъ валомъ, но изъ полутысячи поселенцевъ оставалась едва четвертая часть: остальные отправились въ отечество для приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ по имуществу и для окончательнаго переселенія. Что ни находилось внѣ укрѣпленія не избѣжало пламени, и самое укрѣпленіе должно было выдерживать ожесточенныя нападенія. Три тысячи Славянъ въ теченіи цѣлаго дня рвались въ городъ въ увѣренности побѣды, и съ отчаяніемъ чтобы только отсрочить минуту смерти защищались осажденные. Славяне увидали что побѣда не обойдется имъ безъ значительной потери, къ тому же и время не дозволяло имъ долго заниматься осадой: пусть выдадутъ Фризы оружіе и выйдутъ изъ укрѣпленія, имъ тогда будетъ сохранена жизнь и никому не будетъ нанесено тѣлеснаго повреждденія, коварно предложили осаждавшіе. Нѣкоторые изъ осажденныхъ малодушно желали сдаться, надѣясь спасти по крайней мѣрѣ жизнь. Но противъ робкихъ выступилъ мужественный священникъ Герлафъ; ему первому, какъ представителю ненавистнаго нѣмецкаго христіанства, грозила бы смерть въ случаѣ сдачи: „Что это, что хотите вы сдѣлать, мужи? энергически говорилъ онъ.—Думаете ли вы сдачей купить себѣ жизнь? Развѣ вы не знаете что изъ всѣхъ пришельцевъ, васъ, Фризовъ, всѣхъ болѣе ненавидятъ Славяне? Зачѣмъ вы отказываетесь отъ жизни и добровольно спѣшите къ погибели? Заклинаю васъ именемъ Божіимъ, попытайте еще немного силы вашей и поборитесь съ врагомъ. Пока этотъ валъ насъ окружаетъ, наша жизнь еще въ нашихъ рукахъ, пока съ нами оружіе, можемъ надѣяться спастись; безъ оружія же ничего не останется кромѣ позорной смерти. Поражайте мечами Славянъ и отомстите за свою кровь. Пусть испробуютъ они вашей храбрости, и не безъ кровопролитія возвратятся съ побѣдой.“ Съ этими словами, показывая собою

примѣръ, онъ бросился изъ крѣпости съ однимъ воиномъ и отбросилъ толпу враговъ, священникъ собственноручно положилъ многихъ на мѣстѣ. Онъ потерялъ уже глазъ, получилъ рану въ животъ и не переставалъ биться. Фризы послѣдовали его примѣру, и крѣпость спаслась отъ опустошителей. До графа между тѣмъ дошла вѣсть о вторженіи, онъ собралъ войско и шелъ на Славянъ, но эти не желали сразиться, и съ большимъ полономъ обремененные добычей возвратились къ своимъ кораблямъ и прибыли назадъ въ отечество.

Извѣстіе объ опустошительномъ набѣгѣ быстро распространилось по Саксоніи и Вестфаліи. Новая причина къ отмщенію была дана Славянами начавшими войну, и крестоносцы должны были дѣятельнѣе приняться за отправленіе къ сборнымъ пунктамъ; но еще цѣлый мѣсяцъ прошелъ, пока 220.000, по увеличенному вѣроятно счисленію, стягивались съ разныхъ сторонъ къ Эльбѣ. * Приблизительно въ одно время выступили они въ началѣ августа. **

Обратимся сперва къ сѣверной арміи. Въ ней собрались преимущественно Саксонцы и сторонники молодаго восьмнадцати-лѣтняго Генриха Льва, герцога саксонскаго, человѣка дурной памяти у Славянъ, не знавшаго никакого права кромѣ права сильнаго. Онъ самъ, тесть его Конрадъ, герцогъ Церингенскій, архіепископъ Бременскій *** Адальбертъ, епископъ Верденскій Дитмаръ, наслѣдникъ Стадскаго графства знатный прелатъ Гартевилъ, множество графовъ и благородныхъ и иныхъ воиновъ, числомъ (преувеличенно) 40.000 человѣкъ.

* Annal Magdeb. marchio Adalbertus.... cum armatis bellatoribus sexaginta milibus.... Heinricus dux Saxonie.... cum ceteris armatis numero quadraginta milibus pugnatorum...... Rex (lege reges) Dacie.... circiter centum milibus exercitum paraverat.... frater ducis Polonie cum viginte milibus armatorum. Въ крестоносномъ ополченіи императора Конрада было кромѣ прислуги около 70.000 человѣкъ воиновъ. Въ сравнительно легчайшій походъ противъ Славянъ Германцевъ должно было отправиться не менѣе, и прибавивъ жадныхъ къ отмщенію Дановъ мы должны получить значительное войско.

** Другіе полагаютъ (Giesebrecht *Wendische Geschichten* т. III) выступленіе около 29го іюня. Вопросъ о началѣ, продолжительности и времени окончанія похода затруднителенъ, и здѣсь не мѣсто приводить точныя изысканія.

*** Giesebrecht, с. III, стр. 29, по ошибкѣ называетъ его архіепископомъ гамбургскимъ.

Войско собралось вблизи Бремена или Люнебурга съ большимъ запасомъ снарядовъ и провіанта. Около половины августа переправилось оно чрезъ Эльбу у Артленбурга, близь Лауэнбурга. Верстахъ въ пятнадцати отъ рѣки у Петроу была первая стоянка лагеремъ на ночь. Остановка послѣ пятнадцати-верстнаго перехода свидѣтельствуетъ о затруднительности пути по бездорожью и множеству болотъ и озеръ. Около двухъ недѣль, такимъ образомъ, нужно было чтобы достигнуть Добина, укрѣпленія Никлотова. Славяне не показывались, какъ будто и села и города ихъ исчезли съ лица земли. Способные носить оружіе ушли въ Добинъ и другія мѣста, осадой коихъ не занялись Саксонцы, желая однимъ рѣшительнымъ ударомъ сломить сопротивленіе. Женщины, дѣти и старики скрывались въ недоступныхъ болотахъ, лѣсныхъ трущобахъ и островахъ озеръ. Началась осада Добина. Въ это время пришли со статысячнымъ войскомъ союзники изъ Даніи, Свендъ и Канутъ. Сначала прибыли корабли Ютовъ и Шлезвигцевъ и заняли вражескій портъ, помѣстившись внутри залива Висмарскаго ближе къ берегу. Затѣмъ прибыли корабли Зеландцевъ и Шонійцевъ, и расположились какъ дозволяло мѣсто; они какъ бы вѣнцомъ окружили прежде прибывшій флотъ. Кромѣ кораблей съ воинами, пришли и купеческія суда, надѣясь на легкую добычу и большіе барыши. Немедленно войска были высажены на берегъ и соединились съ Германцами. Только немногіе стражи остались на корабляхъ, начальство надъ коими поручено было епископу Роскильдскому Аскеру; но онъ, приверженецъ Свенда, могъ распоряжаться только кораблями его сторонниковъ. Оба же соперника Свендъ и Канутъ были при сухопутномъ войскѣ. Осада пошла еще горячѣе. Устроены были разныя осадные снаряды. Съ восточной стороны нападали Саксонцы, а съ западной—Даны, но единства въ распоряженіяхъ не было; даже сношенія двухъ войскъ были затруднены находившимся между ними заливомъ и различными интересами. Поднятъ былъ вопросъ о раздѣлѣ славянскихъ земель которыя еще не были завоеваны, и непріязнь Нѣмцевъ къ Данамъ усилилась. Саксонскіе герцоги смотрѣли всегда на землю Бодричей какъ на свою собственную, разчитывая что рано или поздно она не уйдетъ изъ ихъ рукъ, а тутъ явились непрошенные соучастники въ раздѣлѣ. Пусть же они и сражаются одни. Лучше помочь Славянамъ, чѣмъ

примѣръ, онъ бросился изъ крѣпости съ однимъ воиномъ и отбросилъ толпу враговъ, священникъ собственноручно положилъ многихъ на мѣстѣ. Онъ потерялъ уже глазъ, получилъ рану въ животъ и не переставалъ биться. Фризы послѣдовали его примѣру, и крѣпость спаслась отъ опустошителей. До графа между тѣмъ дошла вѣсть о вторженіи, онъ собралъ войско и шелъ на Славянъ, но эти не желали сразиться, и съ большимъ полономъ обремененные добычей возвратились къ своимъ кораблямъ и прибыли назадъ въ отечество.

Извѣстіе объ опустошительномъ набѣгѣ быстро распространилось по Саксоніи и Вестфаліи. Новая причина къ отмщенію была дана Славянами начавшими войну, и крестоносцы должны были дѣятельнѣе приняться за отправленіе къ сборнымъ пунктамъ; но еще цѣлый мѣсяцъ прошелъ, пока 220.000, по увеличенному вѣроятно счисленію, стягивались съ разныхъ сторонъ къ Эльбѣ. * Приблизительно въ одно время выступили они въ началѣ августа. **

Обратимся сперва къ сѣверной арміи. Въ ней собрались преимущественно Саксонцы и сторонники молодаго восьмнадцати-лѣтняго Генриха Льва, герцога саксонскаго, человѣка дурной памяти у Славянъ, не знавшаго никакого права кромѣ права сильнаго. Онъ самъ, тесть его Конрадъ, герцогъ Церингенскій, архіепископъ Бременскій *** Адальбертъ, епископъ Верденскій Дитмаръ, наслѣдникъ Стадскаго графства знатный прелатъ Гартевилъ, множество графовъ и благородныхъ и иныхъ воиновъ, числомъ (преувеличенно) 40.000 человѣкъ.

---

* Annal Magdeb. marchio Adalbertus.....cum armatis bellatoribus sexaginta milibus.... Heinricus dux Saxonie.... cum ceteris armatis numero quadraginta milibus pugnatorum...... Rex (lege reges) Da[illegible] [illegible]citer centum milibus exercitum paraverat.... frater ducis P[illegible] te milibus armatorum. Въ крестоносномъ ополче[illegible] рада было кромѣ прислуги около 70.000 че[illegible] нительно легчайшій походъ противъ Сл[illegible] ло отправиться не менѣе, и при[illegible] мы должны получить знач[illegible]

** Другіе полагаютъ (G[illegible] леніе около 29го іюня, [illegible] мени окончанія по[illegible] точныя изыскані[illegible]

*** Giesebre[illegible] помъ гам[illegible]

Войско собралось вблизи Бремена или Люнебурга съ большимъ запасомъ снарядовъ и провіанта. Около половины августа переправилось оно чрезъ Эльбу у Артленбурга, близь Лауэнбурга. Верстахъ въ пятнадцати отъ рѣки у Петроу была первая стоянка лагеремъ на ночь. Остановка послѣ пятнадцати-верстнаго перехода свидѣтельствуетъ о затруднительности пути по бездорожью и множеству болотъ и озеръ. Около двухъ недѣль, такимъ образомъ, нужно было чтобы достигнуть Добина, укрѣпленія Никлотова. Славяне не показывались, какъ будто и села и города ихъ исчезли съ лица земли. Способные носить оружіе ушли въ Добинъ и другія мѣста, осадой коихъ не занялись Саксонцы, желая однимъ рѣшительнымъ ударомъ сломить сопротивленіе. Женщины, дѣти и старики скрывались въ недоступныхъ болотахъ, лѣсныхъ трущобахъ и островахъ озеръ. Началась осада Добина. Въ это время пришли со стотысячнымъ войскомъ союзники изъ Даніи, Свендъ и Канутъ. Сначала прибыли корабли Кнута и Шлезвигцевъ и заняли вражескій портъ, помѣстившись внутри залива Висмарскаго ближе къ берегу. Затѣмъ прибыли корабли Зеландцевъ и Шонійцевъ [illegible]

[illegible]

... und Rügen. II, стр. 136, ...
... бочно называетъ его Malchow ...

подѣлиться добычей, такъ думали и поступали князья нѣмецкіе. А Даны были плохіе воины; „дома на печи храбры они“, насмѣшливо замѣчаетъ Гельмгольдъ. * Плоха была дисциплина у ихъ союзниковъ, а у нихъ ея вовсе не было. ** Воины не умѣли и не хотѣли никому повиноваться, никакого порядка не соблюдалось, объ охранѣ лагеря никто не заботился и стража своевольно оставляла свои посты; о цѣли предпріятія и борьбѣ съ язычниками не было и помышленія. Нѣтъ ничего удивительнаго что отъ осажденныхъ не укрывалось подобное разстройство. Они сдѣлали внезапно сильную вылазку и разсѣяли Дановъ, множество ихъ положили на мѣстѣ, увлаживъ землю кровью и удобривъ ее тѣлами христіанскими. Много взято было и въ плѣнъ. Нѣмцы съ другаго берега залива могли смотрѣть на пораженіе, но не могли, а быть можетъ и не хотѣли подать помощи. Позже прошелъ слухъ *** что Саксонцы взяли деньги со Славянъ, продали имъ Дановъ. Войско датское раздражено было неудачею и еще ревностнѣе принялось за осаду. **** Но тутъ приключилась Данамъ еще большая бѣда. † Никлотъ получилъ поддержку отъ Рановъ. Славяне Рюгенскіе узнали что на корабляхъ датскихъ осталось весьма мало людей, и рѣшились подать первую помощь истребленіемъ вражескаго флота. Внезапно на легкихъ судахъ, не въ большомъ количествѣ, они появились въ Висмарскомъ заливѣ. Предпріятіе было отважное: соединенныя силы датскаго флота подавили бы нападавшихъ, но раздоръ и тутъ помогъ Славянамъ. Шонійцы прежде всего подверглись нападенію: ихъ корабли стояли далѣе другихъ отъ берега къ открытому морю. Юты, подвластные сопернику ихъ вождя Свенда, Кануту, хладнокровно, даже съ удовольствіемъ глядѣли на борьбу своихъ союзниковъ. Напрасно

---

* *Hi enim (Dani) domi pugnaces, foris inbelles sunt*, 1, 65.

** Annales Palidenses. De profectione Transalpina.

*** Auctarium Semblacense.

**** Dahlmann *Geschichte von Dännemark* I полагаетъ несправедливо пораженіе на сушѣ послѣ истребленія части датскаго флота и относитъ это послѣднее къ 31му іюля на основаніи лѣтописи *Petri Olai* у *Langenb*. I, 176, что противорѣчитъ всѣмъ источникамъ германскимъ.

† Послѣдующее на основаніи Saxo Grammaticus *Historia Danica* ed. Müller 1873, lib. XIV p. 675.

Шонійцы прибѣгли къ рѣшительному средству чтобы трусливѣйшіе не обратились немедля въ бѣгство: они связали корабли, но канаты разрывались. Да и трудно было сражаться, когда самъ вождь ихъ, которому король поручилъ главное начальство, Аскеръ епископъ Роскильдскій, вмѣсто возбужденія къ бою своимъ примѣромъ, устрашилъ боязливѣйшихъ постыднымъ бѣгствомъ. Онъ бѣжалъ съ своего корабля, сѣлъ въ челнокъ и переплылъ на купеческій корабль, гдѣ такъ запрятался что его трудно было отыскать. Шонійцы были разбиты на голову. Королевскій корабль погибъ. Люди частію погибли отъ руки враговъ, частію потонули. Заливъ былъ полонъ труповъ и остатковъ разбитыхъ судовъ. На остальные корабли Раны не осмѣлились напасть; не подъ силу ихъ малымъ судамъ было одолѣть большіе корабли Дановъ, на которые перешли успѣвшіе спастись съ отнятыхъ Славянами судовъ. Они нападающіе задумали посредствомъ хитростей устрашить своихъ противниковъ. * Отойдя на нѣкоторое разстояніе съ захваченными у непріятелей кораблями они понадѣвали на нихъ навѣсы, такъ что гребцовъ не было видно. Съ каждаго своего корабля посадили по нѣскольку человѣкъ на такъ устроенныя суда, и флотъ ихъ увеличился, на страхъ врагамъ, вдвое. Затѣмъ они прибѣгли и къ иной не менѣе остроумной выдумкѣ. Даны видѣли количество кораблей въ битвѣ. Часть своего флота Славяне оставили на виду, а часть отвели въ ближнее мѣсто, такъ что враги не могли подумать что эта часть ушла совсѣмъ, а думали что она находится тутъ же вблизи. Въ темнотѣ ночной тихо удалялись эти суда въ открытое море, и на разсвѣтѣ съ шумомъ и кликами гребцовъ возвращались, какъ будто новые свѣжіе корабли приходили на помощь. Это повторилось нѣсколько разъ, такъ что Даны подъ конецъ догадались. Между тѣмъ къ сухопутному войску Свенда и Канута пришло извѣстіе что флотъ ихъ потерпѣлъ пораженіе. Поспѣшно съ войскомъ бросили они осаду и собравъ оставшіеся корабли въ заливѣ, все еще наполненномъ трупами потонувшихъ, прогоняютъ Рановъ, кои и не осмѣлились противостать, такъ какъ силы были слишкомъ неравны. Канутъ предлагалъ потерявшему корабль Свенду свое легкое судно, но предупредительность соперника была подо-

* Дальнѣйшее мѣсто темно въ изложеніи Saxonis Grammatici.

зрительна и предложенная услуга съ укоромъ отклонена. „Такъ никогда не соединяетъ общее дѣло тѣхъ кого раздѣляютъ частныя распри.“ Свендъ и Канутъ отплыли порознь, чтобы немедля въ отечествѣ возобновить прерванную войну другъ противъ друга съ большею удачей чѣмъ противъ мужественныхъ Славянъ. Осаду продолжали одни Саксонцы, но оставимъ ихъ и обратимся ко второму крестоносному ополченію.

Во главѣ втораго ополченія стоялъ изъ лицъ свѣтскихъ Альбрехтъ Медвѣдь, маркграфъ Бранденбургскій. Походъ для него долженъ былъ имѣть громадное значеніе. Послѣ споровъ съ Генрихомъ Гордымъ изъ-за Саксонскаго герцогства, Альбрехтъ удержалъ за собой только Бранденбургскую марку, но за то на правахъ полной самостоятельности, получивъ ее изъ рукъ императора. Оставаться съ такими ничтожными владѣніями было не по характеру энергическаго и гордаго маркграфа. Онъ хотѣлъ пріобрѣсти себѣ новыя владѣнія, а расширяться можно было только въ сторону сѣверо-восточную, въ земли Славянъ прибалтійскихъ. Поэтому такъ дѣятельно готовился Бранденбургскій маркграфъ къ крестовому походу, и поэтому почти въ предѣлахъ его марки собрались крестоносцы. Сломить окончательно Славянство и завладѣть его восточными землями ранѣе герцога Саксонскаго, основать тамъ вполнѣ самостоятельное владѣніе по праву завоеванія, вотъ цѣль крестоваго похода въ глазахъ дальновиднаго Альбрехта. Кромѣ него участвовали: маркграфъ Саксонскій, Конрадъ Витинскій, основатель прочнаго владѣнія въ земляхъ Славянъ Лужицкихъ, пфальцграфъ Саксонскій Фридрихъ и Генрихъ пфальцграфъ Рейнскій со многими графами, во главѣ 60.000 человѣкъ. Въ этомъ же войскѣ преимущественно сосредоточивались и духовныя лица:* архіепископъ Магдебургскій Фридрихъ, епископы: Рудольфъ Гальберштадтскій, Вернеръ Мюнстерскій, Рейнгардъ Мерзебургскій и два титулованные епископа, имѣвшіе номинальныя епархіи въ землѣ Славянъ язычниковъ: Викеръ Бранденбургскій и Ансельмъ Габельбергскій. Послѣдній, человѣкъ преклоннаго возраста, обширныхъ знаній и ума, былъ назначенъ, какъ упомянуто выше, уполномоченнымъ отъ папы и совѣтникомъ крестоносцамъ. Тутъ былъ изъ послушанія къ папѣ принявшій 22го

* *Annal. Magdeburgenses.*

іюня крестъ въ Сенъ-Дени изъ рукъ самого Евгенія, аббатъ Корвейскій и Стаблонскій, Вибальдъ. Обладая знаніемъ политическаго положенія дѣлъ, онъ долженъ былъ бы остаться какъ совѣтникъ несовершеннолѣтняго правителя Германіи Генриха, Конрадова сына; но его, кромѣ приказанія, побуждали и интересы аббатства принять участіе въ крестовомъ походѣ. * Корвейскій монастырь считалъ своимъ патрономъ Св. Вита, и въ средніе вѣка была сочинена грамота, будто бы данная этому монастырю императоромъ Лотаремъ на владѣніе островомъ Рюгеномъ. Но такъ какъ Раны никогда не были христіанами, то составилось сказаніе что христіанство утвердилось было на островѣ Рюгенѣ когда онъ былъ подчиненъ аббату Корвейскому, и Раны чтили Св. Вита, но потомъ снова погрузились въ язычество, возвратились къ поклоненію идоламъ, изъ нихъ главнымъ былъ Святовитъ, который есть не что иное какъ воспоминаніе о прежнемъ Св. Витѣ, Sanctus Vitus, святый Витъ.

Когда войско перешло Эльбу, то къ нему присоединились отряды Моравовъ, забывшихъ свое племенное родство, подъ начальствомъ князей Оттона Святополка, Вратислава и Генриха, епископа Оломуцкаго. Къ нимъ присоединился младшій братъ князя Польскаго съ 20.000 войскомъ. Съ нѣсколькихъ сторонъ вторглось войско въ славянскую землю Лютичей. Жители бѣжали и спрятались въ недоступныя мѣста, ихъ города, села и мѣстечки предавались сожженію, жатва истреблялась, и пощады не встрѣчало ничто. Болѣе двухсотъ верстъ было уже пройдено безъ всякаго результата. Только одно событіе порадовало крестоносцевъ. Между Малхинскимъ и Куммеровскимъ озерами лежалъ городъ Малхинъ; ** близь него находился знаменитый языческій храмъ Славянъ. Крестоносцы захватили святилище со всѣми идолами; какъ городъ, такъ и храмъ стали добычей пламени. Славяне же не выходили биться. Однако, огромность войска и система войны давали себя чувствовать: съѣстные припасы истощались, страна была выжжена, и вторгшимся полчищамъ грозила если не голодная смерть, то позорное отступленіе. Вѣроятно по

* Bartold, *Geschichte von Pommern und Rügen*. II, стр. 136, примѣч.

** Giesebrecht *Wend. Gesch.* ошибочно называетъ его Malchon, послѣдній лежалъ на 1° западнѣе.

этимъ причинамъ и по желанію Альбрехта освободиться отъ духовенства, войско раздѣлилось: всѣ духовныя особы, исключая аббата Корвейскаго, отправились далѣе на востокъ въ Померанію, а свѣтскіе князья направились къ городу Димину.

Духовные крестоносцы подошли къ важнѣйшему городу Померанскаго княжества Штетину на Одерѣ и окружили его. Но къ своему изумленію на крѣпостныхъ валахъ Штетина они увидѣли выставленными христіанскіе кресты. Вмѣстѣ съ тѣмъ Штетинцы выслали своихъ пословъ и епископа Адальберта, поставленнаго у нихъ Оттономъ епископомъ Бамбергскимъ, первымъ мирнымъ проповѣдникомъ христіанства въ этой странѣ около 1125 года. Адальбертъ и послы пришли съ цѣлымъ рядомъ смущающихъ вопросовъ: чего ради Нѣмцы пришли съ такою вооруженною силой? Если для распространенія христіанства, то нужно бы епископамъ было придти съ Евангеліемъ и проповѣдью, а не съ оружіемъ и осадными машинами. Явно было что походъ предпринятъ былъ не съ цѣлями религіозными, а для завоеваній и добычи. Епископы смутились: свѣтскимъ лицамъ еще не зазорно было бы сражаться противъ Славянъ-христіанъ, но епископамъ крестоносцамъ сражаться противъ креста невозможно. Они вступили въ переговоры съ поморскимъ княземъ Ратиборомъ и епископомъ Адальбертомъ и заключили мирный договоръ. Не безъ затрудненій и потерпѣвъ большія потери, возвратились епископы вмѣстѣ съ князьями въ свои земли „такъ какъ Богъ не былъ съ этимъ дѣломъ, то трудно ему было добрымъ концомъ кончиться.“

Походъ такимъ образомъ былъ сведенъ къ осадѣ укрѣпленныхъ городовъ. Осада Добина послѣ ухода Дановъ продолжалась, Диминъ также держался въ осадѣ, но безъ всякаго успѣха. Утомленіе походомъ ощущалось особенно свѣтскими вождями. Духовные еще могли упорствовать въ предпріятіи, ссылаться на слова Бернарда объ истребленіи язычниковъ, на приказаніе папы не вступать въ переговоры съ Славянами; но въ графахъ и князьяхъ они не встрѣчали сочувствія. Разница интересовъ была довольно сильная. Представители церкви говорили о христіанствѣ, но легатъ папскій думалъ только о распространеніи папскаго вліянія и власти, титулярные епископы таили свои заботы о полученіи десятины или объ утвержденіи себя на эпархіяхъ, въ коихъ имъ послѣ завоеванія должны были достаться значительные дары. Мы

знаемъ изъ собственныхъ писемъ Вибольда цѣль его пріобрѣсти Рюгенъ. Епископы западной Саксоніи также могли пополучить въ Славіи владѣнія какъ завоеванныя при ихъ участіи и молитвахъ. Но все это было противно интересамъ владѣльцевъ свѣтскихъ, и особенно герцога Саксонскаго и маркграфа Бранденбургскаго. Они могли наградить духовенство, дать въ ленъ ему земли. Генрихъ и Альбрехтъ были рады осободиться отъ другихъ независимыхъ свѣтскихъ князей, своихъ союзниковъ при раздѣлѣ добычи. На землю Славянскую и тотъ и другой смотрѣли какъ на свою будущую собственность, но не желали чтобы земли были исторгнуты изъ ихъ рукъ. Въ Германіи только-что начали развиваться въ это время идеи подрывавшія средневѣковую феодальную монархію, идеи о территоріальномъ владѣніи, о пріобрѣтеніи земли на правѣ полной собственности, а не на ленныхъ условіяхъ. Представителемъ такого начала и былъ Генрихъ Левъ. Владѣя обширными ленами и значительными аллодами, онъ и Альбрехтъ Медвѣдь разчитывали пріобрѣтеніемъ славянскихъ земель въ вотчинную собственность усилить аллодіальный характеръ вообще и укрѣпить свою независимосвь. Потому-то герцогъ и маркграфъ должны были желать не подчиненія Славянъ въ крестовомъ походѣ, а только устрашенія или подчиненія себѣ лично. Къ этимъ присоединялись и другіи соображенія. Славія терпѣла опустошенія: къ чему же вело оно? къ обогащенію сброда крестоносцевъ, къ изнуренію страны; и не лучше ли было пріобрѣсти ее въ послѣдствіи не раззоренною и богатою? Нѣкоторыя племена славянскія платили дань; теперь, ослабленныя войной, они по недостатку средствъ не будутъ въ состояніи внести дань или внесутъ въ меньшемъ размѣрѣ. Упорство Славянъ было извѣстно; къ чему же было доводить ихъ до крайности, усиливать ожесточеніе, когда исходъ предпріятія былъ неизвѣстенъ, и даже не былъ желателенъ исходъ удачный? Такія мысли предводители часто высказывали своимъ приближеннымъ, и постепенно всѣ вассалы и воины ихъ поняли стремленія вождей своихъ, и въ лагерѣ говорили: * „развѣ земля которую мы опустошаемъ не наша? А народъ который мы побиваемъ не нашъ? Съ какой же стати мы становимся врагами себѣ и расточаемъ доходы наши?

* Helm. I, 65.

Убытокъ этотъ развѣ не на господъ нашихъ падаетъ?“ Припомнимъ дѣятельность графа Адольфа, получавшаго доходы отъ занятой земли и отъ данниковъ Славянъ, и намъ ясна будетъ эта рѣчь. По всему войску распространялось неудовольствіе, которое отражалось и на военныхъ дѣйствіяхъ. Подъ Добиномъ въ войскѣ обнаружилась вялость и уклоненіе отъ своихъ обязанностей. Осаду старались облегчить себѣ частыми перемиріями, доставляя тѣмъ облегченіе и осажденнымъ. Случалось будто что когда Славяне бывали разбиты и обращались въ бѣгство, то бѣглецовъ не преслѣдовали, боясь завладѣть ихъ укрѣпленіемъ. Надежды на окончаніе военныхъ дѣйствій, на сдачу Славянами крѣпости не было никакой; объ искорененіи же Славянскаго племени могъ говорить Бернардъ, а исполнить это оказывалось невозможнымъ и не желательнымъ. Такимъ образомъ война стала тяжела и противна всѣмъ. Славяне пользовались, нѣтъ сомнѣнія, подобнымъ настроеніемъ крестоносцевъ и старались поддерживать его всѣми мѣрами, напримѣръ предложеніемъ даровъ нѣкоторымъ изъ участниковъ. Наконецъ состоялся такой договоръ на который согласились съ удовольствіемъ осажденные. * Славяне должны были принять христіанство и отпустить находившихся у нихъ въ неволѣ датскихъ плѣнниковъ. Договоръ былъ только формальный и требовалъ формальнаго исполненія. Иначе какъ можно было обязывать креститься весь народъ, у котораго не было завоевано ни одной важной крѣпости? Но нужно было соблюсти приличіе, поревновать о вѣрѣ, исполнить внѣшнимъ образомъ желаніе главы католичества. Съ обѣихъ сторонъ хорошо понимали значеніе условія; многіе Славяне лживо приняли крещеніе, и отпустили изъ полона стариковъ, слабыхъ, увѣчныхъ, негодныхъ ни на что, а болѣе крѣпкихъ и зрѣлыхъ возрастомъ удержали въ неволѣ. Саксонцы какъ будто ничего этого не замѣчали. Исполнивъ такимъ образомъ обѣтъ, крестоносцы удалились изъ-подъ Добина.

Также безуспѣшно шла и прекратилась осада Димина. Тамъ въ войскѣ происходили подобныя же явленія. Что за охота была Альбрехту опустошать свои будущія владѣнія? И онъ отказался отъ осады. Пробывъ три мѣсяца въ Славянской землѣ, и это войско возвратилось безъ всякаго успѣха. Аббатъ Вибольдъ 8го декабря былъ уже въ Германіи, не ви-

* Helm. l. c.

давъ даже издали острова Рюгена. Онъ радовался что спасъ свою жизнь и сохранилъ здоровье посреди столькихъ опасностей.

Sic illa grandis expeditio soluta est, заключаетъ одинъ лѣтописецъ свой разказъ объ этомъ походѣ. * Дѣйствительно, безъ всякаго успѣха, даже съ позоромъ возвратились крестоносцы изъ похода, предпринятаго съ такими силами. „Ибо вслѣдъ за тѣмъ Славяне стали злѣе прежняго: они ни крещенія не сохранили, ни воздержались отъ опустошенія Даніи.“ ** Только графъ Адольфъ Голштинскій съумѣлъ возстановить разорванную дружбу и заключить миръ съ Никлотомъ и другими сосѣдними Славянами.

Какія же были причины неудачи этого похода, которому Бернардъ Клервосскій пророчилъ полный успѣхъ? Духовныя особы прямо указываютъ на несогласія князей. Указываютъ еще на то что Саксонцы шли не для распространенія христіанства, а для увеличенія своихъ владѣній, и только прикрывались усердіемъ къ религіи. *** И походъ не удался, „занѣ Бога не было въ дѣлѣ этомъ“. Но мы должны указать еще на нѣкоторыя объстоятельства объясняющія неудачу войскъ нѣмецкихъ. По тогдашнему обычаю, вся занятая страна была опустошена, жатва уничтожена на корню, и это должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ недостатокъ продовольствія. Сношенія же съ за-Эльбскою Германіей были невозможны по тогдашнему времени. Война искусно была сведена Славянами къ осадѣ крѣпостей, кои защищать никто не умѣлъ лучше Славянъ, сосредоточившихъ свои силы въ нихъ, и затянута благоразумно до зимы, хотя мягкой въ сѣверной Германіи, но все же болѣе суровой чѣмъ іюль мѣсяцъ, когда вышли кресттносцы, а многіе изъ нихъ были изъ Прирейнскихъ

* Annales Stadenses.

** Helm. I c. 65.

*** Vinc. Pragens. Annal. Heineman, Albrecht der Bär. примѣч. 91. Свѣдѣнія сообщаемыя объ этомъ крестовомъ походѣ у большинства историковъ до послѣдняго времени были или скудны, или даже крайне ошибочны. Мишо, напримѣръ, въ своей извѣстной *Histoire des Croisades* говоритъ что походъ продолжался три года, что всѣ войска были подъ начальствомъ Генриха Льва и т. п.

Средневѣковые лѣтописцы, изданіе коихъ не обозначено, цитуются по собранію Pertz *Monumenta Germaniae historica*, преимущественно XVI и XXI томы.

областей и никто конечно не думалъ о защитѣ отъ зимней стужи когда всѣ стремились въ этотъ легкій и непродолжительный походъ. Между тѣмъ, горячее чувство любви къ родной странѣ и свободѣ, страхъ рабства, гибели, въ случаѣ неудачи, все должно было поднимать духъ Бодричей и Лютичей.

Такъ не удалась попытка истребить Прибалтійскихъ Славянъ въ 1147 году, когда была основана Москва. Но силы Нѣмцевъ не уменьшились, ихъ „Drang nach Osten" не ослабѣлъ, раздоры самихъ Славянъ не прекратились, и онѣмеченіе Бодричей и Лютичей не на долго было отсрочено.

И. ЛЕБЕДЕВЪ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ И КРИТИЧЕСКОЕ

МЕЛКОВОДЬЕ

Характеристики литературных мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ, **А. Н. Пыпина. Санктпетербургъ, 1873.**

Намъ не разъ уже случалось, въ нашихъ очеркахъ современной литературы, останавливаться на критическихъ и историческихъ взглядахъ г. Пыпина, въ которыхъ мы находили самое полное отраженіе идей и понятій господствующихъ въ нынѣшней петербургской печати. Въ настоящее время г. Пыпинъ собралъ свои статьи, помѣщавшіяся въ *Вѣстникѣ Европы* за послѣдніе два года, въ одну книгу, которая подъ приведеннымъ выше заглавіемъ составила весьма объемистый томъ, представляющій какъ бы нѣкоторую энциклопедію литературно - общественныхъ воззрѣній современнаго петербургскаго журнализма.

Съ точки зрѣнія своего внутренняго содержанія, книга эта представляетъ явленіе весьма характерное и въ извѣстной степени знаменующее то странное и жалкое время которое намъ приходится переживать. Она олицетворяетъ одинаково его умственную скудость и его высокомѣріе. Никогда болѣе пошлыя мысли и мнѣнія не высказывались съ такою расплывчатою, самодовольною многорѣчивостью и съ такою ничѣмъ не смущаемою важностью. Въ этой книгѣ есть подрядъ десятки страницъ убористой печати ничего не содержащія въ себѣ кромѣ пѣны, которую авторъ взбиваетъ съ очевиднымъ самоуслажденіемъ. Онъ призываетъ

на судъ не только русскую письменность минувшей эпохи, но и всю русскую общественность, въ связи даже съ политическою русскою исторіей; администрація, духовенство, аристократія, поэты, мыслители, журналисты, всѣ поочередно дефилируютъ предъ его судейскою трибуной, связанные необъятнымъ обвинительнымъ актомъ; и въ итогѣ этого затѣйливаго уголовно-критическаго процесса никто не оказывается правымъ, всѣ несутъ въ большей или меньшей степени вину обскурантизма, косности или непониманія—кромѣ самого г. Пыпина, уединенно всходящаго на высоту петербургскаго просвѣщенія.

Это не шутка съ нашей стороны, а напротивъ весьма точное истолкованіе смысла лежащей предъ нами книги. Мы только просимъ читателей припомнить сдѣланное въ одной изъ предыдущихъ нашихъ статей указаніе на заключительный выводъ къ которому приходитъ авторъ *Характеристикъ*. Помѣщая всѣ свои симпатіи въ извѣстномъ направленіи нашего журнализма, начавшагося Полевымъ, продолжаемаго Бѣлинскимъ и его послѣдователями конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ, г. Пыпинъ въ окончательномъ итогѣ находитъ что это направленіе, это, по его выраженію, главное русло русской литературы, пришло къ „тупому непониманію и наглому гаерству“. Слѣдовательно, на высотѣ пониманія остается г. Пыпинъ, раздѣляя быть-можетъ это привилегированное положеніе съ своими сотоварищами по *Вѣстнику Европы*.

Г. Пыпинъ имѣетъ то большое преимущество предъ журналистами одного съ нимъ направленія что онъ несетъ свои понятія и взгляды „ни что же сумняся“, и если сознаетъ ихъ крайнюю низменность, то не заботится замаскировать ее, а прямо говоритъ что такъ молъ и нужно, что прогрессъ духовнаго и общественнаго развитія именно въ томъ и заключается чтобы придти въ концѣ концовъ къ дряни и пошлости. Это конечно не смиреніе въ нищетѣ духовной, но какъ бы нѣкая „игра ума“, весьма похожая на то какъ еслибы кто сталъ доказывать что человѣкъ имѣющій мѣдный пятакъ богаче того у кого есть червовецъ, потому что мѣдь металлъ весьма полезный въ общежитіи, тогда какъ золото менѣе полезно. Именно такой „игрой ума“ г. Пыпинъ занимается въ своемъ обширномъ трудѣ, имѣющемъ цѣлью доказать рѣшительное превосходство литературнаго пятака надъ

литературнымъ червонцемъ. Онъ нигдѣ, конечно, не говоритъ прямо чтобы пятакъ считался дороже червонца, но въ пузырчатой пѣнѣ его разглагольствій эта мысль порою сквозитъ, такъ ярко что не оставляетъ никакихъ сомнѣній насчетъ литературно-общественныхъ вкусовъ и понятій автора. Мы сейчасъ сдѣлаемъ нѣкоторое сопоставленіе, которое совершенно объяснитъ наши слова.

Во введеніи къ *Характеристикамъ,* пространно трактующемъ и о литературѣ, и о національности, и о Петрѣ Великомъ, и о правительственной опекѣ, г. Пыпинъ, пытаясь объяснить свою точку зрѣнія на минувшія судьбы русскаго просвѣщенія, выражается такимъ образомъ: „Общественныя и поэтическія достоинства писателя и произведенія могутъ не всегда совпадать, и легко могутъ имѣть различную цѣну для той исторіи литературы о какой мы говоримъ — исторіи съ общественной точки зрѣнія“. Слѣдовательно г. Пыпинъ взираетъ на писателей не со стороны достоинства ихъ произведеній, а со стороны общественной. Что жь, такое отношеніе къ литературѣ можетъ имѣть смыслъ, если самое понятіе объ общественныхъ интересахъ и задачахъ у насъ достаточно широко и свободно, если подъ общественностью мы понимаемъ совокупность нравственныхъ и духовныхъ силъ творящихъ гражданственность и исторію страны. Мы уже знаемъ изъ предыдущихъ нашихъ обозрѣній что со временъ Пушкина наша литература никогда не чуждалась интересовъ общества, никогда не стояла далеко отъ задачъ времени. Но посмотрите во что обратились эти общественные интересы и идеи у г. Пыпина и что сдѣлалъ онъ съ величайшимъ русскимъ писателемъ, съ этой своей особенной, *Пыпинской*, точки зрѣнія: „Къ этому времени“, говоритъ г. Пыпинъ о юношескихъ годахъ Пушкина, —

„относится цѣлый рядъ его мелкихъ стихотвореній и эпиграммъ, имѣвшихъ довольно положительный общественный смыслъ. Мы упоминали въ другомъ мѣстѣ какъ велика была извѣстность этихъ стихотвореній. Одинъ современникъ разказываетъ какъ Пушкинъ однажды удивился услышавъ отъ него одно изъ своихъ стихотвореній этого рода („Ура! въ Россію скачетъ“), которое онъ считалъ неизвѣстнымъ публикѣ, — а между тѣмъ всѣ его ненапечатанныя сочиненія: *Деревня*, *Кинжалъ*, *Четырехстишіе къ Аракчееву*, *Посланіе къ Петру Чаадаеву*, и много другихъ, были не только всѣмъ

извѣстны, но въ то время не было сколько-нибудь грамотнаго прапорщика въ арміи который не зналъ ихъ наизусть.“

Не довольствуясь свидѣтельствомъ таинственнаго „современника“, очевидно наклоннаго взирать на писателей съ точки зрѣнія ихъ популярности въ кругу „сколько-нибудь грамотныхъ прапорщиковъ въ арміи“, г. Пыпинъ приводитъ, въ качествѣ нѣкоего документа, слѣдующія совершенно нелѣпыя слова Полеваго: „Не разнообразный геній его (Пушкина), не прелесть картинъ увлекали современную молодежь, а звучные стихи, изображавшіе *ихъ мысль* (чью?). Можно утвердительно сказать что имя Пушкина всего болѣе сдѣлалось извѣстно въ Россіи по нѣкоторымъ его мелкимъ стихотвореніямъ, нынѣ забытымъ, но въ свое время ходившимъ по рукамъ во множествѣ списковъ.“ Г. Пыпинъ. спѣшитъ объяснить что здѣсь Полевой разумѣетъ конечно тѣ стихотворенія о которыхъ онъ сейчасъ упомянулъ какъ о пользовавшихся лестною извѣстностью у каждаго „сколько-нибудь грамотнаго прапорщика“, и затѣмъ продолжаетъ:

„Не знаемъ почему Полевой называетъ эти стихотворенія „забытыми“, потому что (авторъ вѣроятно желалъ сказать: такъ какъ) онѣ (они?) вовсе не были забыты (грамотными прапорщиками?). Самъ Пушкинъ въ то время, измѣнивъ свой прежній образъ мыслей (г. Пыпинъ вѣроятно полагаетъ что писатель долженъ всю жизнь пребывать въ мальчишествѣ), очень желалъ чтобы ихъ забыли; нѣкоторые новѣйшіе критики трактовали ихъ какъ увлеченія молодости, которыя потомъ самъ Пушкинъ отвергалъ—но это вовсе не устраняетъ историческаго (?!) значенія этихъ мелкихъ стихотвореній. Напротивъ, они остаются любопытнымъ эпизодомъ тогдашней жизни и поэтическаго развитія самого Пушкина, и (за двумя-тремя исключеніями) вовсе не служатъ къ ущербу для его достоинства или славы. Эти стихотворенія заключали въ себѣ благородные порывы къ лучшему порядку вещей, и язвительное обличеніе людей и вещей (?) которые тогда дѣйствительно вредили общественному благу: Аракчеевъ, князь Голицынъ, Фотій и т. д., вотъ люди противъ которыхъ обращалось остроуміе его эпиграммъ. И было весьма естественно что этотъ періодъ дѣятельности Пушкина такъ быстро составилъ его славу: увлеченіе публики было совершенно законное, и въ немъ ясно обнаруживался инстинктъ указывавшій литературѣ ея общественныя задачи и обязанности. Публика находила въ насмѣшкѣ Пушкина выраженіе собственной мысли: отсутствіе всякой публичности, всякаго права общественнаго мнѣнія дѣлало эти легкіе памфлеты предметомъ общаго интереса; мысль раздѣляемая самой публи-

кой высказывалась здѣсь съ такимъ остроуміемъ, съ такою поэтической наглядностью что эти произведенія естественно получали быструю и необыкновенную популярность; явились вскорѣ и подражанія, иногда столь удачныя что ихъ смѣло приписывали Пушкину. Это было взаимное пониманіе которое было едва ли не первымъ примѣромъ въ нашей литературѣ, въ этой степени...."

Слѣдовательно, та особенная исторія литературы которую излагаетъ г. Пыпинъ—исторія съ общественной точки зрѣнія—знаетъ Пушкина только какъ автора нѣсколькихъ полушутливыхъ, не всегда благопристойныхъ стихотвореній, да нѣскольких политическихъ эпиграммъ, не попавшихъ въ печать. Внѣ этой такъ-сказать апокрифической поэзіи г. Пыпинъ не видитъ въ Пушкинѣ никакого общественнаго содержанія: все остальное было или выраженіемъ обскурантизма, перешедшаго къ намъ изъ Меттерниховской Австріи, или безпечальнымъ жертвоприношеніемъ Аполлону, имѣющимъ, конечно, поэтическія заслуги, но совершенно безразличнымъ для „главнаго литературнаго русла", въ которомъ плавали тогда Полевой и за нимъ опетербурженный Бѣлинскій.

Теперь мы можемъ достаточно уяснить себѣ ту особенную, Пыпинскую точку зрѣнія на литературу на которой остановился современный петербургскій журнализмъ; мы можемъ уже не ошибаться въ истинномъ смыслѣ выраженій: „общественныя идеи", „общественные интересы", когда встрѣчаемъ эти выраженія въ современной журналистикѣ. Конечно, никогда болѣе смѣшныя понятія не были высказываемы въ серіозной печати. Критика съ *Пыпинской* точки зрѣнія очевидно признаетъ только ту поэзію которая нравится сколько-нибудь грамотнымъ мальчикамъ; авторъ *Характеристикъ* смѣло опредѣляетъ этимъ признаніемъ уровень на которомъ стоитъ его просвѣщенное пониманіе. Теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно того во имя чего отрицаютъ въ современной петербургской печати самыя вдохновенныя произведенія русской литературы, и какая низменная пошлость и мальчишество скрываются подъ надутыми разглагольствіями объ общественномъ значеніи писателя, о критическомъ отношеніи къ дѣйствительности, о нравственныхъ интересахъ, соціальныхъ идеяхъ и реальномъ содержаніи!

Пушкинъ о которомъ удостоиваетъ трактовать г. Пыпинъ, слѣдовательно вовсе не тотъ Пушкинъ котораго мы знаемъ—

не авторъ *Евгенія Онѣгина, Бориса Годунова, Капитанской Дочки*, а другой, написавшій нѣсколько эпиграммъ и мелкихъ стихотвореній, не попавшихъ въ печать, но извѣстныхъ наизусть тогдашнимъ армейскимъ прапорщикамъ. Только этотъ *другой* Пушкинъ и имѣетъ значеніе для той прапорщичьей исторіи русской литературы которую г. Пыпинъ имѣетъ смѣлость называть „исторіей съ общественной точки зрѣнія".

Съ этой любопытной точки зрѣнія, съ которой мѣстопребываніе общественныхъ идей оказывается въ манежѣ и въ казармѣ, исторія русской литературы должна получить совершенно новый видъ. Лермонтовъ, напримѣръ, будетъ фигурировать въ ней не потому что онъ написалъ *Героя Нашего Времени* или *Пѣсню про Купца Калашникова*, но какъ авторъ *Уланши* и *Петергофскаго Праздника*; еще выше будутъ поставлены авторы тѣхъ стихотвореній которыя, равнымъ образомъ не попавши въ печать, извѣстны были даже юнкерамъ и кантонистамъ. Общественное значеніе Полежаева окажется неизмѣримо выше значенія Лермонтова, а Барковъ окончательно превзойдетъ и затмитъ всю русскую поэзію...

Если литературу разсматривать съ точки зрѣнія общественной, а слову „общественный" придавать столь далекій отъ настоящей литературы смыслъ, то можно установить еще безконечное множество точекъ зрѣнія. Г. Пыпинъ, въ настоящемъ своемъ сочиненіи, сказалъ что „общественныя и поэтическія достоинства писателя могутъ не всегда совпадать, и легко могутъ имѣть различную цѣну для той исторіи литературы о какой мы говоримъ—исторіи съ общественной точки зрѣнія." Но другой писатель съ такимъ же правомъ можетъ сказать напримѣръ такъ: „поэтическія достоинства писателя могутъ не всегда совпадать съ его мускульнымъ развитіемъ" и написать исторію литературы съ точки зрѣнія физіологической или макробіотической. Можно также разсматривать литературу со стороны покроя платьевъ какія носили различные писатели, и т. д. Диссонансъ въ сопоставленіи всѣхъ этихъ словъ и понятій будетъ нисколько не большій если мы припомнимъ что подъ „общественностью" г. Пыпинъ разумѣетъ міросозерцаніе „сколько-нибудь грамотныхъ прапорщиковъ въ арміи".

Сдѣлаемъ кстати еще одно замѣчаніе. Г. Пыпинъ свидѣтельствуетъ что шуточныя стихотворенія Пушкина вызвали

„вскорѣ и подражанія, иногда столь удачныя что ихъ смѣло приписывали Пушкину“. Г. Пыпину полезно было бы призадуматься надъ этими словами. Не придетъ ли ему на мысль вопросъ: отчего никто не приписывалъ Пушкину подражаній вызванныхъ его серіозными произведеніями, а напротивъ всякій понималъ что въ этихъ подражаніяхъ нѣтъ настоящей Пушкинской поэзіи? Отчего тотъ *другой* Пушкинъ такъ легк находилъ своихъ двойниковъ, тогда какъ истинный Пушкинъ, авторъ *Евгенія Онѣгина, Бориса Годунова,* до сихъ поръ стоитъ въ русской литературѣ совершенно уединенно? Размышленія на эти вопросы быть-можетъ нѣсколько приподняли бы критическія понятія автора *Характеристикъ* и навели бы его на мысль что не совсѣмъ ловко разсматривать писателя со стороны покроя его панталонъ.

Современная петербургская критика между тѣмъ ничѣмъ другимъ и не занимается какъ именно разсматриваніемъ литературы „съ точки зрѣнія панталонъ“. Отъ этого новаго критическаго пріема нездоровится даже тѣмъ писателямъ которымъ нынѣшняя журналистика искренно желаетъ оказать свое просвѣщенное покровительство. Такую медвѣжью услугу оказалъ напримѣръ г. Пыпинъ не одному Пушкину, но и Бѣлинскому, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ низменность современнаго критическаго пониманія выступаетъ едва ли не разительнѣе. Г. Пыпинъ очевидно наилучшимъ образомъ расположенъ къ Бѣлинскому и всячески старается превознесть его надъ всею русскою литературой; послѣ Полеваго, это единственный писатель къ которому онъ не обращается ни съ однимъ упрекомъ и котораго, напротивъ, онъ силится защитить отъ всѣхъ нареканій и превратнаго пониманія. И что̀ же вышло? Настоящій Бѣлинскій, такъ много послужившій литературѣ объясненіемъ и горячею защитой литературныхъ талантовъ, совсѣмъ стушевался въ *характеристикѣ* г. Пыпина, и на мѣсто его возведенъ въ кумиры журнальный поденщикъ, вся заслуга котораго состояла въ служеніи прославляемому г. Пыпинымъ „направленію“ и въ знакомствѣ съ Герценомъ...

Мы не остановились бы на этихъ явленіяхъ современной печати еслибъ они выражали только частный случай критическаго непониманія; но, къ сожалѣнію, они знаменуютъ общій уровень нынѣшней петербургской журналистики, общую скудость идей и понятій, результатомъ которой

является упадокъ литературы и жалкая роль занимаемая ею въ современной жизни. Указывая на это явленіе мы не опасаемся впасть въ неизбѣжныя быть-можетъ повторенія, такъ какъ самыя частыя напоминанія не могутъ быть излишними въ виду печальнаго значенія подобныхъ признаковъ времени.

Любопытнѣе всего что петербургская печать въ послѣднее время нисколько не отрицаетъ упадка литературы и журналистики, и газеты наполняются единогласными сѣтованіями по поводу этого прискорбнаго факта, какъ будто сама петербургская печать здѣсь рѣшительно ни при чемъ. Фельетонисты и рецензенты стараются увѣрить общественное мнѣніе что явленіе это проникло въ литературу откуда-то извнѣ, что печать оскудѣла содержаніемъ и талантами по недостатку живой дѣятельности въ самомъ обществѣ, что обѣднѣніе литературы явилось послѣдствіемъ обѣднѣнія общественной жизни. Приходится читать ежедневныя сѣтованія объ исчезновеніи изъ нашей дѣйствительности живыхъ задачъ и интересовъ, о прекращеніи вѣянія наставшаго съ конца пятидесятыхъ годовъ, о пріостановкѣ поступательнаго движенія нашей гражданственности. Отсюда прямое заключеніе къ оскудѣнію литературы, которая будто бы цвѣла пышнымъ цвѣтомъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и стала чахнуть по мѣрѣ того какъ преобразовательныя задачи сузились въ дѣйствительной жизни.

Конечно, присутствіе широкихъ задачъ въ общественной жизни часто выгодно отражается на литературѣ. Но въ настоящемъ случаѣ обмелѣніе общественнаго русла едва ли можетъ нести на себѣ всю отвѣтственность за литературное мелководье которымъ страдаетъ современная печать. Надо вспомнить что литература петербургскаго направленія относилась въ высшей степени отрицательно и даже враждебно къ тѣмъ самымъ реформамъ на пріостановленіе которыхъ она складываетъ теперь вину собственнаго истощенія. Вспомнимъ какимъ свистомъ, шипомъ и гамомъ петербургское литературное мнѣніе, въ своихъ передовыхъ органахъ, встрѣчало всѣ наши реформы, начиная съ крестьянской поскольку она должна была имѣть мирный и благополучный исходъ, до послѣдней учебной реформы. Вспомнимъ глумленіе Добролюбова надъ говорильнями; вспомнимъ какъ неистово въ *Современникѣ*

ругали всѣхъ кто изъявлялъ сочувствіе самому принципу предполагавшейся судебной реформы? Вспомнимъ къ какимъ злостнымъ обманамъ и уловкамъ прибѣгалъ журналъ въ которомъ пишетъ г. Пыпинъ противодѣйствуя мѣрамъ къ поднятію нашего научнаго образованія и отстаивая типъ гимназій созданныхъ обскурантизмомъ 1849 года? Не таилась ли,—что̀ говоримъ мы? не высказывалась ли съ безстыднѣйшею наглостью въ петербургскомъ журнализмѣ тенденція противодѣйствовать и зложелательствовать всему что̀ вноситъ къ намъ благодѣянія цивилизаціи, такъ какъ истинный прогрессъ служитъ къ утвержденію, а эта тенденція требовала только разрушенія. Не было ли ея лозунгомъ: „бей безъ разбора направо и налѣво.“ Слѣвательно, обновленіе нашей общественности нисколько не обновило нашей журналистики, и напротивъ, никогда уровень журнальныхъ идей не былъ такъ скуденъ какъ во время наибольшаго оживленія въ общественной сферѣ. Припомнимъ, съ другой стороны, что въ сороковыхъ годахъ самодѣятельность общества была стѣснена въ высшей степени, положеніе печати было вполнѣ беззащитно, никакія серіозныя задачи не возникали въ нашей гражданственности, а если и являлись какіе-нибудь вопросы политическаго и общественнаго характера, то печать не могла ихъ касаться. И не взирая на все то, сороковые года были обильны литературными талантами. Положеніе писателя, почти безправное предъ администраціей, пользовалось въ обществѣ несравненно бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ теперь, несмотря на то что число образованныхъ людей въ наше время гораздо значительнѣе; наконецъ и сами писатели уважали тогда самихъ себя и свою профессію гораздо болѣе чѣмъ въ настоящее время.

Все это показываетъ что литература только въ томъ случаѣ подпадаетъ благопріятному вліянію общественнаго оживленія если она въ себѣ самой сохраняетъ живыя начала, настолько возвышающіяся надъ уровнемъ практической дѣйствительности чтобы среди самыхъ сложныхъ общественныхъ задачъ и интересовъ удерживать за литературой руководящее положеніе какъ за носительницей идеаловъ. Какъ скоро изсякаютъ эти живыя начала, она утрачиваетъ свое значеніе, и самая кипучая дѣятельность въ общественной сферѣ, самая не ограниченная матеріальная свобода, не въ состояніи влить въ нее никакого внутренняго содержанія.

Во время первой французской революціи литература исчезла совсѣмъ изъ Франціи, несмотря на то что никогда конечно общественная жизнь не была полна такихъ возбужденій; и мы знаемъ какими прискорбными заблужденіями поплатилось общество за это отсутствіе литературы, въ смыслѣ хранительницы нравственныхъ идеаловъ.

Безпристрастная оцѣнка положенія къ которому мы пришли должна возложить всю отвѣтственность въ литературномъ упадкѣ на самую литературу. Мы только-что видѣли какимъ образомъ относится къ литературѣ нынѣшнее петербургское просвѣщеніе, какія струны желало бы оно заставить звучать въ ней, съ какимъ презрѣніемъ самодовольнаго невѣжества обращается оно къ нашимъ литературнымъ богатствамъ. При такомъ уровнѣ критическихъ требованій какая же можетъ существовать литература, и какія сверхъестественныя силы могутъ приковать къ ней уваженіе и вниманіе публики? Критическое мелководье заранѣе отвергаетъ всякій литературный талантъ, потому что таланту собственно и дѣлать нечего въ тѣхъ рамкахъ какія указываетъ литературѣ современный петербургскій журнализмъ. Зачѣмъ намъ Пушкины, когда отъ нихъ ждутъ только школьныхъ эпиграммъ, зачѣмъ Гоголи, когда современная критика винитъ ихъ за то что они не писали задорныхъ журнальныхъ статей, зачѣмъ намъ даже Бѣлинскіе, если вся ихъ заслуга заключалась въ знакомствѣ съ „свободномыслящимъ" кружкомъ? Грязный фельетонистъ въ тысячу разъ лучше удовлетворитъ всѣмъ этимъ требованіямъ...

Въ другой журнальной статьѣ, попавшейся намъ недавно на глаза, критикъ самымъ серіознымъ образомъ сѣтуетъ зачѣмъ Лермонтовъ родился въ хорошемъ семействѣ и воспитывался въ домѣ богатой бабушки жившей въ свѣтѣ. Критику очевидно кажется что только юноши босикомъ приходящіе въ бурсу годятся для подвижничества въ отечественной литературѣ, въ фалангѣ Помяловскихъ, Рѣшетниковыхъ, гг. Успенскихъ и пр.

Все это смѣшно и даже не грустно, такъ какъ грусть — слишкомъ лестное чувство для того жалкаго юродства какое господствуетъ въ современной петербургской журналистикѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о причинахъ упадка литературы совершенно ясенъ, какъ ясно и то что упадокъ этотъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ пока какое-нибудь счастливое

теченіе не вынесетъ нечистоту накопившуюся въ Авгіевыхъ стойлахъ нашей журналистики.

Эта нечистота — явленіе далеко не случайное. Мыслитель которому г. Пыпинъ оказываетъ особенное уваженіе, какъ родоначальнику русскаго скептицизма, самъ очень вѣрно и глубоко объяснилъ настоящіе, мутные источники нашего скептицизма. „Мы существуемъ какъ бы внѣ времени, писалъ Чаадаевъ, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ. Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумѣнія, доведшія его въ другихъ странахъ міра до настоящаго положенія, не имѣли на насъ никакого вліянія. То что у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, для насъ до сихъ поръ есть только умствованіе, теорія. „Посмотрите вокругъ себя. Все какъ будто на ходу. Мы всѣ какъ будто странники. Нѣтъ ни у кого сферы опредѣленнаго существованія... нѣтъ ничего что бы привязывало, что бы пробуждало ваши сочувствія, расположенія; нѣтъ ничего постояннаго, непремѣннаго: все проходитъ, протекаетъ, не оставляя слѣдовъ ни на внѣшности, ни въ васъ самихъ.“ Кладя на бумагу эти мысли, Чаадаевъ конечно не подозрѣвалъ что онъ указываетъ причины цѣлаго ряда явленій въ нашей умственной жизни съ которыми его собственный скептицизмъ былъ совершенно однороденъ. Только на нашей почвѣ могло возникнуть отрицаніе до того глухое къ національному чувству и духу, чтобы во всей тысячелѣтней исторіи нашей не усмотрѣть ни одного общечеловѣческаго явленія; только на нашей почвѣ могъ возникнуть скептицизмъ новѣйшаго петербургскаго направленія, отрицающій основныя начала того самаго культурнаго прогресса на вершинахъ котораго онъ пребываетъ въ своемъ самомнѣніи. „Дивная связь человѣческихъ идей въ теченіи вѣковъ“ остается чуждою нашему пониманію; не участвуя въ своемъ прошедшемъ въ созиданіи исторической культуры, мы бродимъ въ ея пропилеяхъ съ чувствомъ странника, иногда съ чувствомъ Вандала, взиравшаго на не понятный для него Римъ. „То что у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь“ — элементы цивилизаціи, выработанные преемственностью историческаго существованія—„для насъ до сихъ поръ есть только умствованіе, теорія“, которую мы вчера приняли и завтра готовы смѣнить на нѣчто новое. Въ нашей духовной области, въ самомъ дѣлѣ, „нѣтъ ничего постояннаго, непре-

мѣннаго: все проходитъ, протекаетъ, не оставляя слѣдовъ ни на внѣшности, ни въ насъ самихъ“, словно духовное отечество наше есть tabula rasa, на которой каждый проходящій может начертать все что ему угодно. Отсюда наша удивительная способность — ничего не уважать въ нашемъ прошедшемъ и каждый день начинать сначала, отсюда наше умственное баши-бузучество, манера относиться наѣздническии, съ наскоку, къ такимъ предметамъ которыми гордится всякій исторически-воспитанный народъ. Писатели петербургскаго направленія находятъ конечно что этого баши-бузучества въ насъ еще не достаточно, что слѣдуетъ истребить послѣдніе тощіе корни привязывающіе насъ къ исторіи, выскоблить насъ до гладкости зеркальнаго стекла. Такъ г. Пыпинъ замѣчаетъ въ Пушкинѣ тотъ прискорбный недостатокъ что онъ „вообще имѣлъ въ характерѣ расположеніе любить и уважать преданія, любилъ старину, былъ, если можно такъ выразиться, въ душѣ до нѣкоторой степени старинный человѣкъ“. Такъ, когда въ послѣднее время нѣсколько журналовъ напечатали неизданныя произведенія нѣкоторыхъ корифеевъ нашей поэзіи, газеты подняли крикъ, зачѣмъ редакціи предпочли эти произведенія статьямъ самоновѣйшихъ литературныхъ поденщиковъ, подняли плачъ о вторженіи въ журналистику археологическихъ вкусовъ, о византизмѣ и пр. Такъ г. Костомаровъ предпринялъ *Русскую Исторію въ жизнеописаніяхъ*, повидимому задавшись мыслію что наше общество страдаетъ излишнимъ уваженіемъ къ своимъ историческимъ дѣятелямъ, къ своей старинѣ, и что необходимо излѣчить его отъ этого недостатка...

Но возвратимся къ книгѣ г. Пыпина.

Авторъ *Характеристикъ* весьма дѣятельно занялся разъясненіемъ причинъ той „рѣзкой перемѣны“ какую критика его направленія видитъ между поэтическою дѣятельностью юношескихъ лѣтъ Пушкина и позднѣйшимъ характеромъ его поэзіи. Онъ принимаетъ извѣстное, пущенное петербургскою журналистикой начала шестидесятыхъ годовъ, мнѣніе, будто въ первомъ періодѣ поэзія Пушкина была отголоскомъ либеральныхъ стремленій общества, протестомъ противъ существующаго порядка и чаяніемъ лучшаго устройства, тогда какъ во второмъ періодѣ поэтъ отказался отъ убѣжденій молодости, разорвалъ связь съ молодымъ поколѣніемъ и не только примирился вполнѣ со statu quo, но даже защищалъ

его въ печати и воспѣвалъ ему „стихотворные комплименты" (такъ называетъ г. Пыпинъ извѣстные стансы: *Въ часы забавъ иль праздной скуки* и стихотвореніе: *Съ Гомеромъ долго ты бесѣдовалъ одинъ*). Мотивы къ такому рѣзкому перелому мнѣній и направленія г. Пыпинъ находитъ какъ во внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни Пушкина, въ его общественныхъ связяхъ, такъ и во внутреннихъ свойствахъ его характера, какъ человѣка и поэта.

Мы не станемъ подробно разбирать насколько основательно вообще рѣзкое разграниченіе проводимое новѣйшею петербургскою критикой между юношескимъ и зрѣлымъ періодами Пушкинской поэзіи въ такъ-называемомъ общественномъ смыслѣ. Въ своемъ мѣстѣ * мы указывали сколько силы и внутренней глубины заключалось въ самыхъ позднихъ стихотвореніяхъ Пушкина, каковы напримѣръ его піесы: *Когда великое свершилось торжество* и *Когда за городомъ задумчивъ я брожу*, остающіяся до сихъ поръ непревзойденными образцами поэтическаго выраженія глубокой идеи. Мы не встрѣчаемъ во всей дѣятельности Пушкина никакого другаго перелома, кромѣ того который обусловливался его быстрымъ и могучимъ художественнымъ развитіемъ, заставившимъ его перейти отъ легкой, полуподражательной поэзіи раннихъ лѣтъ къ высокому и серіозному творчеству; мы не знаемъ гдѣ нашелъ г. Пыпинъ свѣдѣнія о томъ „торжественномъ отреченіи" Пушкина отъ прежнихъ произведеній либерально-сатирическаго свойства о которомъ онъ говоритъ какъ о фактѣ общеизвѣстномъ—если не считать такимъ отреченіемъ авторскую строгость къ самому себѣ, проявлявшуюся въ Пушкинѣ въ послѣдніе годы его зрѣлости, когда при немъ вспоминали поэтическія шалости его молодыхъ лѣтъ. Но это даже не особенно важно. Допустимъ что въ Пушкинѣ произошла дѣйствительно „рѣзкая перемѣна", что онъ пересталъ служить отголоскомъ либеральныхъ стремленій общества (какихъ, замѣтимъ кстати, послѣ 1826 года общество вовсе и не обнаруживало), и примирился съ дѣйствительностью, которая, по справедливому замѣчанію г. Пыпина, „конечно мало годилась быть идеаломъ". Даже и въ такомъ случаѣ, мотивы перелома слѣдуетъ искать безъ сомнѣнія не тамъ гдѣ ихъ

* См. нашу статью: *Нужна ли намъ литература?* въ майской кн. *Русскаго Вѣстника*, 1873 года.

ищетъ г. Пыпинъ, и историческая критика обязана пролить на это явленіе совершенно иной свѣтъ.

Вопросъ этотъ вообще поставленъ въ нашей журналистикѣ такъ односторонне и фальшиво, что мы считаемъ не излишнимъ нѣсколько остановиться на немъ.

Г. Пыпинъ весьма прозрачными намеками даетъ понять что Пушкинъ былъ недостаточно развитъ умственно чтобы сознательно усвоить себѣ либеральныя убѣжденія и остаться имъ вѣрнымъ до конца своей дѣятельности. „Въ его вольнолюбивыхъ мнѣніяхъ, говоритъ авторъ *Характеристикъ*, было гораздо больше романтическаго увлеченія хорошей натуры чѣмъ истиннаго убѣжденія.“ „Онъ былъ довольно уменъ, снисходительно продолжаетъ г. Пыпинъ, чтобы понимать раціональныя основанія своихъ тогдашнихъ либеральныхъ понятій, но натура дѣлала свое, и упомянутое безучастіе брало верхъ надъ логическимъ разсужденіемъ.“ Въ подтвержденіе тому, критикъ ссылается на мнѣніе Бѣлинскаго что „мыслительность“ уступала въ Пушкинѣ поэтической созерцательности (какъ будто у поэта должно быть иначе!) и замѣчаетъ что „поэтому либеральныя его мнѣнія были больше навѣяны временемъ, чѣмъ продуманы и укрѣплены собственнымъ размышленіемъ“. Короче, либерализмъ былъ привитъ Пушкину связями съ людьми стоявшими неизмѣримо выше его въ умственномъ отношеніи; и когда буря размела кружокъ этихъ людей, поэтъ утратилъ источникъ для духовныхъ заимствованій, и „мыслительность“ его понизилась. Его друзья двадцатыхъ годовъ уже замѣчали въ немъ съ неудовольствіемъ недостатокъ серіозности и не довѣряли прочности его образа мыслей. „Его не даромъ не принимали въ тайное общество, язвительно замѣчаетъ г. Пыпинъ, въ которое онъ нѣсколько разъ самымъ горячимъ образомъ порывался проникнуть....“

Бѣдный Пушкинъ!

Мы не будемъ спорить съ современнымъ критикомъ о томъ насколько интеллектуальное развитіе Пушкина было выше или ниже его друзей двадцатыхъ годовъ. Установлять умственное соотношеніе между писателемъ и людьми практическими, дѣйствовавшими непосредственно въ сферѣ политической,—довольно праздная и неудобная задача. Но замѣтимъ что одинъ изъ этихъ „друзей“, соединявшій профессію писателя съ дѣятельнымъ участіемъ въ тайномъ обществѣ, именно Бестужевъ-Марлинскій, въ своей авторской дѣятельности

не только не ознаменовалъ себя никакимъ служеніемъ „освободительной идеѣ", но даже въ тѣсно-литературной области не мало содѣйствовалъ извращенію вкуса дурнымъ направленіемъ даннымъ имъ русскому роману, и былъ прямымъ родоначальникомъ той самой надутой школы Кукольника и Бенедиктова которой г. Пыпинъ приписываетъ такое вредное вліяніе на ходъ нашей литературы и гражданственности. Г. Пыпину весьма полезно было бы призадуматься надъ этимъ обстоятельствомъ, и тогда не только умственное соотношеніе между Пушкинымъ и членами тайнаго общества выразилось бы для него въ совершенно иной пропорціи, но и роль Пушкина въ нашей дѣйствительности со второй половины двадцатыхъ годовъ представилась бы при болѣе вѣрномъ освѣщеніи.

Извѣстно что катастрофа 1825 года застала Пушкина въ ссылкѣ, и что при новомъ дворѣ возникъ вопросъ объ отношеніяхъ въ какія поэтъ могъ быть поставленъ въ виду совершившейся перемѣны. Друзья Пушкина предлагали ему хлопотать о прекращеніи опалы которой онъ подвергся еще при императорѣ Александрѣ, но поэтъ отклонялъ ихъ посредничество по весьма благороднымъ и деликатнымъ побужденіямъ: „мудрено мнѣ — писалъ онъ къ самому вліятельному изъ своихъ друзей, Жуковскому—мудрено мнѣ требовать твоего заступленія предъ государемъ: не хочу охмѣлить тебя въ этомъ пиру." Въ томъ же письмѣ, сославшись на непричастность свою дѣлу декабристовъ, несмотря на личныя связи со многими изъ нихъ, онъ продолжаетъ: „Теперь положимъ что правительство и захочетъ прекратить мою опалу: съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы); но вамъ рѣшительно говорю, не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства, etc."

Надъ этими строками, представлявшими нѣчто почти неслыханное въ русской жизни, съ уваженіемъ остановится всякій непредубѣжденный умъ. Смыслъ ихъ такъ ясенъ что невозможно предполагать за ними никакой задней мысли, еслибы даже Пушкинъ, при прямодушной и рыцарски-честной натурѣ своей, былъ способенъ вообще имѣть заднія мысли. И предъ этими словами поэта-гражданина, сознававшаго свое достоинство, какимъ неизмѣримо-пониженнымъ тономъ звучитъ слѣдующее разсужденіе современнаго журналиста:

„Въ этихъ послѣднихъ словахъ говорило конечно въ Пушкинѣ большое мнѣніе о самомъ себѣ, сознаніе своего достоинства и значенія. Существующія біографіи еще не разъяснили въ чемъ собственно заключался дальнѣйшій ходъ дѣла о началѣ котораго здѣсь говорится, и послѣднимъ заключеніемъ котораго была полная амнистія Пушкина и милости двора. Оставляя по необходимости неразъясненнымъ этотъ предметъ, замѣтимъ что Пушкинъ по всей вѣроятности преувеличивалъ надобность „условій". Онъ уже вступалъ тогда, въ своей внутренней жизни, въ тотъ періодъ о которомъ мы говорили и который обнаружилъ его истинный характеръ. Это былъ періодъ его зрѣлости, періодъ чистаго художественнаго творчества, понимаемаго въ романтическомъ стилѣ, и общественнаго индифферентизма, переходившаго наконецъ въ полное признаніе statu quo" и т. д.

Затѣмъ слѣдуетъ неизбѣжная ссылка на стихотвореніе *Чернь*, намеки на презрѣніе Пушкина къ толпѣ, на его служеніе „искусству для искусства" и пр.

Такой взглядъ на общественную роль Пушкина конечно не заслуживалъ бы вниманія критики, еслибъ онъ принадлежалъ къ личнымъ вымысламъ г. Пыпина. Но авторъ *Характеристикъ* въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, только повторяетъ одно изъ самыхъ жалкихъ заблужденій пущенныхъ въ обиходъ журналистикой начала шестидесятыхъ годовъ, и его слова служатъ только отголоскомъ мнѣнія много разъ повтореннаго въ петербургской печати и мало-по-малу пріобрѣвшаго въ ней права гражданства. Сплетня (иначе мы это мнѣніе и назвать не умѣемъ) объ отступничествѣ Пушкина, объ его измѣнѣ своимъ первоначальнымъ политическимъ убѣжденіямъ, о его сдѣлкѣ со властью, почтившею его милостями и щедротами, о посторонних мотивахъ того строгаго заключенія въ чисто-художественной области среди котораго мы находимъ его въ послѣднемъ періодѣ жизни,—сплетня пересказывалась въ нашей журналистикѣ такъ часто что сдѣлалась въ ней общимъ мѣстомъ, какъ бы не предполагающимъ никакихъ сомнѣній и возраженій.

Что Пушкинъ всегда ясно понималъ свое поэтическое призваніе, и даже въ ранніе годы смотрѣлъ на свои эпиграммы и упражненія сатирическаго и гривуазнаго характера какъ на шалость, въ этомъ убѣждаютъ насъ не только его письма, разговоры, замѣтки въ записной книжкѣ, но и самая литературная исторія его жизни, которая и въ первый періодъ творчества богата высокими и серіозными вдохновеніями,

всегда преобладавшими надъ легкими стихотворными забавами. Только низменный уровень нынѣшняго критическаго пониманія можетъ въ своемъ сужденіи о поэтѣ забывать поэта и ставить Пушкину въ укоръ зачѣмъ „поэтическая созерцательность“ превосходила въ немъ разсудочную „мыслительность“, какъ будто поэтъ не тѣмъ и отличается отъ прочихъ людей что въ немъ мыслительность переходитъ въ созерцательность. Судить такимъ образомъ почти то же самое что упрекать художника въ слабомъ развитіи мускуловъ или въ дурномъ покроѣ платья, но наша критика не останавливается предъ несообразностями такого рода. Она не понимаетъ что въ такомъ случаѣ не было бы исторіи литературы, не было бы и самой литературы, потому что г. Курочкинъ оказался бы выше Шекспира. У насъ критика судитъ Пушкина какъ человѣка близкаго къ либеральнымъ движеніямъ двадцатыхъ годовъ, забывая что онъ былъ поэтъ, а не политическій агитаторъ, забывая и нѣчто большее—именно то что послѣ катастрофы 1825 года политическимъ людямъ у насъ нечего было дѣлать.

Нельзя не удивляться что это послѣднее обстоятельство совершенно какъ бы ускользаетъ отъ вниманія петербургской журналистики. „Общество думало не такъ какъ поэтъ“, поучаетъ г. Пыпинъ съ убѣжденіемъ журналиста поставившаго всю свою задачу въ наисовершеннѣйшемъ „удовлетвореніи“ публики. — „Вначалѣ оно возвеличило Пушкина какъ „отголосокъ“ своихъ мнѣній; инстинктомъ оно вѣрно угадывало что поэзія должна быть выраженіемъ дѣйствительной жизни, защитой ея лучшихъ интересовъ, указаніемъ живаго идеала.“ Но какого же этого общества и какихъ общественныхъ стремленій долженъ былъ Пушкинъ служить попрежнему „отголоскомъ“? Самъ г. Пыпинъ, указывая на сильное пониженіе общественнаго уровня послѣ событія 14го декабря, не довольствуется видѣть причины этого пониженія въ разсѣяніи образованнаго кружка, но отыскиваетъ ихъ еще глубже, въ давней и полной несостоятельности массы. „Ходъ вещей, говоритъ онъ, всего болѣе опредѣлялся пассивнымъ положеніемъ народной массы, вялостью и слабостью образовательныхъ инстинктовъ въ болѣе цивилизованномъ верхнемъ слоѣ: не было яснаго сознанія и запроса на другой порядокъ вещей. Ходъ вещей вполнѣ отвѣчалъ представленіямъ и нравамъ большинства, и пользовался чрезвы-

чайною популярностью. Это было главнѣйшее основаніе порядка вещей господствовавшаго въ описываемыя десятилѣтія.“ Какія же струны долженъ былъ Пушкинъ заставить звучать въ этомъ обществѣ, еслибы захотѣлъ служить его „отголоскомъ“?

Для Пушкина не надо было особенной прозорливости чтобы понять свое положеніе среди новой обстановки образовавшейся вокругъ него послѣ событій 1825—1826 годовъ. Онъ былъ очевидцемъ неудачи постигшей политическій кружокъ къ которому онъ былъ близокъ по личнымъ отношеніямъ и отчасти по сходству нѣкоторыхъ убѣжденій. Кружокъ этотъ разсѣялся. „Либеральная школа романтизма, замѣчаетъ г. Пыпинъ, кончилась съ концомъ либеральной политической партіи. Съ болѣе обширной исторической точки зрѣнія это значило то что общій уровень жизни не выносилъ этихъ идей, что это были идеи слишкомъ передовыя, которыя, при всемъ ихъ отвлеченномъ достоинствѣ, не были довольно понятны малоразвитому обществу. Онѣ нашли себѣ относительно только ничтожное число послѣдователей, и представители ихъ должны были погибнуть при первой попыткѣ заявить ихъ фактически и открыто....“ Въ чемъ бы ни лежала дѣйствительная причина трагическаго исхода политическихъ стремленій двадцатыхъ годовъ, въ неподготовленности ли общества или въ практической несостоятельности самыхъ стремленій, система противъ которой они возстали торжествовала и представляла единственную дѣйствовавшую и властвовавшую силу. Съ тѣхъ поръ всякій протестъ противъ этой силы, очевидно неодолимой, имѣлъ бы видъ ничѣмъ не оправдываемаго школьничества. Положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи было настолько ясно что не оставляло никакого выбора; необходимо было признать все совершившееся и существовавшее по крайней мѣрѣ какъ явленіе исторической неизбѣжности.

Аристократизмъ мысли и чувства, свойство, къ сожалѣнію, мало понятное современной критикѣ, но весьма сильное и живое въ Пушкинѣ, подсказало ему его новую роль въ русской общественности. Онъ не выступилъ на путь отрицательныхъ отношеній которыя были бы простымъ мальчишествомъ; не сталъ писать изъ-подъ руки сатирическихъ стихотвореній и политическихъ эпиграммъ, не поставилъ себя въ положеніе школьника занимающагося изподтишка запрещеннымъ дѣломъ. Въ своемъ поэтическомъ дарованіи онъ

нашелъ для себя болѣе достойный его кругъ дѣятельности. Общественная и политическая сфера, послѣ всего совершившагося въ ней, уже мало привлекала его; онъ замкнулся въ самомъ себѣ, въ глубинахъ своего творческаго духа, понимая что въ этой области заключался самый лучшій и плодотворный исходъ для кипѣвшихъ въ немъ внутреннихъ силъ. Пушкинъ какъ агитаторъ былъ жалкимъ и потому не нужнымъ явленіемъ; какъ поэтъ, онъ сталъ живою силою Русскаго народа, которая будетъ жить и дѣйствовать пока живетъ русскій языкъ.

Впрочемъ, какъ ни мало правды и искренности въ сужденіяхъ г. Пыпина о Пушкинѣ, какъ человѣкѣ и общественномъ дѣятелѣ, приговоры современнаго критика о значеніи поэта въ чисто-литературной поэтической области поражаютъ еще болѣе неожиданными несообразностями. Если въ первомъ случаѣ натяжки г. Пыпина могутъ быть объяснены тенденціозною низменностью въ общихъ понятіяхъ объ искусствѣ и литературѣ, то напраслины взводимыя имъ на Пушкина въ тѣсной сферѣ поэтической дѣятельности ничѣмъ не могутъ быть объяснены. Такъ, напримѣръ, г. Пыпинъ приписываетъ вліянію и примѣру Пушкина возникновеніе той литературы представителемъ которой явился Марлинскій. Поистинѣ изумительно узнать изъ книги г. Пыпина напримѣръ о слѣдующихъ результатахъ внесенныхъ въ нашу поэзію Пушкинскою школой:

„.... Русская поэзія начала наполняться личными изліяніями, романтическою меланхоліей или разгуломъ, или разочарованностью, изображеніемъ титаническихъ страстей, неизвѣданныхъ тайнъ души и тому подобными воображаемыми сюжетами; поэты съ пренебреженіемъ отвергали житейскую прозу, требовали свободы своему вдохновенію, жертвовали Аполлону, и даже негодовали на цѣлый вѣкъ, мѣшавшій имъ своею практическою суетой, своимъ холоднымъ разсудкомъ и сухою наукой; на эти послѣднія вещи безпрестанно жаловались романтическіе поэты, даже изъ болѣе умныхъ и искренно восхваляемыхъ самимъ Пушкинымъ, какъ Баратынскій. Чтобъ указать до какой степени доходила подобная романтическая реторика, довольно назвать имя Марлинскаго.... Поэзія переполнялась условною ложью, которая по-своему удовлетворяла нетребовательныхъ читателей, потому что въ понятіяхъ этихъ читателей поэзія представлялась какъ нѣчто возвышенное, особенное, не имѣющее общаго съ жизнью или относящееся къ ней только выспреннимъ образомъ.“

Условная ложь—результатъ Пушкинскаго примѣра и

вліянія, Марлинскій—послѣдователь Пушкина! И все это потому что Пушкинъ въ стихотвореніи *Чернь* сказалъ:

Подите прочь! какое дѣло
Поэту мирному до васъ?

—слова до такой степени чувствительно уязвившія г. Пыпина что онъ ощущаетъ боль укола на разстояніи почти сорока лѣтъ....

Автору *Характеристикъ* не нравится зачѣмъ Бѣлинскій такъ высоко ставилъ *Евгенія Онѣгина*, въ которомъ онъ находилъ художественное воспроизведеніе одного изъ общественныхъ типовъ, и охотнѣе склоняется на сторону критики тридцатыхъ годовъ, въ которой типъ Онѣгина „возбуждалъ нѣкоторыя недоумѣнія“, и которая „не столько придавала значенія этому типу и самому роману сколько подробностямъ представлявшимъ разнообразныя картины русской жизни“. Онъ находитъ что свѣтское общество 1823 года, когда былъ начатъ *Онѣгинъ*, было разнообразнѣе и болѣе оживлено общественнымъ интересомъ чѣмъ можно судить по роману Пушкина... Но замѣтимъ г. Пыпину что Пушкинъ вовсе не имѣлъ въ виду тѣхъ людей дѣйствія которые выступали затѣмъ въ ближайшихъ событіяхъ: его идея была схватить отрицательную сторону свѣтскаго общества, и на *Евгенія Онѣгина* онъ съ самаго начала смотрѣлъ какъ на произведеніе въ легкомъ шутливомъ родѣ. Напомнимъ извѣстное мѣсто изъ переписки Пушкина: „Мнѣ пишутъ много объ Онѣгинѣ; скажи имъ что они не правы. Ужели хотятъ изгнать все легкое и веселое изъ области поэзіи? Куда же дѣнутся сатиры и комедіи? Слѣдственно должно будетъ уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраса, и Веръ-Вера, и Рейнеке, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова, и пр. Это немного строго. Картина свѣтской жизни также входитъ въ область поэзіи, но довольно...“ Такимъ образомъ поэтъ самъ далъ критикѣ надлежащую точку зрѣнія на его романъ, и эта точка зрѣнія конечно обязательна. Сознаніе своей скромной задачи въ общественномъ смыслѣ было очень живо у поэта, и выразилось въ другомъ письмѣ его, гдѣ онъ прямо высказываетъ: „Ты говоришь о сатирѣ Англичанина Байрона и сравниваешь ее съ моею, и требуешь отъ меня таковой же. Нѣтъ, моя душа, многаго хочешь!“ Не напрасно конечно творецъ *Онѣгина* поставилъ здѣсь, предъ именемъ Байрона, какъ многознаменательное указаніе, слово

Англичанинъ; онъ понималъ разность общественныхъ и другихъ условій между русскимъ и англійскимъ поэтами.

Мы не будемъ слѣдить за г. Пыпинымъ шагъ за шагомъ въ предпринятомъ имъ „опустошительномъ набѣгѣ“ на русскую литературу; мы остановимся только на вершинахъ нашей литературной исторіи, и съ этихъ же вершинъ кинемъ взглядъ на общій заключительный выводъ которымъ авторъ кончаетъ свою книгу.

Такимъ образомъ отъ Пушкина перейдемъ прямо къ Гоголю (Лермонтова г. Пыпинъ почему-то совсѣмъ пропустилъ, хотя этотъ писатель не лишенъ значенія даже и съ той *особенной* точки зрѣнія съ которой авторъ *Характеристикъ* смотритъ на русскую литературу).

Какъ поэтическій талантъ и какъ психическій субъектъ, Гоголь представляетъ явленіе въ высшей степени оригинальное и во многихъ отношеніяхъ загадочное. Несмотря на то что о жизни и сочиненіяхъ его писано больше чѣмъ о комъ-нибудь изъ нашихъ писателей, художественная и человѣческая индивидуальность его рисуется весьма неясно и полна самыхъ разительныхъ противорѣчій. Одаренный необъятнымъ самороднымъ талантомъ чисто-художественнаго и преимущественно сатирическаго свойства, онъ всю жизнь находится какъ бы подъ давленіемъ этого непосильнаго бремени, и порою самымъ рѣшительнымъ образомъ стремится сбросить его съ себя. Человѣкъ вѣчно враждуетъ въ немъ съ поэтомъ и художникомъ, и въ этой борьбѣ подъ конецъ изнываютъ его творческія силы. Юмористъ и комикъ по преимуществу, въ неограниченной степени одаренный способностью подмѣчать въ человѣкѣ все смѣшное, мелкое и пошлое, онъ постоянно испытываетъ въ себѣ потребность занестись въ пучину самаго кипучаго, страстнаго и туманнаго лиризма. Въ немъ какъ бы живетъ два человѣка: одинъ большой, одаренный громадными силами, со смѣлостью творческаго духа подходящій къ явленіямъ жизни; другой — маленькій, какъ сама посредственность, и подобно всякой посредственности исполненный зависти къ своему большому товарищу, съ которымъ судьба опредѣлила ему жить въ такомъ тѣсномъ сожительствѣ.

Гоголь представляетъ собою одно изъ рѣдкихъ и загадочныхъ явленій, порою замѣчаемыхъ въ нравственной природѣ человѣка. Булверъ устами остроумнаго героя своего новаго романа (*Кенелмъ Чиллингли*) замѣчаетъ что люди

одаренные необычайнымъ физическимъ развитіемъ, какъ Геркулесъ, обыкновенно склонны къ меланхоліи, хотя казалось бы меланхоліи слѣдовало быть удѣломъ людей хилыхъ и болѣзненныхъ. Извѣстно что самые талантливые юмористы, писатели и актеры наиболѣе заставляющіе свою публику смѣяться, часто страдаютъ сильнѣйшею ипохондріей. Натура Гоголя совмѣщала въ себѣ нѣсколько подобныхъ противорѣчій, изъ которыхъ самое главное и вредное заключалось въ томъ что будучи по свойству и силѣ своего таланта непосредственнымъ художникомъ, онъ постоянно, и чѣмъ далѣе тѣмъ болѣе, стремился преодолѣть въ себѣ эту художественность и *дѣлать* новыя созданія вмѣсто того чтобы *творить* ихъ. Вслѣдствіе этого роковаго противорѣчія, *художникъ* умеръ въ Гоголѣ въ ту пору когда отъ него можно было ждать еще высшаго развитія, и второй томъ *Мертвыхъ Душъ* принесъ поклонникамъ великаго таланта полное разочарованіе.

Книга г. Пыпина не разъясняетъ ни одного изъ этихъ противорѣчій, и по прочтеніи ея талантъ и личность Гоголя остаются такою же загадкою какою были до тѣхъ поръ. Г. Пыпинъ, повидимому, о томъ и не заботится: онъ полагаетъ свою задачу въ томъ чтобы доказать что Гоголь съ самыхъ раннихъ лѣтъ держался обскурантнаго образа мыслей, и что этимъ онъ былъ обязанъ Пушкину и Пушкинскому кружку. Въ одной изъ предыдущихъ статей * мы имѣли уже случай объяснить насколько основательно приписывать Пушкину дурное вліяніе на писателя обязаннаго великому поэту идеей и содержаніемъ двухъ лучшихъ своихъ произведеній, и считаемъ излишнимъ возвращаться къ этому вопросу. Гораздо любопытнѣе будетъ остановиться на тѣхъ сужденіяхъ о Гоголѣ, какъ художникѣ и мыслителѣ, которыми г. Пыпинъ предполагаетъ разрѣшить вопросъ о литературномъ значеніи автора *Мертвыхъ Душъ* и отношеніяхъ его къ послѣдующему періоду нашего просвѣщенія; мы увидимъ что этотъ вопросъ не только не разрѣшается въ *Характеристикахъ*, но окончательно запутывается новыми противорѣчіями, возникающими изъ извѣстнаго *особеннаго* взгляда г. Пыпина на литературу.

Современный критикъ повидимому отводитъ Гоголю весьма значительное мѣсто въ исторіи нашей общественности, и находитъ что „со времени Гоголя и тогдашней критики наша литература въ первый разъ получаетъ значеніе настоящей

---

* *Нужна ли намъ литература? Русскій Вѣстникъ*, май, 1873.

общественной силы, въ первый разъ она становится дѣйствительною литературой, заслуживающею этого имени, высказывающею настоящія жизненныя требованія.“ Гоголь и Бѣлинскій, по его мнѣнію, „высказали давно зрѣвшія мысли лучшей части общества“; ихъ сочиненія „были запросомъ на преобразованіе“....

Какія же общественныя идеи, служившія запросомъ на преобразованіе, высказалъ Гоголь?

Къ удивленію, г. Пыпинъ не только не указываетъ этихъ идей, но напротивъ, все отвлеченное, резонирующее содержаніе произведеній Гоголя ему въ высшей степени антипатично. „Мы видѣли, говоритъ онъ, что его собственныя представленія объ общественныхъ порядкахъ были очень ограниченныя; онъ изображалъ явленія, не понимая ихъ причинъ.... Не думая объ общихъ основаніяхъ жизни, даже находя ихъ совершенствомъ, Гоголь предполагалъ что все дѣло только въ объясненіи людямъ истинной, христіанской нравственности. Ему не приходило въ голову что отъ взятокъ и произвола чиновниковъ можно избавиться только измѣненіемъ самой администраціи и предоставленіемъ обществу какой-нибудь самостоятельности; что справедливаго суда можно было достигнуть только введеніемъ хорошихъ судебныхъ учрежденій и порядковъ, что для устройства крестьянъ надо было прежде всего освободить ихъ отъ помѣщиковъ и т. д.“ Къ этимъ указаніямъ г. Пыпинъ неоднократно возвращается. „У Гоголя—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ—не видимъ мы и признака мысли о тѣхъ общественныхъ вопросахъ которые уже довольно ясно представлялись образованнымъ людямъ того времени, и на которые обратила вниманіе даже строго-консервативная высшая сфера. Гоголь настаиваетъ только на авторитетѣ, а всѣ недостатки какіе видѣлъ въ теченіи дѣлъ сваливаетъ на исполнителей, хотя бы это были даже честные и умные люди. У него нѣтъ и мысли о возможности улучшенія самыхъ учрежденій, объ измѣненіи въ отношеніяхъ сословій, о воспитаніи въ обществѣ большей моральной и гражданской самодѣятельности“ и т. д.

Такимъ образомъ, Гоголь, высказывающій „настоящія жизненныя требованія“, олицетворяющій „запросъ на преобразованіе“, въ то же время не имѣетъ „и признака мысли объ общественныхъ вопросахъ“, „о возможности улучшенія самыхъ учрежденій“ и т. д. Г. Пыпинъ не находитъ чтобы

логика такихъ сопоставленій была близка къ извѣстному изреченію: „палка въ углу стоитъ, значитъ дождь будетъ“. Въ той *особенной* исторіи литературы и общественности которую онъ пишетъ, все это примиряется самымъ легкимъ образомъ:

„.... Не довольствуясь негодованіемъ на отдѣльный фактъ, объясняетъ г. Пыпинъ, новое направленіе негодовало на его причины и искало средствъ устранить ихъ,—отсюда и возникалъ цѣлый образъ мыслей, совершенно (?) опредѣленный, относившійся недовѣрчиво къ настоящему, горячо стремившійся къ лучшимъ формамъ общественной жизни. Это былъ образъ мыслей очень далекій отъ мнѣній Гоголя. *Тѣмъ не менѣе* (?) Гоголь сталъ великой опорой этого образа мыслей и опорой новаго направленія. Онъ дѣйствовалъ какъ художникъ, какъ поэтъ; его теоретическія мнѣнія могли быть неудовлетворительны, но ихъ не было видно въ его произведеніяхъ (?),—онъ говорилъ картинами нравовъ, а эти картины были такъ вѣрны, онъ раскрывалъ фальшивыя и вредныя стороны нашего быта съ такою силой что для новаго направленія эти произведенія были въ высшей степени сочувственны“ и т. д.

Ясно что *Пыпинская* точка зрѣнія вноситъ въ вопросъ о литературномъ и общественномъ значеніи Гоголя только новыя и совершенно безполезныя противорѣчія, изъ которыхъ авторъ *Характеристикъ* никакъ не можетъ выпутаться, и которыя были бы свободно устранены еслибъ ему удалось взглянуть на Гоголя не съ *особенной*, а съ общепринятой точки зрѣнія какъ на художника двинувшаго нашу литературу весьма далеко по пути развитія указаннаго вѣчно юными Пушкинскими образцами. Г. Пыпинъ не догадывается что чѣмъ болѣе онъ старается поставить Гоголя въ солидарность съ тенденціозными выводами въ общественномъ смыслѣ, какіе навязывала ему критика „новаго направленія“, тѣмъ очевиднѣе становится что эти выводы не входили въ намѣренія Гоголя, и что его художественная дѣятельность не только не причастна „новому направленію“, но напротивъ онъ весьма часто клонилъ внутренній смыслъ этой дѣятельности въ противную сторону. Истинное значеніе Гоголя связано только съ тѣми его произведеніями въ которыхъ онъ творилъ совершенно свободно, изъ глубины непосредственнаго художественнаго вдохновенія, и его литературная слава была бы безъ сомнѣнія чище и блистательнѣе, еслибъ онъ остановился на своемъ поэтическомъ

призваніи и не вторгался бы въ чуждую ему область нравственныхъ и общественныхъ идеаловъ, въ которой онъ постоянно оказывался очень слабъ. Чтобы понять все значеніе художественной дѣятельности Гоголя, ее необходимо разсматривать совершенно отдѣльно какъ отъ произведеній продиктованныхъ резонерствомъ, такъ и отъ тенденціозныхъ выводовъ навязанныхъ ему критикою Бѣлинскаго. Произвольность этихъ выводовъ возмущала самого Гоголя, ясно чувствовавшаго что тутъ замѣшалось недоразумѣніе, котораго онъ самъ, несмотря на повторенныя попытки, не умѣлъ разъяснить правильнымъ образомъ. Въ настоящее время, когда область русской художественной литературы значительно расширилась и матеріалъ подлежащій наблюденіямъ критики сталъ много разнообразнѣе и разностороннѣе, недоразумѣніе это достаточно выясняется. Оно заключалось очевидно въ томъ что критика Бѣлинскаго, вообще весьма не сильная въ эстетической философіи, не уразумѣла настоящаго источника мрачнаго сатирическаго направленія замѣчаемаго ею въ произведеніяхъ Гоголя, и приписала извѣстному образу мыслей то что̀ было просто индивидуальностью художественнаго таланта. Намъ не разъ случалось указывать что у нашихъ беллетристовъ замѣчается двоякое отношеніе къ жизни, положительное и отрицательное. Въ характерѣ Гоголевскаго таланта было относиться къ типамъ и явленіямъ дѣйствительности исключительно отрицательнымъ образомъ, что̀ вовсе не означало отрицанія этой дѣйствительности въ нравственномъ или общественномъ смыслѣ; это былъ просто индивидуальный авторскій пріемъ, художественная манера, вытекавшая изъ дѣйствовавшихъ въ поэтѣ силъ комизма. Извѣстное лицо наблюдаемое въ дѣйствительности представлялось Гоголю, какъ прирожденному комику и юмористу, исключительно съ его смѣшныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ сторонъ, безо всякой связи съ общественною и нравственною ролью этого лица. И каждый разъ когда Гоголь, самъ не вполнѣ разумѣвшій особенности своего таланта, пытался возстановить эту нарушаемую въ его поэтической созерцательности связь изображаемаго лица съ мѣстомъ занимаемымъ имъ въ нравственномъ порядкѣ, въ созданіи его замѣчалась дѣланность и напряженность.* Но критика Бѣлинскаго,

* Намъ случилось слышать отъ одного изъ талантливѣйшихъ последователей Гоголя въ литературѣ сороковыхъ годовъ замѣчаніе

не понявъ этой авторской индивидуальности въ талантѣ художника, приписала сатирическое содержаніе его произведеній отрицанію общественнаго склада русской жизни, и подсказала читателямъ *Мертвыхъ Душъ* и *Ревизора* такіе выводы о которыхъ авторъ, державшійся относительно современныхъ ему порядковъ совсѣмъ другаго мнѣнія, вовсе и не думалъ. Въ критическомъ смыслѣ такая ошибка Бѣлинскаго была, быть-можетъ, не особенно важна, но въ практическомъ отношеніи она повліяла на Гоголя самымъ несчастнымъ образомъ. Именно съ тѣхъ поръ какъ петербургская журналистика постаралась „объяснить" общественное значеніе произведеній Гоголя и подсказать ему выводы которыхъ онъ не имѣлъ въ виду—имъ овладѣваетъ внутреннее смятеніе, онъ начинаетъ провѣрять и объяснять самого себя, задумываться надъ нравственнымъ смысломъ своего смѣха, и мало-по-малу сходитъ со строгой и исключительной художественности на путь морализаціи, резонерства и проповѣдничества. До сихъ поръ художникъ творилъ совершенно свободно, руководствуясь непосредственнымъ вдохновеніемъ и нисколько не подозрѣвая что его поэтическая дѣятельность находится въ такомъ вопіющемъ разладѣ съ его нравственными и общественными понятіями и вкусами; толки и „объясненія" петербургской журналистики обнаружили что такое недоразумѣніе дѣйствительно существуетъ, что его чисто-художественную сатиру эксплуатируютъ для цѣлей ему совершенно чуждыхъ. Друзья Гоголя несомнѣнно замѣчали такую эксплуатацію, какъ это видно изъ слѣдующаго мѣста въ статьѣ князя Вяземскаго по поводу *Переписки съ Друзьями*: „Его (Гоголя) хотѣли поставить главою какой-то новой литературной школы, олицетворить въ немъ какое-то черное литературное знамя. Такимъ образомъ съ больныхъ головъ на здоровую складывали всѣ несообразности, всѣ нелѣпости, провозглашаемыя нѣкоторыми журналами. На его душу и отвѣтственность обращали всѣ

которое, несмотря на нѣкоторую односторонность, должно быть признано чрезвычайно глубокимъ и вѣрнымъ. Этотъ писатель, самъ владѣющій большимъ юмористическимъ талантомъ, находитъ что *Женидьба* въ художественномъ отношеніи выше *Ревизора*, потому что комизмъ Подколесина кроется въ чисто человѣческихъ свойствахъ его натуры, безъ отношенія къ какимъ-либо внѣшнимъ условіямъ, между тѣмъ какъ весь комизмъ городничаго зависитъ отъ его служебнаго и общественнаго положенія.

грѣхи какими ознаменовались послѣдніе годы нашего литературнаго паденія. Какъ тутъ было не одуматься, не оглядѣться?“

Если мы примемъ во вниманіе что Гоголь въ общественныхъ вопросахъ былъ очень далекъ отъ образа мыслей кружка Бѣлинскаго, мы поймемъ чтò долженъ былъ онъ почувствовать когда обнаружилось что произведеніямъ его придается смыслъ прямо противоположный всѣмъ его убѣжденіямъ (насколько были широки и основательны эти убѣжденія—другой вопросъ). Ему дѣйствительно нельзя было не оглянуться—и оглядка эта, какъ извѣстно, породила въ немъ то мучительное душевное смятеніе которое въ результатѣ убило въ немъ художника. Онъ сталъ изучать себя, резонировать надъ каждымъ своимъ шагомъ, провѣрять каждую свою страницу, и подъ вліяніемъ опасенія чтобъ и впредь художественный смѣхъ его не былъ истолкованъ въ смыслѣ общественнаго и нравственнаго отрицанія, поспѣшилъ раскрыть предъ публикой свои дѣйствительныя убѣжденія, свой неподдложный образъ мыслей. Результатомъ этихъ откровеній явилась извѣстная *Переписка съ Друзьями*. Въ ней русская публика, знавшая и цѣнившая Гоголя-художника, неожиданно встрѣтила резонирующаго и морализующаго Гоголя, который вѣроятно и не явился бы въ печати еслибъ его не раздразнила и не встревожила услужливость петербургской критики. Съ тѣхъ поръ, резонирующій Гоголь беретъ рѣшительный верхъ надъ Гоголемъ-художникомъ, и начинается то дѣланіе жизни, то обуздыванье вдохновенья, которыя разрѣшились вторымъ томомъ *Мертвыхъ Душъ*. Свободный художникъ погибъ въ Гоголѣ и вмѣсто него явился напуганный моралистъ, помышляющій исключительно объ узкой полезности своего труда и вступающій въ беллетристику съ самыми анти-художественными пріемами.

Такими печальными послѣдствіями отразилась на Гоголѣ критическая ошибка Бѣлинскаго, или правильнѣе того петербургскаго кружка вліянію котораго подпалъ этотъ журналистъ сороковыхъ годовъ.

Г. Пыпинъ, конечно, смотритъ на дѣло иначе. Онъ скорбитъ не о томъ зачѣмъ Гоголь сошелъ съ своего художественнаго пути ради нравственнаго и политическаго резонерства, но о томъ зачѣмъ это резонерство не отвѣчало образу мыслей раздѣляемому петербургскою журналистикой. Онъ

повторяетъ ошибку Бѣлинскаго, задавая себѣ трудъ оспаривать мнѣнія Гоголя о вопросахъ нравственнаго и общественнаго порядка и негодовать на узкость и ограниченность этихъ мнѣній. Г. Пыпину очевидно даже совсѣмъ непонятно какъ это могъ Гоголь сидѣть надъ *Мертвыми Душами*, въ то время какъ одинъ редакторъ просилъ его написать статейку для журнала: онъ выписываетъ отвѣтъ Гоголя на это приглашеніе съ нѣкоторымъ изумленіемъ, подчеркивая и сопровождая восклицательнымъ знакомъ эпитетъ *презрѣнный*, данный Гоголемъ „занятію ежедневнымъ дрязгомъ“. Очевидно, въ понятіяхъ г. Пыпина это занятіе несравненно почтеннѣе художественнаго творчества....

Въ этомъ случаѣ г. Пыпинъ остается вѣренъ крайнимъ результатамъ того „новаго направленія“ которое онъ считаетъ установившимся со временъ Бѣлинскаго, какъ „главное русло нашего литературнаго и общественнаго развитія въ сороковыхъ годахъ“. Авторъ *Характеристикъ* даетъ понять что подъ этимъ „главнымъ русломъ“ онъ разумѣетъ отнюдь не то направленіе съ какимъ Бѣлинскій выступилъ въ печать, но исключительно то съ какимъ онъ является въ послѣдніе годы своей дѣятельности. Первое было только подготовительною ступенью развитія. Кружокъ Станкевича, въ которомъ Бѣлинскій пріобрѣлъ первоначальныя философскія понятія, развилъ въ немъ только литературное и эстетическое пониманіе; „но его понятія общественныя оставались еще строго-консервативными, въ силу извѣстныхъ толкованій Гегелевой философіи, изъ которыхъ выводилось оправданіе существующаго“. Бѣлинскій, объясняетъ г. Пыпинъ, не могъ долго оставаться на этой низшей ступени развитія. „Прежде всего, собственная работа мысли не дала Бѣлинскому остановиться на „примиреніи“, которому онъ могъ еще предаваться въ пору юношескаго оптимизма и подъ вліяніемъ мягкой, любящей, идеалистической по преимуществу природы Станкевича“. Съ переѣздомъ въ Петербургъ, во мнѣніяхъ Бѣлинскаго происходитъ переворотъ, подъ вліяніемъ новыхъ связей:

„Въ то первое время когда собирались вокругъ Станкевича молодые любители философіи, въ другомъ кружкѣ ихъ сверстниковъ зарождалось другое направленіе, также теоретическое и идеальное, но съ перваго раза обратившееся къ вопросамъ иного характера. Это направленіе, представите-

лями котораго были Герценъ и Огаревъ, и особенно первый, было, какъ и направленіе Станкевича, результатомъ и домашнихъ условій, и вліяній европейской литературы; и неясные вначалѣ, инстинктивно-понятые отголоски движенія двадцатыхъ годовъ, и поэзія Шиллера, и новѣйшая политическая и соціальная литература (но не германская философія) положили основаніе образу мыслей несходному съ интересами кружка Станкевича и направленному всего болѣе на предметы политическіе."

Этотъ новый кружокъ, образовавшійся первоначально въ Москвѣ около Герцена, распространился и на Петербургъ, и съ переѣздомъ туда Бѣлинскаго сталъ группироваться около послѣдняго, сохранивъ впрочемъ самыя близкія связи съ Герценомъ и его друзьями. Здѣсь мало-по-малу совокупными усиліями окончательно выработалось то „новое направленіе", то „главное русло литературнаго и общественнаго развитія", которое все болѣе и болѣе увлекало Бѣлинскаго отъ вѣрнаго пониманія литературныхъ интересовъ и подавляло въ немъ все такъ плодотворно принятое изъ школы Станкевича. Изъ этого „русла" вытекло наконецъ знаменитое письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу *Переписки съ Друзьями*—письмо въ которомъ критикъ съ такою судорожною ненавистью напалъ на нравственныя и общественныя понятія Гоголя, не сознавая что самъ же онъ вызвалъ эти понятія высказанныя въ печати, и что предъ нимъ—великій художникъ сбитый съ толку и потерянный для искусства благодаря его же собственному критическому промаху....

Въ чемъ же наконецъ заключалось это „новое направленіе"?

Мы видѣли что кружокъ Герцена „положилъ основаніе образу мыслей несходному съ интересами кружка Станкевича и направленному всего болѣе на предметы политическіе". Но не въ этомъ конечно суть „новаго" движенія. Освѣженный политическій интересъ самъ по себѣ могъ только расширить содержаніе нашей литературы, вовсе не вступая въ противорѣчіе съ литературными интересами. Извѣстно что горячія политическія убѣжденія Байрона не помѣшали ему остаться великимъ поэтомъ, можетъ-быть именно потому что выросли на почвѣ зрѣлой цивилизаціи. У насъ движеніе съ самаго начала приняло нѣсколько особенный оборотъ, и въ чемъ именно заключалась эта *особенность* нашего движенія, можно понять изъ отношеній въ какія Бѣлинскій сталъ къ упомянутому „руслу". Вотъ весьма неопредѣленныя, весьма общія,

но наводящія на многія заключенія слова г. Пыпина объ этихъ отношеніяхъ:

„Бѣлинскій, конечно, не былъ человѣкъ ученый, и ему иногда не доставало свѣдѣній, *но несмотря на то* онъ могъ занимать одно изъ господствующихъ мѣстъ въ литературѣ его направленія, въ которой между прочимъ дѣйствовали тогда нѣсколько людей съ замѣчательнымъ талантомъ и обширнымъ образованіемъ. Бѣлинскаго *равняла съ ними, и иногда ставила выше ихъ*, сила убѣжденія и увлекающее дѣйствіе на другихъ. Его *большая* заслуга состояла въ томъ что его усиленныя и твердыя стремленія много содѣйствовали литературной дѣятельности этого круга сложиться въ опредѣленное направленіе.“

Въ этихъ словахъ сокрыто указаніе на самый существенный смыслъ того „новаго движенія“ которое, начавшись еще Полевымъ, со временъ Бѣлинскаго окончательно утверждается въ нашей литературѣ, обнаруживая самое рѣшительное и злосчастное вліяніе на ея судьбы. Именно тому что Бѣлинскій, *несмотря* на свое поверхностное образованіе и недостатокъ свѣдѣній, могъ занять въ литературѣ господствующее мѣсто, которое принуждены были уступить ему люди „съ замѣчательнымъ талантомъ и обширнымъ образованіемъ“, именно въ этомъ обстоятельствѣ и заключается самое существенное зло въ ходѣ нашего общественнаго просвѣщенія и начало нашего литературнаго паденія. Г. Пыпинъ, высказываясь вышеприведенными словами, свидѣтельствуетъ ими лишь то что это паденіе окончательно совершилось, что журналистика наша уже усвоила крайніе результаты воспринятые ею изъ блистательнаго „русла“, что явленіе казавшееся во времена Бѣлинскаго удивительнымъ исключеніемъ разсматривается нынче какъ нѣчто вполнѣ нормальное и не заключающее въ себѣ никакой несообразности. Авторъ *Характеристикъ* находитъ что сила убѣжденія, хотя бы сложившагося при недостаткѣ свѣдѣній, не только равняла Бѣлинскаго съ людьми „обширнаго образованія“, но иногда даже ставила выше ихъ. Онъ находитъ что *большая* заслуга Бѣлинскаго заключалась въ его усиленныхъ дѣйствіяхъ на пользу *направленія*, а все остальное, отличавшее его критическое поприще, было заслугою маленькою, побочною, частною...

Здѣсь мы опять чувствуемъ потребность поднять свой скромный голосъ въ защиту критика сороковыхъ годовъ отъ дружеской услуги его нынѣшняго панегириста. Мы думаемъ

что дѣятельность Бѣлинскаго еще не выражала собою того окончательнаго литературнаго паденія свидѣтельствомъ которому служитъ книга г. Пыпина. Мы думаемъ что *большая* заслуга Бѣлинскаго заключалась не въ томъ въ чемъ ее полагаетъ критикъ семидесятыхъ годовъ. Дѣйствуя въ духѣ извѣстнаго направленія (и то лишь въ послѣдніе годы жизни) Бѣлинскій не понижался до того жалкаго уровня на которомъ весь литературный и общественный кругозоръ замыкается въ направленіи. Онъ не ставилъ все направленіе выше внутренней стоимости которую умѣлъ понять и опредѣлить съ одинаковымъ сочувствіемъ какъ въ знаменитомъ „руслѣ", такъ и внѣ его, въ *Борисѣ Годуновѣ* Пушкина и въ *Ревизорѣ* Гоголя, въ *Думѣ* Лермонтова и въ антологіяхъ Майкова. Онъ могъ ошибаться и увлекаться, эксплуатируя художественную сатиру Гоголя для публицистическихъ цѣлей, но можно съ увѣренностью сказать что онъ не возносилъ бы Гоголя, еслибы не чувствовалъ въ немъ громаднаго чисто-художественнаго значенія. Его дѣятельность была прежде всего горячею, искреннею проповѣдью таланта и неумолимымъ преслѣдованіемъ пошлости и бездарности. „Новое" направленіе, и въ особенности струю народности, сильно оживившую въ сороковыхъ годовъ нашу поэзію, онъ понималъ и цѣнилъ въ произведеніяхъ нашихъ лучшихъ литературныхъ талантовъ — тѣхъ самыхъ къ которымъ современная критика относится съ невѣжественнымъ презрѣніемъ. Обладая самъ весьма поверхностнымъ образованіемъ, Бѣлинскій искренно и порою наивно цѣнилъ и уважалъ образованность въ литературѣ. Это была, конечно, любовь чисто-платоническая, но она составляла безъ сомнѣнія самую сильную сторону того идеализма которымъ Бѣлинскій былъ обязанъ кружку Станкевича и который такъ не нравится г. Пыпину. А между тѣмъ конечно именно въ этомъ идеализмѣ заключается тайна огромнаго вліянія Бѣлинскаго на молодое поколѣніе, а не въ политическихъ его стремленіяхъ, которыхъ это поколѣніе en masse не понимало и вовсе ими не интересовалось.

Существовала тѣмъ не менѣе весьма опасная сторона въ положеніи дѣлъ созданныхъ въ нашей журналистикѣ ролью Бѣлинскаго, и эта опасность отразилась на всемъ нашемъ послѣдующемъ литературномъ и общественномъ развитіи. Исканіе въ литературѣ тенденціознаго матеріала, горячая проповѣдь мнѣній усвоенныхъ безъ основательной вну-

тренней подготовки, обхожденіе съ вопросами нравственнаго и общественнаго порядка безъ достаточныхъ свѣдѣній, журнальная бойкость побуждающая судить о какомъ угодно предметѣ на основаніи самаго поверхностнаго знакомства изъ третьихъ рукъ, наконецъ самое стремленіе совмѣстить въ предѣлахъ литературной критики легкое трактованіе о вещахъ имѣющихъ къ литературѣ лишь самое отдаленное отношеніе—все это, чему дѣятельность Бѣлинскаго подавала соблазнительный примѣръ, должно было отразиться на послѣдующихъ судьбахъ нашей журналистики перемѣщеніемъ центра литературной тяжести изъ образованнаго кружка къ полуобразованному большинству. Въ самой манерѣ Бѣлинскаго заключалось нѣчто какъ бы удостовѣряющее въ превосходствѣ легкаго, популяризующаго отношенія къ высшимъ вопросамъ политики и морали надъ такимъ отношеніемъ которое вытекало бы изъ глубокаго изученія предмета и основательной подготовки. Въ критикѣ и публицистикѣ, примѣръ Бѣлинскаго показывалъ что писатель можетъ обходиться безъ серіозной подготовки, такъ какъ отъ него требовалось не углубленія въ тѣ вопросы съ которыми приходилось имѣть дѣло его перу, а развязнаго порханія по верхушкамъ жизни и знанія. Короче, надъ всѣми старыми и новыми литературными требованіями возвысилось одно все-замѣняющее и всеобнимающее—требованіе *направленія*.

Это было уже симптомомъ рѣшительнаго паденія, потому что голое направленіе, какъ мы не разъ замѣчали, по самой сущности своей враждебно всякому дальнѣйшему развитію, всякой самодѣятельности мысли и таланта. Оно ничего не требуетъ, кромѣ усвоенія извѣстнаго порядка мнѣній, и что же можетъ быть пріобрѣтено легче мнѣній, если допустить ихъ извнѣ, безъ всякой внутренней подготовительной работы мысли и знанія? Низшіе слои нашей интиллигенціи очень скоро это поняли, и потому-то въ разгарѣ такъ-называемаго „новаго“ движенія, мы видѣли такую единодушную и ожесточенную травлю всѣхъ литературныхъ, научныхъ и художественныхъ авторитетовъ, представлявшихъ въ нашемъ тѣсномъ образованномъ обществѣ аристократію ума и таланта. Это было возстаніе полуобразованности и полунауки, вторженіе бойкаго невѣжества и наглой посредственности въ область литературныхъ интересовъ.

Автору *Характеристикъ* этотъ быстрый ходъ нашего лите-

ратурнаго паденія представляется, разумѣется, съ совершенно другой точки зрѣнія, хотя и трудно опредѣлить съ какой именно. Сначала онъ безмѣрно радуется скептическому движенію начавшемуся въ сороковыхъ годахъ. Онъ приводитъ слова одного писателя (если не ошибаемся, Герцена), который, объясняя въ 1846 году причины тогдашнихъ проявленій скептицизма, разсуждаетъ такимъ образомъ: „Просто, мы возмужали и пришли къ тому возрасту когда и человѣкъ и народъ начинаютъ отдавать себѣ отчетъ въ томъ что̀ сдѣлалъ и дѣлаетъ—оттого мы стали строже къ себѣ и къ другимъ; стали пытливѣе и недовѣрчивѣе. Словомъ, наступило время разсудка, анализа, критики. Этотъ поворотъ въ нашей жизни начался полнымъ отрицаніемъ, сомнѣніемъ во всемъ, даже въ нашихъ юношескихъ силахъ, и очень немногіе поняли настоящій смыслъ этого явленія. Скептическое направленіе—необходимый результатъ отжитаго прошедшаго, необходимый прологъ къ зарождающемуся будущему, произвело на насъ благодѣтельное дѣйствіе. Недавно еще высказалось оно рѣзко, отвлеченно, а теперь мы можемъ уже отчасти провидѣть его результаты сквозь хламъ и соръ которымъ еще завалена наша литература. Такъ мы быстро идемъ впередъ!“ и т. д. Г. Пыпинъ находитъ что „эти слова написаны какъ будто вчера, о нашемъ собственномъ времени, и написаны разсудительнымъ человѣкомъ, который умѣетъ понимать сущность дѣла... Мы сказали бы, продолжаетъ критикъ нашихъ дней, теперь почти то же самое...

Разница времени оказалась, разумѣется, въ самыхъ предметахъ скептицизма: тогда, за полнымъ отсутствіемъ въ литературѣ собственнаго публицистическаго содержанія, шла рѣчь о вопросахъ гораздо болѣе отвлеченныхъ и теоретическихъ; въ наше время, такъ или иначе, дѣло идетъ о настоящей дѣйствительной жизни, о понятіяхъ совершенно реальныхъ. Оттого новый скептицизмъ былъ глубже и серіознѣе, проявленія его рѣзче (и въ извѣстной части общества—грубѣе), мнѣнія можетъ-быть нетерпимѣе. Но мы и теперь сказали бы точно также что „скептическое направленіе необходимый результатъ отжитаго прошедшаго, необходимый прологъ къ зараждающемуся будущему“, и не сомнѣваемся что оно будетъ имѣть благодѣтельное дѣйствіе, что въ понятіяхъ извѣстной доли общества оно имѣетъ это дѣйствіе уже и теперь. Въ такихъ условіяхъ каковы наши, скептицизмъ есть обыкновенный запросъ на дальнѣйшіе развитіе, и сила „отрицанія“ показываетъ только

что ожидаемое развитіе предполагается очень непохожимъ на существующее положеніе вещей.“

Такъ благодушествуетъ г. Пыпинъ на стр. 230, не только ожидая отъ скептическаго „русла“ „благодѣтельнаго дѣйствія“, но даже и вкушая уже нѣкоторымъ образомъ это дѣйствіе, ибо въ „извѣстной (?) доли общества“ онъ усматриваетъ уже его и нынче. Но къ концу книги это благодушество внезапно оставляетъ его, имъ овладѣваютъ сомнѣнія въ основательности надеждъ заявленныхъ въ сороковыхъ годахъ блистательнымъ „русломъ“. Великіе умы плывшіе по этому „руслу“ „не приняли въ разчетъ сколько времени еще потребуется для того чтобы въ массѣ общества привились и распространились тѣ понятія которыя отличали ихъ самихъ“. Г. Пыпинъ начинаетъ даже замѣчать что „русло“ вынесло нашу литературу на такой берегъ гдѣ едва ли „ожидаемое развитіе можно предполагать очень непохожимъ на настоящее положеніе вещей“, если подъ „непохожимъ“ разумѣть по меньшей мѣрѣ нѣчто лучшее.

„Если отъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, говоритъ авторъ въ заключительной главѣ своей книги, мы обратимся къ нашему собственному времени, черезъ промежутокъ въ тридцать-сорокъ лѣтъ, мы увидимъ какъ преждевременны были относительно большинства эти надежды на литературную и научную самобытность русскаго общества. Не только масса общества, но можно сказать большинство самой литературы слишкомъ далеки отъ сколько-нибудь серіознаго пониманія вещей; напротивъ, не говоря о той низменной литературѣ у которой нѣтъ никакого интереса кромѣ мелкаго прислужничества и денежной аферы, даже въ такихъ кружкахъ которые заявляютъ притязаніе на извѣстную самостоятельность, на извѣстную раціональность и послѣдовательность своего образа мыслей, господствуетъ такое рабское подчиненіе ходячимъ понятіямъ и ходячему разчету что смѣшно было бы говорить о присутствіи въ нихъ истинно-критическаго начала. Освѣжающія явленія возникаютъ изрѣдка въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ трудахъ, иногда приходятъ изъ иностранной литературы, но большинство наличной литературы относится къ нимъ съ тупымъ непониманіемъ и наглымъ гаерствомъ. Правда, не останавливается рядъ разнообразныхъ изученій историческихъ, экономическихъ и пр., продолжается и возникаетъ вновь дѣятельная фактическая разработка общественной исторіи и народнаго быта и все это обѣщаетъ нѣкогда полезные результаты, но въ данную минуту еще мало оказываетъ дѣйствія на общественное мнѣніе массы. Современное положеніе литературы есть безспорно упадокъ.“

Эти строки безъ сомнѣнія справедливѣе всего что заключается въ объемистой книгѣ г. Пыпина. Но не кажется ли г. Пыпину что онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаютъ всю книгу? Если онъ поставилъ своею задачею слѣдить за прогрессомъ нашей литературы, что̀ въ его понятіяхъ равносильно постепенному переходу отъ чисто-литературныхъ и художественныхъ интересовъ къ интересамъ общественнымъ въ смыслѣ „свободительныхъ идей“, если онъ могъ указать какъ съ молодымъ поколѣніемъ протокъ этихъ идей усиливался, такъ что образовалъ наконецъ въ литературѣ „главное русло“,—и если весь этотъ пятидесятилѣтній прогрессъ вѣнчается сознаніемъ что „современное положеніе литературы есть безспорно упадокъ, то что̀ же наконецъ все это значитъ, и какой смыслъ должна получить исторія нашей литературы съ той особой точки зрѣнія съ какой разсматриваетъ ее авторъ *Характеристикъ*?

Нельзя конечно заподозрить г. Пыпина въ умышленно-пессимистическомъ отношеніи къ новому времени и его литературно-общественнымъ понятіямъ; напротивъ, всѣ симпатіи его очевидно самымъ рѣшительнымъ образомъ склоняются къ идеямъ и воззрѣніямъ нынѣшняго дня, и книга его сама по себѣ есть вполнѣ продуктъ того литературнаго упадка, который онъ принужденъ признать.

Несостоятельность воззрѣній г. Пыпина обнаруживается въ двухъ отношеніяхъ. Вопервыхъ, понятіе объ „общественности“ очевидно не можетъ заключаться въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ школьнаго либерализма какія опредѣляетъ для него г. Пыпинъ. Общественная идея, какъ и всякая другая, предполагаетъ извѣстную ширину и глубину воззрѣнія, весьма далекую отъ свободомыслія „сколько-нибудь грамотныхъ прапорщиковъ“, въ которомъ напрасно современный критикъ видитъ высшую ступень умственной и гражданской зрѣлости. Вовторыхъ, содержаніе литературы не можетъ исчерпываться только общественнымъ интересомъ, еслибы даже мы понимали этотъ интересъ въ несравненно болѣе широкомъ смыслѣ чѣмъ какой придаетъ ему г. Пыпинъ. Содержаніе литературы также многосторонне какъ многосторонен духъ человѣческій; она обнимаетъ собою всю совокупность человѣческихъ интересовъ — умственныхъ, нравственныхъ, эстетическихъ, національныхъ, гражданскихъ. Давая просторъ этимъ многоразличнымъ духовнымъ интересамъ, направляя ихъ къ иде-

аламъ правды, добра, красоты, озаряя жизнь ихъ присутствіемъ и сохраняя ту нравственную норму на которой, какъ на оселкѣ, испытываются явленія практической дѣйствительности—литература исполняетъ свою задачу и служитъ своей высокой цѣли.

Уголъ зрѣнія установленный не на культурной почвѣ очень шатокъ, и при немъ возможны совпаденія направленій исходящихъ повидимому изъ весьма различныхъ источниковъ. Такихъ совпаденій очень много въ нашемъ современномъ литературно-общественномъ положеніи, и чтобы не удаляться отъ предмета настоящей статьи, укажемъ на одно изъ нихъ: въ тридцатыхъ годахъ Булгаринъ преслѣдовалъ Пушкина во имя умственнаго и политическаго обскурантизма, въ наши дни тотъ же Пушкинъ „низводится съ пьедестала" г. Пыпинымъ во имя либерализма и просвѣщенія. Лучшаго примѣра для измѣренія всей глубины нашего современнаго паденія мы не умѣемъ указать.

А.

ВЪ КОНТОРѢ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ГРЕЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА, изданіе 2е Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

КАЛЕНДАРЬ ЛИЦЕЯ ЦЕСАРЕВИЧА НИКОЛАЯ на 1869—70 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1870—71 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1871—72 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ перес. 1 руб.

То же на 1872—73 учебный годъ. Цѣна въ переплетѣ 80 k., съ пересылкою 1 руб.

ЧТЕНІЯ ИЗЪ ПСАЛТЫРЯ И ПРОРОЧЕСКИХЪ КНИГЪ ВЕТХАГО ЗАВѢТА. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Цѣна въ переплетѣ 50 k., съ перес. 70 k.

ГРЕЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ НА ЕВАНГЕЛІЕ ОТЪ МАТѲЕЯ, для воспитанниковъ IV класса. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 35 k., съ перес. 50 коп.

РУССКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ ДЛЯ УЧЕНИКОВЪ ДВУХЪ НИЗШИХЪ КЛАССОВЪ. Изд. Лицея Цес. Николая. Ц. 80 k., съ перес. 1 р.

ЛАТИНСКАЯ ЭТИМОЛОГІЯ ВЪ СОЕДИНЕНІИ СЪ РУССКОЮ. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Ц. въ переплетѣ 1 р. 50 k., съ перес. 1 р. 75 k.

ПОЛНЫЙ КУРСЪ

НАЧАЛЬНОЙ ФИЗИКИ

ВЪ ОБЪЕМѢ ГИМНАЗИЧЕСКАГО ПРЕПОДАВАНІЯ.

Профессора П. ЛЮБИМОВА.

Съ 730 политипажами въ текстѣ, задачами, репетиторіумомъ и вопросами для упражненій.

Опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія, утвержденнымъ г. товарищемъ министра, включенъ въ число РУКОВОДСТВЪ для среднихъ учебныхъ заведеній министерства.

ЦѢНА ТРИ РУБЛЯ.

Можно получать въ Конторѣ Университетской Типографіи въ Москвѣ и у книгопродавцевъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ
ПОЛНАГО СОБРАНІЯ ФОРТЕПІАННЫХЪ СОЧИНЕНІЙ
Ф. ШОПЕНА,

критически пересмотрѣнныхъ и пополненныхъ указаніями относительно исполненія

К. К. КЛИНДВОРТОМЪ

профессоромъ Императорской Московской Консерваторіи.

Цѣль настоящаго изданія—вывѣреніе Шопеновскихъ сочиненій по сравненію и изученію ихъ въ существующихъ изданіяхъ,—устраненіе вкравшихся опечатокъ и недосмотровъ, выясненіе частныхъ разногласій между ними и указаніе правильнаго исполненія ихъ съ помощью цѣлесообразной аппликатуры, объясненія украшеній и пополненія авторскихъ отмѣтокъ относительно оттѣнковъ и фразировки.

Достоинство и преимущество этого изданія предъ вышедшими раньше изложены въ предисловіи къ первому тому г. профессоромъ Н. А. Губертомъ.

Оно присоединится достойнымъ образомъ къ моимъ прежде вышедшимъ полнымъ собраніямъ СОЧИНЕНІЙ МЕНДЕЛЬСОНА (5 томовъ 8 руб.) и ШУМАНА (6 т. — 12 руб.) и превзойдетъ ихъ точностью текста и большею тщательностію гравировки и печати.

Изданіе гравировано и печатано въ моей нотной печатнѣ, получившей за изданія и нотную печать БОЛЬШУЮ ЗОЛОТУЮ И БОЛЬШУЮ СЕРЕБРЯНУЮ МЕДАЛЬ на Московской Политехнической выставкѣ 1872.

Изданіе будетъ состоять изъ 6 томовъ большаго формата. На полученіе его открывается ПОДПИСКА на слѣдующихъ условіяхъ. Цѣна за всѣ 6 томовъ 15 руб., которые вносятся впередъ. Дешевизна этой цѣны небывалая: піесы одного перваго тома въ нѣмецкомъ изданіи стоятъ 16 р. 45 к., то-есть 6½ разъ дороже настоящаго. Въ вышедшемъ первомъ томѣ 50 листовъ, по подписной цѣнѣ онъ обходится 2 р. 50 к., то-есть по 5 к. за листъ, вмѣсто обыкновенныхъ 30 к.

Отдѣльные томы изданія не продаются; піесы же изъ перваго тома можно получать по 15 к. за листъ.

Для большаго удобства публики допускается разсрочка платежа: при подпискѣ вносится 5 руб. и получается ПЕРВОЙ ТОМЪ, затѣмъ при полученіи 2, 3, 4 и 5 томовъ подпищикъ платитъ 2 руб. 50 коп.; 6й томъ получается безъ платы.

☞ Подписка принимается въ Москвѣ у П. Юргенсона; въ С.-Петербургѣ у І. Юргенсона, Большая Морская, № 9. Всѣ лучшіе музыкальные торговцы въ Имперіи будутъ имѣть возможность принимать подписку по вышеобъявленой цѣнѣ, въ чемъ каждый разъ должны быть выдаваемы печатныя квитанціи.

Первый томъ вышелъ изъ печати и раздается гг. подпищикамъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА:

Соч. 1. Рондо. До-миноръ.
„ 2. Варіаціи на тему изъ Донъ-Жуана „La ci darem“.
„ 4. Соната № 1й. До-миноръ.

Соч. 5. Рондо а ля мазуръ. Фа-мажоръ.
„ 6. Четыре мазурки........................ Тетр. 1.
„ 7. Пять мазурокъ........................ „ 2.
„ 9. Три ноктюрна........................ „ 1.
„ 10. Двѣнадцать этюдовъ........................ „ 1, 2.
„ 11. Концертъ. Ми-миноръ.

Издатель П. ЮРГЕНСОНЪ.
Петровка, № 6, въ Москвѣ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1874 ГОДУ
ПОПУЛЯРНАГО ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКАГО СБОРНИКА
ПРИРОДА.

Успѣхъ первыхъ двухъ книгъ СБОРНИКА, изданныхъ въ видѣ опыта, показалъ потребность въ подобномъ изданіи и побуждаетъ насъ продолжать его и въ слѣдующемъ году, придавъ ему характеръ періодическаго журнала и значительно расширивъ его программу. Въ 1874 году Сборникъ „ПРИРОДА“ будетъ выходить четыре раза въ годъ книгами большаго формата, на веленевой бумагѣ, не менѣе 25 печатныхъ листовъ, съ 6—8 изящными таблицами, частію слеографіями и хромолитографіями и 100—200 политипажами въ текстѣ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ СЛѢДУЮЩАЯ:

1. Оригинальныя и переводныя статьи по антропологіи, зоологіи, ботаникѣ, геологіи, астрономіи, физикѣ, химіи и пр. Біографіи замѣчательныхъ натуралистовъ и очерки изъ исторіи естествознанія.
2. Статьи по прикладному естествознанію—технологіи, сельско-хозяйственной зоологіи и ботаникѣ, акклиматизаціи растеній и животныхъ. Охота, звѣриный и рыбный промыселъ и т. п.
3. Землевѣдѣніе и путешествія.
4. Смѣсь. Рефераты по отдѣльнымъ отраслямъ естествознанія. Отчеты о дѣятельности ученыхъ обществъ. Замѣтки и новости.
5. Критика и библіографія. Разборъ замѣчательныхъ новѣйшихъ сочиненій и перечень книгъ по естествовѣдѣнію.

Годовая цѣна изданію 12 р., съ пересылкою 13 р. 50 k.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ редакціи Сборника (Петровка, домъ Самариной, противъ Петровскаго монастыря) и въ книжныхъ магазинахъ Соловьева, Глазунова, Васильева и Педагогической Библіотекѣ; въ Петербургѣ—у книгопродавцевъ Базунова и Черкесова. Иногородные благоволятъ обращаться исключительно въ редакцію. Лица подписавшіяся въ редакціи до Новаго Года могутъ получать первыя двѣ книги за 7 р. съ пересылкою.

Редакторы: проф. С. А. УСОВЪ.
Л. П. САБАНѢЕВЪ.
Издатель Л. П. САБАНѢЕВЪ.

Съ января мѣсяца 1874 года будетъ выходить, по программѣ 1873 года, подъ редакціей

Н. И. ЗУЕВА,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНІЕ ВЪ ФОРМѢ ЖУРНАЛА

ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

(Журналъ рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.)

Цѣль изданія—ознакомить читающій кругъ съ извѣстными путешествіями, экспедиціями и открытіями, напримѣръ Стюарта, Макъ-Клюра, Станлея, Макъ-Клинтока, Ливингстона, Кена, Гарнье, Франклина, Митчеля, Бекера, Андре, Лахмана, Тиндаля, Дарвина, Агассиса и вообще съ избранными по этому предмету сочиненіями. Въ составъ этого журнала-сборника входятъ передовыя статьи лучшихъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ писателей, а равно и оригинальныя статьи русскихъ авторовъ, напримѣръ Бутина, Сидорова, Анненкова, Нисченкова, Бѣляева, Усольцова и др.

Не легко, а часто и недоступно, по мѣсту жительства, имѣть подъ рукой всѣ подобныя сочиненія. Къ этимъ неудобствамъ надо присоединить что не всѣ одинаково владѣютъ знаніемъ различныхъ иностранныхъ языковъ и далеко неодинаково располагаютъ матеріальными средствами чтобы пріобрѣтать столь дорогія сочиненія. Предлагаемое изданіе даетъ возможность воспользоваться если не всѣми подобными трудами, то по крайней мѣрѣ многими изъ нихъ, хотя и постепенно, но при самыхъ легкихъ условіяхъ. Каждый выпускъ *Живописнаго Обозрѣнія* будетъ заключать много политипажей, изображающихъ типы народовъ, рѣдкія растенія, животныхъ, виды горъ, ущелій, водопадовъ, гейзеровъ, вулкановъ и вообще особыхъ явленій природы, а также города, жителей, ихъ оружіе, церемоніи, пляски, капища, идоловъ, архитектурный стиль, рисунки памятниковъ, монастырей и скитовъ, и политипажи по предметамъ исторіи, миѳологіи, древностей и т. п.

Годовая цѣна изданія съ пересылкою во всѣ города безъ различія 7 р. Въ С.-Петербургѣ, съ доставкою на домъ, 7 р. **Полугодовые** подписчики платятъ съ пересылкою 4 р. 50 к.; **трехмѣсячные** съ пересылкой 3 р., и **мѣсячные** съ перес. 1 р. 50 к.

Годовымъ подписчикамъ высылается, въ видѣ преміи, большая карта Европейской Россіи съ обозначеніемъ желѣзныхъ дорогъ, разстояній между городами, пароходныхъ сообщеній, профилей горъ, замѣчательныхъ торговыхъ и историческихъ мѣстъ и т. д. (Величина карты полтора аршина въ длину и около аршина въ ширину.)

Кромѣ рисунковъ входящихъ въ непосредственный составъ журнала, будутъ, по временамъ, разсылаемы подписчикамъ, въ видѣ отдѣльныхъ приложеній, особые чертежи, напримѣръ изображенія золотыхъ и серебряныхъ монетъ всѣхъ государствъ, печатанныя для наглядности золотомъ и серебромъ, а также иностранные ордена и почетные знаки отличія въ хромолитографическихъ рисункахъ.

Примѣчаніе. Чтобы не ограничивать журналъ тѣсною рамкой лишь описанія странъ свѣта и дать ему болѣе общее значеніе помѣщеніемъ популярныхъ статей по наукамъ не имѣющимъ тѣсной связи съ землеописаніемъ, напримѣръ по химіи, физикѣ, медицинѣ, технологіи и т. п., редакція нашла болѣе цѣлесообразнымъ называть свое изданіе, съ 1874 года, просто *Живописное Обозрѣніе*. На присылку въ журналъ своихъ статей изъявили свою готовность нѣкоторые изъ профессоровъ русскихъ университетовъ и преподаватели другихъ учебныхъ заведеній.

Лица желающія имѣть оставшійся еще въ нѣсколькихъ экземплярахъ журналъ текущаго 1873 года могутъ подписаться и теперь, высылая за полное годовое изданіе изъ 55 нумеровъ 6 р. 80 к. (съ пересылкою), а на полгода 3 р. 50 к.

По желанію изъявленному многими подписчиками, журналъ будетъ высылаемъ не въ бандероляхъ, какъ теперь, а въ цѣльныхъ конвертахъ.

Допускается разсрочка уплаты помѣсячно или по третямъ, если будетъ прислано оффиціальное отношеніе отъ казначеевъ или завѣдующихъ экзекуторскою частію.

Лицъ желающихъ подписаться на журналъ будущаго 1874 года редакція покорнѣйше проситъ, если можно, высылать подписныя деньги до наступленія 1го января или по крайней мѣрѣ заявить о своемъ желаніи письмомъ, чтобы можно было знать потребное для печатанія количество экземпляровъ и сдѣлать своевременное распоряженіе въ типографіи.

Письма иногороднихъ адресуются въ С.-Петербургъ прямо въ редакцію *Живописнаго Обозрѣнія* на имя **редактора-издателя Н. И. Зуева**, домъ № 110, у Покрова, по Большой Садовой, а жители С.-Петербурга могутъ, если пожелаютъ, подписываться и въ книжныхъ магазинахъ.

11.075.—2.

☛ О ПОДПИСКѢ НА 1874 годъ на ☚

ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

въ родѣ *The Illustrated London News*, *The Graphic*, *Leipziger Illustrirte Zeitung*, *Illustration*, *Monde Illustré*, *Univers Illustré*.

СЪ 1го ЯНВАРЯ 1874 ГОДА журналъ ВСЕМІРНАЯ ИЛЛЮСТРАЦІЯ начнетъ VI ГОДЪ (ТО-ЕСТЬ ТОМЫ XI и XII) своего существованія. Извѣстность пріобрѣтенная этимъ журналомъ избавляетъ меня отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ.

Онъ будетъ выходить также аккуратно какъ и въ прошлые года, ЕЖЕНЕДѢЛЬНО (то-есть 52 нумера въ годъ), въ форматѣ БОЛЬШАГО ДВОЙНАГО ЛИСТА САМОЙ ЛУЧШЕЙ БУМАГИ и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16 СТРАНИЦЪ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена РОСКОШНЫМИ РИСУНКАМИ изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

ПРОГРАММА ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ:

I. ПОЛИТИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ.—II. ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ. Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная лѣтопись.—III. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. Повѣсти, разказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя. IV. НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА. Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданій, картинъ, статуй и пр., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п.—V. ПРИКЛАДНЫЯ НАУКИ и ПРОМЫШЛЕННОСТЬ. Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и пр.—VI. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ.—VII. ТЕАТРАЛЬНЫЙ и МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОБЗОРЪ. Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ.—VIII. СМѢСЬ и НОВОСТИ. Мелкія литературныя, художественныя и ученыя извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п.—IX. ФЕЛЬЕТОНЪ. Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр.—X. ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. Каррикатуры.—XI. ШАХМАТНЫЯ ЗАДАЧИ, ребусы и т. п.—XII. ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПОДПИСКѢ НА 1874 ГОДЪ

НА

МОДНЫЙ СВѢТЪ,

САМЫЙ ПОЛНЫЙ И ДЕШЕВЫЙ МОДНЫЙ ДАМСКІЙ ЖУРНАЛЪ ВЪ РОССІИ.

Съ начала своего изданія, журналъ МОДНЫЙ СВѢТЪ заслужилъ сочувствіе публики и въ теченіе шестилѣтняго своего существованія пріобрѣлъ огромное число читателей.

МОДНЫЙ СВѢТЪ имѣетъ больше подписчиковъ чѣмъ всѣ модные журналы издающіеся въ Россіи, въ совокупности.

Съ 1го января 1874 года МОДНЫЙ СВѢТЪ начнетъ VII годъ своего существованія, и не измѣняя ни въ чемъ своей программы, будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостью о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ МОДНЫЙ СВѢТЪ въ 1874 году будетъ выходить также въ двухъ изданіяхъ:

въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, т.-е. четыре нумера въ мѣсяцъ (два модныхъ и два литературныхъ) и будутъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

Болѣе 2.000 политипажныхъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ.

Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.

Болѣе 200 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.

12 вырѣзныхъ выкроекъ въ натуральную величину.

24 (или 12 для 1го изданія) модныхъ раскрашенныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими художниками.

Коллекцію рисунковъ: модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ и пр.

Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетонъ, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.

Цѣна годовому изданію МОДНАГО СВѢТА:

I изданію, съ 12 раскрашенными картинами, въ С.-Петербургѣ безъ доставки..	4 р. — к.
I изданію, съ 12 раскрашенными картинами: въ С.-Петербургѣ съ доставкою..	5 „ 50 „
I изданію, съ 12 раскрашенными картинами, для иногородныхъ..	6 „ — „
II изданію, съ 24 раскрашенными картинами, въ С.-Петербургѣ безъ доставки..	5 „ — „
II изданію, съ 24 раскрашенными картинами, въ С.-Петербургѣ съ доставкою..	6 „ 50 „
II изданію, съ 24 раскрашенными картинами, для иногородныхъ..	7 „ — „

Въ Москвѣ цѣна безъ доставки: I изданію 5 р., II 6 р. 50 к.

Книгопродавецъ-издатель *ГЕРМАНЪ-ГОППЕ.*

Главная контора редакціи *(Германа Гоппе)* находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой ул., д. Коровина, № 16. Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту; г. Постъ, М. М. Черенина, А. Ф. Живарева и др.

вы что для полнаго развитія всего добра заключеннаго въ насъ человѣкъ долженъ избрать родъ дѣятельности противъ котораго онъ возмущается всѣмъ сердцемъ? Можете ли вы сказать канцеляристу „будь поэтомъ"? Можете ли сказать поэту „будь канцеляристомъ"? Заставить человѣка избрать одну карьеру когда сердце тянетъ его къ другой, значитъ сдѣлать его такъ же несчастнымъ какъ заставляя его жениться когда сердце его отдано другой женщинѣ.

Сесилія вздрогнула и отвернулась. Кенелмъ имѣлъ болѣе такта чѣмъ многіе люди его лѣтъ; онъ тонко подмѣчалъ какихъ предметовъ слѣдуетъ избѣгать. Но онъ имѣлъ несчастную привычку забывать о тѣхъ съ кѣмъ говорилъ и говорить съ самимъ собою. Позабывъ совершенно о Георгѣ Бельвойрѣ онъ говорилъ теперь самъ съ собой. Не замѣчая дѣйствія произведеннаго на его собесѣдницу этими некстати сказанными словами, онъ продолжалъ:

— Легко сказать слово *счастіе.* Оно можетъ значить и мало и много. Я разумѣю подъ словомъ счастіе не минутное удовольствіе какое ощущаетъ ребенокъ получившій игрушку, но постоянную гармонію между нашими наклонностями и поступками; безъ этой гармоніи мы становимся разладомъ съ собою, становимся недодѣлками, становимся неудачами. Между тѣмъ вы найдете множество совѣтниковъ которые скажутъ вамъ: „долгъ велитъ быть разладомъ". Я отрицаю это.

Сесилія встала и сказала тихимъ голосомъ:

— Становится поздно. Пора домой.

Они медленно спускались съ зеленаго возвышенія и шли сначала молча. Летучія мыши, вылетая изъ зеленѣющихъ развалинъ оставшихся позади, проносились и сновали предъ ними охотясь за ночными насѣкомыми. Ночная бабочка, спасаясь отъ преслѣдованія, сѣла на грудь Сесиліи ища убѣжища.

— Летучія мыши практичны, сказалъ Кенелмъ, — онѣ голодны, и особенно дѣйствуетъ ночью движущая сила ихъ. Ихъ интересуютъ насѣкомыя за которыми онѣ охотятся. Ихъ не интересуютъ звѣзды; но звѣзды привлекаютъ ночныхъ бабочекъ.

Сесиліи прикрыла бабочку своимъ легкимъ шарфомъ такъ чтобъ она не могла улетѣть и стать добычею летучей мыши.

— Бабочка тоже практична, сказала она.

— Да теперь, когда она нашла убѣжище отъ опасности грозившей ей въ стремленіи къ звѣздамъ.

Сесилія почувствовала какъ забилось сердце на которомъ лежала спасенная бабочка. Думала ли она что подъ этими словами скрывается болѣе глубокій и нѣжный смыслъ? Если такъ, то она ошибалась. Они подошли къ садовой калиткѣ, и отворяя ее Кенелмъ остановился.

— Смотрите, сказалъ онъ,—вотъ луна поднялась надъ старыми елями, и тихая ночь стала еще тише. Не удивительно ли что мы смертные, которымъ суждено жить посреди постоянныхъ тревогъ и волненій и распрь какъ въ родной стихіи, чувствуемъ влеченіе къ образамъ противоположнымъ нашей дѣйствительной жизни — къ образамъ покоя? Въ эту минуту я чувствую будто я самъ внезапно сдѣлался лучше когда небо и земля стали вдругъ спокойнѣе. Теперь на мысли у меня мораль лучше той которую мы вывели изъ случая съ бабочкой что̀ вы спасли. Мнѣ придется прибѣгнуть къ поэтамъ чтобы выразить ее—

Стремленіе бабочки къ звѣздамъ высоко,
Стремленіе ночи стать завтрашнимъ днемъ—
Влеченіе наше къ чему-то далеко
Отъ дѣлъ и заботъ средь которыхъ живемъ.

О, это невѣдомое далеко! это невѣдомое далеко! никогда не достижимое на землѣ—никогда, никогда!

Столько горя было въ этомъ возгласѣ вырвавшемся прямо изъ сердца что Сесилія не могла сдержать въ себѣ сострадательный порывъ. Она положила свою руку въ его, и на грустную кротость его обращеннаго вверхъ лица взглянула глазами которые небо создало для утѣшенія горестей человѣка. При легкомъ прикосновеніи руки Кенелмъ вздрогнулъ, опустилъ взоръ и встрѣтилъ эти утѣшающіе глаза.

— Мнѣ пріятно объявить вамъ что я спасъ моего Дургама! прокричалъ сквайръ съ другой стороны калитки.

ГЛАВА XX.

Возвращаясь въ этотъ вечеръ въ свою комнату Кенелмъ остановился на площадкѣ предъ портретомъ который мистеръ Траверсъ осудилъ на это безутѣшное изгнаніе. Эта дѣвица изъ опозореннаго семейства могла бы украсить домъ въ который входила женою. Черты лица ея были замѣчательно красивы, и красота была чисто патриціанская; она отличалась выраженіемъ кротости и скромности, что̀ не ча-

сто встрѣчается въ женскихъ портретахъ сэръ-Питера Лели; въ глазахъ и въ улыбкѣ свѣтилось невинное счастіе.

— Какъ краснорѣчиво говоришь ты, о милый образъ, противъ честолюбія которое твоя прекрасная правнучка хотѣла возбудить во мнѣ, заговорилъ Кенелмъ про себя обращаясь къ портрету.—Въ теченіе поколѣній красота твоя жила на этомъ холстѣ, предметъ радости и гордости стараго рода. Одинъ владѣлецъ за другимъ говорилъ восхищеннымъ гостямъ: „Да, славный портретъ, кисти Лели; это моя прабабушка, Флетвудъ изъ Флетвуда". Теперь же, чтобы кто изъ гостей не вспомнилъ что Траверсы были въ родствѣ съ Флетвудами, тебя убрали съ глазъ долой; и даже искусство Лели не могло придать тебѣ цѣны, не могло спасти твой невинный образъ отъ немилости. Послѣдній изъ Флетвудовъ, несомнѣнно самый честолюбивый изъ всѣхъ, желавшій воротить старый титулъ лордовъ, умеръ преступникомъ; безчестіе одного живущаго такъ велико что можетъ запятнать честь умершихъ.

Онъ отвелъ глаза отъ улыбки портрета, вошелъ въ свою комнату, сѣлъ предъ писменнымъ столомъ, подвинулъ къ себѣ бюваръ и почтовую бумагу, взялъ перо, но вмѣсто того чтобы писать впалъ въ глубокую задумчивость. Тонкая морщинка обозначилась у него на лбу, гдѣ морщины были рѣдкостью. Онъ былъ очень сердитъ на себя.

— Кенелмъ, сказалъ онъ начиная обычный разговоръ съ своимъ *Я*,—тебѣ какъ разъ пристало разсуждать о чести фамилій съ которыми ты не имѣешь ничего общаго. Сынъ сэръ-Питера Чиллингли, взгляни на себя. Увѣренъ ли ты что ты ни словомъ, ни дѣломъ, ни взглядомъ не нарушилъ покой дома гдѣ ты принятъ какъ гость? Какое право имѣлъ ты канючить, забывая что твои слова поражаютъ сострадательный слухъ, и что подобныя слова сказанныя дѣвушкѣ при лунномъ свѣтѣ могутъ возбудить жалость въ ея сердцѣ и нарушить ея покой. Стыдно, Кенелмъ, стыдно! Вѣдь ты знаешь чего желаетъ ея отецъ; знаешь что не имѣешь извиненія, такъ какъ ты не думаешь жениться на этой милой дѣвушкѣ. Что̀ ты скажешь, Кенелмъ? Я тебя не слышу; говори А, вотъ что̀: „я тщеславный дуракъ, выдумалъ будто она обо мнѣ думаетъ", — хорошо, можетъ-быть и такъ; я увѣренъ въ этомъ; во всякомъ случаѣ не было еще и не должно быть времени для бо́льшаго зла. Завтра мы уйдемъ отсюда,

Кенелмъ; собирайся, укладывай вещи, пиши свои письма, потомъ гаси огонь, гаси *огонь!*

Но послѣ этого разговора съ самимъ собою онъ не принялся тотчасъ же за дѣло какъ было рѣшено этимъ двойственнымъ *Я*. Онъ всталъ и началъ безпокойно ходить взадъ и впередъ, останавливаясь по временамъ и глядя на картины развѣшанныя по стѣнамъ.

Нѣкоторые изъ фамильныхъ портретовъ худшаго письма были помѣщены въ комнатѣ отведенной Кенелму. Это была самая старая и самая большая спальня въ домѣ, но ее всегда назначали кому-нибудь изъ холостыхъ гостей, частію потому что при ней не было уборной, что она была далеко отъ другихъ помѣщеній и соединялась только маленькою заднею лѣстницей съ площадкой куда былъ изгнанъ портретъ Арабеллы; частію и потому что въ ней, какъ говорили, являются привидѣнія, а дамы обыкновенно болѣе подвержены суевѣрнымъ страхамъ чѣмъ мущины. Портреты предъ которыми останавливался Кенелмъ принадлежали къ различнымъ временамъ, отъ царствованія Елизаветы до Георга III, ни одинъ изъ нихъ не принадлежалъ кисти знаменитаго живописца и ни одинъ не былъ изображеніемъ предковъ оставившихъ имя въ исторіи; короче, это были такіе портреты какіе часто встрѣчаются въ сельскихъ домахъ сквайровъ хорошихъ фамилій. На большей части портретовъ преобладалъ одинъ общій типъ—черты ясно обозначенныя и твердыя, выраженіе открытое и честное. Хотя ни одинъ изъ этихъ нѣкогда жившихъ людей не былъ знаменитостью, тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ имѣлъ свою скромную долю участія въ движеніяхъ времени. Вотъ этотъ почтенный человѣкъ въ брыжжахъ и латахъ снарядилъ на свой счетъ корабль противъ Армады; издержки его никогда не были вознаграждены экономнымъ Бурлеемъ и повлекли за собой уменьшеніе его имѣній; онъ не былъ возведенъ даже въ рыцари. Другой джетльменъ, съ короткими волосами свѣсившимися на лобъ, держащій въ одной рукѣ мечъ, въ другой открытую книгу, былъ представителемъ главнаго города своего графства въ Долгомъ Парламентѣ, бился въ войскахъ Кромвеля при Марстонъ Мурѣ, но за сопротивленіе Протектору, когда тотъ велѣлъ „вынести игрушку“, * былъ однимъ изъ числа патріотовъ за-

* Кромвель, войдя съ солдатами въ Палату Общинъ чтобы силою закрыть Долгій Парламентъ, назвалъ булаву спикера лежавшую на

ключенныхъ въ „Адскую яму“. Онъ также уменьшилъ свои владѣнія содержа на свой счетъ двухъ конныхъ воиновъ, и кромѣ „Адской ямы“ ничего не получилъ за это. Третій, со вкрадчивымъ выраженіемъ въ лицѣ, въ большомъ парикѣ, процвѣталъ въ мирныя времена Карла II; онъ былъ только мировымъ судьей, но его быстрый взглядъ свидѣтельствовалъ что онъ былъ очень дѣятеленъ. Онъ не увеличилъ и не уменьшилъ наслѣдственныхъ владѣній. Четвертый, въ одеждѣ временъ царствованія Вильгельма III, будучи юриспрудентомъ сдѣлалъ нѣкоторыя приращенія къ имѣнію. Вѣроятно онъ былъ хорошимъ юристомъ; подъ портретомъ была подпись: *сержантъ закона.* Пятый, лейтенантъ арміи, былъ убитъ при Бленгеймѣ; портретъ снятый за годъ до его смерти изображалъ его молодымъ красивымъ мущиной. Портретъ его жены былъ помѣщенъ въ гостиной, потому что онъ былъ писанъ Неллеромъ. Она была тоже красивая особа, и вышла во второй разъ замужъ за лорда котораго разумѣется не было въ фамильной коллекціи. Здѣсь былъ перерывъ въ хронологическомъ порядкѣ, такъ какъ сынъ лейтенанта былъ ребенкомъ; но во времена Георга II появляется другой Траверсъ въ качествѣ губернатора Вестъ-Индской колоніи. Сынъ его принималъ участіе въ различныхъ движеніяхъ вѣка. Онъ представленъ почтеннымъ старикомъ съ сѣдыми волосами и подъ его изображеніемъ подписано: *Послѣдователь Веслея.* Его наслѣдникомъ заключалась коллекція. Онъ въ морскомъ мундирѣ; портретъ во весь ростъ и одна нога у него деревянная; онъ былъ капитанъ королевскаго флота, и подпись гласитъ что онъ бился подъ начальствомъ Нельсона при Трафалгарѣ. Этотъ портретъ могъ бы занять болѣе почетное мѣсто въ пріемныхъ комнатахъ, еслибы лицо его не было отвратительно безобразно и портретъ не былъ очень дурно сдѣланъ.

— Теперь я вижу, сказалъ Кенелмъ останавливаясь, — что̀ побуждало Сесилію Траверсъ говорить о долгѣ какъ о практическомъ интересѣ въ жизни. Эти люди старыхъ временъ

столѣ „шутовскою игрушкой“ и сказалъ: „вынести ее вонъ!“ Булава эта есть атрибутъ достоинства спикера или предсѣдателя Палаты Общинъ, и кладется предъ нимъ на столѣ, служа знакомъ что палата засѣдаетъ. Если же палата преобразуется въ комитетъ или когда мѣсто спикера занимаетъ кто-нибудь изъ членовъ, то булава снимается и кладется подъ столъ. Старая булава спикера при Кромвелѣ была сломана, расплавлена и продана по распоряженію Палаты, 9го августа 1649 года.

жили какъ видно исполняя свой долгъ, а не слѣдуя прогрессу вѣка въ охотѣ за стяжаніемъ, исключая можетъ-быть одного, но вѣдь тотъ былъ юриспрудентъ. Кенелмъ, встань и слушай меня; каковы бы мы ни были, дѣятельны или лѣнивы, не справедливо ли мое любимое правило что „добрый человѣкъ дѣлаетъ добро тѣмъ что живетъ“? Но для этого онъ долженъ быть гармоніей, а не разладомъ. Кенелмъ, лѣнивая собака, надо укладываться.

Кенелмъ уложилъ свой чемоданъ, наклеилъ на него ярлыкъ съ адресомъ въ Эксмондгамъ, потомъ написалъ слѣдующія три письма:

I.

Маркизъ Гленальвонъ.

„Дорогой другъ и руководительница,—Болѣе мѣсяца оставлялъ я ваше послѣднее письмо безъ отвѣта. Я не могъ отвѣчать на ваши поздравленія по поводу достиженія мною двадцати одного года. Это событіе есть условная ложь, а вы знаете какъ я избѣгаю всякой лжи и всего условнаго. По правдѣ, я или много моложе двадцати одного года или много старше. Что касается замысловъ на мое спокойствіе чтобъ я сталъ кандидатомъ за наше графство на слѣдующихъ выборахъ, то я вознамѣрился разрушить ихъ и успѣлъ въ этомъ. Теперь я предпринялъ путешествіе. Отправляясь я намѣревался ограничить его моею родиной. Намѣренія измѣнчивы. Я отправляюсь за границу. Вы будете знать о моемъ мѣстопребываніи. Настоящее письмо я пишу въ домѣ Леопольда Траверса, который, какъ я узналъ отъ его прекрасной дочери, въ родствѣ съ вами; это человѣкъ заслуживающій глубокаго уваженія и искренней любви.

„Нѣтъ, вопреки вашимъ лестнымъ предсказаніямъ, я никогда во всю жизнь не буду ничѣмъ болѣе значительнымъ чѣмъ теперь. Леди Гленальвонъ позволяетъ мнѣ называться ея благодарнымъ другомъ.

„К. Ч.“

II.

„Дорогой кузенъ Миверсъ,—я ѣду за границу и могу имѣть нужду въ деньгахъ, ибо для возбужденія въ себѣ движущей силы я намѣренъ нуждаться въ деньгахъ если смогу. Когда я былъ шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ вы предлагали мнѣ деньги за то чтобы нападать на заслуженныхъ писателей въ газетѣ *Londoner*. Не дадите ли вы мнѣ денегъ теперь за подобное развитіе великой Новой Идеи нашего поколѣнія

состоящей въ томъ что чѣмъ меньше человѣкъ знаетъ о предметѣ тѣмъ онъ больше понимаетъ его? Я предпринимаю путешествіе въ страны которыхъ никогда не видывалъ, буду находиться среди людей о которыхъ никогда ничего не зналъ. Мои произвольныя сужденія о тѣхъ и другихъ будутъ неоцѣненны для газеты *Londoner* отъ спеціальнаго корреспондента раздѣляющаго ваше уваженіе къ анонимности и который хочетъ на всегда скрыть свое имя. Адресуйте вашъ отвѣтъ въ Кале, *poste restante*. Вамъ преданный

„К. Ч.“

III.

„Дражайшій батюшка,—Я получилъ ваше письмо здѣсь, откуда уѣзжаю завтра. Простите поспѣшность. Ѣду за границу; буду писать вамъ изъ Кале.

„Леопольдъ Траверсъ мнѣ очень понравился. Въ самомъ дѣлѣ какая устойчивость въ истомъ англійскомъ джентльменѣ! Бросьте его вверхъ или внизъ, куда хотите, онъ всегда станетъ на ноги джентльменомъ. Семейство его состоитъ изъ одной дочери Сесиліи, которая достаточно красива чтобы склонить ко браку всякаго смертнаго кого Децимъ Рочъ не убѣдилъ что безбрачіе есть истинный путь „приближенія къ Ангеламъ“. Кромѣ того, это дѣвушка съ которою можно говорить. Даже вы могли бы говорить съ ней. Траверсъ хочетъ выдать ее за очень почтеннаго, красиваго, много обѣщающаго джентльмена, „приличнаго“, какъ говорятъ, во всѣхъ отношеніяхъ. Если она выйдетъ за него, она будетъ соперничать съ цвѣтомъ и совершенствомъ свѣтскихъ женщинъ, леди Гленальвонъ. Возвращаю вамъ мой чемоданъ. Деньги назначенныя для опыта почти истощились, но я еще не касался своего ежемѣсячнаго содержанія. Я все еще надѣюсь прожить на него, добывая деньги, если понадобятся еще, въ потѣ лица—или мозга. Но если представится случай гдѣ понадобятся экстренныя средства, случай въ которомъ они могутъ сдѣлать дѣйствительное добро другому, такое добро которое я почувствую вы бы сами сдѣлали, тогда я обращусь къ вашему банкиру. Но знайте что это будетъ вашъ расходъ, а не мой, и что вамъ получать за него награду въ небесахъ. Дорогой батюшка, какъ съ каждымъ днемъ я все больше уважаю и люблю васъ! Обѣщать что я не сдѣлаю предложенія ни одной дѣвицѣ не обратившись прежде къ вамъ за совѣтомъ! О, милый батюшка, какъ могли вы сомнѣваться въ этомъ? Какъ сомнѣваться что я не могъ бы быть счастливъ съ женой

которую вы не любили бы какъ дочь? Примите мое обѣщаніе какъ священное. Но я бы желалъ чтобы вы потребовали отъ меня чего-нибудь гдѣ повиновеніе не было бы такъ легко, а было бы испытаніемъ. Я бы не могъ повиноваться съ большею радостью еслибы вы потребовали обѣщанія не дѣлать вовсе предложенія ни одной женщинѣ. Но еслибы вы потребовали обѣщанія что я отрекусь отъ разума для безумія любви, и отъ свободы человѣка для рабства мужа, я постарался бы достичь невозможнаго; но я умеръ бы отъ этого усилія! И ты познаlъ бы угрызенія которыя тревожатъ сонъ тирановъ... Вашъ любящій сынъ

„К. Ч."

ГЛАВА XXI.

На другой день Кенелмъ удивилъ общество за завтракомъ появившись въ простомъ платьѣ въ которомъ онъ впервые познакомился съ хозяиномъ дома. Объявляя о своемъ отъѣздѣ онъ не взглянулъ на Сесилію, но глаза его остановились на мистрисъ Кампіонъ, и онъ улыбнулся, можетъ-быть нѣсколько печально, когда увидѣлъ что лицо ея просіяло при этомъ извѣстіи и услышалъ короткій облегчительный вздохъ ея. Траверсъ всячески старался убѣдить его остаться еще нѣсколько дней, но Кенелмъ былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи.

— Лѣто проходитъ, сказалъ онъ,—а мнѣ нужно уйти далеко прежде чѣмъ завянутъ цвѣты и выпадетъ снѣгъ. Черезъ два дня я буду спать уже на чужой землѣ.

— Вы отправляетесь за границу? спросила мистрисъ Кампіонъ.

— Да.

— Неожиданное рѣшеніе, мистеръ Чиллингли. На дняхъ вы говорили о поѣздкѣ къ Шотландскимъ озерамъ.

— Правда; но я сообразилъ что тамъ соберется множество праздничныхъ путешественниковъ, изъ которыхъ многіе можетъ-быть знаютъ меня. За границей я буду свободенъ, потому что тамъ меня никто не знаетъ.

— Надѣюсь что вы вернетесь къ тому времени какъ наступитъ пора охоты, сказалъ мистеръ Траверсъ.

— Думаю что нѣтъ. Я не охочусь за лисицами.

— Во всякомъ случаѣ мы вѣрно встрѣтимся въ Лондонѣ, сказалъ Траверсъ.—Я думаю что послѣ долгой жизни въ деревнѣ провести одинъ или два сезона въ шумной столицѣ будетъ пріятнымъ разнообразіемъ для души и тѣла; да и Сесиліи пора представиться ко двору чтобы подробное описаніе ея туалета появилось на столбцахъ *Morning Post.*

Сесилія, повидимому, была слишкомъ занята приготовленіемъ чая и не обратила вниманія на это упоминаніе о ея предстоящемъ дебютѣ.

— Я буду страшно тосковать по васъ, воскликнулъ Траверсъ нѣсколько минутъ спустя съ большимъ чувствомъ.— Признаюсь вы меня совсѣмъ разстроили. Ваши острыя слова еще долго будутъ звучать въ моихъ ушахъ послѣ того какъ васъ не будетъ.

За чайнымъ приборомъ послышался шорохъ какъ бы женскаго платья при быстромъ движеніи.

— Сесилія, сказала мистрисъ Кампіонъ, — дождемся мы когда-нибудь чаю?

— Простите, сказалъ голосъ позади чайника,—я слышу что Помпей (терріеръ) воетъ на лужайкѣ. Дверь заперта. Я сейчасъ вернусь.

Сесилія встала и ушла. Мистрисъ Кампіонъ заняла ея мѣсто у чайника.

— Какъ это нелѣпо что Сесилія такъ любитъ эту безобразную собаку, сказалъ Траверсъ ворчливо.

— Безобразіе и составляетъ ея красоту, возразила мистрисъ Кампіонъ смѣясь.—Мистеръ Бельвойръ выбралъ ее потому что у нея самая длинная спина и самыя короткія ноги какія онъ только могъ найти въ Шотландіи.

— А, это ей подарилъ Георгъ; я и забылъ, сказалъ Траверсъ съ довольнымъ смѣхомъ.

Прошло нѣсколько минутъ прежде чѣмъ возвратилась Сесилія со своимъ терріеромъ. Хорошее расположеніе духа ея казалось возвратилось съ появленіемъ этого новаго члена общества; она говорила очень быстро и весело, щеки ея горѣли какъ бы отъ избытка веселья.

Но когда, полчаса спустя, Кенелмъ простился съ ней и съ мистрисъ Кампіонъ у дверей залы, румянецъ ея пропалъ, губы плотно сжались и прощальныя слова ея нельзя было разслышать. Когда же его фигура (рядомъ съ ея отцомъ, который провожалъ своего гостя до воротъ) показавшись на

лужайкѣ исчезла за деревьями, мистрисъ Кампіонъ своею материнскою рукой обняла ее за талію и поцѣлова̀ла ее. Сесилія вздрогнула и обернувшись къ своему другу улыбнулась, но такою улыбкой—одною изъ тѣхъ улыбокъ что̀ кажутся полны слезами.

— Благодарю васъ, сказала она кротко и пошла къ саду; помедлила съ минуту около калитки которую Кенелмъ отворялъ наканунѣ вечеромъ. Потомъ пошла тихими шагами на возвышеніе къ развалинамъ монастыря.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА I.

Прошло болѣе полутора года съ того времени какъ Кенелмъ Чиллингли оставилъ Англію. Дѣйствіе происходитъ въ Лондонѣ во время ранняго и болѣе общительнаго сезона предшествующаго Пасхальнымъ праздникамъ,—сезона когда очарованіе разумнаго общества еще не испарилось въ душной атмосферѣ переполненныхъ комнатъ, когда собранія не велики и разговоры не ограничиваются обмѣномъ общихъ мѣстъ съ сосѣдомъ за обѣденнымъ столомъ, когда вы можете разчитывать что самые теплые друзья ваши еще не поглощены высшими заботами о своихъ болѣе холодныхъ знакомыхъ.

Былъ такъ-называемый *conversazione* въ домѣ одного вига хорошей фамиліи, который сохранилъ прекрасное искусство соединять пріятныхъ людей, и собирать вокругъ нихъ истинную аристократію соединяющую отличія въ литературѣ, искусствахъ и наукахъ съ наслѣдственными титулами и политическими отличіями, искусство составлявшее завидную тайну Лансдоуновъ и Голландовъ въ прошломъ поколѣніи. Лордъ Боманойръ былъ самъ человѣкъ талантливый, начитанный, хорошій судья въ искусствахъ и пріятный собесѣдникъ. Жена его была очаровательная женщина, преданная мужу и дѣтямъ, но въ то же время настолько цѣнившая успѣхи въ модномъ свѣтѣ какъ еслибъ она искала въ его веселостяхъ убѣжища отъ скуки домашней жизни.

Двое изъ гостей бывшихъ у Боманойровъ въ этотъ вечеръ сидѣли особо въ маленькой комнатѣ, и вели дружескій разговоръ. Одному изъ нихъ было на видъ около пятидесяти че-

тырехъ лѣтъ; онъ былъ высокаго роста, крѣпкаго сложенія, скорѣе плотенъ чѣмъ толстъ, съ черными бровями, съ черными глазами, острыми и блестящими, съ подвижными губами на которыхъ играла лукавая и по временамъ саркастическая улыбка. Этотъ джентльменъ, высокочтимый Джерардъ Данверсъ, былъ очень вліятельнымъ членомъ парламента. Еще когда онъ былъ слишкомъ молодъ для англійской политической жизни, онъ достигъ высокаго служебнаго положенія; но, частію по нелюбви къ дрязгамъ администраціи, частію по гордости характера не терпѣвшаго подчиненія; частію также по особаго рода эпикурейской философіи, веселой и циничеcкой вмѣстѣ, побуждавшей его искать житейскихъ удовольствій и не высоко цѣнить житейскія почести, — онъ рѣшительно отказался снова вступить въ службу, и только говорилъ въ рѣдкихъ случаяхъ. Въ такихъ случаяхъ онъ имѣлъ большой вѣсъ, и краткимъ выраженіемъ своихъ мнѣній привлекалъ больше голосовъ нежели ораторы безконечно болѣе краснорѣчивые. Вопреки отсутствію честолюбія онъ любилъ власть по-своему: власть надъ людьми имѣющими власть; и находилъ въ политическихъ интригахъ удовлетвореніе для своего тонкаго и дѣятельнаго ума. Въ настоящее время его занимала новая комбинація между главами различныхъ оттѣнковъ одной и той же партіи, такъ чтобы нѣкоторые старые члены удалились и нѣкоторые новые люди вступили въ администрацію. Пріятною чертой его характера было его сочувствіе къ молодымъ людямъ, изъ коихъ онъ многимъ способнѣйшимъ пособилъ вступить въ парламентъ или на службу. Онъ подавалъ имъ разумные совѣты, радовался ихъ успѣху и ободрялъ въ случаѣ неудачи, давая имъ средства исправить ошибку; если же это не удавалось, онъ незамѣтно лишалъ ихъ своего довѣрія, поддерживая впрочемъ добрыя отношенія къ нимъ настолько чтобъ быть увѣреннымъ что голоса ихъ будутъ къ его услугамъ когда онъ пожелаетъ.

Джентльменъ съ которымъ онъ разговаривалъ былъ молодъ, лѣтъ около двадцати пяти, еще не членъ парламента, но съ сильнымъ желаніемъ занять въ немъ мѣсто, и съ одною изъ тѣхъ репутацій которая выносится молодымъ человѣкомъ изъ школы и коллегіи и которая оправдывается не академическими отличіями, но впечатлѣніемъ ловкости и силы произведеннымъ на умы сверстниковъ и признаннымъ старшими. Онъ мало что̀ сдѣлалъ въ университетѣ сверхъ полученія

хорошей степени, развѣ только пріобрѣлъ въ Обществѣ для Преній славу чрезвычайно находчиваго и ловкаго говоруна. Выйдя изъ коллегіи, онъ написалъ одну или двѣ политическія статьи въ одномъ изъ „четвертныхъ обозрѣній", которыя произвели впечатлѣніе. Хотя онъ не принадлежалъ ни къ какой профессіи и имѣлъ лишь скромный, хотя независимый доходъ, но въ свѣтѣ приняли его очень хорошо, какъ человѣка который рано или поздно займетъ положеніе въ которомъ можетъ вредить врагамъ и служить друзьямъ. Нѣчто въ лицѣ и манерахъ молодаго человѣка оправдывало возлагаемыя на него надежды. Въ чертахъ лица не было красоты; въ манерахъ не было изящества. Но въ этихъ чертахъ была смѣлость, была энергія, была дерзость. Лобъ широкій но низкій, выдающійся въ органахъ соотвѣтствующихъ воспріятію и сужденію, качествамъ вседневной жизни; глаза свѣтлой англійской синевы, маленькіе, нѣсколько впалые, бдительные, чуткіе, проницательные; длинная прямая верхняя губа указывающая на рѣшительность намѣреній; ротъ въ которомъ физіономистъ открылъ бы опасное очарованіе. Улыбка была плѣнительна, но она была искусственна, вызывала ямочки на щекахъ и обнаруживала бѣлые, мелкіе и крѣпкіе но рѣдкіе зубы. Улыбка эта могла казаться искреннею для всякаго кто не замѣчалъ что она не гармонировала съ озабоченнымъ лбомъ и неподвижными глазами, что она появлялась какъ бы отдѣльно отъ остальнаго лица, будто повторяя заученную роль. Въ затылкѣ его была видна та физическая сила что̀ принадлежитъ людямъ посвятившимъ свою жизнь на борьбу и разрушеніе. Всѣ гладіаторы одарены ею, равно какъ и великіе спорщики и реформаторы, то-есть реформаторы которые могутъ разрушать, но не всегда возсозидать. Въ манерахъ его была большая самоувѣренность, но до того простая и неафектированная что и злѣйшій врагъ не могъ бы назвать ее амомнѣніемъ. Это были манеры человѣка который зналъ какъ поддерживать собственное достоинство не показывая вида что заботится объ этомъ,—не униженныя предъ высшими, не надменныя съ низшими; не черезчуръ утонченныя и не вульгарныя,—популярныя манеры.

Комната гдѣ сидѣли эти джетльмены была отдѣлена отъ другихъ покоевъ корридоромъ выходившимъ на площадку лѣстницы и служила будуаромъ леди Боманойръ. Комната была премилая, но меблирована просто, съ ситцевыми занавѣ-

сками. Стѣны были украшены акварельными рисунками и драгоцѣнными образцами китайскаго фарфора. Въ одномъ углу, около окна обращеннаго къ югу и выходившаго на обширный балконъ забранный стеклами и наполненный цвѣтами, стоялъ высокій трельяжъ, изобрѣтенный, кажется, впервые въ Вѣнѣ, по которому вился плющъ образуя родъ бесѣдки.

Это уединенное мѣстечко скрытое въ тѣни и не видимое изъ остальной части комнаты было любимымъ уголкомъ хозяйки. Два человѣка только-что представленные читателю сидѣли близь трельяжа, и очевидно не подозрѣвали чтобы кто-нибудь могъ находиться позади его.

— Да, сказалъ мистеръ Данверсъ съ отомана стоявшаго въ углубленіи комнаты,—я думаю что вскорѣ откроется вакансія въ Саксборо. Мильрой желаетъ получить мѣсто губернатора въ колоніи; и если намъ удастся перестроить кабинетъ какъ я предполагаю, то онъ получитъ это мѣсто, и Саксборо будетъ свободно. Но Саксборо, другъ мой, такое мѣсто гдѣ можно добиться выбора только за деньги. Тамъ требуется отъ кандидата либерализмъ, либерализмъ двухъ родовъ которые рѣдко встрѣчаются вмѣстѣ: либерализмъ мнѣній, который естественъ въ самомъ бѣдномъ человѣкѣ, и либерализмъ въ расходахъ, что̀ можетъ быть свойственно только человѣку очень богатому. Можно положить что расходы по выборамъ обойдутся въ Саксборо въ 3.000 фунтовъ, кромѣ того потребуется еще около двухъ тысячъ чтобъ отстоять ваше мѣсто противъ петиціи; кандидатъ потерпѣвшій неудачу почти всегда петиціонируетъ. Пять тысячъ сумма большая, и хуже всего то что крайнія мнѣнія которыхъ долженъ держаться членъ за Саксборо закрываютъ для него путь къ служебной карьерѣ. Крайніе политики не самый лучшій сырой матеріалъ для фабрикаціи счастливыхъ искателей мѣстъ.

— Мнѣнія не важны; важны расходы. Я не могу располагать пятью тысячами, даже тремя тысячами.

— Не поможетъ ли вамъ сэръ-Питеръ? Вы говорите что у него одинъ сынъ, и если что-нибудь случится съ этимъ сыномъ, вы ближайшій наслѣдникъ.

— Отецъ мой поссорился съ сэръ-Питеромъ, и затѣялъ съ нимъ неосторожный и непріятный процессъ. Не думаю чтобъ я могъ обратиться къ нему за деньгами для полученія мѣста въ парламентѣ съ демократическимъ оттѣнкомъ; я мало знаю его политическія убѣжденія, но полагаю что сельскій

джентльменъ старинной фамиліи съ годовымъ доходомъ въ десять тысячъ фунтовъ не можетъ быть демократомъ.

— Стало-быть и вы не были бы демократомъ еслибы, въ случаѣ смерти вашего кузена, сдѣлались наслѣдникомъ Чиллингли.

— Я не знаю чѣмъ бы я былъ въ такомъ случаѣ. Бываютъ времена когда демократъ хорошей фамиліи и съ богатыми помѣстьями можетъ занять очень высокое мѣсто между аристократами.

— Эге! дорогой Гордонъ, *vous irez loin.*

— Надѣюсь. Сравнивая себя съ другими людьми моихъ лѣтъ, я не нахожу чтобы многіе могли опередить меня.

— Что̀ за человѣкъ вашъ кузенъ Кенелмъ? Я встрѣчалъ его разъ или два когда онъ былъ очень молодъ и занимался съ Вельби въ Лондонѣ. Говорили что онъ былъ очень способный человѣкъ; мнѣ онъ показался очень страннымъ.

— Я никогда не видалъ его; но судя по тому что̀ слышалъ отъ всѣхъ, способный онъ или странный человѣкъ, онъ кажется никогда ничего не сдѣлаетъ въ жизни—мечтатель.

— Можетъ-быть пишетъ стихи?

— Кажется на это способенъ.

Въ это время нѣсколько другихъ гостей вошли въ комнату, въ числѣ ихъ одна дама съ замѣчательною и привлекательною наружностію, немного выше средняго роста, съ невыразимымъ благородствомъ въ манерахъ и обращеніи. Леди Гленальвонъ была одна изъ царицъ высшаго лондонскаго общества, и ни одна царица въ этомъ обществѣ не была менѣе суетна и болѣе царственна. Рядомъ съ нею шелъ мистеръ Чиллингли Миверсъ. Гордонъ и Миверсъ обмѣнялись дружескими кивками, и первый отошелъ и вскорѣ скрылся въ толпѣ другихъ молодыхъ людей, которые любили его за то что онъ могъ хорошо и легко говорить о вещахъ интересовавшихъ ихъ, но никто не былъ короткомъ съ нимъ. Мистеръ Данверсъ удалился въ уголъ корридора примыкавшаго къ этой комнатѣ, и встрѣтя французскаго посланника сталъ излагать ему свои взгляды на положеніе Европы и на переустройство кабинетовъ вообще.

— Увѣрены ли вы, сказала леди Гленальвонъ Миверсу,— что мой юный старый другъ Кенелмъ находится здѣсь? Съ тѣхъ поръ какъ вы сказали мнѣ это, я вездѣ искала его, но напрасно. Я была бы такъ рада увидѣться съ нимъ.

— Полчаса тому назадъ онъ промелькнулъ предо мной, но

прежде чѣмъ я могъ избавиться отъ одного геолога который замучилъ меня силурійскою системой, Кенелмъ скрылся.

— Можетъ-быть это былъ его духъ!

— Мы живемъ въ самомъ легковѣрномъ и суевѣрномъ вѣкѣ и столько людей увѣряютъ меня что они бесѣдовали подъ столомъ съ умершими, что съ моей стороны было бы дерзостію не вѣрить въ духовъ.

— Разкажите мнѣ эти необъяснимыя исторіи о стучащихъ столахъ, сказала леди Гленальвонъ.—Вотъ здѣсь прекрасный уютный уголокъ позади трельяжа.

Но едва вступивъ за трельяжъ она вздрогнула и отступила съ восклицаніемъ изумленія. Сидя около стола въ углубленіи, склонивъ щеку на руку, съ опущенною головой, погруженный въ мечтанія, сидѣлъ молодой человѣкъ. Онъ сидѣлъ такъ неподвижно, лицо его выражало такую глубокую грусть, такъ чуждъ казался онъ шумной и блестящей толпѣ двигавшейся вблизи уединенія въ которое онъ замкнулся, что его легко было почесть за одного изъ тѣхъ выходцевъ съ того свѣта тайну коихъ только-что хотѣла узнать вошедшая. Онъ не замѣтилъ ее. Оправившись отъ изумленія она подошла къ нему, положила руку на его плечо и заговорила тихимъ мягкимъ голосомъ. При звукѣ этого голоса Кенелмъ оглянулся.

— Вы не помните меня? спросила леди Гленальвонъ.

Прежде чѣмъ онъ могъ отвѣтить, Миверсъ, вошедшій вслѣдъ за маркизой, заговорилъ:

— Любезный Кенелмъ, какъ поживаете? Давно ли вы въ Лондонѣ? Почему не посѣтили меня? Что̀ заставляетъ васъ скрываться?

Самообладаніе, рѣдко покидавшее Кенелма на долго въ присутствіи другихъ, тотчасъ же возвратилось къ нему. Онъ искренно отвѣчалъ на привѣтствія своего родственника, поцѣловалъ съ обычною рыцарскою граціей прекрасную руку которую леди сняла съ его плеча и протянула ему для пожатія.

— Помнить васъ! сказалъ онъ леди Гленальвонъ съ самымъ мягкимъ выраженіемъ своихъ мягкихъ черныхъ глазъ.—Я еще не такъ далеко подвинулся къ полдню жизни чтобы забыть солнце ея утра. Любезный Миверсъ, мнѣ не трудно отвѣчать на ваши вопросы. Я возвратился въ Англію двѣ недѣли тому назадъ, пробылъ въ Эксмондгамѣ до сегодняшняго утра; обѣдалъ сегодня съ лордомъ Тетфордомъ, съ которымъ

познакомился за границей, и онъ уговорилъ меня пріѣхать сюда чтобы представиться его отцу съ матерью, Боманойрамъ. Когда я совершилъ эту церемонію, видъ множества незнакомыхъ лицъ смутилъ меня. Войдя въ эту комнату когда въ ней никого не было, я уединился за трельяжемъ.

— Входя въ комнату вы должны были встрѣтить вашего кузена Гордона.

— Вы забываете что я не знаю его. И когда я вошелъ въ комнатѣ никого не было; немного спустя сюда пришелъ кто-то, я слышалъ звукъ голосовъ говорившихъ шепотомъ; хотя я не подслушивалъ какъ человѣкъ скрывшійся за перегородкой на сценѣ.

Это была правда. Еслибы Гордонъ и Данверсъ говорили и громко, Кенелмъ былъ слишкомъ поглощенъ собственными мыслями чтобы слышать ихъ разговоръ.

— Вамъ слѣдуетъ познакомиться съ Гордономъ; онъ умный малый и хочетъ вступить въ парламентъ. Надѣюсь что старая семейная ссора между медвѣдемъ его отцомъ и добрымъ сэръ-Питеромъ не помѣшаетъ вамъ встрѣтиться съ нимъ.

— Сэръ-Питеръ способенъ прощать очень многое, но онъ едва ли бы простилъ меня еслибъ я отказался свидѣться съ родственникомъ который ничѣмъ не оскорбилъ его.

— Хорошо сказано. Пріѣзжайте завтра и познакомьтесь съ Гордономъ у меня за завтракомъ, въ десять часовъ. Я все на той же квартирѣ.

Пока родственники разговаривали, леди Гленальвонъ сѣла на диванъ около Кенелма и спокойно разсматривала его лицо. Она сказала:

— Любезный мистеръ Миверсъ, вы будете имѣть еще много случаевъ поговорить съ Кенелмомъ; не лишайте меня возможности поговорить теперь съ нимъ пять минутъ.

— Покидаю васъ, миледи, въ вашей пустынѣ. Какъ все общество будетъ завидовать пустыннику!

ГЛАВА II.

— Я рада что опять вижу васъ въ свѣтѣ, сказала леди Гленальвонъ;—надѣюсь что вы готовы занять въ немъ теперь роль которая при вашихъ талантахъ будетъ не малая.

Кенелмъ.—Когда вы бываете въ театрѣ и смотрите одну

изъ тѣхъ піесъ что̀ кажется въ модѣ теперь, кѣмъ вы желали бы скорѣе быть, актеромъ или зрителемъ?

Леди Гленальвонъ.—Молодой другъ мой, вашъ вопросъ огорчаетъ меня. (Помолчавъ:) Хотя выражая надежду что вы займете не малую роль въ свѣтѣ я сравнила его со сценой, но на самомъ дѣлѣ свѣтъ не театръ. Жизнь не допускаетъ зрителей. Скажите мнѣ откровенно какъ всегда. Я вижу на вашемъ лицѣ прежнее меланхолическое выраженіе. Вы не счастливы?

Кенелмъ.—Счастливъ какъ вообще смертные я долженъ быть. Не думаю чтобъ я былъ несчастливъ. Если у меня меланхолическій характеръ, то меланхолики могутъ быть счастливы по-своему. Мильтонъ доказываетъ что *Penseroso* въ жизни можетъ имѣть столько же прелести какъ ея *Allegro*.

Леди Гленальвонъ.—Кенелмъ, вы спасли моего бѣднаго сына, и когда послѣ онъ былъ взятъ отъ меня, мнѣ казалось что онъ поручалъ мнѣ заботиться о васъ. Когда вы въ шестнадцать лѣтъ, мальчикъ по лѣтамъ, но съ сердцемъ мужа, явились въ Лондонѣ, не старалась ли я быть для васъ вмѣсто матери? Не говорили ли вы мнѣ часто что готовы повѣрять мнѣ тайны вашего сердца охотнѣе чѣмъ всякому другому?

— Вы были для меня, сказалъ Кенелмъ съ чувствомъ,— этимъ неоцѣненнымъ добрымъ геніемъ какого юноша можетъ встрѣтить на порогѣ жизни въ женщинѣ нѣжно мудрой и снисходительно сочувствующей. Созерцаніе вашей чистоты спасало меня отъ грубыхъ ошибокъ; душевная высота какую можно встрѣтить только въ благороднѣйшихъ женщинахъ возвышала меня надъ низкими желаніями. Я всегда готовъ открыть вамъ мое сердце. Я боюсь что теперь оно своенравнѣе чѣмъ когда-нибудь. Оно чувствуетъ себя чуждымъ сообщества и стремленій свойственныхъ моимъ годамъ и положенію. Я старался укрѣпить мою природу для практическихъ цѣлей жизни путешествіями и приключеніями преимущественно среди болѣе грубыхъ разновидностей человѣческаго рода чѣмъ мы встрѣчаемъ въ гостиныхъ. Теперь, повинуясь желанію отца, я возвратился въ тѣ сферы въ которыя вступилъ подъ вашимъ руководствомъ еще будучи мальчикомъ и которыя даже тогда казались мнѣ такъ пусты и искусственны. Вы желаете чтобъ я занялъ роль въ этихъ сферахъ. Отвѣтъ мой будетъ коротокъ. Я всячески старался возбудить въ себѣ

движущую силу, и мнѣ не удалось это. Я не нахожу ничего за что̀ стоило бы бороться, что̀ я желалъ бы пріобрѣсти. Самое время въ которое мы живемъ представляется мнѣ какъ Гамлету вывихнутымъ, и я не родился подобно Гамлету для того чтобъ исправить его. Ахъ, еслибъ я могъ смотрѣть на общество сквозь очки въ которыя бѣдный хидальго въ *Жиль Блазѣ* смотрѣлъ на свою скудную пищу, очки въ которыя вишни казались величиной съ персикъ и синица съ индѣйку! Воображеніе, которое необходимо для честолюбія, есть сильное увеличительное стекло.

— Я знавала нѣсколькихъ людей, теперь очень извѣстныхъ, очень дѣятельныхъ, которые въ ваши годы также чуждались практическихъ интересовъ.

— И что̀ обращало этихъ людей къ такимъ интересамъ?

— То смягченное чувство своей личности, тотъ переливъ своего бытія въ другія существованія, что̀ мы называемъ жить своимъ домомъ и вступить въ бракъ.

— Я не отказываюсь отъ своего дома, но отказываюсь отъ женитьбы.

— Повѣрьте что для мущины нѣтъ своего дома гдѣ нѣтъ женщины.

— Прекрасно. Въ такомъ случаѣ я отказываюсь отъ своего дома.

— Вы хотите серіозно увѣрить меня что никогда не встрѣчали женщины которую могли бы такъ полюбить чтобы жениться на ней, и никогда не бывали въ домѣ который покидали завидуя счастію семейной жизни?

— Серіозно, я никогда не встрѣчалъ такой женщины, никогда не бывалъ въ такомъ домѣ.

— Въ такомъ случаѣ вооружитесь терпѣніемъ; ваше время придетъ, и я надѣюсь что это будетъ вскорѣ. Слушайте. Не дальше какъ вчера я чувствовала непреодолимое желаніе увидѣть васъ, узнать вашъ адресъ чтобы написать къ вамъ; потому что вчера, когда одна молодая особа оставила мой домъ прогостивъ у меня цѣлую недѣлю, я сказала себѣ: вотъ дѣвушка которая будетъ превосходною женой, и была бы именно такою женой, какая нужна Кенелму Чиллингли.

— Кенелмъ Чиллингли очень радъ слышать что эта молодая особа уѣхала отъ васъ.

— Но она не уѣхала изъ Лондона; она здѣсь сегодня. Она жила у меня только до прибытія своего отца и пока не осво-

бодился домъ который они наняли на нынѣшній сезонъ. Оба эти событія произошли вчера.

— Счастливыя событія для меня: они позволяютъ мнѣ быть у васъ безъ всякой опасности.

— Не чувствуете ли вы по крайней мѣрѣ любопытства узнать кто и что эта дѣвушка которая кажется мнѣ подходящею для васъ?

— Любопытства? Нѣтъ, но смутное ощущеніе ужаса.

— Я не могу говорить съ вами когда вы въ такомъ раздраженномъ состояніи духа, и намъ пора покинуть нашу пустыню. Пойдемте, я хочу возобновить ваше прежнее знакомство съ нѣкоторыми лицами и познакомить васъ кое съ кѣмъ.

— Я готовъ слѣдовать за леди Гленальвонъ всюду куда ей угодно будетъ вести меня, лишь бы не къ алтарю съ другою.

ГЛАВА III.

Комнаты были полны,—не переполнены, но полны; и даже въ этомъ домѣ не часто случалось чтобъ одновременно собралось столько замѣчательныхъ людей. Молодому человѣку удостоенному вниманія такой знатной дамы какъ леди Гленальвонъ были рады всѣ кому она представляла его: министры и вожди парламентскихъ партій, балодаватели и извѣстныя красавицы, даже авторы и артисты. Въ замѣчательныхъ чертахъ лица и фигурѣ Кенелма Чиллингли, въ спокойной непринужденности и простотѣ его манеръ было нѣчто объяснявшее особенную ласковость къ нему знатныхъ свѣтскихъ дамъ и обращенное на него всеобщее вниманіе.

Первый вечеръ его возвращенія въ модный свѣтъ былъ такимъ успѣхомъ какого достигали немногіе молодые люди его лѣтъ. Онъ произвелъ впечатлѣніе. Когда въ комнатахъ стало просторнѣе, леди Гленальвонъ шепнула Кенелму:

— Пойдемте въ эту сторону; я хочу возобновить ваше знакомство съ одною особой; будете благодарить меня за это послѣ.

Кенелмъ послѣдовалъ за маркизой и очутился лицомъ къ лицу съ Сесиліей Траверсъ. Она опиралась на руку отца и была очаровательна; румянецъ покрывшій ея щеки когда приблизился Кенелмъ еще больше возвысилъ ея красоту.

Траверсъ привѣтствовалъ его очень радушно. Леди Гленальвонъ просила его сопровождать ее въ буфетъ, и Кенелму

не оставалось другаго выбора какъ подать руку Сесиліи. Онъ чувствовалъ нѣкоторое смущеніе.

— Вы давно въ городѣ, миссъ Траверсъ?

— Немного больше недѣли, но мы только вчера заняли нашъ домъ.

— Въ самомъ дѣлѣ; значитъ вы та молодая особа которая...— Онъ вдругъ остановился и выраженіе лица его сдѣлалось мягче и серіознѣе.

— Молодая особа которая—что? спросила Сесилія съ улыбкой.

— Которая гостила у леди Гленальвонъ?

— Да; она вамъ сказала?

— Она не назвала имени, но отзывалась съ такими справедливыми похвалами о молодой особѣ что я долженъ былъ догадаться.

Сесилія отвѣчала что-то неслышно. При входѣ въ буфетъ она была окружена другими молодыми людьми; завязался общій разговоръ; леди Гленальвонъ и Кенелмъ молчали. Когда Траверсъ, давъ свой адресъ Кенелму и пригласивъ его навѣстить ихъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ Сесиліей, Кенелмъ сказалъ задумчиво маркизѣ Гленальвонъ:

— Такъ это-то молодая особа въ которой я долженъ видѣть свою судьбу; вы знали что я уже прежде встрѣчался съ ней?

— Да, она говорила мнѣ гдѣ и когда. Кромѣ того, около двухъ лѣтъ тому назадъ вы писали мнѣ письмо изъ дома ея отца. Развѣ вы забыли?

— А, сказалъ Кенелмъ такъ разсѣянно какъ бы погружаясь въ дремоту,—никому не дано видѣть свою судьбу съ открытыми глазами. Если человѣкъ увидитъ ее онъ умретъ Любовь слѣпа. Говорятъ что слѣпые счастливы, однакожь я никогда не встрѣчалъ слѣпаго который не желалъ бы возвратить себѣ зрѣніе еслибы представилась возможность.

ГЛАВА VI.

Мистеръ Чиллингли Миверсъ никогда не давалъ обѣдовъ въ своей квартирѣ. Если онъ давалъ обѣдъ, то въ Гриничѣ или въ Ричмондѣ. Но онъ часто устраивалъ завтраки, и завтраки эти считались пріятными. Онъ занималъ прекрасную холостую квартиру въ Гровеноръ-Стритѣ, отличавшуюся изысканною щеголеватостью. У него была хорошая библіотека, со-

стоявшая изъ справочныхъ книгъ и дареныхъ экземпляровъ произведенiй современныхъ авторовъ въ красивыхъ переплетахъ. Хотя комната эта была кабинетомъ литератора, вы никогда не увидали бы въ ней безпорядка которымъ обыкновенно отличаются кабинеты людей имѣющихъ дѣло съ книгами и бумагой. Даже письменныя принадлежности не были на виду. Онѣ скрывались въ большомъ цилиндрическомъ бюро французской работы и съ французскою полировкой. Въ этомъ бюро было множество клѣточекъ и секретныхъ ящиковъ и большое углубленiе съ особымъ патентованнымъ замкомъ. Въ углубленiи находились статьи назначавшiяся для газеты *Londoner*, корректуры и пр.; въ клѣточкахъ обыкновенная корреспонденцiя, въ секретныхъ ящикахъ конфиденцiальныя письма и замѣтки о жизни современныхъ знаменитостей, бiографiи которыхъ должны были появиться на другой день послѣ ихъ смерти.

Никто не писалъ некрологи такимъ живымъ языкомъ какъ Чиллингли Миверсъ. Обширный и разнообразный кругъ его знакомства давалъ ему возможность слѣдить, съ помощью достовѣрныхъ слуховъ и собственныхъ наблюденiй, за ходомъ смертельныхъ болѣзней его знаменитыхъ друзей приглашавшихъ его на обѣды. Онъ инстинктивно ощущалъ ослабленiе ихъ пульсовъ пожимая ихъ руки, и часто бывалъ въ состоянiи заканчивать ихъ бiографiи нѣсколькими днями, недѣлями и даже мѣсяцами ранѣе чѣмъ ихъ кончина поражала публику удивленiемъ. Цилиндрическое бюро вполнѣ гармонировало съ таинственностью которою этотъ замѣчательный человѣкъ облекалъ плоды своего ума. Въ литературной жизни Миверсъ не имѣлъ своего *Я*. Въ качествѣ литератора онъ былъ всегда непроницаемымъ, таинственнымъ *Мы*. Онъ былъ *Я* только въ обществѣ и когда его называли Миверсомъ.

По одну сторону библiотеки была небольшая столовая, или лучше сказать комната для завтраковъ, украшеная хорошими картинами, подарками современныхъ живописцевъ. Многихъ изъ этихъ живописцевъ мистеръ Миверсъ, въ своемъ качествѣ *Мы*, подвергалъ жестокой критикѣ, не всегда въ газетѣ *Londoner*. Самыя рѣзкiя критическiя статьи его часто помѣщались въ другихъ журналахъ, издаваемыхъ членами той же литературной клики. Встрѣчая мистера Миверса живописцы не знали какъ презрительно отзывался о нихъ его *Мы*. Его *Я* такъ льстило имъ что они презентовали ему дань своей благодарности.

По другую сторону библіотеки была гостиная, также украшенная подарками, преимущественно изъ прекрасныхъ женскихъ ручекъ, вышитыми подушками, скатертями, вещицами изъ севрскаго фарфора и всевозможными изящными безделушками. Модныя писательницы очень ухаживали за мистеромъ Миверсомъ, и кромѣ модныхъ писательницъ онъ имѣлъ въ теченіи своей холостой жизни много другихъ поклонницъ.

Мистеръ Миверсъ уже возвратился со своей ранней гигіеничеcкой прогулки по Парку и сидѣлъ теперь предъ своимъ цилиндрическимъ бюро съ человѣкомъ добродушнаго вида, который былъ однимъ изъ самыхъ безпощадныхъ сотрудниковъ *Londoner* и немаловажнымъ совѣтникомъ въ олигархіи клики похвалявшейся своимъ разумѣніемъ.

— Да, сказалъ Миверсъ утомленнымъ тономъ, — я не могу даже одолѣть эту книгу; она безотрадна какъ деревня въ ноябрѣ. Но, какъ вы справедливо замѣтили, авторъ человѣкъ съ разумѣніемъ, а клика имѣла бы что̀ угодно только не разумѣніе еслибы не поддерживала своихъ членовъ. Разберите эту книгу сами и выдайте ея незанимательность за лучшее доказательство ея достоинства. Скажите: обыкновенному разряду читателей эта превосходная книга покажется менѣе увлекательною чѣмъ вычурныя произведенія такого-то, назовите какого-нибудь писателя, „но для людей просвѣщенныхъ и мыслящихъ каждая строчка проникнута“ и т. д. и т. д. Кстати, когда мы будемъ обозрѣвать выставку картинъ въ Борлингтонъ-Хаусѣ, надо будетъ постараться втоптать въ грязь одного живописца. Я самъ не видалъ его картинъ, но онъ новичокъ, и другъ нашъ видѣвшій его ужасно завидуетъ ему и говоритъ что если хорошіе судьи не разбранятъ его съ самаго начала, извращенный вкусъ публики можетъ выдать его за генія. Человѣкъ низшаго круга, какъ я слышалъ. Вотъ его имя и сюжеты его картинъ. Позаботьтесь объ этомъ когда придетъ время. Между тѣмъ подготовляйте вылазку на его картины случайными нападеніями на самого живописца.—Тутъ мистеръ Миверсъ вынулъ изъ своего бюро конфиденціальную записку отъ завистливаго соперника, отдалъ ее своему добродушному на видъ собрату и вставъ сказалъ: — Боюсь что намъ придется отложить дѣла до завтра. Я жду къ завтраку двухъ молодыхъ родственниковъ.

Когда господинъ съ добродушною наружностью вышелъ, Миверсъ подошелъ къ окну гостиной и любезно предложилъ кусочекъ сахара канарейкѣ присланной ему въ подарокъ наканунѣ. Канарейка оглянула его изъ своей золоченой клѣтки, которая была также частью подарка, и отказалась отъ сахара.

Время было очень снисходительно къ Чиллингли Миверсу. Съ виду онъ не постарѣлъ ни на одинъ день съ тѣхъ поръ какъ читатель впервые познакомился съ нимъ во время появленія на свѣтъ родственника его Кенелма. Онъ пожиналъ плоды своихъ мудрыхъ принциповъ. Не нося бакенбардъ и всегда въ парикѣ, онъ могъ не опасаться сѣдины и не нуждался въ краскѣ. Возвышенность надъ страстью, отреченіе отъ заботъ, податливость на развлеченья, воздержаніе отъ излишествъ, спасли его отъ морщинъ, сохранили эластичность его тѣла и чистоту его изящнаго цвѣта лица. Дверь отворилась и хорошо одѣтый слуга, который жилъ у Миверса такъ долго что сталъ похожъ на него, доложилъ о прибытіи мистера Чиллингли Гордона.

— Добраго утра, сказалъ Миверсъ. Мнѣ пріятно было видѣть вчера что вы говорили такъ долго и такъ фамильярно съ Данверсомъ: это было конечно замѣчено и другими и прибавило шагъ на вашей карьерѣ. Вамъ полезно чтобы васъ видѣли въ разговорахъ съ лицами извѣстными. Но могу я спросить былъ ли разговоръ удовлетворителенъ самъ по себѣ?

— Нисколько: Данверсъ облилъ холодною водой мои надежды на Саксборо и даже не намекнулъ что партія его поддержитъ меня въ другихъ вакансіяхъ.

— Партія имѣетъ мало вакансій въ своемъ распоряженіи для молодаго человѣка. Школьный учитель, будучи за границей, погубилъ школу для государственныхъ людей, какъ погубилъ школу для дѣятелей. Это большое зло, и зло имѣющее болѣе важныя послѣдствія для судебъ націи чѣмъ польза которую можетъ принести новая система. Но безполезно возмущаться противъ того что̀ не поправимо. Еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, я отказался бы отъ честолюбиваго стремленія въ парламентъ и сталъ бы готовиться къ адвокатурѣ.

— Совѣтъ благоразумный, но слишкомъ невкусный чтобы принять его. Я рѣшилъ быть членомъ Палаты Общинъ, а что̀ захочешь, то сможешь.

— Я въ этомъ не такъ увѣренъ какъ вы.

— А я увѣренъ.

— Судя по тому что мнѣ говорили ваши университетскіе товарищи о вашихъ рѣчахъ въ Обществѣ для Преній, вы не были тогда ультра-радикаломъ. А въ Саксборо можетъ имѣть успѣхъ только ультра-радикалъ.

— Я не фанатикъ въ политикѣ. Обо всѣхъ партіяхъ можно сказать многое; *caeteris paribus*, я торжествующую сторону предпочитаю побѣжденной.

— Да, но въ политикѣ происходитъ постоянная реакція. Сторона торжествующая сегодня можетъ быть завтра стороной побѣжденною. Побѣжденная сторона — меньшинство, а у меньшинства всегда больше ума чѣмъ у большинства. Въ долгой борьбѣ разумѣніе возьметъ верхъ, пріобрѣтетъ большинство и опять утратитъ его, потому что съ большинствомъ партія глупѣетъ.

— Кузенъ Миверсъ, развѣ всемірная исторія не доказываетъ что одинъ человѣкъ можетъ опровергнуть всѣ теоріи о сравнительной мудрости меньшинства и большинства? Возьмите немногихъ умнѣйшихъ людей какихъ найдете; одинъ геніальный человѣкъ, далеко не столь умный, сотретъ ихъ въ порошокъ. Но этотъ геніальный человѣкъ, хотя бы онъ презиралъ большинство, долженъ опираться на него. Достигнувъ своей цѣли, онъ покоритъ его. Развѣ вы не видите какъ въ свободныхъ странахъ политическіе перевороты воплощаются въ личностяхъ. При общихъ выборахъ, избиратели всегда соединяются вокругъ одного имени. Кандидатъ можетъ толковать сколько ему угодно о политическихъ принципахъ, онъ не пріобрѣтетъ достаточнаго числа голосовъ если не скажетъ: „Я заодно съ А, министромъ, или съ Z, вождемъ оппозиціи.“ Не торіи побѣдили виговъ когда мистеръ Питтъ распустилъ парламентъ, а мистеръ Питтъ побѣдилъ мистера Фокса, съ которымъ онъ въ общихъ политическихъ принципахъ, въ вопросахъ о торговлѣ невольниками, объ эманципаціи римскихъ-католиковъ, о парламентской реформѣ, сходился болѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо въ своемъ кабинетѣ.

— Берегитесь, мой юный другъ, воскликнулъ Миверсъ испуганнымъ тономъ,—не выдавайте себя за геніальнаго человѣка. Геніальность есть худшее качество для общественнаго дѣятеля въ наше время, никто не уважаетъ ее и всѣ завидуютъ ей.

— Извините, вы меня не поняли. Мое замѣчаніе было только возраженіемъ на вашъ аргументъ. Я предпочитаю примкнуть теперь къ большинству, потому что оно въ силѣ. Если ему понадобится геніальный человѣкъ который могъ бы поддержать его силу подчинивъ его партизановъ своей волѣ, такой человѣкъ найдется. Меньшинство оттолкнетъ его отъ себя къ намъ, потому что меньшинство смотритъ всегда враждебно на геніальность. Меньшинство недовѣрчиво, меньшинство завистливо. Ваше сужденіе, обыкновенно столь ясное, нѣсколько затмилось вашею критическою опытностью. Критики тоже меньшинство. Они безконечно образованнѣе большинства. Но когда появляется истинно даровитый человѣкъ, критики рѣдко оцѣниваютъ его такъ вѣрно какъ большинство. Если онъ не принадлежитъ къ ихъ олигархической кликѣ, они или бранятъ и унижаютъ его, или дѣлаютъ видъ что не замѣчаютъ, хотя рано или поздно приходитъ время когда, убѣдившись что большинство за него, они наконецъ признаютъ его. Но между общественнымъ дѣятелемъ и писателемъ та разница что писатель бываетъ признанъ большею частью только послѣ смерти, между тѣмъ какъ для общественнаго дѣятеля необходимо быть признаннымъ при жизни. Но довольно объ этомъ. Вы пригласили меня чтобы познакомить меня съ Кенелмомъ. Развѣ онъ не будетъ?

— Я назначилъ ему быть въ десять. Васъ я пригласилъ къ половинѣ десятаго потому что хотѣлъ узнать о Данверсѣ и о Саксборо, а также подготовить васъ къ знакомству съ вашимъ кузеномъ. Съ послѣднимъ надо послѣшить потому что осталось только пять минутъ до десяти, а онъ аккуратенъ. Кенелмъ во всѣхъ отношеніяхъ противоположенъ вамъ. Не знаю умнѣе ли онъ васъ или глупѣе, въ этомъ отношеніи нѣтъ возможности васъ сравнивать, но онъ совершенно лишенъ честолюбія и можетъ помочь вашему. Онъ можетъ дѣлать что̀ угодно съ сэръ-Питеромъ, и принявъ въ соображеніе какъ вашъ бѣдный отецъ, человѣкъ достойный, но взбалмошный, мучилъ и преслѣдовалъ сэръ-Питера за то что Кенелмъ сталъ между вами и имѣніемъ, нужно полагать что сэръ-Питеръ предубѣжденъ противъ васъ, хотя Кенелмъ увѣряетъ что онъ на это не способенъ, и было бы хорошо еслибъ вы избавились отъ предубѣжденія отца снискавъ расположеніе сына.

— Я былъ бы радъ еслибъ это удалось. Но скажите мнѣ слабую сторону Кенелма. Что это? Конскія скачки? Охота? Женщины? Поэзія? Чтобы снискать расположеніе человѣка, нужно знать его слабую сторону.

— Тише! Я видѣлъ его въ окно. Слабою стороной Кенелма, когда я зналъ его нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было и вѣроятно есть до сихъ поръ....

— Хорошо, скорѣе! Я слышалъ его звонокъ.

— Страстное желаніе найти идеальную правду въ дѣйствительной жизни.

— А! сказалъ Гордонъ:—я такъ и думалъ. Не болѣе какъ мечтатель!

ГЛАВА V.

Въ комнату вошелъ Кенелмъ. Молодые родственники были представлены, пожали руки, отступили на шагъ и оглянули другъ друга. Трудно представить контрастъ болѣе рѣзкій чѣмъ между двумя представителями новаго поколѣнія Чиллингли. И тотъ и другой почувствовали этотъ контрастъ. И тотъ и другой поняли что это контрастъ ведущій къ антагонизму и что если они встрѣтятся на одной аренѣ, то встрѣтятся какъ соперники. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый по какому-то таинственному инстинкту почувствовалъ уваженіе къ другому, каждый угадалъ въ другомъ силу которую не могъ оцѣнить вполнѣ вѣрно, но въ борьбѣ съ которою пришлось бы напречь всю свою силу. Такъ оглянули бы другъ друга хорошо выдрессированная гончая и полувыдрессированный бульдогъ. Зритель не могъ бы сомнѣваться которое изъ двухъ животныхъ благороднѣе, но поколебался бы за которое держать пари еслибы между ними завязалась смертельная борьба. Между тѣмъ хорошо выдрессированная гончая и полувыдрессированный бульдогъ обнюхали другъ друга учтивымъ поклономъ. Гордонъ подалъ голосъ первый.

— Мнѣ давно хотѣлось узнать васъ лично, сказалъ онъ, придавъ своему голосу и манерамъ деликатную почтительность съ которою младшій членъ аристократической фамиліи относится къ будущему главѣ фамиліи.—Не могу понять какъ я не видалъ васъ вчера вечеромъ у леди Бомануаръ, гдѣ вы тоже были, какъ я узналъ отъ Миверса. Впрочемъ я ушелъ рано.

Миверсъ пригласилъ гостей въ столовую и усѣвшись тамъ началъ говорить безъ умолку и съ непринужденною легкостью объ интересахъ дня, о послѣднемъ скандалѣ, о послѣдней книгѣ, о военной реформѣ, о скаковой реформѣ, о критическомъ положеніи Испаніи и о дебютѣ италіянской пѣвицы. Онъ казался олицетворенною газетой, съ руководящею статьей, съ судебными отчетами, съ иностранными извѣстіями, съ хроникой придворной жизни, даже съ извѣстіями о родившихся, умершихъ и сочетавшихся бракомъ. Гордонъ время отъ времени прерывалъ потокъ его словъ короткимъ и мѣткимъ замѣчаніемъ гласившимъ объ его знакомствѣ съ предметомъ о которомъ шла рѣчь и о привычкѣ смотрѣть на занятія и стремленія человѣчества съ присвоенной себѣ высоты и сквозь синія стекла придающія зимній колоритъ лѣтнему ландшафту. Кенелмъ говорилъ мало, но слушалъ внимательно.

Разговоръ утратилъ свой легкій тонъ коснувшись одного политическаго вождя, перваго по извѣстности и положенію въ партіи къ которой Миверсъ считалъ себя—не принадлежавшимъ, онъ принадлежалъ только себѣ—но причисленнымъ. Миверсъ говорилъ объ этомъ вождѣ съ величайшимъ недовѣріемъ и тономъ безпощаднаго порицанія. Гордонъ согласился въ недовѣріи и порицаніи, и прибавилъ:

— Но онъ въ силѣ, и теперь его нужно поддерживать во что̀ бы то ни стало.

— Да, теперь, сказалъ Миверсъ, — нѣтъ другаго выбора. Но въ концѣ сессіи вы найдете нѣсколько умныхъ статей въ газетѣ *Londoner* которыя много повредятъ ему хваля его невпопадъ и усиливая страхъ его главныхъ послѣдователей, страхъ уже существующій, хотя и подавленный.

Кенелмъ вмѣшался скромнымъ тономъ и спросилъ,—почему Гордонъ, считая этого человѣка заслуживающимъ такъ мало довѣрія и такимъ опаснымъ, думаетъ что теперь нужно поддерживать его во что̀ бы то ни стало?

— Потому что теперь членъ выбранный съ тѣмъ чтобы поддерживать его потерялъ бы свое мѣсто еслибы пошелъ противъ него. Сиди когда дьяволъ правитъ.

Кенелмъ.—Когда дьяволъ правитъ, я предпочелъ бы отказаться отъ своего мѣста въ экипажѣ. Мнѣ кажется что можно принести пользу и внѣ экипажа, помогая тормозить его.

Миверсъ. — Умно сказано, Кенелмъ. Но отложивъ въ

сторону метафору, Горданъ правъ, молодой политикъ долженъ слѣдовать за своею партіей; такой старый ветеранъ журналистъ какъ я независимѣе. Пока журналистъ бранитъ всѣхъ и каждаго, у него много читателей.

Кенелмъ не отвѣтилъ, и Гордонъ перенесъ разговоръ съ людей на дѣла. Онъ говорилъ замѣчательно умно, обнаруживая много познаній, много критическаго смысла, о нѣкоторыхъ парламентскихъ билляхъ, о ихъ недостаткахъ и объ опасности ихъ неизбѣжныхъ послѣдствій.

Кенелмъ былъ пораженъ силою этого холоднаго, яснаго ума и сознался про себя что Палата Общинъ удобное мѣсто для его развитія.

— Но развѣ вы не были бы вынуждены поддерживать эти билли еслибы сдѣлались представителемъ Саксборо? спросилъ Миверсъ.

— Прежде чѣмъ я отвѣчу на вашъ вопросъ, отвѣтьте вы на мой.—Какъ ни опасны эти билли, развѣ не необходимо чтобъ они прошли? Развѣ общественное мнѣніе не рѣшило что они должны пройти?

— Въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія.

— А представитель Саксборо не достаточно силенъ чтобъ идти противъ общественнаго мнѣнія.

— Прогрессъ вѣка! пробормоталъ Кенелмъ угрюмо. — Какъ вы думаете, долго ли еще продержится въ Англіи классъ джентльменовъ?

— Кого вы называете джентльменами? Прирожденную аристократію? Gentilhommes'овъ?

— Нѣтъ, мнѣ кажется что никакой законъ не можетъ отнять у человѣка его предковъ и что классъ людей отличающихся хорошимъ происхожденіемъ не исчезнетъ никогда. Но классъ людей хорошаго происхожденія безъ обязанностей, безъ отвѣтственности, безъ преданности странѣ и сознанія личной чести, къ которымъ обязываетъ происхожденіе, не можетъ быть полезенъ для страны. Государственные люди демократическаго исповѣданія должны были бы согласиться что къ несчастію классъ людей хорошаго происхожденія не можетъ быть уничтоженъ, онъ сохраняется, какъ сохранился до конца въ Римѣ и сохраняется во Франціи, вопреки всѣмъ стараніямъ истребить его, какъ самый опасный классъ гражданъ безъ атрибутовъ дѣлавшихъ его самымъ полезнымъ. Я говорю о томъ неклассифированномъ разрядѣ людей, состав-

ляющемъ особенность Англіи, который, образовавшись въ началѣ безъ сомнѣнія изъ gentilhommes'овъ, или людей высшаго класса, считавшихся представителями идеальной честности и правдивости, не требуетъ уже родословныхъ и акровъ земли чтобъ удостоить своего члена наименованіемъ джентльмена. И когда я слышу отъ человѣка считаемаго джентльменомъ что онъ не имѣетъ другаго выбора какъ думать одно и говорить другое, какой бы вредъ ни принесло это его странѣ, я заключаю что Прогрессъ Вѣка готовится замѣнить классъ джентльменовъ какою-нибудь новою болѣе развитою породой людей.

Сказавъ это, Кенелмъ всталъ и хотѣлъ уйти, но Гордонъ схватилъ его за руку и удержалъ.

— Милый кузенъ, если позволите называть васъ такъ, сказалъ онъ съ своею откровенною манерой которая очень шла къ смѣлому выраженію его лица и звучному голосу,—я одинъ изъ тѣхъ людей которые вслѣдствіе чрезмѣрнаго отвращенія отъ сентиментальности и жеманности часто заставляютъ тѣхъ кто близко не знаетъ ихъ думать о нихъ хуже чѣмъ они заслуживаютъ. Если человѣкъ слѣдующій за своею партіей считаетъ себя вынужденнымъ поддерживить реформы которыхъ не одобряетъ и высказываетъ это откровенно въ обществѣ своихъ друзей и родственниковъ, то это еще не значитъ что этотъ человѣкъ лишенъ чувства чести, и я надѣюсь что узнавъ меня лучше вы не будете считать меня способнымъ унизить классъ джентльменовъ къ которому мы оба принадлежимъ.

— Простите меня, я самъ былъ рѣзокъ, отвѣчалъ Кенелмъ,—припишите это моему невѣдѣнію англійскихъ обычаевъ. Я полагалъ что если общественный дѣятель считаетъ что-нибудь вреднымъ, то не долженъ содѣйствовать этому. Я можетъ-быть ошибаюсь?

— Несомнѣнно ошибаетесь, сказалъ Миверсъ,—и вотъ по какой причинѣ: въ прежнее время въ политикѣ былъ прямой выборъ между добромъ и зломъ. Теперь это случается рѣдко. Люди высоко просвѣщенные, выбирая принять или отвергнуть мѣру навязываемую имъ мало образованными выборными корпораціями, должны взвѣсить одно зло противъ другаго: и принять мѣру вредно, и отвергнуть ее вредно, и если они останавливаются на первомъ, то какъ на меньшемъ изъ двухъ золъ.

— Ваше опредѣленіе какъ нельзя болѣе вѣрно, сказалъ

Гордонъ,—и я довольствуюсь имъ какъ достаточнымъ извиненіемъ того что̀ мой кузенъ считаетъ не искреннимъ.

— Это вѣроятно дѣйствительная жизнь, сказалъ Кенелмъ съ своею грустною улыбкой.

— Конечно, отвѣчалъ Миверсъ.

— Каждый день который я проживаю, вздохнулъ Кенелмъ,— подтверждаетъ все болѣе и болѣе мое убѣжденіе что дѣйствительная жизнь есть фантасмагорія. Какъ глупо со стороны философовъ отвергать существованіе призраковъ: какими призраками должны казаться мы, живые люди, духамъ усопшихъ. „Духи мудрыхъ сидятъ въ облакахъ и смѣются надъ нами.“

ГЛАВА VI.

Чиллингли Гордонъ не замедлилъ скрѣпить свое знакомство съ Кенелмомъ. Онъ часто заходилъ къ нему по утрамъ, сопровождалъ его иногда въ предобѣденныхъ верховыхъ прогулкахъ, представилъ его своему кружку знакомыхъ, состоявшему преимущественно изъ дѣятельныхъ членовъ парламента, адвокатовъ начинавшихъ входить въ славу, сотрудниковъ политическихъ журналовъ, но включавшему также и блестящихъ праздношатающихся, членовъ клубовъ, спортсменовъ, щеголей, людей знатныхъ и богатыхъ. Онъ дѣлалъ это съ цѣлью, потому что эти люди отзывались о немъ хвалебнымъ тономъ, превознося не только его дарованія, но и его честность. Онъ былъ извѣстенъ въ своемъ кружкѣ подъ названіемъ „честнаго Гордона“. Кенелмъ сначала думалъ что этотъ эпитетъ употребляется въ смыслѣ ироническомъ, и ошибся. Гордона называли честнымъ за откровенность и смѣлость съ которыми онъ высказывалъ мнѣнія обнаруживавшія того рода цинизмъ который называется „отсутствіемъ хвастовства“. Этотъ человѣкъ дѣйствительно не былъ лицемѣромъ; онъ не приписывалъ себѣ вѣрованій которыхъ не имѣлъ. А онъ мало во что̀ вѣрилъ кромѣ первой половины поговорки: „каждый за себя и Богъ за всѣхъ“.

Но если Гордонъ и отрицалъ теоретически принципы составляющіе ходячія вѣрованія людей добродѣтельныхъ, въ поведеніи его не было ничего говорившаго о предрасположеніи къ порокамъ. Онъ былъ безукоризненно честенъ во всѣхъ

своихъ дѣйствіяхъ, и въ щекотливыхъ вопросахъ чести считался авторитетомъ между своими товарищами. Несмотря на его откровенное честолюбіе, никто не могъ обвинить его въ стараніи выдвинуться впередъ на плечахъ своихъ патроновъ. Въ характерѣ его не было ничего рабскаго и хотя онъ не задумался бы подкупить избирателей еслибы понадобилось, его самого нельзя было подкупить никакими деньгами. Его преобладающею страстью было властолюбіе. Онъ смѣялся надъ патріотизмомъ какъ надъ устарѣвшимъ предразсудкомъ, надъ филантропіей какъ надъ сентиментальною рекламой. Онъ стремился не служить отечеству, но управлять имъ. Онъ не искалъ возвысить человѣческій родъ, но желалъ возвыситься самъ. Онъ былъ беззастѣнчивъ и не имѣлъ принциповъ, какъ большая часть честолюбцевъ. Тѣмъ не менѣе еслибъ онъ добился власти, то по всей вѣроятности сталъ бы пользоваться ею хорошо, потому что умъ его былъ ясенъ и силенъ. Какое впечатлѣніе онъ произвелъ на Кенелма можно видѣть изъ слѣдующаго письма:

Сэръ-Питеру Чиллингли, баронету и проч.

„Дражайшій батюшка,—Вы и милая матушка узнаете съ удовольствіемъ что Лондонъ продолжаетъ быть весьма учтивымъ со мной. Эта *arida nutrix leonum* причисляетъ меня къ привилегированной породѣ львовъ которыхъ дамы пускаютъ въ общество своихъ комнатныхъ собачекъ. Около шести лѣтъ тому назадъ я имѣлъ возможность смотрѣть на эту выставку сквозь щели убѣжища мистера Велби. Мнѣ кажется, можетъ-быть ошибочно, что даже въ этотъ краткій періодъ времени тонъ общества замѣтно измѣнился. Что перемѣна эта къ лучшему, это я оставляю на отвѣтственности *прогрессивной* партіи.

„Не думаю чтобы шесть лѣтъ назадъ было такъ много дѣвицъ подкрашивавшихъ волосы и вѣки. Нѣкоторыя изъ нихъ подражали школьному арго распространенному мелкими нувелистами; онѣ употребляли такія выраженія какъ „оглушительно хорошо“, „ужасъ какъ весело“ и т. д. Но теперь я встрѣчаю множество такихъ которыя заимствовали арго не только словесное, но арго образа мыслей, арго чувствъ, арго которое оставило въ нихъ очень мало женскаго и ничего характеризующаго леди.

„Газетные обозрѣватели увѣряютъ что въ этомъ виноваты

современные молодые люди, что это имъ нравится и что прекрасныя искательницы мужей насаживаютъ на свои удочки такихъ мухъ которыя представляютъ болѣе шансовъ на успѣхъ. Не берусь судить справедливо ли это. Но меня поражаетъ что люди моихъ лѣтъ, считающіе себя передовыми, представляютъ поколѣніе болѣе дряхлое чѣмъ люди на десять, на двадцать лѣтъ старѣе, которыхъ первые считаютъ устарѣлыми. Привычка выпивать утромъ рюмку водки, одна изъ новѣйшихъ идей, теперь въ большой модѣ. Адонисъ требуетъ „подкрѣпительнаго“ прежде чѣмъ соберется отвѣтить на *billet-doux* отъ Венеры. Адонисъ не имѣетъ достаточно мужества чтобы благородно напиться, но его слабая натура нуждается въ возбужденіи и онъ постоянно прихлебываетъ.

„Люди благороднаго происхожденія или извѣстные своими общественными успѣхами изъ вашего поколѣнія, милый батюшка, отличаются благовоспитанностью, тономъ разговора болѣе или менѣе просвѣщеннымъ и свидѣтельствующимъ о литературномъ образованіи, отъ людей той же категоріи изъ моего поколѣнія, которые повидимому гордятся тѣмъ что не уважаютъ никого и не знаютъ ничего, не исключая грамматики. Тѣмъ не менѣе мы увѣрены что идемъ впередъ совершенствуясь. Эта новая идея теперь въ большомъ ходу.

„Общество въ цѣломъ сдѣлалось поразительно увѣреннымъ въ своемъ прогрессивномъ превосходствѣ, и личности составляющія цѣлое питаютъ ту же увѣренность относительно самихъ себя. Встрѣчается конечно много, и даже несмотря на кратковременность и несовершенство моихъ наблюденій я знаю нѣсколько исключеній изъ того, что мнѣ кажется отличительными особенностями новаго поколѣнія общества. Изъ исключеній встрѣченныхъ мною я назову только самыя замѣчательныя. *Place aux dames*. Вопервыхъ Сесилія Траверсъ. Она и отецъ ея теперь въ Лондонѣ и я встрѣчаюсь съ ними часто. Я не могу представить такой цивилизованной эры въ которой Сесилія Траверсъ не была бы украшеніемъ общества, потому что она именно такого рода женщина какими мущины любятъ представлять женщинъ. И я говорю женщина, а не дѣвушка, потому что Сесилія Траверсъ не можетъ быть причислена къ разряду современныхъ дѣвушекъ. Можно назвать ее дѣвицей, барышней, отроковицей,

но нельзя назвать ее дѣвушкой, какъ нельзя назвать благородную Француженку *fille*. Она достаточно красива чтобы понравиться любому мущинѣ, какъ бы ни былъ онъ разборчивъ, но это не такого рода красота которая поражаетъ такъ сильно всѣхъ что не можетъ привлечь одного; ибо, говоря, слава Богу, только теоретически, я подозрѣваю что любовь къ женщинѣ заключаетъ въ себѣ сильное стремленіе къ обладанію, потребность быть увѣреннымъ что моя собственность принадлежитъ мнѣ нераздѣльно, что это не такая собственность которою можетъ любоваться вся публика. Я вполнѣ понимаю богача который, обладая тѣмъ что̀ называется показнымъ мѣстомъ, великолѣлныя комнаты и роскошные сады котораго постоянно открыты для желающихъ осмотрѣть ихъ, бѣжитъ въ какой-нибудь скромный коттеджъ гдѣ можетъ сказать себѣ: Это мой домъ, это принадлежитъ мнѣ одному.

„Но есть родъ красоты напоминающій такое показное мѣсто которымъ публика считаетъ себя въ правѣ любоваться такъ же свободно какъ его обладатель; и показное мѣсто было бы само по себѣ скучно, и обладатель не сталъ бы можетъ-быть поддерживать его еслибы публика перестала его осматривать.

„Красота Сесиліи Траверсъ не напоминаетъ показнаго мѣста. Она внушаетъ чувство безопасности. Еслибы Дездемона была похожа на нее, Отелло не сталъ бы ревновать. Но Сесилія не обманула бы отца и, мнѣ кажется, не выразила бы Мавру желанія чтобы небо даровало ей такого мужа. Умъ ея гармонируетъ съ ея личностью; это умъ общежительный. Дарованія ея тоже не показныя, но въ совокупности составляютъ пріятное цѣлое: у нея достаточно здраваго смысла для практической жизни, достаточно необъяснимаго женскаго дара называемаго тактомъ для того чтобы противодѣйствовать выходкамъ такихъ юмористическихъ натуръ какъ моя, однако достаточно и юмористическаго воззрѣнія на жизнь чтобы не принимать за чистую монету все что̀ можетъ сказать такой юмористическій человѣкъ какъ я. Что касается характера, нельзя узнать характеръ женщины пока она не выйдетъ изъ себя. Но мнѣ кажется что характеръ Сесиліи, въ нормальномъ состояніи, характеръ спокойный и расположенный къ веселости. Еслибы вы, милый батюшка, не были однимъ изъ умнѣйшихъ людей, это хвалебное описаніе заставило бы васъ подумать что я

влюбленъ въ Сесилію Траверсъ. Но вы безъ сомнѣнія знаете что мущина влюбленный въ женщину не взвѣшиваетъ ея достоинствъ такою твердою рукой какъ та что̀ управляетъ этимъ стальнымъ перомъ. Я не влюбленъ въ Сесилію Траверсъ и сожалѣю объ этомъ. Когда леди Гленальвонъ, которая попрежнему необычайно добра со мною, повторяетъ мнѣ день за днемъ: „Сесилія Траверсъ была бы для васъ прекрасною женой", мнѣ нечего сказать ей въ отвѣтъ, и я не чувствую ни малѣйшаго расположенія предложить Сесиліи чтобъ она принесла свои совершенства въ жертву человѣку который цѣнитъ ихъ такъ холодно.

„Я узналъ что она настояла на своемъ отказѣ жениху за котораго хотѣлъ выдать ее отецъ, и что молодой человѣкъ утѣшился женившись на какой-то другой дѣвушкѣ. Безъ сомнѣнія у нея скоро явятся другіе женихи столь же достойные.

„О, милѣйшій изъ всѣхъ моихъ друзей, единственный другъ съ которымъ я откровененъ, буду ли я любить когда-нибудь? Если нѣтъ, то почему? Иногда я чувствую что, какъ въ любви такъ и въ честолюбіи, у меня должно-быть есть какой-нибудь невозможный идеалъ, такъ какъ я остаюсь равнодушенъ къ тому что̀ представляется мнѣ и въ той, и въ другой сферѣ. Мнѣ кажется что еслибъ я полюбилъ, то полюбилъ бы такъ же страстно какъ Ромео, и эта мысль внушаетъ мнѣ неопредѣленныя, но страшныя предчувствія; и что еслибъ я нашелъ цѣль которая пробудила бы во мнѣ честолюбіе, я преслѣдовалъ бы ее съ такою же горячностью какъ... кого бы назвать? Цезаря или Катона? Честолюбіе Катона мнѣ больше нравится. Но въ наше время честолюбіе называютъ непрактичною причудой если оно обращено не въ торжествующую сторону. Катонъ хотѣлъ спасти Римъ отъ черни и диктатора, но Римъ не могъ быть спасенъ, и Катонъ бросился на свой мечъ. Еслибы Катонъ явился въ наше время, присяжные коронера произнесли бы вердиктъ: „самоубійство въ состояніи помѣшательства", и этотъ вердиктъ былъ бы основанъ на его безразсудномъ сопротивленіи черни и диктатору.

„Говоря о честолюбіи я вспомнилъ о другомъ исключеніи изъ современной молодежи. Я назвалъ demoiselle, теперь назову damoiseau. Представьте человѣка лѣтъ двадцати пяти, который нравственно лѣтъ на пятьдесятъ старше здороваго шестидесятилѣтняго человѣка, представьте его съ умомъ старика и съ тѣломъ юноши, съ сердцемъ которое поглощено

мозгомъ и доставляетъ горячую кровью ледянымъ идеямъ, человѣка насмѣхающагося надо всѣмъ что̀ я почитаю высокимъ, но неспособнаго сдѣлать ничего такого что̀ онъ считаетъ низкимъ, человѣка для котораго порокъ и добродѣтель такъ же безразличны какъ для эстетики Гёте, — который въ качествѣ практическаго мыслителя никогда не повредитъ своей карьерѣ неосторожною добродѣтелью, и никогда не омрачитъ свою репутацію унизительнымъ порокомъ. Представьте этого человѣка съ умомъ острымъ, сильнымъ, живымъ, незастѣнчивымъ, безстрашнымъ, въ высшей степени разсудительнымъ и безъ искры геніальности. Представьте такого человѣка, и не удивляйтесь когда я скажу что онъ Чиллингли.

„Чиллинглійская раса достигаетъ въ немъ своей высшей степени развитія и становится Чиллинглѣйшею. Дѣйствительно мнѣ кажется что мы живемъ въ эпоху какъ нельзя болѣе благопріятствующую преуспѣянію Чиллингліевъ. Въ теченіи десяти столѣтій или болѣе какъ наша фамилія владѣетъ землею и именемъ, она не заявила себя ничѣмъ. Представители ея жили въ горячія времена и были вынуждены укрываться въ спокойныхъ водахъ со своими эмблематическими Плотвами. Но настоящее время, милый батюшка, такъ хладнокровно что никакое хладнокровіе не повредитъ. Чѣмъ могъ бы быть Чиллингли Миверсъ въ вѣкъ когда люди сколько-нибудь дорожили своими религіозными вѣрованіями, когда политическія партіи считали убѣжденія свои священными, а вождей своихъ героями? Чиллингли Миверсъ не нашелъ бы пяти подписчиковъ на газету *Londoner*. Теперь же *Londoner* любимый органъ просвѣщенной публики, онъ глумится надъ всѣми основами общества не указывая чѣмъ замѣнить ихъ, и каждый вновь основанный журналъ, чтобъ имѣть успѣхъ, беретъ за образецъ *Londoner*. Чиллингли Миверсъ—великій человѣкъ и самый вліятельный писатель, хотя никто не знаетъ что̀ онъ написалъ. Чиллингли Гордонъ представляетъ еще болѣе очевидный примѣръ повышенія въ цѣнѣ Чиллинглійскихъ качествъ на современномъ рынкѣ.

„Въ самыхъ авторитетныхъ кругахъ господствуетъ мнѣніе что Чиллингли Гордонъ займетъ высокое положеніе въ рядахъ людей будущаго. Его самоувѣренность такъ сильна что сообщается всѣмъ съ кѣмъ онъ сталкивается, не исключая и меня.

„На дняхъ онъ сказалъ мнѣ, съ хладнокровіемъ достой-

нымъ самаго леденаго изъ Чиллингліевъ: „Я намѣренъ быть первымъ министромъ Англіи; это только вопросъ времени“. И если Чиллингли Гордонъ будетъ первымъ министромъ, то потому что усиливающійся холодъ нашей нравственной и общественной атмосферы способствуетъ какъ нельзя болѣе развитію его талантовъ.

„Онъ лучше всѣхъ оспариваетъ защитниковъ старомодныхъ сентиментальностей, какъ любовь къ отечеству, заботы объ его положеніи среди другихъ державъ, ревность къ его славѣ, народная гордость (о, еслибы вы слышали какъ онъ философски и логически осмѣиваетъ слово *prestige!*). Всѣ такія понятія относятся теперь въ разрядъ вздора. И когда списокъ ихъ будетъ полонъ, когда Англія не будетъ имѣть ни колоній которыя должна защищать, ни флота который должна оплачивать, когда она не будетъ принимать участія въ дѣлахъ другихъ странъ и достигнетъ счастливыхъ условій въ какихъ находится Голландія, тогда Чиллингли Гордонъ будетъ ея первымъ министромъ.

„Если я когда-нибудь приму участіе въ политической жизни, это будетъ отрицаніемъ атрибутовъ фамиліи Чиллингли и оппозиціей, хотя безнадежною, Чиллингли Гордону; я чувствую что этого человѣка не слѣдуетъ стѣснять, а нужно предоставить ему полную возможность дѣйствовать; ибо его честолюбіе будетъ безконечно болѣе опасно если скиснется отъ времени. Я предлагаю вамъ, милый батюшка, честь сдѣлать одолженіе этому нашему талантливому родственнику и помочь ему вступить въ парламентъ. Во время нашего послѣдняго разговора въ Эксмондгамѣ вы говорили мнѣ о нескрытой злобѣ Гордона отца, когда мое появленіе на свѣтъ лишило его права наслѣдовать Эксмондгамъ; вы открыли мнѣ ваше тогдашнее намѣреніе ежегодно откладывать нѣкоторую сумму для Гордона сына, которая могла бы служить вознагражденіемъ за утрату его надеждъ когда осуществились ваши—имѣть наслѣдника; вы говорили мнѣ также какъ это желаніе было оставлено вслѣдствіе естественнаго негодованія на поведеніе Гордона старшаго, который затѣялъ съ вами неосновательный и дорого стоившій процессъ, и вслѣдствіе расширенія имѣнія чрезъ покупку которая хотя увеличила его размѣры, но уменьшила вашъ собственный доходъ, и лишила васъ возможности дѣлать сбереженія. Теперь я случайно встрѣтился съ вашимъ юриспру-

дентомъ, мистеромъ Вайнингомъ, и узналъ отъ него о вашемъ давнишнемъ желанiи, чего вы изъ деликатности не говорили мнѣ, чтобы я, къ кому заказное имѣнiе должно перейти въ полную собственность, далъ свое согласiе на снятiе заказа, такъ чтобъ имѣнiе теперь же освободилось и переустроилось въ юридическомъ отношенiи. Онъ показалъ мнѣ какъ полезно будетъ это для самого имѣнiя, потому что такимъ образомъ вы получили бы возможность дѣлать улучшенiя относительно коихъ я совершенно схожусь съ прогрессомъ вѣка и которыя вы, имѣя землю только въ пожизненномъ пользованiи, не могли дѣлать иначе какъ при самыхъ раззорительныхъ условiяхъ. Нужны новые коттеджи для рабочихъ, новые дома для арендаторовъ, уплата по старымъ закладнымъ и т. д. Позвольте мнѣ прибавить къ этому что я желалъ бы чтобы доля моей матушки была значительно увеличена. Вайнингъ говорилъ также что у насъ есть дальняя часть земли, которая, находясь по близости города, можетъ быть продана съ выгодой, если юридическiя условiя имѣнiя будутъ измѣнены.

„Послѣшимте же сдѣлать все необходимое для этого, такимъ образомъ мы получимъ двадцать тысячъ фунтовъ для осуществленiя вашего благороднаго и, позвольте прибавить, вашего справедливаго желанiя сдѣлать что-нибудь для Чиллингли Гордона. При новыхъ распоряженiяхъ о правѣ владѣнiя мы можемъ обезпечить себѣ право завѣщать его по усмотрѣнiю, и я буду твердо стоять противъ выдѣленiя изъ него части Чиллингли Гордону. Можетъ-быть это странность съ моей стороны, но надѣюсь что и вы держитесь того же мнѣнiя; я думаю что англiйскiй землевладѣлецъ долженъ имѣть сыновнюю любовь къ родной землѣ, а Гордонъ никогда не будетъ имѣть ее. Я думаю что и для его карьеры и для нашихъ взаимныхъ отношенiй съ нимъ было бы лучше еслибъ ему откровенно было сказано что онъ не можетъ разчитывать на наслѣдство въ случаѣ нашей смерти. Двадцать тысячъ фунтовъ данные ему теперь будутъ для него бóльшимъ одолженiемъ чѣмъ вдесятеро бóльшая сумма черезъ двадцать лѣтъ. Имѣя ихъ въ своемъ распоряженiи онъ можетъ вступить въ парламентъ и получать доходъ который вмѣстѣ съ тѣмъ что̀ онъ теперь имѣетъ хотя будетъ довольно скроменъ, но избавитъ его отъ министерскаго патронатства.

„Потѣшьте меня, дражайшiй батюшка, исполните мое предложенiе. Вашъ любящiй сынъ - „Кенелмъ.“

Отъ сэръ-Питера Чиллингли Кенелму Чиллингли.

„Милый мальчикъ, ты недостоинъ быть Чиллингли—ты рѣшительно теплокровный: никогда бремя тяготящее умъ человѣка не снималось болѣе нѣжною рукою. Да, я хотѣлъ выдѣлить части изъ имѣнія и измѣнить условія владѣнія, но такъ какъ это клонилось главнѣйшимъ образомъ къ моей выгодѣ, то я избѣгалъ говорить объ этомъ, хотя по обстоятельствамъ это можетъ быть выгодно и для тебя. Что касается покупки земли Ферключъ — которую я могъ совершить только при помощи займа за большіе проценты на свое имя, погашая его ежегодными уплатами, значительно уменьшавшими доходъ, признаюсь это меня тяготило послѣдніе годы. Но больше всего меня радуетъ возможность построить для нашихъ честныхъ рабочихъ помѣщенія поудобнѣе и поближе къ полямъ; послѣднее особенно важно, потому что сами по себѣ и старые коттеджи не дурны; бѣда въ томъ что какъ только пристроишь имъ лишнюю комнату для дѣтей, глупые люди сейчасъ отдадутъ ее въ наемъ.

„Милый мальчикъ, я очень тронутъ твоимъ желаніемъ увеличить часть твоей матери; это очень законное желаніе, независимо отъ сыновняго чувства, потому что за ней было очень хорошее приданое, которое я съ согласія ея попечителей обратилъ въ землю; и хотя этотъ прибавокъ округлилъ наши владѣнія, но земля приноситъ не болѣе двухъ процентовъ и условія субституціи ограничивали право увеличенія части которая должна достаться вдовѣ.

„Я озабоченъ больше этими статьями чѣмъ интересами сына стараго Чиллингли Гордона. Я намѣревался поступить щедро съ его отцомъ, но когда въ отвѣтъ на это онъ обратился въ судъ, я отказался отъ своего намѣренія. Тѣмъ не менѣе я согласенъ съ тобой что сына не слѣдуетъ наказывать за грѣхи отца, и если пожертвовавъ двадцать тысячъ фунтовъ мы будемъ сознавать себя лучшими христіанами и болѣе истыми джентльменами, мы купимъ это сознаніе очень дешево.“

Затѣмъ сэръ-Питеръ, полушутя полусеріозно, нападалъ на увѣренія Кенелма что онъ не влюбленъ въ Сесилію Траверсъ, и настаивая на преимуществахъ брака съ тою которая по

мнѣнію Кенелма могла бы быть прекрасною женой, замѣчалъ лукаво что въ случаѣ если у Кенелма не будетъ сына, ему кажется не вполнѣ справедливымъ устранять ближайшаго родственника отъ наслѣдства только на томъ основаніи что онъ не имѣетъ любви къ родной землѣ. „Онъ полюбитъ свою страну когда у него будетъ въ ней 10.000 акровъ земли.“

Дойдя до этого разсужденія Кенелмъ покачалъ головой.

— Да развѣ любовь къ своей странѣ есть любовь къ своему богатству, сказалъ онъ, и отложилъ чтеніе отцовскаго письма.

ГЛАВА VII.

Общественное положеніе Кенелма Чиллингли не возвысилось сравнительно съ тѣмъ какое онъ занялъ сдѣлавшись однимъ изъ львовъ моднаго свѣта. Я не берусь сосчитать число треугольныхъ записочекъ которыя дождемъ сыпались на него отъ прекрасныхъ дамъ увлекавшихся знаменитостями всякаго рода, или тщательно запечатанныхъ конвертовъ съ письмами отъ прекрасныхъ анонимовъ которые спрашивали есть ли у него сердце и будетъ ли онъ въ такомъ-то часу въ такомъ-то мѣстѣ въ Паркѣ. Трудно опредѣлить что̀ такое было въ Кенелмѣ Чиллингли дѣлавшее его любимцемъ, въ особенности, прекраснаго пола, кромѣ развѣ его двойственной репутаціи: что онъ не похожъ на другихъ и что онъ совершенно равнодушенъ къ пріобрѣтенію какой-бы то ни было репутаціи. Онъ могъ бы, еслибы захотѣлъ, представить доказательство что смутная увѣренность въ его талантахъ была не совсѣмъ лишена основанія. Ибо статьи которыя онъ присылалъ изъ-за границы въ газету *Londoner* и которыми окупалось его путешествіе носили на себѣ печать того рода оригинальности въ тонѣ и взглядахъ которая возбуждаетъ любопытство узнать автора и встрѣчаетъ болѣе похвалъ чѣмъ можетъ-быть заслуживаетъ.

Но Миверсъ былъ вѣренъ условію сохранять ненарушимо инкогнито автора, и Кенелмъ смотрѣлъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ какъ на самыя статьи такъ и на читателей восхвалявшихъ ихъ.

Подобно тому какъ у нѣкоторыхъ людей мизантропія является вслѣдствіе обманутаго доброжелательства, такъ

есть нѣкоторыя натуры—и Кенелмъ Чиллингли былъ можетъ-быть одною изъ нихъ—у которыхъ индиферентизмъ является послѣдствіемъ оборвавшейся горячности.

Онъ предвидѣлъ большое удовольствіе для себя въ возобновленіи знакомства съ своимъ бывшимъ туторомъ, мистеромъ Велби, удовольствіе освѣжить свою собственную склонность къ метафизикѣ, казуистикѣ и критикѣ. Но этотъ талантливый профессоръ реализма совершенно оставилъ философію, и отдыхалъ на казенной службѣ. Министръ, въ пользу котораго, когда тотъ находился въ оппозиціи, мистеръ Велби въ веселую минуту написалъ нѣсколько ловкихъ статей въ одномъ изъ вліятельныхъ журналовъ, достигнувъ власти доставилъ ему одну изъ тѣхъ немногихъ хорошихъ вещей что̀ еще остались въ распоряженіи министровъ,—мѣсто съ жалованьемъ въ 1.200 фунтовъ въ годъ. Будучи такимъ образомъ занятъ по утрамъ рутинною работой, мистеръ Велби проводилъ весело свои вечера.

— *Inveni portum*, сказалъ онъ Кенелму, — я теперь больше не плаваю по бурнымъ волнамъ. Приходите ко мнѣ завтра обѣдать *tête-à-tête*. Жена моя съ младшимъ ребенкомъ въ Сентъ-Леонардѣ пользуется морскимъ воздухомъ.

Кенелмъ принялъ приглашеніе.

Обѣдъ могъ бы удовлетворить Брилья-Саварена—онъ былъ безукоризненъ; вино было рѣдкимъ некторомъ, лафитъ 1848 года.

— Я никогда не дѣлюсь этимъ, сказалъ Велби, — больше чѣмъ съ однимъ другомъ заразъ.

Кенелмъ старался завлечь хозяина дома въ споръ о нѣкоторыхъ новыхъ сочиненіяхъ составленныхъ согласно всей чистотѣ реалистическихъ каноновъ критики.

— Чѣмъ больше эти книги претендуютъ на реализмъ, тѣмъ меньше онѣ реальны, сказалъ Кенелмъ.—Я почти склоненъ думать что вся школа которую вы такъ систематически созидали есть ошибка, и что реализмъ въ искусствѣ вещь невозможная.

— Я думаю что вы правы. Я серіозно относился къ этой школѣ потому что былъ золъ на защитниковъ идеалистической школы, а если человѣкъ относится къ чему-нибудь серіозно онъ всегда ошибается, особенно если онъ раздраженъ. Я не былъ серіозенъ и не былъ раздраженъ когда писалъ тѣ статьи которымъ обязанъ своимъ мѣстомъ.

При этомъ Велби съ удовольствіемъ потягивался и поднеся стаканъ къ губамъ съ удовольствіемъ наслаждался букетомъ вина.

— Вы огорчаете меня, отвѣчалъ Кенелмъ.—Грустно узнать что умъ человѣка въ юности находился подъ вліяніемъ учителя который смѣется надъ своимъ собственнымъ ученіемъ.

Велби пожалъ плечами.

— Жизнь состоитъ изъ послѣдовательныхъ процессовъ ученія и разучиванія, и часто больше мудрости въ томъ чтобы разучиваться чѣмъ учиться. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ я пересталъ быть критикомъ, то я мало забочусь о томъ былъ я правъ или нѣтъ исполняя эту роль. Я думаю что я теперь правъ какъ служащій. Пускай міръ идетъ своимъ путемъ, лишь бы онъ доставлялъ намъ средства къ жизни. Отрицайте если хотите реализмъ въ искусствѣ и примите его въ жизни. Въ первый разъ въ жизни я устроился съ комфортомъ: умъ мой износилъ свои сапоги и теперь наслаждается роскошью туфлей. Кто можетъ отрицать реализмъ комфорта?

— Имѣетъ ли человѣкъ право, сказалъ Кенелмъ про себя сѣвъ въ свою одноконную каретку,—употреблять весь блескъ рѣдкаго ума, весь запасъ рѣдкой учености на то чтобы совращать молодое поколѣніе со старыхъ надежныхъ путей по которымъ юноши предоставленные самимъ себѣ пошли бы сами,—старыхъ путей окаймленныхъ романтическими рѣками и развѣсистыми деревьями,—направляя ихъ на новыя стези по песчанымъ степямъ, и потомъ, когда они измучаются и разобьютъ ноги, говорить имъ что ему нѣтъ никакого дѣла до того избили ли они свою обувь на истинномъ пути или на ложномъ, потому что онъ достигъ *summum bonum* философіи въ удобствѣ покойныхъ туфлей?

Прежде чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить на этотъ вопросъ, экипажъ его остановился у дверей дома министра которому Велби содѣйствовалъ въ достиженіи власти.

Въ этотъ вечеръ въ домѣ великаго человѣка было большое сборище моднаго свѣта. Для министра настала критическая минута. Судьба его кабинета зависила отъ результатовъ предложенія которое намѣревались сдѣлать на слѣдующей недѣлѣ въ Палатѣ Общинъ. Великій человѣкъ стоя у входа въ комнаты принималъ гостей. Въ числѣ ихъ были главные участники возбужденнаго движенія и вожди оппозиціи. Онъ улыбался

имъ такъ же любезно какъ самымъ искреннимъ своимъ друзьямъ и самымъ крѣпкимъ приверженцамъ.

„Я полагаю что это реализмъ, сказалъ Кенелмъ про себя, но это не истина и не комфортъ.“

Остановившись у стѣны близь дверей онъ съ большимъ интересомъ наблюдалъ выраженіе лица хозяина. За любезною улыбкой и привѣтливою манерой онъ видѣлъ на лицѣ его слѣды заботъ. Глаза разсѣянно блуждали, щеки были впалы, лобъ покрытъ морщинами. Кенелмъ отвелъ глаза и сталъ разсматривать лица лѣнивыхъ зѣвакъ бродившихъ по болѣе обыкновеннымъ путямъ жизни. Глаза ихъ не были разсѣянны; лобъ не былъ покрытъ морщинами, и умъ ихъ былъ какъ дома когда они обмѣнивались пустяками. Многіе изъ нихъ интересовались предстоявшею борьбой, но это по большей части былъ такой же интересъ какой имѣютъ тѣ что̀ держатъ пари на небольшую сумму въ Дербіевъ день, лишь для того чтобы придать пикантность скачкамъ, не чувствуя удовольствія при выигрышѣ и огорченія при проигрышѣ.

— Хозяинъ дома повидимому боленъ, сказалъ Миверсъ встрѣтясь съ Кенелмомъ.—Я замѣчаю въ немъ симптомы скрытой подагры. Вы знаете мой афоризмъ: „ничто не ведетъ такъ скоро къ подагрѣ какъ честолюбіе“, въ особенности же парламентское честолюбіе.

— Вы не принадлежите къ числу друзей которые убѣждаютъ меня избрать двигателемъ жизни эту причину болѣзни. Позвольте благодарить васъ за это.

— Благодарность ваша неумѣстна. Я именно совѣтую вамъ посвятить себя политической карьерѣ.

— Не взирая на подагру?

— Не взирая на подагру. Еслибы вы могли смотрѣть на жизнь какъ я, мой совѣтъ былъ бы иной. Но вашъ умъ преисполненъ сомнѣніями, фантазіями и причудами, и вамъ остается только одинъ выборъ—дать имъ выходъ въ дѣятельной жизни.

— Вы отчасти были причиной что я сдѣлался тѣмъ что̀ есть — лѣнивцемъ; на васъ лежитъ часть отвѣтственности за мои сомнѣнія, фантазіи и причуды. По вашей рекомендаціи я былъ помѣщенъ подъ руководство мистера Велби въ тотъ критическій періодъ жизни когда изгибъ вѣтви даетъ направленіе дереву.

— И я горжусь моимъ совѣтомъ. Повторяю причины

почему я далъ его: для молодаго человѣка неоцѣненное преимущество вступить въ жизнь вполнѣ посвященнымъ въ Новыя Идеи которыя будутъ болѣе или менѣе вліять на его поколѣніе. Велби былъ самымъ способнымъ представителемъ этихъ идей. Это рѣдкое счастіе когда пропагандистъ Новыхъ Идей не только книжный философъ, но въ то же время вполнѣ свѣтскій человѣкъ, и человѣкъ что-называется практическій. Да, вы много обязаны мнѣ что я спасъ васъ отъ пустой болтовни и сентиментальностей, отъ поэзіи Вордсворта и мускульнаго христіанства кузена Джона.

— То отъ чего вы, по вашимъ словамъ, спасли меня сдѣлало бы мнѣ больше добра чѣмъ то чѣмъ меня надѣлили. Я полагаю что когда чрезъ воспитаніе удается присадить старую голову къ молодымъ плечамъ, такое соединеніе не приноситъ здоровья, — оно задерживаетъ кровь и ослабляетъ пульсъ. Впрочемъ, не хочу быть неблагодарнымъ: вы желали мнѣ добра. Да, я думаю что Велби практиченъ; онъ не имѣетъ вѣры и получилъ мѣсто. Хозяинъ дома тоже практиченъ; мѣсто его гораздо выше того какое занимаетъ Велби, и вѣроятно онъ не лишенъ вѣры?

— Онъ родился прежде чѣмъ новыя идеи получили практическую силу; но по мѣрѣ того какъ онѣ получали ее, его вѣрованія по необходимости исчезали. Я не думаю чтобъ онъ теперь вѣрилъ многому исключая двухъ вещей: вопервыхъ, если онъ приметъ новыя идеи, то будетъ имѣть власть и удержитъ ее, если же не приметъ ихъ, то власти имѣть не будетъ; и вовторыхъ, если новымъ идеямъ суждено одержать верхъ, то онъ лучше всѣхъ въ состояніи направлять ихъ,— вѣрованія которыхъ совершенно достаточно для министра. Ни одинъ благоразумный министръ не будетъ имѣть ихъ больше.

— Развѣ онъ не увѣренъ что предложеніе съ которымъ ему приходится бороться на будущей недѣлѣ—дурно?

— Разумѣется дурно по своимъ послѣдствіямъ, потому что въ случаѣ успѣха лишитъ его мѣста; и хорошо само по себѣ, я увѣренъ что онъ такъ думаетъ, потому что будь онъ въ оппозиціи, онъ самъ бы сдѣлалъ его.

— Я вижу что опредѣленіе Пола все еще справедливо: „партія есть безуміе большинства которымъ пользуется меньшинство“.

— Нѣтъ, это не справедливо. Слово безуміе неприменимо къ большинству; большинство довольно умно, оно знаетъ свои

потребности и пользуется разумѣніемъ меньшинства для достиженія ихъ. Во всякой партіи большинство управляетъ меньшинствомъ которые номинально считаются вождями. Человѣкъ дѣлается первымъ министромъ потому что большинству его партіи онъ кажется самымъ способнымъ человѣкомъ чтобы проводить взгляды этого большинства. Если онъ вздумаетъ отклониться отъ этихъ взглядовъ, на него набьютъ нравственную колодку и забросаютъ его камнями и гнилыми яицами.

— Въ такомъ случаѣ это правило справедливо въ обратномъ видѣ: партія есть безуміе меньшинства которымъ пользуется большинство.

— Изъ двухъ это болѣе правильное опредѣленіе.

— Позвольте же мнѣ сохранить мой разумъ и не быть въ числѣ меньшинства.

Кенелмъ отошелъ отъ своего родственника и войдя въ одну изъ комнатъ гдѣ было попросторнѣе увидѣлъ Сессилію Траверсъ, которая сидѣла и разговаривала съ леди Гленальвонъ. Онъ подошелъ къ нимъ. Послѣ обмѣна нѣсколькихъ общихъ мѣстъ, леди Гленальвонъ ушла чтобы встрѣтиться съ какимъ-то иностраннымъ посланникомъ, а Кенелмъ опустился на стулъ съ котораго она встала.

Для него было утѣшеніемъ всматриваться въ ея открытое чело, прислушиваться къ ея мягкому голосу въ которомъ не было искусственныхъ нотъ и который не произносилъ циническихъ остротъ.

— Не находите ли вы страннымъ, сказалъ Кенелмъ,— что у насъ Англичанъ всѣ привычки складываются такъ что дѣлаютъ даже то что̀ мы называемъ весельемъ какъ можно меньше веселымъ? Теперь начало іюня, расцвѣтъ лѣса, когда всякій день проведенный въ деревнѣ есть наслажденіе для взора и слуха, а мы говоримъ: наступаетъ сезонъ душныхъ комнатъ. Одни мы изо всѣхъ цивилизованныхъ народовъ проводимъ лѣто въ столицѣ, и уѣзжаемъ въ деревню когда листья спадаютъ съ деревьевъ и замерзаютъ ручьи.

— Конечно это ошибка; но я люблю деревню во всякое время года, даже зимой.

— Съ тѣмъ условіемъ чтобы деревенскій домъ былъ полонъ лондонскихъ гостей?

— Нѣтъ; это скорѣе можетъ оттолкнуть отъ нея. Я никогда не ищу общества въ деревнѣ.

— Правда; мнѣ слѣдовало вспомнить что вы отличаетесь отъ другихъ дѣвицъ и находите общество въ книгахъ. Онѣ всегда разговорчивѣе въ деревнѣ чѣмъ въ городѣ, или вѣрнѣе мы тамъ прислушиваемся къ нимъ не такъ разсѣянно. А! Не узнаете ли вы тамъ прекрасныя бакенбарды Георга Бельвойра? Кто эта дама что̀ идетъ съ нимъ подъ руку?

— Развѣ вы не знаете? Леди Эмилія Бельвойръ, его жена.

— Да! Я слышалъ что онъ женился. Она красива. Она будетъ идти къ фамильнымъ бриліантамъ. Читаетъ она Синія Книги?

— Я спрошу ее если хотите.

— Не сто̀итъ терять времени. Скитаясь за границей я рѣдко видалъ англійскія газеты. Я слышалъ однакоже что Георгъ былъ избранъ. Говорилъ ужь онъ въ парламентѣ?

— Да; онъ двигалъ адресъ въ нынѣшнюю сессію, и заслужилъ большія одобренія за тонъ и содержаніе своей рѣчи. Спустя нѣсколько недѣль онъ говорилъ опять, но кажется не съ такимъ успѣхомъ.

— Былъ заглушенъ кашлемъ?

— Почти что такъ.

— Это послужитъ ему въ пользу; кашель исправитъ его, и онъ оправдаетъ мое предсказаніе объ его успѣхахъ.

— Развѣ вы разошлись теперь съ бѣднымъ Георгомъ? Если такъ, то позвольте спросить забыли вы также Уылла Сомерса и Джесси Уайльзъ?

— Забыть ихъ! нѣтъ.

— Но вы никогда о нихъ не спрашиваете.

— Я былъ увѣренъ что они счастливы какъ только возможно. Скажите, вѣдь это правда?

— Надѣюсь что теперь это такъ; но у нихъ было много горя, и они оставили Гревлей.

— Горе! оставили Гревлей! Вы огорчаете меня. Объясните пожалуста.

— Три мѣсяца спустя послѣ того какъ они обвѣнчались и поселились въ домѣ которымъ вамъ обязаны, Уыллъ заболѣлъ горячкой. Онъ пролежалъ въ постели нѣсколько недѣль, и оправившись былъ еще такъ слабъ что не могъ работать. Во время его болѣзни Джесси была слишкомъ озабочена и не имѣла времени заниматься лавкой. Разумѣется я, лучше сказать отецъ—доставили имъ необходимую помощь, но....

— Понимаю; они дошли до того что стали нуждаться въ

благотворительности. Я не прощу себѣ что ни разу не вспомнилъ о моей обязанности къ этой четѣ. Пожалуста продолжайте.

— Вы знаете что какъ разъ предъ вашимъ отъѣздомъ, отецъ получилъ предложеніе обмѣнять свою землю въ Гревлеѣ на другую которая была для него удобнѣе.

— Помню; онъ принялъ это предложеніе.

— Да. Капитанъ Ставерсъ, новый помѣщикъ Гревлея, оказался очень дурнымъ человѣкомъ; онъ не могъ прогнать ихъ пока они исправно платили аренду—мы заботились чтобъ они платили—но по низкой злобѣ онъ устроилъ другую лавку тутъ же въ одномъ изъ своихъ деревенскихъ коттеджей; тогда для бѣдныхъ молодыхъ людей стало невозможно оставаться дольше въ Гревлеѣ.

— Какой предлогъ могъ найти или выдумать капитанъ Ставерсъ для своей злобы противъ такой безобидной молодой четы?...

Сесилія закраснѣлась и опустила глаза.

— Онъ сдѣлалъ это изъ мести къ Джесси.

— А! понимаю.

— Но теперь они уже оставили деревню и хорошо устроились въ другомъ мѣстѣ. Уиллъ поправился здоровьемъ, и они живутъ гораздо лучше чѣмъ могли бы жить въ Гревлеѣ.

— Въ этой премѣнѣ вы были ихъ благотворительницей? сказалъ Кенелмъ болѣе нѣжнымъ голосомъ и съ болѣе мягкимъ взглядомъ чѣмъ и обыковенно обратившись къ Сесиліи.

— Нѣтъ, не меня должны они благодарить и благословлять за это.

— Кто жь бы это могъ быть? Вашъ отецъ?

— Нѣтъ. Не спрашивайте меня. Я обѣщала не говорить. Они сами не знаютъ. Они почти увѣрены что всѣмъ обязаны вамъ.

— Мнѣ! Неужели вопреки себя я долженъ всегда казаться не самимъ собою. Миссъ Траверсъ, для моей чести необходимо разувѣрить эту легковѣрную пару; гдѣ я могу найти ихъ?

— Я не могу сказать этого; но я спрошу позволенія у ихъ тайнаго благодѣтеля, и тогда пришлю вамъ ихъ адресъ.

Кенелмъ почувствовалъ прикосновеніе къ своей рукѣ и услышалъ голосъ говорившій шепотомъ:

— Могу я просить васъ представить меня миссъ Траверсъ?

— Миссъ Траверсъ, сказалъ Кенелмъ,—прошу васъ включить въ число вашихъ знакомыхъ моего родственника, мистера Чиллингли Гордона.

Пока Гордонъ говорилъ вѣжливыя условныя фразы какими обыкновенно начинаются знакомства въ лондонскихъ гостиныхъ, Кенелмъ, повинуясь знаку леди Гленальвонъ, которая только-что возвратилась въ комнату, всталъ и подошелъ къ маркизѣ.

— Молодой человѣкъ котораго вы оставили говорить съ Сесиліей вашъ умный кузенъ Гордонъ?

— Онъ самый.

— Она слушаетъ его съ большимъ вниманіемъ. Какъ его лицо сіяетъ когда онъ говоритъ! Онъ положительно красивъ въ своемъ оживленіи.

— Да, я могъ бы считать его опаснымъ ухаживателемъ. У него есть умъ, ловкость и смѣлость; онъ можетъ сильно влюбиться въ большое богатство и говорить съ его обладательницей съ жаромъ какой рѣдко обнаруживали Чиллингли. Но это не мое дѣло.

— Должно быть вашимъ.

— Увы и увы! „Должно быть.“ Сколько грустнаго значенія въ этой простой фразѣ! Какъ счастлива была бы наша жизнь, какъ велики наши дѣла, какъ чисты наши души еслибы все что должно быть—могло быть!

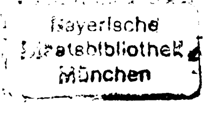
ГЛАВА VIII.

Часто между людьми устанавливается дружеская короткость въ замкнутыхъ кружкахъ сельскаго дома, или на мало посѣщаемыхъ водахъ, или въ какомъ-нибудь маленькомъ городкѣ на континентѣ, которая переходитъ въ отдаленное знакомство въ могучемъ водоворотѣ лондонской жизни, и ни ту ни другую сторону нельзя винить въ отчужденіи. Такъ было и съ Леопольдомъ Траверсомъ и Кенелмомъ Чиллингли. Траверсъ, какъ мы видѣли, былъ очарованъ разговарами молодаго пришельца, такъ не похожими на рутину деревенскаго общества которымъ въ теченіи многихъ лѣтъ онъ ограничилъ свой живой умъ. Но появившись снова въ Лондонѣ за годъ до вторичной встрѣчи съ Кенелмомъ, онъ возобновилъ старыя дружескія

отношенія съ людьми своего круга—офицерами полка котораго онъ нѣкогда былъ украшеніемъ; нѣкоторые изъ нихъ все еще оставались холостяками, немногіе подобно ему были вдовы; онъ встрѣтилъ бывшихъ соперниковъ своихъ по успѣхамъ въ свѣтѣ, которые такъ и остались праздными обитателями города. Въ столицѣ рѣдко встрѣчается тѣсная дружба между людьми различныхъ поколѣній, кромѣ тѣхъ случаевъ когда ихъ связываетъ общій интересъ въ занятіяхъ литературой или искусствомъ, или одинакія симпатіи въ борьбѣ политическихъ партій. Кромѣ того, Траверсъ и Кенелмъ рѣдко видались запросто съ того времени какъ въ первый разъ встрѣтились у Боманойровъ. Время отъ времени они встрѣчались во многолюдныхъ собраніяхъ и обмѣнивались поклонами и привѣтствіями. Но привычки ихъ были различны. Ближайшія знакомства ихъ были въ разныхъ домахъ, и они посѣщали разные клубы. Любимыми физическими упражненіями Кенелма были какъ прежде долгія раннія прогулки въ отдаленныхъ сельскихъ предмѣстьяхъ; Леопольдъ же любилъ позднія прогулки верхомъ. Траверсъ больше пользовался удовольствіями чѣмъ Кенелмъ. Возвратясь къ столичной жизни, онъ при своемъ живомъ, пылкомъ и общительномъ характерѣ съ удовольствіемъ возвратился, какъ въ годы юности, къ легкимъ веселостямъ.

Еслибъ отношенія ихъ продолжали быть такъ же близки какъ въ Низдель-Паркѣ, Кенелмъ вѣроятно часто бы видалъ Сесилію въ ея собственномъ домѣ, и восхищеніе и уваженіе которое она внушала ему до сихъ поръ могло бы созрѣть въ болѣе теплое чувство, когда онъ понялъ бы ясно это мягкое женственное сердце и его нѣжное расположеніе къ нему.

Въ письмѣ къ отцу онъ смутно упомянулъ что повременамъ ему кажется что его равнодушіе въ дѣлѣ честолюбія и любви происходитъ оттого что онъ составилъ себѣ для того и другаго недостижимые идеалы. Обдумывая это заключеніе онъ не могъ добросовѣстно увѣрить себя что Сесилія противорѣчитъ составленному имъ идеалу женщины и жены. Напротивъ, чѣмъ больше онъ думалъ о характерѣ Сесиліи, тѣмъ больше казалось ему этотъ характеръ совпадаетъ съ идеаломъ который носился предъ нимъ въ смутныхъ мечтаніяхъ, но въ то же время онъ зналъ что не былъ влюбленъ въ нее, что его сердце не отвѣчало уму. И онъ рѣшилъ съ грустію что нигдѣ на

О подпискѣ на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ въ 1874 году.

Годовое изданіе РУССКАГО ВѢСТНИКА, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, стоитъ въ 1874 году въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки **пятнадцать рублей пятьдесятъ копѣекъ;** съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ **шестнадцать** рублей и съ почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **семнадцать рублей**.

Желающіе могутъ подписываться также на полгода, платя въ Москвѣ и Петербургѣ безъ доставки 8 руб., съ доставкой на домъ и съ пересылкой во всѣ мѣста Россіи 8 р. 50 к., и на три мѣсяца, платя въ Москвѣ и Петербургѣ, безъ доставки, 4 р., съ доставкой и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи 4 р. 25 к.

Заграничные высылаютъ за доставку въ государства Германскаго Почтоваго Союза—18 р.; въ Италію, Бельгію, Нидерланды, Швейцарію, Сербію и Румынію—19 р.; въ Англію, Данію, Швецію, Грецію, Европейскую Турцію и Францію—20 р. 50 к.; въ Испанію, Португалію, Норвегію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты—21 р. 60 к. Въ прочія мѣста за границей по предварительному соглашенію съ редакціей.

Подписка на РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ принимается:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ; въ книжной лавкѣ И. Г. Соловьева (бывшей Базунова), на Страстномъ бульварѣ, въ домѣ Алексѣева.

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжной лавкѣ Базунова, на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ Энгельгардтъ.

Въ почтовыхъ мѣстахъ Имперіи подписка на Русскій Вѣстникъ не принимается.

Иногородные адресуются исключительно: въ редакцію РУССКАГО ВѢСТНИКА, въ Москвѣ.

О подпискѣ на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ въ 1874 году.

Цѣна за МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ на 1874 годъ: въ Москвѣ, безъ доставки на домъ, на 12 мѣсяцевъ, безъ казенныхъ объявленій **тринадцать рублей сер.;** съ доставкой на домъ въ Москвѣ и почтовою пересылкой во всѣ мѣста Россіи **шестнадцать рублей сер.;** съ казенными объявленіями, издаваемыми особо три раза въ недѣлю, цѣна безъ доставки **пятнадцать рублей;** съ доставкой и пересылкой **восемнадцать рублей сер.**

Подписка на МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ принимается въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.

